

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2024

№ 88

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Башкуев В.Ю. Неудавшийся симбиоз: тибетская медицина и становление социалистического здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР (1920-е – начало 1930-х гг.)	5
Бочкарева И.Б. Среднеазиатская железная дорога: вклад в модернизацию Туркестанского края <i>versus</i> проблемы рентабельности (конец XIX – начало XX в.)	16
Егоров А.Н. Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии)	24
Жиртуева Н.С. Крым XIV–XV веков в диалоге культур Московской Руси и Византии	37
Кабинова А.Ш. Районная пресса и цензура в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР)	42
Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А. Боевые операции Красной Армии зимой 1943 г. на территории Белгородчины и освобождение Старого Оскола от немецкой оккупации	49
Погорелов М.А. Комитеты помощи заключенным: опыт послетюремной реабилитации в Советской России, 1924–1930 гг.	55
Скляренко Н.С. История подготовки кадров высшего педагогического образования в Красноярском крае на примере КГПИ (1932–1985-е гг.)	63
Терекhov Р.Ю. Реализация положений Приходского устава Поместного собора 1917–1918 гг. в церковной практике Московской Патриархии и Русской православной церкви за рубежом	72
Федотова А.Ю. Женщины в борьбе с голодом в Казанской губернии в 1905–1907 гг.	81
Филиппова Т.П. Роль Геологического комитета России в научном изучении Ухтинского нефтеносного района	90

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Крыжко Л.А., Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Роль Египта в реализации блоковых проектов США на Ближнем Востоке в первой половине 1950-х гг.	97
Ли Цимоу, Савкович Е.В. Исследования китайско-индийских отношений в региональном аспекте в КНР: историография в XXI в.	106
Румянцев В.П. Гарольд Макмиллан и Суэцкий кризис 1956 г.	114
Турьгин А.А., Зими́на Е.В. Чиновники империи или империя чиновников? О становлении профессионального чиновничества в Европе XIX в.	123
Юн С.М., Турдикулов О.Т., Таалайбек кызы Ж. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации высшего образования в Узбекистане	137

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нилогов А.С. Архивные первоисточники о еврейских предках В.И. Ульянова (Ленина)	147
Рагозин Г.С. «Австрийская свобода» эпохи Бабенбергов в исторической памяти державы Габсбургов (на примере «Австрийского Плутарха» Йозефа фон Хормайра)	156
Фомкина М.И. Судьба фотографических коллекций императрицы Марии Федоровны в 1920–1930-е гг. По материалам архивов Санкт-Петербурга	164

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Bashkuev V.Yu. The abortive symbiosis: Tibetan medicine and the making of socialist healthcare in the Buryat-Mongolian ASSR (the 1920s – early 1930s)	5
Bochkareva I.B. Central Asian railway: contribution to the Turkestan region modernization <i>versus</i> problems of profitability (late XIX – early XX century)	16
Yegorov A.N. Power and society in the elections to the iv State Duma (based on the materials of the Vologda province)	24
Zhirtueva N.S. The Crimea of the XIV–XV centuries in the dialogue of the cultures of Moscow Rus and Byzantium	37
Kabirova A.Sh. District press and censorship during the Great Patriotic War (based on the materials of the Tatar ASSR)	42
Mamaeva T.P., Pushkarenko E.A. Military operations of the Red Army in the winter of 1943 on the territory of Belgorodchina and Stary Oskol liberation from German occupation	49
Pogorelov M.A. Prisoners' aid committees: post-release rehabilitation in Soviet Russia, 1924–1930	55
Sklyarenko N.S. The history of the training of higher pedagogical education in the Krasnoyarsk Territory using the example of KSPI (1932–1985s)	63
Terekhov R.Ju. Realization of Church Council 1917–1918 Resolutions into Church Practice of Moscow Patriarchate and Russian Orthodox Church Outside of Russia	72
Fedotova A.Ju. Women in the fight against famine in Kazan Province in 1905–1907	81
Filippova T.P. The role of the Geological Committee of Russia in the scientific study of the Ukhta oil-bearing area	90

PROBLEMS OF WORLD HISTORY
AND INTERNATIONAL RELATION

Kryzhko L.A., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I. The Role of Egypt in the Implementation of Block Projects the United States in the Middle East in the First Half of the 1950s	97
Li Qimou, Savkovich Ye.V. Studies of Sino-Indian relations from a regional perspective in the PRC: Historiography in the 21st century	106
Rumyantsev V.P. Harold Macmillan and the Suez Crisis of 1956	114
Turygin A.A., Zimina E.V. Bureaucrats of the Empire or the Empire of Bureaucrats? On the Development of the Professional Civil Servant in the 19th-century Europe	123
Yun S.M., Turdikulov O.T., Taalaibek kzy Zh. Joint educational programs as a tool for internationalization of higher education in Uzbekistan	137

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY,
SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH

Nilogov A.S. Archival primary sources about the Jewish ancestors of V.I. Ulyanov (Lenin)	147
Ragozin G.S. The Babenberg “Austrian Freedom” in Habsburg empire historical memory: the case of “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr	156
Fomkina M.I. The fate of the Empress Maria Feodorovna photographic collections in the 1920s–1930s. Based on documents from the Saint Petersburg archives	164

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

- Балюк Н.А., Шербич С.Н.** Карты как антропологический источник (по материалам картографических источников Тюменского округа Тобольской губернии XIX в.) 171

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

- Горохов С.В.** Интеграция письменных и археологических источников по истории Умревинского острога (Новосибирская область) 178

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ ТЕХНИКИ

- Соловенко И.С., Рожков А.А., Пинжин К.А., Жолбин А.П.** Причины и факторы цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв. 190

РЕЦЕНЗИИ

- Ларьков Н.С.** Гражданское общество в жерновах Гражданской войны. Рецензия: Дементьев А.П., Дробченко В.А. Сессии органов местного самоуправления, съезды, конференции, совещания общественных организаций и социальных групп Енисейской губернии в период Гражданской войны (май 1918 г. – февраль 1920 г.) / науч. ред. Э.И. Черняк. Красноярск: Союз краеведов Енисейской Сибири, 2023. 400 с. 202

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

- Balyuk N.A., Shcherbich S.N.** Maps as anthropological source (based on materials of cartographic sources of the Tyumen district of the Tobolsk province of the 19th century) 171

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

- Gorokhov S.V.** Integration of written and archaeological sources on the history of the Umrevinsky ostrog (Novosibirsk region) 178

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

- Solovenko I.S., Rozhkov A.A., Pinzhin K.A., Zholbin A.P.** Reasons and factors for digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 20th–21st centuries 190

BOOK REVIEW

- Larkov N.S.** Civil society in the millstones of the Civil War. Review: Dementiev A.P., Drobchenko V.A. Sessions of local governments, congresses, conferences, meetings of public organizations and social groups of the Yenisei province during the Civil War (May 1918 – February 1920) / Scientific ed. E.I. Chernyak. Krasnoyarsk: Union of Local Historians of Yenisei Siberia, 2023. 400 p. 202

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94(571.54)

doi: 10.17223/19988613/88/1

Неудавшийся симбиоз: тибетская медицина и становление социалистического здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР (1920-е – начало 1930-х гг.)

Всеволод Юрьевич Башкуев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ, Россия, seva91@yahoo.com

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения между нарождающимся советским здравоохранением и тибетской медициной в Бурят-Монголии. Освещаются малоизвестные аспекты сосуществования медицинских систем: попытки секуляризации тибетской медицины, усилия лам-лекарей по созданию профессионального сообщества, ответные реакции Наркомздрава Бурят-Монгольской АССР. На основе архивных материалов прослежена эволюция отношения советских врачей к тибетской медицине от вынужденного принятия до требований ее запрета.

Ключевые слова: Бурят-Монголия, здравоохранение, тибетская медицина, эмчи-ламы, дацаны, аршаны, социальные заболевания

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «“Плавильный тигель социализма”: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920-е – 1930-е гг.)» № 18-09-00630.

Для цитирования: Башкуев В.Ю. Неудавшийся симбиоз: тибетская медицина и становление социалистического здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 5–15. doi: 10.17223/19988613/88/1

Original article

The abortive symbiosis: Tibetan medicine and the making of socialist healthcare in the Buryat-Mongolian ASSR (the 1920s – early 1930s)

Vsevolod Yu. Bashkuev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, seva91@yahoo.com

Abstract. This paper analyzes the uneasy relationship between Tibetan and Soviet medicine in the period when socialist healthcare in the newly proclaimed Buryat-Mongolian ASSR was in the making. The study aims to reconstruct, trace, and provide new insights in the evolution of these relations from halfhearted acceptance to open denunciation. Dwelling on the understudied primary sources from the regional archives and on contemporary Russian historiography, the author highlights the attempts of Buryat scholars to whitewash Tibetan medicine, strip it from religious content, and introduce it into the secular field. At the same time, the article exposes the pitiful state of affairs in the nascent Soviet healthcare and explains why the Bolshevik healthcare organizers had to halfheartedly accept Tibetan medicine as a useful tool for providing basic medical services to the population. In compliance with the principle of historicism, the author points out the continuity between the eighteenth-century concept of medical police, which formed the core of state healthcare in Imperial Russia, and the concept of socialist healthcare, arguing that the need to fight against quackery inherent in both systems could not allow the Soviet physicians to tolerate Tibetan medicine. Providing the perspectives from both sides, the author shows how Tibetan lama healers tried to institutionalize their craft in the new political reality by replicating Soviet organizational models. However, as the author stresses, in the final analysis the lamas failed to secure official recognition of Tibetan medicine in Buryat-Mongolia as the People's Commissariat of Health continued its critique even though it did not openly oppose Tibetan medics. As the Soviet healthcare gained popularity and expanded its network, and as the collectivization was gaining pace, both Buddhist religion and Tibetan medicine increasingly faced discrimination and open attacks on the part of local Communist activists. Using documents from the regional state archive, the author traces how Buddhist clergy was intimidated, their activities suppressed, and their reputation undermined in local anti-religious campaigns. Even though formally Moscow disapproved of such actions, the author argues that such events

marked the end of the period of uneasy coexistence. After 1930 the Soviet authorities, the Burnarkomzdrav among them, began to root out the Tibetan medicine and its practitioners. As the author concludes, in the wake of Stalin's industrialization campaign there was no place for coexistence as the Tibetan medicine hampered cultural transformation while the republic needed mass, uniform and ideologically Bolshevik healthcare.

Keywords: Buryat-Mongolia, healthcare, Tibetan medicine, Emchi lamas, datsans, arshans, social diseases

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, the project "Melting Pot of Socialism: the Interiorization of the Soviet Model in the traditional communities of Buryat Mongolia (1920s – 1930s)" No. 18-09-00630.

For citation: Bashkuev, V.Yu. (2024) The abortive symbiosis: Tibetan medicine and the making of socialist healthcare in the Buryat-Mongolian ASSR (the 1920s – early 1930s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 5–15. doi: 10.17223/19988613/88/1

Вскоре после провозглашения Бурят-Монгольской АССР (30 мая 1923 г.) в республике развернулось активное строительство новых институтов государственности. Одним из основных стало здравоохранение. Его создание оказалось сложнейшей задачей, принимая во внимание специфические социокультурные условия, существовавшие в Бурят-Монголии на тот момент.

Автохтонное население республики – буряты – вело традиционный образ жизни кочевников-скотоводов. Их быт и повседневные практики в значительной степени сложились под влиянием анимистических культов и тибетского буддизма секты Гэлугпа. С 1822 г. и до начала XX в. буряты пользовались правом родового самоуправления, благодаря чему были во многом автономны не только от царской администрации, но и от европейской медицины, пользуясь тибетской медицинской системой [1. С. 153; 2]. Многочисленные лекари эмчи, получавшие специализированное образование в мамба-дацанах (школах тибетской медицины при монастырях), долгое время являлись для бурят единственными и безальтернативными источниками медицинской помощи. Обладая лишь базовыми знаниями о человеке, они не знали микробной теории и асептики, не имели современного медицинского инструментария и медикаментов. Поэтому эмчи-ламы были бессильны перед инфекционными заболеваниями и не могли делать сложных полостных операций. К началу социалистических преобразований выяснилось, что накапливавшиеся поколения проблемы здоровья у бурят нуждаются в срочном разрешении, добиться чего можно лишь организованными действиями в рамках основанного на европейской медицине здравоохранения.

Затевая глубинные социокультурные трансформации традиционных сообществ Бурят-Монголии, большевики нацеливались на комплексное развитие самого человека, надеясь, что в недалеком будущем буряты смогут стать «проводниками» коммунистической идеологии в Азии [2. С. 144]. Воздействие проходило по трем направлениям. На разум были направлены усилия образования, средств массовой информации, культпросвета, санпросвета. На изучение, лечение и медицинское дисциплинирование тела были нацелены социалистический вариант европейской медицины и специализированные медицинские отрасли. Вырвать из лона традиционной религии душу кочевника должна была коммунистическая пропаганда [3. С. 224–225].

На деле же перед большевиками стояла задача колоссальной сложности. От царского периода в Бурят-

Монгольской АССР местами сохранились остатки лечебно-профилактической сети в виде разукрупленных, иногда полуразрушенных больниц и амбулаторий, но на их запуск не хватало ни средств, ни кадров. Огромную распространенность приобрели социальные заболевания – туберкулез, венерические болезни, трахома. Сифилис был признан эндемическим в ряде районов республики. Повсеместно не хватало врачей, фельдшеров, медсестер, акушеров.

При этом оставалось значительным количество лам-врачевателей. Авторитет эмчи, как и спрос на их услуги среди бурят, был высок. «Что касается современного состояния тибетской медицины в Монголии и Бурятии, – писал в 1923 г. бурятский ученый Б.Б. Барадин, – то она пользуется широким распространением и исключительным доверием населения, и даже больше того, все дело народного здравоохранения этих стран находится в полном подчинении этой медицине в лице ее лам-лекарей» [4. Л. 148]. За неимением альтернатив к услугам эмчи-лам прибегали не только буряты, но и представители даже таких закрытых и самодостаточных традиционных сообществ, как семейские [5. С. 324].

В этой ситуации большевики оказались перед простой дилеммой. С одной стороны, дефицит европейских врачей и острая нужда в доступной медицинской помощи населению вынуждали власти республики временно смириться с деятельностью монголо-тибетских лекарей. С другой стороны, для того чтобы быть принятой хотя бы в роли паллиативной помощи, тибетская медицина была слишком тесно связана с ламаистской религиозной традицией. Это напрямую противоречило антирелигиозной установке большевиков, а значит, тибетскую медицину нельзя было игнорировать в политической плоскости.

В статье речь пойдет о том, как развивались отношения между тибетской и советской медициной в период становления здравоохранения Бурят-Монголии. В этой области сложилась уникальная ситуация. Создававшаяся советской властью государственная система здравоохранения по определению не могла толерантно воспринимать альтернативные лечебные практики и медицинские системы. Огосударствление медицины в России началось еще при Иване Грозном, но его пик пришелся на вторую половину XVIII в., когда из Австрии и Пруссии была импортирована концепция медицинской полиции. Она подразумевала вертикальное регулирование отрасли здравоохранения, стандартизацию системы подготовки медицинских

кадров, полицейский контроль над наиболее проблемными в отношении здоровья социальными группами, борьбу с шарлатанством (под ним подразумевались любые альтернативные медицинские практики) [6. С. 43–44]. Советское здравоохранение в своей основе сохранило концепцию медицинской полиции, хоть и смягченную принципами всеобщей доступности и бесплатности, пришедшими из земской медицины. И все же на первых порах социалистическому здравоохранению Бурят-Монголии пришлось вынужденно идти на сосуществование с тибетской медициной, чтобы обеспечить население хоть какой-то медицинской помощью.

Чтобы смягчить очевидные противоречия между рациональной и сугубо светской современной медициной и пронизанной религиозным мистицизмом монголо-тибетской системой врачевания, с начала 1920-х гг. в Бурят-Монгольской АССР предпринимались попытки вывести тибетскую медицину за рамки религиозных институтов и легализовать в секулярном поле, законодательно закрепив за ней особый статус. Принятое 5 февраля 1924 г. обязательное постановление ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР строго регламентировало право врачебной практики. Разрешение давалось только после регистрации в Наркомздраве и получения государственного регистрационного удостоверения на основании пакета документов, подтверждающих профессиональную врачебную компетенцию заявителя. В постановлении указывалось, что право тибетских медиков на медицинскую практику предусматривалось особым положением [7. Л. 39]. В новых идеологических условиях разработка такого «особого положения» требовала серьезного подхода и тщательно взвешенной аргументации, чтобы сохранить для будущего рациональную основу и культурное значение тибетской медицины.

Развивать инициативу по секуляризации взялся Бурятский ученый комитет (Буручком). В 1923 г. вышли «Тезисы по вопросу о тибетской медицине в Буруспублике» под редакцией его председателя Б.Б. Барадина. Положения, сформулированные на основе научного исследования, относили тибетскую медицину к научно-медицинским системам, подчеркивая наличие у нее основных отделов современной научной медицины: диагностики, патологии, эмбриологии, фармакологии, хирургии и даже бактериологии. В выводах акцент делался на том, что, помимо чисто культурного значения, тибетская медицинская система была важна вследствие неоспоримых фактов излечения ее средствами ряда болезней, неподвластных медицине европейской. Указывалось, что нигде на территории СССР не было лучших условий для научного изучения тибетской медицины, чем в Бурят-Монголии с ее богатыми литературными источниками по предмету и большим количеством практикующих эмчи-лам. Предпринималась попытка выделить настоящих высокообразованных эмчи-лам из массы невежественных, но постоянно практикующих лам-лекарей, чье лечение больше напоминало шарлатанство [8. С. 158–159].

Важным пунктом в аргументации Б.Б. Барадина было отделение собственно медицинской системы, индийской по происхождению и, как считал ученый,

по развитию стоявшей «несравненно выше гиппократово-греческой медицины», от буддийской религии. Он писал, что индийская медицина «с давних времен служила главным проповедником распространения буддизма во всех тех странах Азии, куда распространялось учение Будды, и стала своего рода служанкой этой религии» [4. Л. 148]. Ее инструментальную функцию он описывал так: «Распространителями индийской медицины в Тибете и в других странах всегда являлись буддийские проповедники, которые для успешности обращения в буддизм соседних с Индией диких и полукультурных народов должны были владеть не только искусством проповеди, но и еще в большей мере искусством врачевания. Этот излюбленный метод буддийских проповедников применялся впоследствии и тибетскими ламами по отношению к монголам и бурятам» [4. Л. 148].

В самом Тибете, как утверждал Б.Б. Барадин, медицина сначала концентрировалась в руках светских индийских врачей. Однако постепенно индийская медицинская литература была переведена на тибетский язык, развивалась привязанная к тибетским реалиям медицинская практика, а ламы монополизировали всю эту область, придав ей глубокое религиозно-буддийское направление. В результате к XX в. тибетская медицина в Тибете пришла в упадок, задавленная и вытесненная заклинаниями и знахарством [4. Л. 148].

Отделяя рациональное начало тибетской медицинской системы от религиозной догматики, Барадин апеллировал к прагматизму большевиков. В пояснительной записке к проекту «Положения о тибетской медицине в Бурят-Монгольской Автономной Области», обобщая взгляды членов Буручкама, он сформулировал ее современное значение: «Тибетская медицина, имеющая многовековой опыт, не может быть поставлена на одну доску с народной медициной и, несомненно, имеет испытанные средства против многих болезней. В этом отношении она несравненно выше любой народной медицины и при правильной постановке ее, особенно в полукультурных странах, где еще не проникла европейская медицина, может иметь значение рациональной медицины» [4. Л. 149].

Б.Б. Барадин утверждал, что, несмотря на невежество и религиозный догматизм, бурятские эмчи-ламы приносят большую пользу в условиях почти полного отсутствия в республике европейской медицины. Главным же злом бурятского варианта тибетской медицины он считал систему абаралов (обряд предсказания) и гуримов (обряд отчитывания буддийских молитв). «Почти каждый больной бурят не обходится без того, чтобы не обратиться за советом к предсказателю-абаралчину, который неизменно предсказывает больному всякие беды, что во избежание этого необходимо совершить какой-нибудь обряд “гурим”, – писал Барадин. – При этом абаралчин может еще указать, к какому гуримчину лучше обратиться для совершения данного гурима... Абаралчин часто прибегает к системе протектирования своих друзей-гуримчинов для предоставления им счастливого случая “заработать”» [4. Л. 150]. Связывая эти практики с экономической стороной тибетской медицины, ученый отмечал, что

такое «лечение» обходится трудовому бурят-монголу чрезвычайно дорого и является открытой эксплуатацией ламами народной темноты [4. Л. 149].

Поэтому в рекомендациях к готовящемуся проекту положения о тибетской медицине Б.Б. Барадин особо подчеркивал необходимость ее отделения от буддийской церкви и строгой регламентации врачебной практики лам. По его мнению, полный запрет при отсутствии доступной европейской медпомощи был бы нераціонален и невозможен. Новое положение должно было дать тибетской медицине возможность свободного развития при условии, что такая способность сохранилась. Делом первой важности Барадин считал пресечение шарлатанских практик абаралчинов и гуримчинов, но при этом подчеркивал, что вытеснение тибетской медицины европейской должно происходить путем расширения, доступности и приспособленности новой медицины к нуждам бурят [4. Л. 151], т.е. естественным конкурентным путем, а не запретами.

В марте 1923 г. Буручком разработал проект «Положения о тибетской медицине в Бурят-Монгольской Автономной Области». Документ состоял из четырех разделов: об отделении тибетской медицины от ламаистской церкви в пределах БМАО; о лекарях тибетской медицины; о мамба-дацанах (школах тибетской медицины) и об аптеках тибетских лекарственных средств; об органах, ведающих делами тибетской медицины.

Согласно проекту, тибетская медицина отделялась от церкви, имущество мамба-дацанов национализировалось, мамба-дацаны выходили из ведения Центрального совета по духовным делам бурят-монголов буддистов Сибири и Дальнего Востока и передавались в областные отделы здравоохранения. Тибетские врачи и знахари (абаралчины и гуримчины) были обязаны зарегистрироваться в местном отделе здравоохранения, пройти проверку образовательного ценза и врачебного стажа, вести письменный учет отпуска средств и выручки. Если в местности имелся пункт европейской медицины, они лишались права лечить инфекционные и глазные заболевания, оказывать хирургическую и акушерскую помощь. Фактически проект положения лишил их права на заработок: выручку от лечения и реализованных лекарств эмчи-ламы должны были сдавать в соответствующую территориальную тибетскую аптеку, из кассы которой впоследствии получали деньги по предъявлению смет за лечение пациентов.

Тибетские аптеки должны были открываться при мамба-дацанах и выполнять двоякую роль: с одной стороны, учебной лаборатории, с другой – аптеки для обслуживания пациентов. Все дела в области тибетской медицины должны были регулироваться Центральным Советом по культурным делам бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока (Бурмонсовкуд), исполнительными органами которого являлись облздравы и аймздравы [4. Л. 146, 146 об., 147].

В мае 1923 г. Бурят-Монгольский областной исполнительный комитет принял в Иркутске гораздо более жесткое постановление. Мамба-дацаны, аптеки и другие учреждения тибетской медицины на территории

Бурят-Монгольской Автономной Области (БМАО РСФСР) закрывались, их имущество описывалось и национализировалось, тибетские лекари брались на учет, деятельность абаралчинов и гуримчинов запрещалась, а уличенные в отправлении абаралов и гуримов подлежали преследованию за мошенничество по ст. 187 Уголовного кодекса РСФСР. Тибетские лекари переходили в ведение областного отдела здравоохранения и подлежали регистрации в местных здравотделах. Им строго запрещалось лечить средствами европейской медицины, а за нарушение постановления предусматривалась административная ответственность в виде штрафа до 300 руб. золотом или принудительных работ сроком до трех месяцев [4. Л. 144, 144 об., 145]. Конечно, с образованием автономной республики постановления упраздненной БМАО РСФСР теряли юридическую силу, но очевидно, что в своем отношении к тибетской медицине, как и к буддийской религии в целом, руководство Бурят-Монголии взяло за основу строгий регламентирующий подход.

Почти все 1920-е гг. между Наркомздравом Бурят-Монгольской АССР и бурятскими эмчи-ламами сохранялось состояние тревожного сосуществования. На начальном этапе отношение профильного ведомства к тибетской медицине можно охарактеризовать как неодобрительное, но в целом лояльное. Нарком здравоохранения А.Т. Трубочев со студенческих лет интересовался тибетской диагностикой, фармакологией и терапией. Сохранились собственноручно подписанные им справки, санкционировавшие провоз через советско-монгольскую границу тибетских лекарств [9. С. 76–77; 10. Л. 14]. Тем не менее в своей официальной позиции врачи никогда не упускали возможности подвергнуть тибетскую медицину острой критике.

Сознавая собственную уязвимость в новой политической реальности, эмчи-ламы тоже не бездействовали. К середине 1920-х гг. в их сообществе активизировались процессы профессиональной самоорганизации. Вне всяких сомнений, это была реакция на государственную регламентацию деятельности тибетских лекарей. В документах фонда Совета Министров БМАССР в Государственном архиве Республики Бурятия сохранился протокол собрания эмчи-лам из хидов (дацанов) Хоринского, Верхнеудинского, Тункинского, Аларского, Эхирит-Булагатского и Баргузинского аймаков Бурят-Монголии, состоявшегося 18–22 июня 1926 г. в Ацагатском аршане.

На собрании присутствовали 25 тибетских медиков. Председателем был избран марамба-лама Ацагатского хиды (монастыря) Дондок Ендонов, членами президиума – Содномпил Цыремпилов и Дагбо Доржин. В повестке собрания стояли насущные для эмчи-лам вопросы: о единообразном приготовлении тибетских лекарств; об открытии аптеки и лаборатории тибетской медицины; об открытии амбулатории; об организации центрального совета тибетских медиков; об изыскании средств на приобретение состава лекарств и о наведении справок о составе тибетских лекарств в пределах СССР [10. Л. 17].

По каждому из вопросов повестки выступили докладчики. Некоторые вопросы, например об открытии

аптеки и лаборатории тибетской медицины, вызвали долгие прения, и для их проработки собрание выбрало из своих рядов особую комиссию. Было решено открыть сначала склад тибетских лекарств, затем аптеку. Из-за отсутствия опыта в организации лабораторной работы собрание решило открыть при школе тибетской медицины отдел фармации для точного изучения свойств и состава лекарств. Собрание также приняло постановление комиссии об открытии при Ацагатской медицинской школе амбулатории [10. Л. 17].

Для изыскания средств на реализацию планов собрание приняло решение просить о материальной помощи дацаны, обязать врачей и гуримчинов производить пожертвования, а к мирянам обратиться с просьбой о добровольном пожертвовании, просить эмчи-лам отчислять на общие нужды 10% своих доходов, обратиться за материальной помощью к Бурят-Монгольской АССР, получить официальное разрешение от властей на сбор добровольных пожертвований среди мирян. Также было решено организовать центральный совет тибетских медиков из семи членов и ревизионную комиссию из пяти членов, создать союз тибетских медиков.

Большинством голосов председателем был избран Д. Ендонов, а членами центрального совета – Д. Номтоин, Л. Эрдынин, Б. Галсано, Д. Буянтарон, Ч. Намсарайн и С. Цыремпилон. Для исполнения решений в каждом дацане коллектив эмчи-лам выбирал одного уполномоченного [10. Л. 17 об.].

Врачам тибетской медицины предписывалось безоговорочно подчиняться законам советской власти и лечить обращающихся к ним больных независимо от этнической или классовой принадлежности. Абаралы и гуримы были запрещены. Также эмчи-ламам воспрещалось употреблять алкоголь, играть в карты, совершать неблагоприятные поступки. Все тибетские лекари были обязаны соблюдать личную гигиену, содержать в чистоте лекарственные средства и их ингредиенты [10. Л. 18].

Стремление эмчи-лам к профессионализации своей деятельности отразилось и в ряде документов о школе тибетской медицины, разрешение на открытие которой при Ацагатском дацане Наркомздрав РСФСР и правительство БМАССР дали в 1926 г. [9. С. 74–75]. В проекте «Устава о школе тибетской медицины» говорилось, что духовный собор буддистов Бурятии постановил создать в республике три медицинские школы, но документ содержал спецификацию лишь одной из них – Ацагатской. Она обслуживала все дацаны Хоринского, Тункинского, Баргузинского, Аларского и Эхирит-Булагатского аймаков.

Целью ее работы было обучение четырем основным правилам тибетской медицины: Зажуд, Манакжуд, Шаджуд и Чемажуд. Ими предусматривалось изучение причин возникновения болезней, патологии, диагностики, профилактики, антисептики и фармацевтики. Преподавание должно было осуществляться по учебникам индийских медиков Бандида Нэхэнзана, Лобон Бабу, Даба Онгэя, тибетских врачей Бирозана, Ютус, Суругба, Санжижамсо и по другим руководствам. Полный срок обучения составлял семь лет,

а успешно закончившие курс и выдержавшие экзамены медики-практиканты должны были по представлению медицинского совета получать от Центрального духовного совета буддистов диплом [10. Л. 19].

Необходимость в профессиональных собраниях, видимо, возникала у бурятских эмчи-лам регулярно. Накопившиеся вопросы требовали коллегиального обсуждения. В конце 1928 г. Д. Ендонов подал в ЦИК БМАССР заявление, прося разрешить проведение II областного совещания тибетских медиков 26 декабря 1928 г. при Ацагатском аршане. Затем к начальнику административного управления ЦИК Бурят-Монгольской АССР обратился цанит-хамбо, представитель Тибета Агван Доржиев (1853–1938), убедительно просивший разрешить это мероприятие и подчеркивавший свой глубокий интерес в участии [10. Л. 6]. Официального разрешения и дальнейшей переписки по данному вопросу в архивном фонде мы не обнаружили. По-видимому, даже несмотря на особый запрос А. Доржиева, собраться на второе совещание эмчи-ламам Бурят-Монголии не удалось.

Таким образом, попав под государственное регулирование, сообщество тибетских медиков отреагировало попытками принять правила игры. Была инициирована профессиональная консолидация изнутри с соблюдением советского организационного, делопроизводственного и профессионального регламента. Внешне деятельность эмчи-лам оформлялась по образцу любого советского профессионального объединения: была создана выборная иерархия, формализовались профессиональные методы, в легальное поле вводились новые для этой отрасли формы взаимодействия с пациентами – через аптеки и амбулатории, наметилась тенденция к стандартизации профессионального образования.

Несмотря на все это, главного результата – официального признания права тибетской медицины на существование – добиться не удалось. Условно терпимое отношение советских функционеров к эмчи-ламам вызывалось лишь прагматическими соображениями. В условиях зарождающейся новой системы здравоохранения им зачастую просто не имелось альтернативы. Правительству республики воспринимало тибетскую медицину как неизбежное зло, дни которого сочтены, стоит лишь запастись терпением. Бурнаркомздрав, формально не препятствуя деятельности эмчи-лам, осыпал их градом критики. Даже понимавшие особое историко-культурное значение тибетской медицины ученые из Буручкама концентрировались на «отделении зерен от плевел», спасая исключительно ее рациональную составляющую и открестьяваясь от религиозного наполнения.

В чем же состояла критическая позиция Бурнаркомздрава по отношению к тибетской медицине? В документах она выражена в достаточно жесткой форме. Например, в докладе Бурнаркомздрава к совещанию наркомздравов автономных республик есть такая характеристика: «В Бурятии насчитывается огромное количество лам-медиков, именующих себя тибетскими медиками, в огромном большинстве своем совершенно невежественных и медицински неграмотных. Пользуясь темнотой и невежеством масс, эти ламы-медики

имеют популярность среди культурно отсталого бурятского народа. Борьбу с этим вековым злом можно вести только путем широкого санитарного просвещения среди бурятского народа, насаждения квалифицированной помощи европейской медицины в отдаленных глухих районах Буреспублики и постепенного приобщения бурят к культурной жизни» [11. Л. 174].

Борьба с социальными и эпидемическими заболеваниями была той областью, где тибетская медицина однозначно представлялась вредной. Воспитанные на микробной теории, привыкшие к применению химических медикаментов врачи видели в ламских способах лечения сифилиса и туберкулеза шарлатанство, замешанное на невежестве и религиозных суевериях. Их критическое отношение разделяла и официальная пресса. Освещая деятельность советско-германской экспедиции 1928 г., газета «Бурят-Монгольская правда» писала: «Как известно, ламы-лекари были первыми и главными проводниками буддийской религии, поэтому вполне понятно, что буддийские монастыри в первую очередь озаботились о насаждении ламайской медицины... Число лам, врачующих по “Тарни” (заклинаниями, предсказаниями и прочим), насчитывалось тысячами, но, несмотря на широкий охват лечебной помощи со стороны монастырей, запросы населения на европейскую медицину быстро выросли... Население видит, что заклинаниями и наговорными корешками и травами ни сифилис, ни другие болезни не вылечиваются» [12].

К концу 1920-х гг. ужесточение государственной политики по отношению к религии и верующим было официально закреплено в документах высших органов власти СССР. Тибетская медицина получила серьезный удар. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. в ст. 17 воспрещало религиозным организациям открывать санатории и оказывать лечебную помощь [13]. В этой связи по районам Бурят-Монголии были закрыты популярные среди населения водолечебницы – аршаны, что вызвало народное недовольство: официальных курортов в республике было лишь четыре (Горячинский, Аршан, Нилова Пустынь и Гаргинский). С протестом к местным властям обратился Агван Доржиев [14. С. 285].

Аршаны давно вызвали острую критику советских врачей, видевших в допотопно обустроенных источниках рассадник антисанитарии. Их закрытие не могло не вызвать удовлетворения в Бурнаркомздраве. Ближе к 1930-м гг. критическое отношение советской медицины к эмчи-ламам сменилось на открыто враждебное. Даже специалисты, ранее призывавшие изучать научную основу тибетского медицинского учения, принялись писать о его вреде для дела советского здравоохранения. Изменение риторики, несомненно, вызывалось ужесточением внутренней политики в преддверии коллективизации и индустриализации. Политические процессы начала 1930-х гг. неумолимо приближали развязку в противостоянии двух медицинских систем.

Как это часто бывало в российской истории, беда для тибетской медицины пришла совсем не из Бурнаркомздрава. Первым камешком в лавине репрессий

против лам, дацанов и верующих в Бурятии стала пресловутая «инициатива на местах». Архивные документы начала 1930-х гг. позволяют воссоздать эпизоды разворачивавшейся драмы.

Иркутские историки Л.В. Занданова и А.В. Паламарчук приводят примеры дискриминационного отношения к буддийским священнослужителям. Например, 27 декабря 1929 г. Толтойский сомонный совет в Тункинском аймаке БМАССР объявил ламам Хандатайского дацана самообложение, предложив им в тот же день до 8 часов вечера внести суммы самообложения от 71 до 175 руб. на каждого. На следующий день сомсовет описал имущество семи лам, которое 30 декабря было продано с торгов. Курбинский сомсовет на заседании 6 ноября 1929 г. вынес постановление, воспрещающее населению сомона продавать ламам мясо, хлеб и другие продукты, предупредив, что нарушители будут преследоваться в уголовном порядке. Активисты на местах действовали настолько грубо и беззастенчиво, что секретарь Буробкома ВКП(б) М.Н. Ербанов называл такую «идеологическую работу» хулиганством [15. С. 94–95].

В феврале 1930 г. местные партийные ячейки в Мухоморшибирском, Агинском, Эхирит-Булагатском, Тункинском и других районах БМАССР инициировали проведение собраний, на которых, помимо обычных обязательств приблизить уровень коллективизации к стопроцентному, были приняты решения о закрытии Цолгинского, Бырцинского, Тарбагатайского, Ольхонского и Окинского дацанов. Договоры с общинами верующих подлежали расторжению, дацаны ликвидировались, культовое имущество и здания передавались в ведение местных администраций для культурно-просветительных нужд. Эти решения проиллюстрированы многочисленными протоколами собраний, написанными по-старомонгольски со смысловым переводом на русский язык [16. Л. 1–3, 10].

Верующие-буддисты не согласились с активистами. Начались жалобы в высшие советские инстанции. Одна, написанная Агваном Доржиевым, попала во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов. Среди прочего в ней говорилось, что тибетская медицина в Бурятии подвергается преследованиям со стороны местных властей: эмчи-ламы попадают в тюрьму и облагаются непомерными налогами-штрафами; лекарства, с большим трудом доставленные из Тибета и Китая, конфискуются и уничтожаются. При этом ввиду своей малочисленности советские фельдшеры и врачи не могут обслуживать все местное население, а тибетские медики преследуются [14. С. 285].

Реакция Москвы последовала менее чем через полгода после собраний на местах. 16 июня 1930 г. в административное управление (АУ) СНК БМАССР поступил запрос. Член Президиума ВЦИК П. Смидович предлагал срочно прислать ему дела о закрытии пяти дацанов с докладом о политике закрытия и о причинах отступления от действующего законодательства, доклад о действиях по борьбе с тибетской медициной и о причинах допущенных в ней отклонений от директив центра, сведения о соблюдении директивы, касающейся права несовершеннолетних хувараков оставаться

в прежнем положении, сведения о том, сохранилось ли в БМАССР у лам право на трудовое пользование землей [16. Л. 13].

Запрос из Президиума ВЦИК вызвал активную переписку между АУ СНК БМАССР, республиканскими наркоматами, ОГПУ и аймачными административными отделениями, в которой отразились основные тенденции и противоречия этого драматического процесса. Быстрее всего отреагировали Наркомзем и Наркомздрав БМАССР. Первый прислал подписанное замнаркома земледелия Вылковым разъяснение о том, что по постановлению ЦИК и СНК БМАССР № 501 от 11 февраля 1927 г. ламы и совершеннолетние хуваки лишены права на трудовое землепользование, но ведущие собственное хозяйство ламы и несовершеннолетние послушники такое право сохранили наравне с другими гражданами [16. Л. 18]. Второй – составленную А.Т. Трубачевым пояснительную записку с характеристикой текущего положения тибетской медицины в Бурят-Монголии и соображениями наркома о ее будущем. Этот документ представляет особый интерес: в нем отчетливо чувствуется изменение отношения руководителя бурятского здравоохранения к предмету обсуждения.

В записке сразу же акцентируется догматический, клерикальный характер тибетской медицины, ставится под сомнение ее способность к саморазвитию, подчеркивается отсутствие у эмчи-лам формальной медицинской подготовки. «Существующие мамба-дацаны (школы медицины) служат местом не для учебы, а для разных религиозных служб, – говорится в документе. – У этих мамба-дацанов... имеются только книги по тибетской медицине, а все остальное – предметы религиозного культа. Окончивших полный курс по медицине, по рассказам лам, очень мало, а большинство совершенно малограмотно, знакомо практически с назначением лекарств и считает, что этого достаточно для практики медицины. Таким образом, громадное большинство лам-лекарей совершенно не имеет той минимальной теоретической подготовки, которая существует, по-видимому, в тибетской медицине...» [16. Л. 20].

Легко заметить, что А.Т. Трубачев подчеркивает даже не факт незнания эмчи-ламами основ современной медицины, но принципиальное отсутствие теоретической подготовки в своей собственной области. По словам наркома, лишь некоторые ламы «по-видимому, подкованные теоретически по своей медицине, в процессе своей повседневной лечебной работы приобретают известный опыт, наблюдательность... при врожденной способности к анализу и синтезу умеют распознавать болезни и довольно удачно лечить их и пользуются авторитетом и влиянием среди темного населения» [16. Л. 20]. Сводя причины профессионального успеха эмчи-лам к простой наблюдательности и способностям, Трубачев акцентирует то, что тибетская медицина в Бурят-Монголии не является полноценной медицинской системой, а зиждется на случайных факторах и слепой вере.

В документе открытым текстом говорится, что Бурнаркомздрав не располагает сведениями о сроке

обучения и учебных программах в школах тибетской медицины. Сообщается, что при дацанах нет лечебных заведений – амбулаторий и других вспомогательных учреждений. Если это правда, то, значит, никакой координации деятельности между наркоматом здравоохранения и оформленной (по крайней мере на бумаге) профессиональной организацией эмчи-лам не было? Ведь в приведенных выше протоколах первого совещания тибетских медиков Бурят-Монголии (18–22 июня 1926 г.) отражена информация о сроках обучения (семь лет), методике и использующихся учебных пособиях (руководствах), а главное – о намерениях лам организовать амбулаторию и даже лабораторию.

Такое предположение вполне реально. Документы о собраниях тибетских медиков откладывались в фонде Совета Министров (Р-248), а не в фонде Министерства здравоохранения (Р-665). Это значит, что они проходили напрямую через канцелярию СНК БМАССР, минуя медицинское ведомство, которое ничего не знало о планах лам модернизировать свою профессиональную деятельность. Возможно и то, что в силу инертности, неприязни к европейской медицине или просто по недомыслию эмчи-ламы не удосуживались информировать Бурнаркомздрав об особенностях своей профессиональной подготовки, хотя это предусматривалось правительственным «Положением о тибетской медицине».

Еще одной важной мыслью пояснительной записки было то, что тибетская медицина в Бурят-Монгольской АССР существует совершенно свободно, не подвергаясь никаким репрессиям со стороны государства. Напротив, Бурнаркомздрав серьезно планировал изучать тибетскую терапию и фармакологию. существовал довольно радикальный вариант такого изучения: при Институте социальной гигиены планировалось выделить несколько коек, на платной основе пригласить эмчи-ламу, поручить ему лечение больных, заручившись полным согласием их самих и их родственников, и проводить полноценные наблюдения с применением всего арсенала средств клинической диагностики.

В истории русской медицины подобный прецедент уже был. В 1860 г. Медицинский департамент Военного министерства поручил лекарскому помощнику Николаевского военного госпиталя в Санкт-Петербурге эмчи-ламе Сультиму Бадмаеву лечение туберкулезных и раковых больных, с чем он, судя по приведенным несколькими авторами сведениям, успешно справился, заслужив в 1862 г. звание военного врача и чин коллежского регистратора [17. С. 4; 18. С. 40]. В Бурнаркомздраве же планировали после наблюдения подвергать наиболее эффективные медикаменты химическому анализу и проводить их испытания на животных. Считалось, что это был наиболее быстрый и дешевый способ проверить на практике, так ли действительны методы и средства тибетской медицины [16. Л. 20].

Однако описанная в документе картина сосуществования тибетской медицины и социалистического здравоохранения в реальности не была столь идиллической. Наркома А.Т. Трубачева беспокоили кривотолки, которые могли бы возникнуть в результате найма на государственную службу эмчи-ламы. А затем

в пояснительной записке раскрывается главное соображение по поводу тибетской медицины. «Ввиду того что тибетская медицина как чисто эмпирическая, не научная не имеет никаких перспектив на дальнейший прогресс, по нашему мнению, нужно издать постановление о запрещении ее на территории Буреспублики, – говорится в документе. – Если путь запрета считать административным давлением, то у Бурнаркомздрава для настоящей медицинской сети при разбросанности населения, отсутствии квалифицированного персонала, недостатке врачей, владеющих бурятским языком и знающих психологию и быт бурят, нет другого пути для борьбы с тибетской медициной» [16. Л. 20].

Развивая мысль, нарком здравоохранения подчеркивал: «Ни для кого не секрет, что ламы, не связанные ни с какой службой и имеющие возможность быстро передвигаться из улуса в улус, не имеют конкурентов себе в лице наших единичных участковых врачей и среднего персонала, среди которых немало людей пришедших, не знакомых с бытовыми условиями и обычаями бурятского населения. Лечение через переводчиков при незнании языка вызывает лишь неудовлетворенность и с той, и с другой стороны. В деле насаждения начал санитарной культуры ламы вообще и в частности лекари являются одним из сильных тормозов. Поэтому, нам кажется, что теперь вполне своевременно издать приказ о запрещении тибетской медицины» [16. Л. 20]. В самом конце документа оговаривалось, что запрет тибетской медицины не помещает научному изучению ее лечебных средств.

Таким образом, к 1930 г. Бурнаркомздрав полностью «созрел» для запрета конкурирующей медицинской системы. Это неудивительно, так как отношения между ними с самого начала складывались тяжело. Из пояснительной записки наркома видно, что он сохранил верность своему стилю: не допускать победных реляций и использовать каждый шанс, чтобы подчеркнуть: дело строительства здравоохранения в Бурятии идет медленно и требует дополнительного внимания центра. По-видимому, реалистично оценив сложившуюся обстановку, Трубочев решил, что пора честной конкуренции прошла и судьбой тибетской медицины должна заняться административно-репрессивная машина.

Между тем ситуация с закрытием дацанов действительно привлекла к себе внимание Москвы. Парадоксально, но реакцией было не одобрение, а, скорее, раздражение. Президиум ВЦИК потребовал четких, документально подтвержденных объяснений юридической обоснованности действий аймачных администраций, допустивших закрытие дацанов, бегство большинства лам и недовольство общин верующих [16. Л. 43]. Этому существует два объяснения. Наиболее очевидным является следующее.

В 1930 г. страна уже приступила к осуществлению главного социально-экономического эксперимента сталинизма – индустриализации. Для этого нужно было успешно завершить коллективизацию, но именно здесь возникло наибольшее количество проблем. На местах отмечались серьезные перегибы. Бурят-Монгольская АССР оказалась в числе регионов, где беззаконие при осуществлении коллективизации вылилось в массовые

выступления крестьян. Весной 1930 г. вооруженное восстание охватило Мухоршибирский, Бичурский районы республики и смежные территории Читинской области. И хотя бунт начался среди староверов и казаков, крайне нежелательными были поводы, способные вовлечь в него бурят. Восстание вскоре было подавлено частями ОГПУ, но опасения сохранились, и, видимо, из этих соображений ВЦИК прислушался к жалобам верующих и резко одернул правительство БМАССР.

Второе объяснение логически связано с первым. В условиях решения колоссальной по масштабу задачи требовалось формально сохранять полную иллюзию законности происходящего. Реквизиция объектов и предметов культа без веских на то оснований и хотя бы минимальной опоры на действующее законодательство означала бы дальнейший подрыв веры в социалистическую законность. Поэтому инициатива бурят-монгольских активистов не нашла понимания в Москве, и пришлось срочно отыгрывать ситуацию назад.

15 февраля 1931 г. в секретариат Президиума ВЦИК из ЦИК БМАССР была направлена подробная информация по запросу от 16 июня 1930 г. В ней говорилось: «Постановление о закрытии 5 дацанов, указываемых Вами, ЦИК БМАССР не выносил. По инициативе местных властей под предлогом “Постановления верующей бедноты” был изъят из пользования верующих Цолгинский дацан в Мухоршибирском районе. Ввиду незаконности означенного Мухоршибирскому Райисполкому Административно-Правовым Отделом БурЦИК’а было дано категорическое указание впредь до рассмотрения дела в БурЦИК’е не препятствовать общине верующих» [16. Л. 49].

Документ содержит и отредактированную ЦИК БМАССР информацию по борьбе с тибетской медициной. «Никакого отклонения в борьбе с тибетской медициной и нарушения преподанной по этому вопросу директивы центральных органов власти не было. Этому свидетельствует существующая по настоящее время школа Тибетской медицины и недавно построенная больница при Ацагатском аршане в Хоринском аймаке, руководимая тибетскими медиками. Тибетская медицина в Буреспублике существует совершенно свободно, и никаких репрессивных мер по борьбе с ней не ведется. Метод борьбы с Тибетской медициной – это противопоставление научной медицины путем открытия новых больниц и врачебных пунктов...» [16. Л. 49].

ЦИК БМАССР уверял, что «если и были допущены местными органами власти некоторые нарушения закона по вышеуказанным вопросам, то таковые своевременно были устраняемы», а также что в будущем такого не повторится [16. Л. 49 об.].

Судя по сохранившимся документам, к лету 1932 г. инцидент с закрытием пяти бурятских дацанов был в основном исчерпан. В результате закрылся один Цолгинский дацан в Мухоршибирском районе. Официально это объяснялось тем, что в ходе коллективизации численный состав местной общины верующих уменьшился с 395 до 20 членов, а лам – до 32 человек. Такая небольшая группа не имела средств содержать целый дацан. Поэтому община добровольно отказалась от него, а ламы сложили с себя духовный сан и перешли

на положение мирян [16. Л. 74]. Деятельность остальных дацанов была восстановлена.

Казалось бы, катастрофическая ситуация нашла удачное для буддийского сообщества Бурятии разрешение: за верующих заступился ВЦИК, правительство Бурят-Монгольской АССР, услышав грозный окрик из Москвы, сдало назад, а ретивые активисты на местах остались ни с чем. На деле же все оказалось иначе. Возник прецедент: по местной инициативе был закрыт крупный дацан, ликвидирована буддийская община, а ламы вынужденно перешли в статус мирян. Бурнарком-здрав в лице А.Т. Трубочеева открыто высказался за официальное запрещение тибетской медицины в БМАССР. События 1930 г. наглядно показали, что период вынужденного сосуществования закончился. Государство приступило к искоренению конкурирующей медицинской системы и всей буддийской религии.

Четыре года спустя, в апреле 1934 г., в докладе на первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР А.Т. Трубочеев говорил о тибетской медицине уже в прошедшем времени, называя ее «проводником ламаизма в Бурятии и «орудием эксплуатации и порабощения» трудового аратства. С трибуны первый нарком здравоохранения республики обвинил эмчи-лам в преднамеренном способствовании распространению социальных заболеваний, тем самым забивая гвозди в крышку гроба тибетской медицины [19. С. 351]. К этому моменту война против буддийской религии уже шла полным ходом, и тщетными были попытки представителя Тибета А. Доржиева жаловаться во ВЦИК на варварское уничтожение буддийского культурного наследия. До полного запрещения тибетской медицины оставалось менее двух лет [14. С. 286].

Ужесточение позиции А.Т. Трубочеева, человека беспартийного, известного врачебной толерантностью и даже обвинявшегося бурятскими большевиками в аполитичности [9. С. 142], отражало как общее оледенение политического климата, так и суть происходившей в Бурят-Монголии борьбы между государственной советской медициной и ее главными конкурентами – эмчи-ламами. Истоки этого противостояния – несомненно идеологические, но не сугубо большевистские, а уходящие глубоко в историю европейской медицины. Несмотря на популистские наслоения марксизма-ленинизма, советская медицина являлась прямой преемницей европейской концепции медицинской полиции, неотъемлемой функцией которой была борьба с шарлатанством. Существование альтернативных медицинских систем в ее пространстве было немыслимым. Догматы классовой борьбы лишь многократно ужесточили этот антагонизм, что в конечном итоге привело к искоренению ламства как социально чуждого социализму класса и полному запрету на практику тибетской медицины.

Очень вероятно, существовали и более ситуативные, тактические причины. Судя по всему, на пороге масштабных социально-экономических экспериментов новое здравоохранение в Бурят-Монголии развивалось недостаточно быстро как в плане строительства лечебно-профилактической сети, так и в смысле авторитета у населения. Пользуясь организационными трудностями социалистической медицины и мощной инерцией традиционности, эмчи-ламы продолжали удерживать значительный сегмент рынка медицинских услуг, успешно монетизируя наработанное веками доверие народа.

Если подобное положение было приемлемо в годы НЭПа с его экономической конкуренцией, то в преддверии эпохальных событий сталинского «великого рывка» для честной конкуренции не оставалось места. Вездесущая, практикуемая ориентированными на традиционное общество, знающими бурятский язык, психологию и поведенческие стереотипы эмчи-ламами тибетская медицина на тот момент все еще представлялась бурятам более родной и близкой, чем социалистическое здравоохранение. Культурная трансформация происходила гораздо медленнее, чем того требовала стремительно меняющаяся политическая реальность, а республика тем временем нуждалась в массовой, унифицированной и большевистской по идеологическому содержанию медицинской помощи. Поэтому в очередной раз было решено поступиться эволюционным развитием в пользу революционной трансформации и окончить противостояние политическим решением.

Наконец, неразрывная связь тибетской медицины с буддийской религией слишком долго маячила на виду у большевиков с их «Союзом воинствующих безбожников», комсомольскими ячейками и полуграмотным местным партактивом. Неудивительно, что вся тибетская медицинская система воспринималась прежде всего как идеологический соперник медицины социалистической и стала главным кандидатом на роль «козла отпущения», собравшего на себя обвинения во всех медицинских и гигиенических грехах – от препятствования уничтожению паразитов до сознательного распространения венерических заболеваний. Время для этого было как нельзя более подходящее – в период массовой социальной мобилизации требовался идеологический противник, и он сразу же нашелся в лице эмчи-лам. Их печальная судьба является очередной иллюстрацией того, как в борьбе против инакомыслия машина тоталитарного государства перемалывает и уничтожает не только своих явных оппонентов, но и все, что с ними ассоциируется, включая богатейшее культурно-историческое наследие и оригинальные целительские практики, полностью опровергнуть ценность которых для современной медицины советским врачам так и не удалось.

Список источников

1. Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2013. 503 с.
2. Башкуев В.Ю. Геополитика и евгеника в контексте научного изучения Бурят-Монгольской АССР в 1920-х – начале 1930-х гг. // Власть. 2014. № 5. С. 140–145.

3. Башкуев В.Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX – первая половина XX вв.). Иркутск : Оттиск, 2016. 436 с.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 8.
5. Гордеева О.Б. Тибетская медицина у старообрядцев Байкальской Сибири в 30–50-е гг. XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11), ч. 1. С. 321–329.
6. Сточик А.М., Затравкин С.Н., Сточик А.А. Становление государственной медицины во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Сообщение 2. Создание государственных систем подготовки медицинских кадров и призрения социально незащищенных групп населения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 2. С. 41–45.
7. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 88.
8. Ванчикова Ц.П., Ринчинова О.С. Проект Буручкома по реформированию тибетской медицины в БМАССР в 1920-е годы // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Т. 11, № 4. С. 154–162.
9. Батоев Д.Б., Демкова Н.П., Батоев С.Д. Первый нарком Андрей Тимофеевич Трубочеев в истории здравоохранения Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во РЦМП, 2009. 342 с.
10. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 56.
11. ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 16. Д. 1.
12. Цели и задачи русско-германской экспедиции // Бурят-Монгольская правда. 1928. 17 июля. № 168 (1429).
13. О религиозных объединениях : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 08.04.1929 // 100(0) ключевых документов по российской и советской истории. URL: https://www.100dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&l=ru (дата обращения: 01.02.2018).
14. Номогоева В.В. Тибетская медицина в Бурятии в контексте социальной модернизации 1920-х – 30-х гг. // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2009. № 3 (67). С. 284–286.
15. Занданова Л.В., Паламарчук А.В. Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е годы: документы свидетельствуют // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 6, № 4. С. 93–98.
16. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 3. Д. 98.
17. Бадмаев П.А., Гусев Б.С. Доктор Бадмаев. Тибетская медицина. Царский двор. Советская власть. М. : Рус. книга, 1995. 238 с.
18. Кузьмин Ю.В. Доктор П.А. Бадмаев: ученый, дипломат, предприниматель. М. : Т-во научных изданий КМК, 2014. 182 с.
19. Трубочеев А.Т. Состояние и перспективы здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР : труды Первой конф. по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1936. Т. 2. С. 349–367.

References

1. Dameshek, L.M., Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2013) *Istoriya organov samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v.* [The history of self-government bodies of the Buryats in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University
2. Bashkuev, V.Yu. (2014) *Geopolitika i evgenika v kontekste nauchnogo izucheniya Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1920-kh – nachale 1930-kh gg.* [Geopolitics and eugenics in the context of scientific study of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s – early 1930s]. *Vlast'*. 5. pp. 140–145.
3. Bashkuev, V.Yu. (2016) *Rossiyskaya meditsina i mongol'skiy mir: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya (konets XIX – pervaya polovina XX vv.)* [Russian medicine and the Mongolian world: Historical experience of interaction (late 19th – first half of 20th centuries)]. Irkutsk: Ottisk.
4. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-248. List 1. File 8.
5. Gordeeva, O.B. (2013) *Tibetskaya meditsina u staroobryadtssev Baykal'skoy Sibiri v 30–50-e gg. XX v.* [Tibetan medicine among the Old Believers of Baikal Siberia in the 1930–50s]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie*. 2-1(11). pp. 321–329.
6. Stochik, A.M., Zatravkin, S.N. & Stochik, A.A. (2013) *Stanovlenie gosudarstvennoy meditsiny vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX veka. Soobshchenie 2. Sozдание gosudarstvennykh sistem podgotovki meditsinskikh kadrov i prizreniya sotsial'no nezashchishchennykh grupp naseleniya* [The formation of state medicine in the second half of the 18th – first half of the 19th centuries. Message 2. Creation of state systems for training medical personnel and care for socially vulnerable groups of the population]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2. pp. 41–45.
7. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-248. List 1. File 88.
8. Vanchikova, Ts.P. & Rinchinova, O.S. (2016) *Proekt Buruchkoma po reformirovaniyu tibetskoy meditsiny v BMASSR v 1920-e gody* [The Buruchkom Project to reform Tibetan medicine in the BMASSR in the 1920s]. *Gumanitarnyy vektor. Ser. Istoriya. Politologiya*. 11(4). pp. 154–162.
9. Batoev, D.B., Demkova, N.P. & Batoev, S.D. (2009) *Pervyy narkom Andrey Timofeevich Trubacheev v istorii zdravookhraneniya Buryatii* [The first People's Commissar Andrei Timofeevich Trubacheev in the history of healthcare in Buryatia]. Ulan-Ude: RTsMP.
10. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-248. List 3. File 56.
11. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-665. List 1b. File 1.
12. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. (1928) *Tseli i zadachi russko-germanskoj ekspeditsii* [Goals and objectives of the Russian-German expedition]. 17th July.
13. RSFSR. (1929) *O religioznykh ob"edineniyakh: postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 08.04.1929* [On religious associations: resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 04/08/1929]. [Online] Available from: https://www.100dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&l=ru (Accessed: 1st February 2018).
14. Nomogoeva, V.V. (2009) *Tibetskaya meditsina v Buryatii v kontekste sotsial'noy modernizatsii 1920-kh – 30-kh gg.* [Tibetan medicine in Buryatia in the context of social modernization of the 1920s–1930s]. *Byulleten' VSNTs SO RAMN*. 3(67). pp. 284–286.
15. Zandanova, L.V. & Palamarчук, A.V. (2016) *Bor'ba s lamaizmom v Vostochnoy Sibiri v 1930-e gody: dokumenty svidetel'stvuyut* [The fight against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: documents testify]. *Gumanitarnyy vektor*. 6(4). pp. 93–98.
16. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund R-248. List 3. File 98.
17. Badmaev, P.A. & Gusev, B.S. (1995) *Doktor Badmaev. Tibetskaya meditsina. Tsarskiy dvor. Sovetskaya vlast'* [Doctor Badmaev. Tibetan Medicine. Imperial Courtyard. Soviet Authority]. Moscow: Rus. kniga.
18. Kuzmin, Yu.V. (2014) *Doktor P.A. Badmaev: uchenyy, diplomat, predprinimatel'* [Doctor P.A. Badmaev: Scientist, Diplomat, Entrepreneur]. Moscow: T-vo nauchnykh izdaniy KMK.
19. Trubacheev, A.T. (1936) *Sostoyaniye i perspektivy zdravookhraneniya v Buryat-Mongol'skoy ASSR* [The state and prospects of healthcare in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Problemy Buryat-Mongol'skoy ASSR* [Problems of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Proc. of the First Conference on Productive Forces of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. pp. 349–367.

Сведения об авторе:

Башкуев Всеволод Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ, Россия). E-mail: seva91@yahoo.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bashkuev Vsevolod Yu. – Doctor of Historical Sciences, leading researcher at the Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: seva91@yahoo.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2019; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 21.10.2019; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья
УДК 94(575.4):625.1
doi: 10.17223/19988613/88/2

Среднеазиатская железная дорога: вклад в модернизацию Туркестанского края *versus* проблемы рентабельности (конец XIX – начало XX в.)

Ирина Борисовна Бочкарева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, portngina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается влияние первой железной дороги в Туркестане – Среднеазиатской – на социально-экономическое развитие региона. Строительство железной дороги стало значимым импульсом, запустившим процесс экономической модернизации и рост товарности хозяйства края, его включения в общероссийский рынок. В то же время обеспечение эффективной работы и в конечном счете финансовой рентабельности Среднеазиатской дороги требовало от государства решения целого комплекса проблем технического, кадрового, социального характера.

Ключевые слова: Среднеазиатская железная дорога, Туркестан, Российская империя, модернизация

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00180).

Для цитирования: Бочкарева И.Б. Среднеазиатская железная дорога: вклад в модернизацию Туркестанского края *versus* проблемы рентабельности (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 16–23. doi: 10.17223/19988613/88/2

Original article

Central Asian railway: contribution to the Turkestan region modernization *versus* problems of profitability (late XIX – early XX century)

Irina B. Bochkareva

Altay State University. Barnaul, Russian Federation, portngina@yandex.ru

Abstract. The first railway in Turkestan "the Central Asian" (originally Trans-Caspian) was built based on the Russian Empire strategic interests in the region, but its influence on the subsequent economic development of the region far exceeded its strategic importance. The appearance of the railway was a significant impulse for traditional Turkestan society economic modernization process. The purpose of the article is to analyze the influence of the Central Asian railway on the character of Turkestan economic modernization, as well as to try to assess the railway technical condition and its commercial efficiency. As the main sources for analysis, we used reports on the results of the Central Asian railway audits under transferring authority for the railway to the Ministry of Transport in 1899 and auditing the Turkestan region by Senator K. K. Palen in 1908. In the reports, in addition to general information the authors focus on problems in the railway maintenance that affected its efficiency.

The Central Asian railway construction made it possible to overcome the Central Asian region's economic isolation from foreign markets due to its deep continentality and lack of access to sea communications. After the railway route was finally formed, it demonstrated high-performance indicators: the number of rolling stock, cargo transportation, passenger transportation, and gross income since 1899, according to statistics. This indicates that the emergence of rail transport had accelerated the economic modernization process for region, increased marketability of the region's economy, and its integration into the all-Russian market. At the same time, during the period under review, State expenditure on road maintenance exceeded the income of the owner. The railway was unprofitable. The Road Department had to solve the set of problems to ensure the road effective functioning and increase its commercial profitability ultimately. Some of the problems were specifically related to the difficult natural and climatic conditions such as water supply issues for railway stations, high wear of rolling stock, and staff turnover. Part of problems was systemic for the region's railway network and partly for the all-Russian one. This is the strategic considerations dominance over economic ones in the construction of the railway, the low-quality services provided, the professional level of employees, and the inevitable costs of improving technical equipment and infrastructure. Nevertheless, the case of the Central Asian railway shows that the Empire's leadership strategically resolved the existing contradiction between the importance of railways for the Turkestan region development and the high costs of their maintenance for the state in favor of the further railway network development.

Keywords: Central Asian railway, Turkestan, Russian empire, modernization

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00180).

For citation: Bochkareva, I.B. (2024) Central Asian railway: contribution to the Turkestan region modernization versus problems of profitability (late XIX – early XX century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 16–23. doi: 10.17223/19988613/88/2

Железные дороги являются одним из основных институтов и даже символов современного индустриального общества. Закономерно предположить, что строительство Среднеазиатской железной дороги (до 1899 г. – Закаспийская военная железная дорога), первой в Туркестане, стало фактором трансформации традиционного туркестанского общества, втягивания его в модернизационный процесс. Современный дискурс по проблеме модернизации как исторического процесса строится на положении, что при наличии глубинных универсальных закономерностей она в то же время демонстрирует многовариантность протекания в разных странах и регионах, обусловленную влиянием местной социокультурной среды [1–3]. Отличительной чертой российского варианта модернизации являлась акторская роль в этом процессе государства, которое рассматривало железнодорожное строительство в качестве одного из основных направлений своих модернизационных усилий. Железные дороги в Туркестане строились на средства казны, и государственные структуры разного уровня должны были решать задачи эффективного функционирования железных дорог с учетом географической и социокультурной специфики региона. В современных работах по истории железнодорожного строительства в Туркестане предметом анализа, как правило, становятся процесс строительства Закаспийской железной дороги и ее роль в обеспечении военно-стратегических интересов России в регионе [4, 5]. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать влияние Среднеазиатской дороги на характер экономической модернизации региона, а также оценить состояние дороги как экономического института, ее коммерческую эффективность.

В качестве основных источников для анализа мы использовали отчеты по итогам ревизий Среднеазиатской дороги, проведенных по инициативе центральной власти в 1899 г. в связи с передачей дороги в ведение Министерства путей сообщения [6] и в 1908 г. в рамках ревизии Туркестанского края сенатором К.К. Паленом [7]. В отчетах, помимо информации общего характера (протяженность дороги, количество подвижного состава, номенклатура перевозок), авторы останавливаются и на проблемах в работе железной дороги, по их мнению, влияющих на ее эффективность. Для проведения ревизии сенатор Пален набрал себе команду помощников, которые не являлись чиновниками администрации Туркестанского края и не были связаны в своих действиях местными чиновно-корпоративными интересами. Это, как нам представляется, обусловило более высокую степень объективности оценок авторов отчетов и их последующую ценность как источника.

Среднеазиатская железная дорога в своем окончательном варианте сложилась в 1899 г. и шла от порта Красноводск на Каспийском море через Ашхабад, Мерв, Самарканд до Ташкента с ответвлением от ст. Веревкино в Ферганскую область до города Андижан. Протяженность дороги составляла 2 372 версты (примерно 2 528 км). Первоначальное название – Закаспийская военная железная дорога – отражало мотивы ее строительства и целевое назначение. Закаспийская железная дорога от Михайловского залива до Кызыл-Арвата начала строиться в 1880 г. для поддержки проведения второго ахалтекинского похода 1880 г. под руководством М.Д. Скобелева с целью взятия туркменской крепости Геок-Тепе. По дороге должны были подвозиться боеприпасы и продовольствие для российской армии. Хотя в течение десяти лет до начала строительства ЗВЖД магистральная идея дискурса о железнодорожном строительстве в Туркестане состояла в том, что дорога должна пройти в направлении от Оренбурга до Ташкента, стратегические интересы империи – удержание Туркестана в сфере влияния России и недопущение продвижения в этом направлении Великобритании – взяли вверх над экономическими соображениями (см. подробнее: [8]). С начала строительства железная дорога находилась в ведении Военного министерства, обсуживалась офицерами и рядовым составом двух Закаспийских железнодорожных батальонов и не рассматривалась как коммерческий институт.

Значение дороги стало меняться после того, как ее довели в 1888 г. до района реки Зеравшан, крупного земледельческого оазиса в Центральной Азии с городами Самарканд и Бухара. С появлением железной дороги в Самарканде кардинально изменились характер и направление товарных перевозок между Туркестаном и европейской частью России, прежде всего за счет сокращения в разы сроков доставки товаров. В 1889 г. путешествие по железной дороге от Санкт-Петербурга через Тифлис и Баку до Самарканда занимало семь с половиной дней, в то время как дорога по почтовому тракту только от Оренбурга до Ташкента требовала 25 дней [9. С. 265], а доставка товаров караванным путем на верблюдах в этом же направлении – 2–3 месяца. До прихода железной дороги в Самарканд объемы товарооборота между Туркестаном и Россией сохранялись в среднем на одном уровне с 1883 по 1885 г.¹, караванный способ доставки, судя по всему, функционировал на пределе своих возможностей и не создавал стимулов для роста спроса на туркестанское сырье. Так, хлопок, наиболее востребованный на российском рынке сырьевой продукт из Туркестана, свозился в Ташкент из Ферганской долины и Самарканда для отправки по караванному пути до Оренбурга,

а оттуда железной дорогой до Москвы. С 1883 по 1887 г. из Туркестана караванным путем в среднем вывозилось 600 тыс. пудов хлопка. В 1888 г. по Закаспийской железной дороге в Россию было вывезено 1 млн 167 тыс. пудов хлопка, тогда как караванным путем на Оренбург – 420 тыс., на следующий год по железной дороге вывезено 1 млн 699 тыс. пудов хлопка, на верблюдах 345 тыс. пудов [10. С. 921]. В 1900 г., когда уже была построена Андижанская ветка, из Ферганской области, основного поставщика хлопка, со станций Среднеазиатской железной дороги было вывезено 2 млн 990 тыс. пудов хлопка, в 1910 г. – 5 млн 617 тыс. пудов, шерсти за эти же годы 18 тыс. и 35 тыс. пудов соответственно [11. С. 64; 12. Приложение 12]. Как представляется, была взаимосвязь между процессом строительства Среднеазиатской железной дороги и мерами российской администрации по поддержке хлопководства в Туркестане. Для российского руководства была очевидна значимость Туркестана как альтернативного источника хлопка-сырца для хлопчатобумажной промышленности страны, работавшей в основном на американском привозном сырье. В начале 1880-х гг. генерал-губернатор М.Г. Черняев обратился в правительство с инициативой освободить посевы американского хлопчатника в Туркестане от налогов на 6 лет, чтобы повысить мотивацию производителей его выращивать. Тогда министр финансов Н.Х. Бунге не одобрил это предложение, но уже в конце 1880-х гг. Министерство финансов поддержало ходатайство ташкентских хлопководов об отмене или снижении налогов на хлопок. В 1891 г. Госсовет принял решение в течение шести лет применять к хлопку ту же ставку налога, которая рассчитывалась в данном районе для посевов пшеницы, ячменя, люцерны. В последующем эта льгота стала постоянной. Параллельно правительство повышало пошлины на импортируемый хлопок. К 1894 г. размер пошлины вырос до 3 руб. 15 коп. за пуд с первоначальных 40 коп. В 1900 г., когда железная дорога дошла до Ферганской долины и Ташкента, пошлина повысилась на 1 руб. В результате искусственного повышения цен на хлопок хлопководство в Туркестане стало весьма прибыльной отраслью [13. С. 146–147].

В целом данные об объемах перевозки грузов и пассажиров показывают положительную динамику от года к году, что говорит о востребованности услуг дороги на региональном рынке. Конечно, в сравнении с другими железными дорогами России показатели перевозок Среднеазиатской дороги были скромнее², но они коррелировали с общим уровнем экономического развития Туркестана как аграрного региона, который только начал интегрироваться в общероссийский рынок. Вместе с тем в качестве современного средства коммуникации Среднеазиатская дорога стала фактором ускорения экономической модернизации региона, роста товарности и специализации хозяйства.

Вместе с тем финансовые показатели Среднеазиатской дороги свидетельствуют, что при ежегодном росте грузо- и пассажирских перевозок как экономический, коммерческий институт она была убыточна, что не могло не волновать имперские власти. Согласно данным из отчета генерала Г.Г. Милеанта, проводивше-

го ревизию дороги по поручению сенатора К. Палена, с 1897 по 1905 г., пока дорога являлась монополистом в вопросе железнодорожных перевозок в регионе, положительный баланс между валовым доходом и расходом в среднем составлял 2,5 млн руб. в год [7. Л. 7]. Но если из этой суммы вычесть проценты по кредитам и платежи по капитальным сооружениям, то дорога уходила в убыток. По данным Министерства финансов, в 1902 г. убыток составил 1 млн 900 тыс. руб., в 1905 г. – 1 млн 714 тыс. руб. [15. С. 413; 16. С. 361]. Эта проблема имела системный характер для всей железнодорожной сети России, которая с 1900 г. в целом была дефицитной [17. С. 12], но по отдельным железнодорожным линиям ситуация складывалась по-разному. С.Ю. Витте в своем выступлении в 1910 г. в качестве одной из основных причин дефицитности железнодорожной сети России выделял преобладание стратегических и политических соображений при ее строительстве и оборудовании [17. С. 4]. Как представляется, этот фактор оказывал существенное влияние на снижение коммерческой эффективности Среднеазиатской железной дороги. В силу стратегических соображений строительства почти половина ее маршрута проходила через пустынные, малонаселенные территории Закаспийской области. Даже в начале XX в. функционирование дороги в ее пределах было далеко от коммерческой выгоды. К недостаткам позиционного характера относилось и то, что дорога первоначально не была связана с общероссийской железнодорожной сетью, поэтому часть пути и пассажиры, и грузы должны были проехать морским путем, по Каспийскому морю от Красноводска до Баку.

Со строительством в 1906 г. железной дороги Оренбург–Ташкент позиционное положение Среднеазиатской дороги изменилось. С одной стороны, через Ташкентскую дорогу Среднеазиатская соединялась с общероссийской железнодорожной сетью и получала прямой выход на внешние рынки. С другой – Ташкентская железная дорога, представляя прямой, более короткий и коммерчески более выгодный путь связи Туркестана с центром России³, быстро стала доминировать в грузовых перевозках. С передачей станции Ташкент от Среднеазиатской в управление Ташкентской дороги доходы по этой станции стали включаться в общий доход Ташкентской дороги. Так, по итогам 1906 г., когда в Туркестане уже действовали обе дороги, доход Среднеазиатской дороги сократился до 839 тыс. руб., а в 1907 г. дорога уже показала убыток в 1 млн 504 тыс. руб. [7. Л. 11]. Ташкентская дорога в этом же году показала убыток в 1 млн 454 тыс. руб. [18. Л. 11], но такие финансовые результаты были в большей степени обусловлены сложностями ее ввода в эксплуатацию и сохраняющимися высокими тратами на достройку необходимой инфраструктуры. В 1909 г. Ташкентская железная дорога показала доход в 1 млн 746 тыс., в то время как Среднеазиатская дорога оставалась дефицитной с убытком в 1 млн 303 тыс. руб. [19. Табл. 9].

Выше мы уже отметили коммерческие недостатки маршрута дороги, связанные со стратегическими соображениями ее строительства. В качестве еще одного фактора, негативно влиявшего на работу Среднеазиат-

ской железной дороги как полноценного экономического института, две ревизии дороги, проведенные с промежутком в десять лет, отмечали ее обслуживание военными батальонами⁴. Так, Комиссия 1899 г. пришла к выводу, что на дороге требования военной службы ставятся выше задач железнодорожной службы, поэтому нижние чины железнодорожных батальонов могут привлекаться на разные смотры, учения, отбывание дисциплинарных наказаний, что наносит ущерб работе железной дороги. В отчете Комиссии проводилась мысль, что с финансовой точки зрения выгода от обслуживания дороги военными чинами весьма фиктивна, расходы на содержание железнодорожных батальонов, строительство казарм, перемещение чинов, обучение ненамного меньше, чем на содержание вольнонаемного персонала [6. С. 10]. Тем не менее, несмотря на передачу дороги в ведение Министерства путей сообщения, ее обслуживание военными чинами наряду с гражданскими сохранилось по настоянию военного министра А.Н. Куропаткина. В 1908 г. генерал Г.Г. Милеант в отчете о состоянии дороги высказал схожую аргументацию о причинах неэффективности железнодорожных батальонов и рекомендовал их отменить. Он указывал, что если Ташкентская железная дорога, находясь в таком же статусе, обходится без железнодорожных батальонов, то зачем они нужны на Среднеазиатской [7. Л. 46–47]? Практика показывала, что совместить потребности военного начальства в подготовленных и дисциплинированных солдатах и железнодорожного начальства в опытных служащих невозможно.

Технический уровень железной дороги является важным показателем ее эффективности, поэтому состояние паровозного парка, подвижного состава, инфраструктуры Среднеазиатской дороги также являлось предметом анализа ревизий и ежегодной отчетности различных ведомств. В целом подвижной состав дороги по оценкам двух ревизий соответствовал пропускной способности дороги и даже ее превышал. За 10 лет численность всех видов пассажирских и товарных вагонов на дороге увеличилась в 3–4 раза. Так, если в конце XIX в. на дороге отсутствовали вагоны I класса, что считалось ее недостатком, то в 1908 г. их было 19. Количество пассажирских вагонов II класса увеличилось с 20 до 68, товарных крытых вагонов – с 1 724 до 4 713, платформ с 423 до 1 679 [6. С. 144; 7. Л. 4]. Некоторый дефицит имелся в специальных вагонах. Комиссия 1899 г. указывала, что на дороге ощущается нехватка нефтяных цистерн. Существующего числа вагонов-цистерн едва хватало, чтобы покрыть потребности дороги в топливе, и не было возможности сделать какой-либо запас. Судя по материалам ревизии Палена, к 1908 г. вопрос с нехваткой цистерн был решен⁵, вместе с тем отмечался недостаток вагонов для перевозки фруктов и ледников.

Со строительством Ташкентской железной дороги и сокращением сроков доставки товаров на рынки европейской части России товарный характер начинают приобретать такие отрасли хозяйства Туркестана, как садоводство и рыболовство. Рост вывоза свежих фруктов из региона показал неготовность железных дорог

края качественно обеспечить перевозку данного вида продукции. В материалах сенаторской ревизии содержится письмо экспортеров фруктов Ташкента на имя графа К.К. Палена, в котором они отмечают ряд проблем, препятствующих стабильной доставке фруктов на рынки европейской части России. При этом основные претензии предъявлялись к организации работы железной дороги. Составители письма указывали на неисполнение железными дорогами сроков доставки фруктов на столичные рынки, недостаточность подвижного состава, невнимание управления железных дорог к интересам экспортеров в случае предъявления ими жалоб [20. Л. 111]. В этой связи они предлагали изменить положение железнодорожного Устава, по которому виноград, яблоки и груши, упакованные в ящики, отнесены к категории товаров, подлежащих хранению на станциях сроком до недели [20. Л. 112]. При таком положении отправки фруктов в Петербург часто оканчивались составлением актов о порче груза по вине дороги, так как груз находился в пути дольше положенного. В 1906 г. за недостатку и порчу груза дороге было предъявлено претензий на сумму 572 тыс. руб., на следующий год сумма составила уже 1 млн 582 тыс. руб., но Управление дороги выплатило только 300 тыс. руб. компенсаций [7. Л. 15].

При некоторых недостатках подвижного состава действительно слабым местом технического обеспечения дороги было состояние паровозного парка, что в конечном итоге сказывалось и на рентабельности дороги. Для Среднеазиатской дороги был характерен высокий процент износа и последующего ремонта паровозов. На 1908 г. доля паровозов, находящихся в ремонте, составила 40% от их общего количества на дороге, что, по мнению генерала Г.Г. Милеанта, было колоссальным показателем [7. Л. 3]. Основной причиной плохого состояния паровозного парка были природно-климатические условия, в которых дорога эксплуатировалась. Преимущественно пустынный и полупустынный ландшафт территорий, через которые проходила дорога, пыль, плохое качество воды с высоким содержанием кварцевых частиц приводили к частой поломке котлов и ходовой части паровозов. При этом их ремонт был очень дорог. В европейской части России ремонт паровозных котлов являлся редкостью, а в условиях Туркестана он был практически обязателен, поэтому на Среднеазиатской дороге ремонт паровоза в среднем обходился в 3 500 руб. (в европейской части России – в 700 руб.). Ремонт затруднялся еще и тем, что состав паровозов был очень разнотипным даже в рамках одного вида, и требовалось большое количество различных запасных частей. Так, например, в депо ст. Чарджуй 40 паровозов были представлены 24 типами. За 1907 г. перерасход дороги на ремонт подвижного состава составил 1 млн 173 тыс. [7. Л. 54], 8,3% от валового дохода дороги.

Улучшение качества воды могло бы уменьшить расходы на ремонт паровозов и вагонов, однако обеспечение станций и подвижного состава водой приемлемого качества по-прежнему оставалось острой проблемой. Водная проблема, главным образом, была актуальна для станций Закаспийской области и юга

Бухарского эмирата. Только две станции на дороге имели собственные источники воды, остальные забирали воду из источников, общих с населением. Были и такие станции, где водоснабжение осуществлялось посредством привоза воды, поэтому на дороге были специальные водяные поезда для снабжения паровозов и станций водой [6. С. 14]. Для повышения качества воды строились опреснители, химические очистители воды, отстойные бассейны и колодцы. Но во многих случаях оказывалось, что технические характеристики опреснителей не отвечали уровню жесткости воды, как это было в Красноводске и на станции Уч-Аджи. В итоге вложенные средства себя не оправдывали, и Г.Г. Милеант обвинял в таком неэффективном расходовании средств руководство дороги, которое недостаточно серьезно подходило к вопросу предварительного исследования условий местности и качества воды. Несмотря на уже потраченные средства на обеспечение водоснабжения, Управление дороги запросило на 1909–1912 гг. 1 млн рублей на его улучшение и развитие [7. Л. 6].

Затраты на модернизацию инфраструктуры являются необходимой составляющей поддержания эффективной работы любой железной дороги. И в случае со Среднеазиатской дорогой государство, стремясь удовлетворить возросшие коммерческие интересы, вкладывало средства в перестройку полотна дороги, замену первоначального деревянного моста через Амударью на железобетонный, устройство развязов для увеличения пропускной способности дороги и т.д. [5. С. 97]. Но решение вопроса водоснабжения дороги в условиях вододефицитного региона, как представляется, требовало не просто частных шагов, а системных преобразований, например проведения масштабных ирригационных работ. Российская администрация понимала необходимость модернизации ирригационной системы Туркестана для развития края, но в силу высоких капитальных затрат на ее осуществление выполнить эту задачу не успела.

Водная проблема в зоне Среднеазиатской железной дороги имела не только техническое и экономическое измерения, связанные с необходимостью обеспечения ее стабильного функционирования, но и этносоциальное. В условиях засушливого климата и слабой обводненности региона основной причиной межэтнических, социальных конфликтов между группами коренного населения Туркестана являлся доступ к воде [21. С. 84]. Строительство Среднеазиатской дороги создало дополнительную нагрузку на дефицитные водные ресурсы, поскольку большинство станций обеспечивалось водой из общих с населением источников. Руководство дороги, действуя по праву сильного, зачастую злоупотребляло в вопросах забора воды. Все это порождало дополнительную социальную напряженность среди коренного населения. Так, наиболее вопиющий случай нарушения прав доступа местного населения к воде вскрылся на станции Кызыл-Арват Закаспийской области. Здесь водоснабжение дороги осуществлялось из общего с населением источника посредством выделения дороге 2/5 доли воды, 1/5 городу и 2/5 текинцам. Однако местный начальник участка пути незаконно

провел воду из трубы текинцев в железнодорожный бассейн, в результате последние были фактически лишены доступа к воде и голодали [7. Л. 7–8]. Их жалобы не получали внимания со стороны железнодорожного начальства, и проблема получила огласку только в результате проведения сенатской ревизии. Скорее всего, такие ситуации были распространены, но местное население не могло отстоять свои права в рамках нормативных процедур, поэтому часто шло по пути противодействия железной дороге: взламывало колодцы с водой, пригоняло скот на водопой к арыкам, вода из которых использовалась для нужд дороги, и засоряло их. Можно сказать, что в рамках процесса модернизации, в который постепенно втягивалось туркестанское общество, железные дороги создавали угрозы для воспроизводства традиционного хозяйственного уклада, особенно кочевого населения, разрушали его. Однако краевая российская администрация, как, впрочем, и центральная, не ставила в это время задачи снизить для коренного населения неизбежные в процессе перехода традиционного к современному обществу издержки.

Железные дороги выступили зоной этнокультурного взаимодействия между русскими, представлявшими в этой ситуации «современность», и местным коренным населением, представлявшим «традицию». Процесс восприятия коренным населением Туркестана современных технических достижений, таких как поезд, железная дорога, телефон, фотоаппарат, граммофон, проходил условно через следующие стадии: первоначальный культурный шок, порождающий сомнения и страх, затем этап освоения новшества и, наконец, «присвоение» и включение в собственную культуру [22. С. 253]. Процесс восприятия и освоения европейских новшеств хорошо заметен на лексическом уровне. Так, названия поезда в узбекском языке менялись от первоначальных, образных и вписанных в свою культуру определений «шайтан араба» (повозка дьявола), «аташ араба» (огненная арба), «ахан араба» (железная арба) до русской транскрипции «поис» и «поезд». Коренное население региона, в первую очередь городское, довольно быстро освоило новый вид транспорта. Согласно отчетам по пассажироперевозкам, местное население ездило в основном вагонами III–IV классов, они были постоянно переполнены. Дорога перевезла в 1898 г. около полумиллиона пассажиров, в 1905 г. – 1 млн 113 тыс. [16. С. 362]. Поскольку области, через которые проходила Среднеазиатская дорога, не являлись приоритетными в процессе русского переселения в Туркестанский край, то есть основания полагать, что основную долю пассажиропотока составляло коренное население. Нагрузка на дорогу возрастала в периоды паломничества к святым местам. Руководству дороги в процессе организации перевозки приходилось учитывать культурные, бытовые нормы местного населения, налагаемые исламом. Оценивая состояние станций и вокзалов Среднеазиатской дороги, Комиссия 1899 г. указывала, что российский политический агент в Бухаре настоятельно советует сделать в помещении вокзала станции Бухара отдельную комнату для бухарских женщин в зале для пассажиров II класса [6. С. 70].

В материалах ревизии сенатора Палена содержится документ, посвященный вопросу организации отдельного вокзала для мусульман на ст. Ташкент. В нем отмечается, что пассажиры из числа коренных жителей испытывали большие неудобства на вокзале «вследствие тесноты зала III класса, неприязненного отношения к ним русских пассажиров, недостатка съестных продуктов, разрешаемых к потреблению их вероучением» [18. Л. 55]. В этой связи почетный гражданин Ташкента Саидазимбаев выступил с предложением построить для местного населения отдельный мусульманский павильон, организованный в соответствии с их образом жизни. Руководство Ташкентской дороги дало разрешение с условием, что помещения вокзала будут бесплатными для пассажиров.

Однако в профессиональном отношении железнодорожное дело оставалось сферой деятельности русского населения. Личный состав служащих Среднеазиатской железной дороги в 1908 г. насчитывал 14 тыс. 580 чел., из них абсолютное большинство составляли русские. На Среднеазиатской дороге русских было 79%, сартов и текинцев 8,5%, персов 8,1% [7. Л. 16], на южном участке Ташкентской дороги, который проходил по территории Туркестанского края, служащие русской национальности составляли 86%, киргизы 2,2%, сарты 0,09% (доля русских на всей дороге – 92%) [18. Л. 16]. Подобный национальный состав работников железных дорог был изначально обусловлен отсутствием у коренного населения соответствующего технического образования, необходимого для работы на дороге. Коренное население привлекалось преимущественно на поденные работы, связанные с ремонтом путей. Материалы двух ревизий Среднеазиатской дороги показывают, что на дороге имели место нехватка служащих, рабочих мастерских и высокая текучка кадров. В 1898 г. из 4 337 вольнонаемных служащих дороги уволились 2 755 человек, или 63%. Из числа уволившихся 53% пришлось на службу пути, т.е. машинистов и помощников машинистов [6. С. 13]. Со временем ситуация с кадровой обеспеченностью дороги кардинально не изменилась. Непривычный для русских жаркий климат, плохие социально-бытовые условия проживания, дороговизна квартир тормозили процесс закрепления русских служащих на дороге.

Дефицит кадров решался, как правило, привлечением служащих и рабочих ремонтных мастерских с дорог европейской части России, но это были далеко не лучшие специалисты своего дела. Лейтмотивом отчетов генерала Г.Г. Милеанта о состоянии Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог являются претензии к уровню профессиональной подготовки рядовых работников и их недостаток для обеспечения эффективной работы дороги. Это свидетельствовало о том, что данная проблема имеет системный характер для всей железнодорожной сети региона. В ситуации нехватки служащих Управление Среднеазиатской дороги, как и Министерство путей сообщения, тем не менее пыталось снизить затраты на содержание дороги, тот же ремонт подвижного состава, путем экономии на заработной плате машинистов и рабочих мастерских. Так, на станции Черняево (Сырдарьинская область) по

штату должно было быть 24 машиниста, но на самом деле числились 16, а оставшиеся восемь мест замещались помощниками машинистов, но зарплата первых 50–60 руб., а вторых 40 руб. в месяц [7]. Согласно циркуляру Управления железных дорог от 28 мая 1908 г. с целью экономии средств предлагалось сократить число мастеровых и рабочих и снизить расценки за ремонтные работы. В результате в течение июля 1908 г. было сокращено 470 мастеровых и рабочих депо и мастерских и в ходе переговоров с железнодорожным профсоюзом снижены расценки на работы. Только рабочие Кызыл-Арватских мастерских не приняли сниженных нормативов оплаты, в связи с чем начальник дороги опасался, что рабочие попытаются обратиться с жалобами к генералу Милеанту во время его пребывания в городе по вопросам ревизии [7. Л. 54–55].

При этом центральная и краевая власть даже не ставила вопрос о том, чтобы решить проблему дефицита кадров путем вовлечения местного населения в сферу занятости на железных дорогах. Так, система железнодорожных училищ, функционирующих на отдельных станциях двух дорог, была ориентирована на прием детей русских служащих дороги, как и вся система современного образования в целом. Вместе с тем сенатор К.К. Пален в своем итоговом отчете отмечает, что «значительная часть туземного населения, особенно в зоне железных дорог и хлопковой промышленности, уже чувствует на себе влияние новых условий жизни, требующих прежде всего знания русского языка и русской грамоты. Открытие школ в таких районах, безусловно, шло бы навстречу потребностям населения» [23. С. 66]. Однако на нужды развития туземной школы шла лишь 1/10 всех выделенных на народное образование средств. Материалы двух ревизий дороги показывают, что вопросы технической модернизации дороги решались, и в этом отношении дорога в целом отвечала вызовам рынка. Но что касается кадрового состава (его профессиональный уровень, материальная обеспеченность, социальные условия работы и проживания, и в конечном итоге качество обслуживания на железной дороге), то в этом случае острота проблемы сохранялась.

Строительство Среднеазиатской железной дороги позволило преодолеть экономическую замкнутость, оторванность от внешних рынков центральноазиатского региона в силу его глубокой континентальности и отсутствия выходов к морским коммуникациям. Если оценивать социально-экономические следствия появления железнодорожного сообщения в регионе, то, конечно, оно значительно ускорило процесс экономической модернизации, рост товарности хозяйства региона, его интеграцию в общероссийский рынок. Вместе с тем модернизация Туркестана шла по пути модернизации колониального типа, регион превращался в сырьевую базу российской промышленности, поставщика сельскохозяйственного сырья, и все последующие шаги по развитию железнодорожной сети региона были подчинены решению этой цели. Хотя Среднеазиатская дорога демонстрировала положительную динамику показателей своей работы (грузо-перевозки, перевозка пассажиров, валовой доход), на

протяжении рассматриваемого периода расходы на ее содержание превышали доходы. Управлению дороги приходилось решать целый комплекс проблем для обеспечения ее эффективного функционирования и повышения ее коммерческой рентабельности. Часть проблем носила специфический характер, связанный со сложными природно-климатическими условиями местности, как например, вопросы водообеспечения станций дороги, высокий износ подвижного состава, кадровая текучка. Ряд проблем имел системный характер для железнодорожной сети региона и общероссийской

в целом. Это доминирование стратегических соображений над экономическими при строительстве дорог, низкое качество оказываемых услуг, профессиональный уровень служащих и, конечно, неизбежные расходы на улучшения технической оснащенности и инфраструктуры. Тем не менее случай Среднеазиатской дороги показывает, что стратегически руководство империи решало имеющееся противоречие между значением железных дорог для развития края и высокими расходами на их содержание для государства в пользу дальнейшего расширения сети железных дорог.

Примечания

¹ Объем грузов, вывезенных и ввезенных в Туркестан через станцию Оренбург в 1883 г., составил 4 млн 117 тыс. пудов, в 1884 г. – 3 млн 789 тыс. пудов, в 1885 г. – 4 млн 230 тыс. пудов [10. С. 919.]

² Для сравнения: за 1906 г. по Среднеазиатской дороге было перевезено 107 млн 363 тыс. пудов грузов, по Сибирской железной дороге – 249 млн 034 тыс. пудов, а по Юго-Западной железной дороге, которая являлась одним из лидеров среди железных дорог России по экономическим показателям, 712 млн пудов грузов. Пассажиров за этот год было перевезено 1 млн 323 тыс., 1 млн 845 тыс. и 9 млн 565 тыс. соответственно [14. С. 474–477].

³ Путь от Ташкента до Москвы по Ташкентской железной дороге занимал 4 суток.

⁴ На 1907 г. в Туркестане располагались объединенные в Туркестанскую железнодорожную бригаду 1-й и 2-й Закаспийские батальоны шестиротного состава военного времени и Кушкинская полевая железнодорожная рота, насчитывавшая 286 человек.

⁵ Число цистерн увеличилось почти в 5 раз, со 165 до 933 [6, 7].

Список источников

1. Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2016. 316 с.
2. Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2004. 606 с.
3. Лысенко Ю.А. Актеры социально-экономической модернизации центральноазиатского региона Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. : сб. науч. трудов междунар. семинара. М. : Онтотип, 2019. С. 40–57.
4. Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Возведение и функционирование транскаспийской магистрали в 80-х – начале 90-х гг. XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2013. Вып. № 15 (158). С. 113–118.
5. Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития Русского Туркестана // Пространство и время. 2013. № 3 (13). С. 92–98.
6. Записка о состоянии Закаспийской железной дороги и о главнейших потребностях ее улучшения : сост. на основании данных, собранных в 1899 году Комиссией по приему дороги в ведение Министерства путей сообщения. СПб., 1899. 169 с.
7. Отчет генерал-майора Г. Миланта по ревизии Среднеазиатской железной дороги // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1396. Оп. 1. Д. 221.
8. Бочкарева И.Б. Железнодорожное строительство в стратегии Российской империи по освоению Туркестана // Известия АлтГУ. 2019. № 5 (109). С. 33–38.
9. Горшенина С. Закаспийская железная дорога: стандартизация историко-литературных и иконографических репрезентаций русского Туркестана // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж–Самарканд : МИЦАИ, 2013. С. 258–273.
10. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1892. № 39.
11. Обзор Ферганской области за 1900 г. Новый Маргелан : Тип. Ферганского обл. правления, 1901. 141 с.
12. Статистический обзор Ферганской области за 1910 г. Скобелев : Ферганский обл. стат. ком., 1912. 185 с.
13. Центральная Азия в составе России / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 452 с. (Historia Rossica. Окраины Российской империи).
14. Ежегодник Министерства финансов. СПб. : Тип. редакции периодических изданий М-ва финансов, 1909. Вып. 1907/8 годы. 550 с.
15. Ежегодник Министерства финансов. СПб. : Тип. редакции периодических изданий М-ва финансов, 1906. Вып. 1905 года. 747 с.
16. Ежегодник Министерства финансов. СПб. : Тип. редакции периодических изданий М-ва финансов, 1907. Вып. 1906/7 годы. 434 с.
17. Витте С.Ю. Некоторые соображения о причинах дефицитности русской железнодорожной сети. СПб. : Ин-т инж. пут. сообщ. имп. Александра I, 1910. 12 с.
18. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 216.
19. Статистический сборник Министерства путей сообщения. СПб. : изд. М-ва путей сообщ., 1912. Вып. 113, ч. 2. 221 с.
20. РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 194.
21. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 662 с.
22. Джумаев А. «Чудеса» и новшества русских и европейцев в восприятии «среднеазиатского человека»: культурный шок, адаптация, «присвоение» // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого шелкового пути. Париж–Самарканд : МИЦАИ, 2013. С. 245–257.
23. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом : земское хозяйство. СПб. : Сенат. тип., 1910. 206 с.

References

1. Poberezhnikov, I.V. (ed.) (2016) *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian imperial modernization (18th – early 20th century): A regional dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
2. Shelokhaev, V.V. (2004) *Modeli obshchestvennogo pereustroystva Rossii. XX vek* [Models of social reconstruction in Russia. 20th century]. Moscow: ROSSPEN.

3. Lysenko, Yu.A. (2019) Aktory sotsial'no-ekonomicheskoy modernizatsii tsentral'noaziatskogo regiona Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Actors of socio-economic modernization of the Central Asian region of the Russian Empire (the second half of the 19th – early 20th century)]. In: Vasiliev, D.V. *Tsentrall'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests: 18th–19th centuries]. Moscow: OntoPrint. pp. 40–57.
4. Fursov, V.N. & Testov, V.N. (2013) Vozvedenie i funktsionirovaniye transkaspiskoy magistrali v 80-kh – nachale 90-kh gg. XIX v. [Construction and operation of the trans-Caspian highway in the 1880s – early 1890s]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya.* 15(158). pp. 113–118.
5. Volkov, I.V. (2013) Zheleznodorozhnye kommunikatsii kak faktor razvitiya Russkogo Turkestana [Railway communications as a factor in the development of Russian Turkestan]. *Prostranstvo i vremya.* 3(13). pp. 92–98.
6. The Russian Ministry of Railways. (1899) *Zapiska o sostoyanii Zakaspiyskoy zheleznoy dorogi i o glavnykh potrebnykh ee uluchsheniya: sost. na osnovanii dannykh, sobrannykh v 1899 godu Komissiei po priemu dorogi v vedenie Ministerstva putey soobshcheniya* [Note on the state of the Trans-Caspian railway and the most important needs for its improvement: Based on the data collected in 1899 by the Commission for the Acceptance of the Road under the Jurisdiction of the Ministry of Railways]. St. Petersburg: [s.n.].
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). (n.d.) *Otchet general-mayora G. Mileanta po revizii Sredneaziatskoy zheleznoy dorogi* [Report of Major General G. Mileant on the audit of the Central Asian Railway]. Fund 1396. List 1. File 221.
8. Bochkareva, I.B. (2019) Zheleznodorozhnoye stroitel'stvo v strategii Rossiyskoy imperii po osvoiniyu Turkestana [Railway construction in the strategy of the Russian Empire for the development of Turkestan]. *Izvesti AltGU.* 5(109). pp. 33–38.
9. Gorshenina, S. (2013) Zakaspiyskaya zheleznyaya doroga: standartizatsiya istoriko-literaturnykh i ikonograficheskikh reprezentatsiy russkogo Turkestana [Transcaspian Railway: standardization of historical, literary and iconographic representations of Russian Turkestan]. In: Mustafaev, Sh. et al. *Kul'turnyy transfer na perekrestkakh Tsentral'noy Azii: do, vo vremya i posle Velikogo shelkovogo puti* [Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During and After the Great Silk Road]. Paris; Samarkand: MITsAI. pp. 258–273.
10. *Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli.* (1892) 39.
11. Fergana Regional Statistics Committee. (1901) *Obzor Ferganskoy oblasti za 1900 g.* [A survey of the Fergana region for 1900]. Novyy Margelan: Tip. Ferganskogo obl. Praveniya.
12. Fergana Regional Statistics Committee. (1912) *Statisticheskiy obzor Ferganskoy oblasti za 1910 g.* [A statistical survey of Fergana region for 1910]. Skobelev: Ferganskiy obl. stat. kom.
13. Abashin, S.N., Arapov, D.Yu. & Bekmakhanova, N.E. (2008) *Tsentrall'naya Aziya v sostave Rossii* [Central Asia as part of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. The Ministry of Finance of Russia. (1909) *Ezhegodnik Ministerstva finansov* [Yearbook of the Ministry of Finance]. Vol. 1907/8. St. Petersburg: Ministry of Finance of Russia.
15. The Ministry of Finance of Russia. (1906) *Ezhegodnik Ministerstva finansov* [Yearbook of the Ministry of Finance]. Vol. 1905. St. Petersburg: Ministry of Finance of Russia.
16. The Ministry of Finance of Russia. (1907) *Ezhegodnik Ministerstva finansov* [Yearbook of the Ministry of Finance]. Vol. 1906/7. St. Petersburg: Ministry of Finance of Russia.
17. Vitte, S.Yu. (1910) *Nekotorye soobrazheniya o prichinakh defitsitnosti russkoy zheleznodorozhnoy seti* [Some thoughts on the reasons for the scarcity of the Russian railway network]. St. Petersburg: Institute of Railway Engineers.
18. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 216.
19. The Ministry of Railways of Russia. (1912) *Statisticheskiy sbornik Ministerstva putey soobshcheniya* [The statistical collection of the Ministry of Railways]. Vol. 113(2). St. Petersburg: Ministry of Railways.
20. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1396. List 1. File 194.
21. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatelnosti". Natsii i natsionalizm v SSSR. 1923–1939* [The Empire of "Affirmative Action". Nations and nationalism in the USSR. 1923–1939]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
22. Dzumaev, A. (2013) "Chudesa" i novshestva russkikh i evropeytssev v vospriyatii "sredneaziatskogo cheloveka": kul'turnyy shok, adaptatsiya, "pri-svoenie" ["Miracles" and innovations of Russians and Europeans in the perception of "Central Asian man": Culture shock, adaptation, "appropriation"]. In: Mustafaev, Sh. et al. *Kul'turnyy transfer na perekrestkakh Tsentral'noy Azii: do, vo vremya i posle Velikogo shelkovogo puti* [Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During and After the Great Silk Road]. Paris; Samarkand: MITsAI. pp. 245–257.
23. Palen, K.K. (1910) *Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoy po vysochayshemu poveleniyu senatorom gofmeysterom grafom K.K. Palenom: zemskoe khozyaystvo* [Report on the audit of the Turkestan region, carried out by the highest order by Senator Chamberlain Count K.K. Palen: A zemstvo farm]. St. Petersburg: Senat. tip.

Сведения об авторе:

Бочкарева Ирина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: portngina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Bochkareva Irina B. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Oriental Studies at Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: portngina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 14.04.2020; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья
УДК 324:94(470)
doi: 10.17223/19988613/88/3

Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии)

Андрей Николаевич Егоров

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия, anegorov65@mail.ru

Аннотация. Рассматривается взаимодействие власти и общества в ходе избирательной кампании в IV Государственную думу на материалах Вологодской губернии. Показаны механизмы поддержки правых кандидатов со стороны губернской администрации, приемы и методы административного воздействия на ход выборов. Анализируются расстановка политических сил в губернии, ход избирательной кампании и ее итоги. Делается вывод о том, что выборы в IV Государственную думу, несмотря на ограничения избирательного закона от 3 июня 1907 г. и использование властями административного ресурса, показали падение авторитета губернских властей и очевидный запрос населения на реформирование страны.

Ключевые слова: избирательные кампании, предвыборная борьба, губернская администрация, правые, оппозиция, Государственная дума

Для цитирования: Егоров А.Н. Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 24–36. doi: 10.17223/19988613/88/3

Original article

Power and society in the elections to the iv State Duma (based on the materials of the Vologda province)

Andrey N. Yegorov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation, anegorov65@mail.ru

Abstract. The article considers the interaction of the power and the society during the election campaign to the IV State Duma of the Russian Empire. The research was based on the Vologda province materials. The research source was the Russian State Historical Archive special paperwork materials for the elections to the State Duma, the documents of the Vologda Region State Archives and the local periodicals. The article shows the socio-political situation in the province at the beginning of the twentieth century, which determined the elections results to the Duma of the first and third convocations. The decline in public activity after the end of the First Russian Revolution led to the population's shrinking attention to the election campaigns, and the interest to the parliament as a new political institution was definitely fading. However, by 1912, on the eve of the elections to the Fourth Duma in the Vologda province, there was a revival of social and political life, a rise in public sentiment, which caused the concern of the authorities at all levels. The article describes the actions of the Vologda governor M.N. Shramchenko to ensure the election to the Duma of the right-wing candidates necessary for the authorities. Since the Union of the Russian People local department did not suit the provincial authorities with their political attitude towards A.I. Dubrovin, a branch of the All-Russian National Union was established in Vologda, which was aimed at uniting all right-wing forces. However, the Vologda department of the ANS turned out to be a stillborn organization, and that explained unpopularity of nationalist ideas in almost mononational Vologda province. The authorities also counted on the support of the clergy, who in many counties had a majority in the Curia landowners due to the poorly developed landowner tenure. On the eve of the elections in the province there was a polarization of political forces - the opposition opposed the right-wing forces, uniting the cadets and moderate socialists in their ranks. The Cadets formally did not have their own organization, but acted in concert and had an authority among the voters of the urban and, in part, peasant curia. The article analyzes the election slogans of the right wing and the opposition, the course of the election campaign and its results. The mechanisms of support for the right-wing candidates provided by the provincial administration, the techniques and methods of administrative influence on the course of the elections are also analyzed. It is shown that the measures taken by the authorities to hold right wing candidates in the Duma had rather limited results. Of the five elected deputies from the Vologda province, only one joined the right-wing faction, the other two deputies chose the Center faction, and the two more deputies joined the opposition factions of the Cadets and Progressives. The conclusion is drawn about the apparent tendencies for the opposition increase and the officials' authority decline during the provincial elections. The elections of the IV State Duma, despite all the restrictions of the election law of June 3, 1907, showed an obvious request from the society for reforming the country. However,

provincial authorities in the Vologda Province not only failed to respond to this request, participating in a limited dialogue with the opposition, but also failed to even properly consolidate right-wing forces. Applying a wide range of administrative measures against the opposition, the provincial administration drove the situation even further into a dead end, which led to an increase in contradictions between the government and the society.

Keywords: election campaign, election campaign, the provincial administration, right, the opposition, the State Duma

For citation: Yegorov, A.N. (2024) Power and society in the elections to the iv State Duma (based on the materials of the Vologda province). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 24–36. doi: 10.17223/19988613/88/3

Выборы в IV Государственную думу Российской империи всегда оставались на периферии исследовательского внимания, что вполне естественно. Историков интересовали прежде всего выборы в первые две Думы, проходившие в условиях революционных потрясений, в меньшей степени – выборы в III Думу как результат реализации властями явно ограничительного по отношению ко многим категориям населения избирательного закона от 3 июня 1907 г. [1–4]. Выборы в IV Думу проходили в относительно спокойной общественно-политической обстановке и дали предсказуемый результат, схожий с предшествующими выборами в III Думу. Между тем выборы в последний в истории Российской империи парламент не стоит недооценивать – именно в это время была избрана Дума, сыгравшая существенную роль в Февральской революции. По подсчетам А.Б. Николаева, более трети депутатов IV Думы приняли активное участие в революционных событиях [5. С. 267]. Уже одно это обстоятельство заставляет пристально приглядеться к ходу выборов. Кроме того, применительно к российской провинции итоги избирательной кампании являются едва ли не единственным более или менее объективным индикатором (с учетом особенностей избирательного закона) взаимоотношений власти и общества. Они позволяют показать уровень доверия к власти, расклад политических сил на местах, тенденции общественно-политического развития страны в третьиюньский период. Отечественная историография немало сделала для изучения региональных особенностей взаимодействия власти и общества в ходе выборов в Государственную думу [6, 7], но применительно к Вологодской губернии комплексного анализа данной проблематики еще не проводилось. В историографии затрагивались лишь отдельные аспекты избирательных кампаний в губернии: организация выборов [8] и участие в них социал-демократов [9]. В основу данной статьи положены материалы особого делопроизводства по выборам в Государственную думу Российского государственного исторического архива, документы Государственного архива Вологодской области и периодическая печать.

В начале XX в. Вологодская губерния была обычной российской провинцией с преимущественно крестьянским населением. На ее территории не было больших городов, крупных заводов и фабрик, высших учебных заведений. Географическое положение губернии превращало ее в удобное место для политической ссылки, которая являлась важным фактором общественно-политической жизни края. На местах сложились тесные контакты между политическими ссыльными и деятелями земского и городского самоуправления,

придерживавшимися, как правило, либеральных взглядов. Накануне Первой российской революции в губернии сформировалась относительно единая оппозиционная среда из политссыльных, провинциальной интеллигенции и деятелей местного самоуправления, которой были близки как либеральные, так и социалистические идеи, наблюдался их симбиоз. Именно из этой среды в 1905 г. выросли кадетские организации губернии, отличавшиеся левизной и опиравшиеся на органы местного самоуправления. Так, наиболее авторитетными кадетами являлись председатель губернской земской управы В.А. Кудрявый, Вологодский городской голова И.Ф. Клушин, земский деятель Н.Я. Масленников и др. [10. С. 36]

Выборы в первую Государственную думу прошли в губернии в соответствии с общероссийскими тенденциями. Региональная особенность заключалась в отсутствии рабочей курии из-за недостаточно развитого крупного промышленного производства. В Думу избрали губернского предводителя дворянства октябриста Н.Н. Андреева, земского служащего П.Д. Щипина (вошел во фракцию трудовиков) и трех крестьян, двое из которых вступили в Партию демократических реформ, близкую к кадетам [11. С. 256].

В июне 1906 г. вологодским губернатором назначили активного участника монархического движения, будущего министра внутренних дел А.Н. Хвостова, который жесткими административными методами стал бороться с кадетами и социалистами, опираясь на возникший в Вологде в феврале 1906 г. Союз русского народа во главе с женой земского начальника А.И. Карауловой. Хвостов всячески поддерживал вологодских черносотенцев, поощрял местных чиновников к вступлению в СРН. Через него осуществлялось финансирование вологодской черносотенной газеты «Русский Север» (издавалась в 1907–1909 гг.). Уже к концу 1906 г. в Вологодской губернии, по данным Департамента полиции, действовало 12 отделений СРН, насчитывавших 5 294 члена, а к началу 1908 г. – 7 094 [12. С. 625], что существенно превосходило количество членов всех остальных партий ряда северных губерний, вместе взятых.

Осенью 1906 г. в ходе очередных выборов земских гласных в результате неприкрытого давления властей и активизации черносотенцев многих оппозиционных деятелей забаллотировали, а часть выбранных отстранили в административном порядке. Чистка коснулась и городских дум. Так, в начале 1907 г. отстранили от должности вологодского городского голову кадета И.Ф. Клушина. В результате кадеты лишились опоры в органах местного самоуправления. Однако все эти

меры не помогли властям на выборах во II Думу; состав вологодских депутатов оказался еще более оппозиционным: избрали земского деятеля кадета Н.М. Волоцкого и четырех крестьян, примкнувших к трудовикам [11. С. 259].

Третьеиюньский избирательный закон явно ослаблял возможности левых партий и либеральной оппозиции на выборах в III Думу, чем не мог не воспользоваться А.Н. Хвостов. Впоследствии, накануне выборов в IV Думу, на совещании губернаторов с премьер-министром В.Н. Коковцовым он поделился методами своей предвыборной деятельности. Хвостов полагал, что губернаторы «не только должны, но и могут провести в Думу исключительно тех, кого они пожелают», для чего необходимо устранить с помощью начальника губернского жандармского управления всех оппозиционных кандидатов, а на их место наметить «совершенно надежных в политическом отношении» людей, обеспечив их финансирование. Главным, по его мнению, было «задаться целью и не колебаться в выборе средств, т.е. не обращаться внимания на выкрики печати и не бояться жалоб на неправильность выборов» [13. С. 92]. Используя подобные методы, Хвостов сумел обеспечить благоприятный для властей результат выборов в III Думу: все пять избранных от губернии депутатов вошли в правые фракции; одним из них стал почетный товарищ председателя Вологодского отдела Союза Русского народа священник Н.Е. Якубов [11. С. 260]. Правда, политическая лояльность не превратила вологодских депутатов в активных парламентариев – в Думе они ничем себя не проявили.

Административно-полицейские меры властей в совокупности с общим спадом общественной активности после окончания Первой российской революции привели к внешней нормализации положения в губернии: революционные организации были подавлены, влияние кадетской партии подорвано. Провинциальные либералы были отстранены от работы в государственных учреждениях, земствах и городских думах, исключены из дворянских собраний и общественных организаций. Окончательный отказ Сената в феврале 1908 г. легализовать кадетскую партию повлек за собой запрещение принимать ее членов как представителей нелегализованной партии на государственную службу и в органы местного самоуправления. В октябре 1908 г. на партийной конференции вологодский кадет А.В. Васильев отмечал, что в губернии общественная жизнь замерла: «Все деятели изъяты, переданы суду. Земства задавлены. Газеты убивают штрафами за всякую мелочь. Обязательные постановления ввергают обывателей в тюрьму. Вологодский отдел партии, прежде довольно значительный, теперь насчитывает в своих рядах 5–6 человек: остальные частью изъяты, частью ушли сами. Такое положение вещей, естественно, вызывает полнейшее озлобление» [14. С. 64].

Неудивительно, что подобная общественная атмосфера приводила к ослаблению интереса населения к избирательным кампаниям. Если во время первых двух Дум еще была слабая надежда на парламент, то к третьим выборам она практически исчезла. Пять лет работы III Думы еще сильнее разочаровали обывате-

лей, интерес к парламенту как новому политическому институту явно затухал. Так, в начале 1912 г., отвечая на запрос губернатора, председатель Яренского уездного съезда С.И. Турбин писал, что интерес населения к деятельности Думы «со времени учреждения ее прогрессивно ослабевал, и в данный момент число лиц, интересующихся деятельностью Думы, среди местной интеллигенции, не говоря уже о крестьянах, – весьма незначительно» [15. Л. 1]. Власти Сольвычегодского уезда объясняли безразличное отношение крестьян к Думе отсутствием «реального проявления ее действий по этому краю» и тем, что она «не содействует земельному устройству государственных крестьян уезда» [15. Л. 13]. Кроме того, местные власти обращали внимание на безграмотность и малограмотность крестьянского населения, не привыкшего «интересоваться сложными вопросами, касающимися политической и общественной жизни своей родины» [15. Л. 11]. По донесениям властей, лишь часть городского населения (мелкие чиновники, учителя, деятели местного самоуправления), в отличие от крестьян, интересовалась Думой в «оппозиционных ее проявлениях».

Накануне выборов в IV Думу в Вологодской губернии, как и по всей стране, наблюдались явное оживление общественно-политической жизни, колебание общественных настроений, что вызывало озабоченность властей всех уровней. В январе 1912 г. МВД обратилось к губернатору с просьбой дать прогноз на ход предстоящих выборов в Думу «в смысле политической группировки избирателей» и избрания в депутаты представителей тех или иных партий. По большинству уездов местные власти высказывали тревогу по поводу роста оппозиционных настроений. Вологодский уездный предводитель дворянства отмечал: «Левые партии усилились за последнее время, ведут подготовку к избирательной кампании, а правые политические организации распались» [15. Л. 8]. Председатель Тотемского уездного съезда прогнозировал избрание оппозиционного кандидата, так как «сторонниками левых партий будут, несомненно, приняты всякие меры к привлечению на свою сторону избирателей, в том числе и тех, которые безразлично относятся как к самим выборам, так и к программам политических партий» [15. Л. 12 об.]. Подводя итог предвыборным настроениям, губернский предводитель дворянства А.Н. Неелов заключал, что среди избирателей в последнее время серьезно усилились «оппозиционные элементы» и что «движение это не имеет связи с деятельностью Государственной думы, а есть продукт местных условий жизни» [15. Л. 7].

В августе 1910 г. вместо А.Н. Хвостова вологодским губернатором был назначен М.Н. Шрамченко, активно поддержавший в годы Первой российской революции Союз русского народа. Казалось бы, его естественными союзниками на выборах должны были стать местные черносотенцы, на которых опирался Хвостов. Но к 1912 г. явно обозначился раскол СРН на сторонников А.И. Дубровина («дубровинцы») и Н.Е. Маркова («обновленцы»). Причины раскола, помимо личных амбиций и борьбы за власть, заключались в отношении к третьеиюньской политической

системе. А.И. Дубровин выступал резко против Манифеста 17 октября 1905 г. и создания Государственной думы, видя в этом пагубное для России ограничение самодержавия. В отличие от него Н.Е. Марков подчеркивал, что Манифест 17 октября является волей Государя, а значит, долг каждого монархиста подчиняться ему, и утверждал: «Государственная дума необходима: без этого России не существовать» (цит. по: [16. С. 262]). Ситуация усугублялась различием в социальном составе «дубровинцев» и «обновленцев»: первых поддерживали различные слои простого народа, в то время как вторые опирались на дворян-землевладельцев и чиновничество.

В Вологодской губернии членами СРН, по данным начальника Вологодского губернского жандармского управления, в большинстве случаев являлись «крестьяне, чернорабочие и женщины» [17. Л. 63]. Вологодская правая пресса, характеризуя социальный состав местных черносотенцев, подчеркивала: «Вы не найдете среди его членов господ в котелках, воротничках, в форменных фуражках, но зато найдете ту силу, которая когда-то повсюду одернула обнаглевшую банду (т.е. революционеров. – А.Е.)» [18. 25 сент.]. Руководство Вологодского отдела СРН в лице А.И. Карауловой активно поддерживало «дубровинцев».

Правительство открыто предпочитало Н.Е. Маркова (как и лидера Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевича) А.И. Дубровину, что не мог не учитывать вологодский губернатор М.Н. Шрамченко, не собиравшийся поддерживать на выборах в IV Думу вологодских черносотенцев. Но других влиятельных организованных правых сил в губернии не было. Кроме того, у М.Н. Шрамченко не сложились отношения с правой общественностью. Так, губернский предводитель дворянства А.Н. Неелов в письме министру внутренних дел А.А. Макарову сообщал, что все правые общественные деятели губернии «признают невозможным» для них получить поддержку на предстоящих выборах в Думу со стороны администрации, «не потому, что они признают Начальника Губернии им не сочувствующим по идее, а потому, что весь служащий элемент или им преследуем, или им обижен и потому никакой помощи или содействия получить от него не пожелает. К тому же он не пользуется никаким доверием населения» [19. Л. 1 об.].

В такой ситуации губернским властям нужно было решить две взаимосвязанные задачи: развернуть широкую агитационную кампанию в поддержку правых идей и найти подходящих правых кандидатов (не из числа СРН), объединив их в некую новую организацию. Для решения первой задачи в Вологде с 1 марта 1912 г. стала издаваться правомонархическая газета «Северное время». Она печаталась в типографии губернского правления и редактировалась секретарем Вологодской городской управы Ф.К. Павловым, назначенным еще А.Н. Хвостовым. При этом, чтобы дать возможность Павлову редактировать газету, М.Н. Шрамченко освободил его от городской службы, дав ему продолжительный отпуск. Особым распоряжением губернатора все волостные правления должны были с 1 июля 1912 г. выписывать «Северное время» [20. Л. 7].

Финансировалась газета, как и все подобные издания, по всей видимости, из рептильного фонда Главного управления по делам печати [16. С. 159]. Чисто предвыборный характер издания очевиден: выпуск газеты был прекращен вскоре после окончания выборов.

Решение второй задачи местным властям подсказал министр путей сообщения С.В. Рухлов. Он был уроженцем Вологды, вологодским помещиком, членом Государственного совета, а главное – одним из учредителей и первым председателем Всероссийского национального союза. Побывав в Вологде в начале июля 1912 г., он посоветовал М.Н. Шрамченко организовать местное отделение Всероссийского национального союза, объединив под его знаменем все правые силы. Эта идея вологодским властям понравилась, «Северное время» стало публиковать воззвания ВНС, а Шрамченко попросил у министра внутренних дел полторы тысячи рублей на расходы по организации местного отдела союза, ругаясь за успех дела [19. Л. 5].

14 сентября 1912 г. состоялось торжественное открытие Вологодского отдела Всероссийского национального союза, на котором присутствовала вся местная элита: губернатор, вице-губернатор, жандармский полковник, уездный предводитель дворянства, епископ Вологодский и Тотемский, городской голова, управляющий акцизным управлением, директор мужской гимназии, директор народных училищ, ректор семинарии и т.п. Председателем отдела стал управляющий вологодским отделением соединенного банка Д.П. Ильин, его заместителем – председатель губернской земской управы А.П. Лихачев. Членский взнос определили в размере 1 рубля при записи [18. 16 сент.].

18 сентября 1912 г. на своем первом собрании Вологодский отдел ВНС определил список кандидатов в выборщики по г. Вологде: председатель губернской земской управы А.А. Можайский; городской голова Н.А. Волков; протоиерей Н. Коноплев; гласный городской думы, церковный староста И.Е. Чурин; протоиерей В. Смелков [19. Л. 12]. Однако в последующем никто из этих лиц не подтверждал свою принадлежность к ВНС, что объяснялось непопулярностью националистических идей в практически мононациональной Вологодской губернии. Ее жители относились к коренному русскому населению, за исключением Яренского и Устьсольского уездов, где проживало до 100 тыс. зырян и представителей других финно-угорских народов, исповедовавших в большинстве случаев православие. Из-за крайне незначительного числа евреев в губернии практически не было антисемитских настроений, игравших огромную роль в идеологии ВНС. В итоге власти были вынуждены оправдываться – «Северное время» писало: «Названные в воззвании Вологодского отдела Всероссийского национального союза пять кандидатов в выборщики членов Государственной думы не состоят пока членами отдела союза» [18. 23 сент.]. Как показали последующие события, Вологодский отдел ВНС оказался мертворожденной организацией, распавшейся вскоре после выборов. Ничего удивительного в этом нет – опорой русских националистов являлись территории Западного края Российской империи, а недостаточная адекватность их

партийной доктрины центрально-русским идейно-политическим традициям и реалиям не могла обеспечить ВНС успех в таких губерниях, как Вологодская [21].

Делая ставку на ВНС, губернские власти должны были добиться поддержки его кандидатов со стороны вологодских черносотенцев, которые, согласно жандармским донесениям, пользовались определенным авторитетом среди части населения губернии [17. Л. 63]. «Северное время», явно обращаясь к А.И. Карауловой, взывало: «Сейчас всем правым необходимо объединиться, а не делиться на крайних правых, националистов, октябристов, потому что эти партии в отдельности в Вологде представляют из себя незначительное количество и только разобьют голоса, если будут каждая голосовать за своих кандидатов» [18. 23 авг.]. Караулова давала понять, что Союз русского народа не склонен слишком подчиняться директивам новой, не имеющей за собою в Вологде никакого прошлого, политической организации. Однако выбора у черносотенцев не было: в случае раскола правых могла победить оппозиция. Поэтому 23 сентября 1912 г. общее собрание членов вологодского отдела СРН по инициативе Карауловой приняло решение о том, что СРН своих кандидатов в выборщики не выставляет, а рекомендует подавать голоса за лиц правых убеждений, т.е. за лиц, рекомендованных властями [18. 25 сент.].

Кроме Всероссийского национального союза и Союза русского народа власти делали ставку на духовенство, имевшее во многих уездах Вологодской губернии большинство в курии землевладельцев из-за слабо развитого помещичьего землевладения, что ярко проявилось на выборах в III Думу: из пяти избранных депутатов трое были священниками. В донесениях губернатору с мест отмечалось, что если священники не примут активного участия в выборах «в желательном направлении, то возможно избрание элементов нежелательных», и предлагалось через епархиальное руководство обязать духовенство принять «деятельное участие в выборах». Тогда выборы по землевладельческой курии можно считать «в смысле благонадежности обеспеченными» [15. Л. 12 об., 13 об.].

С 1906 до середины 1912 г. вологодскую епископскую кафедру возглавлял видный церковный иерарх и богослов преосвященный Никон, член Правой группы Государственного совета, куда он был избран от монашеского духовенства [22. С. 184]. Он оказывал большую поддержку правомонархическому движению, был членом совета «Русского собрания», почетным председателем вологодского отдела СРН. Покидая епархию в июне 1912 г., он обратился к вологжанам с предостережением от «кошунственных» речей «наших социалистов и всех, именующих себя “освободителями”». Цитируя апостола Павла, Никон гневно обличал оппозицию: «...сердце их приучено к любостыжанию: это сыны проклятия! Они обещают другим свободу, будучи сами рабами тления...», – и призывал верующих: «Ради Бога – берегитесь их, гоните их прочь от себя, как зараженных, бегайте их, как зачумленных!» [23. № 12. С. 248]. Аналогичную позицию занимали и сменивший Никона на архиерейской кафедре преосвященный Александр, и ряд других епархиальных руководителей.

По указу Святейшего Синода во всех епархиях создавались епархиальные предвыборные комитеты в составе благочинных и нескольких выборных от духовенства. В целях развития предвыборной кампании синодальное бюро командировало на места своих членов. О важности Вологодской губернии для выборов духовенства говорит тот факт, что ее посетил оберпрокурор В.К. Саблер [24. 11 сент.]. На страницах «Вологодских епархиальных ведомостей» перед выборами печатались призывы священников не допустить избрания в Думу «врагов русского народа», которые стараются «оторвать государственное устройство от исторических устоев»; выбирать тех депутатов, кто стоит за «Русь святую», Православную церковь и русского царя, ожидающего «с надеждою нового “стояния” православного духовенства “за веру, Царя и отечество”» [23. № 17. С. 412]. 21 сентября 1912 г. предвыборное собрание вологодского духовенства под председательством ректора Вологодской духовной семинарии Н.П. Малиновского единогласно согласилось голосовать совместно с правыми организациями за кандидатов ВНС, среди которых были и священники [18. 23 сент.].

Епархиальное руководство просило М.Н. Шрамченко выделить священникам на выборах три места в Думу из пяти, как это уже было на предшествующих выборах в 1907 г. Но губернатор согласился только на два, по всей видимости, следуя в этом вопросе за мнением В.Н. Коковцова, считавшего, что «не следует непременно настаивать на проведении членов исключительно правых организаций, внося раскол среди умеренных элементов, более сплоченных, нежели группы, склонные к нетерпимости и дроблению» [13. С. 69]. Действительно, «нетерпимость» вологодского духовенства вызывала недовольство умеренно-правых избирателей. Так, в Кадникове на выборы по съезду землевладельцев пришло 25 священников, 10 крупных землевладельцев (5 дворян и 5 разночинцев) и 1 уполномоченный от мелких землевладельцев. Разночинец А.А. Королев был возмущен двойным превосходством священников, заявил, что свое присутствие на съезде он считает бесполезным, попросил отметить его вышедшим и покинул зал заседания. Вслед за ним демонстративно ушли еще четверо землевладельцев [25. Л. 175]. Подобные явления были характерны не только для Вологодской губернии. Кадетская «Речь» отмечала, что «мобилизация духовенства вызвала резкий отпор со стороны землевладельческого дворянства, объединивший лиц самых разных партий» [26. С. 194].

Поскольку идейно-политические лозунги ВНС и СРН отличались, для предвыборной агитации нужно было найти максимально приемлемый для всех правых вариант. Определить общего врага не составило труда: «Мы имеем против себя и нынешних “прогрессистов”, скрывающих под этой кличкой кадетские домогания, и безвольных “мирнообновленцев”, идущих на поводу у тех же кадет, и, наконец, самих кадет, достаточно известных, а также и явно революционные партии. Этот “прогрессивно-беспартийный” блок, руководимый евреями, поддерживается поляками и другими инородческими группами, враждебными русскому народу и Всероссийской государственности» [18. 27 июля].

Сложнее было с позитивной программой. Вологодский отдел ВНС сформулировал ее следующим образом: «1) Единство и нераздельность Российской империи, и ограждение во всех ее частях господства Русской народности. 2) Укрепление сознания Русского народного единства. 3) Упрочение Русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством. 4) Признание свободы веры на основах христианского государства с сохранением установленных преимуществ первенствующей православной церкви. 5) Устройство Русской бытовой самопомощи и развитие Русской культуры» [18. 12 сент.]. Однако вологодские «дубровинцы» были противниками соединения самодержавия с законодательным народным представительством – их третий пункт явно не устраивал. Четвертый пункт, подчеркивавший преимущества православной церкви, вызывал раздражение умеренно-правых светских избирателей, недовольных слишком большим представительством священников от Вологодской губернии в III Думе, численным превосходством священников в землевладельческой курии и крайне правомонархическими взглядами епархиального начальства. Не учитывать подобные настроения власти не могли. В итоге предвыборные лозунги были сведены в предельно обобщенную и простую формулу, приемлемую для всех групп правых: «Правые чужды каких бы то ни было личных сословных или классовых интересов. Их цель, которую они преследуют – Бог, Царь, Слава и Величие России, духовное и хозяйственное процветание всех сословий русского народа» [18. 23 сент.]. Лозунговый характер подобных заявлений, далекий от реального решения конкретных проблем различных групп населения, вряд ли мог серьезно повлиять на еще не определившихся избирателей.

В Вологодской губернии, как и в большинстве регионов страны, накануне выборов наблюдалась поляризация политических сил – правым противостояла оппозиция, объединявшая в своих рядах кадетов и умеренных социалистов. Популярная местная газета «Вологодский листок», на страницах которой неоднократно печатались близкие к либералам и социалистам авторы, называла всех оппозиционеров «прогрессистами», противопоставляя их «правым». В 1906–1907 гг. власти сумели административно-полицейскими методами существенно ослабить оппозиционные силы, но полностью подорвать их влияние было невозможно.

В Вологде сказывалось влияние политических ссыльных, многие из которых принадлежали к РСДРП. Так, под влиянием социал-демократов находилось «Профессиональное общество служащих в торгово-промышленных предприятиях города Вологды», объединявшее приказчиков торговых заведений. По данным Вологодского губернского жандармского управления, в это общество входили 35 членов РСДРП и до 100 сочувствующих [27. Л. 231]. Вологодские социал-демократы решили выдвинуть на выборы своего кандидата – присяжного поверенного В.Н. Трапезникова. Он был одним из пионеров социал-демократического движения в России, организатором Пермского комитета РСДРП. После серии арестов, тюремного заключения

и отбытия административной ссылки в Вологде в 1907–1909 гг. он остался в губернии, занимаясь адвокатской практикой, журналистикой и краеведением [28]. Поскольку в Вологодской губернии не было отдельной рабочей курии, социал-демократы могли рассчитывать лишь на второй съезд городских избирателей, по которому голосовали близкие к ним приказчики и рабочие, снимавшие отдельную квартиру или имевшие имущественный ценз. Начальник ВГЖУ М.А. Конисский в донесении в Департамент полиции отмечал опасность для властей кандидатуры Трапезникова: «То огромное значение, которым он здесь пользуется в левых кругах, изумительная его энергия и отсутствие у него принципов, позволяющее ему пользоваться всякими средствами для достижения намеченных целей, делают его силою, которая, несомненно, обеспечит левым, имеющим здесь и без того в свою пользу серьезные шансы, полный успех при выборах» [29. Л. 55]. Конисский неоднократно предлагал арестовать Трапезникова и выслать его за пределы губернии, но М.Н. Шрамченко не давал на это согласия, поскольку прямых оснований для ареста не было, а явно незаконные действия властей могли вызвать большой скандал, который бы только увеличил шансы левых на выборах.

Судя по письмам губернского предводителя дворянства министру внутренних дел, власти всерьез опасались победы на выборах «левых партий, которые здесь многочисленны, и число их, вследствие возрастающего недовольства населения, только еще увеличивается» [19. Л. 2 об.]. Основная опасность для властей исходила, конечно, не от РСДРП, представленной на выборах одним В.Н. Трапезниковым, а от кадетов, которые хотя и не имели формально своей организации, но действовали сплоченно и пользовались серьезным авторитетом среди избирателей городской и отчасти крестьянской курии. Так, председатель Никольского уездного съезда в докладе губернатору отмечал, что крестьяне поддержат тех кандидатов, которые пообещают им землю, так как «местные крестьяне больше всего заинтересованы земельным вопросом, а такие вопросы на первое место выдвигает крестьянин Попов, принадлежа сам к кадетской партии» [15. Л. 6 об.].

Накануне выборов оппозиция выдвинула согласованный список «Прогрессивных избирателей», включавший по г. Вологде бухгалтера общества взаимного страхования, гласного городской думы Ф.А. Копылова, купца, директора городского банка И.В. Клушина, инженера-технолога, гласного городской думы Н.Я. Масленникова, управляющего частной типографией В.Ф. Сиземского, присяжного поверенного, гласного городской думы А.М. Виноградова [24. 25 сент.]. Первые трое принадлежали к кадетской партии, остальные ей сочувствовали. Лозунги оппозиции отличались умеренностью. Кадеты призывали решать «нужды нашего края, нужды общегосударственные и местные», «нужды крестьянина, страдающего от малоземелья», исправлять «непорядки российской действительности», выбирать независимых людей, которые «будут стоять за неотложное проведение тех реформ, которые поведут русскую жизнь по пути прогресса, которые широ-

ко разовьют экономические силы страны, которые облегчат положение трудящихся масс» [24. 18 окт.].

Оппозиция могла представлять свои лозунги жителям Вологды через городскую газету, но донести их до всех избирателей губернии было довольно сложно. Во время выборов власти, пытаясь всячески ограничить распространение либеральной и социалистической агитации, установили на местах жесткий контроль за получением печатных изданий. Вологодский губернатор дал указание земским начальникам строго наблюдать за тем, какие издания выписываются волостными правлениями, направлять их списки в канцелярию губернатора, изымать левые издания [20. Л. 7]. Также изымались и уничтожались все листки, воззвания, газеты и журналы, которые рассылались бесплатно без подписки для распространения. Полиция должна была срывать все расклеенные воззвания с именами кандидатов, напечатанные без разрешения властей. Запрещалось упоминать в воззваниях нелегализованные партии, печатать воззвания на красной бумаге [19. Л. 150]. Тем самым предвыборная агитация оппозиции была крайне затруднена. В.Н. Трапезников вспоминал впоследствии: «Типографии отказывались печатать наши воззвания и плакаты. Приходилось пользоваться всякими окольными путями. Мой помощник (по адвокатуре) А.П. Зреляков поехал в Ярославль, чтобы в тамошних типографиях отпечатать избирательные билеты и избирательную афишу» [30. С. 218].

Начиная с выборов во II Думу избирательный процесс тщательно контролировался. Еще в декабре 1910 г. Департамент полиции потребовал от всех губернских жандармских управлений «ввиду предстоящих выборов депутатов в четвертую Государственную Думу» установить «самое тщательное наблюдение» за местными организациями кадетской партии и ее отдельными представителями [31. Л. 17]. Данные обо всех выборщиках собирались уездными избирательными комиссиями, посылались губернатору, а от него направлялись товарищу министра внутренних дел А.Н. Харузину, отвечавшему за ход выборов. В случае избрания левого кандидата власти стремились найти любой повод для законного опротестования выборов, а если он не находился, то выборы нежелательного кандидата могли кассировать и без каких-либо серьезных оснований. Показательна телеграмма М.Н. Шрамченко в МВД, в которой говорилось, что в десяти волостных сходах Грязовецкого уезда избрали двадцать уполномоченных, правых по убеждениям, а в одиннадцатой, Гаврильцевской, волости избрали левого; соответственно, «выборы этой волости отменены полностью по нарушению 85 статьи положения» [19. Л. 10].

Механизм административного воздействия на выборы можно проследить по делу уполномоченного от Кубенской волости крестьянина П.Н. Прибыткова, левого по убеждениям. Земский начальник Вологодского уезда попытался обжаловать выборы Прибыткова в уездной избирательной комиссии, сославшись на нарушение процедуры: на волостном сходе присутствовало постороннее лицо – волостной писарь. Однако уездная избирательная комиссия с этим доводом не согласилась, указав на соответствующую статью «По-

ложения о крестьянах», по которой волостной писарь «не может быть признан посторонним для схода лицом» [32. Л. 103]. Решение уездной комиссии не устроило губернатора, и он потребовал от губернской избирательной комиссии его отменить. В итоге решением губернской избирательной комиссии от 29 сентября 1912 г. выборы Прибыткова были признаны недействительными на том основании, что он якобы больше года не проживал в пределах волости (это не соответствовало действительности) [32. Л. 106]. Председатель губернской комиссии сообщил Прибыткову решение только в сам день избрания выборщиков в губернское собрание, чтобы тот не успел вовремя обжаловать постановление.

Стремясь не допустить на выборы оппозиционных кандидатов, власти шли на различные хитроумные комбинации. Так, в г. Никольске избрали в выборщики оппозиционного кандидата – врача М.А. Перова, и уездная комиссия 4 октября 1912 г. признала его выборы правильными. Губернатора это не устроило, и он подал протест в губернскую избирательную комиссию. Председатель комиссии В.И. Сокальский 15 октября, т.е. за 5 дней до губернского избирательного собрания, сообщил Перову в Никольск по телеграфу о его отстранении от выборов на основании протеста губернатора, хотя решения губернской комиссии по этому вопросу еще не было. 16 и 17 октября Перов по телеграфу интересовался у Сокальского, ехать ли ему на выборы, и получал ответ, что вопрос еще не решен. Лишь 18 октября губернская комиссия признала выборы Перова правильными, после чего в тот же день вечером ему сообщили об этом по телеграфу. Но в это время из Никольска добраться на выборы в Вологду к утру 20 октября было уже физически невозможно (от Никольска до Вологды 616 верст, а до ближайшей железнодорожной станции Шарья 180 верст) [33. Л. 13 об.]. Не вызывает сомнений, что председатель губернской избирательной комиссии Сокальский намеренно тянул время с принятием решения с целью не допустить приезда оппозиционного кандидата на выборы.

Очевидно, что подобные действия явно не прибавляли авторитета властям среди избирателей. Все случаи административного воздействия на ход выборов оппозиция фиксировала и направляла информацию о них в газету «Речь»; местная пресса, за редкими исключениями, не писала о подобных фактах, опасаясь конфликтовать с губернскими властями. После выборов оппозиционные выборщики направили соответствующие жалобы в Государственную думу, оставшиеся, правда, без последствий. II отдел Думы, рассмотрев избирательный процесс в Вологодской губернии, счел административные нарушения несущественными и утвердил итоги выборов [33. Л. 26]. Использование властями административного ресурса не являлось местной особенностью – подобные явления на провинциальном уровне происходили повсеместно [34, 35].

Как показали выборы в III Думу, оппозиционные кандидаты получали поддержку, прежде всего, по второму городскому избирательному съезду, объединявшему средние городские слои: мелких домовладельцев и торговцев, ремесленников, служащих, чиновников и

квартиронанимателей (до 85% городских избирателей) [36. С. 494]. Понимая это, накануне выборов М.Н. Шрамченко по распоряжению министра внутренних дел разделил второй съезд избирателей Вологды на два отделения, отнеся к первому владельцев недвижимых имуществ и торгово-промышленных предприятий, а ко второму – всех остальных избирателей [37. 15 сент.]. Тем самым разбивались голоса оппозиционных избирателей, а правые получали дополнительную возможность пройти по первому отделению второго городского съезда.

Однако любые административные меры воздействия на избирателей имели свои границы. Как показали результаты избрания выборщиков в Вологде, оппозиционные кандидаты пользовались существенной поддержкой. По первому городскому избирательному съезду из трех избранных двое относились к кадетской партии (Ф.А. Копылов и И.Ф. Клушин), и лишь один представлял правых – Н.А. Волков. Особенно обидным для правых был проигрыш их видного деятеля А.А. Можайского (его избрали в выборщики по землевладельческой курии). По первому отделению второго городского избирательного съезда прошел представитель оппозиции В.Ф. Сиземский, опередив почти в два раза (72 голоса против 47) правого И.Е. Чурина. Наиболее неприятным для властей стало избрание по второму отделению второго городского избирательного съезда социал-демократа В.Н. Трапезникова благодаря поддержке представителя оппозиции А.М. Виноградова, снявшего свою кандидатуру в его пользу после первого тура голосования [18. 9 окт.]. В письме в редакцию газеты «Вологодский листок» Виноградов объяснил это тем, что в первом туре Трапезников получил больше всего голосов, и он хотел избежать «дробления голосов при вторых выборах» [24. 3 окт.]. В телеграмме А.Н. Харузину М.Н. Шрамченко сожалел, что нет формальных оснований отменить выборы в Вологде [19. Л. 114].

Кроме Вологды оппозиция получила поддержку в ряде городов губернии. Так, по городской курии в Великом Устюге из трех выборщиков избрали двух кадетов, в Яренске – из двух выборщиков одного [18. 10 окт.]. Выборы по крестьянской и землевладельческой куриям внешне проходили для властей благоприятно: по донесениям с мест повсюду проходили в основном правые. Разумеется, далеко не все выборщики шли в Думу по политическим соображениям – были и те, кто стремился в парламент за немалым, по крестьянским меркам, доходом. В целом ряде донесений уездные власти отмечали, что крестьяне соревнуются «попасть на депутатский оклад», смотрят на депутатство как на «доходный и выгодный заработок» [15. Л. 6, 13 об.]. Это наблюдение подтверждается материалами местной прессы. Корреспондент «Вологодского листка» писал: «Большая часть избирателей смотрит на депутатство как на доходную статью, как на средство поправления расстроенных дел и даже обогащения. К званию, правам и обязанностям депутата равнодушны, но жалование депутатское представляется заманчивым» [24. 8 сент.]. Однако пройти в Думу только за «депутатским окладом», без поддержки тех или иных общественно-

политических группировок было практически невозможно.

Не обходилось на выборах и без скандалов. 28 сентября 1912 г. в г. Сольвычегодске избрали в выборщики художника А.А. Борисова, правого по убеждениям, одного из тех, на кого делала ставку губернская администрация. После оглашения результатов голосования один из избирателей, будучи в нетрезвом виде, заявил, что «Борисов ему, Бубнову, дал три рубля, но этого ему мало, так как другим Борисов дал по 5 р.». Растерявшийся Борисов признал, что «дал Бубнову три рубля „на хлеб“ как бедному человеку, что он это делает часто», а затем – для прессы – усовершенствовал свою версию, заявив, что дал деньги Бубнову на подарок для крестника [18. 24 окт.]. В избирательном собрании составили протокол о подкупе избирателей, на основании которого уездная избирательная комиссия отменила выборы Борисова. Однако дальнейшего юридического развития эта история не получила: в частных разговорах избиратели признавались в получении денег от Борисова, но официально никто с заявлением по этому поводу не обратился. Поэтому губернская избирательная комиссия 13 октября отменила решение уездной и утвердила его выборы на том основании, что «голосовые, не подкрепленные никакими доказательствами заявления... не могли и не должны были служить основанием какого бы то ни было решения» [19. Л. 135]. Тем не менее репутация Борисова была испорчена – в Думу он не прошел.

К концу выборной кампании избрали 70 из 75 членов губернского избирательного собрания. По сословиям выборщики распределились следующим образом: от духовенства – 22, от крестьян – 19, от дворян и чиновников – 16, от купцов и почетных граждан – 8, от мещан – 1, неизвестна сословная принадлежность – 4 [24. 23 окт.]. По политическим взглядам выборщики, по данным губернских властей, распределились благоприятным для них образом (табл. 1). Казалось бы, правые могли не беспокоиться – имея в совокупности 56 голосов из 70 (правые, умеренно-правые, националисты, октябристы) можно было уверенно провести своих кандидатов.

Однако оппозиция опубликовала свои подсчеты, существенно отличавшиеся от официальных (табл. 2). По ним из 67 выборщиков только 30 поддерживали правых, 17 не определились, 20 выступали за оппозицию. Особенно разительно отличались подсчеты по крестьянской курии: по данным властей из 19 крестьянских выборщиков 15 поддерживали правых, 4 не определились; по данным оппозиции из 17 выборщиков от крестьян только 2 поддерживали правых, 10 не определились, 5 выступали за оппозицию. Такой расклад сил создавал принципиально иную ситуацию, при которой многое зависело от еще не определившихся избирателей.

Итоговые выборы состоялись в губернском избирательном собрании 20 октября 1912 г. (табл. 3). Поскольку избирательный закон от 3 июня 1907 г. требовал обязательного представительства всех курий, 3 члена Думы избирались всеми выборщиками от курий земледельцев, землевладельцев и горожан (по одному

от курии), 2 депутата – от общего собрания выборщиков. По крестьянской курии баллотировались 7 человек, но основная борьба развернулась между председателем Тотемской уездной земской управы К.С. Шумляевым, которого поддерживали власти, и волостным старшиной крестьянином Ф.К. Кабановым, не скрывавшим своих симпатий к кадетам, – за него стояла оппозиция. В ходе напряженной борьбы во втором туре избрали Кабанова преимуществом в четыре голоса. По курии землевладельцев в ходе баллотировки оппозиционный кандидат Д.Я. Попов получил всего 21 голос, что было явно недостаточно для успеха на выборах. В этой ситуации он не стал выдвигать свою кандидатуру, а кадеты решили проголосовать за умеренно-правого А.А. Можайского, рассчитывая, что в случае избрания он уедет в Санкт-Петербург и освободит должность председателя губернской земской управы, на которую кадеты планировали провести своего лидера В.А. Кудрявого. Поэтому Можайский оказался единственным претендентом в Думу от зем-

левладельческой курии и единственным из вологодских депутатов, избранным в первом туре убедительным большинством голосов (47 за, 22 против). По городской курии власти поддерживали городского голову Грязовца А.П. Морозова, но он получил в первом туре всего 13 голосов и от дальнейшей баллотировки отказался. Во втором туре правые сумели провести протоиерея Никольского собора И.М. Гвоздева, сумевшего обойти кадета В.В. Глубоковского преимуществом всего в один голос. От общего съезда избирателей не был избран ни один кандидат властей. Во втором туре победу одержал священник Д.Я. Попов, прогрессист по политическим взглядам; два выборщика получили одинаковое количество голосов и в соответствии с действующими правилами один из них был избран по жребию. Им оказался крестьянин, волостной старшина Н.С. Орлов, позиционировавший себя как умеренно-правого. При анализе табл. 3 обращает на себя внимание незначительная разница в голосах между правыми и оппозицией.

Таблица 1

Политические взгляды выборщиков Вологодского губернского избирательного собрания по данным властей

Курии	Правые	Умеренно-правые	Националисты	Беспартийные	Октябристы	Прогрессисты	Кадеты	Социал-демократы	Всего избирателей
Крестьянская курия	15			4					19
Землевладельческая курия	21	1	5			1			28
Городская курия	9		4	2	1	1	5	1	23
Итого	45	1	9	6	1	2	5	1	70

Примечание. Составлено по: [18. 10 окт.; 18 окт.].

Таблица 2

Политические взгляды выборщиков Вологодского губернского избирательного собрания по данным оппозиции

Курии	Правые	Неопределившиеся	Прогрессисты (оппозиция)	Всего
Крестьянская курия	2	10	5	17
Землевладельческая курия	22	5		27
Городская курия	6	2	15	23
Итого	30	17	20	67

Примечание. Составлено по: [24. 9 окт.].

Таблица 3

Итоги выборов депутатов IV Государственной думы Вологодским губернным избирательным собранием 20 октября 1912 г.

ФИО	Политические взгляды	Голоса «за»	Голоса «против»	Итоги
Выборы по крестьянской курии				
Кабанов Ф.К.	Близок к кадетам	34	35	Избран во втором туре
Шумляев К.С.	Правый	30	39	–
Выборы по землевладельческой курии				
Можайский А.А.	Умеренно-правый	47	22	Избран в первом туре
Выборы по городской курии				
Гвоздев И.М.	Правый	31	38	Избран во втором туре
Глубоковский В.В.	Кадет	30	39	–
Выборы от общего съезда избирателей				
Попов Д.Я.	Прогрессист	30	39	Избран во втором туре
Орлов Н.С.	Центрист	26	43	Избран после второго тура по жребию
Иванов К.П.	Правый	26	43	–
Глубоковский В.В.	Кадет	24	45	–
Костямин А.Н.	Правый	24	45	–
Ильинский А.А.	Правый	23	46	–
Сахаров А.А.	Правый	23	45	–
Трапезников В.Н.	Социал-демократ	22	47	–

Примечание. Составлено по: [18. 24 окт.; 24. 24 окт.].

Таким образом, принятые властями меры по проведению в Думу правых кандидатов дали довольно ограниченные результаты. Из пяти избранных депутатов от Вологодской губернии во фракцию правых вступил лишь один – священник И.М. Гвоздев. В интервью «Вологодскому листку» он так охарактеризовал свои взгляды: «Я сижу с правыми, но я не принадлежу к фракции крайне правых, ни умеренно-правых, я просто правый» [24. 4 дек.]. Председатель Вологодской губернской земской управы А.А. Можайский и крестьянин Н.С. Орлов вступили во фракцию Центра. Выбор фракции Можайским был вполне осознанным – в Думе он выступал за создание устойчивого и работоспособного центра в составе прогрессистов, октябристов, центристов и националистов [24. 2 дек.]. Н.С. Орлов четких политических взглядов не имел. В интервью «Вологодскому листку» он признавался, что «в больших политических вопросах мне, простому крестьянину, трудно разобраться». С одной стороны, Орлов говорил о своих симпатиях к умеренно-правым, а с другой – подчеркивал свое неприятие позиции правых по ряду вопросов. Так, признавая незаконные действия властей во время выборов, он полагал, что «Дума должна найти и указать правительству на нарушения закона. Правые пойдут на все, лишь бы угодить правительству. А по-моему, по совести, надо рассмотреть все незаконные действия администрации и осудить ее участие в выборах, где только оно в действительности имело место». Расходился он с правыми и по аграрному вопросу, подчеркивая, что если они станут поддерживать земельную политику правительства, направленную на разрушение общины, он не сможет с ними согласиться и будет голосовать «против своих политических единомышленников» [24. 13 дек.]. Вряд ли выборы депутата с такими взглядами можно отнести к серьезному успеху правых. Священник Д.Я. Попов вошел во фракцию прогрессистов, о чем он и говорил во время предвыборной кампании. Депутат от крестьянской курии Ф.К. Кабанов в интервью «Вологодскому листку» четко определил свои политические предпочтения: «...я в Думе занимаю место между прогрессистами и кадетами и голосую всегда с оппозицией... Душой я с оппозицией» [24. 11 дек.].

Для более полного представления о выбранных вологодских депутатах необходимо остановиться на их дальнейшей политической эволюции. Четверо из пяти (за исключением И.М. Гвоздева) в 1915 г. вошли в Прогрессивный блок, двое активно поддержали Февральскую революцию. Крестьянин Ф.К. Кабанов стал комиссаром Временного правительства в 5-й армии Северного фронта. Священник Д.Я. Попов 27 февраля 1917 г. совершил торжественное благословление составших солдат перед Таврическим дворцом, а затем активно занялся революционной деятельностью – вступил в партию эсеров (затем перешел к левым эсерам), поддержал большевиков, за что лишился сана, был делегатом 5-го Всероссийского съезда Советов, встречался с В.И. Лениным, работал в органах советской власти [36. С. 239, 501–502]. Его политическая деятельность ярко демонстрирует ошибочный расчет властей на то, что все духовенство поддерживает пра-

вые идеи. Власть не учитывала оппозиционные настроения части духовенства, вызванные нерешенностью проблем церковного характера (жесткий административный контроль государства над церковью, тяжелая бытовая жизнь сельского клира и пр.). В этой связи отметим любопытный факт. Вскоре после избрания в Думу Попов встречался в Вологде с епархиальным архиереем, хорошо знавшим политические взгляды депутата. При этом, по словам Попова, архиерей «ни единым словом не выражал мне своего неудовольствия по этому поводу» [24. 6 дек.].

Докладывая министру внутренних дел А.А. Макарову о результатах выборов, М.Н. Шрамченко признавал провал всех кандидатов в Думу (кроме А.А. Можайского), намеченных властями. Он объяснял это случайным характером выборов и невыполнением священниками предварительных договоренностей: «...духовенство стремилось захватить три места вместо двух условленных на предварительном соглашении, чего им, к счастью, не удалось достигнуть». В итоге «выборы протекли крайне нервно», и были избраны «совершенно случайные» люди [19. Л. 121]. Ссылки М.Н. Шрамченко на случайный характер выборов выглядят как оправдание собственной неспособности провести в Думу нужных лиц. Роль случайности, которая присутствует в любой избирательной кампании, не стоит переоценивать. На выборах сошлись две силы: правые, которых всячески поддерживала власть, и оппозиция во главе с местными кадетами. Благодаря положениям избирательного закона от 3 июня 1907 г. правые имели незначительное преимущество, но сами губернские власти не пользовались авторитетом среди избирателей – все их кандидатуры (кроме А.А. Можайского) были забаллотированы. Оппозиция имела существенно число своих сторонников: из пяти избранных двое вошли в оппозиционные фракции кадетов и прогрессистов, причем до выборов они свои взгляды не скрывали. Большое значение имела позиция неопределившихся в политическом отношении выборщиков, от чьих голосов часто зависел общий исход выборов. Об этом говорит тот факт, что все депутаты, кроме А.А. Можайского, были избраны только во втором туре незначительным большинством голосов. Уверенная победа Можайского в первом туре объясняется тем, что за него голосовали кадеты по указанным выше причинам, причем данный факт Шрамченко признавал. Вряд ли можно назвать случайной победу близкого к кадетам крестьянина Ф.К. Кабанова по земледельческой курии: в ходе предвыборной кампании он подчеркивал, что ставит решение земельного вопроса в качестве своей приоритетной задачи. В докладе министру внутренних дел Шрамченко утверждал, что не имеет данных о политических взглядах избранных депутатов [19. Л. 126 об.]. В данном случае губернатор явно лукавил, стремясь приукрасить ситуацию. Д.Я. Попов в ходе избирательной кампании не скрывал своих симпатий к фракции прогрессистов, именно как прогрессист он фигурировал в документах избирательных комиссий. При этом отношение вологодских властей к прогрессистам было таким же однозначно отрицательным, как и к кадетам [18. 27 июля]. Ф.К. Кабанов

также не скрывал своих оппозиционных настроений, заявляя, что в Думе примкнет к кадетской фракции; об этом даже писала местная пресса. Трудно представить, что губернатор всего этого не знал.

Таким образом, можно сделать вывод об очевидно проявившихся в ходе выборов на провинциальном уровне тенденциях к росту оппозиционных настроений и падению авторитета властей. Жесткие меры по «успокоению» страны дали определенный результат в первые годы после революции 1905–1907 гг., но они не могли снять всех накопившихся в стране противоречий. Выборы в IV Государственную думу, несмотря на ограничения избирательного закона от 3 июня 1907 г., показали очевидный запрос общества на реформирование страны. Провинциальные власти на уровне Воло-

годской губернии не только не смогли ответить на этот запрос, пойдя хоть на какой-то ограниченный диалог с оппозицией, но даже не смогли должным образом консолидировать правые силы и провести в Думу своих кандидатов. Применяя против оппозиции широкий спектр административных мер, власти еще больше загоняли ситуацию в тупик. Как отмечал один из лидеров фракции октябристов Н.В. Савич, многие депутаты IV Думы «с негодованием говорили о давлении на выборы со стороны губернаторов», что вело к появлению «более определенной оппозиционности к власти» [38. С. 89]. Выборы показали нарастание противоречий между властью и обществом, что при сохранении проводимого правительством курса вело Российскую империю к революционным потрясениям.

Список источников

1. Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М. : Квадрига, 2018. 240 с.
2. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: политическая повседневность в России в 1906–1917 годах. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
3. Патрикеева О.А. Российская общественность и выборы в I и II Государственные Думы (1905–1907 гг.). СПб. : СПбГУ, 2005. 208 с.
4. Карнишин В.Ю. В испытаниях думскими выборами: власть и провинциальное общество в политических реалиях начала XX века // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 21–23.
5. Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года : в 2 т. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. Т. 2. 447 с.
6. Шиловский М.В. Организация и проведение выборов в I–IV Государственные думы в Сибири (1906–1913) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 29–34.
7. Акульшин П.В., Князева И.С. Выборы в Государственную думу Российской империи IV созыва в Рязанской губернии // Выборы: теория и практика. 2012. № 2 (22). С. 51–62.
8. Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб. : ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 85–93.
9. Панов Л.С. Выборы в IV Государственную Думу в Вологодской губернии // Социальные процессы, власть и общество в России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс : сб. науч. ст. / гл. ред. М.А. Безнин. Вологда : ВоГУ, 2018. С. 18–31.
10. Егоров А.Н. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 1, № 3 (49). С. 34–37.
11. Егоров А.Н. Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб. : Центр истории парламентаризма, 2015. Ч. 1. С. 254–264.
12. Правые партии. 1905–1917 : документы и материалы : в 2 т. / сост. Ю.И. Кирьянов. М. : РОССПЭН, 1998. Т. 1. 720 с.
13. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. : в 2 кн. М. : Наука, 1992. Кн. 2. 456 с.
14. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. / сост. Н.И. Канищева. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2. 655 с.
15. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 4877.
16. Степанов С.А. Черная сотня. М. : Эксмо ; Яуза, 2005. 544 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 4-е д-во. 1915 г. Д. 151.
18. Северное время. Вологда, 1912.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194.
20. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4873.
21. Коцюбинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. : РОССПЭН, 2001. 528 с.
22. Государственный совет Российской империи: 1906–1917 : энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2008. 343 с.
23. Вологодские епархиальные ведомости. Вологда, 1912.
24. Вологодский листок. Вологда, 1912.
25. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4871.
26. Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. СПб. : Изд. газеты «Речь», [б.г.]. 534 с.
27. ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5447.
28. Панов Л.С. Непримиримый Трапезников : очерк жизни политического деятеля, юриста и краеведа В.Н. Трапезникова. Вологда : ВГПУ, 2013. 218 с.
29. ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 98.
30. Трапезников В.Н. В стране неволи // Каторга и ссылка. 1925. № 6 (19). С. 196–221.
31. ГАВО. Ф. 108. Оп. 4. Д. 36.
32. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4867.
33. РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 14.
34. Кирьянов И.К., Чугайнова Е.В. Административный ресурс на выборах в Государственную думу Российской империи четвертого созыва: Пермский вариант // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. № 3 (30). С. 199–204.
35. Костылев А.В. Выборы в IV Государственную думу Российской империи (сентябрь–октябрь 1912 г.) // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность : сб. науч. ст. : в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб. : ЭлекСис, 2013. Ч. 1. С. 193–206.
36. Государственная дума России : энциклопедия : в 2 т. / науч. ред. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. М. : РОССПЭН, 2006. Т. 1: Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). 768 с.
37. Вологодские губернские ведомости. Вологда, 1912.
38. Савич Н.В. Воспоминания. СПб. : Logos ; Дюссельдорф : Голубой всадник, 1993. 492 с.

References

1. Malysheva, O.G. (2018) *Izbratel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoy monarkhii 1905–1917* [The electoral system and practice of Russia during the Duma monarchy of 1905–1917]. Moscow: Kvadriga.
2. Soloviev, K.A. (2019) *Samoderzhavie i konstitutsiya: politicheskaya povsednevnost' v Rossii v 1906–1917 godakh* [Autocracy and the constitution: Political everyday life in Russia in 1906–1917]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Patrikeeva, O.A. (2005) *Rossiyskaya obshchestvennost' i vybory v I i II Gosudarstvennye Dumi (1905–1907 gg.)* [Russian public and elections to the I and II State Dumas (1905–1907)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
4. Karnishin, V.Yu. (2013) V ispytaniyakh dumskimi vyborami: vlast' i provintsial'noe obshchestvo v politicheskikh realiyakh nachala XX veka [Tested by the Duma elections: Power and provincial society in the political realities of the early twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(25). pp. 21–23.
5. Nikolaev, A.B. (2017) *Dumskaya revolyutsiya: 27 fevralya – 3 marta 1917 goda: v 2 t.* [The Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917: In 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University.
6. Shilovskiy, M.V. (2013) Organizatsiya i provedenie vyborov v I–IV Gosudarstvennye dumi v Sibiri (1906–1913) [Organization and conduct of elections to the I–IV State Dumas in Siberia (1906–1913)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(25). pp. 29–34.
7. Akulshin, P.V. & Knyazeva, I.S. (2012) Vybory v Gosudarstvennuyu dumu Rossiyskoy imperii IV sozyva v Ryazanskoy gubernii [Elections to the State Duma of the Russian Empire of the IV convocation in Ryazan province]. *Vybory: teoriya i praktika*. 2(22). pp. 51–62.
8. Egorov, A.N. (2016) Vybory v Gosudarstvennye dumi Rossiyskoy imperii v Vologodskoy gubernii: regional'nye osobennosti [Elections to the State Duma of the Russian Empire in Vologda province: Regional features]. In: Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2015. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 1. St. Petersburg: ElekSis. pp. 85–93.
9. Panov, L.S. (2018) Vybory v IV Gosudarstvennuyu Dumu v Vologodskoy gubernii [Elections to the IV State Duma in Vologda province]. In: Beznin, M.A. (ed.) *Sotsial'nye protsessy, vlast' i obshchestvo v Rossii v XX veke: obshcherossiyskiy i regional'nyy rakurs* [Social processes, power and society in Russia in the twentieth century: All-Russian and regional perspective]. Vologda: VoSU. pp. 18–31.
10. Egorov, A.N. (2013) Dokumenty gubernskikh zhandarmskikh upravleniy kak istochnik formirovaniya obraza provintsial'nogo liberala (po materialam Vologodskoy i Novgorodskoy guberniy) [Documents of provincial gendarme departments as a source of formation of the image of a provincial liberal (based on materials from Vologda and Novgorod provinces)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3(49). pp. 34–37.
11. Egorov, A.N. (2015) Politicheskie predpochteniya deputatov Gosudarstvennoy dумы Rossiyskoy imperii ot severnykh guberniy [Political preferences of deputies of the State Duma of the Russian Empire from the northern provinces]. In: Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2015. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 1. St. Petersburg: ElekSis. pp. 254–264.
12. Kiryanov, Yu.I. (1998) *Pravyye partii. 1905–1917: dokumenty i materialy* [The right-wing parties. 1905–1917: Documents and materials]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
13. Kokovtsov, V.N. (1992) *Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1903–1919 gg.* [From My Past. Memories. 1903–1919]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
14. Kanishcheva, N.I. (2000) *S"ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticeskoy partii* [Congresses and conferences of the constitutional democratic party]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
15. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 18. List 1. File 4877.
16. Stepanov, S.A. (2005) *Chernaya sotnya* [The Black Hundred]. Moscow: Eksmo; Yauza.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. 4th ed. 1915. File 151.
18. *Severnoe vremya*. (1912)
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1327. List 2. File 194.
20. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 18. List 1. File 4873.
21. Kotsyubinskiy, D.A. (2001) *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian nationalism in early twentieth century: The birth and death of the ideology of the All-Russian National Union]. Moscow: ROSSPEN.
22. Shelokhaev, V.V. (2008) *Gosudarstvennyy sovet Rossiyskoy imperii: 1906–1917: entsiklopediya* [The State Council of the Russian Empire: 1906–1917: An encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN.
23. *Vologodskie eparkhial'nye vedomosti*. (1912)
24. *Vologodskiy listok*. (1912)
25. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 18. List 1. File 4871.
26. Anon. (n.d.) *Ezhegodnik gazety "Rech'" na 1913 god* [Yearbook of the newspaper "Rech'" for 1913]. St. Petersburg: Izd. gazety "Rech'."
27. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 108. List 1. File 5447.
28. Panov, L.S. (2013) *Neprimirimy Trapeznikov: ocherk zhizni politicheskogo deyatelya, yurista i kraevedy V.N. Trapeznikova* [The irreconcilable Trapeznikov: An essay on the life of the politician, lawyer and local historian V.N. Trapeznikova]. Vologda: VSPU.
29. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 108. List 5. File 98.
30. Trapeznikov, V.N. (1925) V strane nevoli [In the land of bondage]. *Katorga i ssylka*. 6(19). pp. 196–221.
31. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 108. List 4. File 36.
32. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 18. List 1. File 4867.
33. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1278. List 8. File 14.
34. Kiryanov, I.K. & Chugaynova, E.V. (2015) Administrativnyy resurs na vyborakh v Gosudarstvennuyu dumu Rossiyskoy imperii chetvertogo sozyva: Permskiy variant [The administrative resource in the elections to the State Duma of the Russian Empire of the fourth convocation: The Perm version]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*. 3(30). pp. 199–204.
35. Kostylev, A.V. (2013) Vybory v IV Gosudarstvennuyu dumu Rossiyskoy imperii (sentyabr'–oktyabr' 1912 g.) [Elections to the IV State Duma of the Russian Empire (September–October 1912)]. In: Nikolaev, A.B. (ed.) *Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [The Tauride Readings 2015. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity]. Vol. 1. St. Petersburg: ElekSis. pp. 193–206.
36. Ivanov, B.Yu., Komzolova, A.A. & Ryakhovskaya, I.S. (eds) (2006) *Gosudarstvennaya дума Rossii: entsiklopediya* [The State Duma of Russia: An encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
37. *Vologodskie gubernskie vedomosti*. (1912)
38. Savich, N.V. (1993) *Vospominaniya* [Memories]. St. Petersburg: Logos; Dusseldorf: Goluboy vsadnik.

Сведения об авторе:

Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета (Череповец, Россия). E-mail: anegorov65@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Egorov Andrey N. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of Cherepovets State University (Cherepovets, Russian Federation). E-mail: anegorov65@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 13.02.2020; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 930.85

doi: 10.17223/19988613/88/4

Крым XIV–XV веков в диалоге культур Московской Руси и Византии

Наталья Сергеевна Жиртуева

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, zhr_nata@bk.ru

Аннотация. Цель статьи – анализ роли средневекового Крыма в диалоге культур Руси и Византии в XIV–XV вв. Можно выделить два пути влияния византийской культуры на Крым – через Балканские страны (юго-западный Крым) и через Закавказье (восточный Крым). Юго-западный Крым оказался в большей степени подвержен влиянию «палеологовского ренессанса». Сюда проникают идеи исихазма в виде учения Григория Синаита. Но если в IX–XII вв. Крым играл активную роль транслятора идей христианства в культуру Киевской Руси, то в XIV–XV вв. культурная жизнь Крыма становится все более зависимой от Московской Руси.

Ключевые слова: Московская Русь, Византия, княжество Феодоро, пещерные монастыри, исихазм

Для цитирования: Жиртуева Н.С. Крым XIV–XV веков в диалоге культур Московской Руси и Византии // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 37–41. doi: 10.17223/19988613/88/4

Original article

The Crimea of the XIV–XV centuries in the dialogue of the cultures of Moscow Rus and Byzantium

Natalia S. Zhirtueva

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation, zhr_nata@bk.ru

Abstract. The aim of this article gives a detailed analysis of the role of medieval Crimea in the cultures dialogue of Moscow Rus and Byzantium of the XIV–XV centuries. This problem has not been touched upon the issue in the research literature yet. The author addresses to the works of researchers such as A. Gertsen, O. Dombrovsky, M. Kolesov, T. Fadeeva, A. Yakobson, and others.

The source base is monuments of literature, art and architecture. The methodology of the study is comparative theological analysis. The main research methods used in the article are comparative-historical, analysis, synthesis, generalization, individualization, historical narrative.

There is every reason to assume that the Crimea of the XIV–XV centuries was in the sphere of influence of the culture of the “Paleologian Renaissance”, which is best seen in the monuments of art of “expressive style”. The influence of Byzantine culture came to the Crimea in two ways - through the Balkan countries to the southwestern Crimea (the Principality of Theodoro), as well as through the Caucasus, to the eastern part of the peninsula. That is why the art of the Crimea of the XIV–XV centuries is distinguished by the features of provincialism.

The culture of southwestern Crimea turned out to be more influenced by the “Paleologian Renaissance” than eastern Crimea. Thus, the Crimea, along with the Balkan countries, in the XIV–XV centuries was influenced by the teachings of Gregory of Sinai, which contributed to the spread of the ideas of neohesychasm here. It is also known that in the XIV–XV centuries between the Crimea and Moscow Rus there were the closest cultural ties. It can be assumed that from the Crimea the teachings of Gregory of Sinai could penetrate into Rus.

There is practically no information given about the mystical life of the monasteries at this time. It is possible to suppose that at this stage of history the role of the Crimean “cave monasteries” as intermediaries between the mystical centers of Byzantium and Russia was not as significant as in the era of iconoclasm. If in the period of IX–XII centuries the Crimea (Tavrika) played an active role as a translator of orthodox and unorthodox Christianity into the culture of Kievan Rus, then in the XIV–XV centuries it was no longer the Crimea, but the Balkans that became the main channel for the penetration of ideas of Byzantine neohesychasm into Rus. From the XV century the cultural life of Crimea is becoming increasingly dependent on Moscow Rus.

Keywords: Moscow Rus, Byzantium, the Principality of Theodoro, cave monasteries, hesychasm

For citation: Zhirtueva, N.S. (2024) The Crimea of the XIV–XV centuries in the dialogue of the cultures of Moscow Rus and Byzantium. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 37–41. doi: 10.17223/19988613/88/4

Введение

Статья посвящена исследованию роли Крыма в диалоге культур Византии и Руси в XIV–XV вв. Предыдущее исследование рассматривало период с IV по XII в., и в нем сделаны выводы о том, что средневековому Крыму (Таврике) было суждено сыграть роль «культурного моста» между Византией и Русью, особенно в корсунский период русско-византийских отношений (IX–XII вв.). При этом культурное взаимодействие осуществлялось по двум основным направлениям. С одной стороны, «пещерные монастыри» Таврики стали связующим звеном между византийским и древнерусским (киево-печерским) монашеством в распространении идей исихазма. С другой стороны, христианство Херсонеса, являвшееся синтезом язычества, арианства и кирилло-мефодиевской традиции, сыграло решающую роль в становлении христианства Руси [1. С. 16].

Развитие культурного диалога Крыма, Византии и Руси в XIV–XV вв. в контексте распространения идей византийского исихазма практически не исследовано. В работах А. Герцена, О. Домбровского, М. Колесова, Т. Фадеевой, А. Якобсона рассматриваются лишь отдельные аспекты темы.

Накануне нашествия монголов культурным центром Крыма по-прежнему оставался Херсонес. В его архитектуре обнаружилось некоторое обновление стиля, которое нашло выражение в стремлении к глубокому расчленению фасадов зданий. Подобный прием был характерен для константинопольского зодчества времен раннего «палеологовского ренессанса». Он был воспринят херсонесской знатью, желавшей, чтобы ее дома выглядели более выразительными на общем фоне городской застройки. Облицовка храмов и зданий Херсонеса делалась из гладкоотесанного камня, что было типично для архитектуры Малой Азии и Закавказья. Как и в более ранние периоды своей истории, херсонесское зодчество XIII в. объединяло черты столичной и провинциальной архитектурных школ, в которых уже шло формирование нового «палеологовского» стиля.

Однако на этом этапе истории дальнейшее развитие культуры Херсонеса было остановлено. После разорения отрядами Ногай и Эдигея город уже не смог возродиться.

В дальнейшем, после вторжения завоевателей, в Крыму XIV–XV вв. произошли очень важные перемены. Здесь сформировалось два новых центра культуры – юго-западный и восточный, каждый из которых отличался чертами своеобразия [2. С. 200–202].

Культура юго-западного и южного Крыма XIV–XV вв.

После уничтожения Херсонеса центром православной культуры Крыма становится страна Дори, которая с XIV в. носит название княжества Феодоро. Его основными центрами были небольшие поселения в юго-западной части полуострова – Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале. Столицей княжества стал Мангуп, не избежавший разрушений в результате нашествия Золо-

той Орды, но сохранивший известную самостоятельность.

В этот период зависимость Крыма от Золотой Орды ослабела. Хан Тохтамыш заключил в 1380 г. договор с генуэзцами, согласно которому за ними закреплялось южное побережье от Чембало (Балаклава) до Солдайи (Судак). Эта зона называлась «капитанство Готия» и являлась предметом постоянных конфликтов между Феодоро и Кафой. Горная же часть Крыма с Феодоро в центре осталась самостоятельной, находясь лишь в вассальной зависимости от самого хана. Владетели княжества стали фактическими правителями всего юго-западного и южного Крыма.

Относительно происхождения мангупской династии нет единого мнения. Одни связывают ее с византийско-армянской династией Гаврасов, правившей в Трапезунде. Другие – с малоизвестным провинциальным аристократическим родом, который возвысился благодаря удачному браку князя Алексея с Марией Асаниной Палеологиной Цымбалакининой. Неслучайно после 1425 г. на плитах с надписями, сообщающих о строительной деятельности мангупских князей, появился двухглавый орел – герб дома Палеологов. О наличии родственных связей говорит и тот факт, что Софью Палеолог, племянницу последнего византийского императора, отправившуюся в Москву, чтобы вступить в брак с великим князем Иваном III, сопровождал мангупский князь Константин Гаврас. Позднее этот герб активно внедряется в русскую государственную геральдику. По мнению А.Г. Герцена, объяснить такие противоречивые мнения при оценке происхождения мангупской династии можно тем, что, скорее всего, в ее истории было два периода [3. С. 360].

В XV в. Феодоро заняло заметное место в истории не только Крыма, но и всей Восточной Европы. Княжеский двор заботился об укреплении династических связей. Из документов известно, что княжны были выданы замуж за Трапезундского царевича, господаря Молдавского. В 1474–1475 гг. велись даже переговоры о бракосочетании сына московского князя Ивана III с мангупской княжной [4. С. 156]. Браку помешало только турецкое завоевание Крыма в 1475 г.

Как отмечает А.Г. Герцен, определяющим для культуры княжества Феодоро являлся греческий поздневизантийский фактор. Население княжества «ощущало себя частью византийского мира, будучи тесно связано с ним идеологически, будучи включенным в структуру церковной организации константинопольской организации» [3. С. 359].

Материалом для изучения культуры юго-западного Крыма на этом этапе его истории являются преимущественно произведения искусства княжества Феодоро. Известно, что с середины XIV в. на Мангупе проходят серьезные строительные работы. Здесь возводятся укрепления, строится княжеский дворец, восстанавливается большая базилика святых Константина и Елены, укрепляется цитадель.

Лучше всего сохранились фрески поселения Эски-Кермен, которое расположено неподалеку от Мангупа. В храме «Трех всадников» находится роспись, изображающая трех святых всадников. В центре ее распо-

ложен святой Георгий Победоносец, поражающий копьём змея-дракона. Двое других держат копья остриями вверх, а за спиной одного из всадников на крупе коня видна фигура мальчика. По мнению Т.М. Фадеевой, содержание фрески придает всему сооружению «на редкость живое и трогательное, в высшей мере патристическое звучание». В юго-западном Крыму, в условиях непрерывной борьбы с завоевателями, сложилось особое отношение к воинам, павшим в борьбе с врагами. По всей видимости, они были причислены к лику святых мучеников за веру [4. С. 177].

Интересен сам выбор сюжета росписи. Средневековое искусство знало несколько разных образов святого всадника, например Георгий-мученик или Георгий – пеший воин. Известно, что образ Георгия Победоносца сложился в Малой Азии. Оттуда, по всей видимости, он проник в Болгарию, а затем в Крым. Стал он широко известен также и на Руси, что можно объяснить постоянными войнами русичей с кочевыми народами. С другой стороны, образ Георгия Победоносца был символом героического духа эпохи русского Предвозрождения. Неслучайно в скульптуре Московской Руси XV в. очень часто встречаются изображения конного Георгия Змееборца. Среди простого народа этот святой воспринимался как защитник справедливости, а потому был любимым образом. А среди феодальных кругов он воспринимался как покровитель всего воинства. Одна из наиболее известных скульптур святого Георгия, изготовленная Василием Еромолиным в 1460-е гг., находилась над аркой Фроловских (Спасских) ворот Московского Кремля.

Изображение святого Георгия храма «Трёх всадников» Эски-Кермена отличается контрастным сочетанием зеленых, желтых и густо-красных тонов. Для него также характерен беспокойный ритм линий, что создает в целом динамичный экспрессивный художественный образ. Подобные стилистические приемы в то время применялись в живописи Болгарии и Сербии. Существует еще один храм Эски-Кермена – храм «Успения». Его росписи сохранились гораздо хуже, но отличаются теми же стилистическими особенностями.

Так называемый экспрессивный стиль византийского искусства XIV в. исследователи связывают с влиянием идей Григория Синаита, который наряду с Григорием Паламой является самым известным представителем неосихизма. В отличие от Паламы Синаит сделал акцент не на метафизическом, а на реальном изменении плоти в результате аскетической практики. Именно он развил раннехристианское учение о необходимости активной борьбы с Мировым Злом. Как следствие этого живопись XIV в. наполнилась динамикой и внутренней экспрессией. Важно, что в самой Византии распространилось преимущественно паламитское направление, а идеи Синаита оказали большее влияние на Балканы и Русь [5. С. 201]. Распространение идей неосихизма в культуре Византии привело к расцвету «палеологовского ренессанса».

В пещерном храме Эски-Кермена, который называется «судилищем», в одном из помещений располагалось епископское кресло, что дает основание предполагать, что здесь некогда находился центр епархии.

Известна также церковь Иоанна Предтечи XIV в., расположенная недалеко от Качи-кальонского монастыря, от которой уцелели одна алтарная апсида и фундамент. Находившаяся в апсиде роспись, ныне перенесенная в музей, представляет художественную ценность как по стилю, так и по композиции. На ней изображен весьма редкий и архаичный сюжет «Поклонение жертве».

Интересна роспись церкви Мангупа, относящаяся к XV в., от которой, к сожалению, уцелели лишь фрагменты. По обеим сторонам алтарной ниши с изображением Христа-отрока написаны отцы церкви в покрытых крестами облачениях, со свитками в руках. Над ними расположена сильно поврежденная композиция из пяти фигур, между которыми размещены херувимы с алыми крыльями. В центре всей композиции – Христос с поднятой для благословения правой рукой и с евангелием в левой руке. На плафоне арки в центре находится медальон с изображением Богоматери Знамения, а по обе стороны от нее два пророка в коронах и пышных облачениях. Этот типичный для византийской иконографии сюжет тем не менее несет на себе следы влияния итальянского искусства. Изображение Христа отмечено чертами реализма, что дало основание О.И. Домбровскому назвать его изображением, стоящим «на грани двух эпох» [4. С. 170; 6. С. 79–89].

Итальянская культура стала проникать в юго-западный Крым после того, как в 1471 г. владельцы княжества Феодоро заключили союз с генуэзцами. К этому их побуждала нарастающая угроза со стороны турок. Генуэзское влияние отразилось на архитектуре княжества. Началось строительство донжонов – жилых башен, которые в это время становятся важным атрибутом замка. Владетели Феодоро часто использовали для декорирования надписи с гербами и сложной монограммой [6. С. 47; 7. С. 132].

Несмотря на заключенный союз, турки легко справились с итальянцами и после покорения Кафы приступили к осаде Мангупа. Полугодовая осада завершилась взятием города хитростью завоевателей в декабре 1475 г. Они предали город страшному разграблению и истребили почти всех жителей. Представители княжеской семьи позднее погибли в заточении в Константинополе. В живых был оставлен только маленький сын князя: воспитанный турками, он сохранил почетный титул мангупского князя, хотя реального влияния, конечно же, более не имел.

Проведенное исследование дает нам возможность сделать следующие выводы. Во-первых, юго-западная часть полуострова по-прежнему оставалась в зоне византийского влияния, но в ее культуре можно наблюдать также растущее влияние Итальянского Ренессанса. Оно достаточно поверхностно и выражается преимущественно во внешних декоративных элементах. Ренессансные художественные приемы, объединяясь с византийской иконографией, в итоге привели к созданию оригинальных произведений крымского искусства.

Во-вторых, по своим иконографическим и стилистическим особенностям искусство княжества Феодоро близко сербскому и болгарскому искусству того

времени, которое находилось под влиянием «палеологовского ренессанса».

А что же происходило с «пещерными монастырями» на этом этапе истории полуострова? Когда орды захватчиков завладели Крымом, многие монастыри перестали существовать. Среди выстоявших и уцелевших особым авторитетом пользовался Успенский пещерный монастырь, расположенный недалеко от Бахчисарая и Чуфут-кале. В конце XV в. он стал центром православия в Крыму, а также резиденцией митрополита.

Из московских жалованных грамот известно, что в XVI–XVII вв. крымским монастырям ежегодно выплачивалась субсидия (руга), а греческие монахи часто ездили в Москву «за милостыней». По мнению Т.М. Фадеевой, «поступая так, русское правительство проявляло немалую политическую дальновидность: в сложных дипломатических отношениях с Крымским ханством важно было иметь как источник политической информации в самом ханстве, так и опору среди местного населения». В новых реалиях крымской жизни, когда происходило усиление ислама, очень важно было сохранить «очаги греческого православия», прежде всего христианские монастыри, расположенные в самом центре Крымского ханства, неподалеку от Бахчисарая [4. С. 203–204]. Интересен тот факт, что Успенский монастырь почитался не только христианами, но и мусульманами.

Монастырская жизнь Крыма XVI–XVII вв. становится зависимой от столицы. Вполне возможно, что «пещерные монастыри» оказались под влиянием идеологии иосифлянства.

Культура восточного Крыма XIV–XV вв.

Культура восточного Крыма представлена преимущественно памятниками Кафы (Феодосии), Солдайи (Судака) и Солхата (Старого Крыма). Особенностью их развития является появление здесь двух новых культур – тюркско-татарской и крымско-итальянской.

Уникальная культура сформировалась в средневековой Кафе, в которой слились воедино греческие, западноевропейские (итальянские), армянские и татарские традиции. В архитектуре Кафы и Солхата преобладали армянские традиции, особенностью которых является использование в декоре здания богатого растительного орнамента и так называемых хачкар – досок на фасадах, изображающих кресты. Памятниками армянской архитектуры стали церкви святого Иоанна Предтечи, святого Сергия, святого Георгия и Архангелов в Кафе, а также монастырь в Солхате. В Кафе сохранились также греческие храмы XIV в., относящиеся к провинциальной византийской архитектурной школе. Западноевропейское (итальянское) зодчество представлено здесь храмом, воспроизводящим некоторые элементы архитектуры раннего Итальянского Ренессанса, а также генуэзскими крепостями Солдайи и Кафы.

Однако, несмотря на разнообразие архитектурных школ, представленных в восточном Крыму, все они стремились к созданию единого стиля. Например, в декоре генуэзских крепостей использовались расти-

тельные орнаменты армянских церквей. По всей видимости, появление богатой орнаментации на фасадах армянских церквей связано с утверждением в Византии и соседних с ней христианских государствах Балканского полуострова и Закавказья так называемого «живописного стиля», который был одним из проявлений «палеологовского ренессанса».

Монументальная живопись восточного Крыма сохранилась только фрагментарно, что затрудняет ее исследование. В XIV–XV вв. были написаны фрески церкви Стефана в Кафе, церкви Иоанна Предтечи в Керчи, а также росписи Консульского зала в Судакской крепости. Фреска из храма святого Стефана воспроизводит сцену Евхаристии, для которой характерен глубокий внутренний драматизм.

Важно тот факт, что в Кафе некоторое время перед отъездом в Новгород работал Феофан Грек, однако нет никаких данных о том, какие именно фрески были им написаны здесь и сохранились ли они вообще. Поэтому очень сложно делать выводы о том, существует ли связь между экспрессивными росписями церкви святого Стефана и творчеством византийского иконописца. Но тот факт, что экспрессивный стиль характерен для живописи и юго-западного, и восточного Крыма, не вызывает сомнений.

Исследователи подчеркивают существование интенсивных торговых связей между Кафой и Московским царством, расцвет которых приходился на XV в. [6. С. 84, 111–115; 8. С. 174–189]. Бесспорно, эти связи также способствовали культурному обмену государств.

Анализируя произведения искусства средневекового Крыма, М.С. Колесов приходит к выводу, что «памятники художественной культуры юго-западного и восточного Крыма иконографически близки друг другу и имеют общий восточновизантийский исток». Однако автор подчеркивает, что в них наблюдается несоответствие между, с одной стороны, архаическими сюжетами и композиционными схемами, а с другой – достаточно передовыми художественными приемами [2. С. 202]. Также и А.Л. Якобсон обращает наше внимание на тесную связь архитектуры полуострова с памятниками Болгарии, Сербии, Малой Азии и Закавказья [7. С. 97–98, 107–108, 119; 9. С. 154–186].

Вместе с тем анализ памятников культуры восточного Крыма дает основания утверждать, что византийское влияние здесь не было господствующим [7. С. 83, 118, 121–124], а в большей степени преобладали архаические сюжеты и приемы, а также влияние Закавказья, Италии и мусульманского Востока.

Выводы

Есть все основания предполагать, что Крым XIV–XV вв. оказался в сфере влияния культуры «палеологовского ренессанса». Проникновение сюда нового стиля началось уже в XIII в., что отразилось в культуре Херсонеса, однако ее дальнейшее развитие было прервано вторжением монголов.

Влияние византийской культуры приходило в Крым двумя путями – через Балканские страны в юго-западный Крым (княжество Феодоро), а также через

Закавказье в восточную часть полуострова. Именно поэтому искусство Крыма XIV–XV вв. отличается чертами провинциальности.

Культура юго-западного Крыма оказалась в большей степени подвержена влиянию «палеологовского ренессанса», нежели восточный Крым. Таким образом, Крым наряду с балканскими странами в XIV–XV вв. оказался под влиянием учения Григория Синаита, что способствовало распространению здесь идей неохизма. Также известно, что в XIV–XV вв. между Крымом и Московской Русью существовали самые тесные культурные связи. Можно предположить, что учение Григория Синаита через Крым могло проникать на Русь.

Практически отсутствует информация о мистической жизни монастырей в это время. Можно предположить, что на данном этапе истории роль крымских «пещерных монастырей» как посредников между мистическими центрами Византии и Руси была не такой значительной, как в эпоху иконоборчества. Если в период с IX по XII в. Крым (Таврика) играл активную роль транслятора ортодоксального и неортодоксального христианства в культуру Киевской Руси, то в XIV–XV вв. уже не Крым, а Балканы становятся основным каналом проникновения на Русь идей византийского неохизма. С XV в. культурная жизнь Крыма становится все более зависимой от Московской Руси.

Список источников

1. Жиртуева Н.С. Роль средневековой Таврики в диалоге культур Руси и Византии // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 12–16. doi: 10.17223/19988613/55/2
2. Колесов М.С. Крым в контексте мировой культуры // Брега Тавриды. 1994. № 6. С. 190–214.
3. Герцен А.Г. Княжество Феодоро: от «альфы» до «омеги» // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. № 22. С. 348–368.
4. Фадеева Т.М. Тайны горного Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 1998. 256 с.
5. Голейзовский Н.К. Исихизм и русская живопись XIV–XV вв. // Византийский временник. Л.: Наука, 1969. Т. 29. С. 196–210.
6. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1965. 112 с.
7. Якобсон А.Л. Крым в средние века. Л.; М.: Наука, 1973. 173 с.
8. Бадан В.В., Чипедис А.М. Торговля Каффы в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 174–189.
9. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л.: Наука, 1987. 233 с.

References

1. Zhirtueva, N.S. (2018) The role of medieval Taurica in the dialogue between the cultures of Rus and Byzantium. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 55. pp. 12–16. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/55/2
2. Kolesov, M.S. (1994) Krym v kontekste mirovoy kul'tury [Crimea in the context of world culture]. *Brega Tavridy*. 6. pp. 190–214.
3. Herzen, A.G. (2017) Knyazhestvo Feodoro: ot "al'fy" do "omega" [The Principality of Theodoro: From "alpha" to "omega"]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. 22. pp. 348–368.
4. Fadeeva, T.M. (1998) *Tayny gornogo Kryma* [Secrets of the mountainous Crimea]. Simferopol: Biznes-Inform.
5. Golezovskiy, N.K. (1969) Isikhazm i russkaya zhivopis' XIV–XV vv. [Hesychasm and Russian painting of the 14th – 15th centuries]. *Vizantiyskiy vremennik*. 29. pp. 196–210.
6. Dombrovskiy, O.I. (1965) *Freski srednevekovogo Kryma* [Frescoes of medieval Crimea]. Kiev: Naukova dumka.
7. Yakobson, A.L. (1973) *Krym v srednie veka* [Crimea in the Middle Ages]. Leningrad; Moscow: Nauka.
8. Badan, V.V. & Chipedis, A.M. (1974) *Torgovlya Kaffy v XIII–XV vv.* [The trade of Kaffa in the 13th – 15th centuries]. In: Bibikov, S.N. (ed.) *Feodal'naya Tavrika* [Feudal Taurica]. Kiev: Naukova dumka. pp. 174–189.
9. Yakobson, A.L. (1987) *Zakonomernosti v razvitii srednevekovoy arkhitektury IX–XV vv.* [Patterns in the development of medieval architecture in the 9th–15th centuries]. Leningrad: Nauka.

Сведения об авторе:

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-философские и политические науки» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (Севастополь, Россия). E-mail: zhr_nata@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhirtueva Natalia S. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Philosophical and Political Sciences at the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Sevastopol, Russian Federation). E-mail: zhr_nata@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.12.2019; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 10.12.2019; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья
УДК 94(470.41) "1941/1945"
doi: 10.17223/19988613/88/5

Районная пресса и цензура в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР)

Айслу Шарипзяновна Кабирова

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия, aikabirova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена роли районной печати в мобилизации масс на разгром врага в годы Великой Отечественной войны на примере периодических изданий Татарской АССР. Базируясь на рассекреченных документах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Республики Татарстан, автор анализирует содержание газетных рубрик, характеризует задачи, которые ставились перед корреспондентами, освещает механизмы организации политического контроля за содержанием и формой подачи материалов в районной прессе в военный период.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, периодические издания, Главлит, политический контроль, районные газеты

Для цитирования: Кабирова А.Ш. Районная пресса и цензура в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 42–48. doi: 10.17223/19988613/88/5

Original article

District press and censorship during the Great Patriotic War (based on the materials of the Tatar ASSR)

Aislu Sh. Kabirova

*Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of Tatarstan Republic,
Kazan, Russian Federation, aikabirova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the role of the regional press of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in mobilizing the masses to defeat the enemy and gain the victory during the Great Patriotic War. A study of the historiography of the issue shows that, unlike the central press of the war years, which is fairly well studied, the transformation of the content of regional, especially district periodicals, is not yet represented in historical literature. The source base of the work was the documents of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the State Archive of the Republic of Tatarstan (GART), many of which are first put into scientific circulation. On the basis of declassified documents, the author analyses the content of newspaper headlines, describes the tasks assigned to correspondents, outlines the mechanisms for organizing political control over the content and presentation of material in regional periodicals during the war. The article emphasizes that, despite the wartime difficulties associated with mobilizing many employees to the front and the lack of material resources, the TASSR authorities made every effort to maintain the number of newspapers published in the regions of the republic. Mostly they printed notes "on the topic of the day." The reports propagated the experience of the leading workers, talked about achievements and production successes. Negligent bosses were exposed in critical notes, deserters of the labor front were condemned, shortcomings and omissions in the work of collective farmers were revealed. Published materials were distinguished by information richness and targeting. An important function of the press was to inform the readers about the Sovinformburo reports. The editors of the regional publications were responsible for ensuring that residents of the TASSR receive "fresh" news and verified information. Letters from front-line soldiers that testified to the close communicative ties between the front-line soldiers and those remaining in the rear were published in a separate section. The "Letter of the Tatar people to the front-line soldiers-Tatars" published in March 1943 in the newspaper Pravda and then reprinted in the republican and many regional newspapers caused a great resonance, inspiring soldiers to new military exploits. A necessary component of political and ideological work with the population during the war years was the "increase of revolutionary vigilance" of citizens. Party-Soviet bodies with special care monitored the non-disclosure on the pages of newspapers of information containing military and state secrets, for which they sent relevant instructions to the district committees. Responsibility for complying with the requirements issued from above was carried by the editors and authorized personnel of Glavlit. If political distortions

or factual errors were found, strict measures were applied: the material was removed from print, circulations were seized or reprinted. Censors who committed serious violations were severely punished.

Keywords: Great Patriotic War, Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, periodicals, Glavlit, political control, regional newspapers

For citation: Kabirova, A.Sh. (2024) District press and censorship during the Great Patriotic War (based on the materials of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 42–48. doi: 10.17223/19988613/88/5

В тяжелые дни Великой Отечественной войны, когда все силы и средства страны были переориентированы на достижение единой цели – разгром врага, массово-политическая работа среди населения приобрела особо важное значение. Она осуществлялась через широчайший арсенал средств – наглядную агитацию, устную пропаганду, кино, радио. В том числе мощным источником формирования общественного сознания в военные годы являлась периодическая печать. Оперативно откликаясь на произошедшие в стране и на фронтах события, газеты активно воздействовали на умы и настроения граждан.

В отечественной историографии тема укрепления духовных скреп советского общества, упрочения морально-идеологических и культурно-нравственных источников Победы долгие годы остается одной из наиболее изучаемых учеными. Различные аспекты этой темы поднимали в своих трудах Н.И. Кондакова [1], Н.Д. Козлов [2], В.Ф. Зима [3], И.А. Токарев [4]. Проблемы взаимоотношений власти и общества, воздействия политического фактора на граждан исследовали Е.М. Малышева [5], В.Н. Данилов [6], А.А. Ибрапов [7]. В определенной степени в указанных работах затрагиваются и вопросы функционирования периодических изданий, взаимодействия редакций газет с органами власти.

Имеется также целый комплекс специальных работ, в которых периодическая печать военных лет выступает самостоятельным объектом исследования. В трудах И.И. Широкоград [8], А.Н. Лымарева [9], Б.А. Боротовой [10] и других рассматриваются формы подачи и содержание материалов в газетах и журналах в 1941–1945 гг. Выявлению проблематики данного направления историографии 1990-х – начала 2000-х гг., достижениям и просчетам историков в области изучения информационной насыщенности прессы посвящена статья известного специалиста Е.Л. Храмовой [11].

На современном этапе внимание многих ученых переключилось с общих вопросов на специфические, связанные с анализом цензурного контроля за деятельностью средств массовой информации, состояния правового регулирования института военной и государственной тайны. Это – работы Т.М. Горяевой о формах и практике реализации цензурирования в СССР [12], Г.А. Куренкова о деятельности Главлита по защите сведений секретного характера [13]. Интересный материал об особенностях секретности в советском обществе в 1920–1940-е гг. представил в своей статье В.Н. Парамонов [14]. Он, в частности, утверждает, что для указанного периода был характерен «тотальный контроль над информационным полем», который обеспечивался избыточной секретностью и цензурой.

Региональный опыт цензурного контроля за деятельностью периодических изданий на примере Хакасской автономной области рассматривает Ю.Б. Костякова [15]. Исследуя причины и последствия ужесточения контроля за печатными изданиями во время войны, она приходит к выводу, что в чрезвычайных условиях количество цензурных органов увеличилось, а степень их ответственности за содержание местных печатных изданий по сравнению с мирным временем повысилась.

На наш взгляд, в отличие от центральной прессы военных лет, которая довольно хорошо изучена, трансформация контента региональных, особенно районных, периодических изданий в историографии представлена пока недостаточно. Поэтому в данной статье автор задается целью восполнить имеющиеся лакуны в освещении указанной темы и проанализировать на базе рассекреченных архивных документов содержание районных газет Татарской АССР в военные годы, выявив формы и методы идеологического контроля за публикуемыми в них материалами.

Согласно официальным источникам, накануне войны в ТАССР насчитывалось 7 областных и 85 районных газет [16. Л. 69]. С началом Великой Отечественной войны в связи с объективными трудностями тиражи изданий и периодичность их выхода были сокращены. С августа 1941 г. областные газеты «Красная Татария» и «Кзыл Татарстан» слились с областными комсомольскими газетами. С особым вниманием республиканские власти отнеслись к районной прессе. Учитывая ее действенность и адресность, был приложен максимум усилий, чтобы сохранить практически всю довоенную районную периодику. Правда, сократились газетные площади, вместо 4 полос теперь местные газеты выходили на 2 полосах, но с прежней периодичностью – два раза в неделю. В итоге с 1942 г. в ТАССР продолжали издаваться 3 областные (на русском, татарском и чувашском языках), но 84 (!) районные газеты [16. Л. 69].

Главная задача, которая ставилась перед периодическими изданиями в военных условиях, заключалась в том, чтобы они были оперативными, политически действенными, информационно насыщенными. С уменьшением тиражей изданий во многих районах республики были организованы так называемые газетные витрины, чтобы, несмотря на сложности доставки и распространения, все заинтересованные лица имели возможность ознакомиться с последними новостями.

Газеты в военные годы, по существу, являлись рупором партийно-советских органов. Они служили источником официальной информации о положении на фронтах, принятых в высших эшелонах власти указах и постановлениях и, кроме того, являлись одним из наиболее доступных средств получения сведений о по-

вседневной жизни советских людей на фронте и в тылу. Поэтому к содержанию газет, их оформлению, срокам выхода проявлялось повышенное внимание. Ответственность за недопущение политических ошибок возлагалась на сотрудников Главлита ТАССР. В каждом районе республики имелись уполномоченные этой организации, которые выполняли цензорские функции. Подпись уполномоченного райлита давала разрешение на печатание всего тиража районной газеты.

При подаче своих материалов работники районной прессы ориентировались на областные республиканские издания «Красная Татария» и «Кзыл Татарстан» (на татарском языке). Именно по аналогии с ними выстраивались тематические рубрики и определялись магистральные направления. Публикуемые на страницах районных газет заметки, статьи, сводки должны были ориентировать на решение задач военного времени, пропагандировать положительный опыт предприятий при выполнении фронтовых заказов, популяризировать ударную работу колхозников во время сельскохозяйственных кампаний, выступать «на злобу дня», добиваясь устранения имеющихся в деятельности трудовых коллективов недостатков.

С началом войны во всех газетах появились специальные рубрики «Все для фронта, все для победы!», «Во имя Отчизны», «В труде, как в бою!», «Работать по-военному» и т.п. Передовые статьи носили директивный, наступательный характер. Как правило, в них давались установки на реализацию конкретных целей. В сводках, репортажах с мест публиковались материалы, в которых трудящиеся отчитывались о производственных успехах, партийно-хозяйственные органы докладывали о проведенных мероприятиях и принятых мерах. В критических заметках разоблачались нерадивые начальники, осуждались отстающие и дезертиры трудового фронта.

Многие газеты успешно справлялись с возложенными на них задачами. Так, в октябре 1942 г. Татарский обком ВКП(б) провел специальное заседание, посвященное обзору районной периодики. Похвальных отзывов удостоился коллектив редакции газеты «Колхоз байрагы» Сабинского района республики, который предоставил газетные площадки для дискуссий и обмена опытом работы передовых колхозов «Калатау», «Узяк», «Юлбашчы», открыв специальную рубрику [17. Л. 72]. Актуальные вопросы жизни колхозников в разных районах Татарстана поднимались и на страницах газет «Ленинская правда» (Тетюшский район), «Знамя коммунизма» (Набережно-Челнинский район), «Голос колхозника» (Мамадышский район). Газеты рассказывали, как идет уборка урожая, заготовка кормов, осуществляется подготовка к зиме, выполняются работы по ремонту школ, ферм, дорог и т.д. [18. Л. 146]. Названия многих заметок говорили сами за себя. К примеру, в газете Октябрьского района «Октябрьский колхозник» в 1941 г. были опубликованы материалы: «Множить ряды двух-, трехсотников», «Создадим изобилие кормов», «Работать на уборке в любую погоду» и др. [16. Л. 70].

Вместе с тем не всегда инструкции руководящих инстанций выполнялись должным образом. В частно-

сти, проверка газет «Кызыл-Армияче» – Кзыл-Армейского, «Коммуна» – Азнакаевского, «Социализм юлы» – Атнинского районов ТАССР в 1942 г. показала, что в этих изданиях объем передовиц «часто превышал рекомендуемые 50–60 строк», в связи с чем газетной площади не хватало для освещения других злободневных проблем. Среди замечаний, предъявляемых к содержанию районных корреспонденций, отмечались следующие: «бедна тематика», «не затрагиваются вопросы оборонной работы», мало пишется «о хлебосдаче, молотбе, заготовке овощей»; отсутствуют материалы о проблемах животноводства [17. Л. 73]. Татарский обком ВКП(б) отмечал, что на страницах газет не находят должного отражения вопросы партийной и комсомольской жизни, развития культуры и искусства [19. Л. 12]. Цензурирующие инстанции перманентно упрекали сотрудников газет в чрезмерной детализации материалов в ущерб стратегическим задачам, увлечении статистикой, за которой трудно разглядеть «живых» людей, малом количестве очерков и зарисовок о лучших людях республики.

Одной из приоритетных задач районной периодики являлось доведение до сведения читателей сводок Совинформбюро и информации ТАСС, причем Центральный Комитет ВКП(б) требовал, чтобы при их передаче строго соблюдались единые сроки выхода районных газет. Такой способ подачи обеспечивал одновременное поступление новостных известий как в центре, так и на местах, что гарантировало недопущение кривотолков и искажений. Но, как показывает изучение архивных документов, многие редакции грешили несвоевременным выпуском газет. Во время масштабной проверки районной прессы, организованной в Татарской АССР с 13 октября 1941 г. по 17 января 1942 г., выяснилось, что только за этот период редакции 42 районных газет выпустили не в обозначенные дни 325 номеров (45%), а в 123 (17%) не было напечатано сообщения ТАСС [20. Л. 8].

Случалось, в связи с несвоевременным выходом печатных изданий читатели получали «несвежие новости». Например, информация Совинформбюро от 8 августа 1942 г. была опубликована в Атнинской газете «Социализм юлы» лишь 14 августа [17. Л. 73]. А обзор международных событий, переданный по радио 11 января 1942 г., газета Юдинского района «Сталинская правда» напечатала 15 января [20. Л. 8–8 об.].

Иногда сотрудники редакций произвольно сокращали сообщения Совинформбюро или не помещали важных материалов. Такие факты были поставлены в вину корреспондентам Атнинской районной газеты «Социализм юлы» в 1941 г., не включившим в очередной номер материалы Совинформбюро о «наступлении наших войск на Западном и Калининском фронтах», сотрудникам Аксубаевской «Колхозной газеты», замеченным в том, что они по своему усмотрению сократили статью, раскрывающую ситуацию на фронтах, нарушив логику повествования, в результате чего «искажилась фактическая картина» [17. Л. 73].

Особое место в районной периодике занимали публикации о единстве фронта и тыла, проведении общественно-политических кампаний. Как положительно

органы власти характеризовали работу сотрудников газет «Знамя Ленина» Мензелинского, «Знамя коммунизма» Набережно-Челнинского районов ТАССР, сообщавших читателям о патриотизме своих земляков на фронтах войны, о комбайнерах и трактористах, вставших на место ушедших на защиту Родины мужей, друзей, товарищей, об участии граждан во всенародном движении в помощь фронту и т.д. [16. Л. 70].

Отдельной рубрикой выходили письма бойцов с передовой. Тесная связь между тружениками тыла и их земляками, отважно сражавшимися с врагом на фронтах войны, служила в военное время «неисчерпаемым источником вдохновения». В обзорах печати подчеркивалось, что письма и корреспонденции бойцов и командиров, в которых описывались подвиги фронтовиков, являются «документами большого политического значения». Насыщенные глубоким патриотизмом, они призывали оставшихся в тылу работать еще упорнее, производить больше оборонной продукции, чтобы быстрее разгромить врага. Только за десять месяцев 1942 г. на страницах республиканской печати были напечатаны 129 писем фронтовиков и десятки коллективных ответов на них [21].

Огромный резонанс в обществе имело опубликованное в марте 1943 г. в газете «Правда», а затем перепечатанное в республиканских и многих районных газетах «Письмо татарского народа фронтовикам-татарам». В нем жители Татарстана обращались к фронтовикам с теплыми приветственными словами, имевшими целью укрепить дух бойцов, поддержать их жизненные силы и внушить веру в Победу. Аналогичные письма-наказы были подготовлены от имени трудящихся всех союзных и автономных республик.

Сохранились воспоминания о том, как татарстанцы подписывали этот волнующий документ. Бывший секретарь Лубянского лесоучастка ВКП(б) Х. Аитова писала: «Люди разместились ближе к длинному столу посреди барака... Чадил коптллки, пахло махоркой и портянками. В полной тишине [я] закончила чтение... Вдруг стали слышны вздохи, всхлипывания. И люди стали подходить к столу и корявыми буквами подписывали письмо огрызком карандаша. Отходили, смущенно смахивая слезу, – ведь у каждого из них кто-то близкий был там, на фронте, и они сами работали здесь для победы» [22].

«Письмо татарского народа фронтовикам-татарам» оказывало сильнейшее эмоциональное воздействие. Оно вдохновляло воинов на новые боевые подвиги, а работавших в тылу – на самоотверженный труд ради победоносного окончания войны.

Это «Письмо», как и другие напечатанные в районных газетах письма, часто использовалось в воспитательных целях. Учителя школ на уроках, во время внеклассных мероприятий зачитывали обращения отцов к своим сыновьям и дочерям, в которых фронтовики просили их хорошо учиться, оказывать помощь взрослым на полях, добросовестно выполнять домашние обязанности [23; 24. С. 83]. О такой форме работы с учениками вспоминают многие респонденты – «дети войны». Фатима Рязеева, учащаяся школы дер. Кукеево Рыбно-Слободского района Татарстана, рассказы-

вала, что после таких уроков они «сильнее осознавали свою ответственность» перед ушедшими на фронт отцами и стремились приносить максимальную пользу [25].

Существенной частью идеологической работы с населением являлось «повышение революционной бдительности» граждан в военное время. Уже 22 июня 1941 г. был введен в действие «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну». Опасаясь утечки информации, партийно-советские органы призывали редакторов к внимательности при публикации подготовленных материалов. Согласно разосланным в райкомы инструкциям, в газетах нельзя было печатать секретные сведения о строительстве оборонных сооружений, объемах выпущенной военными заводами продукции, количестве мобилизованных призывников, упоминать номера и названия воинских частей, указывать численность раненых воинов в госпиталях, помещать данные «о провале какой-либо работы», публиковать «обобщающие отрицательные факты» и т.д. [20. Л. 49].

Здесь ответственность цензурных органов была особенно велика. Информационные письма, адресованные уполномоченным Главлита ТАССР, требовали от них проявлять «максимальную осторожность», учитывая, что «из-за ротозейства отдельного цензора может пройти корреспонденция с данными», способными «нанести вред государству» [26. Л. 8].

Работу сотрудников редакций районных газет, помимо уполномоченных Главлита, контролировали и партийные органы. В специальном информационном письме Татарского обкома ВКП(б), направленном редакторам периодических изданий в 1941 г., читаем: «...Государственный контроль или осуществление цензуры над печатью являются делом отнюдь не второстепенным, как это некоторые ошибочно представляют... Бюро обкома партии вынесло решение о работе райлитов, и никому не дано права нарушать это решение. Сохранение военной и государственной тайны, в особенности в период Отечественной войны, является весьма серьезной... задачей» [27. Л. 16].

Однако, как свидетельствует анализ рассекреченных архивных источников, это требование нередко нарушалось. В газетах обнаруживалось много сведений, не подлежавших огласке, двусмысленные опечатки, ошибки экономического и политического характера. Так, в газете «Знамя коммунизма» (Набережно-Челнинский район, 10 июля 1942 г.) было опубликовано сообщение о наличии воинской части в районе. В газете «Голос колхозника» (Мамадышский район, 9 июля 1942 г.) напечатана заметка о призыве девушек. В «Завете Ильича» (Ново-Письмянский район, 24 сентября 1942 г.) разглашены сведения о спецстроительстве в Татарии. В газете «Путь Сталина» (Шереметьевский район, 16 сентября 1942 г.) в письме с фронта указаны нормы переброски орудий при смене огневой позиции [27. Л. 16 об.]. Разумеется, такого рода информация не должна была просочиться в открытую печать.

Большое количество нарушений было связано с включением в тексты публикуемых материалов фамилий, должностей и званий командного и политического состава, хотя цензорам был разослан циркуляр, в ко-

тором им рекомендовалось руководствоваться в этом вопросе следующим положением: «Во всей гражданской (областной, краевой, республиканской) печати запретить опубликование должностей командиров частей и соединений, а в письмах с фронта разрешается упоминание их званий без указания фронта, направления и пункта боевых операций» [27. Л. 17].

Несмотря на критику и жесткое требование более тщательно контролировать содержание районных изданий, аналогичные ошибки продолжали иметь место и в последующие годы.

В районных газетах часто публиковалась информация о состоянии аграрного производства: ходе посевной или уборочной кампании, объемах выполненных колхозниками работ, содержании животных. Здесь тоже не обходилось без срывов и нарушений. До широкого читателя доходили запретная информация о количестве имевшихся в хозяйствах Мензелинского района тракторов, причем работа машинно-тракторной станции характеризовалась с негативной стороны («Знамя Ленина», 29 июня 1941 г.) [20. Л. 49], сведения об объемах выращиваемого в Больше-Тарханском районе ТАССР кок-сагыза («Знамя социализма», 15 апреля 1942 г.), данные о ходе заготовок сельхозпродуктов по Мамадышскому району («Голос колхозника», 12 апреля 1943 г.), статистика заболеваний лошадей в Бугульминском районе («Колхозник», 9 июля 1942 г.), распространения сибирской язвы и частоты заболевания скота ящуром и чесоткой в Буденновском районе («Буденнычы», 30 июля; 20 декабря 1942 г.) [27. Л. 17] и т.д.

Еще с большим пристрастием цензорские органы относились к тому, чтобы не допускались политические ошибки и ангажированные трактовки. К таковым относились типографские опечатки в именах и фамилиях высшего партийного и советского руководства, военачальников, лидеров стран антигитлеровской коалиции. Также «идеологическими» извращениями считались ошибки, пропущенные по недосмотру, и при этом искажающие смысл написанного. К примеру, в газете «Ворошиловче» Ворошиловского района от 6 апреля 1943 г. в докладе Сталина вместо слов «Красная Армия укрепила свои *кадры*» было напечатано «укрепила свои *остатки*». В газете «Алга» от 22 февраля того же года по недосмотру редактора была пропущена фраза «Приказ тов. Сталина *принуждает* нас работать больше». До выхода тиража глагол «принуждает» успели заменить на «*воодушевляет*». В газете «За большевистские колхозы» Теньковского района от 24 марта 1944 г. в Приказе Верховного Главнокомандующего вместо «всемерно *улучшать* и развивать нашу разведку» прошло «...всемерно *уничтожать* и развивать нашу разведку» [26. Л. 6].

Цензоры отслеживали даже переносы слов, чтобы не допустить двусмысленности. В отчете, направленном секретарю Татарского обкома ВКП(б) по пропаганде С.А. Мухаметову от 7 июля 1941 г., начальник Главлита ТАССР сообщал, что в районных газетах были замечены «сомнительные переносы». Редакторы строго предупреждались о том, что нельзя делить слово по слогам так, чтобы на следующей строке оказа-

лось: «[не]-победимая Красная Армия», или «[по]-беда будет за нами», «[без]-условная победа» [28. Л. 101–102].

В случае обнаружения подобных огрехов применялись весьма строгие меры. Цензорные органы имели право снимать материал с печати, давать указания о перепечатке тиражей и т.д. Так, целый тираж февральского номера (1942) газеты «Путь Октября» Рыбно-Слободского района был перепечатан из-за того, что в приказе Сталина вместо слова «советской» было напечатано «своей». В апреле в газете «Колхоз алга» Алькеевского района была допущена опечатка, грубо искажающая выдержку из речи Сталина. Часть тиража была изъята непосредственно у читателей. Обнаружение таких политических искажений влекло за собой серьезные последствия. В частности, указанные случаи стали основанием для объявления цензорам выше-названных районов выговоров с занесением в учетную карточку [29. Л. 64].

Нередки были и ситуации, когда редакторов снимали с должности, а уполномоченных – увольняли. А чтобы избежать подобных ошибок впредь, с редакторами газет и цензорами периодически проводились занятия, разрабатывались и высылались циркулярные письма.

Главными причинами неудовлетворительного осуществления цензуры районной печати начальник Главлита Татарской АССР Марьяхин считал слабую подготовку кадров. Действительно, многие цензоры находились на своих должностях короткое время, мобилизация на фронт приводила к постоянной сменяемости кадров. Внештатные сотрудники райлитов не могли в полной мере заниматься цензурованием, так как были перегружены на основной работе. Серьезной проблемой являлось недостаточное число цензоров, знающих татарский язык, хотя многие газеты выпускались на языке титульной нации. Кроме того, в вину цензорам ставилось незнание ими тех положений, которыми следовало руководствоваться в своей деятельности. В отчете за 1942 г. Татарский обком ВКП(б) отмечал, что часть цензоров «проводит свою работу лишь формально», многие не изучают присланные документы и потому «не знают основных указаний» [29. Л. 63].

Следует подчеркнуть, что в зоне внимания уполномоченных Главлита находилось не только содержание, но и техническое оформление районных газет. Сотрудники редакций подвергались резкой критике за грубые орфографические и стилистические ошибки. Работники некоторых изданий показывали «вопиющую безграмотность», проявлявшуюся в том, что практически каждый номер газеты они выпускали с ошибками: слово «прожектор» печатали как «прожиктор», «арсенал» – как «арсинал», плохо знали географическое местоположение городов и рек и неправильно указывали название местности в своих заметках. Предъявлялись претензии к расположению материалов. Сатирические материалы, карикатуры, по мнению проверяющих, следовало давать не на передовице, а на внутренних листах газет [17. Л. 73 об.; 20. Л. 8 об.].

Любопытно отметить, что даже в такой сфере, как цензурование, в годы войны практиковались составительские формы работы. В 1942 г. Башкирский Глав-

лит вызвал Татарский Главлит на социалистическое соревнование. Помимо пресечения нарушений в периодической печати, райлитовцы взяли на себя повышенные обязательства по проверке книжных фондов библиотек и книготоргующих организаций на соответствие политическим целям и задачам [27. Л. 17 об.].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны районные газеты играли важную роль в мобилизации масс на борьбу с врагом. Они являлись наиболее действенным каналом идеологического воздействия на граждан, поэтому властные органы держали работу

редакций в целом и корреспондентов и внештатных сотрудников в частности под пристальным контролем. В изменившихся исторических условиях задачи, которые возлагались на периодические издания, состояли в том, чтобы через газетные материалы проводить решения партийно-советских органов, направлять советских людей на добросовестный труд во имя Победы, не допускать публикации запрещенных к печати сведений. Основную работу по контролю как внешней, так и содержательной стороны периодических изданий выполняли райлитовцы и партийные работники.

Список источников

1. Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М. ; Рязань : Луч : Фонд 900-летия Рязани, 1995. 202 с.
2. Козлов Н.Д. С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб. : Тесса, 2002. 314 с.
3. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М. : Ин-т рос. истории, 2000. 277 с.
4. Токарев И.А. Формирование и реализация партийно-государственной политики СССР в сфере идеологии, культуры и образования в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2008. 28 с.
5. Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп : Адыгея, 2000. 432 с.
6. Данилов В.Н. Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 396 с.
7. Ибрапов А.А. Государственные органы управления и народ в 1941–1945 гг.: аспекты политического, экономического и организационно-правового взаимодействия (на материалах автономных республик Северного Кавказа) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2005. 52 с.
8. Широкоград И.И. Центральная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М. : Моск. гос. ун-т печати, 2001. 330 с.
9. Лымарев А.Н. Периодическая печать Южного Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 252 с.
10. Бормотова А.Р. Печать периода Великой Отечественной войны на территории Курской области : дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010. 230 с.
11. Храмова Е.Л. Периодическая печать 1941–1945 гг. в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Самарского научного центра РАН. 2007. Т. 9, № 2. С. 422–427.
12. Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М. : РОССПЭН, 2009. 407 с.
13. Куренков Г.А. Деятельность Главлита по защите военной и государственной тайны в 1942 году // Открытый текст : электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/index.html?id=5782> (дата обращения: 10.04.2020).
14. Парамонов В.Н. Секретность в советском обществе в 1920–1940-х годах // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2/2 (93). С. 125–133.
15. Костякова Ю.Б. Медиакультурное пространство Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Абакан : Хакассский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2012. 180 с.
16. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. П-15. Оп. 5. Д. 200а.
17. ГА РТ. Ф. П-528. Оп. 1. Д. 261.
18. ГА РТ. Ф. П-276. Оп. 1. Д. 168.
19. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 1834.
20. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 123.
21. Красная Татария. 1943. 17 июля.
22. Советская Татария. 1967. 11 нояб.
23. Красная Татария. 1942. 2 сент.
24. Живая память: воспоминания детей войны / сост. В.Ф. Телишев. Казань : Изд-во Казан. федер. ун-та, 2013. Вып. 1. 188 с.
25. Интервью Рязановой Фатимой Шариповной (1932 г.р.), уроженкой дер. Кукеево Рыбнослободского района ТАССР, в годы была школьницей, записано 17 июня 2005 г. // Архив автора.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 236.
27. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 884.
28. ГА РТ. Ф. П-15. Оп. 5. Д. 130.
29. ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 62.

References

1. Kondakova, N.I. (1995) *Dukhovnaya zhizn' Rossii i Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.* [The spiritual life of Russia and the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow; Ryazan: Luch: Fond 900-letiya Ryazani.
2. Kozlov, N.D. (2002) *S voley k Pobede. Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [With the will to Victory. Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. St. Petersburg: Tessa.
3. Zima, V.F. (2000) *Mentalitet narodov Rossii v vojne 1941–1945 godov* [The mentality of the peoples of Russia in the war of 1941–1945]. Moscow: The Institute of Russian History.
4. Tokarev, I.A. (2008) *Formirovanie i realizatsiya partiyno-gosudarstvennoy politiki SSSR v sfere ideologii, kul'tury i obrazovaniya v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg.* [Formation and implementation of the party and state policy of the USSR in the field of ideology, culture and education during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Abstract of History Dr. Diss. Saratov.
5. Malysheva, E.M. (2000) *Ispytanie. Sotsium i vlast': problemy vzaimodeystviya v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945* [Ordeal. Society and power: problems of interaction during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Maykop: Adygeya.
6. Danilov, V.N. (2002) *Sovetskoe gosudarstvo v Velikoy Otechestvennoy vojne: fenomen chrezvychaynykh organov vlasti 1941–1945 gg.* [The Soviet state in the Great Patriotic War: The phenomenon of emergency authorities of 1941–1945]. Saratov: Saratov State University.
7. Ibrapov, A.A. (2005) *Gosudarstvennye organy upravleniya i narod v 1941–1945 gg.: aspekty politicheskogo, ekonomicheskogo i organizatsionno-pravovogo vzaimodeystviya (na materialakh avtonomnykh respublik Severnogo Kavkaza)* [The state governing bodies and the people in 1941–1945: aspects of political, economic and organizational-legal interaction (on the materials of autonomous republics of the North Caucasus)].

- Aspects of political, economic and organizational-legal interaction (based on materials from the autonomous republics of the North Caucasus)]. Abstract of History Dr. Diss. Makhachkala.
8. Shirokorad, I.I. (2001) *Tsentral'naya periodicheskaya pechat' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [The central periodical press during the Great Patriotic War. 1941–1945]. Moscow: Moscow State University of Press.
 9. Lymarev, A.N. (2002) *Periodicheskaya pechat' Yuzhnogo Urala nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1939–1945 gg.)* [Periodical press of the Southern Urals on the eve and during the Great Patriotic War (1939–1945)]. History Cand. Diss. Chelyabinsk.
 10. Bormotova, A.R. (2010) *Pechat' perioda Velikoy Otechestvennoy voyny na territorii Kurskoy oblasti* [Mass media of the Great Patriotic War in Kursk region]. History Cand. Diss. Kursk.
 11. Khrankova, E.L. (2007) Periodicheskaya pechat' 1941–1945 gg. v otechestvennoy istoriografii rubezha XX–XXI vv. [Periodicals of 1941–1945 in domestic historiography at the turn of 21st century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 9(2). pp. 422–427.
 12. Goryaeva, T.M. (2009) *Politicheskaya tsenzura v SSSR. 1917–1991 gg.* [Political censorship in the USSR. 1917–1991]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
 13. Kurenkov, G.A. (n.d.) *Deyatel'nost' Glavlita po zashchite voennoy i gosudarstvennoy tayny v 1942 godu* [Activities of the Glavlit to protect military and state secrets in 1942]. [Online] Available from: <http://opentextnn.ru/old/censorship/russia/sov/libraries/books/index.html?id=5782> (Accessed: 10th April 2020).
 14. Paramonov, V.N. (2012) *Sekretnost' v sovetskom obshchestve v 1920–1940-kh godakh* [Secrecy in Soviet society in the 1920s–1940s]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2/2(93). pp. 125–133.
 15. Kostyakova, Yu.B. (2012) *Mediakul'turnoe prostranstvo Khakasii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Media cultural space of Khakassia during the Great Patriotic War]. Abakan: Khakassia State. University.
 16. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 5. File 200a.
 17. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-528. List 1. File 261.
 18. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-276. List 1. File 168.
 19. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 5. File 1834.
 20. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 5. File 123.
 21. *Krasnaya Tatariya*. (1943) 17th July.
 22. *Sovetskaya Tatariya*. (1967) 11th November.
 23. *Krasnaya Tatariya*. (1942) 2nd September.
 24. Telishev, V.F. (ed.) (2013) *Zhivaya pamyat': vospominaniya detey voyny* [The living memory: Memories of children of war]. Vol. 1. Kazan: Kazan Federal University.
 25. Ryazaeva, F.S. (2005) *Interv'yū Ryazaevoy Fatimoy Sharipovnoy (1932 g.r.), urozhenkoy der. Kukeevo Rybnoslobodskogo rayona TASSR, v gody byla shkol'nitsey, zapisano 17 iyunya 2005 g.* [Interview with Ryazaeva Fatima Sharipovna (born 1932), a native of the village Kukeevo, Rybnoslobodsky district of the TASSR, at one time she was a schoolgirl, recorded on June 17, 2005]. The author's personal archive.
 26. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-9425. List 1. File 236.
 27. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 5. File 884.
 28. The State Archive of the Republic of Tatarstan (GA RT). Fund P-15. List 5. File 130.
 29. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund R-9425. List 1. File 62.

Сведения об авторе:

Каби́рова Айслу Шарипзяновна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия). E-mail: aikabirova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kabirova Aislū Sh. – Doctor of History, Leading Researcher of the Department of Contemporary History, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of Tatarstan Republic (Kazan, Russian Federation). E-mail: aikabirova@mail.ru. E-mail: aikabirova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 26.04.2020; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья
УДК 94 (470.42)
doi: 10.17223/19988613/88/6

Боевые операции Красной Армии зимой 1943 г. на территории Белгородчины и освобождение Старого Оскола от немецкой оккупации

Татьяна Петровна Мамаева¹, Елена Анатольевна Пушкаренко²

¹ Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
Старый Оскол, Россия, tatp703@yandex.ru

² Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. На основе анализа исторических источников исследуется вопрос развития боевых операций Красной Армии на территории Белгородчины зимой 1943 г. и освобождения Старого Оскола от немецкой оккупации. Делается вывод, что боевые действия в связи с обороной и освобождением города в 1942–1943 гг. сыграли существенную роль в развитии Сталинградской битвы и подготовке к Курскому сражению. Исследователи убеждены, что ожесточенные кровопролитные бои в районе Старого Оскола в период Великой Отечественной войны стали историческим основанием для присвоения городу звания «Город воинской славы».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Белгородчина, Старый Оскол, Город воинской славы, Воронежско-Касторненская операция

Для цитирования: Мамаева Т.П., Пушкаренко Е.А. Боевые операции Красной Армии зимой 1943 г. на территории Белгородчины и освобождение Старого Оскола от немецкой оккупации // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 49–54. doi: 10.17223/19988613/88/6

Original article

Military operations of the Red Army in the winter of 1943 on the territory of Belgorodchina and Stary Oskol liberation from German occupation

Tatiana P. Mamaeva¹, Elena A. Pushkarenko²

¹ Stary Oskol Branch of Belgorod State National Research University,
Stary Oskol, Russian Federation, tatp703@yandex.ru

² Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. Throughout its history Stary Oskol was an important link in the defense of our state, and it played a key role in the battles of 1942–1943 during the Great Patriotic War. This article examines the issues related to the combat operations of the winter of 1943, as a result of which Stary Oskol and the territory of the present Belgorod region were liberated from the German occupation.

The purpose of the study was to determine the significance of military operations taking place on the territory of the Belgorod region, especially in the Stary Oskol region, for the development of the strategic initiative of the Soviet command, as well as their influence on the general situation on the Soviet-German front.

The study was based on the analysis of a number of unpublished historical sources of the Central Archives of the Russian Ministry of Defence. In addition, the authors analyzed scientific sources and memoirs on the topic under study.

In the summer of 1942, in the Belgorod region, the Soviet command carried out the Voronezh-Voroshilovgrad defensive operation, in which extremely fierce and bloody battles took place in the Stary Oskol area, twelve Red Army divisions were taken into the ring. For more than a month they fought in complete encirclement, diverting significant forces of the enemy and slowing down the pace of their advance to the East.

In 1943, the Belgorod region again became the scene of the most important military operations, the outcome of which largely predetermined the outcome of the Battle of Kursk. So, in the winter of 1943 the Voronezh-Kastornoye offensive operation was carried out here, and it was precisely for Stary Oskol that the fiercest battles began. The enemy organized a powerful defense center in the city, taking advantage of the terrain features. Nevertheless, the Wehrmacht's plans to retain the city were frustrated, and Stary Oskol was liberated. The capture of the city allowed the units of the Red Army to continue the offensive in the Kursk, Belgorod and Kharkov directions.

The authors concluded that the fighting of the Red Army in the Belgorod region, especially in the area of Stary Oskol, had significant tactical and strategic importance in 1942–1943. Thus, actions in connection with the defense of Stary Oskol during the Voronezh-Voroshilovgrad operation in the summer of 1942, namely, battles in the surroundings, fettered significant enemy forces and, as a result, delayed the pace of the German attack on Voronezh, and subsequently on Stalingrad, which reflected on the outcome of the Battle of Stalingrad. In turn, the successful operations in the Belgorod

region in the winter of 1943 during the Voronezh-Kastornoye operation contributed to the development of the strategic initiative of the Soviet command, which in general influenced the course and results of the Battle of Kursk.

Thus, the fighting in connection with the defense and liberation of the city in 1942-1943 played a significant role in the development of the battle of Stalingrad and preparation for the battle of Kursk. Researchers are convinced that the fierce and bloody battles in the area of Stary Oskol during the Great Patriotic War became the historical basis for awarding the city the title of "City of Military Glory".

Keywords: the Great Patriotic War, the Belgorod region, Stary Oskol, City of Military Glory, the Voronezh-Kastornoye operation

For citation: Mamaeva, T.P., Pushkarenko, E.A. (2024) Military operations of the Red Army in the winter of 1943 on the territory of Belgorodchina and Stary Oskol liberation from German occupation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 49–54. doi: 10.17223/19988613/88/6

На протяжении всей своей истории Старый Оскол являлся важным звеном в обороне нашего государства, а в период Великой Отечественной войны во многом сыграл ключевую роль в военных операциях 1942–1943 гг. Старооскольцы внесли весомый вклад в приближение Великой Победы. 22 тысячи человек, включая гражданское население, отдали свои жизни за Родину. На территории города и района находится 30 братских могил (6 из них – в Старом Осколе), которые хранят прах тысяч известных и неизвестных солдат и офицеров Красной Армии, погибших за свободу страны.

В 2011 г. по указу Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Старому Осколу было присвоено высокое звание «Город воинской славы». Историческими основаниями для этого послужили крайне ожесточенные кровопролитные бои на территории города и района в 1942–1943 гг. в связи с его обороной и освобождением. В данной статье освещаются вопросы, связанные с боевыми операциями зимы 1943 г., в результате которых Старый Оскол и территория нынешней Белгородской области были освобождены от немецкой оккупации.

Архивные источники свидетельствуют, что в 1941–1942 гг. город Старый Оскол оказался в крайне тяжелой ситуации, с осени 1941 г. он фактически был прифронтовым. Близость линии фронта, потоки беженцев и эвакуированных, переформирование воинских частей и подразделений, проходившее на территории города, отражались на его жизни. Эти факторы обусловили ряд негативных последствий. Например, строительство оборонительных сооружений было не завершено. Бомбоубежища и средства укрытия для населения были не готовы [1. С. 212]. Кроме того, практически отсутствовал учет эвакуированного населения, не осуществлялся учет беспризорных и безнадзорных детей, несвоевременно либо неполноценно предпринимались противоэпидемические меры по борьбе с распространением сыпного тифа, социальная инфраструктура находилась в упадке.

В начале лета 1942 г. Старый Оскол оказывается на пути движения крупных сил противника. В результате просчетов советского военного командования в ходе Воронежско-Ворошиловградской операции (28 июня – 24 июля 1942 г.) в районе Старого Оскола попали в окружение десятки тысяч бойцов и офицеров Красной Армии [2. С. 221]. Их мужественное сопротивление сыграло существенную роль в дальнейшем развитии событий на советско-германском фронте. Бои в немецком тылу, даже в условиях окружения, сковывали,

отвлекали на себя значительные силы противника, замедляя темпы его продвижения на восток, что впоследствии отразилось и на итогах Сталинградского сражения. Точное количество потерь Красной Армии на данном участке фронта до сих пор не установлено; число погибших советских воинов в ходе оборонительных боев и боев в кольце окружения в районе Старого Оскола в июле 1942 г. постоянно уточняется историками и поисковиками.

После разгрома немецких войск под Сталинградом и на Среднем Дону (в частности, немецкой оперативной группировки «Холит» и 8-й итальянской армии) советское командование инициировало ряд наступательных операций – Острогожско-Россошанскую, Воронежско-Касторненскую и Харьковскую, в результате которых была освобождена нынешняя территория области, в том числе и Старый Оскол [3. С. 123].

Острогожско-Россошанская операция осуществлялась войсками Воронежского фронта (командующий – Ф.И. Голиков) совместно с 6-й армией Юго-Западного фронта (командующий – Н.Ф. Ватутин) 13–27 января 1943 г. Ее целью было уничтожение противника в районе Острогожска, Каменки, Россоши (здесь были сосредоточены силы 2-й венгерской армии, 24-го немецкого танкового и итальянского альпийского корпусов). В результате операции советские войска окружили и разгромили крупную группировку противника (15 дивизий), нанесли поражение 6 дивизиям и продвинулись на 140 км. Советские войска взяли в плен 86 000 солдат и офицеров противника. Тем самым были созданы условия для проведения Воронежско-Касторненской операции и наступления на Харьковском направлении. В ходе этой операции были освобождены Алексеевский, Валуйский, Вейделевский, Волоконовский, Красненский, Красногвардейский и Ровеньской районы. План операции предполагал также нанесение вспомогательного удара по частям противника в районе Старого Оскола [4. Л. 292–293].

Успех Острогожско-Россошанской операции был развит в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции. После разгрома противника в Острогожско-Россошанской операции в немецкой обороне на воронежско-харьковском направлении образовалась 220-километровая брешь от Старого Оскола до Сватово, что создало условия для удара во фланг и тыл 2-й немецкой армии, оборонявшей вместе с 3-м венгерским корпусом Воронежско-Касторненский выступ. Оборона противника была особенно сильна на северном и восточном участках выступа. Южный участок был

укреплен слабее и оборонялся группой из остатков разбитых соединений. Воронежско-Касторненская операция началась в крайне суровых погодных условиях и совершенно неожиданно для противника. Начальник разведки штаба 82-й пехотной дивизии вермахта Мюллер вынужден был признать: «Мы никак не предполагали, что наступление будет так тщательно подготовлено и иметь такой успех. Мы в штабе были поражены его силой и не могли опомниться от первых ударов, как русские, прорвав нашу линию обороны, стремительно двинулись вперед...» [5. С. 81].

Воронежско-Касторненская операция проводилась в период с 24 января по 2 февраля 1943 г. войсками Воронежского фронта (командующий – Ф.И. Голиков) и левого крыла (13-я армия и 15-я воздушная армия) Брянского фронта (командующий – М.А. Рейтер). Ее цель заключалась в разгроме 2-й немецкой армии и 3-го венгерского корпуса и создании условий для советского наступления на Курск и Харьков.

Нанеся удары по флангам противостоящей группировки по сходящимся направлениям на Касторное, советские войска окружили ее основные силы (до девяти дивизий). Из окруженной группировки удалось прорваться на запад только остаткам 6-й пехотной дивизии. Всего в ходе операции было разгромлено 11 вражеских дивизий. Советские войска продвинулись до 120 км и освободили территорию Старооскольского, Чернянского, частично Губкинского и Новооскольского районов [6. С. 59].

Советское наступление проходило в условиях сильных морозов и метелей, однако, несмотря на сложные погодные условия, Воронежско-Касторненская операция развивалась успешно. К 28 января 1943 г. войска Воронежского фронта завершили оперативное окружение воронежско-касторненской группировки противника [7. Л. 269–277]. Однако окончательно части вермахта уничтожены не были. Что же касается Старого Оскола, то надо отметить, что противник создал в городе значительный узел обороны. Участник боев за освобождение города гвардии полковник А. Кулаков вспоминал: «Старый Оскол расположен на высоте, откуда окружающая местность просматривалась на несколько километров. Это давало большие выгоды обороняющимся. Немцы, оказавшись в окружении, построили противопехотные и противотанковые препятствия, а окраины города заминировали. В Старом Осколе засел довольно многочисленный гарнизон неприятеля. Здесь имелось несколько отборных эсесовских подразделений. Укрывшись, они надеялись отсидеться в городе...» [5. С. 92].

Советская авиаразведка постоянно уточняла дислокацию и численность вражеских войск в этом районе. Например, в документах штаба Воронежского фронта о положении противника от 31 января 1943 г. сообщалось: «Авиаразведкой установлено: 8.30–12.45 в Старом Осколе скопление машин, повозок и пехоты неустановленной численности. В Теплом Колодезе (20 км западнее Старого Оскола) до 70 автомашин и до батальона пехоты» [8. Л. 170–176].

Постепенно вокруг немецких и венгерских частей, сосредоточенных в районе Старого Оскола, сомкнулось

кольцо. Повторилась ситуация лета 1942 г., только теперь в окружение попал противник. Город был мощным узлом укрепления, который обороняла 26-я немецкая пехотная дивизия под командованием генерала Гольвитцера.

Непосредственно в операции по освобождению Старого Оскола и сел Старооскольского района принимали участие: 25-я гвардейская, 107-я, 303-я, 305-я, 309-я, 340-я стрелковые дивизии, а также 116-я, 102-я танковые бригады, 6-я и 8-я отдельные лыжные бригады, 20-я и 28-я минометные бригады. Кроме того, войска получили поддержку с воздуха: 208-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия совершала налеты на расположения противника в районе Старого Оскола начиная со второй половины января 1943 г. [9. Л. 31–33 об.].

После освобождения Острогожска части 107-й стрелковой дивизии под командованием полковника П.М. Бежко по бездорожью, при непрерывных метелях и сильных морозах, совершив 115-километровый марш, 27 января развернулись на рубеже Осково-Незнамово и начали наступление на Старый Оскол и пригородные села. Южнее Старого Оскола наступала 340-я стрелковая дивизия под командованием генерала С.С. Мартыросяна, в подчинение которого был также передан 1240-й истребительный противотанковый полк [10. Л. 1–4].

116-я отдельная танковая бригада полковника А.Ю. Новака после наступательных боев на Дону 21 января 1943 г. овладела селом Городище. 22 января внезапным ударом своего передового отряда она захватила станцию Голофеевка, а в дальнейшем во взаимодействии с 6-й отдельной бригадой 27 января 1943 г. с боем заняла села Верхнее Чуфичево и Верхнее Атаманское. Нашим танкистам достались вражеские трофеи – три железнодорожных состава с боеприпасами и боевой техникой. Здесь в течение пяти дней бригада вела упорные бои с подошедшими резервами противника, чем существенно облегчила действия наших войск под Старым Осколом [11. С. 38]. На пятый день боев положение бригады осложнилось, так как противник подтянул новые силы пехоты и танков. Но в это время подоспела 6-я лыжная бригада под командованием Е. Брыка и оказала необходимую помощь. Находящийся в бригаде член Военного Совета Красной Армии генерал К.В. Крайнюков отдал распоряжение танкистам о незамедлительном наступлении на Старый Оскол с юга. При поддержке 6-й и 8-й отдельных лыжных бригад и 1-го батальона 81-го гвардейского стрелкового полка 25-й гвардейской стрелковой дивизии были освобождены села Сорокино и Соковое [12. Л. 1–6].

В донесении командующего Воронежским фронтом Ф.И. Голикова Верховному Главнокомандующему сообщалось: «29.01.1943 войсками Воронежского фронта в районе г. Старый Оскол и Горшечное была окружена крупная группировка противника общей численностью до 20 000 человек. На протяжении последних дней нашими частями она была разобщена и подвергнута уничтожению. В результате боев из ее состава уничтожено около 5 000 и взято в плен 8 050 человек. Все попытки окруженных прорвать кольцо наших войск потерпели крах. По показаниям взятого в плен (со своим

штабом) командира 3-го армейского корпуса венгров генерал-майора Штомма, в замкнутом кольце окружения осталось 5 тысяч солдат и офицеров. Тылы, обозы, автотранспорт этой группировки уничтожены. Окруженные ощущают острый недостаток в боеприпасах и продовольствии. Имеется большое количество обмороженных. Захваченные трофеи подсчитываются» [13. Л. 63–64].

В течение последующих дней января советские войска успешно развивали наступление. В частности, «в течение 31.01 войска Воронежского фронта правым крылом и центром продолжали вести бои по уничтожению остатков противника в районах... Старый Оскол, Горшечное и одновременно развивали наступление в направлении г. Тим» [14. Л. 34–49].

В оперативной сводке Генштаба Красной Армии от 5 февраля 1943 г. сообщалось: «Войска Воронежского фронта в течение 4.02 частью сил продолжали вести бои по уничтожению частей противника, окруженных в районах Горшечное и Старый Оскол... 40-я армия частью сил продолжала вести бои в районах Горшечное, Старый Оскол. Частями 107-й СД в районе г. Старый Оскол захвачено до 600 пленных и уничтожено до 3 000 солдат и офицеров противника» [14. Л. 34–49].

Старый Оскол был освобожден 5 февраля 1943 г. силами 340-й (генерал-майор С.С. Мартиросян) и 107-й (полковник П.М. Бежко) стрелковых дивизий 40-й армии. Кроме того, в боях за город участвовали части 2-й воздушной армии под командованием полковника Ф.П. Котлера [15. С. 78]. При штурме города бойцы 107-й стрелковой дивизии потеряли практически половину личного состава – более 4 000 человек. В целом зимой 1943 г. в ожесточенных боях на территории Старооскольского края погибли около 7 000 советских воинов.

В оперативной сводке Генштаба Красной армии от 5 февраля 1943 г. сообщалось: «Войска Воронежского фронта в течение 5.02 основными силами продолжали развивать наступление на курском, белгородском, харьковском направлениях и частью сил вели бои по уничтожению окруженных частей противника в районах Горшечное и Старый Оскол. Наши части, сломив сопротивление противника, заняли город Старый Оскол, уничтожив при этом гарнизон противника. 107-я стрелковая дивизия, сломив упорное сопротивление противника, 5 февраля 1943 г. овладела городом Старый Оскол. Было уничтожено до 2 000 солдат и офицеров противника» [14. Л. 34–49].

Старый Оскол был одним из первых городов Курской области, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков.

В воспоминаниях участников освобождения нашего города говорится об ожесточенном сопротивлении противника и героизме, самопожертвовании солдат и офицеров Красной Армии. Участник боев за освобождение Белгородчины И. Коняев вспоминал о подвиге танкистов А. Мокроусова и Н. Яшина. Ветеран сообщил, что 19 января командующий 40-й армией поставил их бригаде задачу: перерезать железную дорогу Старый Оскол–Чернянка и удерживать ее до подхода

основных сил. К моменту получения этой задачи противник в районе населенных пунктов Старый Оскол, Ястребовка, Голофеевка сосредоточил отходящие из-под Воронежа части, а также подтягивал из района Курска свежие оперативные резервы; его целью было закрыть образовавшуюся брешь и задержать наступление наших войск на заранее подготовленном рубеже: Касторное, Горшечное, Старый Оскол, Голофеевка, Чернянка. Противник стремился измотать наши силы и не допустить продвижения на северо-восток в направлении Старого Оскола. В боях за села Верхнее Чуфичево и Верхнее Атаманское отличились экипажи танков под командованием лейтенантов А. Мокроусова и Н. Яшина. 28 января около церкви в Верхнем Атаманском оба танка были подбиты. Немцам удалось разбить гусеницы на обоих танках и лишить их маневра. Экипажи остались в неподвижных танках, как в осажденных крепостях, в полном окружении гитлеровцев. Выйти для ремонта гусениц было невозможно. Немцы предлагали сдаться в плен, но танкисты остались в боевых машинах. Тогда немцы попытались расстрелять танки с близкого расстояния, но все их попытки предупреждались нашими танкистами. Немецкие танки были сожжены раньше, чем успели сделать хотя бы по одному выстрелу. В ночь с 29 на 30 января к танкам пытались подползти гитлеровские саперы, чтобы взорвать их. Но и эта попытка противника также окончилась неудачей. Только к исходу 1 февраля были освобождены Верхнее Чуфичево и Верхнее Атаманское, а вместе с ними вызволены из фашистского окружения и храбрые экипажи, находившиеся в танках при 20–30-градусном морозе с 29 января по 1 февраля 1943 г. Впоследствии при осмотре танков выяснилось, что в танк Мокроусова попало 82 снаряда, а в танк Яшина 67 снарядов противника [16. С. 96–97].

Особенно ожесточенные бои шли на северных подступах к городу. Именно здесь, у Масюковой будки, преградили путь колонне из 2 000 немцев и венгров 17 советских воинов. К концу боя из 17 героев остались в живых четверо: Т.П. Бабков, А.И. Бутбаев, В.И. Кукушкин и П.Е. Рябушкин. Из них первые двое погибли в последующих боях. В числе погибших значились: старший лейтенант В. Плотников, младший лейтенант В. Бондаренко, сержанты и солдаты М. Дроздов, П. Виноградов, А. Золотарев, Н. Литвинов, П. Толмачев, У. Чажабаев, С. Башев, П. Николаев, М. Яблоков, Т. Савин, Г. Опарин.

Пока 17 героев сдерживали натиск превосходящих немецких сил, бойцы 107-й стрелковой дивизии ворвались в Старый Оскол. Солдат Медведев водрузил над городом Красное знамя. Погибших героев с почестями хоронило все население освобожденного города. Павел Рябушкин, будучи в госпитале, в то время не знал, что за мужество и героизм он награжден орденом Красного Знамени, и лишь спустя 19 лет свидетель событий разыскал героя и вручил ему правительственную награду. Орденами Красного Знамени были награждены также Т.П. Бабков, Г.Е. Опарин, А.И. Бутбаев и В.И. Кукушкин. Остальные участники боя у развязда Набокино награждены орденами Отечественной войны I степени. На месте боя установлен памятник. В Ста-

ром Осколе есть улица имени 17 героев, а также улицы, названные в честь Валентина Плотникова, Василия Бондаренко, Николая Литвинова [16. С. 100–101].

Хотим подчеркнуть, что 17 бойцов-бронбойщиков 40-й армии, сдержавших наступление вражеской колонны у разъезда Набокино, фактически повторили подвиг героев-панфиловцев. Тринадцать из них пали смертью храбрых на поле боя, а четверо, получив тяжелые ранения, все же не пропустили врага.

В ожесточенных боях за освобождение нашего края погибло свыше 7 000 советских воинов, останки которых покоятся в 30 братских могилах.

Говоря об итогах Воронежско-Касторненской операции в целом, следует сказать о ее отличительных особенностях. Она стала первым ярким примером успешного перехода от одной крупной наступательной операции к другой без оперативной паузы. Войска 40-й армии подготовились к ней в ограниченные сроки еще на этапе завершения Острогожско-Россошанской операции. Эффективное взаимодействие танкового корпуса со стрелковыми дивизиями первого эшелона привело к прорыву обороны противника. В ходе операции артиллерия тесно взаимодействовала с пехотой, что также способствовало успеху всей операции. Противнику – 2-й немецкой армии и 3-му венгерскому корпусу – было нанесено тяжелое поражение. В результате проведения Воронежско-Касторненской операции была освобождена значительная часть Воронежской и Курской областей, в том числе города Воронеж, Касторное, Старый Оскол, Новый Оскол, Волоконовка. Перед армиями фронта открылись возможности для дальнейшего наступления на курском и харьковском направлениях.

За проведение операции полковнику П.М. Бежко 5 февраля 1943 г. было присвоено звание генерал-майора, он был награжден орденом Суворова 2-й степени. Орденами и медалями были награждены более 1 000 советских бойцов и офицеров [17. Л. 17].

Успех Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций сделал возможным дальнейшее советское наступление в ходе Харьковской операции. Она проходила в период со 2 февраля по 3 марта 1943 г. и осуществлялась войсками Воронежского фронта и 6-й армии Юго-Западного фронта.

В ходе данной операции советские войска завершили освобождение территории нынешней Белгородской области. Однако полностью закрепить успех операции не удалось: 13–21 марта немцы вновь захватили Борисовский, Грайворонский районы, а также г. Белгород и частично территорию Белгородского, Краснояружского, Шебекинского и Яковлевского районов. Но уже с 22 марта 1943 г. вермахт прекращает наступление и переходит к обороне. Стабилизировавшийся на белгородско-харьковском направлении фронт образовал южный фас Курского выступа, где с 5 июля 1943 г. начались ожесточенные бои [16. С. 54].

Таким образом, боевые действия Красной Армии на Белгородчине, в особенности в районе Старого Оскола, в 1942–1943 гг. имели существенное тактическое и стратегическое значение. Так, действия в связи с обороной Старого Оскола в ходе Воронежско-Ворошиловградской операции летом 1942 г., а именно бои в условиях окружения, сковали значительные силы противника и, как следствие, затянули темпы немецкого наступления на Воронеж, а впоследствии на Сталинград, что отразилось на итогах Сталинградской битвы. В свою очередь, успешные действия Красной Армии на Белгородчине зимой 1943 г. в ходе Воронежско-Касторненской операции способствовали развитию стратегической инициативы советского командования, что в целом повлияло на ход и итоги Курского сражения. Героизм и мужество бойцов Красной Армии, проявленные в оборонительных боях 1942 г. и боях за освобождение в 1943 г., стали историческим основанием для присвоения Старому Осколу звания «Город воинской славы».

Список источников

1. Пушкаренко Е.А. Старооскольский край накануне немецкой оккупации (июнь 1941 – июль 1942 года) // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2005. № 4 (13). С. 209–212.
2. Пушкаренко Е.А. Изучение военной истории Оскольского края как фактор воспитания патриотизма и гражданственности студенчества // Патриотическое воспитание в системе высшего образования : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 75-летию начала контрнаступления советских войск в битве под Москвой / отв. ред. З.З. Мухина. М. : Изд. Дом МИСиС, 2017. С. 218–222.
3. Освобождение городов : справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 / под общ. ред. С.П. Иванова. М. : Воениздат, 1985. 598 с.
4. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 203. Оп. 2777. Д. 60.
5. Во имя жизни : худож.-публ. сб. Старый Оскол : ОЭМК, 2010. 432 с.
6. Бабаджания А.Х. Дороги Победы. М. : Молодая гвардия, 1975. 288 с.
7. ЦАМО РФ. Ф. 28 (16). Оп. 1072. Д. 811.
8. ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2874. Д. 42.
9. ЦАМО РФ. Ф. 20203. Оп. 1. Д. 7.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 35.
11. Шиманский В.П. Позывные наших сердец. М. : Воениздат, 1973. 321 с.
12. ЦАМО РФ. Ф. 3200. Оп. 1. Д. 1.
13. ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301.
14. ЦАМО РФ. Ф. 28 (16). Оп. 1073. Д. 811 (ч. 1).
15. Военный энциклопедический словарь / под ред. Н. В. Огаркова и др. М. : Воениздат, 1983. 863 с.
16. Во имя Победы: Белгородчина в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. : по документам и материалам областных архивов / сост. Ю.И. Гончаренко, Л.Б. Хромых. Белгород : ЦДНИБО, 2000. 265 с.
17. ЦАМО РФ. Ф. 1296. Оп. 1. Д. 5.

References

1. Pushkarenko, E.A. (2005) Starooskol'skiy kray nakanune nemetskoj okkupatsii (iyun' 1941 – iyul' 1942 goda) [Stary Oskol on the eve of the German occupation (June 1941 – July 1942)]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii*. 4(13). pp. 209–212.
2. Pushkarenko, E.A. (2017) Izucheniye voennoy istorii Oskol'skogo kraya kak faktor vospitaniya patriotizma i grazhdanstvennosti studenchestva [Studying the military history of Oskol region as a factor in instilling patriotism and citizenship among students]. In: Mukhina, Z.Z. (ed.) *Patrioticheskoe vospitanie v sisteme vysshego obrazovaniya* [Patriotic Education in the Higher Education System]. Moscow: MISiS. pp. 218–222.
3. Ivanov, S.P. (ed.) (1985) *Osvobozhdeniye gorodov: spravochnik po osvobozhdeniyu gorodov v period Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945* [Liberation of cities: A guide to the liberation of cities during the Great Patriotic War, 1941–1945]. Moscow: Voenizdat.
4. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 203. List 2777. File 60.
5. Anon. (2010) *Vo imya zhizni* [In the Name of Life]. Stary Oskol: OEMK.
6. Babadzhanyan, A.Kh. (1975) *Dorogi Pobedy* [The Roads of Victory]. Moscow: Molodaya gvardiya.
7. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 28 (16). List 1072. File 811.
8. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 203. List 2874. File 42.
9. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 20203. List 1. File 7.
10. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 1657. List 1. File 35.
11. Shimanskiy, V.P. (1973) *Pozyvnye nashikh serdets* [Call signs of our hearts]. Moscow: Voenizdat.
12. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 3200. List 1. File 1.
13. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 203. List 2843. File 301.
14. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 28 (16). List 1073. File 811 (ch. 1).
15. Ogarkov, N.V. et al. (eds) (1983) *Voennyi entsiklopedicheskiy slovar'* [The Military Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Voenizdat.
16. Goncharenko, Yu.I. & Khromykh, L.B. (eds) (2000) *Vo imya Pobedy: Belgorodchina v Velikoy Otechestvennoy voyne, 1941–1945 gg.: po dokumentam i materialam oblastnykh arkhivov* [In the name of Victory: Belgorod region in the Great Patriotic War, 1941–1945: Based on documents and materials from regional archives]. Belgorod: TsDNIBO.
17. The Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (TsAMO RF). Fund 1296. List 1. File 5.

Сведения об авторах:

Мамаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета (Старый Оскол, Россия). E-mail: tatp703@yandex.ru

Пушкаренко Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mamaeva Tatyana P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Stary Oskol Branch of Belgorod State National Research University (Stary Oskol, Russian Federation). E-mail: tatp703@yandex.ru

Pushkarenko Elena A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities of the Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russian Federation). E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 29.04.2020; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/88/7

Комитеты помощи заключенным: опыт послетюремной реабилитации в Советской России, 1924–1930 гг.

Михаил Александрович Погорелов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия,
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается история комитетов помощи заключенным и освобожденным – органов послетюремной реабилитации, организованных в рамках раннесоветской тюремной реформы в 1920-е гг. Комитеты создавались на губернском уровне и возглавлялись центральным офисом при Главном управлении местами заключения НКВД РСФСР. Функции этих органов включали как финансовую поддержку освобожденных, так и организацию производств с их трудоустройством. Изучение деятельности местных комитетов демонстрирует различные сценарии: если в некоторых случаях комитеты были достаточно успешны (Ленинград, Москва, Саратов и др.), большинство губернских комитетов, при отсутствии регулярного государственного финансирования, оказалось неспособным организовать помощь освобожденным.

Ключевые слова: раннесоветская тюремная реформа, комитеты помощи заключенным, НЭП

Для цитирования: Погорелов М.А. Комитеты помощи заключенным: опыт послетюремной реабилитации в Советской России, 1924–1930 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 55–62. doi: 10.17223/19988613/88/7

Original article

Prisoners' aid committees: post-release rehabilitation in Soviet Russia, 1924–1930

Mikhail A. Pogorelov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation,
mikhail.alex.pogorelov@gmail.com*

Abstract. The article examines a little-known story of the Aid Committees for inmates and released prisoners, which were established as part of early Soviet prison reform. Based on archival documents from the State Archive of the Russian Federation and published sources, it aims to consider goals and functions of these institutions. In the 1920-s Soviet Russia carried an experiment to build an alternative to «capitalist» prison systems. Drawing on the experience of the international prison reform movement and collaborating with non-Bolsheviks experts, Soviet reformers reconsidered it through the lens of Marxist ideology. The Main Administration of Places of Detention NKVD RSFSR, which was responsible for penal policy, aimed to introduce so called progressive system in prisons, that implied the following basic ideas, institutions and practices: principle of rehabilitation instead of punishment and deterrence; expanded use of non-custodial sanctions in place of imprisonment; use of parole and early release; differentiation of sanctions; reliance on criminological knowledge and expertise; and, last but not least, aid institutions for ex-convicts. Those institutions had to become one of the main elements within this new penal system. Such institutions already existed in Russian Empire (usually, on a voluntary basis), but the Soviet government promised to provide all ex-convicts by support on a mandatory basis. Until the end of the 1920s fight against recidivism was addressed as priority, committees of aid were considered as main mechanism for crime prevention. The patronage institutions for ex-prisoners were organized at the provincial level and headed by the NKVD RSFSR and its responsibilities included the following tasks: they were supposed to provide inmates with financial and material support, to give them food and lodging, to help them find work, to offer medical help and education. The study shows various scenarios: although some committees were successful (Leningrad, Moscow, Saratov and other regions), most of them, in the absence of regular funding, were unable to build sustainable infrastructure for ex-convicts' support. In spite of declared principle of a mandatory state help, it could hardly be implemented. The Great Break in the late 1920s, concomitant changes in penal policy, emergence of the Gulag and more rigorous approach to prisoners marginalized ex-prisoners assistance and made it irrelevant for the state.

Keywords: prisoners' aid committees, early Soviet prison reform, NEP

For citation: Pogorelov, M.A. (2024) Prisoners' aid committees: post-release rehabilitation in soviet Russia, 1924–1930. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 55–62. doi: 10.17223/19988613/88/7

В 1920-е гг. в Советской России проводился эксперимент по созданию альтернативы «капиталистическим» тюремным системам. Опираясь на опыт международного движения за реформу тюрем, царского правительства и немарксистских экспертов, советские реформаторы переосмыслили его через призму марксистской идеологии. Пенитенциарная политика 1920-х гг. и реформа общеуголовных тюрем, осуществляемая НКЮ и НКВД РСФСР, ставили своей целью введение прогрессивной системы. Последняя подразумевала ряд подходов, которые коренились в международной пенитенциарной традиции: преимущественное использование санкций, не связанных с лишением свободы; широкое применение досрочного освобождения; опора на криминологическое знание и экспертизу. Наконец, в этой новой системе органы послетюремной ресоциализации должны были стать одним из основных звеньев. До конца 1920-х гг. борьба с рецидивизмом была одной из приоритетных целей советских государственных органов. В этом отношении комитеты помощи заключенным рассматривались как один из основных инструментов предупреждения повторной преступности.

Попытки большевиков реформировать царскую тюрьму в годы гражданской войны и НЭПа достаточно подробно описаны в историографии [1–6]. Тем не менее история органов послетюремной реабилитации в рамках этой реформы остается практически неизученной [6. Р. 57–63; 7]. В этой статье я хотел бы рассмотреть обстоятельства возникновения и функционирования комитетов помощи заключенным и освобожденным, организованных Главным управлением мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР. Хронологические рамки статьи ограничены, с одной стороны, 1924 годом, когда был принят первый исправительно-трудовой кодекс РСФСР и началось активное введение комитетов помощи, с другой – 1930 годом, когда НКВД РСФСР, проводивший тюремную реформу, был упразднен, а ГУМЗ передан в состав Наркомюста. Исследование опирается на документы фонда ГУМЗ НКВД РСФСР Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Первые общества патроната возникают еще в конце XVIII – начале XIX в. В Российской империи поддержку освобожденным заключенным оказывали Попечительные о тюрьмах общества. Однако во второй половине XIX в. идея патроната в рамках дискуссий о тюремной реформе и преступности была переосмыслена. Формирование криминологии, новое понимание преступности и ее этиологии, упор на превентивные меры и попытки избежать рецидивизма способствовали развитию институтов послетюремной ресоциализации. Теперь патронат рассматривался как часть прогрессивной системы.

В начале XX в. вопрос об устройстве вышедших на свободу заключенных становится заботой не только благотворительных обществ, но и тюремной администрации. Переосмыслению роли патроната способствовали международные тюремные конгрессы. Пункт о патронаже был включен в резолюцию конгресса американской пенитенциарной ассоциации в Цинциннати (1870). В дальнейшем этот вопрос регулярно обсуждался на тюремных конгрессах и конгрессах па-

троната [8]. В частности, резолюция Будапештского тюремного конгресса 1905 г. утверждала, что частные общества патроната должны подчиняться контролю государства, однако государство не должно вмешиваться «в приемы и методы, при помощи которых достигается нравственное исправление призреваемых» [9. С. 233]. На Вашингтонском конгрессе обсуждался вопрос о надзоре за условно осужденными [9. С. 329]. Движение за развитие патронатов получило распространение и в России, хотя они по-прежнему создавались на добровольных началах. Если до 1909 г. Главным тюремным управлением Министерства юстиции (ГТУ) было зарегистрировано всего 22 общества патроната, то к 1913 г. их число выросло до 117. Главным образом это были патронаты для несовершеннолетних. Тем не менее масштабы их работы оставались довольно скромными: в течение 1912 г. они оказали помощь примерно тысяче человек [10. С. 86]. 24 декабря 1912 г. вышел закон «О государственной помощи обществам покровительства лицам, освобождаемым из места заключения», подготовленный Русской группой Международного союза криминалистов. В соответствии с ним благотворительные патронатные общества встраивались в государственную систему: они сохраняли свою независимость, но были подотчетны ГТУ, получили налоговые льготы и возможность получать денежные пособия и кредиты [11. С. 1775–1777]. Таким образом, в дореволюционный период были сделаны конкретные шаги к созданию патроната, однако его масштабы оставались незначительными.

Разрабатывая свой проект патронажа бывших заключенных, советские власти следовали международному тренду. В 1920-е гг. можно увидеть многочисленные параллели советским комитетам в других странах. После Первой мировой войны во многих странах предпринимались попытки установить государственную систему надзора и помощи освобожденным. Государственная поддержка бывших заключенных была введена в Великобритании, Нидерландах, Италии и других странах. Часто это было связано с наблюдением за досрочно освобожденными, как в случае американских Parole Boards. В Бельгии комитеты патронажа (Comités de Patronage) начали работать задолго до Первой мировой войны, однако они не справлялись со своей задачей [12. Р. 275–276]. В 1923 г. там же было организовано специальное государственное Бюро социальной реадaptации, где работали социальные работники со специальной подготовкой [12. Р. 276].

При этом советские авторы старательно подчеркивали отличия советского патроната от аналогичных органов «капиталистических» пенитенциарных систем. В основе такой критики лежал аргумент об обязательной государственной помощи освобожденным заключенным в Советской России как противоположности негосударственной и избирательной «случайной благотворительности» западных стран [13; 14. С. 160].

Характерно, что советские тюремные администраторы и юристы подчеркивали «дестигматизирующую» функцию помощи заключенным. Как указывал юрист и консультант ГУМЗ Борис Утевский, «реклассификация освобожденного, возвращение его в трудовую

среди полноправным ее членом – такова основная... задача комитетов помощи» [15. С. 250]. Как писал глава культурно-просветительного отдела ГУМЗ Юрий Бехтерев, необходимо воздействовать на общественное мнение с целью «рассеять предубеждения» против освобождаемого: «Рабочие и крестьяне в массе все еще смотрят на выходящего из места заключения очами минувшего времени и по традиции видят в нем врага общественного порядка, которому нет места в рядах честных тружеников. И нередко в глуши, в провинции, да порою и в столице, “клеймо тюремного сидельца” не менее, чем кандалы, служит препятствием к получению честного заработка, к возвращению в ряды трудящихся» [19. С. 103].

В своем докладе на Всесоюзном пенитенциарном совещании в октябре 1928 г. Борис Утевский также утверждал, что патронат и ресоциализация бывших заключенных рассматриваются ГУМЗом как один из ключевых вопросов тюремной реформы. Утевский подтвердил, что должен быть «сохранен и углублен принцип государственной помощи». Однако он озвучил также ряд новшеств, в частности, подняв вопрос о введении обязательного патронажа: «...отдельным заключенным настолько сильно угрожает опасность впадения в рецидив, что они могут быть освобождены только при условии подчинения их обязательному патронированию». Кроме того, Утевский предложил понимать патронирование не только как материальную помощь и трудоустройство, но и как наблюдение за освобожденными [15. С. 250]. Об аналогичных мерах говорил и С.О. Жуковский, предлагая ввести в состав наблюдательных комиссий представителя комитета помощи, сделав его кем-то вроде американского probation officer – служащего, ответственного за наблюдение за досрочно освобожденными [16. С. 30]. Тем не менее эта идея так и не получила какого-либо заметного воплощения.

Патронаты были предусмотрены уже первыми советскими законодательными документами о местах заключения. Положение о Центральном карательном отделе НКЮ предусматривало организацию «советских патронатов» [17. Л. 1]. В октябре того же года начальник карательного отдела Леонид Саврасов высказался о необходимости создания органов «послетюремного наблюдения» [18. С. 40]. 18 января 1922 г. НКЮ выпустил «Положение о комитетах помощи освобождаемым из мест заключения». Однако нет явных свидетельств того, что до публикации исправительно-трудового кодекса в октябре 1924 г. Наркомюст или ГУМЗ были озабочены реализацией этих задач. Как указывал глава культурно-просветительного отдела ГУМЗ Юрий Бехтерев, в 1922–1925 гг. было организовано всего 8–10 комитетов, из них только три патронатных общества – Ярославское, Царицынское и общество «Долой преступность» в Ростове-на-Дону – имели успех в плане трудоустройства освобождаемых из мест заключения [19. С. 100].

Массово комитеты стали создаваться только в 1925 г., когда ГУМЗ начал активно проводить в жизнь исправительно-трудовой кодекс. В кодексе комитетам был посвящен отдельный раздел (ст. 227–231), в котором

предписывалось, что под руководством Всероссийского комитета помощи заключенным (ВКПЗ) ГУМЗ в губерниях организуются комитеты помощи заключенным и освобождаемым. Предполагалось, что они возьмут на себя ряд функций, в том числе оказание материальной помощи, оплату проезда до дома, предоставление жилья и питания. Кроме того, они должны были оказывать помощь с поиском работы (для этого комитеты имели право организовывать собственные мастерские и предприятия), предоставлять ссуды на приобретение рабочих инструментов, оказывать юридическую и медицинскую помощь, вести образовательную деятельность. В кодексе оговаривалось несколько источников финансирования: комитеты должны были получать 15% прибыли от производств мест заключения; кроме того, фонд комитета мог пополняться взносами учреждений и частных лиц, а также нерегулярными ассигнованиями из государственного и местного бюджетов.

Через несколько месяцев вышло «Положение о комитетах», в котором эти статьи получили более конкретные и прикладные формулировки. Комитеты должны были функционировать по принципу самокупаемости, для чего они открывали собственные предприятия. Комитеты брали на себя обязанность поиска работы для заключенных на государственных и корпоративных предприятиях. Положение предусматривало также организацию общежитий, столовых, объединение освобожденных в артели и кооперативы, организацию амбулаторий, больниц, школ и курсов, бюро юридической помощи и пр. [20. Л. 61–61 об.]. При ВКПЗ было образовано правление, в которое, в частности, вошли представитель Рабоче-крестьянской инспекции А. Сольц, начальница 1-го женского Новинского исправительно-трудового дома А. Савкова, глава ГУМЗ Е. Ширвиндт и, в качестве председателя, нарком юстиции РСФСР Д. Курский. По такому же принципу на уровне краев и губерний (в некоторых случаях – уездов) организовывались местные комитеты [21. С. 41–42].

Скромный размер архива ВКПЗ в фонде ГУМЗ (ГАРФ. Ф. 4042. Оп. 11), насчитывающий всего 25 дел, косвенно свидетельствует, что помощь бывшим заключенным не была первоочередным вопросом ни для ГУМЗ, ни для местных властей. Если говорить про масштабы, то в 1926–1927 гг. ВКПЗ оказал денежную помощь на 2 908 200 рублей, а местные комитеты имели 42 предприятия, на которых работали патронируемые [22]. Всего на июль 1926 г. было образовано почти 50 местных комитетов [19. Л. 1]. Однако сложно сказать, сколько комитетов реально функционировало. Волна публикаций в прессе мест заключения в середине 1920-х гг. показывает, что начиная с 1925 г. комитеты организовывались, а работники и заключенные проявляли к этому интерес. В то же время только немногие из местных комитетов (Москва, Ленинград, Саратов, Псков, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород и некоторые другие) смогли развернуть реальные производства и имели рабочие места для трудоустройства бывших заключенных. Большинство ограничивалось выдачей разовых денежных пособий и разного рода материальной поддержкой. Множество заключенных оказывались в сложных условиях после выхода на

свободу: некоторые даже не имели верхней одежды, не говоря уже про сбережения на первое время [23. Л. 14]. После амнистии в октябре 1927 г., в результате которой по всей стране были освобождены тысячи заключенных, большинство комитетов ограничилось оказанием символической материальной помощи, решение же вопросов трудоустройства многим комитетам оказалось не по силам [7. С. 57–58].

Большинство комитетов столкнулось с трудностями (главным образом, материального характера), которые не позволили им развернуть свою деятельность. Как было указано выше, комитеты имели три основных источника финансирования: отчисления из прибыли мест заключения той губернии, при которой функционирует комитет, частные взносы и государственные субсидии. Очень скоро стало очевидно, что 15%-ные отчисления мест заключения не смогут стать финансовой базой для комитетов. Как указывалось в отчете ВКПЗ за 1925 г., 15%-ные отчисления не поступали, поскольку рабочие части тюрем сами нуждались в этих средствах на покупку оборудования [24. Л. 13]. Часто прибыль от производств мест заключения шла на оплату их нужд, поскольку местные власти выделяли им недостаточно средств. В иных случаях эти отчисления оказывались слишком мизерными. Как отмечал один из авторов в ведомственном журнале НКВД через два года после введения комитетов, отчислений 15% от прибылей мест заключения недостаточно, и государство должно вливать деньги в комитеты [16. С. 30]. В том же отчете ВКПЗ указывалось, что комитеты жалуются на отсутствие помощи от ВКПЗ и их ходатайства об отпуске денег не удовлетворяются. Государственное финансирование было нерегулярным, ограниченным и выборочным. Как правило, выделяемые деньги распределялись между местными комитетам, признанными наиболее перспективными, либо выделялись по запросу. В ноябре 1925 г. по решению правления ВКПЗ 25-тысячный фонд разделили между шестью «узловыми» комитетам – Москвой, Ленинградом, Новониколаевском, Ростовом-на-Дону, Свердловском и Саратовом [24. Л. 10]. В 1926–1927 гг. фонд, выросший до 37 тыс. рублей, был распределен между комитетам в Дагестане, Казани, АССР немцев Поволжья, Северо-Двинским и Ленинградским, причем последний получил 10 тыс. из этой суммы [24. Л. 33].

Кроме того, ВКПЗ мог оказывать поддержку в переговорах с другими ведомствами, как это было в случае Саратовского комитета: в апреле 1927 г. ВКПЗ добился у Наркомторга СССР передачи Саратовскому комитету мельницы и лесопильного завода. После этого переоборудованная в ватную фабрику мельница была включена в план ВСНХ РСФСР и получила сырье [25. Л. 52–55].

Поскольку государственная помощь была нерегулярной и минимальной, дальнейшая судьба комитета зависела от взносов частных лиц и организаций. Предполагалось, что местные комитеты будут поддержаны государственными и общественными организациями, однако, если верить отчетам с мест, на регулярной основе этого практически не происходило. Барнаульская окружная инспекция писала в ноябре 1925 г. в ВКПЗ,

жалуясь, что из 35 человек, состоящих в комитете, большинство – руководители государственных учреждений и торгово-промышленных предприятий. Чтобы иметь в фонде хоть какие-то деньги, они устроили спектакль, получив от него прибыль в 400 руб. [26. Л. 1, 12].

Учитывая, что наладить производство без начального капитала было крайне сложно, многие местные комитеты прибегали к торговле. Как отмечалось в отчете Северо-Кавказского комитета, наиболее успешные комитеты создавали предприятия с «коммерческо-торговым уклоном», без использования на них труда бывших заключенных и с привлечением частного капитала [23. Л. 23–24]. Нижегородский комитет в 1926–1927 гг. открыл 11 предприятий, однако в основном это были небольшие мастерские, на которых работали не более 30 человек. Они также были вынуждены прибегать к торговле: Нижегородский комитет к концу 1927 г. имел три магазина, которые сбывали продукцию нижегородских мест заключения. Благодаря одному из них бывшие заключенные получили в 1926 г. пособий на более чем 6 тыс. рублей [7. С. 63–65]. Видимо, это явление приобрело повсеместный характер, поскольку уже в ноябре 1925 г. на заседании правления ВКПЗ Курский высказался против «торгового уклона» и за возможность получения прибыли только с помощью производства [27. Л. 10].

Хотя ГУМЗ подчеркивало, что комитеты должны функционировать при поддержке общественных организаций, оно едва ли было согласно на то, что помощь бывшим заключенным будет осуществляться независимыми организациями. Отношение ГУМЗ к «низовой» инициативе демонстрирует случай общества «Долой преступность» (ОДП), функционировавшего в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказском крае в 1924–1925 гг. и развернувшего масштабную деятельность. Характерно, что общество функционировало как добровольная организация, созданная и развиваемая благодаря инициативе снизу. Совместно с инспекцией мест заключения ОДП была приобретена табачная фабрика «Гавана», организованы свечной завод, сапожная, граверно-штамповальная и электронно-механическая мастерские. К концу 1924 г. общество имело 12 небольших предприятий и еще ряд предприятий арендовало у частных лиц. ОДП имело собственную литературно-издательскую секцию, организовывало благотворительные концерты, платные вечера, а также искало другие пути сбора средств [27. С. 452–455]. Численность общества выросла с сотни осенью 1924 г. до 17 тысяч человек в начале 1925 г. [27. С. 454]. При этом из 152 человек, работавших в аппарате и агентуре общества, 86 были бывшими заключенными [27. С. 454]. В начале 1925 г. организаторы общества отправили запрос в Москву, движимые идеей создать всероссийское ОДП. После обсуждений в НКЮ, где деятельность ОДП в целом получила одобрение, правление Донского ОДП приняло решение приступить к разработке плана и устава организации во всероссийском масштабе.

В феврале 1925 г. президиум Донского исполнительного комитета по инициативе местного комитета

РКП(б) принял решение о закрытии ОДП и организации при инспекции мест заключения комитета помощи заключенным [27. С. 455]. Тогда же в правлении ВКПЗ обсуждалась судьба ОДП. Ширвиндт высказался за то, чтобы общество «Долой преступность» и аналогичные ему организации сохранились, но приняли форму местных ячеек Комитета. При этом предполагалось, что все средства должны поступить в распоряжение Комитета, а привлечение частного капитала будет запрещено. Несколько членов правления высказались за то, чтобы предоставить таким обществам инициативу. В результате, однако, было принято постановление, в соответствии с которым ОДП подчинялись губернским комитетам [28. Л. 8–8 об.]. Так, Таганрогский и Донской окружные комитеты были организованы на основе бывших отделений общества «Долой преступность» [28. Л. 24].

На фоне других комитетов пример Ленинградского комитета выглядит достаточно успешным. Во многом это объясняется моделью, которую принял на вооружение Ленинградский комитет, — он служил чем-то вроде посредника между рабочими артелями и городскими предприятиями, организовывая для этой цели трудовую дружину (объединение артелей) и агентурное бюро, которое находило заказы. Ленинградский комитет был организован в июне 1926 г. и за год добился впечатляющих успехов: начав свою деятельность с двух сотрудников и небольшого фонда в 200–300 рублей, имея трудовую дружину всего в сто работников и швейную мастерскую, в 1927 г. он сумел организовать работу более полутора тысяч патронируемых. За первые 15 месяцев работы комитета, с июня 1926 по сентябрь 1927 г., из 7 593 зарегистрированных в Комитете лиц 5 884 получили работу в учреждениях Комитета, остальные были направлены на биржу труда [29. Л. 140]. Видимо, центром этот опыт оценивался как успешный, потому что на заседании правления ВКПЗ 20 января 1927 г. Курский предложил Московскому комитету изучить опыт Ленинградского по организации помощи через биржу труда [24. Л. 32].

В середине 1927 г. Комитет развернул деятельность 12 учреждений и предприятий, на которых были задействованы более 1 200 человек (не считая 294 человек служащих): трудовая дружина, швейная фабрика (70 работников), сапожная мастерская (52), мастерская по обработке слюды, прачечная, красильная фабрика «Трудовой путь» и баня (164 человека). Кроме того, при Комитете были организованы следующие службы, где также работали бывшие заключенные: агентурное бюро, жилищно-справочное бюро, шесть столовых и буфетов, ночлежные дома, медпункт и юридические консультации [29. Л. 41–42]. Как отмечалось в заметке в газете «Рабочий суд», Комитет одновременно и «не ложится бременем на госбюджет, и успешно выполняет серьезную государственную задачу — борьбу с преступностью» [30].

Обеспечить работой такое количество бывших заключенных позволила организация трудовой дружины, которая направляла освободившихся заключенных на какое-либо предприятие, где нужны были рабочие. Если верить отчету Ленинградского комитета, трудо-

вая дружина заняла рынок Ленинграда, вытеснив частные артели. Организационно дружина была разбита на шесть отделений, которые делились на группы. Во главе отделений стояли бывшие заключенные. Работники трудовой дружины работали на более чем 30 предприятиях, в том числе на заводах «Красный путиловец», «Большевик» и др., в основном выполняя неквалифицированную работу. До 15 февраля 1927 г. в трудовую дружину было направлено для работы почти три тысячи человек [29. Л. 33].

Очевидно, что у деятельности Ленинградского комитета была и другая сторона. В частности, в 1927 г. в одной из ленинградских газет вышла критическая заметка, где утверждалось, что рабочих Комитета отказываются брать в профсоюз, они получают гораздо меньше, чем должны, критиковались условия работы и жизни на предприятиях Комитета и в общежитиях [29. Л. 167].

Московский комитет имел гораздо меньшие успехи. За первый год (октябрь 1925 г. — октябрь 1926 г.) из обратившихся за работой 1 252 человек ее получили всего 351. На первых порах помощь ограничивалась восстановлением в профсоюзе, отправкой на биржу труда, предоставлением ночлега или медицинской помощи [24. Л. 35]. В марте 1926 г. начала работу пошивочная мастерская ВКПЗ — в среднем на ней работали около 60 человек [24. Л. 46]. В следующие несколько лет масштабы деятельности Московского комитета расширились: в 1929 г. комитет трудоустроил через биржу труда семь тысяч человек. В сентябре 1929 г. предприятия Московского комитета были переданы специально организованному Объединению производственных предприятий ВКПЗ. В него вошли картонажная фабрика, пуговичная фабрика «Штамповщик», швейная фабрика им. Д. Курского, фабрика лент пишущих машин и копировальной бумаги РУССО-лент, первая государственная фабрика металлических кроватей «Панцырь»; в среднем, на них работало от тысячи (1928–1929) до полутора тысяч (1929–1930) рабочих [31. Л. 33–36]. Тем не менее в 1928 г. в газете заключенных Таганского дома заключения «К трудовому общежитию» вышла серия критических статей о Московском комитете. В сатирическом фельетоне Московский комитет был изображен бюрократическим учреждением, которое едва ли могло выплатить бывшему заключенному пособие в полтора рубля [32, 33].

Еще один успешный случай демонстрирует Саратовский комитет. В Саратове в 1925–1928 гг. были организованы макаронная и ватная фабрики, лесопильный завод и несколько других производств с трудоустройством около 200 человек [25. Л. 33–33 об.]. Однако, как писал один из заключенных Саратовского изолятора, этого было недостаточно, чтобы вовлечь всех освобождающихся заключенных [34]. Инструкция Саратовского комитета содержала пункт, по которому «в случае желания какой-либо группы бывших заключенных объединиться в производственную артель, Губкомпомзак, если найдет это возможным, нужным и полезным, берет на себя заботы по организации такой артели, принимая на себя часть организационных расходов и предоставляя им денежную ссуду

для открытия дела» [25. Л. 38]. Было организовано несколько таких артелей из патронируемых – парикмахеров, хлебопеков и столяров [35].

Интересно, что на фоне безработицы времен НЭПа деятельность комитетов иногда вызывала критику и недовольство. Так, в июле 1926 г. члены одной из местных комсомольских ячеек отправили письмо на имя председателя союзного ВЦИК М.И. Калинина, в котором высказались против работы комитетов помощи заключенным. Авторы письма жаловались, в частности, что вносят членские взносы и помогают тем, кто их «разорил». Как они писали, он «мог свободно [и] безнаказанно прожить и, вернувшись на свободу, мог бы опять свободно продолжать свое дело, не думая о будущем, зная, что ему и так будет жить хорошо, потому что ему помогает тот, которого он же разорил». Авторы письма продолжали: «Раз наш пролетарский суд приговорил его к наказанию, то он и должен его понести, потому что наш... суд правильный и никого понапрасну не осудит. Но раз комиссия указывает на то, что заключенный выходит на волю холодный, голодный и без гроша в кармане, и в силу всех этих бед он утрачивает все хорошие навыки, которые он получил в исправтруддоме... – это совершенно правильно, [но] не нельзя ли тут комиссии найти бы другой более подходящий способ, чтобы заставить этого освобожденного работать» [31. Л. 101].

Среди самих заключенных, естественно, деятельность комитетов была востребована и поддерживалась. Многие освобожденные, не имея возможности найти работу, писали в ВКПЗ с просьбами помочь с трудоустройством. Эти документы интересны, помимо прочего, тем, что показывают, какой язык и аргументы они использовали, как понимали свои права и формулировали свои ожидания, и какие убеждения использовали в «переговорах» с государственными органами и их «агентами» [36]. Так, в письме на имя начальника ГУМЗ Ширвиндта в октябре 1927 г. ветеран гражданской войны, трижды осужденный за кражи, писал: «Я хотел бы стать честным гражданином, не нужно смотреть на судимости, нужно испытать человека, предоставив работу или службу» [31. Л. 119–120]. В первой половине 1920-х гг. он работал служащим в Ленинграде, однако в результате увольнения был вынужден пойти на кражу «ради существования себя и семьи», получив за это 9-месячный срок. Будучи досрочно освобожден, он, тем не менее, лишился права жить в Ленинграде и, не найдя работы, был осужден за кражи еще дважды.

Бывший студент политехнического института 27-летний Владимир М. из Новозыбова, осужденный в январе 1925 г. за кражу и досрочно освобожденный через четыре месяца, написал письмо в ГУЗМ с просьбой помочь ему с поиском работы: «Находясь в таком положении, я снова буду вынужден идти на новое преступление... и не потому, что я не исправился или совершенно неисправим, нет, я ведь не преступник, и честность и трудолюбие были, есть и будут у меня, а потому что положение... заставляет меня это сделать» [31. Л. 41]. Интересен язык письма и аргументы:

«Но ведь известно, как трудно при существующей безработице получить работу и что мне делать по выходе из тюрьмы, средств к существованию у меня нет, несмотря на свои способности и образование я чувствую себя лишним, отвергнутым членом общества, знакомств и связей у меня нет, я не могу получить работу, на мне лежит клеймо, что я судим. Между тем, я случайный правонарушитель, время, проведенное в заключении, заставило меня много глубже смотреть на жизнь и сделало много опытней, если бы я получил службу, я смело могу сказать, что выполнял бы свои обязанности добросовестнее и аккуратнее других сотрудников, не бывших под судом» [31. Л. 41–41 об.].

В 1929–1930 гг. происходят радикальные трансформации в тюремной политике, в результате которых реформа ГУМЗ была свернута, а прогрессивный подход оставлен. В соответствии с Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. в подчинении ОГПУ организовывались исправительно-трудовые лагеря, куда помещались заключенные, осужденные на сроки свыше трех лет. В декабре 1930 г. НКВД РСФСР был ликвидирован, а колонии и тюрьмы ГУМЗ были переданы под управление Наркомюста – ведомства, придерживающегося более жесткой политики и выступавшего в том числе за ужесточение классового подхода. В таких условиях проблемы послетюремной адаптации заключенных едва ли представляли интерес для властей. Характерно, что в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. комитеты помощи не упоминались.

Патронат и помощь заключенным рассматривались советскими реформаторами как важная составляющая тюремной реформы. Она воплощала как раннесоветский идеал социальной помощи, так и научную концепцию борьбы с преступностью и рецидивом превентивными методами. Система патронатов стала «завершением» процесса «исправления», на который была направлена реформируемая советская пенитенциарная система. Сложно оценить, был ли успешным или, наоборот, провальным этот эксперимент. Как показывает анализ документов, деятельность комитетов коснулась тысяч бывших заключенных. В то же время большинство освобожденных в лучшем случае получали лишь незначительную материальную поддержку. Кроме того, существовали организационные дефекты: комитеты практически не имели связи с местами заключения, что фактически делало невозможным осуществление какой-либо совместной политики. Несмотря на декларируемый принцип обязательной государственной помощи, который лежал в основе идеологии раннесоветской социальной политики, на практике он едва ли соблюдался в отношении бывших заключенных. При отсутствии регулярного государственного финансирования местные комитеты были предоставлены сами себе. В результате немногие из них смогли «выжить» в условиях НЭПа, организовав собственные предприятия, – большинство оказалось неспособным организовать свои производства и трудоустройство освобожденных заключенных. Патронирование редко выходило за пределы материальной поддержки и помощи в трудоустройстве.

Список источников

1. Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России : исторический очерк. М. : Юрлитинформ, 2009. 477 с.
2. Реент Ю.А., Жигалев А.В. Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921–1940 гг.). М. : Проспект, 2018. 190 с.
3. Jakobson M. Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917–1934. Lexington : Kentucky University Press, 1993. 176 p.
4. Retish A.B. Breaking Free from the Prison Walls: Penal Reforms and Prison Life in Revolutionary Russia // *Historical Research*. 2017. Vol. 90, № 247. P. 134–150.
5. Solomon P.H. Soviet Penal Policy, 1917–1934: a Reinterpretation // *Slavic Review*. 1980. Vol. 39, № 2. P. 195–217.
6. Wimberg E.M. Replacing the Shackles: Soviet Penal Theory, Policy and Practice, 1917–1930 : PhD Dissertation. Pittsburgh, 1998. 207 p.
7. Памятники российского права : в 35 т. / под ред. Р.Л. Хачатурова, Ю.В. Оспенникова. Москва : Юрлитинформ, 2017. Т. 32: Исправительно-трудовые кодексы РСФСР. 344 с.
8. Беляева Л.И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.). Воронеж : Воронеж. ин-т МВД России, 2001. 137 с.
9. Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905–1915). Петроград : Сенат. тип., 1915. 379 с.
10. Отчет Главного тюремного управления за 1912 г. СПб. : Тип. С.-Петерб. тюрьмы, 1914. Часть 1. 95 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. Петроград : Гос. тип., 1915. Т. XXXII: 1912. 1819 с.
12. Sellin T. Prison Reform in Belgium // *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*. 1926. Vol. 17, № 2. P. 264–277.
13. Ширвиндт Е. Советский патронат // *Административный вестник*. 1925. № 4.
14. Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела : стенографический отчет : доклады, прения, резолюции, тезисы. М. : НКВД, 1925. 192 с.
15. Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР : 1-е Всесоюз. совещание пенитенциарных деятелей 15–21 октября 1928 г. М. : НКВД, 1929. 267 с.
16. Жуковский С. О советском патронате // *Административный вестник*. 1927. № 6. С. 29–32.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 3. Д. 588.
18. Саврасов Л. К вопросу об организации общих мест заключения // *Пролетарская революция и право*. 1918. № 7. С. 40.
19. Б[ехтерев] Ю. Советский патронат (к вопросу об основах и методах деятельности Советского патроната) // *Право и Жизнь*. 1925. № 2-3. С. 97–103.
20. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 2.
21. Миллер Ф. Организация помощи освобождаемым из мест заключения // *Административный вестник*. 1925. № 3. С. 41–42.
22. Симонов Ст. Как ведется борьба с преступностью и помощь освобожденным // *К новой жизни : двухнедельный орган учебно-воспитательной части Саризолатора спец. назначения*. 1928. № 15 (18). С. 2.
23. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 14.
24. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 3.
25. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 10.
26. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 15.
27. Киселева В.Н. Добровольные общества в Советской России, 1917 – конец 1920-х гг. Ростов н/Д : Логос, 1999. 799 с.
28. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 2.
29. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 6.
30. Обзор деятельности Ленинградского губернского комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них // *Рабочий суд*. 1927. № 11. С. 911–912.
31. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп. 11. Д. 24.
32. Камынин С. Комитет помощи // *К трудовому общежитию*. 1928. № 7. С. 2.
33. Степанов Д. «Помощь» Комитета помощи заключенным // *К трудовому общежитию*. 1928. № 10. С. 4.
34. Блат. Забытое учреждение // *К новой жизни : двухнедельный орган учебно-воспитательной части Саризолатора спец. назначения*. 1929. № 15 (34). С. 4.
35. А-кий И. Трудовая помощь освобождаемым из мест заключения // *К новой жизни : двухнедельный орган учебно-воспитательной части Саризолатора спец. назначения*. 1928. № 3 (6). С. 3–4.
36. Galmarini-Kabala M. The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2017. 322 p.

References

1. Detkov, M.G. (2009) *Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii: istoricheskiy ocherk* [Prisons, Camps and Colonies in Russia: A Short History]. Moscow: YurLitinform.
2. Reent, J.A. & Zhigalev, A.V. (2018) *Ispravitel'no-trudovaya sistema Sovetskoy Rossii v dovoennyi period (1921–1940 gg.)* [Penal System of Soviet Russia in pre-war Period (1921–1940)]. Moscow: Pospekt.
3. Jakobson, M. (1993) *Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917–1934*. Lexington: Kentucky University Press.
4. Retish, A.B. (2017) Breaking Free from the Prison Walls: Penal Reforms and Prison Life in Revolutionary Russia. *Historical Research*. 90(247). pp. 134–150.
5. Solomon, P.H. (1980) Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation. *Slavic Review*. 39(2). pp. 195–217.
6. Wimberg, E.M. (1998) *Replacing the Shackles: Soviet Penal Theory, Policy and Practice, 1917–1930*. PhD Dissertation. Pittsburgh.
7. Khachaturov, R.L. & Ospennikov, Yu.V. (eds) (2017) *Pamyatniki rossiyskogo prava* [Rarities of Russian Law]. Vol. 32. Moscow: YurLitinform.
8. Belyaeva, L.I. (2001) *Patronat v Rossii (XIX v. – nachalo XX v.)* [Patronage in Russia, the 19th – 20th century]. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
9. Lyublinkiy, P.I. (1915) *Mezhdunarodnye s'ezdy po voprosam ugolovnoogo prava za desyat' let (1905–1915)* [International Congresses in Criminal and Penal Law for Ten Years (1905–1915)]. Petrograd: Senatskaya tipografiya.
10. The Main Prison Administration. (1914) *Otchet Glavnogo tyuremnogo upravleniya za 1912 g.* [The Report of the Main Prison Administration]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. S.-Peterb. tyur'my.
11. Russia. (1915) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Law of the Russian Empire]. Col. 3. Vol. 33. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya.
12. Sellin, T. (1926) Prison Reform in Belgium. *Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology*. 17(2). pp. 264–277.
13. Shirvindt, E. (1925) Sovetskiy patronat [Soviet Patronage]. *Administrativnyy vestnik*. 4.
14. NKVD. (1925) *Vserossiyskiy s'ezd rabotnikov penitentsiarnogo dela: stenograficheskiy otchet: doklady, preniya, rezolyutsii, tezisy* [All-Russian Congress of Penitentiary Workers: verbatim report: reports, debates, resolutions, theses]. Moscow: NKVD.
15. NKVD. (1929) *Reforma tyurem i perspektivy ispravitel'no-trudovogo dela v SSSR: 1-e Vsesoyuz. soveshchanie penitentsiarnykh deyateley 15–21 oktyabrya 1928 g.* [The prison reform and prospects for correctional labor in the USSR: 1st All-Union meeting of penitentiary officials, October 15–21, 1928]. Moscow: NKVD.

16. Zhukovskiy, S. (1927) O sovetskom patronate [On Soviet Patronage]. *Administrativnyy vestnik*. 6. pp. 29–32.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-353. List 3. File. 588.
18. Savrasov, L. (1918) K voprosu ob organizatsii obshchikh mest zaklyucheniya [On Organization of Places of Detention]. *Proletarskaya revolyutsiya i pravo*. 7. p. 40.
19. B[ekhterev], Yu. (1925) Sovetskiy patronat (k voprosu ob osnovakh i metodakh deyatel'nosti Sovetskogo patronata) [The Soviet patronage (on the foundations and methods of activity of the Soviet patronage)]. *Pravo i Zhizn'*. 2-3. pp. 97–103.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 2.
21. Miller, F. (1925) Organizatsiya pomoshchi osvobozhdaemym iz mest zaklyucheniya [The Organization of Assistance to Ex-Convicts]. *Administrativnyy vestnik*. 3. pp. 41–42.
22. Simonov, St. (1928) Kak vedetsya bor'ba s prestupnost'yu i pomoshch' osvobozhdenным [How to fight crime and help ex-prisoners]. *K novoy zhizni: dvukhnedel'nyy organ uchebno-vospitatel'noy chasti Sarizolyatora spets. naznacheniya*. 15(18). p. 2.
23. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 14.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 3.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 10.
26. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 15.
27. Kiseleva, V.N. (1999) *Dobrovol'nye obshchestva v Sovetskoy Rossii, 1917 – konets 1920-kh gg.* [Voluntary Organizations in Soviet Russia, 1917 – late 1920s]. Rostov on Don: Logos.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 2.
29. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 6.
30. Anon. (1927) Obzor deyatel'nosti Leningradskogo gubernskogo komiteta pomoshchi soderzhashchimsya v mestakh zaklyucheniya i osvobozhdenным iz nikh [Survey of the Leningrad Region Aid Committee for ex-prisoners]. *Rabochiy sud*. 11. pp. 911–912.
31. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4042. List 11. File 24.
32. Kamynin, S. (1928) Komitet pomoshchi [The Aid Committee]. *K trudovomu obshcheyitiyu*. 7. p. 2.
33. Stepanov, D. (1928) “Pomoshch” Komiteta pomoshchi zaklyuchennым [“Help” from the Prisoner Assistance Committee]. *K trudovomu obshcheyitiyu*. 10. p. 4.
34. Blat. (1929) Zabytoe uchrezhdenie [A forgotten institution]. *K novoy zhizni: dvukhnedel'nyy organ uchebno-vospitatel'noy chasti Sarizolyatora spets. naznacheniya*. 15(34). p. 4.
35. A-kiy, I. (1928) Trudovaya pomoshch' osvobozhdaemym iz mest zaklyucheniya [Labor assistance for ex-prisoners]. *K novoy zhizni: dvukhnedel'nyy organ uchebno-vospitatel'noy chasti Sarizolyatora spets. naznacheniya*. 3(6). pp. 3–4.
36. Galmarini-Kabala, M. (2017) *The Right to Be Helped: Deviance, Entitlement, and the Soviet Moral Order*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Сведения об авторе:

Погорелов Михаил Александрович – старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия). E-mail: mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pogorelov Mikhail A. – Senior Lecturer at the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation). E-mail: mikhail.alex.pogorelov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.05.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 17.05.2020; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 908

doi: 10.17223/19988613/88/8

История подготовки кадров высшего педагогического образования в Красноярском крае на примере КГПИ (1932–1985-е гг.)

Никита Сергеевич Скляренко

Томский государственный университет, Томск, Россия, Nik_sklyarenko@mail.ru

Аннотация. Строительство индустриального общества в СССР требовало квалифицированных грамотных работников. Начинать приходилось с азов. Грамоту могли дать выпускники педагогических учебных заведений. В 1932 г. открылся Красноярский педагогический институт, один из многих в стране. Цель статьи – изучение особенностей подготовки высших педагогических кадров в Красноярском крае после открытия института.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, учительский институт, народное образование, педагогический институт, педагогические кадры

Для цитирования: Скляренко Н.С. История подготовки кадров высшего педагогического образования в Красноярском крае на примере КГПИ (1932–1985-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 63–71. doi: 10.17223/19988613/88/8

Original article

The history of the training of higher pedagogical education in the Krasnoyarsk Territory using the example of KSPI (1932–1985s)

Nikita S. Sklyarenko

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Nik_sklyarenko@mail.ru

Abstract. The history of training higher teaching staff in Siberia dates back to the October Revolution, but the prerequisites were laid at the beginning of the 20th century with the opening of a teacher's institute in the city of Tomsk (1902). Subsequently, pedagogical institutes were opened in Irkutsk (1909), Tobolsk (1913), Krasnoyarsk (1916), which, despite their “institute” status, were secondary specialized institutions. After the October Revolution and the arrival of the Bolsheviks, teaching institutes were first transformed into Institutes of Public Education (IPE), and then reduced due to socio-economic reasons (the ruin of the country after the First World War and the Civil War; political and economic isolation of the state). This led to the fact that in the 1920s the emphasis was more on pedagogical technical schools, colleges and short-term pedagogical courses, which could train specialists en masse to the detriment of their quality. The revival of higher pedagogical education occurred almost 10 years later, as the need for qualified personnel arose due to the beginning of industrialization. In 1932, the Krasnoyarsk Pedagogical Institute was opened, which continues to operate today.

When writing the article, published and unpublished sources were used. Published sources include collections of documents directly related to the history of KSPI, as well as periodicals. Unpublished sources include various archival materials, and oral sources that were received directly from university staff are of great value.

The purpose of this article is to study the features of training of higher teaching staff in the Krasnoyarsk Territory after the opening of the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute before its transformation into the Krasnoyarsk State Pedagogical University.

Over 53 years of development, KSPI has undergone qualitative development from a regional pedagogical university to a large research and teaching center in Siberia. During the period under study, targeted work was carried out to create a system for training teaching staff (the number of students during the period under study increased 9 times). Separately, it is worth mentioning the creation of a special physics school on the basis of the KSPI under the leadership of L.V. Krinesky, which eventually became the Institute of Physics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: higher pedagogical education, pedagogical institute, public education, pedagogical institute, teaching staff

For citation: Sklyarenko, N.S. (2024) The history of the training of higher pedagogical education in the Krasnoyarsk Territory using the example of KSPI (1932–1985s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 63–71. doi: 10.17223/19988613/88/8

Введение

История возникновения и развития педагогических учебных заведений не просто отражает процесс формирования системы образования в стране или отдельно взятом регионе, но и характеризует социально-экономическое и культурное развитие общества и государства.

Стоит отметить, что вопросу педагогического образования в Сибири исследователями уделено значительное внимание. Например, изучением вопроса становления и формирования педагогических кадров в Томской области (с 1902 г. до настоящего времени) активно занимается М.П. Войтеховская. На основе обширного материала она проследила закономерное развитие от первого в Сибири учительского института до современного Томского государственного педагогического университета, одного из старейших педагогических вузов в Сибири и на Дальнем Востоке [1, 2]. Кроме того, существуют исследования, посвященные изучению отдельных направлений науки в Сибири, их специфике и особенностям развития [3]. Однако, даже несмотря на многочисленные труды красноярских историков, посвященных отдельным аспектам подготовки педагогических кадров, незаслуженно мало уделяется внимания такому феномену, как Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (до 1993 г. КПИ–КГПИ) [4–7]. Изучение данного социального института, по нашему мнению, позволит вскрыть особенности развития региона в области не только системы образования, но и социально-экономической сферы, так как педагогические кадры, готовившиеся сначала в институте (КПИ–КГПИ), а затем университете (КГПУ им. В.П. Астафьева), становились мощной опорой Красноярского края.

На территории Красноярского края, как и Сибири в целом, можно выделить несколько периодов становления и развития системы педагогического образования.

Первый период – дореволюционный (до 1917 г.), один из самых длительных по времени. Именно тогда происходила закладка первых образовательных учреждений, которые занимались подготовкой педагогических кадров.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи началась индустриализация, в ходе которой была построена Транссибирская железнодорожная магистраль, ставшая импульсом ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока. Такие грандиозные проекты требовали новых высококвалифицированных кадров, которым перед поступлением в специализированные высшие учебные заведения необходимо дать качественное начальное и среднее образование. Однако к 1897 г. уровень грамотного населения в Российской империи составлял 21,2%. В Сибири данный показатель был еще ниже. Например, в Енисейской губернии¹ он составлял 14,8% [4]. Объяснялось это нехваткой учебных заведений и квалифицированных педагогов, которые бы там работали. Развитие общества диктует необходимость просвещения народных масс, что возможно через систему учебных заведений разного уровня и ведомственной подчиненности. Хорошо известно, что среди факторов, определяющих эффектив-

ность деятельности любой организации, в том числе и учебного заведения, важнейшим является наличие подготовленных педагогических кадров. Однако открывшиеся только в двадцатом столетии Томский (1902) и Иркутский (1909) учительские институты были не в силах организовать подготовку высококвалифицированных кадров в достаточном количестве для огромного сибирского региона. Учительские семинарии (например, действующая в Красноярске с 1873 г.), созданные для устранения данной проблемы, частично ее решали в сфере начального образования, но для работы в учебных заведениях среднего звена и выше выпускникам семинарий не хватало знаний [6]. Поэтому Министерством народного просвещения Российской империи было принято решение об открытии Учительского института в Красноярске в 1916 г. В его структуре были предусмотрены словесно-исторический, физико-математический и естественно-географический факультеты. Также планировалось создать еще один факультет – педагогический, на котором осуществлялась бы подготовка специалистов по воспитанию детей с задержкой умственного развития, но революция 1917 г. и последующая Гражданская война помешали реализации задуманных планов [4]. За время своего существования (1916–1920) институт успел выпустить только 35 специалистов.

Второй (советский) период развития системы педагогического образования – наиболее продуктивный временной промежуток в отношении развития системы высшего образования. Его можно разделить на несколько этапов:

– **Первый этап** – первые десятилетия советской власти (1920–1941). В это время идет становление системы формирования высшего педагогического образования на территории современного Красноярского края. Условно его можно разделить на два подэтапа:

• Первый подэтап (1920–1923), когда происходит попытка создания и развития системы подготовки высших педагогических кадров на территории современного Красноярского края через основание Института народного образования (ИНО);

• Второй подэтап (1930–1941) характеризуется стремлением повысить образовательный уровень населения в связи с начавшейся в СССР индустриализацией. Именно в эти годы происходит создание Педагогического института в Красноярске (1932).

– **Второй этап** связан непосредственно с событиями Великой Отечественной войны, когда в тяжелейших условиях происходит качественное развитие института.

– **Третий этап** – работа КГПИ в период послевоенного восстановления и развития страны (1945–1985).

Первый этап подготовки высших педагогических кадров (1920–1941)

После революции 1917 г. с целью централизованной подготовки педагогических кадров, а также оптимизации расходов в момент острой нехватки средств все педагогические учебные заведения в сибирских губерниях (Томской, Иркутской, Енисейской и др.)

объединялись или преобразовывались в Институты народного образования (ИНО). Однако бушевавшая на территории Российской империи Гражданская война не давала возможности осуществлять на практике задуманные преобразования. Так, только в 1920 г. на базе Красноярского учительского института, учительской семинарии и трехгодичных учительских курсов был создан Институт народного образования, который объявлялся высшим учебным заведением [5].

Первым директором ИНО был назначен А.С. Гобов, педагогический штат состоял из 45 преподавателей. ИНО осуществлял подготовку учителей для старших классов школ, техникумов, воспитателей дошкольных учреждений, работников внешкольного образования по пяти направлениям: социально-историческому, естественно-математическому, физико-математическому, естественно-географическому и философско-педагогическому [6]. Стоит также отметить солидное наследие, доставшееся от учительского института: прекрасно оборудованное здание, в котором была библиотека, насчитывавшая около 30 тыс. книг, физическая лаборатория, мастерская по изготовлению наглядных пособий и пр.

Придя к власти, большевики сразу приступили к борьбе с религией и буржуазной идеологией, являвшимися преградой для пропаганды социалистических ценностей. Педагог должен был стать надежным защитником нового строя. Луначарский писал: «Педагог – это тот человек, который должен передать новому поколению все ценные накопления веков и не передать предрассудков, пороков, болезней. Вот каково значение педагога» [8]. Для осуществления этой задачи стали организовываться курсы переподготовки педагогов.

Советское руководство в 1920-е гг. стремилось привлечь к педагогической деятельности специалистов, среди которых не все проявляли лояльность к советской власти. Причиной тому была острая нехватка квалифицированных педагогов, в силу чего приходилось привлекать к работе имеющиеся кадры. Например, по запросу руководства ИНО были прекращены гонения на педагогов дореволюционного периода: П.И. Березовского, Н.Н. Богданова, В.А. Смирнова и др., которые преподавали в данном институте [5].

Как и Красноярский учительский институт, Красноярский институт народного образования просуществовал недолго, выпустив при этом 285 педагогов. Экономические трудности в губернии, а также дефицит финансовых средств в бюджете привели Красноярский ИНО к ликвидации. Такая же участь постигла и Томский учительский институт, который был закрыт в 1920 г. [9] Часть педагогов и большая часть студентов Красноярского ИНО были переведены в Иркутский университет [10]. Оставшиеся в Красноярске сотрудники пополнили коллектив образованного на базе ИНО педагогического техникума [6]. В 1932 г. техникуму было присвоено имя А.М. Горького, которое он носит до настоящего времени [7].

31 мая 1932 г. вышло распоряжение Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР об открытии 1 июля 1932 г. Красноярского агропедагогического института, который 1 сентября этого же года был переименован

в Красноярский педагогический институт. Несмотря на различия в происхождении, КГПИ становится идейным продолжателем закрывшегося в середине 1920-х гг. Красноярского института народного образования.

Временно исполняющим обязанности директора КГПИ был назначен Василий Денисович Медведев. До своего назначения он сначала работал старшим инспектором Красноярского окружного отдела образования (1928–1930), а затем в 1930 г. был назначен директором Красноярского агропедтехникума, в котором проработал до назначения в Красноярский агропединститут. Таким образом, на 1932 г. Красноярский педагогический институт стал вторым действующим вузом города (первым являлся лесотехнический институт) и первым вузом в Сибири, который готовил учительские кадры для средней школы [11].

КГПИ был не единственным институтом, основанным в данное время. В первой половине 1930-х гг. были также открыты институты в Омске, Томске, Новосибирске, Иркутске, Благовещенске, Хабаровске – наиболее быстро развивающихся центрах Сибири и Дальнего Востока. Этому предшествовало II Всесоюзное партийное совещание, прошедшее в Москве в 1930 г., на котором была принята программа Коммунистической партии по подготовке и переподготовке педагогических кадров в связи с начавшейся индустриализацией в СССР, а также постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе», в котором обговаривалась необходимость проработать образовательные программы и точно очерченный круг школьных предметов (родной язык, математика, физика, химия, география и история) с целью начать их преподавание уже с 1 января 1932 г. [12; 13. С. 141]

Изначально 1 октября 1932 г. в институт были зачислены 118 студентов (в том числе 22 педагога из школ г. Красноярска) на четыре отделения (физико-математическое, химико-биологическое, социально-экономическое, языка и литературы (северное отделение)). Также было открыто два вечерних отделения (социально-экономическое и биологическое) для студентов, совмещающих трудовую и учебную деятельность [14. С. 8]. Стоит отметить, что немного раньше, в августе 1932 г., был открыт рабочий факультет с трехгодичным сроком обучения. Зачислялись на данный факультет представители рабочего класса и беднейшего крестьянства, не имеющие никакого образования. Те, кто успешно оканчивал обучение на рабфаке, получали право поступить на первый курс института без прохождения вступительных испытаний. Остальным абитуриентам приходилось сдавать вступительные экзамены: русский язык (письменное сочинение), грамматику, литературу, математику, физику, химию, политическую грамотность. Так как педагогический институт был гуманитарным учебным заведением, студенты должны были также сдавать историю и географию [15]. При этом в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» указывалось, что дети, окончившие «среднюю школу и имеющие по основным предметам отметки “отлично” (русский язык, математика, химия,

физика, обществознание), а по остальным предметам (рисование, черчение, пение, музыка, физкультура) отметку не ниже «хорошо», принимаются в высшую школу без вступительных экзаменов» [15, 16]. То есть государство упрощало процедуру поступления в вузы, сделав ее более демократичной.

Стоит также отметить, что в первые годы работы института дети представителей бывших «эксплуататорских классов» (дворяне, чиновники царского периода, торговцы, священники, кулаки и т.п.) не имели права на получение образования в вузе [11]. Только после выхода постановления ЦИК и СНК СССР от 29 декабря 1935 г. «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы» были отменены «ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей [17].

В то же время очень трудно шел процесс формирования коллектива педагогического института. Во-первых, из-за классового подхода к приему студентов уровень образования оставался низким. Так, в марте 1934 г. Наркоматом просвещения РСФСР был проведен анализ успеваемости студентов в подведомственных учебных заведениях [14. С. 10]. Результаты проверки оказались довольно низкими: красноярские студенты в диктанте из 150 слов допускали от 30 до 60 ошибок [11]. Исходя из этого, для повышения общей грамотности студентов были организованы группы для дополнительных занятий по русскому языку [14. С. 10], посещение которых являлось строго обязательным.

Другой проблемой молодого вуза стал дефицит квалифицированных педагогов. Основу педагогического коллектива составили сотрудники Красноярского краеведческого музея. Являясь квалифицированными специалистами с дореволюционным научным стажем работы, они не пользовались доверием у политической власти региона и поэтому вскоре подверглись репрессиям. В докладной записке начальника Красноярского управления по делам искусств сообщается о трех педагогах, которые были объявлены врагами народа и арестованы, еще один был под подозрением в связях с врагами народа [18]. Только за июнь–июль 1937 г. были арестованы пять преподавателей. Один из них – преподаватель геологии, создатель такого фундаментального труда, как «Библиография Приенисейского края: систематический указатель книг и статей на русском и иностранных языках, опубликованных с 1612 по 1923 г. включительно», профессор Вячеслав Петрович Косованов. Более того, заведующего кафедрой зоологии, доцента, активного члена общества по изучению Красноярского края, подающего большие надежды молодого орнитолога и зоолога Дмитрия Борисовича Красовского расстреляли 13 июля 1938 г. как руководителя контрреволюционной организации. Такая же участь постигла третьего директора КГПИ Александра Васильевича Долбенко, которого исключили из ВКП(б) «за двурушничество и покровительство врагам народа» в августе 1937 г. [12]. При этом стоит отметить, что, несмотря на существовавшие сложности в первые годы работы института, до начала Второй мировой войны

КГПИ смог выпустить для системы образования 326 специалистов на очном отделении и 93 – на заочном [14].

Развитие в период Великой Отечественной войны

Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война нанесла серьезный урон как всему государству, так педагогической системе края. Мобилизация на фронт работников просвещения, студентов педагогических учебных заведений увеличила дефицит педагогических кадров. Здания учебных заведений использовались под госпитали и общежития для военных, военные и хозяйственные заведения. Только от КГПИ на фронт ушли 150 студентов и преподавателей, из которых не вернулись 37 человек [11]. В силу этого институт был переведен на программы военного времени с трехгодичным сроком обучения, отменялись зимние и летние каникулы, однако спустя год был осуществлен переход на довоенные планы с 4-летним сроком обучения [14. С. 23–24]. Студентов выпускных курсов стремились досрочно направлять на работу в школы, а студенты младших курсов старались переводиться на заочное отделение, чтобы совмещать обучение и работу ради Победы. Также в качестве дополнительной меры при институте открываются сначала шестимесячные, а затем десятимесячные курсы по подготовке учителей для неполных средних школ [19. С. 17–18].

Студентам приходилось обучаться в крайне тяжелых условиях: температура в помещениях факультетов в зимнее время не превышала 10 градусов, а в общежитиях невозможно было утром умыться, так как из-за холода вода превращалась в лед. Но, несмотря на все невзгоды, на факультетах продолжалась жизнь, занятия не прекращались ни на день. Днем студенты были на лекциях и семинарских занятиях, а вечером работали на благо Победы [20]. Например, на партийно-комсомольском собрании КГПИ было принято решение взять шефство над госпиталем № 985, где студенты оказывали всевозможную помощь раненым фронтовикам [14. С. 23].

Более того, учитывая тяжелое положение на фронте, а также опасаясь возможной бомбардировки со стороны стран Оси, при институте силами студентов, преподавателей и сотрудников был сформирован полк народного ополчения под командованием майора запаса П.А. Вебера. Также при институте создаются противопожарные звенья и звенья охраны общественного порядка в общежитиях, по инициативе комитета ВЛКСМ открываются двухмесячные курсы по подготовке медсестер [19. С. 17].

В силу того, что на фронт ушла большая часть мужского населения, в том числе мужчин-педагогов, в школах возникла острая нехватка учителей, особенно учителей математики и физики. Для решения данной проблемы уже в сентябре 1941 г. было принято решение об открытии годичных курсов по подготовке педагогов физики и математики для семилетних школ.

Также стоит отметить, что, несмотря на начавшиеся военные действия, научная и просветительская деятельность в КГПИ не прекращалась. Например, 25 июня 1941 г. прошла II краевая научно-педагогическая кон-

ференция, на которой не только педагоги из педагогического института и педучилищ, но и лучшие учителя школ Красноярска представили 35 докладов, связанных с вопросами повышения грамотности учащихся [21]. В свою очередь, для оказания научно-технической помощи народному хозяйству Красноярского края при исполнении краевого Совета депутатов трудящихся в 1942 г. был создан научно-технический совет. От КГПИ в него вошли Сергей Леонидович Иванов (зав. кафедрой ботаники), Стефан Яковлевич Вейсиг (зав. кафедрой зоологии) [14. С. 25].

Более того, в самый напряженный и трагичный момент в истории нашей страны в Красноярском крае происходит возрождение исторической науки – 30 мая 1942 г. в КГПИ открывается исторический факультет. Его деканом стал Давид Моисеевич Лекаренко – один из первых специалистов по библиотековедению в СССР [22]. Несмотря на трудности военного и послевоенного времени, в 1946 г. состоялся первый выпуск историков – 23 учителя [14. С. 30].

Великая Отечественная война породила уникальнейший феномен в истории – педагогов-фронтовиков. Эти закаленные в боях люди, прошедшие горнило войны, знали не понаслышке цену жизни. Возвращаясь с фронта в педагогический институт, они не только давали студентам практические знания, но своим личным примером показывали, как необходимо жить.

Послевоенный этап (1945–1985)

После окончания войны перед педагогическими вузами встала новая задача: обеспечение всеобщего обучения детей с семилетнего возраста как в городах, так и в сельской местности. Также к 1951 г. предполагалось завершить переход от семилетнего к всеобщему среднему образованию в городах и крупных агропромышленных центрах. Все это было предусмотрено послевоенным пятилетним планом развития народного хозяйства СССР. Для решения этих задач нужны были педагогические кадры. В силу данных обстоятельств в РСФСР проходит реформа по унификации структур факультетов, отделений, кафедр и т.д. Во всех существовавших на 1945 г. педагогических и учительских институтах происходит деление по количеству абитуриентов, поступивших на первый курс. Так, пединституты были поделены на четыре группы в зависимости от числа первокурсников [3]:

- первая группа – 600 первокурсников (в основном московские и ленинградские пединституты);
- вторая группа – 400 первокурсников (за Уралом в эту группу вошел только НГПИ);
- третья группа – 200 первокурсников (ТомГПИ, ИГПИ, КГПИ, СталГПИ и др.);
- четвертая группа – 150 первокурсников (АбГПИ, ЧитГПИ, ТюмГПИ и др.).

Также прошел процесс разделения на две группы учительских институтов:

- первая группа – набор 200 человек (Новосибирский, Сталинский и др.);
- вторая группа – 125 первокурсников (Абаканский, Красноярский, Томский и др.).

Причисление к той или иной группе требовало от института выполнения определенных условий. Так, в зависимости от группы институт имел определенное количество факультетов (от 3 до 6), однако наличие исторического факультета в учебном заведении являлось обязательным. При этом в зависимости от внешних условий институты 4-й группы в качестве альтернативы историческому факультету могли выбрать географический или естественный. Вторым условием являлось количество студентов, принятых на исторический факультет (например, институты 2–4-й групп могли принимать по 50 человек. Учительские институты в зависимости от группы должны были осуществлять набор на исторический факультет 75 и 50 студентов соответственно.

Однако сложности военного времени и послевоенные преобразования не смогли остановить новый этап развития КГПИ. Так, происходит расширение перечня специальностей, по которым шла подготовка учителей для средней школы. Уже в 1946–1948 гг. в институте появляется два новых факультета – географический и иностранных языков, а в 1950-е гг. еще три – физического воспитания, дошкольного воспитания и художественно-графический [6]. За период с 1945 по 1965 г. произошло значительное увеличение контингента студентов (рис. 1, 2). За 50 лет работы КГПИ было подготовлено более 26 тысяч специалистов, которые составляли 3/4 всех учителей Красноярского края [12]. Таким образом, институт выполнял свою роль «кузницы педагогических кадров».

В послевоенный период в КГПИ обострилась проблема профессорско-преподавательских кадров. Так, в 1947 г. из 80 преподавателей только 17 человек имели ученые звания [6]. Эта проблема решалась за счет приглашения в Красноярск специалистов из центральных вузов страны. Неоценимую помощь институту оказал Ленинградский педагогический институт имени А.И. Герцена, из которого в КГПИ прибыли П.Н. Павлов, В.П. Сафронов, Л.А. Шаферова и Л.В. Болтинская, ставшие в будущем докторами наук [23]. В 1948 г. из Томского государственного университета приехал М.Б. Шейнфельд, участник битвы под Москвой, танкист, получивший серьезные ранения, в результате которых стал инвалидом I группы. Работая сначала преподавателем кафедр истории СССР, затем доцентом и, наконец, профессором, Михаил Борисович оказал большое влияние на развитие исследований в таких сферах, как история Сибири, историография и методология истории [19. С. 20].

Благодаря усилиям преподавателей в КГПИ сложилась собственная система подготовки профессорско-преподавательских кадров высшей квалификации. Это было связано с тем, что все большее количество факультетов стали открывать отделения для аспирантов (рис. 3). Первые отделения аспирантуры были открыты при кафедрах физики и зоологии в 1947 г. Впоследствии была открыта аспирантура на кафедрах педагогики (1948), марксизма-ленинизма (1950), философии (1951) и др. [14] Это позволило организовать связь между новыми и старыми научными сотрудниками и преподавателями.

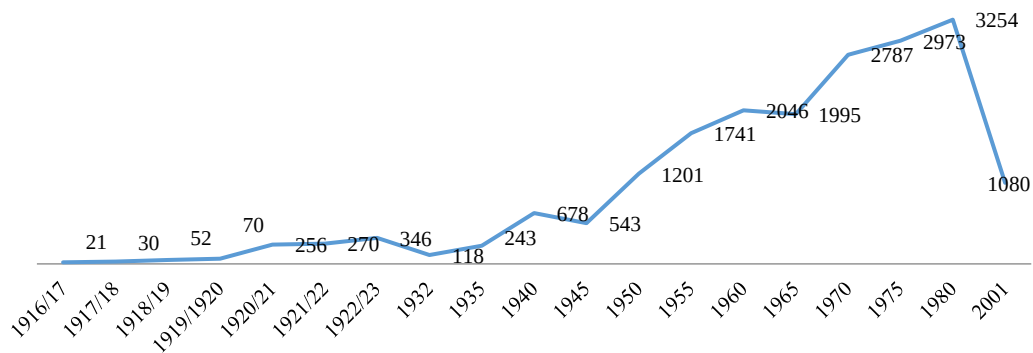

Рис. 1. Динамика развития очного отделения КУИ-КГПИ, студентов

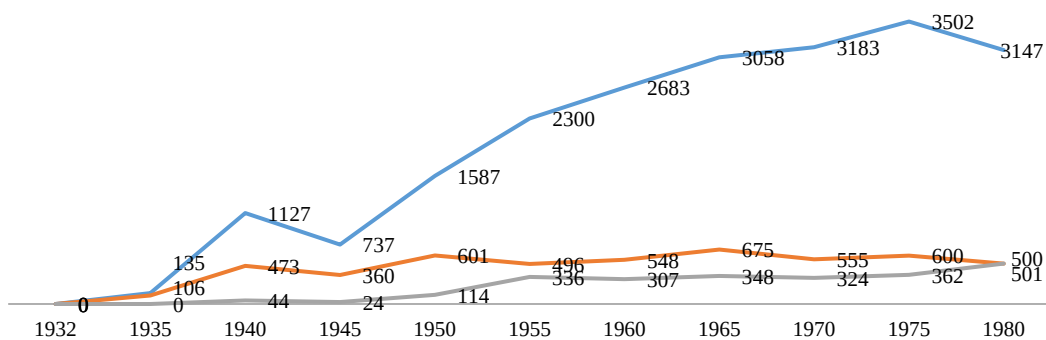

Рис. 2. Динамика развития заочного отделения КГПИ, студентов

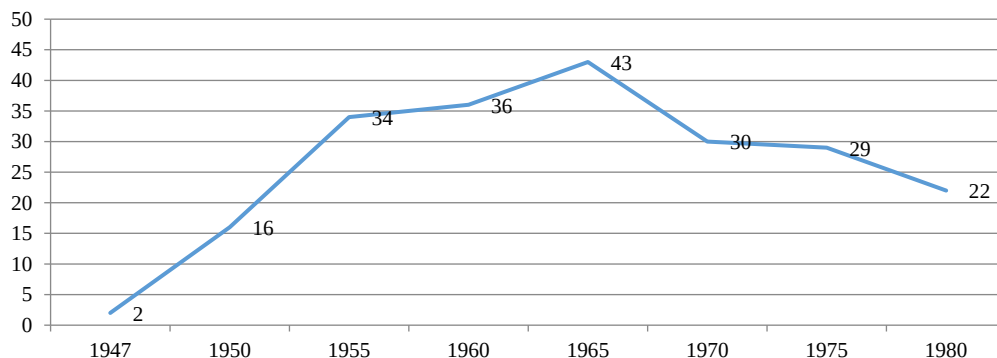

Рис. 3. Развитие аспирантуры в КГПИ, аспирантов

Первой научной школой в КГПИ по праву считается школа магнетизма и ферромагнетизма Л.В. Киренского, которая берет свое начало с 1940 г. Как утверждал Леонид Васильевич, «академическая наука Красноярская родилась в подвалах пединститута» [24. С. 303–304]. Она сыграла значительную роль в подготовке научных работников в области физики не только в Красноярском крае, но и в Сибири в целом. Среди ярких последователей этой школы можно назвать В.Я. Власова (занимался вопросами магнетизма горных пород и геофизики), В.Ф. Ивлеева (вопросы ядерной физики и высшей нервной системы человека), Б.П. Хрусталева (специалист в области магнитных полей) и др. Также школа Киренского способствовала формированию Института физики СО АН СССР (1956), который сейчас действует как Институт физики им. Л.В. Киренского СО РАН.

Однако развитие науки в КГПИ не ограничивается исключительно вопросами физики. Например, в 1959 г.

выходит в свет книга доцента (в будущем профессора) кафедры педагогики и психологии О.И. Рута «Основы методики формирования нравственных убеждений у учащихся общеобразовательной школы», а в 1963 г. доцент кафедры истории В.А. Степынин защитил в Институте истории АН СССР докторскую диссертацию на тему «Колонизация в Енисейской губернии в эпоху колониализма» [14. С. 57–58, 72]. С 1961 г. в стенах университета начинает работать М.И. Шилова, будущий доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования (1996), внесшая неоценимый вклад в развитие педагогической науки в Красноярском крае.

Заключение

Таким образом, за 53 года существования КГПИ произошло его качественное развитие от регионально-педагогического вуза до крупного научно-исследо-

вательского и педагогического центра Сибири с широким спектром изучаемых вопросов (философия, педагогика, история и др.). На протяжении всего рассматриваемого периода велась целенаправленная работа по формированию системы подготовки педагогических кадров. Так, численность первокурсников в 1985 г. по сравнению с 1932 г. увеличилась более чем в 9 раз. В середине 1950-х гг. в КГПИ сложились собственная система подготовки профессорско-педагогических кадров, научные школы. Институт стал благодатной почвой для научной школы по изучению физических явлений, которая в будущем развилась до Института физики СО АН СССР (в настоящее время Институт физики им. Л.В. Киренского СО РАН), что является большим достижением. К концу 1970-х гг. КГПИ стал ведущим гуманитарным вузом региона.

Стоит также немного затронуть период перестройки (1985–1991), когда в государстве стали происходить качественные социально-экономические и политические изменения, при этом КГПИ продолжал сохранять лидирующее положение в регионе. В мае 1987 г. приказом МП РСФСР институт определен головным центром по изданию учебной, учебно-методической и научной литературы для Восточной Сибири [11]. Социально-политические и социально-экономические реформы 1980–1990-х гг. оказали двойственное влияние на развитие педагогического образования в регионе. Демократизация и деидеологизация образования способствовали активизации педагогического поиска новых форм, методов, содержания образования в соответствии с современным уровнем развития педагогической науки. С конца 1980-х гг. началась работа по созданию единого учебно-научно-педагогического комплекса «вуз–школа–детский сад», позволявшая с ранних лет организовывать подготовку и адаптацию ребенка и школьника для поступления в вуз.

Первое десятилетие существования Российской Федерации характеризуется резким упадком престижа и значимости профессии педагога, что сказалось на качестве выпускаемых из педагогических вузов будущих учителей. Студенты устремились в те сферы экономики, где предполагался наиболее высокий доход (бизнес, юриспруденция, менеджмент и пр.). Вот что вспоминает декан исторического факультета (1988–2006) Самуил Ильич Кангун: «...что касается 1990-х гг., то

ситуация сложилась сначала такая, что на нашем факультете, который всегда считался элитным, на который всегда был очень высокий конкурс, вдруг что-то произошло, конкурс резко упал. Тогда многие люди устремились в бизнес, рассчитывая, что за короткий срок там можно сделать карьеру, подняться наверх и так далее». Для решения данной проблемы были приняты шаги по расширению спектра предоставляемых специальностей². Так, на историческом факультете были созданы новые специальности: история и психология, история и английский язык, история и немецкий язык, политология, религиоведение, которых не было до этого момента. Тем самым была повышена мотивация абитуриентов поступать в вуз за счет новых и перспективных направлений подготовки³.

В декабре 1993 г. КГПИ был реформирован в Красноярский государственный педагогический университет. Произошло расширение спектра подготовки специалистов для нужд края по разнообразным фундаментальным и прикладным наукам (педагогическое образование, лингвистика, политология и др.) [11].

В 1990-е гг. обозначилась тенденция снижения уровня здоровья населения, особенно детей. В школах стало появляться большое количество детей с особыми потребностями в связи с состоянием здоровья, они нуждались в особых условиях обучения и воспитания. Так, к 1998 г. в Красноярске в общеобразовательных школах имелось более 500 классов коррекционно-компенсирующего характера. Уже существующие факультеты специальной педагогики в Иркутске и Красноярске не могли подготовить достаточное количество специалистов. С этой целью в КГПУ было принято решение о создании Института специальной педагогики (ИСП) [25] – комплексного научно-учебного подразделения, способного как готовить специалистов в данной области, так и проводить научные разработки для решения насущных проблем.

Таким образом, с начала перестройки и в 1990-е гг. высшее педагогическое образование в крае переживало сложные времена: недофинансирование, отток квалифицированных кадров из и пр. Однако благодаря сложившимся в коллективе традициям, социальной значимости учительской профессии вуз не только сохранился, но и продолжил свое развитие, трансформируясь в соответствии с новыми целями и задачами.

Примечания

¹ Енисейская губерния существовала на территории современного Красноярского края с 1822 по 1925 г. Затем она вошла в состав Сибирского края. В 1930 г. часть бывшей губернии вошла в состав Восточносибирского края, другая часть районов – в состав Западносибирского края. Только в 1934 г. на территории бывшей Енисейской губернии был образован Красноярский край.

² Полевые материалы автора (ПМА): интервью с бывшим деканом исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева С.И. Кангун, 05.12.2020. Архив автора.

³ ПМА: интервью с бывшим деканом исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева С.И. Кангун, 05.12.2020. Архив автора

Список источников

1. Войтеховская М.П., Галкина Т.В. Томский педагогический: от института к университету. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2002. 267 с.
2. Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920 годы. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2002. 239 с.
3. Хаминев Д.В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М. : Полит. энцикл., 2021. 221 с.
4. Яблоков Ю.Н., Кузнецов О.А. Основание и деятельность красноярского учительского института (1916–1920 гг.) // Народное образование в Красноярском крае : III Краеведческие чтения. Красноярск, 2002. № 1. С. 110–121.
5. Яблоков Ю.Н., Кузнецов О.А. Подготовка учителей в красноярском институте народного образования (1920–1923 гг.) // Народное образование в Красноярском крае : III Краеведческие чтения. Красноярск, 2002. № 1. С. 121–128.

6. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.) / Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, Совет ветеранов пед. труда системы образования Красноярского края. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2014. 577 с.
7. Мезит Л.З. Региональная система подготовки учительских кадров в Приенисейской Сибири в 1920–1930-е гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т. 13, № 1. С. 133–139.
8. Луначарский А.В. Почему нельзя верить в бога? : избранные атеистические произведения / Акад. наук СССР, Ин-т истории. М. : Наука, 1965. 443 с.
9. ТГПУ: история и современность // Томский государственный педагогический университет. URL: <https://www.tspu.edu.ru/history> (дата обращения: 14.06.2021).
10. Кудрявцев В.Д. Нас учили работать творчески // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири (1917–1941 гг.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 182–197.
11. Аверин С.П., Горностаева А.О., Горностаева С.М. и др. 100 лет истории народного образования Красноярья: 1917–2017 гг. Красноярск, 2018. 200 с.
12. Иванов В.П. Ректоры Красноярского государственного педагогического института (университета им. В.П. Астафьева). Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2012. 164 с.
13. Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М. : Полит. энцикл., 2017. 662 с.
14. Летопись Красноярского педагогического института. Красноярск : Кн. изд-во, 1982. 168 с.
15. Правда. 1936. 25 июня. № 172 (6778).
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 900. Л. 14–25.
17. Правда. 1935. 30 декабря. № 357 (6605).
18. Красноярский край в истории Отечества : хрестоматия для учащихся старших классов средних школ / сост. А.А. Григорьев, С.А. Минина. Красноярск : Кн. изд-во, 1996. Кн. 2: 1917–1940. 272 с.
19. Красноярский государственный педагогический университет : семьдесят лет на ниве просвещения / под ред. Н.И. Дроздова. Красноярск : Универс, 2002. 290 с.
20. Складенко Н.С. Великие педагоги исторического факультета // Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития : материалы VI Нац. науч.-практ. конф., посвящ. юбилейным датам исторического факультета. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2021. С. 124–126.
21. Красноярский рабочий. 1941. 25 июня. № 148.
22. Складенко Н.С. Этапы развития исторического факультета (по эго-документам) // Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития : материалы VI Нац. науч.-практ. конф., посвящ. юбилейным датам исторического факультета. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2021. С. 156–158.
23. Петроград, Ленинград в истории Красноярья в XX веке : (по материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края») : сб. документов / сост.: Гонина и др. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т, 2014. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)
24. Методологические основы разработки и реализации комплексной программы развития региона : сб. науч. тр. / отв. ред. И.И. Гительзон, А.П. Деревянко. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 314 с.
25. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-2217. Оп. 1. Д. 762.

References

1. Voytekhovskaya, M.P. & Galkina, T.V. (2002) *Tomskiy pedagogicheskiy: ot instituta k universitetu* [Tomsk Pedagogical: From Institute to University]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
2. Voytekhovskaya, M.P. & Kochurina, S.A. (2002) *Tomskiy uchitel'skiy institut: vozvrashchennaya istoriya. 1902–1920 gody* [Tomsk Teachers' Institute: The History Returned. 1902–1920]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
3. Khaminov, D.V. (2021) *Istoricheskoe obrazovanie, nauka i istoriki sibirskoy periferii v gody stalinizma* [Historical education, science and historians of the Siberian periphery during the years of Stalinism]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
4. Yablokov, Yu.N. & Kuznetsov, O.A. (2002) *Osnovanie i deyatelnost' krasnoyarskogo uchitel'skogo instituta (1916–1920 gg.)* [The foundation and activities of the Krasnoyarsk Teachers' Institute (1916–1920)]. *Narodnoe obrazovanie v Krasnoyarskom krae*. 1. pp. 110–121.
5. Yablokov, Yu.N. & Kuznetsov, O.A. (2002) *Podgotovka uchiteley v krasnoyarskom institute narodnogo obrazovaniya (1920–1923 gg.)* [Teacher training at the Krasnoyarsk Institute of Public Education (1920–1923)]. *Narodnoe obrazovanie v Krasnoyarskom krae*. 1. pp. 121–128.
6. Fedorova, V.I. (ed) (2014) *Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya (XVII – nachalo XXI vv.)* [Essays on the history of public education in the Krasnoyarsk Territory (17th – early 21st century)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
7. Mезит, L.Z. (2023) *Regional'naya sistema podgotovki uchitel'skikh kadrov v Prieniseyskoy Sibiri v 1920–1930-e gg.* [The regional system of teacher training in the Yenisei Siberia in the 1920–1930s]. In: *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region]. Vol. 13(1). pp. 133–139.
8. Lunacharskiy, A.V. (1965) *Pochemu nel'zya verit' v boga?: izbrannye ateisticheskie proizvedeniya* [Why can't you believe in God?: selected atheistic works]. Moscow: Nauka.
9. Tomsk State Pedagogical University. (n.d.) *TGPU: istoriya i sovremennost'* [TSPU: History and Modernity]. [Online] Available from: <https://www.tspu.edu.ru/history> (Accessed: 14th June 2021).
10. Kudryavtsev, V.D. (1980) *Nas uchili rabotat' tvorcheski* [We were taught to work creatively]. In: Soskin, V.L. (ed.) *Vyshshaya shkola i nauchno-pedagogicheskie kadry Sibiri (1917–1941 gg.)* [Higher School and Scientific and Pedagogical Personnel of Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 182–197.
11. Aверин, С.П., Горностаева, А.О., Горностаева, С.М. et al. (2018) *100 let istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyars'ya: 1917–2017 gg.* [100 years of the history of public education in Krasnoyarsk: 1917–2017]. Krasnoyarsk: [s.n.].
12. Ivanov, V.P. (2012) *Rektory Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (universiteta im. V.P. Astaf'eva)* [Rectors of Krasnoyarsk State Pedagogical Institute (The V.P. Astafiev University)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
13. Dubrovskiy, A.M. (2017) *Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930–1950-e gg.)* [Power and historical thought in the USSR (1930–1950s)]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
14. Krasnoyarsk State Pedagogical University. (1982) *Letopis' Krasnoyarskogo pedagogicheskogo instituta* [The Chronicle of the Krasnoyarsk Pedagogical Institute]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
15. *Pravda*. (1936) 25th June.
16. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 3. File 900. pp. 14–25.
17. *Pravda*. (1935) 30th December.
18. Grigoriev, A.A. & Minina, S.A. (eds) (1996) *Krasnoyarskiy kray v istorii Otechstva: khrestomatiya dlya uchashchikhsya starshikh klassov srednikh shkol* [Krasnoyarsk region in the history of the Fatherland: a reader for senior secondary school students]. Vol. 2. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo.
19. Dроздов, N.I. (2002) *Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet: sem'desyat let na nive prosveshcheniya* [Krasnoyarsk State Pedagogical University: Seventy years in the field of education]. Krasnoyarsk: Univers.

20. Sklyarenko, N.S. (2021) Velikie pedagogi istoricheskogo fakul'teta [Great teachers of the Faculty of History]. *Aktual'nye voprosy istorii Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Current Issues in the History of Russia: Problems and Prospects for the Development]. Proc. of the Sixth Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 124–126.
21. *Krasnoyarskiy rabochiy*. (1941) 25th June.
22. Sklyarenko, N.S. (2021) Etapy razvitiya istoricheskogo fakul'teta (po ego-dokumentam) [Stages of development of the Faculty of History (according to ego-documents)]. *Aktual'nye voprosy istorii Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Current Issues in the History of Russia: Problems and Prospects for the Development]. Proc. of the Sixth Conference. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 156–158.
23. Gonina et al. (2014) *Petrograd, Leningrad v istorii Krasnoyar'ya v XX veke: (po materialam KGKU "Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraja")* [Petrograd, Leningrad in the history of Krasnoyarsk in the 20th century: (based on materials from the KGKU "The State Archive of the Krasnoyarsk Territory")]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University
24. Gitelzon, I.I. & Derevyanko, A.P. (eds) (1988) *Metodologicheskie osnovy razrabotki i realizatsii kompleksnoy programmy razvitiya regiona* [Methodological foundations for the development and implementation of a comprehensive regional development program]. Novosibirsk: Nauka.
25. The State Archive of the Krasnodar Territory (SAKK). Fund R-2217. List 1. File 762.

Сведения об авторе:

Склярёнок Никита Сергеевич – магистрант Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Nik_sklyarenko@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sklyarenko Nikita S. – Undergraduate Student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nik_sklyarenko@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2024; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 15.01.2024; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 281.93

doi: 10.17223/19988613/88/9

Реализация положений Приходского устава Поместного собора 1917–1918 гг. в церковной практике Московской Патриархии и Русской православной церкви за рубежом

Руслан Юрьевич Терекhov

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, r.j.terekov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу реализации в церковной практике Московской патриархии и Русской зарубежной церкви положений Приходского устава, принятого на Поместном соборе 1917–1918 г. Данный Собор – одно из ключевых событий церковной истории XX в. Он принял судьбоносное решение о восстановлении патриаршества, а также утвердил в качестве основополагающего принципа церковного устройства соборное начало. Соборный принцип принятия решений в церкви прошел через всю структуру церковного управления.

Ключевые слова: Русская православная церковь за рубежом, приход, Поместный собор 1917–1918 гг., Русская православная церковь Московского патриархата, соборность

Для цитирования: Терекhov Р.Ю. Реализация положений Приходского устава Поместного собора 1917–1918 гг. в церковной практике Московской Патриархии и Русской православной церкви за рубежом // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 72–80. doi: 10.17223/19988613/88/9

Original article

Realization of Church Council 1917–1918 Resolutions into Church Practice of Moscow Patriarchate and Russian Orthodox Church Outside of Russia

Ruslan Ju. Terekov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, r.j.terekov@gmail.com

Abstract. The purpose of the research is the analysis of congregation observance implementation accepted by Church Council of 1917-1918 into church practice of Moscow Patriarchate and Russian Orthodox Church outside Russia.

In frames of the research the following documents were analyzed: the collection of definitions and resolutions of Russian Orthodox Church Council of 1917-1918, Governance Statement of ROChMP 1945, Governance Statutes of ROChMP 1988 and 2000. Governance Statements of ROChOR 1956 and 1964 were analyzed, as well.

Compendium: Church Council of 1917-1918 is one of the key events in church history of the 20th century. It took a decision to reconstruct the patriarchate and also confirmed the synodic basis as the root principle of the church constitution. Now the laymen had a right to take part in regulating the economic matters of their congregation and the Church, be elected for the church governance system. All of this was captured in the Governance Statute of the congregation accepted during the second session of the Council. Nevertheless, most of the decisions of this Statute were not brought to life due to the beginning of the Civil war. In this article the issue of bringing to life of the collegial Congregation Statute in the jurisdictions of the church practice of ROChMP and ROChOR is being considered. The analysis of the foundation documents carries the inference that not all the points of the Statute were realized in the church life. The author pays attention to the reasons caused the contradictions among the statutes of the Council, ROChMP and ROChOR.

Conclusions of the research: Having compared the legal acts and regulations for the two branches of the Russian Church and the Governance Statute accepted by Church Council 1917-1918 it may be noted that the Statute was partially realized. The structure of the congregation governing remained; the worshippers got a right to take part in the congregation governing together with the superior; the congregation reserved the living connection with the episcopate. Herewith, ROChMP worshippers lost their right to influence the clergy membership, and their authority in the vestry reduced, as well.

There were several reasons that made the execution of the regulations of the collegial Congregation Statute in ROChMP impossible. Among them were: a difficult political situation in the USSR; policy against church of the Soviet Government, designed to disturb the unity of the church from the inside and from the outside. The development of the congregation of government in the ROChOR was facilitated by the lack of financial support, the material dependence of the priests of the ROChOR on the religious and democratic system of government, which was also adopted by Russian immigrants.

Keywords: Russian Orthodox Church Outside of Russia, congregation, Church Council of 1917-1918, Russian Orthodox Church of Moscow Patriarchate, collegiality

For citation: Terekov, R.Ju. (2024) Realization of Church Council 1917–1918 Resolutions into Church Practice of Moscow Patriarchate and Russian Orthodox Church Outside of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 72–80. doi: 10.17223/19988613/88/9

Решения, принятые на Поместном соборе 1917–1918 гг., по мнению большинства отечественных исследователей, имели огромное историческое значение для Русской церкви. Именно поэтому Собор относят к числу ключевых событий церковной истории XX в., ведь «рядом своих решений и постановкой самых вопросов» он опередил весь христианский мир [1. С. 228]. Восстановление патриаршества, создание системы соборного управления церковью, всестороннее включение мирян во многие сферы деятельности церкви и другие решения Собора определили вектор дальнейшего церковного развития. Особое внимание обращает на себя Приходской устав, принятый на второй сессии и ставший самым большим документом, разработанным на Соборе. Однако встает вопрос о том, насколько решения, принятые на Соборе, были действительно реализованы в церковной практике.

Обсуждение и изучение решений Поместного собора 1917–1918 гг. началось уже в 1920-е гг. в эмиграции. Покинув Россию, русские эмигранты пытались восстановить церковную жизнь в местах своего пребывания, опираясь на отечественный опыт и решения Собора 1917 г. Тем не менее среди русского духовенства, оказавшегося в эмиграции, нашлись и критики соборных постановлений. Например, священники Николай Афанасьев и Александр Шмеман критически оценивали ту роль, которую Собор определяет участию мирян в управлении Церковью [2].

В 1940–1970-х гг. опубликовано немало трудов западных исследователей, которые изучают различные аспекты работы Собора и принятые на нем решения, в том числе и о приходах и участии мирян в управлении церковью. В начале 1990-х гг. были открыты архивные фонды, и исследователи смогли приступить к изучению документов Собора. Одним из первых начал работу с архивными фондами лютеранский священник и богослов Гюнтер Шульц, который создал исследовательский проект «Большевицкая диктатура и Поместный Собор 1917–1918 гг.». В рамках данного проекта велось изучение социально-политического контекста Собора, однако особый интерес исследователей вызвали вопросы о роли мирян в жизни церкви. В рамках проекта было выпущено много трудов, часть из которых содержит документы Собора, обзоры заседаний, биографические обзоры участников Собора [3. С. 383].

В 2006 г. на французском языке была издана монография католического священника Иакинфа Дестивеля «Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности». Среди ключевых тем исследования – принцип соборности, участие мирян в управлении церковью, институт патриаршества [2].

В последние годы объектом внимания ученых становится вопрос о реализации решений Поместного собора 1917–1918 гг. в церковной практике Русской православной церкви Московского патриархата и Русской зарубежной церкви. Ведь обе ветви Русской

церкви на протяжении всей своей истории стремились реализовать их в церковной жизни. Исследователь М.В. Шкаровский в одной из своих статей отмечает, что «весь период существования СССР Русская Православная Церковь боролась за сохранение и возрождение принципа соборности, руководствуясь, насколько это было возможно в тех условиях, определениями Собора 1917–1918 гг.» [1. С. 240]. Объясняя причины невозможности исполнить все постановления Собора в советский период, Шкаровский указывает на непростые отношения с государством, которое вплоть до 1988 г. стремилось подчинить себе церковь и не позволяло ввести в нормативные документы соборные начала.

Большой интерес в этой связи представляет статья французского историка Антуана Нивьера, который рассматривает, как в Московском патриархате, Русской зарубежной церкви и Архиепископии западноевропейских приходов русской традиции (Константинопольский патриархат) пытались воплотить основные решения Поместного собора 1917–1918 гг. Особо Нивьер отмечает, что после возникновения новых юрисдикций возникли противоположные позиции относительно наследия Собора: одни считали необходимым исполнить его решения, другие предпочитали изменить или даже отказаться от решений, выработанных на Поместном соборе. Исследователь приходит к выводу, что из трех сравниваемых юрисдикций именно Архиепископия западноевропейских приходов русской традиции в составе Константинопольского патриарха в большей мере реализована решения Поместного собора 1917–1918 гг. [4].

Вместе с тем практически вне поля зрения ученых до сих пор остается реализация в церковной практике Приходского устава, принятого Собором. Этот Устав заложил базу для складывания в приходских общинах основ церковной демократии, возможности полного, правового участия простых прихожан в социальной, просветительской, богослужебной, миссионерской деятельности церкви. Есть статьи о реализации Приходского устава в 1920-е гг. [5], о приходской реформе 1961 г. [6], но исследований, отображающих, как положения соборного Приходского устава были реализованы в Московской патриархии и в Зарубежной церкви, сравнивающих степень реализации или указывающих на причины различий нет. Именно эта проблема и будет рассмотрена в настоящей статье.

После Гражданской войны Русская церковь по политическим и ряду других причин разделилась на церковь на Родине и церковь за границей. В силу политических причин обе ветви обособились друг от друга и стали существовать отдельно, не поддерживая каноническую связь между собой. Каждая из ветвей некогда единой Русской церкви претендовала на исключительность своего положения, желая показать преемство от «тихоновской Церкви». А для этого необходимо было реализовать на практике постановления и реше-

ния, принятые на Поместном соборе 1917–1918 гг., в том числе организовать приходское самоуправление и устроить приходскую жизнь на основе Приходского устава, принятого на соборе.

Информация по интересующей нас проблеме содержится в ряде церковных нормативно-правовых актов. Это Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. и Положение об управлении РПЦ МП 1945 г., а также правовые акты 1950–2000 гг., отражающие различные аспекты приходской жизни: Устав об управлении РПЦ МП 1988 г.; Устав РПЦ МП 2000 г.. В документах Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) нормативная база для регулирования приходской жизни содержится в Положении о РПЦЗ 1956 г., Положении о РПЦЗ 1964 г., Нормальном приходском уставе РПЦЗ 1971 г.

Прежде всего необходимо обратиться к понятию церковного прихода, которое формулируют документы Собора, а также положениям о причте и его составе. Под приходом в Уставе собора 1917–1918 гг. понимается «общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, состоящее частью епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального Архиерея, под руководством поставленного последним священника – Настоятеля» [7. С. 13]. Данная формулировка в общих чертах содержится в Уставах РПЦ 1988 и 2000 гг. и Нормальном Приходском уставе РПЦЗ 1971 г. Таким образом, понятие прихода не претерпевает в позднейших документах изменений ни в РПЦ МП, ни в РПЦЗ.

Несколько иным образом выглядит ситуация с церковным причтом. Собор 1917 г. постановил, что приходской причт «определяется в составе: священника, диакона и псаломщика» [7. С. 15]. Число членов причта может быть сокращено или увеличено епархиальной властью в соответствии с нуждами прихода. При избрании и назначении на приход священнослужителей архиерей учитывает рекомендации прихода, принимая во внимание «кандидатов, о коих ходатайствует Приходское Собрание» [7. С. 15]. При этом члены причта «могут быть перемещаемы и увольняемы от своих мест только по суду или по собственному их желанию» [7. С. 15].

Состав причта в Уставе РПЦЗ определяется также двумя лицами, но отдельного пункта, предусматривающего выдвижение приходом кандидатов на священство, нет. Однако в разделе, посвященном приходскому собранию, есть упоминание о том, что на годовом приходском собрании могут обсуждаться кандидаты на священство в присутствии благочинного, поэтому возможность выдвижения кандидатов от прихода предусмотрена [8]. Приход по Уставу продолжает влиять на состав причта приходского храма.

В Нормальном Приходском Уставе РПЦЗ уже нет положения о том, что перемещение с прихода осуществляется только по суду или собственному желанию. Теперь «в случае серьезных со стороны священнослужителей епархии преступлений или проступков» [9] правящий архиерей имеет право перевести или отре-

шить от занимаемой должности «для пользы церковной службы» [9] провинившегося священнослужителя. Таким образом, к 1971 г. по данному вопросу не требуется решения сугубо церковного суда. Вопрос о перемещении может решить единогласно епископ. Тем самым приходится констатировать, что в РПЦЗ имела место эволюция норм о перемещении причта с прихода на приход в направлении усиления власти архиерея.

Устав РПЦ МП 1945 г. вовсе не затрагивает тему перемещения и увольнения членов причта. А вот в Уставе РПЦ МП 1988, 2000 гг. возможность выдвижения приходом кандидатов на священство или учет мнения прихода при назначении священнослужителей не предусмотрены, так как «избрание и назначение священно-церковнослужителей принадлежит епархиальному архиерею» [10]. Священнослужители «могут быть перемещаемы и увольняемы от своих мест епархиальным архиереем по прошению, по суду или по церковной целесообразности» [11]. Можно предположить, что причиной появления такой нормы стало неполноправное положение церкви в Советском государстве, непостоянный состав приходов и клира, когда, таким образом, основные решения легли на плечи архиерея. Но указанные положения перешли в типовый приходской устав приходов РПЦ, принятый в 2009 г., когда эпоха гонений осталась позади. По-видимому, кроме инерции, здесь могли отразиться неразвитость приходской жизни, отсутствие у священников и мирян привычки к участию в церковных делах.

В целом, сравнив уставные документы РПЦ МП и РПЦЗ с Приходским уставом, принятым на Соборе 1917–1918 гг., можно отметить, что положение о том, что прихожане влияют на принятие в причт храма священнослужителей, сохранилось только в РПЦЗ. В РПЦ МП данный вопрос находится полностью в компетенции епископа. Также в нормативно-правовых документах обеих ветвей Русской церкви епископ получил больше полномочий на перемещение священнослужителей в другие приходы, что не было предусмотрено Уставом Собора.

Важным положением приходского устава является правовое положение прихожан. В Приходском уставе, утвержденном на Поместном соборе, прихожанами считаются «все лица православного исповедания, живущие в пределах прихода и сохраняющие живую связь со своим приходским храмом» [7. С. 16]. Все прихожане и члены их семей записываются в специальные приходские книги. Прихожане обоего пола, достигшие 25-летнего возраста, занесенные в приходскую книгу, не уклоняющиеся от уплаты общеприходских сборов, имели право участия с решающим голосом в Приходском собрании – коллегиальном органе управления приходом. В свою очередь, другие «прихожане, достигшие брачного возраста и ведущие самостоятельно свое хозяйство» [7. С. 19], имели право участия в собрании только с совещательным голосом. В приходском собрании не имеют права принимать участие живущие менее одного года в приходе и не внесенные в приходскую книгу, уклоняющиеся от ежегодной исповеди и причастия, лица, совершившие преступление или «состоящие в открытом сожитель-

стве без церковного брака» [7. С. 20]. Могут быть лишены права участия в собрании лица, уклоняющиеся от внесения пожертвований на общеприходские нужды, нарушившие правила поведения в храме или имеющие предосудительные занятия.

В соборном Приходском Уставе юридического разделения на прихожан и членов прихода нет, однако оно подразумевается. Члены прихода – это те лица, которые имеют право участия в приходском собрании с правом решающего голоса, все остальные, кто по возрасту и иным причинам не вошли в их число, считаются прихожанами и имеют право только совещательного голоса, т.е. могут принимать участие в обсуждении приходских дел, но не голосуют. Другим подтверждением наличия разделения на прихожан и членов прихода является указание на то, что приходское собрание считается действительным, если на него «явилось не менее 1/10 части полноправных прихожан» [7. С. 20]. Членами прихода и являются «полноправные прихожане».

В отличие от соборного, Нормальный Приходской Устав РПЦЗ содержит четкое разделение на прихожан и членов прихода уже в названии раздела III Устава («Прихожане и члены прихода»). В Уставе указано, что «членами прихода могут быть все лица Православного вероисповедания обоюбого пола, достигшие 21-летнего возраста, платящие установленные членские взносы, исповедующиеся и причащающиеся Св. Таин не менее одного раза в год и ревнующие о нравственном и материальном благополучии прихода» [9]. В полном соответствии с установленными в Соборном Уставе нормами все члены прихода вносятся в приходскую книгу. Члены прихода, уплачивающие положенные членские взносы и иные сборы, имеют право участия в приходском собрании с правом решающего голоса. Лица, которые не достигли 21-летнего возраста, или не выплачивающие членские взносы, или состоящие в сожительстве без церковного брака, имеющие предосудительные занятия, являются осужденными, или состоящие в приходе менее 6 месяцев, не принимают участия в приходском собрании и относятся к категории «прихожане» [9]. Такое разделение на прихожан и членов прихода в общих чертах соответствует положениям соборного Приходского Устава.

Кардинально отличается от соборного определение прихожан в Уставе РПЦ МП 1988, 2000 гг. (Устав 1945 г. вовсе не содержит норм по данному вопросу). Прихожанами считаются «лица православного исповедания, сохраняющие живую связь со своим приходом» [10]. Отдельной категорией выделены члены приходского собрания, в число которых могут быть включены «миряне, члены данного прихода, достигшие 18-летнего возраста, доброй христианской нравственности, состоящие в церковном общении и не находящиеся под церковным или гражданским судом» [11]. Такого критерия для зачисления в число членов прихода, как регулярная выплата членских взносов, в Уставе нет.

Таким образом, в уставных документах РПЦ МП и РПЦЗ сохранилось в общих чертах разделение прихода на прихожан и членов прихода. Вторые имеют исключительное право голосовать на приходском собра-

нии. Есть различия в возрастных ограничениях. Если Собор определил, что членами прихода могут быть лица, достигшие 25-летнего возраста, то в РПЦЗ это уже 21 год, а в РПЦ МП – 18 лет. В РПЦЗ сложилась практика, что только лица, регулярно уплачивающие членские взносы, могут быть членами прихода. Данная практика не противоречит, а полностью согласуется с Приходским Уставом, принятым на Соборе. В РПЦ МП такая практика не закреплена в Уставе в связи с тем, что в СССР большинство прихожан не имели возможности платить такие взносы, а церковь, будучи гонимой, не могла официально без согласия государства осуществлять такие сборы. Все финансы церкви находились полностью под контролем государства.

Перейдем теперь к анализу реализации решений Собора в области управления церковью в целом. Одним из первых и главных деяний Поместного собора 1917–1918 гг. стало восстановление в Русской православной церкви соборного начала в управлении церковью. Данное положение отразилось на обновлении системы управления церковью. Высшим органом власти в церкви стал Поместный собор – собрание епископата, клира и мирян, принимающих общие решения по широкому спектру церковных вопросов. Также в структуру церкви были включены Епархиальные собрания, аналогичные собрания уже на уровне епархии. Также соборное начало коснулось и приходского самоуправления. Были созданы приходские собрания (аналог Поместного собора и Епархиального собрания на уровне прихода), а также приходские советы (аналог Священного синода или Епархиального совета). В Приходском Уставе, принятом на соборе 1917–1918 гг. было уделено большое внимание полномочиям этих новых органов церковного управления на приходе.

Устав собора формирует приходское управление в составе приходского собрания, приходского совета и настоятеля. Таким образом, управление приходскими делами изначально представляется как «совместная деятельность клира и прихожан» [7. С. 17].

В компетенции приходского собрания, являющегося коллегиальным органом управления приходом, находятся «обсуждение и решение всех приходских дел и вопросов, распоряжение приходскими капиталами и имуществом, надзор... за всеми приходскими учреждениями, установление самообложения» [7. С. 21]. К числу таких «приходских дел и вопросов» относятся: дела по сооружению, ремонту, содержанию храмов и церковных помещений; содержание церковного причта, забота о религиозном образовании в приходе, церковном пении, устройстве религиозно-нравственных бесед для прихожан; создание миссионерских, просветительских кружков; решение всех имущественных вопросов. Также приходское собрание следит за ходом работы приходского совета и всех приходских учреждений, принимая отчет об их работе [7. С. 21].

Стоит особо отметить, что в случае неудовлетворенности работой совета и приходских учреждений собрание может принять решение о возбуждении «дел об ответственности председателя, его товарища и членов совета, а также остальных должностных лиц по приходу» [7. С. 23]. То есть в случае нанесения вреда

приходским делам собрание может просить о привлечении к ответственности перед епархиальной властью членов приходского управления и даже настоятеля, являющегося председателем совета. Под таким «судом» прихода могли оказаться и поступки членов прихода.

Заведывание всем имуществом прихода находилось именно в компетенции собрания. Оно решало вопросы обеспечения храма и домов причта всем необходимым, определяло размер оплаты работы должностных лиц, занималось приобретением недвижимого имущества, собирало приходские взносы и их инициировало, утверждало сметы расходов и правила заведывания капиталами прихода. Также собрание имело право ходатайства перед правящим архиереем и гражданской властью, а также выдвигать кандидатов на вакантные места в причте храма. Все должности в приходских учреждениях и приходском совете занимались лицами, утвержденными приходским собранием [7. С. 21–23].

Постановления собрания должны были быть внесены в специальный журнал, и любой прихожанин имел право снять копии с постановлений собрания. Предполагалась возможность обжалования решений собрания как со стороны настоятеля, так и со стороны прихожан, которые должны были в течение недели подать жалобы благочинному [7. С. 24].

В Нормальном Приходском уставе РПЦЗ данные положения практически полностью сохранены. Однако было произведено разделение на годовые приходские собрания и чрезвычайные. Годовые собирались раз в год и являлись обязательными, чрезвычайные могли быть созваны по инициативе правящего архиерея, настоятеля, приходского совета, ревизионной комиссии и 1/3 прихожан [9]. Сразу стоит отметить, что в Приходском Уставе, утвержденном Поместным собором 1917–1918 гг. предполагалось проведение собрания не реже одного раза в полугодие, т.е. в год должно было быть обязательно проведено два собрания. Также могли быть созваны чрезвычайные собрания по постановлению совета, распоряжению епархиальной власти, по заявлению настоятеля и ходатайству не менее 25 полноправных прихожан [7. С. 19].

На годовом приходском собрании в РПЦЗ могли быть рассмотрены следующие вопросы: избрание церковного старосты, членов приходского совета, ревизионной комиссии и попечителей; утверждение отчетов совета и других приходских органов управления; установление размеров членов взносов и других видов самообложения; утверждение сметы на следующий год; выбор кандидатов на вакантные места в причте приходского храма. Такие полномочия, как забота о благолепии храма, содержании причта, церковном пении, просветительской деятельности, сношения с гражданской властью, переданы в полномочный список приходского совета [8]. То есть приходское собрание РПЦЗ больше занимается вопросами планирования и анализа деятельности прихода.

В уставах РПЦ МП 1988, 2000 гг. прописано, что приходское собрание может быть собрано по инициативе настоятеля, архиерея, благочинного или иного полномочного представителя епархиального архиерея.

Возможность созыва собрания по инициативе прихожан отсутствует [10, 11].

К числу вопросов, которые обсуждает, решает приходское собрание, в РПЦ относятся: избрание приходского совета и ревизионной комиссии; планирование финансово-хозяйственной деятельности; принятие планов расходов; сохранение церковного имущества; забота о церковном пении; рассмотрение жалоб на членов приходского совета, определение содержания причта и приходского совета; рассмотрение и представление на утверждение епархиальному архиерею отчетов по работе приходских органов управления [10]. В уставе РПЦ 1945 г. не прописаны вопросы созыва собрания, однако перечень полномочий совпадает с вышеуказанным списком.

Приходской совет и в Уставе собора, и в Уставе РПЦЗ и РПЦ – это исполнительный орган власти на приходе. Он реализует решения приходского собрания, осуществляет сбор средств на нужды храма и прихода, занимается созданием и организацией различных приходских учреждений. Состав совета определяется приходским собранием. Срок полномочий совета – 3 года. Однако по Уставу, принятому на Соборе, каждый год 1/3 выбранных членов совета должна выбывать из его состава [7. С. 25]. В РПЦЗ срок полномочий совета – 1 год [8]. В РПЦ срок полномочий совета не определен и механизма выбывания членов из его состава не предусмотрено [10]. Списки полномочий в основной своей массе в рассматриваемых документах совпадают, однако в Приходском уставе Поместного собора 1917–1918 гг. в числе полномочий приходского совета значится «выдача полномочий на совершение имущественных актов и на хождение в судебных и других местах по делам храма и прихода и по возбужденным искам, на основании постановлений Приходских Собраний» [7. С. 25]. То есть имущественные операции и посещение суда от имени прихода происходят с согласия приходского собрания и по решению приходского совета. Устав РПЦ 2000 г. предусматривает, что настоятель приходского храма, который является председателем приходского совета, без договоренности с органами приходского самоуправления имеет полномочия на распоряжение «имуществом и денежными средствами прихода, в том числе заключает от имени прихода соответствующие договоры и совершает иные сделки», а также «представляет приход в суде» [10].

Поместный собор 1917–1918 гг. определил, что «на обязанности настоятеля лежит попечение по всем делам прихода и наблюдение за правильным ведением отчетности по церковному хозяйству и письмоводству, а также сношения по делам церковно-приходским с епархиальной властью» [7. С. 27]. При этом настоятель следит за священнослужителями храма, возглавляет приходской совет и председательствует на приходских собраниях.

Полномочия настоятеля в Нормальном Приходском Уставе РПЦЗ практически полностью совпадают с Приходским уставом, принятым на соборе. Настоятель «наставляет членов прихода и прихожан в правилах Православной веры и благочестия», следит за состояни-

ем храма, но через церковного старосту, председательствует на приходских собраниях, возглавляет приходской совет, следит в целом за деятельностью приходских органов управления, «сносится от имени прихода с Епархиальным начальством по всем делам, касающимся прихода», следит за церковной документацией [9].

Серьезные различия с положениями соборного Приходского устава в вопросе приходского самоуправления имеют уставы РПЦ МП 1988, 2000 гг. Настоятель также руководит причтом, председательствует на приходских собраниях и заседаниях приходского совета. Однако при этом настоятель наблюдает за состоянием храма, заботится о церковном пении, следит за точным выполнением указаний епархиального архиерея, занимается организацией катехизаторской, благотворительной, церковно-общественной, образовательной, просветительской деятельности прихода, представляет интересы прихода в органах государственной власти и местного самоуправления. Также настоятель имеет полномочия при наличии оснований на «приостановление исполнения решений приходского собрания и приходского совета по вопросам вероучительного, канонического, богослужебного или административно-хозяйственного характера, с последующей передачей этого вопроса на рассмотрение епархиального архиерея» [10]. Данные положения показывают, что настоятель прихода в РПЦ МП имеет большее влияние на приходскую жизнь. Такие полномочия соборный Приходской устав для настоятеля прихода не предусматривает.

Различия между уставами РПЦ МП и РПЦЗ и с Приходским уставом, принятым на Поместном соборе 1917–1918 гг. вызваны той ситуацией, которая сложилась в Русской православной церкви сразу после завершения работы Собора. Церковная общественность, несмотря на революционное время в России, восприняла решения, принятые на Соборе, с воодушевлением и желанием как можно быстрее воплотить их в церковную жизнь. Однако здесь начали возникать большие проблемы.

Приходские собрания и приходские советы, созданные сразу после Собора, не всегда находили общий язык с настоятелями храмов, нередко были конфликты, зачастую вызванные различным пониманием нужд прихода. В донесениях архиепископу Крутицкому Никандру (Феноменову), викарию Патриарха Тихона по Москве, датированных 1922 г., практически все московские благочинные жалуются на то, что приходские собрания и советы захватили власть на приходах, не только контролируют хозяйственную деятельность прихода, но и вмешиваются в богослужения, превышают свои полномочия, не считаются с церковной дисциплиной. Некоторые благочинные даже заявляют о «неоправданности надежд, которые возложил Поместный Собор 1917–1918 годов на этот институт» [5. С. 218].

В донесении протоиерея Сергия Глаголевского отмечается, что «Приходские Советы совершенно не поняли своего главного названия – вместе с причтом служить к развитию приходской жизни... они вместо этого вообразили себя какой-то властью, которая должна теперь управлять приходом» [5. С. 232].

Благочинный Александр Голубев в своем донесении заявляет, что приходские советы составляют «великое зло», потому что они вмешиваются не только в дела, касающиеся хозяйственной части жизни прихода, но и «даже судебной над членами причта, стремясь самовольно распоряжаться всем, часто без ведома и согласия о.о. Настоятелей, устраивают Торжественные Богослужения, приглашая Епископов» [5. С. 192]. Другие благочинные отмечают ненормальность практики выбора новых членов причта, так как члены приходских советов «при выборе священноцерковнослужителей обращают внимание на голос, внешность, манеры и т.п., а не на духовное образование, степень подготовленности к церковному служению, прежнюю их жизнь и деятельность» [5. С. 192].

В донесениях московских благочинных много жалоб на то, что члены приходских советов любовью к торжественным богослужениям, наймом артистов и профессиональных певцов превращают богослужение в концерт, не заботясь о нуждах причта, часто вмешиваются в вопросы состава причта, удаляя из его числа неудобных священнослужителей, диаконов [5. С. 201]. Данная ситуация повторяется практически во всех донесениях и даже стала известна гражданским властям – большевистскому правительству, которое было нацелено на полное уничтожение церкви, в том числе и внутренними силами. Так был организован обновленческий раскол.

Стремясь ослабить и разрушить церковь не только внешними, но и внутренними ударами, 7 июня 1924 г. 5-й отдел Наркомата юстиции выпустил разъяснение, в котором было указано, что по новым нормам церковно-государственных отношений «храмы передаются группам верующих, а не церковной иерархии, вследствие чего управление этим имуществом и ответственность за него и лежит на верующих, кои уже сами по собственному произволению приглашают служителей культа и могут с ними заключать договор найма» [12. С. 126]. Также было определено, что «священник может быть председателем собрания верующих или церковного совета лишь постольку, поскольку он сам состоит членом группы верующих и последними будет избран в председатели» [12. С. 126]. То есть советские органы юстиции, стремясь разрушить иерархическую структуру церкви, разорвать связь приходов с епархиальным центром, ослабить церковное единство, превратили священника в наемного работника.

В 1945 г. на Поместном соборе был принят новый Устав РПЦ, который восстановил положение священника на приходе как настоятеля и главы прихода [13]. Однако данная система просуществовала недолго. После войны был создан Совет по делам Русской православной церкви, который имел исключительные полномочия на утверждение назначения церковных старост. Стремясь через лояльных церковных старост и лояльные приходские советы взять власть над каждым приходом, советское руководство решило восстановить систему 1929 г., отстранив священника от управления приходом. Под давлением правительства в 1961 г. в Русской православной церкви была проведена приходская реформа, которая лишила настоятелей права возглав-

лять приходские советы и как-либо влиять на хозяйственную жизнь прихода, оставив в его ведении духовное руководство приходом и причтом [6. С. 69]. Данная реформа вновь поставила священника в положение наемника, подконтрольного приходскому управлению, которое, в свою очередь, было подконтрольно уполномоченным по делам религии, стремившимся расколоть приход и привести приходы к закрытию.

Чтобы исключить возможность господства на приходах лояльных властям старост и приходских советов, в 1988 и 2000 гг. были приняты уставы РПЦ МП, в которых настоятелям храмов предоставлены большие полномочия. Именно настоятель теперь распоряжается имуществом прихода, так как раньше уполномоченные через лояльных церковных старост часто доводили дело до закрытия прихода и передачи приходского имущества в фонд государства. Настоятель теперь представляет приход перед епархиальной и государственной властью.

Вследствие того, что в 1920–1930-е гг. церковь в Советском Союзе подверглась масштабным репрессиям, в ходе которых было убито и отправлено в лагерь и ссылки значительное число священнослужителей и епископам временами нечем было замещать вакантные места на приходах, было также вычеркнуто положение о том, что священнослужители могут быть перемещены на другой приход по собственному желанию либо по суду.

Сокращение полномочий приходского собрания и совета, а также расширение полномочий настоятеля на приходе также вызваны тем, что в 1920-е гг. приходские собрания и советы, получив широкие полномочия на приходах, стали диктовать свои условия настоятелю и, по сути, не только контролировали хозяйственную сферу жизни прихода, но и вторгались в богослужбные и чисто настоятельские вопросы.

В РПЦЗ сложилась иная ситуация. Оказавшись за пределами России без каких-либо материальных средств, духовенство стало очень сильно зависеть от своих прихожан. Поэтому развитая система приходского самоуправления, широкое привлечение прихожан к жизни общины были залогом того, что приход сможет построить храм или арендовать помещение под храм, сможет обеспечить храм всем необходимым. Именно поэтому мнение прихожан, на средства которых всегда все и было создано, учитывалось и при выборе священника на приход, и при организации каких-либо приходских учреждений. Например, в 1953 г. был снят с настоятельства в храме Покрова Божией Матери в Берлине отец Леонид Игнатьев по просьбе прихода, который, к слову, очень долгие годы вообще не имел настоятеля и даже священника. Причина снятия с настоятельства – «либерализм» священника, что не соответствовало, по мнению приходского совета, «требованиям местной обстановки» [14. С. 133]. В итоге Покровская община долгое время оставалась без духовного попечения, но прошение прихожан все равно было выполнено. Не желая терять свои приходы, священноначалие Зарубежной церкви было вынуждено выполнить пожелание прихода.

Сравнивая роль приходского собрания в РПЦ МП и РПЦЗ, диакон Андрей Кураев¹ после поездки в Австралийскую епархию РПЦЗ отметил: «...для меня самое такое интересное впечатление, которое привез из Австралии... это то, что на одном из приходов я держал в руках журнальчик местного прихода и там было сообщение о том, что недавно у них состоялось приходское собрание. И вот главный смысл этого собрания в том, что решали вопрос не простой – какую марку холодильника купить в трапезную. И вот там голоса всех, такая госпожа сказала так, такая так-то. И, конечно, вопрос, в котором все домохозяйки довольно компетентны. Класс энергоэкономичности этого холодильника, вместимость и т.д. И вот приходят к консенсусу – вот такой будем покупать. Что мне в этом нравится, понимаете, в России у прихожан нет права голоса» [15].

Сравнив нормативно-правовые церковные документы обеих ветвей Русской церкви и положения Приходского устава, принятые на Поместном соборе 1917–1918 гг., можно отметить, что Устав был частично реализован в церковной практике Русской православной церкви Московского патриархата и Русской православной церкви за рубежом. Например, сохранилась структура приходского самоуправления в составе приходского собрания, приходского совета, церковного старосты и т.д.; прихожане получили право на участие в управлении приходом совместно с настоятелем; характер деятельности прихода (богослужбной, просветительской, социальной) остался неизменным; приход сохранил живую связь с епархией. При этом прихожане в РПЦ МП лишились права влиять на состав причта, сократились их полномочия в органах приходского самоуправления. И в РПЦ МП, и в РПЦЗ епископ получил больше полномочий на перемещение священнослужителей в другие приходы.

Невозможность полного выполнения положений соборного Приходского устава в РПЦ МП связана с множеством причин, среди которых сложная политическая обстановка в СССР, антицерковная политика советской власти, стремившейся подорвать единство церкви и снаружи и изнутри, авторитарная модель управления в СССР, прерывание соборной традиции после Гражданской войны в России. Развитию приходского самоуправления в РПЦЗ способствовали отсутствие материальной поддержки у церкви за рубежом, материальная зависимость от прихожан священнослужителей зарубежной церкви и демократическая система управления за рубежом, которая была усвоена и русскими эмигрантами. Однако стоит отметить, что сегодня, после восстановления канонического единства между Русской православной церковью Московского патриархата и Русской православной церковью за рубежом, был взят общий церковный курс на реализацию в церковной жизни решений Поместного собора 1917–1918 гг., что дает основание особое внимание обратить на эти судьбоносные для Русской церкви решения.

¹ 22 декабря 2023 г. внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

Список источников

1. Шкаровский М.В. Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг.: его значение в жизни Церкви в советский период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 228–241.
2. Дестивель И. Российская Православная Церковь 1917–1918 годов и принцип соборности // Азбука веры : православная энциклопедия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/ (дата обращения: 09.02.2020).
3. Белянова Н. Поместный Собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство. Религия. Церковь. 2016. № 1 (34). С. 379–403.
4. Нивьер А. Русская церковная эмиграция и Московский Поместный Собор 1917–1918 годов: принятие и применение соборных решений в 1920–1930 годах // Свет Христов просвещает всех : альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2018. № 26. С. 88–110.
5. Свящ. Илия Соловьев. Церковно-приходская жизнь Москвы в начале 1920-х годов // Церковь и время. 2010. № 1 (50). С. 181–240.
6. Сазонов Д.И. Реформа приходского управления Русской православной церкви, принятая на Поместном соборе 1961 года, и её последствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 1. С. 69–73.
7. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. М. : Новоспасский монастырь, 1994. 184 с.
8. Положение о РПЦЗ 1956 г. : утв. определением Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей от 26 сентября 1956 г.; 27 сентября, 28 сентября, 29 сентября и 2 октября 1956 г.; 5 июня 1964 г.; и определением Собора от 30 апреля 2008 г. // Древо : открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/26565.html> (дата обращения: 09.02.2020)
9. Нормальный приходской устав РПЦЗ 1971 г. : утв. определениями Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей 30 июня / 13 июля 1951 г., 15 / 28 апреля 1955 г. и 14 / 27 сент. 1971 г.) // Русская Православная Церковь Заграницей. URL: <https://synod.com/synod/documents/normparishbylaws.html> (дата обращения: 9.02.2020)
10. Устав Русской Православной Церкви Московского Патриархата : принят на Архиерейском Соборе 2000 г. // Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (дата обращения: 09.02.2020).
11. Устав об управлении Русской Православной Церкви 1988 // Древо : открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html> (дата обращения: 09.02.2020).
12. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства : полный сборник декретов РСФСР и СССР, инструкций, циркуляров и т.д. с разъяснениями В отдела НКЮста РСФСР. М. : Юрид. изд-во НКЮста РСФСР, 1924. 404 с.
13. Положение об управлении Русской Православной Церковью 1945 // Древо : открытая православная энциклопедия. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17773.html> (дата обращения: 09.02.2020).
14. Садикова Е.Н. Особенности организации церковной жизни русской эмиграции. По материалам епархиального архива // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. № 2 (22). С. 115–141.
15. Протоиерей Андрей Кураев¹. В России восхищаются тем, что в зарубежье, а в зарубежье наоборот // РПЦЗ. Обзор. 2013. 27 дек. URL: <https://www.rocorstudies.org/2014/05/31/protodiakon-andrej-kuraev-v-rossii-voshishhayus-tem-cto-v-zarubezhe-a-v-zarubezhe-naoborot/> (дата обращения: 09.02.2020).

References

1. Shkarovskiy, M.V. (2017) Vserossiyskiy Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg.: ego znachenie v zhizni Tserkvi v sovetskiy period [All-Russian Local Council 1917–1918: Its significance in the life of the Church in the Soviet period]. *Khristianskoe chtenie*. 6. pp. 228–241.
2. Destivel, I. (n.d.) *Rossiyskaya Pravoslavnaya Tserkov' 1917–1918 godov i printsip sobornosti* [The Russian Orthodox Church of 1917–1918 and the principle of conciliarity]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/ (Accessed: 9th February 2020).
3. Belyanova, N. (2016) Pomestnyy Sobor Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi 1917–1918 gg.: opyt izucheniya v Rossii i za rubezhom [Local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918: Studying in Russia and abroad]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov'*. 1(34). pp. 379–403.
4. Nivier, A. (2018) Russkaya tserkovnaya emigratsiya i Moskovskiy Pomestnyy Sobor 1917–1918 godov: prinyatie i primeneniye sobornykh resheniy v 1920–1930 godakh [Russian church emigration and the Moscow Local Council of 1917–1918: Adoption and application of conciliar decisions in 1920–1930]. *Svet Khristov prosveshchaet vseh*. 26. pp. 88–110.
5. Soloviev, I. (2010) Tserkovno-prikhodskaya zhizn' Moskvy v nachale 1920-kh godov [Church and parish life in Moscow in the early 1920s]. *Tserkov' i vremya*. 1(50). pp. 181–240.
6. Sazonov, D.I. (2014) Reforma prikhodskogo upravleniya Russkoy pravoslavnoy tserkvi, prinyataya na Pomestnom sobore 1961 goda, i ee posledstviya [Reform of the parish administration of the Russian Orthodox Church, adopted at the Local Council in 1961, and its consequences]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 1. pp. 69–73.
7. Anon. (1994) *Sobranie opredeleniy i postanovleniy Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi 1917–1918 gg.* [Collection of definitions and decrees of the Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918]. Moscow: Novospasskiy monastyr'.
8. ROCOR. (1956) *Polozhenie o RPTsZ 1956 g.: utv. opredeleniem Sobora Episkopov Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Zagranitsey ot 26 sentyabrya 1956 g.; 27 sentyabrya, 28 sentyabrya, 29 sentyabrya i 2 oktyabrya 1956 g.; 5 iyunya 1964 g.; i opredeleniem Sobora ot 30 aprelya 2008 g.* [Regulations on the ROCOR 1956: approved. by the determination of the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia dated September 26, 1956; September 27, September 28, September 29 and October 2, 1956; June 5, 1964; and the definition of the Council of April 30, 2008]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/26565.html> (Accessed: 9th December 2020).
9. ROCOR. (n.d.) *Normal'nyy prikhodskoy ustav RPTsZ 1971 g.: utv. opredeleniyami Arkhiereyskogo Sinoda Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Zagranitsey 30 iyunya / 13 iyulya 1951 g., 15 / 28 aprelya 1955 g. i 14 / 27 sent. 1971 g.* [Normal parish charter of the ROCOR, 1971: approved by definitions of the Synod of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia June 30 / July 13, 1951; April 15 / 28, 1955, and September 14 / 27 1971]. [Online] Available from: <https://synod.com/synod/documents/normparishbylaws.html> (Accessed: 9th December 2020).
10. The Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate. (2000) *Ustav Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Moskovskogo Patriarkhata: prinyat na Arkhiereyskom Sobore 2000 g.* [Charter of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate: adopted at the Council of Bishops in 2000]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (Accessed: 9th February 2020).
11. The Russian Orthodox Church. (1988) *Ustav ob upravlenii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi 1988* [Charter on the Management of the Russian Orthodox Church 1988]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html> (Accessed: 9th February 2020).

¹ 22 декабря 2023 г. внесен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

12. Gidulyanov, P.V. (1924) *Otdelenie tserkvi ot gosudarstva: polnyy sbornik dekretov RSFSR i SSSR, instruktsiy, tsirkulyarov i t.d. s raz'yasneniyami V otдела NKУusta RSFSR* [Separation of church and state: A complete collection of decrees of the RSFSR and the USSR, instructions, circulars, etc. with explanations from the Fifth Department of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR]. Moscow: People's Commissariat of Justice of the RSFSR.
13. Russian Orthodox Church. (n.d.) *Polozhenie ob upravlenii Russkoy Pravoslavnoy Tserkov'yu 1945* [Regulations on the management of the Russian Orthodox Church 1945]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/17773.html> (Accessed: 9th February 2020).
14. Sadikova, E.N. (2026) *Osobennosti organizatsii tserkovnoy zhizni russkoy emigratsii. Po materialam eparkhial'nogo arkhiva* [The organization of church life of the Russian emigration. Based on materials from the diocesan archive]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*. 2(22). pp. 115–141.
15. Kuraev, A. (2013) *V Rossii voskhishchayutsya tem, chto v zarubezh'e, a v zarubezh'e naoborot* [In Russia they admire what is abroad, and vice versa in those abroad]. *RPTsZ. Obzor*. 27th December. [Online] Available from: <https://www.rocorstudies.org/2014/05/31/protodiakon-andrej-kuraev-v-rossii-voshishhayus-tem-chto-v-zarubezhe-a-v-zarubezhe-naoborot/> (Accessed: 9th February 2020).

Сведения об авторе:

Тереков Руслан Юрьевич – аспирант кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: r.j.terekov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Terekhov Ruslan Ju. – PhD student at the Department of Russian History and Methods of Teaching History and Social Studies, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: r.j.terekov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 27.08.2021; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 396

doi: 10.17223/19988613/88/10

Женщины в борьбе с голодом в Казанской губернии в 1905–1907 гг.

Анастасия Юрьевна Федотова

Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия, stasi7886@mail.ru

Аннотация. Начало XX в. в истории Российской империи тесно связано с первой революцией, приведшей к росту общественной активности. Спектр женского участия был широк: от революционной борьбы до мирных форм деятельности. Статья посвящена такой форме женского активизма, как благотворительная деятельность. На примере Казанской губернии предпринята попытка показать участие женщин в помощи пострадавшим от неурожая и голода 1905–1907 гг., проанализировать социальный и профессиональный состав участниц.

Ключевые слова: Казанская губерния, 1905–1907 гг., неурожай и голод, женская благотворительность, женская история

Для цитирования: Федотова А.Ю. Женщины в борьбе с голодом в Казанской губернии в 1905–1907 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 81–89. doi: 10.17223/19988613/88/10

Original article

Women in the fight against famine in Kazan Province in 1905–1907

Anastasiya Ju. Fedotova

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation, stasi7886@mail.ru

Abstract. In 1905, in many provinces of the Russian Empire there was a crop failure, which later became the cause of famine of 1905–1907. Kazan Province was among the regions affected by a crop failure. Already in late 1905 – early 1906, first charitable organizations appeared, whose goal was to help the starving population of the Kazan Province. These organizations were created by women, or they took an active part in their work. As a result, the article is dedicated to women's charity in the Kazan Province during the period of harvest failure and famine of 1905–1907.

The study is based on the materials from the collections of the State Archive of the Republic of Tatarstan (GART), the Department of Manuscripts and Rare Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University (ORRC NBL KFU), the Works of the Imperial Free Economic Society, the reports of the Kazan Provincial Land Administration on charitable assistance to the population of Kazan Province affected by the 1906 crop failure, etc. Some of the materials were introduced into scientific circulation for the first time.

Thanks to published and archival materials, the circle of organizations in which women worked, their approximate number, social and professional composition was identified, and a list of women was formed. Thus, the very first organization in Kazan Province was the Committee for Public Assistance to the starving (later the Kazan branch of the Committee for Assistance to the starving at the Imperial Free Economic Society). This organization was created by the Kazan noblewoman N.P. Kupriyanova, but its composition was mixed. Almost exclusively women's organizations were the "University circle of ladies, canteens and bakeries for the starving of Kazan Province" at Kazan Imperial University and the Academic Ladies' Committee to assist affected populations in Kazan Province under the Kazan Spiritual Academy. In addition, women actively participated in the work of the Zemstvo Charity Committee to help the starving population, especially in counties and townships.

Women's social composition included representatives of various estates. Leaders, as a rule, were women of noble origin or intellectuals. Using their own connections and involving in the field, as a rule, teachers, wives of doctors and priests, women benefactors were able to organize help in Kazan province in a fairly short time.

The activities of organizations in which women worked were temporary in nature. Having appeared in the period of acute social problems, they stopped their work due to the improvement of the situation.

Keywords: Kazan Province, 1905–1907, crop failure and famine, women's charity, women's history

For citation: Fedotova, A.Ju. (2024) Women in the fight against famine in Kazan Province in 1905–1907. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 81–89. doi: 10.17223/19988613/88/10

История начала XX в. демонстрирует нам несколько моделей женской активности в российском обществе: участница женской общественной организации, борющаяся за сугубо «женские» права, или женщина-революционерка. В современной российской историографии появляется понятие «новые женщины» / «новый тип женщин» / «женщины “нового типа”» [1–3]. Эти женщины, в отличие от первых двух типов, старались выбирать более миролюбивые формы самореализации. Ярким примером проявления такого женского активизма в России становится участие в помощи пострадавшим от неурожая и голода в период первой русской революции 1905–1907 гг.

В основу исследования легли неопубликованные материалы Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ) и Отдела рукописей и редких книг (ОРРК) Научной библиотеки Казанского федерального университета им. Н.И. Лобачевского, а также бюллетени о деятельности Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе, опубликованные в периодическом издании «Труды Императорского Вольного Экономического общества». Кроме того, привлекались источники личного происхождения.

В период первой русской революции 1905–1907 гг. в некоторых губерниях Российской империи случились неурожай и голод. В ответ на это событие повсеместно начинают создаваться различные благотворительные организации. Они были по своему составу или чисто женскими (или почти чисто женскими), или создавалась женщинами, или женщины принимали в них активное участие.

Одной из первых организаций, открытых в Казанской губернии для помощи пострадавшим от неурожая, был Комитет общественной помощи голодающим. Он начинает свою работу еще в ноябре 1905 г. по инициативе казанской дворянки Натальи Петровны Куприяновой. В начале 1906 г. Комитет в качестве Казанского отделения вошел в состав Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе.

Казанское отделение (руководство) состояло из 16 человек, среди которых было 5 женщин – Н.П. Куприянова (председательница), Е.В. Куприянова (мать Натальи Петровны), Е.С. Васильева, С.А. Орлова, П.А. Дубровина. Родная сестра Н.П. Куприяновой Лидия Петровна Куприянова в апреле–мае 1906 г. состояла секретарем в Санкт-Петербургском Комитете помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе [4. С. 4, 7].

В условиях революции 1905–1907 гг. и в соответствии с «Именным высочайшим указом Правительствующему Сенату о временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г.» любая открывающаяся организация должна была иметь устав и регистрироваться в Губернском по делам об обществах присутствии [5]. Комитет общественной помощи голодающим в Казани был сформирован ранее выхода этого указа, а при превращении его в отделение Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе собственный его устав не

создавался и регистрация не требовалась, так как все это было уже у вышестоящей организации [6].

В телеграммах и письмах от представителей руководства губернии были сформулированы следующие претензии к Комитету и Н.П. Куприяновой: «Комитет общественной помощи, состоявший из членов семьи Куприяновых, открыт был без разрешения», «вредная деятельность Натальи Петровны», «государственное преступление, совершенное братом Натальи Петровны Владимиром Петровичем Куприяновым» [7. Л. 82–83]. В ответ на запрос Канцелярии Губернатора относительно Натальи Петровны казанский полицмейстер сообщил, что ни она, ни ее мать Елизавета Викторовна Куприянова ни в чем предосудительном в политическом отношении, поведении и нравственных качествах не замечались, под судом и следствием не были и ныне не состоят [7. Л. 75–76].

О биографии дворянки и благотворительницы Н.П. Куприяновой (1868–1950) в российской историографии почти нет никаких сведений [8–12]. Согласно Адрес-календарю Казанской губернии за 1903 г. в начале XX в. Н.П. Куприянова вела активную общественную работу в Казани, являясь попечителем XXIV городского начального училища, одной из старшин Общества любителей изящных искусств под Высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством, членом правления Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам Казанской губернии [8. С. 150, 174, 268]. Кроме того, Наталья Петровна была двоюродной сестрой члена Исполнительного комитета «Народной воли» Веры Николаевны Фигнер, которую в это время освободили из Шлиссельбургской крепости. В ссылку она отправилась в родовое имение Никифорово Тетюшского уезда Казанской губернии, где приняла недолгое участие в деле помощи нуждающимся крестьянам [13. С. 109–110]. По воспоминаниям самой В.П. Фигнер, Наталья Петровна в 1905–1907 гг. не в первый раз занималась организацией помощи пострадавшим от неурожая в Казанской губернии [13. С. 24].

По данным источников, в деятельности Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе принимали участие 22 (23) женщины, из них 7 (8) дворянок / помещиц / землевладеллиц, 7 учительниц, 3 медицинских работника (врач и слушательницы курсов), 1 мещанка, о социальном и профессиональном статусе остальных участниц в источниках информации нет (табл. 1).

Весной 1906 г. Казанское отделение в своей деятельности стало встречать немало препятствий со стороны губернской власти, вплоть до закрытия столовых и ареста их служащих [14]. По сохранившейся информации, Елена Константиновна Слободовская и Валентина Владимировна Некрасова оказались арестованными по п. 3 ст. 130 Уголовного Уложения Российской империи за открытие столовых без разрешения¹ [7. Л. 82, 111, 183; 15. С. 18, 20; 16]. Так, В.В. Некрасова, дворянка Орловской губернии, слушательница Петербургских курсов, открывала столовые в деревне Вараны Спасского уезда от Пироговского общества для оказания помощи голодающим. Получив распоряжение выехать,

она это сделала не сразу, а только после открытия нескольких столовых, за что и была арестована, провела в тюрьме около трех месяцев и была выпущена после оправдания Казанской судебной палатой [15. С. 20, 22–24]. Менее удачно сложилась судьба Е.К. Слободской. В феврале 1906 г. она была арестована за открытие столовых в деревне Александровка Казанского уезда. В процессе расследования выяснилось, что настоящая фамилия Елены Константиновны – Ошанина. Училась она в Саратове в фельдшерской школе, но в 1902 г., будучи на третьем курсе, за участие в демон-

страции была осуждена на поселение в Восточную Сибирь. В 1903 г. оказалась на поселении в Енисейской губернии, откуда бежала в 1904 г. и с тех пор находилась на нелегальном положении. В 1906 г. в составе отряда Пироговского общества для оказания помощи голодающим приехала в Казанскую губернию. В июне 1907 г. в письме к Н.Е. Белявской она пишет, что «неизвестно, придется ли мне сидеть 2 года, или меня будут снова судить и отправят на каторгу». К этому времени в тюрьме она находилась более года [15. С. 18; 17].

Таблица 1

Члены Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе

№	ФИО	Социальное происхождение / профессия	Вид деятельности	Дополнительная информация
1	Куприянова Наталья Петровна	Казанская дворянка	Организатор и председательница	Проверялась на благонадежность
2.	Куприянова Елизавета Викторовна	Казанская дворянка	Входила в состав Казанского комитета	Доверенная по имениям П.Н. Фигнер. Проверялась на благонадежность
3.	Орлова Софья Александровна	Жена инженера	Входила в состав Казанского комитета. Заведующая столовой в деревне Верхние Серды Казанского уезда, обследовала нужду в Лаишевском уезде	Проверялась на благонадежность. Принимала участие в неразрешенном собрании, где обсуждались политические вопросы.
4.	Васильева Е.С.	Нет информации	Входила в состав Казанского комитета.	—
5.	Дубровина П.А.	Нет информации	Входила в состав Казанского комитета.	—
6.	Агафонова Екатерина Николаевна	Земская учительница	Заведующая столовой в селе Никифоровка Тетюшского уезда	Проверялась на благонадежность. Была делопроизводителем Никифоровского Волостного Попечительства. Ее работа была отмечена Уездным Уполномоченным Благотворительного Комитета по оказанию благотворительной помощи населению Казанской губернской Земской Управы
7.	Белявская Анна (Нина) Евгеньевна	Дворянка, слушательница Медицинского отделения Высших Женских курсов им. В.И. Герье в Москве	Участие в медицинской помощи и продовольственной помощи в деревне Александровка Казанского уезда	Не являлась непосредственным членом организации. Входила в состав врачебно-продовольственного отряда Комитета Пироговского общества помощи голодающим
8.	Богоявленская	Нет информации	Село Ивановка Цивильского уезда	—
9.	Булыгина О.Н.	Нет информации	Отдельная уполномоченная Казанского комитета	—
10	Геркен Анастасия Ивановна	Дворянка, помещица в Свияжском уезде	Пожертвовала хлеб (?), который раздали бедным крестьянам деревни Курановой, сел Юматова и Бурнашева Свияжского уезда	Не являлась непосредственным членом организации
11.	Дунаева Поликсения Апполоновна	землевладелица	Заведующая детской столовой в деревне Маматово Лаишевского уезда и школьной столовой при Емельяновском земском училище	Проверялась на благонадежность
12.	Кузнецова Марья Ивановна	Учительница Клетневского земского училища Казанского уезда	Собиралась открыть столовую для учеников училища на средства Н.П. Куприяновой	Проверялась на благонадежность
13.	Лебедева Евлампия Ивановна	Учительница Больше-Шемакинского земского училища	Заведовала столовой и раздачей продуктов в селе Большое Шемакино, раздавала муку в 7 соседних деревнях (Большая и Малая Турма, Малое Шемакино, Большое и Малое Бисярино, Тоншерма, Кляшево), Тетюшский уезд	Была заместителем Председателя Больше-Шемакинского Волостного Попечительства. Ее работа была отмечена Уездным Уполномоченным Благотворительного Комитета по оказанию благотворительной помощи населению Казанской губернской Земской Управы
14.	Некрасова Валентина Владимировна	Дворянка Орловской губернии, слушательница Петербургских курсов	Заведующая столовой в Спасском уезде	Входила в состав врачебно-продовольственного отряда Комитета Пироговского общества помощи голодающим. Привлечена к ответственности по п.3 ст. 130 Уголовного Уложения (за открытие столовой) и заключена в тюрьму

Окончание табл. 1

№	ФИО	Социальное происхождение / профессия	Вид деятельности	Дополнительная информация
15.	Распыритина Агафья Георгиевна	Будущая учительница	Заведующая столовой в селе Большое Шемякино Тетюшского уезда	Проверялась на благонадежность
16.	Родионова Екатерина Михайловна	Мещанка, жена управляющего имением в селе Добром (?)	Заведующая столовой в деревне Васильевка	Прибыла из Казани 20 декабря 1905 г. Проверялась на благонадежность
17.	Слободовская (Ошанина) Елена (Евгения) Константиновна	Бывшая ученица фельдшерской школы в Саратове, не окончила	Заведующая столовой в деревне Александровка	За участие в демонстрации в 1902 г. была осуждена на поселение в Восточную Сибирь. В 1904 г. бежала из Енисейской губернии, жила нелегально. В 1906 г. случайно удалось пристроиться к Пироговскому отряду. Привлечена к ответственности по п. 3 ст. 130 Уголовного Уложения (за открытие столовой) и заключена в тюрьму
18.	Степницкая-Куликова М.	Учительница Тугашевского училища Кулаевской волости Казанского уезда	Заведующая столовой	Проверялась на благонадежность
19.	Трефилова (Трофимова?) Лидия Николаевна	учительница	Заведующая столовой в селе Никифоровка Тетюшского уезда	Прибыла из Казани 5 сентября 1905 г. Проверялась на благонадежность
20.	Фёдорова	учительница	Заведующая столовой в Лаишевском уезде	—
21.	Фигнер Вера Николаевна	Дворянка	Раздавала нуждающимся муку для взрослых и пшено для детей, проверяя действительность нужды опросом соседей и местных жителей вообще	Член Исполнительного комитета «Народной воли», провела в Шлиссельбургской крепости 20 лет
22.	Шварцбург (Шварцбург) В.А. (Вера Абрамовна)	врач	Деревня Александровка Казанский уезд	Не являлась непосредственным членом организации. Входила в состав врачебно-продовольственного отряда Комитета Пироговского общества помощи голодающим
23.	Геркен В.П. (Варвара Павловна или Владимир Павлович)	Дворянское происхождение	Отдельный/ая уполномоченный/ая Казанского комитета.	—

Примечание. Составлено по: Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 99. Оп. 1. Д. 41. 228 л.; Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1906–1908 гг. URL: <http://www.domarchive.ru/chronica/284/6>; <http://www.domarchive.ru/chronica/286/3>

Е.К. Слободовская (Ошанина) в деревне Александровке работала вместе Н.Е. Белявской и В.А. Шварцбург (Шварцбург). Им удалось избежать ареста, потому что за неделю до него они заболели друг за другом тифом.

Нина (Анна) Евгеньевна Белявская оставила дневники о своей жизни и поездке на голод в Казанскую губернию. Исходя из ее воспоминаний, в 1905 г. Нина поступила в Санкт-Петербурге в Медицинский институт, но занятия были отменены из-за революции 1905–1907 гг. Осенью 1905 г. в столице состояла в летучем санитарном отряде, в начале декабря уехала в Москву. В 1906 и 1907 гг. от Пироговского общества участвовала в борьбе с эпидемией тифа и в организации столовых для голодающих в Казанской губернии. В 1906–1913 гг. училась в Москве на Медицинском отделении Высших женских курсов им. В.И. Герье [18].

О В.А. Шварцбург (Вера Абрамовна Шварцбург) известно по дневникам Белявской, где можно встретить только инициалы «В.А.» или «Вар. (Вер.) Абр.». В бюллетене № 6 Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе за июнь 1906 г. можно встретить фамилию «Шварцбург» без инициалов [15. С. 18]. Таким образом, эти два источника дают возможность предположить фамилию, имя и отчество женщины-врача. Сама Нина Белявская

приводит в следующую информацию: «12 февраля (1906 г. – А.Ф.) <...> Привезла В.А., поместила ее в больницу. <...> Просит не печатать о ее болезни. А все равно в газетах появится. И никто из нас не знает даже адреса ее родных на всякий случай <...>» [19]. Возможно, это была очень известная женщина-врач, раз о ее болезни могли напечатать в газетах. Скорее всего, она была из Санкт-Петербурга, так как осенью 1906 г. Нина Евгеньевна просила свою сестру, которая поехала в столицу, расспросить свою бывшую однокурсницу о судьбе «В.А.».

Двойственное впечатление по документам складывается о роли Евлампии Ивановны Лебедевой, учительницы Больше-Шемякинского земского училища, в деле помощи голодающим. С одной стороны, в архиве сохранилось письмо Лебедевой земскому начальнику второго участка Н.Я. Горемыкину от 22 января 1906 г. о том, что ей неизвестно, на какие средства открывает Н.П. Куприянова столовую и есть ли разрешение на ее открытие, а сама она отказывается от заведывания ею [7. Л. 2]. Причина отказа в источнике не указана, а само письмо, возможно, является формальным ответом на официальный запрос. Такой вывод напрашивается, так как Наталья Петровна Куприянова в своем отчете «О продовольственной помощи в Тетюшском уезде

Казанской губернии в 1905–1908 году» пишет, что «большую помощь оказала мне учительница с. Большого Шемякина Е.И. Лебедева, которая не только заведовала столовой и раздачей продуктами в своем селе, но взяла на себя труд раздачи муки в 7 соседних деревнях» [20. С. 21]. К сожалению, о других участницах Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе более ничего не известно.

В ноябре 1906 г. в состав Казанского отделения Комитета входит «Университетский кружок дам, устроительниц столовых и пекарен для голодающих Казанской губернии», организованный женами профессоров Казанского императорского университета [21. Л. 16]. Данная организация не имела официально закрепленного названия. В документах используются различные варианты: «Университетский кружок дам, устроительниц столовых и пекарен для голодающих Казанской Губернии», «Казанский Университетский кружок по организации помощи голодающим», «Казанский благотворительный Профессорский кружок» [21. Л. 10, 10 об., 38].

В Организационное бюро Университетского кружка вошли следующие дамы: М.Ф. Польнова, Е.Г. Пионтковская, М.В. Савченко, Е.П. Михайлова, Е.А. Аргутинская-Долгорукова, Н.Я. Литвинова. Из членов Кружка были сформированы четыре комиссии:

- 1) продовольственная – Е. Праксина, Е. Гольдгаммер, Н. Литвинова, Е. Аргутинская-Долгорукова, Е. Клепцова, А. Казем-Бек, Н. Вацуро, Рожковская, Е. Ульянина, А. Миславская, А. Агабабова;

- 2) ревизионная – О.Г. Деревницкая (жена Попечителя Казанского учебного округа) и К. Кандаратская;

- 3) по организации лотереи – Е.Г. Пионтковская и М.И. Богданова;

- 4) для приема пожертвований вещами – Н.Я. Литвинова, А.В. Миславская, Черепихина [21. Л. 16, 46, 17, 76–76 об.].

По мере расширения деятельности число членов Кружка увеличивалось. Исходя из протоколов заседаний и отчетов Университетского кружка, в его работе принимали участие около 95 женщин, из которых 23 являлись непосредственными членами организации [21. Л. 69], а остальные вносили ежемесячные членские взносы, пожертвования деньгами, сотрудничали на местах [21. Л. 16, 46, 17, 76–76 об.].

Университетский кружок не встречал препятствий в своей деятельности, хотя фактически входил в состав Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе. Кружок развернул свою работу по открытию столовых и пекарен в Казанском и Тетюшском уездах Казанской губернии [21. Л. 18–20].

В это же время самостоятельную работу в деле помощи ведет Академический дамский комитет по оказанию помощи пострадавшему от неурожая населению Казанской губернии, открытый под председательством супруги инспектора Казанской духовной академии Р.Н. Виноградовой. В отличие от предыдущих организаций Комитет получил разрешение на свою работу от начальника губернии 18 ноября 1906 г. Кроме Р.Н. Ви-

ноградовой в состав Дамского комитета вошли В. Благовидова, А. Вознесенская, П. Егорова, А. Малова, О. Никольская, М. Писарева, В. Покровская, Е. Преображенская, Л. Протопопова, О. Терновская. За счет отчислений из жалованья профессоров и служащих духовной академии, миссионерских курсов и разных пожертвований были открыты 10 столовых и 2 пекарни в Казанской губернии, производилась выдача муки. Отдельно оказывалась помощь лицам духовного звания [22. Л. 28 об., 29; 23].

Не остались в стороне и органы местного самоуправления – земства. Параллельно с Губернским Присутствием, в функции которого входили продовольственные вопросы, Губернские земства весной–летом 1906 г. начали работу по выяснению масштаба будущего неурожая. На Съезде представителей всех губернских земств было принято решение создать на местах – в губерниях, уездах и волостях – специальные благотворительные организации во главе с уполномоченными. В Казанской губернии Губернское собрание выбрало уполномоченного губернского земства по оказанию благотворительной помощи населению, который должен был работать вместе с губернской управой. Кроме того, была выбрана особая Комиссия в составе 24 человек, из членов которой был сформирован Благотворительный Комитет. Далее по губернии образовались уездные благотворительные комитеты и волостные попечительства. Организационная работа завершилась осенью 1906 г., поэтому к оказанию помощи приступили только в конце октября – начале ноября [24. С. 4, 7–9]. Если губернские Комиссия и Благотворительный Комитет были чисто мужскими по своему составу, то в уездах и волостях женщины принимали активное участие. Некоторые уездные уполномоченные составляли список тех, чье участие в благотворительной работе заслуживало особого одобрения. Среди общего числа лиц нашли отражение в отчетах имена порядка 44 женщин, в основном учительниц, врачей, жен врачей и священников (табл. 2). Как отмечает сама Казанская Губернская Земская Управа, иногда женщины-учительницы брали на себя обязанности председателей волостных попечительств [24. С. 12]. Так, Н.П. Граве, дворянка и землевладелица Лаишевского уезда, была председателем Черемышского волостного попечительства. Кроме того, исходя из документов, одна женщина была заместителем председателя (Тетюшский уезд), 7 – членами попечительства (Мамадышский уезд), 3 – делопроизводителями (2 в Тетюшском уезде, 1 в Чистопольском уезде) [24. С. 41, 43–46, 50–54, 60–64].

Земские организации часто сотрудничали с теми, кто работал с частными благотворителями. Например, столовые Алькеевской волости в Тетюшском уезде были под наблюдением уполномоченной Университетского кружка дам, устроительниц столовых и пекарен для голодающих Казанской Губернии Ю. Буйновской [21. Л. 22]. В то же время ее работа и работа ее мужа земского врача А.А. Буйновского по заведыванию столовыми, открытыми на частные пожертвования в Чистопольском уезде, получили особую отметку со стороны уездного уполномоченного [24. С. 106].

Таблица 2.

Женщины из общего числа лиц, принимавших участие в благотворительной помощи в различных уездах Казанской губернии

№	ФИО	Социальное происхождение / профессия
Уезд Мамадышский		
1.	Лаврова О.В.	Врач
2.	Сретенская	Учительница, член попечительства
3.	Прокофьева Е.М.	Жена священника, член попечительства
4.	Яковлева Е.И.	Учительница, член попечительства
5.	Рылова М.В.	Учительница, член попечительства
6.	Милорадова А.И.	Учительница, член попечительства
7.	Архангельская Е.А.	Род деятельности не указан, член попечительства
8.	Матвеева Е.Н.	Учительница, член попечительства
9.	Скворцова В.Н.	Учительница, член попечительства
10.	Щербакова О.Н.	Род деятельности не указан
11.	Григорьева С.Н.	Род деятельности не указан
12.	Ильгевич Екатерина Евгеньевна	Дворянка
13.	Октавия Рудольфовна Ильгевич	Дворянка
Уезд Свияжский		
14.	Доринская Мария Ивановна	Учительница села Юматова
15.	Галактионова Мария Федоровна	Учительница села Ивановского
16.	Есипова П.И.	Землевладелица
Уезд Спасский		
Нет поименного списка. В работе принимали активное участие учительницы		
Уезд Тетюшский		
18.	Дворецкая Ирина Михайловна	Учительница Антоновского земского училища, делопроизводитель
19.	Агафонова Е.Н.	Учительница, делопроизводитель Никифоровского Волостного Попечительства
20.	Лебедева Е.И.	Заместитель Председателя Больше-Шемакинского Волостного Попечительства, заведующая столовой
Уезд Цивильский		
21.	Курбатова Прасковья Михайловна	Род деятельности и социальное происхождение не указаны. С мужем Курбатовым С.В. предоставили безвозмездно свой дом в г. Цивильске для открытия столовой
В работе принимали активное участие учительницы		
Уезд Чебоксарский		
22.	Четаева О.И.	Учительница
23.	Кочергина И.Н.	Учительница
24.	Сергеева Ф.А.	Учительница
25.	Смелова Н.Л.	Учительница
Уезд Чистопольский		
26.	Козлова Е.Ф.	Учительница
27.	Козова А.Ф.	Учительница
28.	Сперанская В.И.	Учительница с. Утяшкина
29.	Горюнова А.П.	Учительница с. Урганчи
30.	Петрова В.П.	Учительница с. Тавалей
31.	Смолькова А.П.	Род деятельности и социальное происхождение не указаны
32.	Горбунова Агр.	Учительница д. Новочувашского Адама
33.	Троицкая А.А.	Учительница
34.	Малышева П.О.	Учительница сл. Петропавловской
35.	Юзеева З.О.	Учительница
36.	Дьячкова А.Г.	Учительница сл. Екатерининской
37.	Кувалдина Е.П.	Жена священника с. Эштебенкина
38.	Мельникова А.А.	Учительница д. Кульбаевой Марасы
39.	Клюева Анна	Учительница пригор. Старо-Шешминска
40.	Тавельская Валентина	Учительница
41.	Тимофеева Екатерина	Учительница
42.	Буйновская Ю.В.	Жена земского врача
43.	Михайлова А.И.	Делопроизводитель Старо-Максимкинского Волостного Попечительства
Уезд Казанский		
Нет поименного списка. В работе принимали активное участие учительницы. Были приняты на работу 2 фельдшер-акушерки		
Уезд Козьмодемьянский		
Нет поименного списка. В работе принимали активное участие учительницы		
Уезд Лаишевский		
44.	Граве Н.П.	Дворянка, местная землевладелица, председатель Черемышевского волостного попечительства
В работе принимали активное участие учительницы. Были приняты на работу 3 фельдшер-акушерки		
Уезд Царевококшайский		
Нет поименного списка. Ученическими столовыми заведовали учительницы и учителя		
Уезд Ядринский		
Нет поименного списка. В работе принимали активное участие учительницы. Была принята на работу сестра милосердия		

Примечание. Составлено по: Отчет Казанской Губернской Земской управы по благотворительной помощи населению Казанской губернии пострадавшему от неурожая в 1906 г. Казань : Типо-лит. И.В. Ермолаевой (бывш. Ключникова), 1908. Ч. 1.

В Тетюшском уезде делопроизводитель Никифоровского волостного попечительства Екатерина Николаевна Агафонова и заместитель председателя Больше-Шемякинского волостного попечительства Евлампия Ивановна Лебедева одновременно являлись сотрудниками Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе и заведовали столовыми сел Никифоровка и Больше-Шемякино и близлежащих деревень [7. Л. 2, 5–7; 24. С. 52–53]. К концу 1907 – середине 1908 г. в связи с улучшением продовольственной ситуации в Казанской губернии деятельность основных организаций, в работе которых принимали участие женщины, подходит к концу.

Женская благотворительность в Казанской губернии в 1905–1907 гг. принимала различные формы: создание благотворительных организаций, открытие бесплатных столовых и пекарен, раздача продуктов и семенного материала, оказание медицинской помощи, трудовая помощь, сбор и раздача пожертвований. Деятельность организаций, в которых работали женщины, носила временный характер. Они появлялись в период острых социальных проблем и с улучшением ситуации исчезали. Несмотря на это, благотворительность в ос-

новной своей массе носила институциональный характер. Различные комитеты, возникающие в это время, были организационно оформлены, имели руководителей, проводили заседания, вели финансовую отчетность.

Социальный состав женщин охватывал представителей различных сословий. Руководителями, как правило, были женщины дворянского происхождения или представительницы интеллигенции. Это давало широкие возможности по привлечению пожертвований в масштабах не только Казанской губернии, но и Российской империи в целом. Среди тех, кто работал на местах (уезды, волости, села и деревни), наибольшую активность проявили учительницы. Скорее всего, одной из причин данного явления было то, что столовые открывались обычно при школах.

Таким образом, можно сделать вывод об активном участии женщин в общественной жизни в условиях социально-экономического кризиса в Казанской губернии в начале XX в. Высокая степень самоорганизации, быстрое реагирование на изменение ситуации, использование собственных связей и опыта говорят о социальной зрелости и значительной включенности женщин в общественно-политическую жизнь государства в начале XX в.

Примечание

¹ В редакции 1903 г. Уголовного Уложения по ст. 130 привлекались «виновные в распространении, непублично, учений или суждений, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению в государстве существующего общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти; 4) к учинению тяжкого, кроме указанного выше, преступления...» См.: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_uloenie_1903_goda.pdf

Список источников

- Юкина И.И. «Новые» женщины: мотивы участия в женском движении // Российские женщины и европейская культура : материалы V конф., посвящ. теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб. : С.-Петербург. философское о-во, 2001. С. 118–126.
- Добрынина А.М., Котлова Т.Б., Яковлева И.И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (к вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX–XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25.
- Меньшикова Е.Н., Семенов М.Ю. Конструирование репрезентативного образа женщины «нового типа» конца XIX – начала XX века // Историческая психология и социология истории. 2014. № 2. С. 117–131.
- Отчет Комитета по оказанию помощи голодающим, состоявшего при Императорском Вольном экономическом Обществе // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1908. № 1–2 (январь–апрель). Т. 1. С. 2–7.
- Именной высочайший указ Правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/> (дата обращения: 01.08.2020).
- Список обществ, зарегистрированных Казанским губернским по делам об обществах присутствием // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1. 20 л.
- Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 99. Оп. 1. Д. 41. 228 л.
- Адрес-календарь : памятная книжка на 1903 г. Казанской губернии / под ред. Д.П. Малова. Казань : Изд. Казанского Губернского Статистического комитета, 1903. XXX, 299, 159, 64, 2, IV, 43 с.
- Жукова Е.Д. На полках старинного шкафа : семейная хроника. М. : Политиздат, 1990. 319 с.
- Книга памяти жертв политических репрессий. Казань : Книга памяти, 2003. Т. 7. 472 с.
- Ялтаев Д.А., Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Полицейский контроль над благотворительностью в казанской губернии в начале XX века // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 75–77.
- Федотова А.Ю. В борьбе за право на благотворительность: помощь Н.П. Куприяновой пострадавшим от неурожая 1906–1907 гг. в Казанской губернии // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2016. № 1/2. С. 157–163.
- Фигнер В. Избранные произведения : в 3 т. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. Т. 3: После Шлиссельбурга. 251 с.
- Федотова А.Ю. Деятельность Казанского отделения Комитета помощи голодающим при Императорском Вольном экономическом обществе (краткий обзор) // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике : материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989), Ижевск, 7–8 ноября 2019 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов, Д.В. Репников. Ижевск : Удмуртский университет, 2019. С. 169–177.
- Бюллетень № 6 от 15 июня 1906 г. // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1906. Т. 1–3 (январь–июнь).
- Уголовное Уложение 1903 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_uloenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 01.08.2020).
- Белявская Н.Е. 1906–1907. Голод в России. Поездки Н.Е. Белявской «на голод». Зима 1907 года. URL: <https://www.domarchive.ru/chronica/286/3> (дата обращения: 01.08.2020).
- Семейный архив : публикация документов. URL: <http://www.domarchive.ru> (дата обращения: 01.08.2020).
- Белявская Н.Е. 1906–1907. Голод в России. Поездки Н.Е. Белявской «на голод». Зима 1906 года. URL: <http://www.domarchive.ru/chronica/286/2> (дата обращения: 01.08.2020).

20. О продовольственной помощи в Тетюшском уезде Казанской губернии в 1905–1908 гг. // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1906. № 4-5 (июль–октябрь). Т. 2. С. 16–25.
21. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Ед. хр. 2564.
22. Академический дамский комитет по оказанию помощи пострадавшему от неурожая населению Казанской губернии за 1906–1907 гг. // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10885а.
23. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1907–1908 учебный год. Казань : Центр. тип., 1908. 49 с.
24. Отчет Казанской Губернской Земской управы по благотворительной помощи населению Казанской губернии, пострадавшему от неурожая в 1906 г. Казань: Типо-лит. И.В. Ермолаевой (бывш. Ключникова), 1908. Ч. 1. [3], IV, 107, 129, [5] с.

References

1. Yukina, I.I. (2001) "Novye" zhenshchiny: motivy uchastiya v zhenskom dvizhenii ["New" women: Motives for participation in the women's movement]. In: Tishkin, G.A. (ed.) *Rossiyskie zhenshchiny i evropeyskaya kul'tura* [Russian women and European culture]. St. Petersburg: St. Petersburg. Philosophical Society. pp. 118–126.
2. Dobrynina, A.M., Kotlova, T.B. & Yakovleva, I.I. (2005) Tsennostnyy podkhod v konkretno-istoricheskikh issledovaniyakh (k voprosu o formirovani novogo tipa zhenshchiny v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov) [A value approach in concrete historical research (on the formation of a new type of woman in Russia at the turn of the 20th century)]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 1-2. pp. 11–25.
3. Menshikova, E.N. & Semenov, M.Yu. (2014) Konstruirovaniye reprezentativnogo obraza zhenshchiny "novogo tipa" kontsa XIX – nachala XX veka [The construction of a representative image of a "new type" woman of the late 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2. pp. 117–131.
4. The Imperial Free Economic Society. (1908) Otchet Komiteta po okazaniyu pomoshchi golodayushchim, sostoyavshego pri Imperatorskom Vol'nom ekonomicheskom Obshchestve [Report of the Committee for Famine Relief, which was part of the Imperial Free Economic Society]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva*. 1. pp. 2–7.
5. Russia. (n.d.) *Imennoy vysochayshiy ukaz Pravitel'stviyushchemu senatu o vremennykh pravilakh ob obshchestvakh i soyuzakh ot 4 marta 1906 g.* [Imperial edict to the Governing Senate on temporary rules on societies and unions dated March 4, 1906]. [Online] Available from: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/> (Accessed: 1st August 2020).
6. The State Archive of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Spisok obshchestv, zaregistrirovannykh Kazanskim gubernskim po delam ob obshchestvakh prisutstviem* [The list of societies registered by the Kazan provincial office for affairs of societies]. Fund 411. List 1. File 1. 20 l.
7. The State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 99. List 1. File 41. 228 l.
8. Malov, D.P. (1903) *Adres-kalendar': pamyatnaya knizhka na 1903 g. Kazanskoy gubernii* [Address-calendar: A memorial book for 1903]. Kazan: Kazan Provincial Statistical Committee.
9. Zhukova, E.D. (1990) *Na polkakh starinnogo shkafa: semeynaya khronika* [On the shelves of an antique closet: A family chronicle]. Moscow: Politizdat.
10. Anon. (2003) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy* [The Remembrance Book for the Victims of Political Repression]. Vol. 7. Kazan: Kniga pamyati.
11. Yaltaev, D.A., Ayplatov, G.N. & Ivanov, A.G. (2012) Politseyskiy kontrol' nad blagotvoritel'nost'yu v kazanskoy gubernii v nachale XX veka [Police control over charity in the Kazan province in the early twentieth century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 1. pp. 75–77.
12. Fedotova, A.Yu. (2016) V bor'be za pravo na blagotvoritel'nost': pomoshch' N.P. Kupriyanovoy postradavshim ot neurozhaya 1906–1907 gg. v Kazanskoy gubernii [In the fight for the right to charity: Help from N.P. Kupriyanova to those affected by the crop failure of 1906–1907 in the Kazan province]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 1/2. pp. 157–163.
13. Figner, V. (1933) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: The Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers.
14. Fedotova, A.Yu. (2019) Deyatel'nost' Kazanskogo otdeleniya Komiteta pomoshchi golodayushchim pri Imperatorskom Vol'nom ekonomicheskom obshchestve (kratkiy obzor) [Activities of the Kazan branch of the Committee for Famine Relief at the Imperial Free Economic Society (a brief survey)]. In: Puzanov, V.V. & Repnikov, D.V. (eds) *Aktual'nye problemy regional'noy istorii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istoricheskoy dinamike* [Current problems of regional history: Relationships between the center and regions in historical dynamics]. Izhevsk: Udmurt State University. pp. 169–177.
15. Anon. (1906) Byulleten' № 6 ot 15 iyunya 1906 g. [Bulletin No. 6 of June 15, 1906]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva*. 1-3.
16. The Republic of Belarus. (1903) *Ugolovnoe Ulozhenie 1903 g.* [The Criminal Code of 1903]. [Online] Available from: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozhenie_1903_goda.pdf (Accessed: 1st August 2020).
17. Belyavskaya, N.E. (n.d.) *1906–1907. Golod v Rossii. Poezdki N.E. Belyavskoy "na golod."* *Zima 1907 goda* [1906–1907. Famine in Russia. Trips of N.E. Belyavskaya "for hunger." The winter of 1907]. [Online] Available from: <https://www.domarchive.ru/chronica/286/3> (Accessed: 01.08.2020).
18. Mikhailova, N.M. (ed.) (n.d.) *Semeynyy arkhiv: publikatsiya dokumentov* [The Family Archive: The publication of documents]. [Online] Available from: <http://www.domarchive.ru> (Accessed: 1st August 2020).
19. Belyavskaya, N.E. (n.d.) *1906–1907. Golod v Rossii. Poezdki N.E. Belyavskoy "na golod."* *Zima 1906 goda* [1906–1907. Famine in Russia. Trips of N.E. Belyavskaya "for hunger." Winter 1906]. [Online] Available from: <http://www.domarchive.ru/chronica/286/2> (Accessed: 1st August 2020).
20. Anon. (1906) O prodovol'stvennoy pomoshchi v Tetyushskom uезде Kazanskoy gubernii v 1905–1908 gg. [About food aid in Tetyushsky district of Kazan province in 1905–1908]. *Trudy Imperatorskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo obshchestva*. 4-5(2). pp. 16–25.
21. The Department of Manuscripts and Rare Books of the Research Library of Kazan Federal University. File 2564.
22. The State Archive of the Republic of Tatarstan. (n.d.) *Akademicheskii damskiy komitet po okazaniyu pomoshchi postradavshemu ot neurozhaya naseleniyu Kazanskoy gubernii za 1906–1907 gg.* [Academic Ladies' Committee to provide assistance to the population of the Kazan province affected by crop failure in 1906–1907]. Fund 10. List 1. File 10885a.
23. The Kazan Theological Academy. (1908) *Otchet o sostoyanii Kazanskoy dukhovnoy akademii za 1907–1908 uchebnyy god* [Report on the state of the Kazan Theological Academy for 1907–1908]. Kazan: Tsentr. tip.
24. The Kazan Provincial Zemstvo Administration. (1908) *Otchet Kazanskoy Gubernskoy Zemskoy upravly po blagotvoritel'noy pomoshchi naseleniyu Kazanskoy gubernii, postradavshemu ot neurozhaya v 1906 g.* [Report of the Kazan Provincial Zemstvo Administration on charitable assistance to the population of Kazan province who suffered from crop failure in 1906]. Vol. 1. Kazan: I.V. Ermolaeva (ex. Klyuchnikova).

Сведения об авторе:

Федотова Анастасия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения Высшей школы международных отношений и мировой истории Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: stasi7886@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fedotova Anastasia Ju. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National History and Archival Studies, Higher School International Relations and World History, Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: stasi7886@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 21.10.2020; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 930:001.32:622.323(470.1)"18/19"

doi: 10.17223/19988613/88/11

Роль Геологического комитета России в научном изучении Ухтинского нефтеносного района

Татьяна Петровна Филиппова

Коми научный центр Уральского отделения РАН, Сыктывкар, Россия, tanya.tatiana-fil@yandex.ru

Аннотация. На основе широкого круга архивных и опубликованных источников рассмотрена экспедиционная деятельность Геологического комитета России, развернувшаяся в Ухтинском районе в конце XIX – начале XX в. В результате этих изысканий были проведены первые комплексные научные исследования данной территории, включавшие подробное геологическое изучение, поиск месторождений нефти, оценку ее промышленных перспектив. Сделан вывод, что исследованиями ученых комитета был заложен фундаментальный базис в изучение Ухтинского нефтеносного района, что предопределило его большое государственное значение.

Ключевые слова: освоение Европейского Северо-Востока России, Геологический комитет, история науки, Ухта, нефтяные месторождения

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания по теме НИР № 122040600068-9 «Изучение северных территорий европейской России: формирование научных сообществ».

Для цитирования: Филиппова Т.П. Роль Геологического комитета России в научном изучении Ухтинского нефтеносного района // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 90–96. doi: 10.17223/19988613/88/11

Original article

The role of the Geological Committee of Russia in the scientific study of the Ukhta oil-bearing area

Tatyana P. Filippova

*Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktывkar, Russian Federation, tanya.tatiana-fil@yandex.ru*

Abstract. The conducted research draws attention to learning the experience of national science in the exploration of the northern and Arctic territories of Russia. One of the organizations that made a significant contribution to the scientific study of the North was the Geological Committee, created in 1882 as part of the Mining Department of the Ministry of State Property. The activity of the Geological Committee marked the beginning of systematic geological surveys of the Russian territory. This research based on a wide range of sources analyzes the role of the Geological Committee in the study of the Ukhta oil-bearing area. To date, this problem has not been the subject of separate studies. The identified documentary sources – archival documents of the fund No. 58 "The Geological Committee under the Mining Department" of the Russian State Historical Archive, as well as the published works of geologists (monographs, reports and articles in periodicals) have made it possible to conduct a detailed analysis of the activities of the Geological Committee in the study of the Ukhta oil-bearing area and determine its historical significance. The chronological framework of the study covers the period of the existence of the Geological Committee from 1882 to 1929. During the designated period, the expedition activity of the employees of the Geological Committee (F.N. Chernyshev, P.I. Polevoy, N.N. Yakovlev, A.N. Zamyatin, K.P. Kalitsky, etc.) was developed in the Ukhta district and resulted in the first comprehensive scientific research of this territory. The scientists conducted a detailed geological study of the area, the search for oil fields, and the assessment of their industrial prospects. As a result of the Committee's research, new information about the features of the geological and orographic structure of the Ukhta oil-bearing area was obtained, stratigraphy and tectonics were established, detailed maps were compiled, and the prospects of oil-bearing capacity were substantiated. Scientists of the Geological Committee published the first major works on the Ukhta oil-bearing area, which are still considered classics in geological science. These works not only contained the results of expedition work but also put forward for discussion important socio-economic problems that could hinder the further prospective development of the European North-East of Russia (lack of roads, sparse population, etc.). The study concludes that the research of the Geological Committee laid the fundamental basis for the study of the Ukhta oil-bearing area, uncovering it as a territory with a high resource potential and prospects for the country's economy, which predetermined the further history of its development and great state significance.

Keywords: exploration of the European North-East of Russia, Geological Committee, history of science, Ukhta, oil fields

Acknowledgements: The article was prepared in order to complete a government assignment on the topic of scientific research work №122040600068-9 “Studying the northern areas of the European part of Russia: formation of scientific communities”.

For citation: Filippova, T.P. (2024) The role of the Geological Committee of Russia in the scientific study of the Ukhta oil-bearing area. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 90–96. doi: 10.17223/19988613/88/11

«Нефтяной колыбелью» России по праву является ее европейский северо-восток. Он занимает обширное пространство на карте страны – от правобережья р. Северной Двины на западе до Уральского хребта на востоке, от Северных Увалов на юге до побережья Баренцева моря на севере. В административном плане он включает Республику Коми, Ненецкий автономный округ и восточную часть Архангельской области. Это один из богатых ресурсных регионов России, располагающийся в арктической и приарктических зонах. На его территории находится крупнейшая в стране Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция. В настоящее время здесь известно свыше 180 нефтяных и газовых месторождений. Благодаря высокому ресурсному потенциалу данный регион находится в поле зрения ученых уже несколько столетий. Российская наука накопила богатый исторический опыт исследований этой территории, который берет свое начало с научного изучения Ухтинского нефтеносного района, где располагаются первые известные в России месторождения нефти. Обращение к изучению этого опыта актуально в нынешних условиях. С одной стороны, подобные исследования привлекают внимание к уникальности северных и арктических территорий, еще раз напоминая современному поколению о сложности их освоения. С другой стороны, проблемы, возникающие в процессе освоения этих территорий сегодня, связанные со снижением темпов добычи сырья и трудностями использования и воспроизводства минерально-сырьевой базы этой территории, вытекают из предыдущих исторических периодов. Поэтому осмысление опыта прошлого актуально для решения современных проблем и поиска путей выхода из кризисных состояний.

Первые свидетельства о наличии нефтяных месторождений на территории России относятся к XV–XVI вв., когда в Двинской летописи и в сообщениях местных жителей сообщалось о масляных пятнах на поверхности р. Ухты. В 1745 г. архангельским купцом Ф. Прядуновым на р. Ухте был открыт единственный на тот период в мире небольшой нефтеперегонный завод. Появление первых научных фактов об этой территории можно отнести к концу XVIII в. Академик И.И. Лепехин в результате своего путешествия на Север России в 1768–1774 гг. сообщил о наличии здесь полезных ископаемых, в том числе и об использовании местными жителями нефти в районе р. Ухты [1]. Специальная геологическая экспедиция на Европейский Северо-Восток России состоялась в 1843 г. под руководством геолога А.А. Кейзерлинга. В результате проведенных изысканий он представил подробные сведения о геологическом строении Печорского края и составил первое научное описание нефтеносной площади в районе р. Ухты [2]. Результаты экспедиции фактически стали сенсационными и пробудили интерес прави-

тельства и научного сообщества к этой территории. В 1847–1850 гг. экспедиция Русского географического общества под руководством Э.К. Гофмана продолжила исследования ресурсного потенциала данных территорий [3].

В связи с бурным развитием машиностроения, техники и энергетики внимание к нефтяным месторождениям Севера усиливается во второй половине XIX в. В 1860–1870-е гг. добычу нефти на р. Ухте пытался начать сибирский промышленник М.К. Сидоров. Предприниматель планировал прокладку торгового пути, соединяющего устья рек Енисей, Обь и Печора, в качестве топлива предполагалось использовать ухтинскую нефть. Проект М.К. Сидорова стал первым трансарктическим планом освоения Северного морского пути с использованием богатых ресурсов Севера России. В 1868 г. ему было выдано разрешение на добычу нефти, однако небольшой объем полученной нефти и труднодоступность района нефтедобычи послужили причиной закрытия промысла [4].

Несмотря на отдельные изыскания в XIX в., к концу века Европейский Северо-Восток России представлял собой малоизученную в геологическом отношении территорию. Однако потребности экономики страны с углублением процессов индустриализации подталкивали правительство к организации детальных исследований отдаленных территорий, обладающих ресурсным потенциалом. Эту задачу был призван решить созданный в 1882 г. в составе Горного департамента Министерства государственных имуществ Геологический комитет. Он стал первой в истории России государственной геологической службой, организованной для проведения систематических исследований территории страны. За период своего существования (1882–1929) Геологическим комитетом были осуществлены масштабные работы: закартирована большая часть территории страны, проводились исследования в области стратиграфии и палеонтологии, петрографии и литологии, тектоники и палеографии. Одним из приоритетных направлений в деятельности комитета по обследованию территории России стало изучение потенциала Тиманского кряжа и располагающегося здесь Ухтинского нефтеносного района, в подробном изучении которого было заинтересовано государство [5]. Несмотря на внимание историков к проблеме истории освоения Ухтинского нефтеносного района [6, 7], деятельность Геологического комитета по изучению этой территории остается сегодня малоизученной. До настоящего времени документальное наследие ученых комитета по данной проблематике исследовалось фрагментарно и не введено полностью в научный оборот.

Основой проведенного исследования стали источники о деятельности Геологического комитета, сохранившиеся в фонде № 58 «Геологический комитет при Горном департаменте» Российского государственного

исторического архива (РГИА). В составе фонда сохранились уникальные документы о работе ученых комитета в конце XIX – начале XX в. (рукописи трудов, экспедиционные дневники, карты, отчеты, переписка). Важным для проведенного исследования стало изучение опубликованного наследия ученых (монографии, отчеты и статьи в периодических изданиях). Выявленные документы позволили провести подробный анализ деятельности Геологического комитета по изучению Ухтинского нефтеносного района и определить ее историческое значение.

В 1889–1890 гг. состоялась первая экспедиция Геологического комитета на Европейский Северо-Восток России, которая получила название Тиманская. Она была организована по ходатайству архангельского губернатора Н.Д. Голицына, озабоченного тяжелым экономическим положением подчиненной ему территории. Целью экспедиции стали геологическое изучение Печорского края и определение возможности промышленной эксплуатации найденных здесь месторождений полезных ископаемых. Для реализации этого научного мероприятия и публикации результатов Горным департаментом Геолкому была ассигнована сумма в размере 7 000 руб. [8. Л. 2–5]. Руководство было возложено на геолога Ф.Н. Чернышева, который горячо поддержал эту идею. В изучении Севера ученый видел стратегическую задачу закрепления роли России в Арктике [9. Л. 16–21]. В состав экспедиции были включены астроном О.А. Баклунд, горный инженер Н.О. Лебедев, топограф Д.Е. Сергеев. В течение двух лет участники экспедиции обследовали огромное пространство (свыше 150 тыс. кв. верст, или 170 тыс. кв. км) от верховьев Вычегды до Северного Ледовитого океана. Экспедиция изучила весь Тиманский кряж в геологическом отношении. Ф.Н. Чернышевым была составлена орографическая схема строения Тимана [10. Л. 5–6]. Одной из задач экспедиции являлось уточнение сведений о наличии полезных ископаемых, прежде всего нефти.

За первый год экспедиции Ф.Н. Чернышев и его спутники обследовали Ухтинский нефтеносный район. Задачи экспедиции в связи с нехваткой финансовых средств ограничились только выяснением области развития нефтяных источников и горизонтов их выхода. В рамках этих исследований учеными были подробно рассмотрены все выходы нефти на поверхность. На реках Ухте и Чути было заложено четыре буровых скважины. Разведка проводилась небольшими шурфами с помощью ручного бура. Более сложный буровой инструмент, по отзывам участников экспедиции, доставить в этот район не представлялось возможным [11. С. 15–16].

Ф.Н. Чернышев также осмотрел места разведочных работ купца М.К. Сидорова, сделав вывод о причинах неудавшегося проекта предпринимателя: «...В шестидесятых и семидесятых годах нынешнего столетия источники по Ухте сданы были в отвод купцу Сидорову. Каковы результаты его работ – сказать теперь, за смертью г. Сидорова, трудно. Я могу только сообщить из осмотра разведочных работ Сидорова и на основании указаний зырян, работавших у него, что, по всей вероятности, полное отсутствие научной постановки этих работ привело к тому, что Сидорову не удалось

увидеть удовлетворительного результата. Если бы те средства, которые Сидоров вложил в это дело, были употреблены более разумно, то, наверное, степень благонадежности этих источников была бы в настоящее время совершенно выяснена» [11. С. 35–36].

В результате проведенных исследований Ф.Н. Чернышевым была составлена первая карта Ухтинского района и установлены его стратиграфия и тектоника, а также сделан вывод, что нефтеносным горизонтом является не доманик, как утверждал А.А. Кейзерлинг, а идущий под ним песчано-мергелевый горизонт [11. С. 35–37]. Говоря о промышленной значимости этой территории, Ф.Н. Чернышев пришел к выводу о перспективности Ухтинского нефтеносного района и необходимости его дальнейшего изучения: «Я, конечно, далек от той мысли, чтобы считать исчерпанным вопрос о практической пригодности исследованной нами нефтяной области. Полагаю, что наша цель будет вполне достигнута, если данные, нами полученные, послужат хорошим руководством для будущего. Во всяком случае, если в эту область направятся промышленные силы, то потребуются еще более солидные разведки для выяснений богатства запасов нефти» [11. С. 37]. В своих работах Ф.Н. Чернышев впервые поставил вопрос о необходимости экономического развития территории Европейского Северо-Востока России, без которого будет невозможно развитие Ухтинского нефтеносного района: «При том состоянии края, в каком он в данное время находится, удаленный от населенных центров и лишенный путей сообщения с ними, месторождение будет лишено долго какого-либо... промышленного значения» [10. Л. 577]. Тиманская экспедиция стала одним из самых результативных научных мероприятий по изучению геологии Европейского Северо-Востока России в XIX в.

Важным итогом Тиманской экспедиции, который имел значение для дальнейшего изучения этой территории, стало открытие Ухтинского района для предпринимательства, интерес которого был пробужден представленными в печати итогами экспедиции. В 1890 г. в Ухтинском районе начал свою деятельность екатеринбургский купец А.М. Галин, им было пробурено 27 скважин. В 1899 г. министр финансов С.Ю. Витте отдал договор на разработку нефти в Ухтинском районе на восемь лет графу А.Г. Канкрину. Впоследствии территория была роздана частным предпринимателям [12. С. 94]. Однако проведенные работы не имели положительных результатов и не дали новых сведений о районе.

Рубеж XIX–XX вв. был ознаменован в России бурным развитием транспорта, появлением новых отраслей промышленности, которые активизировали спрос на жидкое топливо. Растущая роль России на мировом рынке нефти, где она заняла лидирующие позиции, а также падение производительности на старых площадях бакинского промысла подталкивали правительство и предпринимателей обратить внимание на новые перспективные месторождения. На тот момент в связи с ростом потребностей российской промышленности среди задач Геологического комитета начали преобладать прикладные, т.е. проведение детальных геологи-

ческих исследований горнопромышленных районов с целью поисков месторождений полезных ископаемых для нужд промышленности. Большое внимание ученых Геолкома было сосредоточено на поисках угольных и нефтяных месторождений, в этот период были проведены успешные экспедиции на Кавказ и Предкавказье, Сахалин [13. С. 24]. Не оставался без внимания и Европейский Северо-Восток России.

В 1907 г. в Ухтинском районе начал работать предприниматель Ю.А. Воронов. В состав его разведочной партии директор Геолкома Ф.Н. Чернышев командировал горного инженера П.И. Полевого. Для подготовки к поездке Ф.Н. Чернышев передал геологу свои дневники и коллекции Тиманской экспедиции. Задачи исследований П.И. Полевого заключались в выяснении тектоники Ухтинского района, условий залегания нефти и возможности развития нефтяного промысла. П.И. Полевой совместно с другим членом этой экспедиции шведским геологом Ф.А. Андерсоном осмотрел центральную часть юго-восточной оконечности Тиманского хребта – районы р. Ухты и ее притоков (Крохаль, Доманик, Герд-Ёль, Нефть-Ёль, Половинный-Ёль) и рек Ижмы и Седь-Ю.

По результатам своих исследований П.И. Полевой опубликовал специальную научную записку, в которой представил подробный анализ современного состояния изученности северной нефти и перспектив ее освоения [14]. По мнению геолога, на Севере имеются значительные ресурсы для разворачивания нефтяного промысла (дешевый лес, обилие воды), но этому препятствуют непреодолимые трудности – отсутствие путей сообщения, телеграфа, почты, нехватка рабочих рук, отсутствие точных карт, недостаток геологических исследований и невнимание правительства к этой проблеме. «Всякому ясно, что в случае развития нефтяной промышленности в Ухтинском районе львиная доля прибылей отойдет в казну государства, но до сих пор правительство почти ничем не содействовало развитию здесь промышленности, не позаботилось даже о выяснении истинного значения этого района... Спекуляция уже пустила глубокие корни, идет усиленный захват земель, большинство старается захватитьвширь и не думает о работе вглубь» [14. С. 19–21].

В этом же году Вологодский губернатор А.Н. Хвостов инициировал поездку с целью ознакомления с потенциалом Ухтинского нефтеносного района, а также уточнения границы между Вологодской и Архангельской губерниями по р. Ухте, с чем была связана неразбериха в выдаче разрешений на добычу нефти. По итогам экспедиции губернатор обратился в правительство с ходатайством о необходимости прокладки дороги и проведении казенного бурения в Ухтинском районе [15]. В результате обсуждение данного вопроса состоялось на заседании Государственной думы России в 1908 г. [10. С. 94].

По итогам заседания Горный департамент отправил запрос в Геологический комитет с целью выяснения сведений об изученности и промышленных перспективах Ухтинского нефтеносного района. Геологический комитет в своем ответе представил в Горный департамент подробные сведения об итогах Тиманской

экспедиции 1889–1890 гг., подчеркнув, что их недостаточно для оценки значения района и сообщив, что сведения о результатах частных бурений в комитете отсутствуют. Дальнейшие работы по освоению района р. Ухты комитет призывал правительство взять на себя. В заключении Геолкома за подписью директора Ф.Н. Чернышева значилась емкая утвердительная фраза: «Изучение Ухтинского нефтеносного района вполне осмотрительно и научно» [16. Л. 10–10 об.].

Горным департаментом было принято решение о направлении в 1909 г. бассейн р. Ухты геологическо-топографической партии, организация которой была поручена Геологическому комитету. Главной целью экспедиции являлись производство подробной топографической съемки Ухтинского нефтеносного района и определение места под казенное бурение. На финансирование научного мероприятия правительство выделило 13 500 руб. [16. Л. 12]. В состав партии были включены геологи Н.Н. Яковлев, А.Н. Замятин и два военных топографа – С.М. Блинов, Е.М. Хоста. Подготовкой экспедиции занялся лично Ф.Н. Чернышев. Имея богатый опыт изучения данной территории, он разрабатывал маршруты следования геологов, давал консультации по вопросам особенностей изучения этого сложного района. Экспедиция проходила два лета подряд – в 1909 и 1910 гг., и охватила обширную территорию района р. Ухты и ее притоков (Чуть, Ярега, Нефть-Ёль, Крохаль). Участниками экспедиции была проведена детальная топографическая съемка района, уточнена 10-верстная карта Ф.Н. Чернышева. Итоги двухлетних исследований оказались в целом положительными. Геологами были получены новые данные об орографии, геологическом строении и тектонике, подготовлена подробная пятиверстная карта Ухтинского нефтеносного района, подтверждены выводы предыдущих экспедиций о ресурсной перспективности этой территории и необходимости проведения на ней специального глубокого бурения для выяснения промышленного значения [17]. По результатам, полученным учеными Геологического комитета, Горный департамент принял решение отправить в Ухтинский район в 1910 г. разведочную экспедицию под руководством инженера В.И. Стукачева. [16. Л. 25, 52–58]. В течение 1911–1913 гг. им была налажена работа четырех казенных шахт, однако результаты этих работ горный инженер признал неперспективными по причине скромных выходов нефти, отсутствия общих условий работы и оторванности края от центра: «...отсутствие на местах рабочего элемента и первобытные пути сообщения настолько отклоняют от нормы всякие расходы при попытках организовать здесь промышленное предприятие, что рассчитывать на возникновение на Ухте нефтепромышленности пока нет основания» [18. С. 3].

Недостаточное социально-экономическое развитие края вновь стало препятствием для государственного освоения Ухтинского нефтеносного района. Работу по добыче нефти здесь продолжили частные предприниматели. Трагические события Первой мировой войны и последующая революционная буря в стране приостановили интерес и правительственных кругов, и

предпринимателей к нефтяному промыслу в Ухтинском районе.

После революционных событий 1917 г. Геолком не был расформирован, а был передан в 1918 г. в ведение Высшего Совета Народного Хозяйства. Деятельность комитета была полностью ориентирована на поиски сырьевых ресурсов с целью решения практических задач для развития хозяйства нового советского государства. Несмотря на военные и революционные события и сложное экономическое положение, работа комитета по изучению страны продолжалась. В связи с потерей многих ресурсных территорий по инициативе нового правительства в 1918 г. ученые комитета провели ряд успешных экспедиций в Кузбасс, на Урал, Алтай, в Боровичский район с целью картирования территорий и поиска новых месторождений полезных ископаемых. В связи с потерей южных нефтяных районов внимание советского правительства было обращено и к территориям Европейского Северо-Востока.

Еще в 1917 г. Особое совещание по топливу Петрограда отправило запрос в Геолком с целью выяснения сведений о промышленном значении Ухтинского нефтеносного района. В ответ комитет в начале 1918 г. дал заключение об отсутствии промышленного значения Ухтинского нефтяного месторождения по причине незначительных запасов нефти [19. Л. 10]. В послевоенных условиях, когда страна остро нуждалась в топливе, советское правительство, несмотря на полученное отрицательное заключение, ассигновало 2 492 руб. на организацию экспедиции Геологического комитета.

Летом 1918 г. Ухтинский нефтеносный район посетила экспедиция, которую возглавил руководитель нефтяной секции Геологического комитета К.П. Калицкий. В ее состав были включены геолог А.А. Стоянов и горный инженер А.Д. Волкович. Ученые осмотрели казенные скважины, основанные на р. Ухте Горным департаментом в 1910–1913 гг., и несколько скважин частных предпринимателей на реках Ухта, Чибью, Ярега, Чуть, Доманик, изучив объем полученной из этих скважин нефти [20]. По итогам экспедиции в декабре 1918 г. в Геологическом комитете состоялось заседание по вопросу изучения Ухтинского нефтеносного района, на котором был заслушан доклад К.П. Калицкого, изложившего итоги своей поездки. Ученый высказал мнение об ошибочности схемы геологического строения Ухтинского района, разработанной Ф.Н. Чернышевым, по которой месторождение нефти относилось к грабену. По этой причине все предпринятые попытки найти нефть на Ухте в промышленных масштабах не удавались. Основой Ухтинского нефтяного месторождения, по убеждению ученого, являлись серицитовые сланцы. Этот определяющий вывод К.П. Калицкого позволил в дальнейшем изменить подходы геологов к поиску нефти на Ухте, которые дали положительный результат. Однако накопленные на тот момент сведения и итоги его изысканий подвели ученого к выводу о нерентабельности промышленного освоения Ухтинского нефтеносного района [21. Л. 13]. «...Цифры эти [выхода нефти] настолько малы, что невыгодность эксплуатации Ухтинского месторождения, по крайней мере при теперешних

условиях, становится очевидной даже без подробных подсчетов себестоимости нефти» [20. С. 118].

Тем не менее в декабре 1919 г. Главный нефтяной комитет при Отделе топлива Высшего Совета Народного Хозяйства, созданный в РСФСР в 1918 г. для развития нефтяного дела, принял решение выделить средства на изучение Ухтинского нефтеносного района. Определяющую роль в этом решении сыграла позиция руководителя комитета геолога-нефтяника И.М. Губкина. Еще в 1918 г. в своей статье «Ухтинский нефтеносный район», анализируя итоги и коллекции прошедших экспедиций, он высказал мнение о большой перспективности этого района и необходимости его тщательного изучения [22]. Летом 1919 г. в Ухтинский нефтеносный район была направлена экспедиция под руководством инженера Главного нефтяного комитета А.И. Косыгина. От Геологического комитета в состав экспедиции был включен геолог А.А. Стоянов, которому было поручено научное руководство разведочными работами. Добраться дальше среднего течения р. Вымы экспедиция не смогла по причине Гражданской войны [21. Л. 20, 32].

Интерес правительства к изучению Ухтинского нефтеносного района был обозначен созданием в 1919 г. специального Ухтинского бюро при Комиссии по изучению и практическому использованию Русского Севера Наркомата торговли и промышленности, которое в своей работе тесно сотрудничало с учеными Геологического комитета [21. Л. 27–27 об.]. В 1920 г., после поражения белых армий на Севере, советское правительство возобновило изучение и освоение природных ресурсов этого региона. В течение 1920–1925 гг. исследовательские отряды Северной научно-промысловой экспедиции осуществляли геологоразведочные и изыскательские работы на Европейском Северо-Востоке СССР. Однако принципиально новых сведений об Ухтинском нефтеносном районе получено не было; одной из причин чего стало более пристальное внимание в этот период к поискам месторождений каменного угля.

В 1920-е гг. Геологический комитет становится учреждением, которое осуществляло и регулировало все геологические и геологоразведочные работы общегосударственного значения. Несмотря на отсутствие научных экспедиций в Ухтинский нефтеносный район, геологи комитета продолжали его изучение. Большое значение для этого периода имели изыскания Д.В. Наливкина. В 1925 г. на основании критического анализа трудов А.А. Кейзерлинга, Ф.Н. Чернышева, А.И. Замятина, К.П. Калицкого и собранных ими коллекций он предложил новую схему стратиграфии Ухтинского нефтеносного района, обосновав перспективность данной территории на нефть и газ [23]. В этот период в исследованиях Геологического комитета появляется новое направление работ, которое было связано с изучением природных газов и газоносности различных районов страны. На стыке геологии, минералогии и химии зарождалась новая наука – геохимия. Злободневность вопроса в изучении геохимии природных газов, выводы геолога Д.В. Наливкина, а также неоднократные запросы правительства Автономной области Коми, образованной в 1921 г., о возобновле-

нии изучения Ухтинского района стали причинами организации новой экспедиции Геолкома.

В 1926 г. геохимическая экспедиция под руководством химика А.А. Черепенникова и сотрудника комитета М.Н. Воробьева совершила осмотр бассейнов рек Ухты, Лыя-Иоль, Цибью, Доманик, Крохаль, Яреги и Чути. В результате в составе проб был обнаружен редкий газ – гелий, а в составе вод из скважин Ухтинского района – барий [24]. В 1927 г. состоялась новая экспедиция под руководством А.А. Черепенникова. Результаты экспедиции произвели сенсацию: в водах Ухтинского района было обнаружено высокое содержание радия [25]. Открытие такого ценного металла, как радий, который был одним из редких в мире и на тот момент единственным используемым источником ионизирующего излучения, привлекло к этому району еще большее внимание правительства. Это открытие стало во многом решающим для включения в 1928 г. территории Автономной области Коми в первый пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР на 1928–1932 гг. [26], который предполагал комплексное изучение Автономной области Коми и начало разработки полезных ископаемых на ее территории.

Волна репрессий и преобразований в советском государстве в конце 1920-х – 1930-х гг. не миновала Геологический комитет. В 1929 г. в связи с реорганизацией геологической службы страны комитет был преобразован в Главное геологоразведочное управление при Высшем Совете Народного Хозяйства, а многие геологи подверглись репрессиям. В 1929 г. на Ухту прибыла экспедиция Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. Геологическую службу Ухтинской экспедиции возглавил находящийся под следствием сотрудник Геологического комитета Н.Н. Тихонович. Находясь в Бутырской тюрьме, он выполнил задание ОГПУ по обоснованию нефтеносности Ухты и подготовке плана будущей экспедиции в этот район. Под руководством Н.Н. Тихоновича были сделаны важные шаги по изучению нефтегазонасности Европейского Северо-Востока СССР. По результатам прове-

денных исследований и бурений в 1929 г. были открыты залежи нефти, подтверждено Чибыжское промышленное месторождение девонской нефти, что стало первым крупным успехом Ухтинской экспедиции. С 1930 г., после открытия здесь промышленных запасов нефти, началась интенсивная разведка, а также добыча сырья силами заключенных Главного управления лагерей ОГПУ (ГУЛАГ). Впоследствии под руководством ученого были открыты Ярегское нефтяное месторождение в 1932 г., первое крупное газовое месторождение в СССР Седьельское в 1935 г. и др.

Деятельностью Геологического комитета в 1882–1929 гг. было положено начало систематическим изысканиям на территории России. Значимые исследования по региональной геологии были осуществлены сотрудниками комитета и на европейском северо-востоке страны. Одним из важнейших итогов стало впервые проведенное подробное изучение Ухтинского нефтеносного района. Учеными комитета были установлены стратиграфия и тектоника района, составлены детальные карты. Результаты экспедиций и ценные коллекции, собранные учеными комитета, дали для науки новые сведения об Ухтинском нефтеносном районе, что позволило открыть его как территорию, имеющую высокий ресурсный потенциал, а также оценить его перспективы для экономики страны. Были изданы первые крупные работы об Ухтинском нефтеносном районе, которые и сегодня считаются классическими в геологической науке. В них сотрудники комитета не только представили подробные данные о геологическом и орографическом строении региона, но и поставили на обсуждение социально-экономические проблемы, препятствующие дальнейшему перспективному развитию Европейского Северо-Востока России. В сложный исторический период рубежа XIX–XX вв. в истории России, насыщенный военными, политическими и революционными событиями, ученым Геологического комитета удалось заложить фундаментальный базис изучения Ухтинского нефтеносного района, что предопределило дальнейшую историю его освоения и большое государственное значение.

Список источников

1. Лепёхин И.И. Путешествия академика Ивана Лепёхина в 1772 году. СПб. : Имп. Акад. наук, 1805. Ч. 4. 338 с.
2. Keyserling A., Krusenstern P. Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land, im Jahre 1843. St.-Peterburg : Gedruckt und zu haben bei Carl Kray, 1846. 466 S.
3. Гофман Э.К., Ковальский М.А. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 годах. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1853–1856. Т. 1, 2.
4. Сидоров М.К. Север России. СПб. : Тип. Почтового департамента, 1870. 556 с.
5. Филиппова Т.П. Изучение европейского Севера России Геологическим комитетом в 1882–1918 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 3. С. 160–177.
6. Бороздинец Л.Г. История становления и развития нефтегазового комплекса Коми края (к истории освоения нефти европейского северо-востока России). Ухта : УГТУ, 2004. 167 с.
7. Юрченко В.В. История освоения и изучения Печорского края (с древнейших времен до 1928 г.). Ухта : УГТУ, 2017. 123 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 58. Оп. 2. Д. 355.
9. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 276.
10. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 277.
11. Чернышев Ф.Н. Тиманские работы, произведенные в 1889 г. : (предварительный отчет). СПб. : Тип. А. Якобсона, 1890. 44 с.
12. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.
13. Геолком–ВСЕГЕИ в развитии геологической службы и укреплении минерально-сырьевой базы России. 1881–2002 / под ред. О.В. Петрова, А.И. Жамойды. СПб. : Изд-во ВСЕГЕИ, 2002. 576 с.
14. Полевой П.И. Предварительная записка по исследованию Ухтинского нефтеносного района. СПб. : Тип. «Россия», 1908. 23 с.
15. Безсонов Б.В. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на реку Ухту. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 142 с.
16. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 760.
17. Замятин А.Н. Ухтинский нефтеносный район : предварительный отчет. СПб. : Типо-лит. К. Биркенфельда, 1911. 79 с.

18. Стукачев В.И. Ухтинский нефтепромышленный район. Казенные разведочные работы 1911–1913 гг. Петроград : Тип. П.П. Сойкина, 1915. 39 с.
19. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 768.
20. Калицкий К.П. Ухтинский нефтеносный район // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 9–12. С. 115–119.
21. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 763.
22. Губкин И.М. Ухтинский нефтеносный район // Известия нефтяного комитета. 1918. № 1. С. 22–27.
23. Наливкин Д.В. О геологическом строении Ухтинского нефтеносного района // Нефть и сланцевое хозяйство. 1923. Т. 4, № 2. С. 232–235.
24. Черепеников А.А. Поездка в Ухтинский район в 1926 г. // Отчет о состоянии и деятельности Геологического комитета за 1925–1926 гг. Л. : Тип. Ленингр. облисполкома, 1927. С. 266–267.
25. Черепеников А.А. Гелий в природных газах Ухтинского района // Природные газы. 1931. № 1. С. 22–324.
26. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. 3-е изд. М. : Плановое хозяйство, 1930. Т. 1–3.

References

1. Lepekhin, I.I. (1805) *Puteshestviya akademika Ivana Lepekhina v 1772 godu* [Travels of academician Ivan Lepyokhin in 1772]. Vol. 4. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Keyserling, A. & Krusenstern, P. (1846) *Wissenschaftliche Beobachtungen auf einer Reise in das Petschora-Land, im Jahre 1843*. St. Peterburg: Gedruckt und zu haben bei Carl Kray.
3. Gofman, E.K. & Kovalskiy, M.A. (1853–1856) *Severnnyy Ural i beregovoy khrebet Pay-Khoy: issledovaniya ekspeditsii, snaryazhennoy Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom v 1847, 1848 i 1850 godakh* [Northern Urals and the Pai-Khoi coastal ridge: studies of the expedition equipped by the Imperial Russian Geographical Society in 1847, 1848 and 1850]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Sidorov, M.K. (1870) *Sever Rossii* [North of Russia]. St. Petersburg: Tip. Pochtovogo departamenta.
5. Filippova, T.P. (2020) *Izucheniye evropeyskogo Severa Rossii Geologicheskim komitetom v 1882–1918 gg.* [The Study of the European North of Russia by the Geological Committee in 1882–1918]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 3. pp. 160–177.
6. Borozdinets, L.G. (2004) *Istoriya stanovleniya i razvitiya neftegazovogo kompleksa Komi kraya (k istorii osvoeniya nefti evropeyskogo severo-vostoka Rossii)* [History of the formation and development of the oil and gas complex of the Komi region (to the history of oil development in the European northeast of Russia)]. Ukhta: USTU.
7. Yurchenko, V.V. (2017) *Istoriya osvoeniya i izucheniya Pechorskogo kraya (s drevneyshikh vremen do 1928 g.)* [History of the development and study of the Pechora region (from ancient times to 1928)]. Ukhta: USTU.
8. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 58. List 2. File 355.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 58. List 2. File 276.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 58. List 2. File 277.
11. Chernyshev, F.N. (1890) *Timanskaya rabota, proizvedennaya v 1889 g.: (predvaritel'nyy otchet)* [The Timan works carried out in 1889: (a preliminary report)]. St. Petersburg: A. Yakobson.
12. Chuprov, V.I. (2004) *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka* [History of Komi from ancient times in the late 20th century]. Vol. 2. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.
13. Petrov, O.V. & Zhamoyda, A.I. (2002) *Geolkom–VSEGEI v razvitiye geologicheskoy sluzhby i ukreplenii mineral'no-syr'evoy bazy Rossii. 1881–2002* [Geolcom–VSEGEI in the development of the geological service and strengthening the mineral resource base of Russia. 1881–2002]. St. Petersburg: VSEGEI.
14. Polevoy, P.I. (1908) *Predvaritel'naya zapiska po issledovaniyu Ukhtinskogo neftenosnogo rayona* [A preliminary note on the study of the Ukhta oil-bearing region]. St. Petersburg: Rossiya.
15. Bezsonov, B.V. (1908) *Poezdka po Vologodskoy gubernii k neftyanym ee bogatstvam na reku Ukhtu* [A trip through the Vologda province to its oil riches on the Ukhta River]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg.
16. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 58. List 2. File 760.
17. Zamyatin, A.N. (1911) *Ukhtinskiy neftenosnyy rayon: predvaritel'nyy otchet* [The Ukhta oil-bearing region: A preliminary report]. St. Petersburg: K. Birkenfeld.
18. Stukachev, V.I. (1915) *Ukhtinskiy neftepromyshlennyy rayon. Kazennyye razvedochnye raboty 1911–1913 gg.* [The Ukhta oil-industrial region. The Government exploration work in 1911–1913]. Petrograd: P.P. Soykin.
19. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 58. List 2. File 768.
20. Kalitskiy, K.P. (1921) *Ukhtinskiy neftenosnyy rayon* [The Ukhta oil-bearing region]. *Neftyanoe i slantsevoe khozyaystvo*. 9–12. pp. 115–119.
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 58. List 2. File 763.
22. Gubkin, I.M. (1918) *Ukhtinskiy neftenosnyy rayon* [The Ukhta oil-bearing region]. *Izvestiya neftyanogo komiteta*. 1. pp. 22–27.
23. Nalivkin, D.V. (1923) *O geologicheskoy stroenii Ukhtinskogo neftenosnogo rayona* [On the geological structure of the Ukhta oil-bearing region]. *Neft' i slantsevoe khozyaystvo*. 4(2). pp. 232–235.
24. Cherepennikov, A.A. (1927) *Poezdka v Ukhtinskiy rayon v 1926 g.* [A Trip to the Ukhta region in 1926]. In: *Otchet o sostoyanii i deyatelnosti Geologicheskogo komiteta za 1925–1926 gg.* [Report on the status and activities of the Geological Committee for 1925–1926]. Leningrad: Tip. Leningr. oblispolkoma. pp. 266–267.
25. Cherepennikov, A.A. (1931) *Geliy v prirodnkh gazakh Ukhtinskogo rayona* [Helium in natural gases of Ukhta region]. *Prirodnye gazy*. 1. pp. 22–324.
26. USSR. (1930) *Pyatiletniy plan narodnokhozyaystvennogo stroitel'stva SSSR* [The five-year plan for the national economic development of the USSR]. 3rd ed. Moscow: Planovoe khozyaystvo.

Сведения об авторе:

Филиппова Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований Федерального исследовательского центра «Кomi научный центр Уральского отделения РАН» (Сыктывкар, Россия). E-mail: tanya.tatiana-fil@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Filippova Tatyana P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Interdisciplinary Humanities, Federal Research Centre “Komi Scientific Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: tanya.tatiana-fil@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 15.09.2021; accepted for publication 01.04.2024

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Научная статья

УДК 327(620:73)

doi: 10.17223/19988613/88/12

Роль Египта в реализации блоковых проектов США на Ближнем Востоке в первой половине 1950-х гг.

Лидия Анатольевна Крыжко¹, Евгений Владимирович Крыжко²,
Петр Игоревич Пашковский³

^{1,2,3} Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

¹ lidochka12345@mail.ru

² jeyson1030@gmail.com

³ petr.pash@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема значения Египта в реализации проектов США по созданию контролируемого военно-политического союза на Ближнем Востоке в первой половине 1950-х гг. Установлено, что по ряду причин план Вашингтона не удалось воплотить в первоначально задуманном виде. Решающую роль в этом играла позиция, занимаемая Каиром. Усилия США по реализации Багдадского пакта спровоцировали резко негативную реакцию Египта, а также вызвали неблагоприятное отношение ряда арабских стран к подобным инициативам.

Ключевые слова: Египет, США, Ближний Восток, «средневосточное командование», Багдадский пакт

Для цитирования: Крыжко Л.А., Крыжко Е.В., Пашковский П.И. Роль Египта в реализации блоковых проектов США на Ближнем Востоке в первой половине 1950-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 97–105. doi: 10.17223/19988613/88/12

Original article

The Role of Egypt in the Implementation of Block Projects the United States in the Middle East in the First Half of the 1950s

Lydia A. Kryzhko¹, Evgeniy V. Kryzhko², Petr I. Pashkovsky³

^{1,2,3} V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol, Russian Federation

¹ lidochka12345@mail.ru

² jeyson1030@gmail.com

³ petr.pash@yandex.ru

Abstract. The study aims to show the importance of Egypt in the implementation by the United States of the idea of creating a military-political bloc in the Middle East in the first half of the 1950s. The projected alliance was supposed to be an analogue of NATO in this region, potentially projecting the geopolitical interests of Washington and aimed at curbing the penetration of the “communist threat” into it.

The source base of the study includes documents from the administrations of the US Presidents, as well as materials from the archive of the foreign policy of the Russian Federation, defining the place of Egypt in American regional interests. Analysis of international agreements (“Joint Defense and Economic Cooperation Treaty Between the States of the Arab League” and Baghdad Pact) makes it possible to highlight the foreign policy positions of the Arab states in the early 1950s. G. Nasser's programmatic work “The Philosophy of the Revolution” forms an idea of the main directions of Egypt's foreign policy, and the memoirs of the British Foreign Minister A. Eden and the confidant G. Nasser M. Heikal provide an understanding of the mechanism for making political decisions in the implementation of bloc projects.

The article substantiates the activation of the initiative to create a military-political bloc in the Middle East with the participation of Egypt by the US: during this period, Britain's position weakened, Arab-Jewish confrontation intensified, the revolution of “free officers” in Egypt and the subsequent transformation of its foreign policy course took place. The authors describe several successive attempts by the US to implement the idea of the “Middle East Command” bloc. Attention is focused on the role of Egypt's position in the failure of such projects as the “Middle East Command” (MEC),

“Middle East Defense Organization” (MEDO). The process of creating the Baghdad Pact with the corresponding reaction of Egypt are considered.

The reasons have been established that the stake on Egypt as a key player in the region and a potential leader of the military-political bloc initiated by the US turned out to be untenable. In Egypt, the radical course of the revolution prevailed, charting the way to unite the Arabs in the struggle against the colonial past, with which both the UK and the US were associated, trying to replace it in the region. The attempts of the American administration to achieve coexistence in a single bloc between Egypt and Israel turned out to be in vain: Cairo's bid for leadership in the Arab world could not be matched with peace initiatives against the Israeli side. The concept of the Baghdad Pact was implemented, but in the matter of the planned prospects for expansion it ran into a number of obstacles, which were also associated with the confrontational position of Egypt, which was gaining weight in the Arab world and did not deny the prospects of military-political cooperation with the USSR.

Keywords: Egypt, USA, Near East, Middle East Command, Baghdad Pact

For citation: Kryzhko, L.A., Kryzhko, E.V., Pashkovsky, P.I. (2024) The Role of Egypt in the Implementation of Block Projects the United States in the Middle East in the First Half of the 1950s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 97–105. doi: 10.17223/19988613/88/12

После окончания Второй мировой войны на Ближнем Востоке активизируется процесс распада традиционных колониальных режимов. Ближневосточный регион становится центром внимания со стороны как стран Запада, так и Советского Союза. С этого момента и до середины 1950-х гг. важнейшее значение в регионе имели события, связанные с активизацией арабо-еврейского противостояния в ходе первой арабо-израильской войны, а также с падением монархического режима в Египте и последовавшей за ним трансформацией внешнеполитического курса Египта после прихода к власти «Свободных офицеров». Указанные события продемонстрировали слабость влияния в регионе традиционных колониальных держав Западной Европы, в первую очередь Великобритании. Создавшийся вакуум в международных отношениях на Ближнем Востоке привлекал внимание двух центральных игроков в «холодной войне» – США и СССР.

В сложившихся условиях после первой арабо-израильской войны американская администрация осознавала необходимость ведения политики лавирования между сторонами арабо-израильского конфликта, придавая ключевое значение попыткам сохранения и укрепления своего экономического и военно-политического влияния на обе конфликтующие стороны. При этом существенную роль играли понимание значимости постепенного вытеснения из региона Великобритании и стремление не допустить увеличения там советского влияния.

В связи с этим в процессе реализации внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов на Ближнем Востоке актуализируется идея о создании военно-политического блока государств, что соответствовало «Четвертому пункту» программы помощи странам Третьего мира президента Г. Трумэна, которая предполагала создание военного блока в регионе, функционально идентичного НАТО [1]. Вафдистский кабинет, находящийся в этот период у власти в Египте, принял программу Г. Трумэна, что открывало возможности для США в реализации геополитических интересов в регионе.

Первые активные попытки в этом отношении были предприняты в 1950–1951 гг., воплотившись в проекте блока «средневосточного командования» в составе Египта, Иордании, Ирака, Йемена, Ливана, Саудовской Ара-

вии, Сирии и Израиля. Характерно, что членство в блоке требовало умелого дипломатического маневрирования и стратегического расчета по привлечению соперников в этот союз, который строился на идее противодействия проникновению в регион «коммунистической угрозы».

Политика стран Запада на Ближнем Востоке после Второй мировой войны выстраивалась согласно «Тройственной декларации» от 25 мая 1950 г., подписанной США, Великобританией и Францией. Помимо совместных обязательств отказа от гонки вооружений, использования или угроз применения силы, договоренностей по предотвращению попыток нарушения линий перемирия в регионе [2. Р. 196–197], в данной декларации Ближний Восток разделялся на сферы влияния: Египет, Израиль, Сирия, Саудовская Аравия вошли в зону интересов Соединенных Штатов; Трансиордания, Ирак и Суэцкий канал закреплялись за Англией; Ливан входил в ведение Франции. Кроме того, декларация отразила общую направленность сторон на создание анти-советского блока из арабских государств [3].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в арабском мире сложилась неоднозначная обстановка, которая стала проявлением реализации положений «Тройственной декларации» по разделу сфер влияния. Одним из блоков являлся проект «Великая Сирия», поддерживаемый Великобританией и предполагающий союз Ирака, Иордании, Сирии и Палестины. Особую заинтересованность в проекте проявляли хашимитские режимы Иордании и Ирака, что потенциально ослабляло позиции Египта в ЛАГ [4. С. 94–95]. Как видим, данный проект не являлся привлекательным для Египта в силу конкуренции в регионе. Это становилось еще одним фактором борьбы против влияния Великобритании в стране и регионе в целом, что, в свою очередь, способствовало политике США в деле привлечения Египта в иницилируемые ими военно-политические блоки.

Поэтому, в силу ситуации конкурентной борьбы за сферы влияния в регионе, а также попыток вытеснения Великобритании с ее позиций, Соединенными Штатами стратегическое значение придавалось Египту.

Первой после Второй мировой войны попыткой создания системы защиты территории от «коммунистических угроз» был иницилируемый США проект Верховного союзного командования по Ближнему Во-

стоку (МЕС). Он предполагал решить проблему базы в Суэце путем замены британского командования международным.

Предложение о создании блока «средневосточного командования» поступило от США в адрес Великобритании, Франции и Турции осенью 1951 г. За согласие стать страной-учредителем Египту предлагались несколько высоких постов в командовании, поставки вооружения, специальная подготовка армии. В качестве ответных обязательств от Египта требовалось предоставить командованию стратегические объекты на своей территории «для организации в мирное время обороны Ближнего Востока» или «в случае явного международного кризиса» [5. С. 196–197]. Британские, американские и турецкие официальные лица, к которым присоединились французы, были полны решимости оказать давление на Египет. Приглашение в МЕС было официально объявлено 13 октября 1951 г. Правительство Египта официально отклонило приглашение 15 октября [6]. Главное, что исходило из этих условий для США, сводилось к возможности установления фактического контроля военной базы в зоне Суэцкого канала при вытеснении позиций Великобритании. Данный проект не был реализован в силу нарастания англо-египетского кризиса, а также по причине того, что США не придали должного внимания усилению антиамериканских настроений среди арабской политической элиты в связи со все большим проявлением произраильской позиции администрации Г. Трумэна.

Следующей попыткой администрации США являлся проект «Организация обороны Среднего Востока» (MEDO). В качестве его членов-учредителей выступали США, Великобритания, Франция и Турция. Предполагалось создать данную организацию примерно в марте или апреле 1952 г. При этом ее создание не должно было задерживать прием Греции и Турции в НАТО. Ожидалось последовательное расширение MEDO за счет арабских государств и Израиля [7]. Однако осуществление этой инициативы также натолкнулось на ряд непреодолимых препятствий.

Существенное осложнение в процесс реализации Соединенными Штатами блоковых инициатив на Ближнем Востоке с участием Египта вносил нарастающий кризис в англо-египетских взаимоотношениях. Несмотря на благосклонное отношение короля Фарука I и некоторых из его ближайших советников к политике Великобритании, правительство Наххаса-паши настаивало на полной эвакуации ее войск из Египта и Судана и обращалось к правительству США с просьбой заручиться поддержкой позиции Египта [8]. В условиях нарастания национально-освободительного движения в октябре 1951 г. под давлением общественности египетский парламент денонсировал англо-египетский договор 1936 г., что означало для Великобритании необходимость вывода своих войск из зоны Суэцкого канала [9. С. 17]. США проявляли активность в качестве посредника между сторонами в решении проблемы вывода войск Великобритании из Суэца, активно иницируя проект международного пользования каналом.

После революции «Свободных офицеров» решение вопроса о принадлежности Суэцкого канала получило

ключевое значение во внешнеполитической программе нового египетского руководства. Необходимость ликвидации внешне- и внутривосточной зависимости от Великобритании связывалась лидерами «Свободных офицеров» с поиском альтернативной опоры, и такой потенциальной силой становятся США.

Отношение в Египте к американской стороне и, соответственно, расположенность к вступлению в иницируемые США военно-политические блоки существенно зависели от решения вопроса о готовности Вашингтона реализовать проекты по предоставлению Каиру вооружения. Однако в администрации Д. Эйзенхауэра осознавали, что вопрос об оружии для египтян «...содержит больше опасностей для наших отношений с британцами, чем любая другая вещь <...>». Если переговоры о базе сорвутся и начнется партизанская война, когда египтяне будут стрелять в британских солдат из американских боеприпасов, результаты могут быть катастрофическими» [10]. В своей стратегии администрация США тесно связывала перспективу участия Египта в блоковых инициативах стран Запада с программой по поставкам американских вооружений, которая, в свою очередь, вносила существенное напряжение в англо-американские взаимоотношения. С другой стороны, затягивание администрацией в Вашингтоне переговорного процесса о продаже оружия заставляло новое руководство в Каире прибегнуть к поиску альтернативных источников укрепления боеспособности армии, что становилось все более актуальным в условиях нерешенности палестинской проблемы и нарастания напряженности с Израилем.

В обозначенных условиях наиболее целесообразной для администрации США являлась позиция лавирования: «...в настоящее время у Соединенных Штатов нет другого выбора, кроме как поддерживать британцев в отношениях с египтянами» [11].

Успешное решение поставленных задач Соединенными Штатами во многом зависело от налаживания сотрудничества с новым египетским руководством. Однако в период с июля 1952 г. по октябрь 1954 г. в Египте продолжалась внутривосточная борьба радикального и умеренного течений революции «Свободных офицеров», между двумя их лидерами – Г.А. Насером и М. Нагибом. От результатов этой борьбы зависел выбор внешнеполитического вектора Египта. Ставка была сделана на победу М. Нагиба, ориентирующегося на сближение с США [12. С. 156]. Утверждение у власти М. Нагиба могло усилить позиции Вашингтона не только в Египте, но и во всем регионе. Это давало возможность Соединенным Штатам стать посредником в решении вопроса о положении в зоне Суэцкого канала и оставляло место для политики маневрирования и давления на Египет.

Делая ставку на Египет в своей блоковой доктрине, США стимулировали его активность в рамках Лиги арабских государств (ЛАГ). В июне 1950 г. Египет, Иордания, Ирак, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия и Йемен подписали «Пакт коллективной безопасности» ЛАГ, или Договор о совместной обороне и экономическом сотрудничестве [13]. Этому договору предполагалось выполнять функции арабского варианта НАТО

на Ближнем Востоке, в котором Египет должен был занять лидирующие позиции.

Образование ЛАГ и заявка на лидерство в ней Каира обострило ситуацию соперничества между двумя потенциальными лидерами среди арабских стран – Египтом и Ираком. Администрация США старалась не упустить из сферы своего влияния ни Каир, ни его соперника: усиление американских позиций в Багдаде отмечалось в начале 1950-х гг. [14. С. 36].

Иницируемый Египтом проект оказал существенное влияние на позицию Сирии. Договоренности в рамках «Пакта коллективной безопасности» ЛАГ сводили на нет все усилия сторонников союза с Ираком в Сирии [15. Р. 194]. Ответственность перед обязательствами государств-членов ЛАГ была главным сдерживающим фактором и средством борьбы Египта не только с расширением влияния Ирака в арабском мире, но и с реализацией геополитических планов Великобритании на Ближнем Востоке. А это, в свою очередь, усиливало американские позиции в регионе.

Еще одним препятствующим обстоятельством в реализации концепции США о создании блока государств на Ближнем Востоке с участием Египта и следующих за ним во внешней политике арабских стран являлось привлечение в этот блок Израиля наряду с арабскими странами: чтобы «играть более позитивную роль на Ближнем Востоке», недоброжелательность, порожденная палестинским конфликтом, должна отступить на задний план «по мере роста осознания того, что правительство Соединенных Штатов действует беспристрастно в отношении Израиля и арабских государств» [16]. Поэтому Вашингтон предпринимал ряд безуспешных попыток наладить двустороннее египетско-израильское взаимодействие. Эти действия не дали желаемого результата в силу общеарабской позиции Египта по палестинской проблеме, увеличения объемов военной помощи Израилю, активизации пограничных столкновений между сторонами к началу 1955 г [17. С. 98]. В свою очередь, политика лавирования между противоборствующими сторонами не только не способствовала их сближению, но и привела к провалу реализации плана по втягиванию Египта как лидера ЛАГ в блок «средневосточного командования».

Кроме того, задачи по налаживанию египетско-израильских отношений были осложнены крайне негативным восприятием Израилем Египта в качестве лидера ЛАГ и его инициатив по консолидации арабских стран. В частности, посланник Израиля в СССР М. Намир в этот период отмечал: «Пакт коллективной безопасности арабских стран, возможно, имеет далеко идущие цели, однако в настоящее время он явно направлен против Израиля» [18. С. 123].

Несостоятельность попыток египетско-израильских контактов заставила США перейти к тактике маскировки своих тесных связей с Израилем, пытаясь одновременно повысить интенсивность сотрудничества с арабскими государствами. Данная политика привела к временному охлаждению израильско-американских отношений, но израильская сторона не изменила своей внешнеполитической ориентации. «Вашингтон, – писал в этом контексте Е.М. Примаков, – делал все воз-

можное, чтобы “самортизировать” для Израиля результаты такой игры и не выйти за ее ограниченные пределы» [5. С. 200]. Более того, обострение арабо-израильского противостояния, а также невозможность отказаться от интенсивного военно-торгового сотрудничества с Израилем заставляли США акцентировать негативный подход к арабской стороне, а именно Египту, Сирии и Иордании [5. С. 204–205]. Так или иначе, но ради сближения с арабскими странами США не проявили готовность пожертвовать своим сотрудничеством с Израилем.

К началу 1950-х гг. проблемы арабского единства стали неотъемлемой частью программ практически всех авторитетных политических партий региона [14. С. 14]. Для Египта реализация инициатив арабского блока государств и выведение их из сферы влияния стран Запада имели ключевое значение в плане укрепления власти нового руководства и лично Г.А. Насера, утверждавшего, что врагом национально-освободительного движения арабского народа является империализм [19. Р. 60]. В соответствии с программой египетского лидера особая роль в процессе арабского объединения для борьбы с общим внешним врагом отводилась именно Египту.

Итак, к середине 1953 г. в администрации Г. Трумэна понимали, что установленный в Египте после военного переворота 1952 г. режим не готов идти на принятие американских условий в рамках проекта MEDO. Доказательством тому послужили итоги встречи государственного секретаря США Дж. Даллеса с лидером «Свободных офицеров» Г.А. Насером в Каире в мае 1953 г. Египетское руководство решительно отвергло идею «средневосточного командования», проявив недоверие и подозрительность к любым союзам с западными державами, а также сомнение по поводу необходимости обороны от проникновения СССР в регион [20. С. 31]. Г.А. Насер объяснил, что пока британское влияние распространяется на Египет, существует психологический барьер для создания системы защиты территории: «Египетский народ воспринимает MEDO как “увечкование оккупации”». Г.А. Насер заверил государственного секретаря, что, если британцы будут «здесь под другим именем», Египет не будет сотрудничать с MEDO [21]. Кроме того, предложенная Дж. Даллесом идея противоречила упоминаемому выше Договору о совместной обороне и экономическом сотрудничестве государств-членов ЛАГ, инициатором которого являлся Египет.

Победа радикального течения революции «Свободных офицеров» в лице Г.А. Насера показала, что вопрос присутствия британских войск в зоне Суэцкого канала будет решен Египтом самостоятельно, вне зависимости от позиции США. Во внешнеполитической стратегии нового египетского руководства происходит трансформация, связанная с уходом с политической арены М. Нагиба, на проамериканскую внешнеполитическую программу которого делали ставку США. Принимая во внимание зависимость внешнеполитических инициатив Египта от урегулирования англо-египетского кризиса и арабо-израильского противостояния, администрации США пришлось изменить стратегию в регионе.

Итак, идея «средневосточного командования» оказалась нереализуемой в силу обозначенных позиций Египта и ряда других арабских стран.

После возвращения из поездки на Ближний Восток весной 1953 г. госсекретарь Дж. Даллес предложил сформировать оборонительное соглашение, направленное на сдерживание СССР, между государствами «северного уровня»: Турцией, Ираном, Ираком и Пакистаном. Реализация этого проекта началась в 1954 г. Турция и Пакистан подписали соглашение о дружественном сотрудничестве 2 апреля 1954 г., а осенью 1954 г. Турция и Ирак начали переговоры о пакте безопасности. Администрация Д. Эйзенхауэра активно инициировала и поощряла эти соглашения по защите Ближнего Востока и проявляла особый интерес по оказанию военной помощи лояльным государствам.

Основные практические задачи администрации США Д. Эйзенхауэра в рамках разногласий между Каиром и Лондоном сводились к следующему: необходим вывод британских войск, но на условиях, обеспечивающих доступность базы для западных держав в случае военных действий или серьезной угрозы; также Суэцкий канал должен остаться открытым для международной торговли; «прогресс в достижении англо-египетского урегулирования требует предоставления Египту экономической и военной помощи» [22].

В документе «Цели и политика Соединенных Штатов в отношении Ближнего Востока» от 23 июля 1954 г. отмечалось, что включение Израиля в предлагаемый проект военно-политического блока приведет к отказу арабов от сотрудничества, а вооружение арабов Соединенными Штатами будет и дальше вызывать резкую оппозицию Израиля и увеличивать арабо-израильскую напряженность [22]. Таким образом, к середине 1954 г. в администрации США появляется осознанность того, что практическая реализация проекта региональной военно-политической организации с участием Египта невозможна без урегулирования арабо-израильского противостояния.

Концепции Багдадского пакта придавалась еще одна значимая функция: несмотря на то, что она «вызывала негодование со стороны некоторых арабских государств, особенно Египта и Саудовской Аравии», в то же время она может «спровоцировать желаемый отход от негативной Лиги арабских государств» [22]. Таким путем администрация США рассчитывала «оторвать» ведущие арабские страны от инициатив региональной безопасности в рамках ЛАГ.

24 февраля 1955 г. Ирак подписал соглашение с Турцией, был оформлен Багдадский пакт [23]. 5 апреля к нему присоединилась Великобритания, 23 сентября – Пакистан, 3 ноября – Иран [24; 25. Р. 228].

Примечательно, что Вашингтон уклонился от формального присоединения к Багдадскому пакту, хотя являлся инициатором его создания [26. С. 9; 27. Р. 336]. Такая позиция объясняется нежеланием США настроиться против себя Египет и другие арабские государства. Более того, это оставляло место для маневра с целью продолжения попыток реализации программы контролируемого извне военного блока с участием арабских стран.

Создание Багдадского пакта спровоцировало ожидаемую резко негативную реакцию Египта. Г.А. Насер в январе 1956 г. назвал Багдадский пакт «новейшей формой империалистической тюрьмы», с которой «арабы не желают иметь ничего общего» [20. С. 41].

Для предотвращения присоединения арабских государств к турецко-пакистанскому пакту летом 1954 г. министр национальной ориентации Египта С. Салем побывал в Саудовской Аравии, Ливане и Йемене и добился письменных соглашений о неприсоединении к проекту Турции и Пакистана [28]. Активизация деятельности египетского руководства сдерживала ряд арабских стран от инициатив США и способствовала предотвращению расширения представительства арабских стран в Багдадском пакте.

После создания Багдадского пакта египетское руководство усилило свою пропагандистскую деятельность и активность по созданию арабской системы коллективной безопасности.

Наиболее негативной была реакция египетского руководства на присоединение к Багдадскому пакту Ирака. Египет стал инициатором резолюции ЛАГ о бойкоте Ирака арабскими странами [29. С. 88]. Регулярные выступления Г.А. Насера на радиостанции «Голос арабов», тогда очень популярной в арабском мире, также повышали уровень неприятия арабскими народами блоковых инициатив, поддерживаемых странами Запада [30. С. 43].

В целях выработки новой общей позиции по отношению к турецко-пакистанскому военному договору правительство Египта в январе 1955 г. пригласило руководителей арабских государств на конференцию в Каир. Предложение было принято Иорданией, Йеменом, Ливаном, Сирией. Премьер-министр Ирака Нури Саид отказался принимать участие в конференции по состоянию здоровья. Только после неоднократных приглашений Египта иракские представители все-таки прибыли в Каир. Чтобы достичь примирения с Египтом, по решению конференции в Ирак были направлены четыре делегата, но эти попытки оказались безуспешными [31. Р. 109–110].

В Соединенных Штатах подобные инициативы Египта, усиление его влияния в регионе и пропаганда независимого от стран Запада внешнеполитического курса вызывали однозначно негативную реакцию. Особенно настораживали процессы египетско-сирийского сближения. Подобные союзы имели потенциал стать противовесом Багдадскому пакту. Со стороны США были предприняты попытки приостановить эти инициативы. Так, в феврале 1955 г. Сирии поступило предложение от Вашингтона отказаться от подписания готовящегося оборонительного союза с Египтом. Нежелание Сирии выполнять установку вызвало резкое обострение ее отношений с Турцией и Ираком. Давление на Сирию проявилось также в атаках Израиля и убийстве патристично настроенного помощника начальника Генерального штаба сирийской армии А. Малики [32. С. 43].

Инициатива создания Египтом противовеса Багдадскому пакту имела продолжение в феврале–марте 1955 г., когда Министр национальной ориентации майор С. Салим встречался с руководителями Сирии,

Ливана и Саудовской Аравии. После того как 6 марта 1955 г. сирийское правительство объявило о намерении заключить соглашение с Египтом, на сирийско-турецкой границе началась концентрация войск Турции, а Ирак 11 мая 1955 г. направил Сирии угрожающую ноту, в которой предостерегал эту страну от «пагубных последствий» ее союза с Египтом [31. Р. 109–110]. В ноте сирийскому правительству Турция обозначила, что «ликвидация Сирии как географического понятия, может явиться делом нескольких дней» [33. С. 262]. Резко негативная реакция Турции и Ирака активно поддерживалась странами Запада, встретившими сопротивление в вопросе расширения Багдадского пакта за счет арабских стран.

Усиление угроз со стороны западных держав, а также военные приготовления Израиля активизировали действия руководства арабских государств по формированию системы коллективной безопасности. 20 октября 1955 г. было подписано соглашение между Египтом и Сирией о совместном военном командовании [34. С. 43]. 21 апреля 1956 г. заключается трехстороннее оборонительное соглашение между Египтом, Саудовской Аравией и Йеменом, 31 мая 1956 г. – между Сирией и Иорданией [35. С. 13].

Активная реализация плана военно-политического блока государств на Ближнем Востоке создала объективные предпосылки для Египта пойти на сближение с советским лагерем. Успех США фактически означал для СССР усиление присутствия НАТО в регионе. Советская сторона выразила негативное отношение к подобным действиям Вашингтона, высказав предупреждение западным странам [36. С. 20]. Более того, отношение СССР к инициативе Багдадского пакта совпадало с позицией Египта. Это стало основой для сближения двух стран и, соответственно, поиска инициатором идей панарабизма помощи и поддержки со стороны государств социалистического лагеря.

СССР избрал курс на сближение с арабскими лидерами в рамках ЛАГ. Эта организация была признана на дипломатическом уровне, ей была выражена поддержка, налажены прямые контакты с ее членами, согласованы совместные действия. Советский Союз оказал экономическую помощь палестинским беженцам [37. С. 248]. Данная политика способствовала расположению арабских стран к СССР в целом и налаживанию двусторонних советско-египетских связей.

После заключения «чехословацкой сделки» и получения первой военной помощи от стран социалистического лагеря во внешнеполитическом курсе Г.А. Насера панарабистские тенденции получили еще большее развитие. Последовал ряд договоров о взаимной защите с Сирией, Саудовской Аравией и Йеменом; активизирована деятельность против участников Багдадского пакта. Так, в декабре 1955 г., когда король Иордании Хусейн принял решение вступить в Багдадский пакт, проегипетские силы внутри его страны вынудили по-

дать в отставку хашимитский кабинет. Кроме того, Египет предпринимал меры по усилению своего влияния в Черной Африке. Каиром оказывалась военно-политическая поддержка националистам в Алжире [38. Р. 92].

В первой половине 1950-х гг. реализация плана США по формированию контролируемого военно-политического блока ближневосточных государств оказалась несостоятельной в силу ряда причин. Однако представляется, что решающую роль в этом вопросе сыграла позиция Египта.

Так, ошибочной оказалась ставка на Каир как на проводника интересов Вашингтона. С одной стороны, администрация США оправданно увидела в набирающем силу в этот период в Египте антибританском движении возможность усиления своего влияния. Однако надежды на победу во внутриполитической борьбе М. Нагиба, приверженца проамериканского курса, не оправдались. С утверждением у власти в Египте Г.А. Насера получила развитие новая внешнеполитическая линия, направленная на подъем патриотизма арабских стран, объединение арабов в борьбе с колониальным прошлым.

Кроме того, тщетными оказались попытки добиться сосуществования в едином блоке Египта и Израиля. Несмотря на приложенные американской стороной усилия по налаживанию египетско-израильских контактов, во внешнеполитической стратегии Каира набирали силу тенденции на сближение с арабскими странами в форме ряда военно-политических союзов, что стимулировалось нерешенностью палестинского вопроса и обострением арабо-израильского противостояния.

Продолжая реализацию военно-политического проекта в виде Багдадского пакта, США не только не добились благосклонности Египта, но и вызвали крайне негативную его реакцию, которая стала производной понимания того, что американские инициативы являлись попыткой усиления традиционного соперника Египта в борьбе за лидерство в арабском мире – Ирака.

Указанные обстоятельства не только не способствовали включению Египта в военно-политический блок государств на Ближнем Востоке, инициированный Вашингтоном, но и сориентировали против подобных инициатив ряд арабских стран, симпатизировавших антиколониальным настроениям египетского руководства.

К тому же настойчивость инициатив государств Запада и методы их реализации побуждали Каир к поиску защиты в лице альтернативного центра силы. В результате в условиях обострения египетско-израильских отношений накануне Суэцкого кризиса происходит сближение Египта с СССР. При этом Вашингтон сохранил возможность сближения с Каиром, формально не став членом Багдадского пакта, а также «оставшись в стороне» при осуществлении военной антиегипетской акции Великобритании, Франции и Израиля в октябре 1956 г.

Список источников

1. Policy Paper Approved by the Foreign Assistance Correlation Committee. Washington, 7 February 1949 // Foreign Relations of the United States. Vol. I: National Security Affairs, Foreign Economic Policy, 1949. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v01/d108> (accessed: 16.02.2021).

2. Hutchison E. *Violent Truce. A Military Observer Looks at the Arab-Israeli Conflict 1951–1955*. London : Calder, 1956. 199 p.
3. Телеграмма посланника СССР в Израиле П.И. Ершова в МИД СССР 26.05.1950 // Ближневосточный конфликт : из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 : в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М. : МФД, 2003. Т. 1: 1947–1956. С. 127.
4. Мджавил М.С. Некоторые историко-правовые аспекты деятельности Лиги арабских государств на международной арене // Ближний Восток: история и современность. М. : Рос. центр стратег. и междунар. исслед., 1997. Вып. 4. С. 90–103.
5. Примаков Е. М. *Анатомия ближневосточного конфликта*. Москва: «Мысль», 1978. 374 с.
6. Editorial Note // *Foreign Relations of the United States*. Vol. V: The Near East and Africa, 1951. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v05/d166> (accessed: 16.02.2021).
7. Negotiating Paper Prepared in the Department of State. Washington, January 4, 1952 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX: The Near and Middle East, 1952–1954. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d55> (accessed: 16.02.2021).
8. Memorandum by the Officer in Charge of Egypt and Anglo-Egyptian Sudan Affairs (Stabler) to the Director of the Office of African and Near Eastern Affairs (Berry). [Washington], June 1, 1950 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. V: The Near East, South Asia and Africa, 1950. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05/d108> (accessed: 16.02.2021).
9. Сейфуль-Мулюков Ф. Июльская революция – новый этап в истории Египта // Современный восток : Ежемесячный научный и общественно-политический журнал ИВ АН СССР. 1957. № 1. С. 16–19.
10. Memorandum by the Deputy Assistant Secretary of State for European Affairs (Bonbright) to the Director of the Office of British Commonwealth and Northern European Affairs (Raynor). Washington, May 9, 1953 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX: The Near and Middle East, 1952–1954. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p2/d1158> (accessed: 16.02.2021).
11. Memorandum of Discussion at the 145th Meeting of the National Security Council, Wednesday, May 20, 1953. Washington // *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX: The Near and Middle East, 1952–1954. Part 2. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p2/d1169> (accessed: 16.02.2021).
12. Крыжко Л.А. Трансформация внешнеполитического курса Египта в начале 1950-х гг. и проблема египетско-израильских взаимоотношений // Международные отношения. 2017. № 1. С. 155–163.
13. Joint Defense and Economic Cooperation Treaty Between the States of the Arab League, June 17, 1950 // *Britannica*. URL: <https://usiraq.procon.org/view.background-resource.php?resourceID=001033> (accessed: 16.02.2021).
14. Руденко Л.Н., Соловьева З.А. Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире. М. : ИВ РАН, 2007. 190 с.
15. Doran M. *Pan-Arabism before Nasser. Egyptian Power Politics and the Palestine Question*. New York : Oxford University Press, 1999. 230 p.
16. Report of the Near East Regional Conference in Cairo. Cairo, March 16, 1950 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. V: The Near East, South Asia and Africa, 1950. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05/d2> (accessed: 16.02.2021).
17. Крыжко Л.А. Египетско-израильские пограничные вооруженные столкновения в первой половине 1950-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (84), ч. 1. С. 97–100.
18. Из записи беседы заместителя заведующего отделом стран Ближнего и Дальнего Востока МИД СССР А.Д. Щиборова с посланником Израиля в СССР М. Намиром 19.04.1950 // Ближневосточный конфликт : из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 : в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М. : МФД, 2003. Т. 1: 1947–1956. С. 123–124.
19. Nasser G.A. *The philosophy of The Revolution*. Cairo : Dar al-Maaref, 1955. 124 p.
20. Нагайчук В.И. Политика США в отношении Египта (50–60-е гг.). Киев: Наукова думка, 1982. 207 с.
21. Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo. Cairo, May 12, 1953 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX: The Near and Middle East, 1952–1954. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d5> (accessed: 16.02.2021).
22. Statement of Policy by the National Security Council. Washington, July 23, 1954 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX: The Near and Middle East, 1952–1954. Part 1. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d219> (accessed: 16.02.2021).
23. Pact of Mutual Co-operation (with exchange of letters). Signed at Baghdad, on 24 February 1955 // *Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of the United Nations*. 1956. Vol. 233. P. 199–217. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20233/v233.pdf> (accessed: 16.02.2021).
24. Telegram from the Embassy in Iraq to the Department of State. Baghdad, March 2, 1955 // *Foreign Relations of the United States*. Vol. XII: Near East Region; Iran; Iraq, 1955–1957. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v12/d420#fn:1.5.4.10.8.16.12.8> (accessed: 16.02.2021).
25. Heikal M.H. *Cutting The Lion's Tail: Suez through Egyptian eyes*. London : Deutsch, 1986. 242 p.
26. Ефремов А. Кризис ближневосточной политики США // Современный Восток. 1958. № 10. С. 9–11.
27. Eden A. *Full Circle. The Memoirs*. London : Published by Cassell, 1960. 619 p.
28. Запись беседы посла СССР в Египте Д.С. Солода с премьер-министром Египта Г. Насером. 08.07.1954 // Ближневосточный конфликт : из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 : в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М. : МФД, 2003. Т. 1: 1947–1956. С. 214–216.
29. Исаев Л.М. Лига Арабских государств: история создания // Восток (Oriens). 2011. № 3. С. 87–94.
30. Румянцев В.П. Идеология панарабизма и ближневосточная политика США и Великобритании в 1950-е гг. // Арабский мир и сопредельные страны: история и современность : межвуз. сб. / отв. ред. В.П. Румянцев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 41–55.
31. Etzioni A. *Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities*. Lanham : Lexington Books, 2001. 412 p.
32. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М. : Центр-полиграф, 2016. 415 с.
33. Запись беседы посланника СССР в Сирии С.С. Немчины с министром иностранных дел Сирии Х. аль-Азмом. 23.03.1955 // Ближневосточный конфликт : из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 : в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М. : МФД, 2003. Т. 1: 1947–1956. С. 261–264.
34. Эпштейн А.Д. Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке. Киев : ДУХ І ЛІТЕРА, 2003. 216 с.
35. Егорин А.З. Насер–Хрущев: дружба-дуэль // Азия и Африка сегодня. 1992. № 7. С. 12–17.
36. Егорин А.З., Абдель Хамид Х.А. Война за ближневосточный мир. М. : Вост. лит., 1998. 166 с.
37. Из письма посольства СССР в Египте заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину. 22.01.1955 // Ближневосточный конфликт : из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967 : в 2 т. / отв. ред. В.В. Наумкин. М. : МФД, 2003. Т. 1: 1947–1956. С. 247–248.
38. Sachar H. M. *Egypt and Israel*. New York : Richard Marek Publishers, 1981. 384 p.

References

1. USA. (1949) Policy Paper Approved by the Foreign Assistance Correlation Committee. Washington, 7 February 1949. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. 1. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v01/d108> (Accessed: 16th February 2021).
2. Hutchison, E. (1956) *Violent Truce. A Military Observer Looks at the Arab-Israeli Conflict 1951–1955*. London: Calder.
3. USSR. (2003) Телеграмма посланника СССР в Израиле П.И. Ершова в МИД СССР 26.05.1950 [Telegram from the USSR Envoy to Israel P.I. Ershov to the USSR Ministry of Foreign Affairs may 26, 1950]. In: Naumkin, V.V. (ed.) *Blizhnevostochnyy konflikt: iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF. 1947–1967* [The Middle East Conflict: From the Documents of the Russian Foreign Policy Archive. 1947–1967]. Vol. 1. Moscow: MFD. p. 127.

4. Mdzhavlikh, M.S. (1997) Nekotorye istoriko-pravovye aspekty deyatelnosti Ligi arabskikh gosudarstv na mezhdunarodnoy arene [Some historical and legal aspects of the activities of the League of Arab States in the International Arena]. *Blizhniy Vostok: istoriya i sovremennost'*. 4. pp. 90–103.
5. Primakov, E.M. (1978) *Anatomiya blizhnnevostochnogo konflikta* [Anatomy of the Middle East Conflict]. Moscow: Mysl'.
6. USA. (1951) Editorial Note. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. V. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v05/d166> (Accessed: 16th February 2021).
7. USA. (1952) Negotiating Paper Prepared in the Department of State. Washington, January 4, 1952. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d55> (Accessed: 16th February 2021).
8. USA. (1950a) Memorandum by the Officer in Charge of Egypt and Anglo-Egyptian Sudan Affairs (Stabler) to the Director of the Office of African and Near Eastern Affairs (Berry). [Washington] June 1, 1950. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. V. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05/d108> (Accessed: 16th February 2021).
9. Seyful-Mulyukov, F. (1957) Iyul'skaya revolyutsiya – novyy etap v istorii Egipta [The July Revolution as a New Stage in the History of Egypt]. *Sovremennyy vostok*. 1. pp. 16–19.
10. USA. (1953a) Memorandum by the Deputy Assistant Secretary of State for European Affairs (Bonbright) to the Director of the Office of British Commonwealth and Northern European Affairs (Raynor). Washington, May 9, 1953. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p2/d1158> (Accessed: 16th February 2021).
11. USA. (1953b) Memorandum of Discussion at the 145th Meeting of the National Security Council, Wednesday, May 20, 1953. Washington, May 20, 1953. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p2/d1169> (Accessed: 16th February 2021).
12. Kryzhko, L.A. (2017) Transformatsiya vneshnepoliticheskogo kursa Egipta v nachale 1950-kh gg. i problema egipetsko-izrail'skikh vzaimootnosheniy [The Transformation of Egypt's Foreign Policy in the Early 1950s and the Problem of Egyptian-Israeli Relations]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 155–163.
13. UK. (2009) *Joint Defense and Economic Cooperation Treaty Between the States of the Arab League, June 17, 1950*. [Online] Available from: <https://usiraq.procon.org/view.background-resource.php?resourceID=001033> (Accessed: 16th February 2021).
14. Rudenko, L.N. & Solovieva, Z.A. (2007) *Liga arabskikh gosudarstv i integratsionnye protsessy v arabskom mire* [The League of Arab States and the Integration Processes in the Arab World]. Moscow: IOS RAS.
15. Doran, M. (1999) *Pan-Arabism before Nasser. Egyptian Power Politics and the Palestine Question*. New York: Oxford University Press.
16. USA. (1950b) Report of the Near East Regional Conference in Cairo. Cairo, March 16, 1950. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. V. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05/d2> (Accessed: 16th February 2021).
17. Kryzhko, L.A. (2017) Egipetsko-izrail'skie pogranichnye vooruzhennyye stolkoveniya v pervoy polovine 1950-kh gg. [Egyptian-Israeli Frontier Military Conflicts in the First Half of the 1950s]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 10(1). pp. 97–100.
18. USSR. (2003) Iz zapisi besedy zamestitelya zaveduyushchego otdelom stran Blizhnego i Dal'nego Vostoka MID SSSR A.D. Shchiborina s poslannikom Izrailiya v SSSR M. Namirom 19.04.1950 [From the Recording of the Conversation Between the Deputy Head of the Department of the Near and Far East of the USSR Ministry of Foreign Affairs A.D. Shchiborin with the Israeli Envoy to the USSR M. Namir April 19, 1950]. In: Naumkin, V.V. (ed.) *Blizhnnevostochnyy konflikt : iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF. 1947–1967* [The Middle East Conflict: From the Documents of the Russian Foreign Policy Archive. 1947–1967]. Vol. 1. Moscow: MFD. pp. 123–124.
19. Nasser, G.A. (1955) *The Philosophy of the Revolution*. Cairo: Dar al-Maaref.
20. Nagaychuk, V.I. (1982) *Politika SShA v otnoshenii Egipta (50–60-e gg.)* [The US Policy Towards Egypt (1950–60s)]. Kiev: Naukova dumka.
21. USA. (1953c) Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo. Cairo, May 12, 1953. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d5> (Accessed: 16th February 2021).
22. USA. (1954) Statement of Policy by the National Security Council. Washington, July 23, 1954. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. IX. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d219> (Accessed: 16th February 2021).
23. UNO. (1955) Pact of Mutual Co-operation (with exchange of letters). Signed at Baghdad, on 24 February 1955. In: *Treaties and International Agreements Registered or Filed and Recorded with the Secretariat of the United Nations*. Vol. 233. pp. 199–217. [Online] Available from: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20233/v233.pdf> (Accessed: 16th February 2021).
24. USA. (1955) Telegram from the Embassy in Iraq to the Department of State. Baghdad, March 2, 1955. In: *Foreign Relations of the United States*. Vol. XII. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v12/d420#fn:1.5.4.10.8.16.12.8> (Accessed: 16th February 2021).
25. Heikal, M.H. (1986) *Cutting the Lion's Tail: Suez through Egyptian eyes*. London: Deutsch.
26. Efremov, A. (1958) Krizis blizhnnevostochnoy politiki SShA [The crisis in the US Middle East Policy]. *Sovremennyy Vostok*. 10. pp. 9–11.
27. Eden, A. (1960) *Full Circle. The Memoirs*. London: Published by Cassell.
28. USSR. (2003) Zapis' besedy posla SSSR v Egipte D.S. Soloda s prem'er-ministrom Egipta G. Naserom. 08.07.1954 [Transcript of the Conversation Between the USSR Ambassador to Egypt D.S. Solod and the Prime Minister of Egypt G. Nasser. July 8, 1954]. In: Naumkin, V.V. (ed.) *Blizhnnevostochnyy konflikt : iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF. 1947–1967* [The Middle East Conflict: From the Documents of the Russian Foreign Policy Archive. 1947–1967]. Vol. 1. Moscow: MFD. pp. 214–216.
29. Isaev, L.M. (2011) Liga Arabskikh gosudarstv: istoriya sozdaniya [The Arab League: The History of Creation]. *Vostok (Oriens)*. 3. pp. 87–94.
30. Rumyantsev, V.P. (2008) Ideologiya panarabizma i blizhnnevostochnaya politika SShA i Velikobritanii v 1950-e gg. [The Ideology of Pan-Arabism and the Middle East Policy of the United States and Great Britain in the 1950s]. In: Rumyantsev, V. P. (ed.) *Arabskiy mir i sopredel'nye strany: istoriya i sovremennost'* [The Arab World and Neighboring Countries: Past and Present]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 41–55.
31. Etzioni, A. (2001) *Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities*. Lanham: Lexington Books.
32. Primakov, E.M. (2016) *Konfidentsial'no: Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami* [Confidential: The Middle East on Stage and Behind the Scenes]. Moscow: Tsentr-poligraf.
33. USSR. (2003) Zapis' besedy poslannika SSSR v Sirii S.S. Nemchiny s ministrom inostrannykh del Sirii Kh. al'-Azemom. 23.03.1955 [Verbatim of the Conversation of the USSR Envoy in Syria S.S. Nemchina with the Minister of Foreign Affairs of Syria H. al-Azem. March 23, 1955]. In: Naumkin, V.V. (ed.) *Blizhnnevostochnyy konflikt : iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF. 1947–1967* [The Middle East Conflict: From the Documents of the Russian Foreign Policy Archive. 1947–1967]. Vol. 1. Moscow: MFD. pp. 261–264.
34. Epshteyn, A. D. (2003) *Voyny i diplomatiya. Arabo-izrail'skiy konflikt v XX veke* [War and Diplomacy. The Arab-Israeli Conflict in the 20th Century]. Kiev: DUKh I LITERA.
35. Egorin, A.Z. (1992) Naser–Khrushchev: druzhba-duel' [Nasser – Khrushchev: A friendship-duel]. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 7. pp. 12–17.
36. Egorin, A.Z. & Abdel Hamid, H.A. (1998) *Voyna za blizhnnevostochnyy mir* [A War for the Middle East Peace]. Moscow: Vostochnaya literatura.
37. USSR. (2003) Iz pis'ma posol'stva SSSR v Egipte zamestitelyu ministra inostrannykh del SSSR V.A. Zorinu. 22.01.1955 [From a Letter from the USSR Embassy in Egypt to Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR V.A. Zorin. January 22, 1955]. In: Naumkin, V.V. (ed.) *Blizhnnevostochnyy konflikt : iz dokumentov arkhiva vneshney politiki RF. 1947–1967* [The Middle East Conflict: From the Documents of the Russian Foreign Policy Archive. 1947–1967]. Vol. 1. Moscow: MFD. pp. 247–248.
38. Sachar, H.M. (1981) *Egypt and Israel*. New York: Richard Marek Publishers.

Сведения об авторах:

Крыжко Лидия Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: lidochka12345@mail.ru

Крыжко Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: jeyson1030@gmail.com

Пашковский Петр Игоревич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: petr.pash@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kryzhko Lydia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: lidochka12345@mail.ru

Kryzhko Evgeny V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and World History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: jeyson1030@gmail.com

Pashkovsky Pyotr I. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Sciences and International Relations, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: petr.pash@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.02.2021; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 21.02.2021; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/88/13

Исследования китайско-индийских отношений в региональном аспекте в КНР: историография в XXI веке

Ли Цимоу¹, Евгений Владимирович Савкович²

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ liqimou@mail.ru

² holly@ngs.ru

Аннотация. Рассматриваются этапы становления исследований в КНР по китайско-индийским отношениям в общих «перифериях», таких как Южная Азия, Центральная Азия и Восточная Азия. Выделено несколько крупных тематических пластов по данной проблематике. Особое внимание уделено китайско-индийским взаимоотношениям в рамках различных международных организаций и механизмов. Обнаружено, что высказывания китайских ученых не вполне систематизированы, кроме того, для большинства работ характерны такие проблемы, как высокая степень однотипности и недостаточно обоснованные аналитические рамки.

Ключевые слова: китайско-индийские отношения, Азия, историография, ШОС, Пояс и Путь

Для цитирования: Ли Цимоу, Савкович Е.В. Исследования китайско-индийских отношений в региональном аспекте в КНР: историография в XXI веке // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 106–113. doi: 10.17223/19988613/88/13

Original article

Studies of Sino-Indian relations from a regional perspective in the PRC: Historiography in the 21st century

Li Qimou¹, Yevgeni V. Savkovich²

^{1,2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ liqimou@mail.ru

² holly@ngs.ru

Abstract. The article provides an overview of the history of formation of research on Sino-Indian relations in People's Republic of China. The purpose of this article is to identify major thematic layers of research on Sino-Indian relations in their "common peripheries" such as South Asia, Central Asia and East Asia. The major stages of Chinese scholars studying Sino-Indian relations at the regional level were divided. The nature of relations between China and India was defined. Special attention has been paid to Sino-Indian relations within the framework of various international organizations and mechanisms. The source base of the study is attainable Chinese literature, including articles in Chinese Core Journals entering the CSCI and A Guide to the Core Journal of China, PhD dissertations and monographs.

The initial phase of the study was from the mid-2000s to 2012 – the beginning and slow development of Chinese research on Sino-Indian relations in their "common peripheries". At this stage several regional strategies were developed or formed in India, including the development of the SAARC, the implementation of the Look East strategy, and the realization of the importance of Central Asia in India's foreign policy. In this period, research of Chinese scholars was limited to the strategic policies, economic and trade ties of China and India with different regions in Asia, as well as analyzing the impact of the regional presence of one of the two countries on the other. This stage is characterized by a shift in research focus from Sino-Indian bilateral relations to the regional dimension and the beginning of comparative research on the issues.

Since 2013, the quantity and quality of Chinese research on the regional dimension of Sino-Indian relations have increased sharply; moreover, the diversification of topics and methodology is clearly observed. This phase is marked by the launch of China's full-scale Belt and Road Initiative in 2013. Immediately thereafter, multilateral frameworks for regional cooperation such as Project Mausam and Act East were launched from the Indian side, signaling a further broadening and deepening of China-India engagement in regions.

It is found that the study of Chinese scholars is not fully systematized; moreover, most of the works are characterized by such problems as a high degree of homogeneity and insufficiently grounded analytical framework in the first phase. However, the quality of Chinese academic work has gradually improved over time, with research topics becoming more diverse and theoretical and methodological frameworks better developed.

Keywords: Sino-Indian relations, Asia, historiography, SCO, Belt and Road

For citation: Li, Qimou, Savkovich, Ye.V. (2024) Studies of Sino-Indian relations from a regional perspective in the PRC: Historiography in the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 106–113. doi: 10.17223/19988613/88/13

Исследовательская область данной работы ограничена проблематикой китайско-индийских отношений в региональном аспекте. В представленном историографическом очерке рассматриваются исследования китайских авторов в сфере международных отношений и геополитики, а также затрагиваются некоторые аспекты экономики, в частности энергетики, и всеобщей истории. Географический охват исследования ограничен Восточной, Южной и Центральной Азией, при этом сознательно не представлены работы, касающиеся только морских аспектов в регионах.

Проведен анализ китайских научных статей, опубликованных в центральных периодических изданиях, диссертаций из базы данных CNKI, монографий, изданных в Главном управлении печати и публикации (General Administration of Press and Publication; GAPP). Монографические работы и диссертации по вопросам китайско-индийских отношений представляют собой большую редкость. Кроме того, настоящая проблематика лишь частично встречается в некоторых разделах монографий или кандидатских диссертаций. При этом в китайских ведущих журналах насчитывается всего около 140 научных статей, непосредственно затрагивающих китайско-индийские отношения в региональном аспекте.

Рассматривая подробнее собранные статьи, следует отметить два ведущих периодических издания – журнал «Исследования Южной Азии» (South Asian Studies), основанный в 1978 г. совместно Академией общественных наук (АОН КНР) и Южно-азиатским обществом Китая, и «Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии» (South Asian Studies Quarterly), основанный исследовательским центром Южной Азии Сычуаньского университета в 1985 г. Направления их исследований китайско-индийского взаимодействия на региональном уровне различаются. Дискурс журнала «Исследования Южной Азии» в основном посвящен экономическому коридору Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма (BCIM) и стратегическому сотрудничеству между Китаем и Индией, в то время как «Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии» отдает предпочтение статьям, посвященным китайско-индийской игре на Морском шелковом пути, в Центральной Азии и на зарубежных энергетических рынках.

Материалы и научные статьи по данной тематике публиковались и в других специализированных периодических изданиях, таких как «Исследование современного Азиатско-Тихоокеанского региона» (Contemporary Asia-Pacific Studies), «Современные международные отношения» (Contemporary International Relations), «Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона» (Asia-Pacific Economic Review), «Международный форум» (International Forum) и «Тихоокеанский журнал» (Pacific Journal), – все они были основаны уже во второй половине XX в.

Именно в этот период – с середины XX до начала XXI в. – был организован ряд исследовательских цен-

тров, в которые вошли Китайский институт исследования международных вопросов (CIIS) и Институт Азиатско-Тихоокеанской и глобальной стратегии АОН КНР. Исследовательские структуры также были созданы в рамках вузов, таких как Сычуаньский университет, Юньнаньский университет, Шаньдунский университет, Университет иностранных дел (CFAU), Ланьчжоуский университет, Фуданьский университет и Пекинский университет. Кроме того, на базе Исследовательского института международных исследований Цинхуаского университета, основанного в 1997 г., был создан Центр южноазиатских исследований, который, в отличие от других, фокусируется на количественном анализе международных отношений. Появление данных структур способствовало увеличению числа исследователей, которые начали заниматься изучением проблем китайско-индийских отношений.

До начала XXI в. исследования китайских ученых по проблематике китайско-индийских связей в основном были посвящены лишь двусторонним отношениям Китая и Индии в связи с обострившимся пограничным спором и ядерными испытаниями в Индии. Во второй половине 2000-х гг. относительная разрядка китайско-индийской напряженности и изменившаяся международная обстановка способствовали расширению диапазона исследований. В совместном заявлении Китая и Индии в 2005 г. установлено и поддержано обеими сторонами стратегическое партнерство, ориентированное на мир и процветание, что свидетельствует об укреплении двусторонних отношений. В 2008 г. в «Совместном видении Китая и Индии на XXI век» были сформулированы предложения по усилению координации в рамках различных механизмов регионального сотрудничества, а также по проведению совместных консультаций с целью продвижения процесса региональной интеграции в Азии. Эти события способствовали появлению исследовательских работ, рассматривающих китайско-индийские отношения в региональном аспекте с акцентом на такие географические зоны, как Южная, Восточная и Центральная Азия, а также на такие политические регионы, как Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и регионы в рамках проекта «Пояс и Путь», которые в значительной степени территориально соприкасаются с Восточной, Южной и Центральной Азией.

Историю развития исследований китайско-индийских отношений в региональном аспекте можно условно разделить на два этапа.

Первый этап (с середины 2000-х гг. по 2012 г.) – становление исследований по данной проблематике вслед за развитием нескольких индийских региональных стратегий, среди которых следует выделить развитие Южноазиатского кооперативного союза (ЮАС), реализацию стратегии «Взгляд на Восток» и осознание важности Центральной Азии для внешней политики Индии. На данном этапе проблематика исследований

огранивалась стратегической политикой, экономическими и торговыми связями Китая и Индии с различными регионами Центральной, Южной или Юго-Восточной Азии, а также анализом влияния регионального присутствия одной из двух стран на другую. Этот этап характеризуется смещением исследовательского фокуса с двусторонних отношений на региональное измерение и началом сравнительного исследования по проблематике.

Второй этап (с 2013 г. по настоящее время) характеризуется волнообразным увеличением количества и повышением качества китайских исследований регионального аспекта китайско-индийских отношений; кроме того, явно наблюдается диверсификация тематики и методологии. Данный этап ознаменовался запуском в 2013 г. полномасштабной инициативы Китая «Пояс и Путь». Сразу же после этого с индийской стороны были выдвинуты многосторонние рамочные программы регионального сотрудничества, такие как «проект Муссона» (Project Mausam) и «Действуй на Востоке», которые свидетельствуют о дальнейшем расширении и углублении взаимодействия Китая и Индии в разных регионах. Вследствие этого на данном этапе появился целый ряд исследовательских работ, посвященных китайско-индийским отношениям именно в рамках этих механизмов.

Начало определению китайско-индийских региональных отношений положил профессор Фуданьского университета Чжан Гуйхун. В его статье «Конкуренция и сотрудничество: китайско-индийские отношения в региональной плоскости», опубликованной в 2006 г., был выдвинут ряд существенных положений, в частности о том, что в Южной Азии в отношениях между Китаем и Индией доминирует конкуренция; в Юго-Восточной Азии наблюдается соперничество по вопросам безопасности, тогда как в экономической сфере преобладает сотрудничество; при этом в Центральной Азии вероятность китайско-индийской конкуренции или конфликта относительно мала, а потенциал сотрудничества велик [1].

Данная статья заложила основу для последующих исследований по поставленной проблематике. В дальнейшем началось изучение каждой из двух стран в одном из трех регионов в экономическом, энергетическом и стратегическом аспектах. Появлялись статьи по исследованию индийской стратегии в Центральной Азии [2], китайской стратегии в Южной Азии [3], торгового сотрудничества Индии с АСЕАН [4], энергетического сотрудничества Китая с Южной Азией [5]. Кроме того, была опубликована статья, касающаяся индийской стратегии в так называемом регионе «Южно-Центральной Азии» [6].

Тем временем в 2009 г. появляется монография Ван Хунвэя «Обзор современных китайско-индийских отношений», которая освещает практически все аспекты китайско-индийского взаимодействия. В одном из разделов представлено описание «северной политики» (Look North Policy) Индии после обретения независимости, которое дополнено отдельными рассуждениями о том, как Китай вошел в качестве наблюдателя в Южно-Азиатскую ассоциацию регионального сотрудниче-

ства (СААРК, SAARC), а также об укреплении отношений Китая и Индии со странами АСЕАН. Работа насыщена отсылками к оригинальным документам и цитатами, на основе чего были подготовлены другие статьи и диссертации [7].

Первая попытка сравнительного исследования китайско-индийских отношений в одном из трех регионов предпринята в 2008 г.: Чжан Гуйхун попытался проанализировать отношения между Китаем и Индией на предмет их конкуренции и сотрудничества в Центральной Азии; данная статья была опубликована в «Ежеквартальном журнале исследований Южной Азии» [8]. После этого были продолжены и углублены исследования в рамках данной проблематики. В 2010 г. появляются научные статьи, затрагивающие отношения Китая и Индии [9] и их стратегии в Юго-Восточной Азии [10]. В 2011 г. исследовательская плоскость по указанной проблематике географически сузилась, ограничившись одной конкретной страной (Мьянма) [11].

Предпринимается также попытка осуществить рассмотрение китайско-индийского взаимодействия в политическом регионе АТР. Исследование начиналось с определения его общности в статье «Исследование общности ролей Китая и Индии в экономическом развитии Азиатско-Тихоокеанского региона» [12]. Вслед за комплексным исследованием Китая и Индии в Восточной Азии, Южной Азии и Центральной Азии появляется специальное исследование Индии в регионах; в 2012 г. также появляется специальное исследование Индии в АТР. В журнале «Исследования Южной Азии» была опубликована статья «Анализ укрепления стратегического сотрудничества Индии со странами АТР и его последствия», в которой совершенно четко отмечено, что укрепление стратегического сотрудничества Индии с такими странами, как США, Россия, Япония, Южная Корея и Вьетнам, в сферах политики, экономики и вооруженных сил, вероятно, окажет негативное влияние на китайско-индийские отношения [13].

На первом этапе в целом разработан вопрос об определении характера отношений – конкуренция или сотрудничество? – между Китаем и Индией в азиатском регионе. Высказывания исследователей фактически совпадают с изначальным суждением Чжан Гуйхуна. Тем не менее данный этап характеризуется однообразием плоскости исследований и недостаточной разработанностью теоретической базы. Основное внимание уделено китайско-индийскому стратегическому, торгово-экономическому и энергетическому сотрудничеству посредством качественного анализа политической науки.

Начало второго этапа исследований связано с запуском в 2013 г. инициативы «Пояс и Путь». На данном этапе появилось большое количество работ, посвященных китайско-индийским отношениям в контексте региональных многосторонних рамок.

В качестве важной части стратегии «Пояс и Путь» экономический коридор Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма, соединяющий Юго-Восточную и Южную Азию, представляет собой актуальную тему в китайской научно-исследовательской среде. Он изучается с точки зрения актуальности создания данного коридо-

ра [14, 15], торгово-экономических отношений внутри региона [16], выбора механизмов [17] и маршрутов [18], а также в аспекте геополитических конфликтов в силовых структурах [19]. Следует подчеркнуть, что описанные в перечисленных работах исследования в большей степени относятся к макроуровню: в них содержится комплекс предложений по построению коридора на экономическом, политическом, дипломатическом уровнях, а также в сфере безопасности. Представлены также базовая статистическая информация и тщательный количественный анализ сотрудничества в рамках субрегиона.

Примерно через год после запуска инициативы «Пояс и Путь» Индия и США заметно сблизились. Был опубликован поддержанный обеими сторонами документ «Заявление о совместном стратегическом видении Азиатско-Тихоокеанского региона и региона Индийского океана», который призвал к сращиванию индийской политики «действия на Востоке» (Act East) с политикой Соединенных Штатов «Азиатско-Тихоокеанский ребаланс» (Asia-Pacific Rebalance). В это же время появилась научная статья, посвященная дипломатической игре между Китаем, США, Индией и Японией в АТР [20]. В связи с громким запуском в 2017 г. концепции американской версии ИТР, которая рассматривает Индийский и Тихий океаны как геостратегическое целое, китайские ученые начали активно проводить исследования по вопросам влияния «американского ИТР» на Китай. Предполагалось, что индо-тихоокеанская стратегия не приведет к ухудшению китайско-индийских отношений [21].

Следует подчеркнуть, что в последние годы наблюдается непрерывный рост интереса к ИТР. В 2017 г. в Университете иностранных дел была завершена кандидатская диссертация на тему «Китайско-индийское стратегическое взаимодействие в Индо-Тихоокеанском регионе», которая стала первой в Китае кандидатской диссертацией, посвященной изучению китайско-индийских отношений на региональном уровне. Автором была выдвинута теория «синергии суша–море», в качестве кейсов для нее были выбраны синергетические стратегические отношения Китая с Южной Азией и Индии с Восточной Азией. При этом было рассмотрено влияние сторонних факторов на взаимодействие Китая и Индии в ИТР, а также возможность соединения стратегий Китая и Индии, в частности ВСИМ, «Морской шелковый путь XXI века» и «проект Мусона». Причем позицию автора по поводу китайско-индийских отношений в ИТР можно охарактеризовать как условно оптимистичную: он отмечает большой потенциал сотрудничества между двумя странами. Однако с учетом постепенно расширяющихся в последние годы американо-индийских отношений убежденность автора нуждается в проверке [22].

С другой стороны, укрепление связей Индии с региональными многосторонними организациями вызывает озабоченность китайских исследователей. В 2016 г. Китайским издательством социальных наук (China Social Science Press) была издана политологическая монография Лонг Синчуня под названием «Дипломатия великой державы Индии», которая содержит размыш-

ления о стремлении Индии к повышению своего статуса «великой державы» посредством создания механизма региональной многосторонней дипломатии «X + 1» с региональной организацией АСЕАН [23]. В этом же году был издан труд «Великая трансформация АСЕАН, Китая и Индии» (в переводе), в котором представлена статистическая информация и рассмотрена возможность сотрудничества региона АСЕАН, Китая и Индии (АСИ) в шести аспектах: инклюзивный рост и качество жизни, двигатели производительности и роста, энергетические водные ресурсы и охрана окружающей среды, будущее финансовой трансформации, региональное взаимодействие и глобальное сотрудничество, а также содержится призыв к переходу в регионе АСИ к модели сотрудничества нового регионализма, основанной на масштабной инициативе [24]. Эти две научные работы предоставляют информативные материалы для дальнейших исследований по китайско-индийскому сотрудничеству в Юго-Восточной Азии.

Уделяется также внимание китайско-индийским отношениям в рамках многосторонней региональной Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). После включения в ШОС в 2017 г. Индии и Пакистана появляются научные статьи, посвященные вызовам и возможностям, связанным с данным событием, а также поиску путей взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и Индией в рамках ШОС. Ян Цзю и Ли Лян определили мотивы вступления Индии в ШОС как с практической, так и со стратегической точки зрения. Кроме того, рассматривается новый путь взаимодействия Китая, России и Индии в «стратегическом треугольнике» [25]. На основе этого в том же году Ли Лян и Цзэн Сяньхун вывели четыре модели взаимодействия Китая, Индии и России в рамках ШОС [26]. Более того, в исследовательское поле вошли не только три страны: впоследствии появились и научные работы о сотрудничестве Китая, России, Индии и Пакистана в области безопасности на основе результатов голосов четырех стран в ООН [27]. Кроме того, в статье Го Ляньчэна и Лу Цзяци была проанализирована неопределенность развития ШОС после вступления Индии в ее состав, однако ввиду политических факторов следует отметить необъективность некоторых рассуждений авторов [28]. В дополнение к традиционным политологическим и историческим подходам была выявлена эволюция восприятия Индией ШОС в рамках политической психологии: авторы утверждают, что осознание Индией значимости ШОС происходило постепенно и имело относительно негативный характер [29]. В целом в представленных работах недостаточно исследованными остаются вопросы восприятия Китаем Индии в рамках ШОС, а также выбора Китаем своей политики и характера его влияния. Исследовательское внимание в основном фокусировалось лишь на влиянии со стороны Индии, при этом работы китайских исследователей неизбежно содержат немалое количество негативных высказываний в адрес данной страны.

Помимо этого, сравнительный анализ взаимодействия Индии и Китая в регионах Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, проводившийся на первом этапе, получил свое развитие и на втором этапе. При-

чем круг научных изысканий на этом этапе стал разнообразнее: от преимущественного изучения характера отношений и сравнения стратегий двух стран до междисциплинарных исследований.

Первоначально проблематика исследований была ограничена одним регионом: изучение ключевых аспектов построения взаимоувязанной сети в Восточной Азии [30]. Были выявлены общие интересы Китая и Индии в Центральной Азии в сфере борьбы с терроризмом и конкурентные интересы в энергетическом и стратегическом соперничестве [31]. Поскольку вопрос энергетики затрагивает ключевые интересы Китая и Индии в Центральной Азии, в дальнейшем подробно анализировались энергетические стратегии, с помощью которых Китай и Индия ведут энергетическую игру в этом регионе [32]. Что касается Южной Азии, Индия рассматривает ее как «свой двор» и с большой опаской относится к действиям здесь Китая. В связи с этим осуществлено исследование современного состояния порядка и безопасности в Южной Азии и стратегической корректировки Индии при участии Китая [33].

Впоследствии Ван Сяонин сопоставил способность экономического влияния двух стран – Китая и Индии – на государства Южной Азии посредством построения статистической модели, что, безусловно, обогащает исследовательский подход [34]. Юго-Восточная Азия является для Китая и Индии ключевым регионом в их региональной дипломатии, поэтому она, бесспорно, находится в центре внимания китайских исследователей. В статье Лу Гуаншэна, известного ученого из Юньнаньского университета, в рамках теории регионализма были выявлены отличия регионального сотрудничества Китая в Юго-Восточной Азии от сотрудничества Индии в этом же регионе с точки зрения региональных интересов государств, взаимного восприятия, исключительности, экстерриториальных факторов и эффективности сотрудничества [35]. Ввиду обоснованности теоретической базы сравнительного анализа регионального аспекта следует отметить ее научную ценность для практического применения. Охарактеризованные выше статьи иллюстрируют обогащение тематики исследований китайско-индийских отношений в отдельном регионе. Однако по-прежнему отсутствует систематическое исследование отношений Китая и Индии в их соседних регионах.

В 2018 г. вышла в свет монография «Исследования современных китайско-индийских отношений: теоретические инновации и стратегические решения» (автор – Е Хайлин, эксперт по международным вопросам Академии общественных наук (АОН КНР)), в которой развитие китайско-индийских отношений рассматривается системно на трех уровнях: двустороннем, региональном и международном. При этом на региональном уровне анализируется в основном китайско-индийское взаимодействие в Южной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе [36]. Однако в данной работе слабо разработанным выглядит системное рассмотрение регионального аспекта.

В последние годы появились издания, объединяющие в своих научных разработках сразу три региона. В 2022 г. была опубликована статья «От общего соседства к конкурентному соседству», которая стала логическим продолжением сравнительного исследования китайско-индийских отношений в Юго-Восточной Азии. На этот раз профессор Лу Гуаншэн предпринял попытку применить прочную теоретическую базу для анализа китайско-индийского взаимодействия с соседними регионами в составе 20 стран Центральной, Южной и Западной Азии, Юго-Восточной Азии и ИТР. Были проанализированы факторы перехода от «общей периферии» к «конкурентной периферии», с аспектов симметрии великих держав на различия в восприятии и совместимости периферийных стратегий великих держав [37].

Более того, взяв в качестве объекта исследования 22 соседних с Китаем и Индией страны Юго-Восточной, Центральной и Южной Азии, Ниу Фучан и другие исследователи построили модель геоэкономического могущества, основанную на теории взаимозависимости, и провели анализ пространственно-временной эволюции геоэкономического превосходства Китая и Индии над соседними странами [38]. Учитывая географический подход, использованный в данной статье, следует подчеркнуть ее несомненное новаторство. Кроме того, в статье представлены информативная база данных и продуманная модель сравнительного анализа китайско-индийских взаимодействий сразу в трех регионах, что отчасти компенсирует недостаток методологий, поддержки данных и эмпирического анализа в изучении настоящей проблематики.

Примечательно, что исследования не ограничились изучением влияния Китая и Индии на регионы, в некоторых статьях также затрагивался вопрос стратегического выбора целевых стран на фоне региональной игры между Китаем и Индией. Например, «Динамический баланс» в отношениях Шри-Ланки с Китаем и Индией» [39], «Стратегическое хеджирование малых государств в Южной Азии и варианты политики Китая в Южной Азии» [40].

Опираясь на представленные в нашем обзоре работы китайских ученых, в развитии исследований китайско-индийских отношений можно выделить несколько тенденций: 1) смещение плоскости исследований от двустороннего к региональному и глобальному; 2) расширение проблематики исследований; 3) рост качества исследований, использование новейших научных методов и зрелого теоретического аппарата. Однако на этом фоне наблюдается очевидная недостаточность систематического исследования китайско-индийских отношений на общерегиональном уровне. Существует необходимость в систематическом изучении китайско-индийских взаимодействий в общих периферийных регионах в теоретическом, историческом и практическом аспектах, а также с точки зрения географии, экономики и сферы безопасности.

Список источников

1. 张贵洪.竞争与合作:地区视角下的中印关系//当代亚太,2006(12):12-18+51. [Чжан Гуйхун. Конкуренция и сотрудничество: китайско-индийские отношения в региональной перспективе // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2016. № 12. С. 12–18.]

2. 张诚. 印度的中亚战略及其对中国的影响//新疆社会科学, 2007(6):5.DOI:10.3969 [Чжан Чэн. Центральная азиатская стратегия Индии и ее влияние на Китай // Синьцзянская социальная наука. 2007. № 06. С. 1–5.]
3. 张贵洪. 中国与南亚地区主义:以南亚区域合作联盟为例//南亚研究, 2008(02):3-7.DOI:10.16608/j.cnki.nuyj.2008.02.009 [Чжан Гуйхун. Китай и южноазиатский регионализм: пример Южноазиатской ассоциации регионального сотрудничества // Южноазиатские исследования. 2008. № 02. С. 3–7.]
4. 李好. 印度与东盟贸易合作对我国的影响//经济纵横, 2009(05):115-118.DOI:10.16528/j.cnki.22-1054/f.2009.05.031 [Ли Хао. Влияние торгового сотрудничества между Индией и АСЕАН на Китай // Экономика. 2009. № 05. С. 115–118.]
5. 戴永红, 秦永红. 中国与南亚能源合作中的地缘政治战略考量//四川大学学报(哲学社会科学版), 2010(02):77-84. [Дай Юнхун, Цинь Юнхун. Геополитические и стратегические соображения в энергетическом сотрудничестве Китая с Южной Азией // Журнал Сычуаньского университета (издание по философии и социальным наукам). 2010. № 02. С. 77–84.]
6. 傅小强. 印度对中南亚地区战略评析//外交评论(外交学院学报), 2011, 28(05):28-38.DOI:10.13569/j.cnki.far.2011.05.011 [Фу Сюэцян. Комментарии к стратегии Индии в Центральной и Южной Азии // Дипломатическое обозрение: журнал Колледжа иностранных дел. 2011. Т. 28, № 05. С. 28–38.]
7. 王宏伟. 当代中印关系述评. 辽宁科学技术出版社, 2009. [Ван Хунвэй. Обзор современных китайско-индийских отношений. Ляонин: Ляонинское науч.-техн. изд-во, 2009.]
8. 张贵洪, 戎婷蓉. 从博弈到共赢:中印在中亚的竞争与合作//南亚研究季刊, 2008(04):8-12. [Чжан Гуйхун, Ронг Тингун. От игры к выигрышу: китайско-индийская конкуренция и сотрудничество в Центральной Азии // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2008. № 04. С. 8–12.]
9. 陈继东. 中国、印度在东南亚的合作与竞争//南亚研究季刊, 2010(02):65-69+113-114.DOI:10.13252/j.cnki.sasq.2010.02.016 [Чэнь Цидун. Сотрудничество и конкуренция между Китаем и Индией в Юго-Восточной Азии // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2010. № 02. С. 65–69.]
10. 张诚, 杨银银. 中印中亚战略比较分析//新疆社会科学, 2010(06):49-53. [Чжан Чэн, Ян Иньинь. Сравнительный анализ китайско-индийской стратегии в Центральной Азии // Синьцзянская социальная наука. 2010. № 06. С. 49–53.]
11. 王琛, 姚璐. 冷战后中印在缅甸的合作竞争关系//东南亚研究, 2011(02):77-82.DOI:10.19561/j.cnki.sas.2011.02.013 [Ван Чэнь, Яо Лу. Китайско-индийское сотрудничество и конкуренция в Мьянме после холодной войны // Исследования Юго-Восточной Азии. 2011. № 02. С. 77–82.]
12. 张学惠. 中印两国在亚太经济发展中作用的共性研究//亚太经济, 2007(06):106-110.DOI:10.16407/j.cnki.1000-6052.2007.06.010 [Чжан Сюэхуэй. Исследование общности роли Китая и Индии в экономическом развитии Азиатско-Тихоокеанского региона // Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона. 2007. № 06. С. 106–110.]
13. 杨思灵. 试析印度加强与亚太国家战略合作及其影响//南亚研究, 2012(01):1-14.DOI:10.16608/j.cnki.nuyj.2012.01.007 [Янг Силинг. Тестовый анализ укрепления стратегического сотрудничества Индии со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и его последствия // Исследования Южной Азии. 2012. № 01. С. 1–14.]
14. 陈利君. 建设孟中印缅经济走廊的前景与对策//云南社会科学, 2014(01):1-6. [Чэнь Лицзюнь. Перспективы и контрмеры по созданию экономического коридора Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма // Юньнаньские общественные науки. 2014. № 01. С. 1–6.]
15. 李艳芳. 推进孟中印缅经济走廊贸易投资的战略意义与可行性分析//太平洋学报, 2016, 24(05):61-70.DOI:10.14015/j.cnki.1004-8049.2016.5.007 [Ли Яньфань. Стратегическое значение и анализ целесообразности продвижения торговли и инвестиций в экономическом коридоре Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма // Тихоокеанский журнал. 2016. Т. 24, № 05. С. 61–70.]
16. 李艳芳, 李波. 孟中印缅次区域合作中的经贸关系分析//亚太经济, 2014(06):80-85.DOI:10.16407/j.cnki.1000-6052.2014.06.024 [Ли Яньфань, Ли Бо. Анализ экономических и торговых отношений в субрегиональном сотрудничестве Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма // Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона. 2014. № 06. С. 80–85.]
17. 刘鹏. 孟中印缅次区域合作的国际机制建设//南亚研究, 2014(04):47-66+154-155.DOI:10.16608/j.cnki.nuyj.2014.04.005 [Лю Пэн. Построение международного механизма для субрегионального сотрудничества Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма // Исследования Южной Азии. 2014. № 04. С. 47–66.]
18. 殷永林. 孟中印缅经济走廊的线路研究//云南社会科学, 2016(01):73-77. [Инь Юнлин. Исследование маршрута экономического коридора Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма // Социальные науки Юньнань. 2016. № 01. С. 73–77.]
19. 刘稚, 黄德凯. 地缘政治权力结构冲突下的孟中印缅经济走廊建设//南亚研究, 2018(01):27-49+157-158.DOI:10.16608/j.cnki.nuyj.2018.01.03 [Лю Чжи, Хуан Дэкай. Строительство экономического коридора Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма в условиях конфликта геополитической структуры власти // Южноазиатские исследования. 2018. № 01. С. 27–49.]
20. 林晓光. 从地缘战略看亚太地区大国关系:中美日印的外交博弈//南亚研究季刊, 2015(02):18-26+4.DOI:10.13252/j.cnki.sasq.2015.02.003 [Линь Сюэгуан. Отношения великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе с геостратегической точки зрения: дипломатическая игра Китая, США, Японии и Индии // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2015. № 02. С. 18–26.]
21. 王立鹏, 李家胜. 美国“印太战略”背景下中印关系的新一轮调适//当代世界, 2019(10):58-64.DOI:10.19422/j.cnki.dds.2019.10.009 [Ван Липэн, Ли Цзяшэн. Новый виток корректировки китайско-индийских отношений в контексте «индо-тихоокеанской стратегии» США // Современный мир. 2019. № 10. С. 58–64.]
22. 周帅. 中印在印太地区的战略互动[博士学位论文]. 外交学院, 2017 [Чжоу Шуай. Китайско-индийское стратегическое взаимодействие в Индо-Тихоокеанском регионе: дис. ... канд. полит. наук. Пекин, 2017.]
23. 龙兴春. 印度大国外交. 北京: 中国社会科学出版社, 2016. ISBN: 978-7-5161-8406-6 [Лонг Синчунь. Великодержавная дипломатия Индии. Пекин: Китайское изд-во соц. наук, 2016.]
24. 张成智译, 亚洲开发银行、亚洲开发银行研究院编. 东盟、中国与印度: 大转型. 北京: 社会科学文献出版社, 2016. ISBN: 978-7-5097-9038-0 [Чанг Сунджжи. АСЕАН, Китай и Индия: великая трансформация / под ред. Азиатского банка развития и Открытого банковского института для Азии. Пекин: Изд-во лит. по обществ. наукам, 2016.]
25. 杨恕, 李亮. 寻求合作共赢:上合组织吸纳印度的挑战与机遇//外交评论(外交学院学报), 2018, 35(01):36-65.DOI:10.13569/j.cnki.far.2018.01.036 [Ян Цзюй, Ли Лян. В поисках взаимовыгодного сотрудничества: вызовы и возможности поглощения Индии ШОС // Дипломатическое обозрение (Вестник университета иностранных дел). 2018. Т. 35, № 01. С. 36–65.]
26. 李亮, 曾向红. 上海合作组织框架下中俄印互动模式前瞻——模型构建与现实可能//新疆师范大学学报(哲学社会科学版), 2018, 39(06):96-114.DOI:10.14100/j.cnki.65-1039/g4.20180622.007 [Ли Лян, Цэн Сянхун. Перспектива паттернов взаимодействия Китая и России и Индии в рамках Шанхайской организации сотрудничества – построение модели и реалистичные возможности // Журнал Синьцзянского нормального университета: (издание по философии и социальным наукам). 2018. Т. 39, № 06. С. 96–114.]
27. 刘倩. 上海合作组织框架内的中俄印巴安全合作——基于四国在联合国大会投票的考察//南亚研究, 2021(02):95-131+158-159.DOI:10.16608/j.cnki.nuyj.2021.02.05 [Лю Цянь. Китай–Россия–Индия–Пакистан. Сотрудничество в области безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества – анализ на основе голосования четырех стран на Генеральной Ассамблее ООН // Южноазиатские исследования. 2021. № 02. С. 95–131.]
28. 郭连成, 陆佳琦. 上海合作组织扩员:新机遇与新挑战//财经问题研究, 2019(03):106-115.DOI:10.19654/j.cnki.cjwtyj.2019.03.013 [Го Ляньчэн, Лу Цзяци. Расширение Шанхайской организации сотрудничества: новые возможности и новые вызовы // Исследования по финансовым вопросам. 2019. № 03. С. 106–115.]

29. 李孝天. 印度对上海合作组织的认知、利益诉求及其影响 // 国际论坛, 2019, 21(06): 45-65+156-157. DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2019.06.004 [Ли Сюэтянь. Восприятие Индией Шанхайской организации сотрудничества, ее интересы и влияние // Международные форумы. 2019. Т. 21, № 06. С. 45–65.]
30. 田丰, 任琳. 中印关系视角下东亚互联互通的推进与完善 // 人民论坛, 2014(34): 26-28. DOI: 10.16619/j.cnki.rmlt.2014.34.057. [Тянь Фэн, Рен Линь. Продвижение и улучшение восточноазиатской связности с точки зрения китайско-индийских отношений // Народный форум. 2014. № 34. С. 26–28.]
31. 张淑兰, 康静. 中印两国在中亚地区的存在与互动 // 山东大学学报(哲学社会科学版), 2016(01): 52-60. [Чжан Шулань, Кан Цзин. Присутствие и взаимодействие Китая и Индии в Центральной Азии // Вестник Шаньдунского университета : (издание по философии и социальным наукам). 2016. № 01. С. 52–60.]
32. 刘红涛, 张梦露. 中印在中亚地区的能源战略布局及博弈前景 // 南亚研究季刊, 2017, (02): 16-22+4. DOI: 10.13252/j.cnki.sasq.2017.02.003 [Лю Хунтао, Чжан Мэнлу. Схема энергетической стратегии Китая и Индии и перспективы игры в Центральной Азии // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2017. № 02. С. 16–22.]
33. 杨晓萍. 双重互动与南亚安全秩序构建 // 国际展望, 2016, 8(03): 126-141+148-149. DOI: 10.13851/j.cnki.gjzw.201603008. [Ян Сяопин. Двойное взаимодействие и построение порядка безопасности в Южной Азии // Международная перспектива. 2016. Т. 8, № 03. С. 126–141.]
34. 万晓宁. 中国与印度在南亚地区经济影响力比较研究——基于贸易视角 // 南亚研究季刊, 2019(01): 32-44+5. DOI: 10.13252/j.cnki.sasq.2019.01.05. [Ван Сяонин. Сравнительное исследование экономического влияния Китая и Индии в Южной Азии на основе торговой перспективы // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2019. № 01. С. 32–44.]
35. 卢光盛, 聂姣. 中国和印度与东南亚区域合作的比较与竞合 // 南亚研究, 2020(01): 74-100+150-151. [Лу Гуаншэн, Ни Цзяо. Сравнение и конкуренция между Китаем и Индией в региональном сотрудничестве с Юго-Восточной Азией // Исследования Южной Азии. 2020. № 01. С. 74–100.]
36. 叶海林. 当代中印关系研究: 理论创新与战略选择. 北京: 社会科学文献出版社. 2018. 185 页. ISBN: 9787520140546 [Е Хайлинь. Современные китайско-индийские отношения: теоретические инновации и стратегические выборы. Пекин: Изд-во лит. по обществ. наукам, 2018. 185 с.]
37. 卢光盛, 聂姣. 从“共同周边”到“竞争周边”——俄欧在共同周边的互动教训对中印的启示 // 南亚研究, 2022, (01): 1-26+154-155. DOI: 10.16608/j.cnki.nyyj.2022.01.01 [Лу Гуаншэн, Ни Цзяо. От «общего соседства» к «конкурентному соседству» – уроки взаимодействия России и Европы в общем соседстве для Китая и Индии // Исследования Южной Азии. 2022. № 01. С. 1–26.]
38. 牛福长, 胡志丁, 王学文. 中国和印度对周边国家的地缘经济权力时空演化 // 经济地理, 2021, 41(06): 1-11. DOI: 10.15957/j.cnki.jjdl.2021.06.001 [Ниу Фучан, Ху Чжидин, Ван Сюэвэн. Пространственно-временная эволюция геоэкономической власти Китая и Индии над соседними странами // Экономическая география. 2021. Т. 41, № 06. С. 1–11.]
39. 杨晓萍. 斯里兰卡对华、对印关系中的“动态平衡” // 南亚研究季刊, 2013, (02): 93-99+6. DOI: 10.13252/j.cnki.sasq.2013.02.016 [Ян Сяопин. «Динамический баланс» в отношениях Шри-Ланка с Китаем и Индией // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии. 2013. № 02. С. 93–99.]
40. 冯立冰, 连昌惠. 南亚小国的战略对冲与中国的南亚地区政策选择 // 外交评论(外交学院学报), 2022, 39(04): 87-109+6-7. DOI: 10.13569/j.cnki.far.2022.04.087 [Фэн Либин, Лян Чанхуэй. Стратегический залог малых государств в Южной Азии и варианты политики Китая в Южной Азии // Дипломатическое обозрение (Вестник университета иностранных дел). 2022. Т. 39, № 04. С. 87–109.]

References

1. Zhang Guihong. (2006) Competition and Cooperation: China-India Relations from a Regional Perspective. *Contemporary Asia-Pacific*. 12. pp. 12–18.
2. Zhang Cheng. (2007) India's Central Asia Strategy and Its Impact on China. *Xinjiang Social Science*. 6. pp. 1–5. DOI: 10.3969
3. Zhang Guihong. (2008) China and South Asian Regionalism: The Case of South Asian Association for Regional Cooperation. *South Asian Studies*. 2. pp. 3–7.
4. Li Hao. (2009) The Impact of India-ASEAN Trade Cooperation on China. *Economy*. 05. pp. 115–118. DOI: 10.16528/j.cnki.22-1054/f.2009.05.031
5. Dai Yonghong & Qin Yonghong. (2010) Geopolitical Strategic Considerations in Energy Cooperation between China and South Asia. *Journal of Sichuan University (Philosophy and Social Science Edition)*. 2. pp. 77–84.
6. Fu Xiaoqiang. (2011) Commentary on India's Strategy in Central and South Asia. *Diplomatic Review (Journal of Foreign Affairs College)*. 28(5). pp. 28–38.
7. Wang Hongwei. (2009) *Review of Contemporary China-India Relations*. Liaoning: Liaoning Science and Technology Press.
8. Zhang Guihong. (2008) Rong Tingrong. From Game to Win-Win: Sino-Indian Competition and Cooperation in Central Asia. *South Asian Studies Quarterly*. 4. pp. 8–12.
9. Chen Zidong. (2010) Cooperation and Competition between China and India in Southeast Asia. *South Asian Studies Quarterly*. 2. pp. 65–69.
10. Zhang Cheng & Yang Yinyin. (2010) Comparative Analysis of China-India Central Asia Strategy. *Xinjiang Social Science*. 6. pp. 49–53.
11. Wang Chen & Yao Lu. (2011) Sino-Indian Cooperation and Competition in Myanmar after the Cold War. *Southeast Asian Studies*. 2. pp. 77–82.
12. Zhang Xuehui. (2007) A study on the commonality of the roles of China and India in the economic development of Asia-Pacific. *Asia-Pacific Economy*. 6. pp. 106–110.
13. Yang Xiling. (2012) Analyzing India's Strengthening Strategic Cooperation with Asia-Pacific Countries and Its Impact. *South Asian Studies*. 1. pp. 1–14.
14. Chen Lijun. (2014) Prospects and Countermeasures for Building the Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor. *Yunnan Social Science*. 1. pp. 1–6.
15. Li Yanfan. (2016) Strategic significance and feasibility analysis of promoting trade and investment in Bangladesh-China-India-Myanmar economic corridor. *Pacific Journal*. 24(5). pp. 61–70.
16. Li Yanfan & Li Bo (2014) Analysis of economic and trade relations in Bangladesh-China-India-Myanmar subregional cooperation. *Asia-Pacific Economy*. 6. pp. 80–85.
17. Liu Peng. (2014) Construction of International Mechanisms for Bangladesh-China-India-Myanmar Subregional Cooperation. *South Asian Studies*. 4. pp. 47–66.
18. Yin Yonglin. (2016) Study on the routes of Bangladesh-China-India-Myanmar economic corridor. *Yunnan Social Science*. 1. pp. 73–77.
19. Liu Zhi & Huang Dekai. (2018) The construction of Bangladesh-China-India-Myanmar economic corridor under the conflict of geopolitical power structure. *South Asian Studies*. 1. pp. 27–49.
20. Lin Xiaoguang. (2015) Great power relations in the Asia-Pacific region from a geostrategic perspective: The diplomatic game of China, the United States, Japan and India. *South Asian Studies Quarterly*. 2. pp. 18–26.
21. Wang Lipeng & Li Jiaoheng. (2019) A New Round of Adjustment of China-India Relations in the Context of U.S. "Indo-Pacific Strategy." *Contemporary World*. 10. pp. 58–64.
22. Zhou Shuai. (2017) *China-India Strategic Interaction in the Indo-Pacific Region*. PhD Thesis. Foreign Affairs College.
23. Long Xingchun. (2016) *India's Great Power Diplomacy*. Beijing: China Social Science Press.

24. Chang Sungji. (2016) *Asian Development Bank and Open Banking Institute for Asia*. Beijing: Social Science Literature Press.
25. Yang Jiu & Li Liang. (2018) Seeking win-win cooperation: Challenges and opportunities of SCO's absorption of India. *Diplomatic Review (Journal of Foreign Affairs College)*. 35(1). pp. 36–65.
26. Li Liang & Zeng Xianghong. (2018) Prospect of China-Russia-India Interaction Patterns under the Framework of Shanghai Cooperation Organization – Model Construction and Realistic Possibilities. *Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Science Edition)*. 39(6). pp. 96–114.
27. Liu Qian. (2021) China-Russia-India-Pakistan Security Cooperation within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization – An Examination Based on the Voting of the Four Countries in the UN General Assembly. *South Asian Studies*. 2. pp. 95–131.
28. Guo Liancheng & Lu Jiaqi. (2019) Expansion of the Shanghai Cooperation Organization: new opportunities and new challenges. *Research on Financial Issues*. 3. pp. 106–115.
29. Li Xiaotian. (2019) India's Perception of the Shanghai Cooperation Organization, Its Interests and Its Impact. *International Forum*. 21(6). pp. 45–65.
30. Tian Feng & Ren Lin. (2014) The Promotion and Improvement of East Asian Connectivity from the Perspective of China-India Relations. *People's Forum*. 34. pp. 26–28.
31. Zhang Shulan & Kang Jing. (2016) The presence and interaction of China and India in Central Asia. *Journal of Shandong University (Philosophy and Social Science Edition)*. 1. pp. 52–60.
32. Liu Hongtao & Zhang Menglu. (2017) China and India's energy strategy layout and game prospect in Central Asia. *South Asian Studies Quarterly*. 2. pp. 16–22.
33. Yang Xiaoping. (2016) Dual Interaction and the Construction of Security Order in South Asia. *International Outlook*. 8(3). pp. 126–141.
34. Wan Xiaoning. (2019) A comparative study of China and India's economic influence in South Asia - based on trade perspective. *South Asian Studies Quarterly*. 1. pp. 32–44.
35. Lu Guangsheng & Nie Jiao. (2020) Comparison and Competition between China and India and Regional Cooperation in Southeast Asia. *South Asian Studies*. 1. pp. 74–100.
36. Ye Hailin. (2018) *Contemporary Studies on China-India Relations: Theoretical Innovation and Strategic Choices*. Beijing: Social Science Literature Press.
37. Lu Guangsheng & Ni Jiao. (2022) From “Common Neighborhood” to “Competitive Neighborhood” – The Lessons of Russia-Europe Interaction in the Common Neighborhood for China and India. *South Asian Studies*. 1. pp. 1–26.
38. Niu Fuchang, Hu Zhiding & Wang Xuewen. (2021) Spatio-temporal evolution of China and India's geo-economic power over neighboring countries. *Economic Geography*. 41(6). pp. 1–11.
39. Yang Xiaoping. (2013) The “Dynamic Balance” in Sri Lanka's Relations with China and India. *South Asian Studies Quarterly*. 2. pp. 93–99.
40. Feng Libing & Lian Changhui. (2022) The Strategic Hedge of Small States in South Asia and China's Policy Options in South Asia. *Diplomatic Review (Journal of Foreign Affairs College)*. 39(4). pp. 87–109.

Сведения об авторах:

Ли Цимоу – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: liqimou@mail.ru

Савкович Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: holly@ngs.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Li Qimou – Postgraduate student of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: liqimou@mail.ru

Yevgeni V. Savkovich – Doctor of Historical Sciences, Professor department of Oriental Studies of Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: holly@ngs.ru

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.01.2024; accepted for publication 01.04.2024

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; принята к публикации 01.04.2024

Научная статья
УДК 327(410)
doi: 10.17223/19988613/88/14

Гарольд Макмиллан и Суэцкий кризис 1956 г.

Владимир Петрович Румянцев

Томский государственный университет, Томск, Россия, rumv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена роли британского политика Г. Макмиллана в Суэцком кризисе 1956 г. Во время этого кризиса Г. Макмиллан занимал пост министра финансов Великобритании, что не помешало ему стать одним из главных «архитекторов» ближневосточного конфликта 1956 г. На основе британских архивных документов и личного дневника Г. Макмиллана реконструирована двойственная игра, которую вел глава казначейства Соединенного Королевства. Выяснено, что во имя имперских интересов, как их понимал министр финансов Великобритании, и ради достижения собственных политических целей Г. Макмиллан неоднократно в период Суэцкого кризиса прибегал к искажению информации, доносимой им высшему руководству Консервативной партии.

Ключевые слова: Гарольд Макмиллан, Суэцкий кризис, Великобритания, Британская империя, американо-британские отношения

Для цитирования: Румянцев В.П. Гарольд Макмиллан и Суэцкий кризис 1956 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 114–122. doi: 10.17223/19988613/88/14

Original article

Harold Macmillan and the Suez Crisis of 1956

Vladimir P. Rumyantsev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, rumv@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the role of the British politician Harold Macmillan in the Suez Crisis of 1956. Based on British archival documents and MacMillan's personal diary, this article recreates a double game played by the head of the Treasury.

Harold Macmillan belongs to the number of British politicians whose biographies have many "white spots", carefully hidden by themselves and their surroundings. One of these gaps is the activity of Macmillan as the Chancellor of the Exchequer during the Suez Crisis of 1956. From the very beginning of the aggravation of the situation in the Middle East, caused by the nationalization of the Suez Canal Company by the Egyptian government of Gamal Abdel Nasser, Macmillan advocated for a military operation against Egypt. Moreover, he was the first who proposed to involve Israel in this operation in the summer of 1956.

The hesitation of the British Prime Minister Anthony Eden, who was afraid to start military actions in the Middle East without the support of the United States, did not suit the head of the British treasury. In order to convince Eden of the need to start a forceful operation against Egypt as soon as possible, Macmillan distorted the information about the negotiations that he held at the end of September 1956 in Washington with the US President Dwight Eisenhower and the Secretary of State John Foster Dulles.

The American allies of London were not against overthrowing Nasser, but insisted that military actions in Egypt should not start before the presidential elections in the US. Macmillan presented the latter condition as optional, emphasizing the readiness of the United States to support the military operation against Egypt.

The start of the aggression against Egypt in the midst of the election campaign in the US caused irritation in the administration of Eisenhower. According to Macmillan, the United States threatened to stop financial aid to Great Britain, which forced the latter to end the military operation in the Suez Canal zone. However, there is no other data on the American pressure, except for the words of the Chancellor of the Exchequer, repeated later in his memoirs.

All this allows ranking Harold Macmillan among the number of the main architects of the Suez Crisis, skillfully combining the implementation of the imperial line of behavior with his own political calculations.

Keywords: Harold Macmillan, the Suez Crisis, Great Britain, Britain Empire, Anglo-American relations

For citation: Rumyantsev, V.P. (2024) Harold Macmillan and the Suez Crisis of 1956. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 114–122. doi: 10.17223/19988613/88/14

9 января 1957 г. в Великобритании произошла смена премьер-министра. Вместо подавшего в отставку по состоянию здоровья А. Идена новым главой правительства стал Г. Макмиллан. Причина отставки заключалась не только в медицинских проблемах, но и в событиях, случившихся несколькими месяцами ранее – так называемом Суэцком кризисе, связанном с провальной для Соединенного Королевства попыткой свержения египетского правительства Г.А. Насера, национализировавшего 26 июля 1956 г. компанию Суэцкого канала. К новому премьер-министру обратились его помощники с предложением опубликовать британские документы, относящиеся к Суэцкому кризису. Г. Макмиллан ответил категорическим отказом. Причиной такого запрета историки обычно называют нежелание выставлять неприглядную роль Великобритании в антиегипетском сговоре [1. Р. 605–606]. Но причина могла заключаться и в ином – Г. Макмиллану не хотелось привлекать внимание к его собственной деятельности в период Суэцкого кризиса.

Роль Г. Макмиллана, занимавшего пост главы британского казначейства во время Суэцкого кризиса и входившего в число доверенных лиц А. Идена, требует внимательного изучения. Раскрытие этой роли будет способствовать пониманию и характера самого Суэцкого кризиса, и специфики управления и трансформации Британской империи, и особенностей отношений Великобритании со своим главным союзником – Соединенными Штатами Америки.

К Суэцкому кризису привел сложный комплекс причин, среди которых центральное место занимали попытки Великобритании сохранить контроль над политикой ключевой страны арабского мира – Египта. Попытки не увенчались успехом. Египет под руководством Г.А. Насера смог добиться эвакуации британской военной базы из зоны Суэцкого канала в 1954 г., заключил соглашение о поставках советского оружия в 1955 г. и, наконец, национализировал компанию Суэцкого канала, контрольный пакет акций которой принадлежал британскому правительству.

Великобритания сразу же взяла курс на свержение Насера. 27 июля А. Иден, явно копируя опыт У. Черчилля времен Второй мировой войны, сформировал своего рода «военный кабинет» – Египетский комитет, который стал главным совещательным органом при главе правительства. Это был узкий круг доверенных лиц, ядро которого составляли лидер палаты лордов маркиз Солсбери, глава казначейства Г. Макмиллан, лорд-хранитель печати Р. Батлер, министр иностранных дел С. Ллойд, министр обороны У. Монктон и еще несколько высокопоставленных лиц. Время от времени на заседания комитета приглашали и других министров, если вопрос касался их ведомства [2. Р. 1310–1311].

После эвакуации Суэцкой базы у Великобритании не оставалось сил в регионе, достаточных для немедленного удара по Египту. Помимо логистических трудностей Лондону нужно было решить вопрос с резервистами. Их надо было призвать, по возможности не привлекая внимания, но еще требовалось стянуть в Восточное Средиземноморье силы с заморских баз и британских островов. На все это нужно было время.

Но если своих сил в регионе Великобритании не хватало, то можно было привлечь те, что имелись у других стран. 28 июля 1956 г. на заседании Египетского комитета Г. Макмиллан предложил разработать совместную с Израилем операцию против Египта. Но А. Иден отказался от этого предложения, ссылаясь на то, что военное сотрудничество с Израилем подрывает остатки британских позиций на Арабском Востоке, и у Лондона совсем не останется здесь союзников [3]. Отметим, что это было первое упоминание необходимости союза с Израилем для удара по Египту, и сделал его именно Г. Макмиллан. Предложение тогда показалось излишне рискованным.

На следующей встрече Египетского комитета по просьбе британского Комитета начальников штабов были определены цели военной операции против Египта: «Нашей конечной целью является возвращение канала под международный контроль, а ближайшая цель – это падение нынешнего египетского правительства». Свержения Г.А. Насера, как указывали участники совещания, можно было достичь «менее сложными средствами», такими как тайная операция или военный переворот в Каире, и это было бы менее затратно, чем установление физического контроля над Суэцким каналом, но для конечной цели и нужна была масштабная армейская операция, на разработку которой требовалось время [4].

В начале августа британский Комитет начальников штабов подготовил доклад, озаглавленный «Действия против Египта». В нем был сделан вывод о том, что Соединенное Королевство встретилось с вызовом, аналогов которому не было со времен окончания Второй мировой войны. Вооруженные силы Великобритании насчитывали 750 тыс. человек, но все они либо были задействованы по линии Организации Североатлантического договора (НАТО), либо были нужны для сдерживания повстанцев в колониях. Следовательно, приходили к заключению военные, на настоящий момент Великобритания не готова к военной операции против Египта, получившего недавно новейшие образцы советского вооружения, и будет готова не раньше, чем через 5–6 недель, т.е. к середине сентября [5].

Помимо военных сложностей существовали еще и политические. Попытка А. Идена убедить американское руководство в необходимости проведения в ближайшем будущем силовой акции в отношении Египта не встретила поддержки президента США Д. Эйзенхауэра. Он считал, что применение силы без мобилизации мирового общественного мнения, негативно настроенного по отношению к Насеру, резко ослабило бы позиции западных стран на Ближнем Востоке и предоставило шанс Советскому Союзу «занять доминирующие позиции в этом регионе» [6. Р. 54]. Кроме того, в американском правительстве были убеждены, что сама национализация Суэцкого канала еще не могла считаться достаточным поводом для силовых действий, поскольку она не противоречила нормам международного права. Вместе с тем президент Соединенных Штатов вынужден был признать, что в конечном итоге применение силы может оказаться необходимым. Памятью о возможных последствиях решения египет-

ского правительства для находящегося под юрисдикцией США Панамского канала, Эйзенхауэр настаивал на том, что действие египетского президента не должно оставаться безнаказанным [7. Р. 65].

Великобритания вынуждена была уступить требованию США использовать сначала все дипломатические методы для урегулирования ситуации вокруг национализации Суэцкого канала, в частности провести в Лондоне международную конференцию с участием стран, заинтересованных в эксплуатации канала. Это позволяло правительству А. Идена получить время для подготовки военной операции против Египта.

Решительность правительства А. Идена подкреплялась, казалось на тот момент, единодушным мнением британской общественности. 2 августа А. Иден выступил в парламенте, где получил одобрение занятой им воинственной позиции. Представитель консерваторов Дж. Харви выразил мнение правящей партии, заявив: «Многие из нас считают, что ситуация, в которой мы находимся сегодня, аналогична ситуации, которую создал Гитлер, когда вошел в Рейнскую область. Мы помним, что наша неспособность действовать в защиту соблюдения международных соглашений того времени привела Гитлера к тому, что он вообразил себя непобедимым, что в конечном итоге вызвало мировую войну» [8. Col. 1686]. Оппозиционная партия – лейбористы – тоже выразила безоговорочную поддержку правительству. Их лидер Х. Гейтскелл заявил: «Хотя в прошлом я без колебаний выражал свое несогласие с политикой правительства, я должен совершенно ясно заявить, что... ничто не может оправдать действия полковника Насера по захвату канала» [8. Col. 1609]. Далее лидер оппозиции обратился к излюбленной британскими политиками аналогии: «Все это очень знакомо. Все это мы уже видели в действиях Муссолини и Гитлера в предвоенные годы. Мы не должны недооценивать опасность последствий, которые могут возникнуть в других арабских государствах» [8. Col. 1613].

В тот же день Г. Макмиллан вновь вернулся к своей идее привлечения Израиля к военной операции против Египта. На заседании Египетского комитета 2 августа 1956 г. он обратил внимание присутствующих на то, что негативные последствия израильского участия в совместных с британцами военных действиях будут существенно меньше, чем негативные последствия неудачной для Великобритании военной операции [9]. На следующий день Г. Макмиллан по собственной инициативе провел встречу с рядом британских дипломатов и военных, которые выразили согласие с идеей вынудить Египет вести войну на два фронта – против англичан в районе Суэцкого канала и израильтян на Синайском полуострове. Но канцлер казначейства не встретил поддержки у высшего руководства страны. А. Иден осадил Макмиллана, заявив, что «это вообще не его дело» [10]. Премьер-министру явно не нравилась чрезмерная активность главы казначейства, которой он, видимо, не придавал пока серьезного значения.

На Лондонской конференции, состоявшейся во второй половине августа 1956 г., не удалось добиться осуждения национализации компании Суэцкого канала. Провалом закончились и попытки Великобритании

втянуть США в обсуждение планов свержения Г.А. Насера, хотя здесь Лондон проявлял особую настойчивость. Тактика действий британского правительства становится понятной из дневниковой записи Г. Макмиллана, сделанной 1 августа 1956 г.: «Мы должны держать американцев в настоящем страхе. У них не должно быть никаких иллюзий. И тогда они помогут нам получить то, что мы хотим...» [11]. Что он имел в виду? Великобритания, в принципе, была готова действовать и в одиночку, но предпочитала все же добиться сотрудничества с Соединенными Штатами или их молчаливой поддержки. Рассчитывать на содействие США можно было, только убедив их в том, что Г.А. Насер стал исполнителем воли Москвы, поэтому остановить его лучше сейчас, чем потом, когда укрепятся связи между СССР и Египтом и любая военная операция в этом районе мира будет означать угрозу прямого военного столкновения с Советским Союзом. Неслучайно рефреном в переписке британского руководства с американским будет звучать сравнение Г.А. Насера то с Муссолини, то с Гитлером.

Отметим, что уже с самого начала обострения ситуации вокруг Суэцкого канала наметились расхождения между США и Великобританией. Причиной расхождений была различная реакция на национализацию Суэцкого канала. То, что в Лондоне воспринималось как унижительная пощечина от страны «третьего мира», да еще некогда находившейся в полуколониальной зависимости от Великобритании, не отвечать на которую значило подрыв всех имперских устоев Соединенного Королевства, в Вашингтоне рассматривалось как досадный, но не катастрофический сбой политики в отношении Египта. Как это нередко бывало в истории, для Соединенных Штатов важнее были внутривнутриполитические соображения. Осенью 1956 г. должны были состояться выборы главы Белого дома, и Д. Эйзенхауэр рассчитывал на переизбрание на второй президентский срок. Эта задача была приоритетнее наказания Г.А. Насера.

К концу августа 1956 г. единый фронт в поддержку правительства А. Идена внутри Соединенного Королевства стал распадаться. В британских правящих кругах возникла угроза настоящего раскола. На заседании Египетского комитета 24 августа 1956 г. сомнение в целесообразности военной операции высказал никто иной как министр обороны У. Монктон. Он заявил, что имиджу Великобритании в мире будет нанесен такой урон, который затмит все возможные военные успехи в Египте, и что А. Иден и Г. Макмиллан слишком торопят события. Это был практически «бунт на корабле». Премьер-министр поспешил парировать этот выпад, заявив, что другой альтернативы нет, и Насер будет свергнут тем или иным способом [12].

У. Монктон оказался в одиночестве, его никто не рискнул поддержать. Мнение большинства членов комитета выразил министр по делам колоний А. Леннокс-Бойд. В памятной записке премьер-министру он отмечал: «Я остаюсь твердо убежден в том, что если Насер победит или хотя бы будет близок к победе, то с нами, с нашим правительством (а на самом деле и со страной) будет покончено... Я был в ужасе от сомнений, высказанных министром обороны» [13].

Раскол внутри Египетского комитета грозил вылиться и в раскол внутри правительства. Не допустить подобного А. Иден надеялся путем еще одной попытки привлечь к британским военным планам США, что могло успокоить сомневавшихся, таких как У. Монктон. 27 августа А. Иден отправил очередное послание Д. Эйзенхауэру, пытаясь разыграть последний «козырь» и изобразив Насера марионеткой Москвы. Он заявлял: «У меня нет никаких сомнений, что это Медведь использует Насера – с его ведома или вслепую – с целью добиться своих целей. А они, я думаю, такие: во-первых, вытеснить Запад с Ближнего Востока, а во-вторых закрепиться в Африке, чтобы доминировать на этом континенте... Эта политика явно нацелена... на наши поставки ближневосточной нефти...» [14. Р. 160–161].

С точки зрения Великобритании, тянуть с военной операцией против Египта было нельзя. Осенью 1956 г. началось обострение финансового кризиса в Соединенном Королевстве. В сентябре потери британской экономики в результате падения курса фунта стерлингов составили 125 млн дол. [15. Р. 112]. Для того чтобы попытаться получить кредиты от США, в Вашингтон отправился Г. Макмиллан. Но на самом деле цели его миссии были гораздо шире. И можно говорить, по-видимому, как о целях государственных, так и личных.

Первым собеседником канцлера британского казначейства стал государственный секретарь США Дж.Ф. Даллес. 25 сентября 1956 г. состоялись переговоры, на которых, согласно памятной записке Дж.Ф. Даллеса, он заявил, что «надеется, что не произойдет ничего драматичного, что могло бы снизить наши шансы (на предстоящих президентских выборах. – В.Р.). Макмиллан сказал, что он хранит в памяти то, как мы помогли им (руководству Консервативной партии. – В.Р.) в их предвыборной ситуации и будет иметь это в виду. Я сказал, что считаю, что мы в праве рассчитывать на взаимность, и он ответил, что полностью со мной согласен. Мы обсудили планы снижения престижа Насера, и я подчеркнул, что лучше всего это сделать экономическими и политическими средствами, а не военной силой» [7. Р. 580–581].

Отсылки к помощи Соединенных Штатов Великобритании подразумевали согласие администрации Д. Эйзенхауэра годом ранее провести четырехстороннюю (США, Великобритания, Франция и СССР) встречу в верхах. Тогда это помогло укрепить лидерские позиции и престиж Великобритании на международной арене и сыграло свою роль в победе консерваторов на парламентских выборах 1955 г.

Сам же Г. Макмиллан изложил версию беседы с госсекретарем США в отчете А. Идену несколько по-другому: «Он (Дж.Ф. Даллес. – В.Р.) говорил о различных методах свержения Насера, но для их реализации понадобится шесть месяцев. Я ответил, что мы не можем ждать шесть месяцев... Тогда Даллес сказал, что он понимает, что нам, возможно, придется действовать силой». Далее следовало ключевое свидетельство британского министра финансов: «Даллес сказал, что ситуация вокруг Суэца не занимает значительного места в проходящей избирательной кампании. Республканцы этого не понимают, а демократы

их этим шантажируют. Но если что-нибудь случится, то эффект будет катастрофический. Он напомнил мне, как он и президент помогли нам в мае 1955 г., согласившись на проведение четырехсторонней встречи на высшем уровне, что, безусловно, помогло преодолеть те препятствия, которые мы встретили в ходе тех выборов. Не могли бы мы сделать нечто подобное в ответ, и не предпринимать ничего до 6 ноября?» [16].

Итак, в сообщении Г. Макмиллана для британского премьер-министра основной упор был сделан на согласии США с силовой операцией против Египта, хотя время для этого и не очень подходящее – президентские выборы в Соединенных Штатах. На самом деле именно на неподобающее время для свержения Г.А. Насера и указывал Дж.Ф. Даллес. Очевидно, что Г. Макмиллан как минимум сместил акценты, сделанные госсекретарем США. Его изложение беседы с госсекретарем А. Иден должен был прочитать так: свержение Насера администрация Д. Эйзенхауэра считает такой же приоритетной задачей, что и Великобритания.

Но еще примечательнее выглядит версия этой беседы в личном дневнике Г. Макмиллана. 25 сентября он оставил такую запись: «...Он (Даллес. – В.Р.) откровенно напомнил мне, как он и президент помогли нам в мае 1955 г. Теперь у них самих выборы, и точно так же, как и мы, они ведут кампанию под лозунгом “Мир и процветание”. Он надеется, что мир будет сохранен – по крайней мере до 6 ноября!» Восклицательный знак здесь можно трактовать и как особый знак с американской стороны – дескать, до выборов никаких резких действий, после них – делайте что хотите, и как недовольство автора дневника, знавшего, что погодные условия в ноябре и шаткое положение фунта стерлингов будут не в пользу отправки британского десанта. Затем Г. Макмиллан отметил, что госсекретарь обозначил те меры, которые следует использовать против Египта, – это экономическое давление разного вида, включая падение потока туристов. «Мы должны все это вместе изучить с целью свержения Насера, – зафиксировал слова Даллеса в своем дневнике Макмиллан, – путем открытых или тайных средств в течение шести месяцев» [17. Р. 604].

В тот же день канцлер британского казначейства встретился с Д. Эйзенхауэром, с которым его связывали теплые воспоминания о совместном боевом прошлом времен Второй мировой войны, когда Макмиллан занимал должность британского посланника-резидента в Алжире, а Эйзенхауэр командовал войсками союзников в Средиземном море. Но вот какую запись он оставил в дневнике об этой беседе: «Что касается Суэца, он (Эйзенхауэр. – В.Р.) убежден, что мы должны свергнуть Насера. Единственный вопрос – как это сделать. Я ясно дал понять, что мы не выдержим игры вдолгую без экономической поддержки в очень большом объеме, и если все затянется, то придется покупать нефть за доллары» [17. Р. 604].

Эти переговоры очень важны для понимания последующих событий. Получается, что американское руководство было уверено, что ему удалось через Г. Макмиллана убедить англичан отложить военную операцию против Египта хотя бы на полтора месяца,

а правительство А. Идена получило заверения от главы британского министерства финансов, что если Великобритания начнет боевые действия, то Соединенные Штаты их поддержат, пусть даже только морально.

Действия Г. Макмиллана свидетельствовали о сложной игре, которую затеял британский политик. Нельзя исключать, что конечной целью этой игры было кресло премьер-министра. Известно, что Г. Макмиллан считал А. Идена слишком мягким, излишне чувствительным к мнению общественности и даже женственным, в то время как стране требовался волевой лидер [18; 19. С. 398]. Это бросалось в глаза даже сторонним наблюдателям. Например, американский дипломат Р. Мерфи отмечал, что во время развития всего Суэцкого кризиса трудно было не заметить политические амбиции Г. Макмиллана: «...он мечтал сменить свой офис на Даунинг стрит, 11, переехав на Даунинг стрит, 10» (в официальную резиденцию британских премьер-министров) [20. Р. 379–380].

Можно, конечно, предположить о хитроумной, в стиле Никколо Макиавелли, интриге, якобы задуманной британским политиком (Великобритания начнет войну, проиграет ее, Иден уйдет в отставку, и новым премьером станет он, Макмиллан). Но, вероятнее всего, он рассчитывал таким способом подтолкнуть колеблющегося премьер-министра к более решительным действиям, поскольку искренне полагал необходимым свержение Насера. Не исключено, впрочем, что канцлер казначейства полагал остаться в выигрыше при любом раскладе, и в случае неудачи военной операции тоже.

Следует отметить и еще один важный аспект мировоззрения Г. Макмиллана – его взгляд на характер британо-американских отношений. Как считается, именно Макмиллану принадлежит метафора-сравнение англичан с греками в Римской империи. В годы Второй мировой войны он сказал британскому политику-лейбористу Р. Кроссману: «Мы, мой дорогой Кроссман, – греки в американской империи. Вы найдете в американцах то же, что греки нашли в римлянах, – огромных, вульгарно суетливых людей, более энергичных, чем мы, и в то же время более праздных, с неиспорченными добродетелями, но и более коррумпированных. Мы должны управлять Штабом союзных сил, как греческие рабы управляли операциями императора Клавдия» [21. Р. 697]. В таком случае Г. Макмиллан оказался сторонником формулы «британские мозги и американские деньги», популярной у англичан после Второй мировой войны, но его убежденность в возможности контроля над действиями Соединенных Штатов оказалась эфемерной.

Сентябрьские переговоры Г. Макмиллана в Вашингтоне еще явственней обозначили различия в подходах США и Великобритании к ситуации вокруг Суэцкого канала. Соединенные Штаты были настроены методично ослаблять позиции Г.А. Насера, не исключая и тайную операцию по его свержению, но делать это неспеша, «играя вдолгую», по словам Д. Эйзенхауэра, и ничего не предпринимая из радикальных мер до переизбрания 34-го президента США. Правительство А. Идена такой подход не устраивал по причинам обострения финансовой ситуации, давления «ястре-

бов» изнутри Консервативной партии, соображений имперского престижа, ухудшения погодных условий в Восточном Средиземноморье. И без того непростую ситуацию запутывали амбиции отдельных политиков, таких как Г. Макмиллан.

Когда канцлер казначейства вернулся из Вашингтона, то обнаружил, что за время его отсутствия произошла смена настроя у британской правящей верхушки. Египетский комитет, например, уже не исключал возможности переговоров с Каиром. Такой шанс предоставляла инициатива индийского министра иностранных дел К. Менона, который выдвинул идею создания арбитражного органа для урегулирования отношений между пользователями Суэцкого канала и властями Египта. Подобная структура могла бы разработать систему гарантий свободного судоходства по каналу и справедливого распределения доходов от его эксплуатации. Египетский комитет рекомендовал министру иностранных дел С. Ллойдю переговорить с К. Меноном и уточнить детали его предложения [22]. Даже А. Иден теперь не исключал дипломатического разрешения конфликта вокруг Суэцкого канала. На заседании правительства он заявил, что передача проблемы в ООН может создать переговорное пространство, в котором Египту будет сложно маневрировать [23].

В начале октября А. Иден оказался на больничном в связи с очень высокой температурой. В его отсутствие бразды правления Египетским комитетом оказались в руках Г. Макмиллана. Он принял воинственный тон, настаивая на необходимости давления на Даллеса во время дискуссий в ООН, добиваясь уплаты всех пошлин и сборов за пользование Суэцким каналом напрямую создаваемой специально для этого Ассоциации пользователей Суэцким каналом (АПСК). К 7 октября А. Иден поправился. Он согласился с предложением Макмиллана действовать так, чтобы Египет отказался сотрудничать с АПСК, тем самым представая в глазах общественности стороной, не желающей договариваться. Британский премьер дал указание С. Ллойдю включить в обсуждение заведомо невыполнимое требование, чтобы Египет снял запрет на прохождение через канал израильских судов [24].

14 октября 1956 г. стал решающим днем в дальнейшей истории Суэцкого кризиса. В этот день А. Иден принял в своей резиденции двух эмиссаров из Парижа – заместителя министра иностранных дел А. Газье и генерала М. Шалле. Французские представители рассказали британскому премьер-министру о концепции плана, разработанного ими совместно с Израилем. Согласно их идее, Израиль должен напасть на Египет и постараться выйти к району Суэцкого канала, захватив Синайский полуостров. Тогда Великобритания и Франция вмешаются в эту схватку, чтобы развести враждующие стороны, остановить кровопролитие и обеспечить беспрепятственное судоходство по каналу. А. Иден ухватился за эту идею [25. Р. 295–296]. Так, в течение нескольких часов дипломатические усилия были окончательно «похоронены» британским руководством, которое взяло твердый курс на эскалацию конфликта.

Предложение Франции имело одну привлекательную сторону для кабинета А. Идена. Оно выставило

агрессором не Великобритании, а Израиль. И именно такой вариант предлагал еще летом Г. Макмиллан. Тогда от него отказались. Сейчас, как казалось, другого такого шанса для военной операции могло не быть.

Детали военного сговора были согласованы на совещании глав Израйля, Франции и Великобритании во французском местечке Севре 22–24 октября. Военные действия против Египта должны были начаться вечером 29 октября 1956 г. вторжением израильской армии на Синайский полуостров и ее продвижением к Суэцкому каналу. На следующее утро правительства Великобритании и Франции выступили бы с ультиматумом, в котором требовалось, чтобы египетская и израильская армии отвели свои войска на 10 миль западнее и восточнее канала, в противном случае, Лондон и Париж угрожали предпринять все возможные действия для защиты свободного и беспрепятственного судоходства по каналу. Предполагалось, что Египет ответит на этот ультиматум отказом, и в район Суэцкого канала будут введены британские и французские войска [26. Р. 530; 27. Р. 211–234].

В период проведения Севрских переговоров А. Идена беспокоил преимущественно только один вопрос – чтобы правда об участии в них Великобритании никогда не всплыла наружу. Причина была понятна. Британский премьер-министр, сделавший критику Мюнхенского сговора 1938 г. своим «коньком», сам оказался участником подобного сговора, да еще и при содействии Израйля, что подрывало позиции Соединенного Королевства в арабском мире.

Правительство Великобритании старалось создать атмосферу абсолютной секретности. А. Иден дал указание всем членам Египетского комитета не делать никаких записей в своих личных дневниках. Поэтому неудивительно, что в дневнике Г. Макмиллана, вообще-то довольно регулярно заполняемом им, выпал целый период с 4 октября 1956 г. по 3 февраля 1957 г. В последней записи времен Суэцкого кризиса он оставил такую заметку: «Мы должны тем или иным способом выиграть эту схватку. Насер, возможно, попытается провозгласить Священную войну на Ближнем Востоке (чего бы ему это ни стоило) и обратиться против нас людские массы и демагогов. Без нефти же и без прибылей от нефти ни С[оединенное] К[оролевство], ни Западная Европа не выживет» [28].

Видимо, из тех же соображений секретности не велись протоколы заседаний Египетского комитета в критический период с 17 октября по 1 ноября 1956 г., что создает определенную трудность при попытках восстановить ход мыслей британского руководства. Все решения принимались узким кругом доверенных лиц А. Идена, в который входили С. Ллойд, Г. Макмиллан и маркиз Солсбери. Сознательно из числа посвященных был исключен дипломатический корпус, за единичными исключениями. Великобритания не стала также информировать о своих планах США.

29 октября 1956 г., как и было оговорено на Севрских переговорах, Израиль начал боевые действия против Египта. Вовлечение Великобритании и Франции в эту агрессию было сопряжено со сложностями планирования. Как выяснилось, у европейских союз-

ников Израйля не хватало ресурсов и возможностей для быстрой высадки десанта и стремительного захвата зоны Суэцкого канала. Англо-французская часть операции развивалась неспешно. Вместе с тем, как позже признавал Д. Эйзенхауэр, «если бы они (Великобритания и Франция. – В.Р.) сделали все очень быстро, мы бы приняли такой исход дела» [29. Р. 96].

Недовольство Соединенных Штатов вызывало то, что тройственная агрессия против Египта началась ровно в те самые дни, когда в Венгрии возник антисоветский мятеж и СССР ввел свои войска в Будапешт. Внимание же мировой общественности оказалось сосредоточенным на Ближнем Востоке. В ООН стал обсуждаться вопрос о вводе санкций против участников тройственной агрессии, в частности эмбарго на поставку нефти. Администрация Д. Эйзенхауэра тоже не исключала нефтяного давления на своих союзников по НАТО.

4 ноября во время заседания Египетского комитета Г. Макмиллан, при упоминании С. Ллойдом возможности введения эмбарго на поставки нефти в страны, вовлеченные в вооруженный конфликт с Египтом, всплеснул руками и вскрикнул: «Нефтяные санкции! Все кончено...» [30. Р. 451]. Такая паническая реакция Макмиллана выглядела странной, если учесть, что подобная вероятность никогда Лондоном не исключалась, и за два дня до этой встречи Египетского комитета С. Ллойд упомянул на заседании правительства, что нефтяные санкции со стороны США вполне возможны, и что в этом случае Великобритании придется «оккупировать Кувейт и Катар – единственных поставщиков нефти, которые не являются членами ООН» [31]. Добавим, что оба эти арабских государства находились в тот момент под протекторатом британской короны.

Ситуация для Великобритании и Франции осложнилась, когда 5 ноября Советский Союз предложил президенту США предпринять совместные военные усилия, чтобы положить конец боевым действиям на Ближнем Востоке. Кроме того, советское руководство заявило о готовности ради восстановления мира на Ближнем Востоке «сокрушить агрессоров путем использования силы» [32. С. 255–262; 33. Р. 993–994].

Утром 6 ноября состоялось решающее заседание британского кабинета министров. Обсуждались три основных вопроса: 1) Не следует ли, пока еще есть возможность, привлечь на свою сторону «умеренные страны» в ООН, перехватить инициативу по прекращению боевых действий? 2) Как заручиться «максимальной поддержкой и содействием» со стороны США? 3) Как сохранить возможность противостоять влиянию Советского Союза?

Среди аргументов за прекращение военных действий называлась возможность «советского вторжения» на Ближний Восток, не исключалась вероятность прямого столкновения с англо-французскими войсками в районе Суэцкого канала. Продолжение военной операции против Египта грозило также тем, что на помощь Каиру придут другие арабские страны, сигналы об этом уже поступали из Багдада, а ООН вынуждена будет принять «коллективные меры, включая нефтяные санкции» против Великобритании и Франции.

Но, наверное, самый весомый аргумент прозвучал со стороны Г. Макмиллана. Глава казначейства обратил внимание на резкое ухудшение состояния экономики Великобритании. С началом военных действий на Ближнем Востоке обострился стерлинговый кризис, нараставший с середины 1950-х гг. Потери финансовой системы в результате падения курса фунта стерлингов были таковы, что если эти темпы падения сохранятся, доказывал Г. Макмиллан, то к началу 1957 г. валютных резервов у Великобритании не останется совсем. В итоге кабинет министров решил, «если французское правительство не будет против», прекратить дальнейшие военные действия, «чтобы вернуть себе инициативу и восстановить отношения с теми членами ООН, которые в целом разделяют, наши цели», т.е. с Соединенными Штатами [34].

Поведение Г. Макмиллана заслуживает особого внимания. Канцлер британского казначейства представил членам правительства намеренно завышенные цифры о потерях экономики страны. Макмиллан заявил, что с начала ноября эти потери составили 100 млн фунтов стерлингов (приблизительно 280 млн дол.), в то время как реальная цифра потерь британской финансовой системы была 30,4 млн фунтов стерлингов (около 85 млн дол.) [35].

Однако не менее важным аргументом стало заявление Г. Макмиллана на этом заседании, что утром 6 ноября он получил сообщение от американского правительства о том, что Соединенные Штаты не будут оказывать никакой финансовой помощи Великобритании в целях преодоления финансового кризиса, пока Лондон не прекратит военные действия в Египте [36. Р. 163–164]. Никакого другого подтверждения этой угрозы, кроме воспоминаний Г. Макмиллана, нет. Канцлер казначейства заявил, что уйдет в отставку, если военная операция не будет прекращена, поскольку остановка боевых действий, по его мнению, являлась единственным шансом спасти британскую финансовую систему.

Документальных подтверждений продуманной программы экономического давления США на союзников по НАТО в целях скорейшего прекращения ими военных действий на Ближнем Востоке нет. Хотя на совещании в Белом доме 5 ноября Д. Эйзенхауэр и заметил, что «во имя мира и стабильности не нужно слишком торопиться приходить к ним на помощь» [7. Р. 988]. Возможно, он имел в виду необходимость преподавать урок строптивым союзникам, чтобы впредь они крепко подумали над тем, следует ли прибегать к односторонним действиям без консультаций с Вашингтоном или нет.

Примерно в 12.00 по лондонскому времени 6 ноября кабинет министров Великобритании принял решение остановить военную операцию. Его примеру последовали Франция и Израиль. Это был крах политической карьеры А. Идена. В политических кругах Лондона стали поговаривать о его скорой отставке. Посол США в Великобритании У. Олдрич докладывал в середине ноября 1956 г. о возможных перестановках в британском правительстве, связанных с предполагаемым уходом А. Идена в отставку. Глава американско-

го посольства в Лондоне сообщал о начавшейся внутриполитической борьбе за лидерство в Консервативной партии между Г. Макмилланом, лордом-хранителем печати Р. Батлером и лидером палаты лордов маркизом Солсбери [7. Р. 1163].

В борьбе за должность нового хозяина резиденции на Даунинг-стрит, 10, США предпочли поддержать Макмиллана. Через У. Олдрича канцлер казначейства обещал правительству США добиться немедленного вывода британских войск с оккупированной египетской территории, рассчитывая, в свою очередь, что Вашингтон твердо пообещает предоставить экономическую помощь Великобритании [19. С. 390–391; 29. Р. 99]. Как утверждает биограф Г. Макмиллана Д. Торп, во время частной встречи с У. Олдричем глава казначейства якобы заявил, что если он станет главой правительства, то Соединенные Штаты всегда смогут с ним договориться. Д. Эйзенхауэр дал указание американскому послу продолжить встречи с Макмилланом. Однако министру финансов не удалось добиться личной встречи с президентом США, которую он хотел провести за спиной А. Идена [37. Р. 352–353].

Г. Макмиллан продолжал плести интриги вокруг кресла премьер-министра. Американцам он говорил одно, а членам Консервативной партии другое. 22 ноября он вместе с Р. Батлером посетил заседание своих однопартийцев, так называемого «Комитета 1922». На этом заседании он активно развивал свою метафору об англичанах как о греках в Римской империи, которым нужно поставить мощь Соединенных Штатов себе на службу. Речь его была настолько эмоциональной, что он, активно размахивая руками, чуть не снес со стула сидящего рядом Р. Батлера [37. Р. 354].

А. Иден подал в отставку со поста премьер-министра в самом начале 1957 г., ссылаясь на проблемы со здоровьем. В результате его должность, как и ожидалось, досталась Г. Макмиллану. Среди членов Консервативной партии укрепилось мнение, что он был, вероятно, наиболее подходящей кандидатурой, чтобы как можно быстрее восстановить доверие Вашингтона. Как отмечают некоторые зарубежные авторы, важную роль сыграло то, что Г. Макмиллана поддерживали старейшие члены Консервативной партии лорд Кильмюир и маркиз Солсбери [38. Р. 197–200; 39. Р. 25].

Поведение Г. Макмиллана во время Суэцкого кризиса, на первый взгляд, изумляет. Человек, клявшийся, что он скорее заложит все картины в Национальной галерее Великобритании, но не смирится с оскорблением, нанесенным Насером, в самый разгар военной операции против Египта пригрозил уйти в отставку, если не будет прекращена военная операция. Такое поведение вызвало едкое замечание Г. Вильсона, британского политика-лейбориста, в адрес Макмиллана: «...первым пришел, первым и ушел» [40]. Но его ни в коей мере нельзя причислить к категории политических «флюгеров», подстраивающихся под ситуацию. Скорее, он сам был одним из архитекторов Суэцкого кризиса, повлиявшим на решение А. Идена как начать военную операцию против Египта, так и закончить ее, не забывавшим и о собственной выгоде. Его действия укладывались в мировоззрение сторонников импер-

ского стиля мышления. Сам себя Г. Макмиллан часто называл «последним эдвардианцем», имея в виду эпоху правления короля Эдуарда VII (1901–1910), считающуюся «лебединой песней» британского господства и процветания. 1956 год еще относился ко времени, когда во властных эшелонах Британии царил «дух имперскости», т.е. особого ощущения государственного величия и нежелания терять статус великой державы. С этой точки зрения Г. Макмиллан был типичным представителем имперской школы. Просто у этой школы была еще одна сторона – коварство по отношению не только к внешним врагам, но и к своим соратникам, если того требовали личные расчеты.

Искажение информации о переговорах в Вашингтоне, оперирование заведомо ложными цифрами о финансовых потерях Великобритании, использование сомнительных, если не выдуманных им аргументов о давлении со стороны США в пользу прекращения огня на Ближнем Востоке стали теми невидимыми пружинами Суэцкого кризиса, которые пускал в ход Г. Макмиллан. Сложно сказать, чего было больше в его расчетах – собственной выгоды или стремления добиться того политического курса, который соответствовал его представлениям о поведении страны на мировой арене. Но в этом тоже заключалась специфика имперского сознания – в ловком сочетании личных и государственных интересов.

Список источников

1. Beck P. "The Less Said about Suez the Better": British Governments and the Politics of Suez's History, 1956–67 // *The English Historical Review*. 2009. Vol. 124, № 508. P. 605–640.
2. Lahav P. The Suez Crisis of 1956 and Its Aftermath: A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations // *Boston University Law Review*. 2015. Vol. 95, № 4. P. 1297–1354.
3. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. Egypt Committee (E.C.) (56), 2nd Conclusion, July 28, 1956.
4. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56), 3rd Conclusion, July 30, 1956.
5. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56), 7th Meeting, August 1, 1956.
6. Eisenhower D.D. *The White House Years: Waging Peace, 1956–1961*. New York : Doubleday, 1965. 741 p.
7. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955–1957. Washington : Government Printing Office, 1990. Vol. XVI: Suez Crisis. July 26 – December 31, 1956. 1423 p.
8. Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report. Fifth series. London : H.M. Stationery Office, 1956. Vol. 557. 1788 p.
9. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56), 9th Meeting, August 2, 1956.
10. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56), 10th Meeting, August 3, 1956.
11. Harold Macmillan Papers (HMP). Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. First Series. dep. c. 18/1. August 1, 1956.
12. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56), 21st Meeting, August 24, 1956.
13. NAUK. PREM 11/1152. Lennox-Boyd to Eden, August 24, 1956.
14. The Eden–Eisenhower Correspondence, 1955–1957 / ed. by P. Boyle. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 2005. 240 p.
15. Kunz D. *The Economic Diplomacy of the Suez Crisis*. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1991. 295 p.
16. NAUK. PREM 11/1102. Note of a Private Talk with Mr. Dulles. September 25, 1956. Drafted by H. Macmillan.
17. The Macmillan Diaries. The Cabinet Years, 1950–1957 / ed. by P. Catterall. London : Macmillan, 2003. 704 p.
18. Pimlott B. Supermac, coelacanth of British politics // *The Guardian*. 2003. July 12.
19. Трухановский В.Г. Антони Иден. М. : Междунар. отношения, 1983. 412 с.
20. Murphy R. *Diplomat Among Warriors*. Westport : Greenwood Press Publishers, 1976. 470 p.
21. Ashton N.J. Harold Macmillan and the "Golden Days" of Anglo-American Relations Revisited, 1957–63 // *Diplomatic History*. 2005. Vol. 29, № 4. P. 691–723.
22. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56), 31st Meeting, September 25, 1956.
23. NAUK. CAB 128/30. C.M. (56) 67th Meeting, September 26, 1956.
24. NAUK. CAB 134/1216. E.C. (56) 33th Meeting, October 8; 34th Meeting, October 10, 1956.
25. Kyle K. *Suez: Britain's End of Empire in the Middle East*. London : I.B. Tauris, 2011. 712 p.
26. Shlaim A. The Protocol of Sevres, 1956: Anatomy of a War Plot // *International Affairs*. 1997. Vol. 37, № 3. P. 509–530.
27. Dayan M. *Story of My Life*. London : Weidenfeld & Nicolson, 1976. 530 p.
28. Harold Macmillan Papers. Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. First Series. dep. c. 18/1. October 4, 1956.
29. Ashton N.J. Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism, 1955–1959. London : King's College, 1996. 273 p.
30. Carlton D. *Anthony Eden: A Biography*. London : Lane, 1981. 528 p.
31. NAUK. CAB 134/1216. C.M.(56). 77th Meeting. November 2, 1956.
32. СССР и арабские страны. 1917–1960 гг. : документы и материалы МИД СССР. М. : Госполитиздат, 1961. 856 с.
33. Documents on International Affairs, 1956 / ed. by N. Frankland, V. King. Oxford : Oxford University Press, 1956. 768 p.
34. NAUK. CAB 128/30. C.M. (56). 80th Meeting. November 6, 1956.
35. Kunz D. Did Macmillan Lie Over Suez // *Spectator*. 1990. Nov. 3. P. 23–26.
36. Macmillan H. *Riding the Storm, 1956–1959*. London : Macmillan, 1971. 786 p.
37. Thorpe D.R. *Supermac: The Life of Harold Macmillan*. London : Pimlico, 2010. 886 p.
38. Lindsay T.F., Harrington M. *The Conservative Party, 1918–1970*. London : Palgrave Macmillan, 1974. 300 p.
39. Lamb R. *The Macmillan Years, 1957–1963: The Emerging Truth*. London : Lume Books, 2017. 837 p.
40. Bogdanor V. Harold Macmillan Obituary // *Guardian*. December 30, 1986.

References

1. Beck, P. (2009) "The Less Said about Suez the Better": British Governments and the Politics of Suez's History, 1956–67. *The English Historical Review*. 124(508). pp. 605–640.
2. Lahav, P. (2015) The Suez Crisis of 1956 and Its Aftermath: A Comparative Study of Constitutions, Use of Force, Diplomacy and International Relations. *Boston University Law Review*. 95(4). pp. 1297–1354.
3. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. Egypt Committee (E.C.) (56), 2nd Conclusion, July 28, 1956.
4. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56), 3rd Conclusion, July 30, 1956.
5. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56), 7th Meeting, August 1, 1956.
6. Eisenhower, D.D. (1965) *The White House Years: Waging Peace, 1956–1961*. New York: Doubleday.

7. USA. (1990) *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1955–1957. Vol. 16. Washington: Government Printing Office.
8. UK. (1956) *Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Official Report*. 5th series. Vol. 557. London: H.M. Stationery Office.
9. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56), 9th Meeting, August 2, 1956.
10. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56), 10th Meeting, August 3, 1956.
11. UK. (1956) *Harold Macmillan Papers (HMP)*. Diaries. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. First Series. dep. c. 18/1. August 1, 1956.
12. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56), 21st Meeting, August 24, 1956.
13. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/1152. Lennox-Boyd to Eden, August 24, 1956.
14. Boyle, P. (ed.) (2005) *The Eden–Eisenhower Correspondence, 1955–1957*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
15. Kunz, D. (1991) *The Economic Diplomacy of the Suez Crisis*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
16. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). PREM 11/1102. Note of a Private Talk with Mr. Dulles. September 25, 1956. Drafted by H. Macmillan.
17. Cattarall, P. (ed.) (2003) *The Macmillan Diaries. The Cabinet Years, 1950–1957*. London: Macmillan.
18. Pimlott, B. (2003) Supermac, coelacanth of British politics. *The Guardian*. 12th July.
19. Trukhanovskiy, V.G. (1983) *Anthony Eden*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
20. Murphy, R. (1976) *Diplomat Among Warriors*. Westport: Greenwood Press Publishers.
21. Ashton, N.J. (2005) Harold Macmillan and the “Golden Days” of Anglo-American Relations Revisited, 1957–63. *Diplomatic History*. 29(4). pp. 691–723.
22. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56), 31st Meeting, September 25, 1956.
23. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 128/30. C.M. (56) 67th Meeting, September 26, 1956.
24. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. E.C. (56) 33th Meeting, October 8; 34th Meeting, October 10, 1956.
25. Kyle, K. (2011) *Suez: Britain's End of Empire in the Middle East*. London: I.B. Tauris.
26. Shlaim, A. (1997) The Protocol of Sevres, 1956: Anatomy of a War Plot. *International Affairs*. 37(3). pp. 509–530.
27. Dayan, M. (1976) *Story of My Life*. London: Weidenfeld & Nicolson.
28. UK. (1956) *Harold Macmillan Papers. Diaries*. Oxford. The Bodleian Library. MSS. Macmillan. First Series. dep. c. 18/1. October 4, 1956.
29. Ashton, N.J. (1996) *Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism, 1955–1959*. London: King's College.
30. Carlton, D. (1981) *Anthony Eden: A Biography*. London: Lane.
31. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 134/1216. C.M.(56). 77th Meeting. November 2, 1956.
32. Sipols, V. (ed.) (1961) *SSSR i arabskie strany. 1917–1960 gg.: dokumenty i materialy MID SSSR* [USSR and Arab countries. 1917–1960: Documents and materials of the USSR Ministry of Foreign Affairs]. Moscow: Gospolitizdat.
33. Frankland, N. & King, V. (1956) *Documents on International Affairs*. Oxford: Oxford University Press.
34. The National Archives of the United Kingdom (NAUK). CAB 128/30. C.M. (56). 80th Meeting. November 6, 1956.
35. Kunz, D. (1990) Did Macmillan Lie Over Suez. *Spectator*. 3rd November. pp. 23–26.
36. Macmillan, H. (1971) *Riding the Storm, 1956–1959*. London: Macmillan.
37. Thorpe, D.R. (2010) *Supermac: The Life of Harold Macmillan*. London: Pimlico.
38. Lindsay, T.F. & Harrington, M. (1974) *The Conservative Party, 1918–1970*. London: Palgrave Macmillan.
39. Lamb, R. (2017) *The Macmillan Years, 1957–1963: The Emerging Truth*. London: Lume Books.
40. Bogdanor, V. (1986) Harold Macmillan Obituary. *Guardian*. 30th December.

Сведения об авторе:

Румянцев Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rumyantsev Vladimir P. – Doctor of Science in History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies of Faculty of Historical and Political Sciences Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 12.01.2024; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 9.94(4)

doi: 10.17223/19988613/88/15

Чиновники империи или империя чиновников? О становлении профессионального чиновничества в Европе XIX в.

Александр Александрович Турыгин¹, Евгения Витальевна Зимина²

^{1,2} *Костромской государственный университет, Кострома, Россия*

¹ *aturigin@mail.ru*

² *ezimina@rambler.ru*

Аннотация. Рассматривается развитие государственной службы в Пруссии, Франции и Британской империи в XIX в. Основы, заложенные в тот период, на долгие годы повлияли на европейскую политику и даже сегодня формируют имидж Германии, Франции и Британии. Государственные службы этих стран создавались в разных условиях и отражали национальные ценности. В статье описываются три различных типа государственных служащих: прусские государственные служащие, следовавшие идеалам качества и совершенства, французские оппортунистические чиновники, британские джентльмены, создавшие образ империи в колониях.

Ключевые слова: государственная служба, Французская революция, профессиональная подготовка, реформы фон Штейна и Харденберга, Наполеона Бонапарта, Оксбриджа

Для цитирования: Турыгин А.А., Зимина Е.В. Чиновники империи или империя чиновников? О становлении профессионального чиновничества в Европе XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 123–136. doi: 10.17223/19988613/88/15

Original article

Bureaucrats of the Empire or the Empire of Bureaucrats? On the Development of the Professional Civil Servant in the 19th-century Europe

Alexander A. Turygin¹, Evgeniia V. Zimina²

^{1,2} *Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation*

¹ *aturigin@mail.ru*

² *ezimina@rambler.ru*

Abstract. Under the influence of the French Revolution, many European countries underwent key changes in various areas. One of those was the reform of the civil service system and the emergence of a professional class of officials. The paper examines the development of public service in Prussia, France and the British Empire in the 19th century. The foundations laid down during this period influenced European politics and even shape the contemporary image of Germany, France and the UK around the world. The public services of these countries were created in different conditions and reflected national values. Thus, the paper describes three different types of civil servants: Prussian civil servants who followed the ideals of quality and excellence; French officials who pursued their own goals; British gentlemen who created the image of the Empire in the colonies. The study used the method of studying sources and primary sources, as well as the method of content analysis to compile a collective image of an official in historical and fiction literature. We have studied both the works of classical historians and philosophers of the 19th century (Saint-Just, Mirabeau, Arnold, etc.), and modern domestic and foreign researchers (Bahlov, Uvarova, Duffield). The study of literary portraits of an official was based on the works of Balzac, Kafka, Kipling, and Verne. The study found that despite national differences, officials were the product of a new system that required educational reforms designed specifically to train civil servants, qualifying exams, and rigorous selection procedures. The new system replaced patronage and appointments by the monarch and transformed the civil servant from an agent of the king or church to a professional who served the state, although in France and Germany the idea of the reform was supported by the monarch, and in the British Empire, it was based on the parliamentary tradition. The relevance of the topic is explained by the comprehensive, comparative study of the history of professional bureaucracy in Western Europe. Methodologically, using the example of three countries (Prussia, France and the British Empire), the authors show the transformation of a "monarchical state" into a civil one, which was an objective consequence of the deep revolutionary upheavals of the late 18th century. The emerging models of bureaucracy illustrate the reaction of the ruling elites to the French Revolution. Power, understood from the point of view of Max Weber, as a "form of domination", ceases to be "estate". On the contrary, it is extrapolated to institutional

structures that already have characteristics regulated by civil norms rather than class. Proceeding from this, the purpose of this study is to substantiate the trend of an objective transformation of the model of public administration in Prussia, France and the British Empire, revealing their specific historical conditions in each of the countries.

Keywords: civil service, French Revolution, professional training, reforms by Stein and Hardenberg, Napoleon Bonaparte, Oxbridge

For citation: Turygin, A.A., Zimina, E.V. (2024) Bureaucrats of the Empire or the Empire of Bureaucrats? On the Development of the Professional Civil Servant in the 19th-century Europe. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 123–136. doi: 10.17223/19988613/88/15

Известный немецкий социолог Норберт Элиас, исследовавший французское придворное общество XVII–XVIII вв., однажды заключил, что «фигуры, которые люди образуют друг с другом, часто меняются намного медленнее, чем люди, которые их формируют, что, соответственно, молодые люди могут занять те же должности, которые оставили пожилые люди» [1. Р. 47]. Эта фраза вполне соотносима с чиновничеством, изобретение которого относится к новому времени. Надежды его создателей, ставшие наиболее осязаемыми после потрясений Французской революции, независимо от того, желали ли они сохранить демократические достижения, достигнутые кровавой ценой, или стремились избежать кровопролития посредством реформ, были связаны преимущественно с потребностью в наведении порядка в обществе и государстве, обращая внимание на регламентированное поведение индивидов и взаимодействие людей друг с другом в границах законности. Изобретение чиновничества, таким образом, становится изобретением защитного механизма, потребность в котором возникает в эпоху радикальных перемен рубежа XVIII–XIX вв. В соответствии с этим и логикой Элиаса чиновничество не стало абсолютно новым явлением общественной жизни, поскольку по-прежнему продолжало испытывать существенные ограничения, обусловленные сословной структурой общества, низким процентом грамотности населения, королевскими институтами *Ancien Régime*, которые долгое время были центрами образования, вертикальными традициями профессиональной карьеры и пр. В этой связи, как бы ни велико было желание реформаторов и государственных деятелей изменить существующие государственные порядки, новый социальный слой чиновничества пришел к власти в многочисленных кабинетах и офисах с мировоззрением человека старого режима, который во многом впитал существовавшую в конкретных обществах историческую традицию. Именно такие люди создают свой собственный микрокосм с соответствующими законами и правилами. В этом бюрократическом космосе есть ярко выраженные «верх», «середина» и «низ». Но как бы мы ни старались дистанцировать этот «мир» от всего общества, нельзя забывать, что чиновники действовали в основном на фоне уже принятых решений и диспозиций. Являясь исполнителями с функциональными обязанностями, в своей деятельности они отражали те изменения, которые произошли в каждом конкретном обществе.

«Джентльмены империи»

Серые кардиналы и серые мыши, строители Империи и маленькие люди на местах – такими прямо про-

тивоположными эпитетами разные исследователи описывают чиновников Британской империи.

Строительство Британской империи шло в несколько этапов и поначалу было основано, как у испанцев и португальцев, на непосредственной эксплуатации территорий. Концепция «новой» империи сформировалась после наполеоновских войн. И. Бахлов утверждает, что в центре концепции находилась идея о «продвижении политических, экономических, военных, идеологических форм и методов среди «отставших в своем социально-экономическом развитии народов» [2. С. 184]. К концу XIX в. Британская империя видела свою задачу в том, чтобы вести «отсталые» народы к реформам и прогрессу.

Если в конце XVII в. англичане относились к коренным жителям своих первых колоний как к экзотической составляющей новых территорий, то позже, сначала в художественной литературе, стал активно разрабатываться образ «доброго дикаря». Такую трактовку имеют словесные портреты Пятницы у Даниэля Дефо или Оруноко из одноименного романа Афры Бен.

Однако уже в начале XIX в. Т. Карлайл (в другой транскрипции – Карлейль) увязывает цивилизаторские идеи с принуждением и насилием [3. С. 249–250]. Теперь на первое место вышла необходимость не только просвещать «добрых дикарей», но и управлять ими для того, чтобы получить с колонизированных территорий как можно больше материальных благ на постоянной основе, а не с помощью спонтанных полупиратских набегов. Таким образом, на смену просветителю и мелкому плантатору должен был прийти управленец. И по мере территориального роста империи, «в которой никогда не заходит солнце», таких управленцев требовалось все больше.

Вопрос о количестве чиновников (государственных служащих) метрополии и колоний остается открытым. Министерство по делам колоний было сформировано лишь в 1854 г. на базе военного министерства для того, чтобы, по мнению Д. Лала, выработать единую стратегию коммуникации между метрополией и колониями, за исключением Индии [3]. Индия же управлялась Министерством по делам Индии, Египет – Министерством иностранных дел. Также следует учитывать, что, например, министерство по налогам и сборам занималось вопросами налогообложения как в метрополии, так и в колониях [4].

Такое пересечение функций затрудняет подсчет числа гражданских служащих империи. В блоге национального архива правительства Соединенного Королевства опубликован пост Оливера Морли под заголовком «Неужели империей управляли четыре тысячи человек?» Морли приводит следующие цифры: до 1914 г.

в Адмиралтействе работали 70–80 человек, в Министерстве иностранных дел – 100–175, включая технический персонал (швейцары, уборщицы и т.д.). Однако не стоит забывать о том, что чиновники не были сосредоточены лишь в министерских кабинетах Лондона. Так, в Имперском календаре 1832 г. насчитывается примерно 8 000 имен, 1898 – 14 000, 1920 – 24 000 [5]. Также стоит отметить, что не все сотрудники имели статус госслужащего. Например, администрация колонии могла нанять на работу лиц из местного населения или из англичан, волей судеб оказавшихся за пределами метрополии. Это могли быть и разорившиеся торговцы, и люди, запятнавшие свою репутацию в Англии, и простые авантюристы. Часто их привлекали для решения одной задачи, и, разумеется, работа в колониальной администрации еще не делала их государственными служащими. Поэтому, как отмечает тот же Морли, цифра «4 000» используется, скорее, для описания эффективности бюрократического аппарата на огромной территории. На рубеже XIX–XX вв. количество чиновников разных рангов в метрополии и колониях приближалось к 40 000.

Нас интересуют в первую очередь не чиновники высокого ранга, которых назначал на пост действующий монарх. Жизнь и деятельность губернаторов, вице-королей Индии, колониальных секретарей достаточно подробно описана множеством исследователей. Также мы не рассматриваем технический персонал, так как он лишь подчинялся приказам и распоряжениям свыше. Непосредственное управление, а также исполнение приказов соответствующих ведомств легло на плечи начальников округов или офицеров действующей армии, если на колониальной территории вводилось военное положение. Но приравнивать госслужащих к военным было бы некорректно, поэтому в центре нашего исследования оказывается «среднее звено» бюрократической машины империи.

Очевидно, что в ситуации стандартизации бюрократического аппарата государственный служащий также должен был иметь стандартный набор качеств, знаний и навыков, помогавших ему в работе. В Британии становление и развитие института госслужащего является ярким примером знаменитого британского консерватизма.

В связи с этим начать следует с реформы системы частных образовательных заведений. Популярная фраза «Британская империя была построена вторыми сыновьями» [6. Р. 1214] не лишена здравого смысла. По майорату имущество и финансовый капитал аристократа переходили по наследству к старшему сыну. Младшие сыновья знали, что им придется рассчитывать на скромное денежное содержание и собственные силы. Поэтому образованию младших сыновей уделялось особое внимание с тем, чтобы они смогли впоследствии получить армейский чин или поступить на госслужбу. Дети из обеспеченных семей обучались в так называемых *public schools* (несмотря на слово *public* в названии, это частные школы с полным пансионом). Наиболее престижными считались так называемые «Великие школы», т.е. Итон, Регби, Харроу, Винчестер и некоторые другие. Однако в начале XIX в. репутации

«Великих школ» был нанесен существенный ущерб. В Винчестере и Итоне несколько случаев телесных наказаний привели к смерти учеников, так как наказание фактически превратилось в организованное избиение провинившихся другими учениками [7. Р. 3]. В такой ситуации, когда наказывали за малейшую провинность и наказание было несоразмерным проступку, частные школы стали терять репутацию и, следовательно, учеников. Положение начало меняться в 1828 г., когда директором школы Регби стал священник Томас Арнольд. Арнольд считал телесные наказания разрушительными для личности [8. Р. 86–87]. Он не выступал против их отмены, так как считал, что страх полезен для становления христианина и джентльмена, но разработал систему иных методов воздействия на провинившихся учеников, например общественно полезное задание. Телесные наказания применялись как крайняя мера. Здесь следует отметить, что в британских частных школах они были полностью отменены лишь в 2003 г. Северная Ирландия стала последним субъектом Соединенного Королевства, где это произошло. В государственных школах отмена телесных наказаний произошла чуть ранее, в 1986 г. [9].

Помимо замены бессмысленных порок социально значимыми делами Арнольд реформировал школьную иерархию. Внутри Регби была создана своего рода карьерная лестница. Высшей ступенью стала должность префекта, на которую назначался ответственный, хорошо успевающий ученик с лидерскими качествами. Помимо префектов существовали и другие должности, за которые мальчики боролись, начиная с первого года обучения. Старшим ученикам вменялись в обязанность наставничество и помощь младшим.

Также Арнольд считал, что спорт в любом его проявлении – верный помощник в формировании личности выпускника. Командные виды развивали умение работать в команде, индивидуальные приучали брать ответственность на себя. Спортивные достижения стали цениться не меньше академических.

Многие частные школы последовали примеру Регби, и вскоре в британском частном образовании сформировалась микромодель бюрократического аппарата, а выпускники школ были приучены к общественной и не всегда приятной работе (хотя и в виде наказания, а не осознания ее необходимости), а также к продвижению по карьерной лестнице.

Система Арнольда оказалась достаточно успешной и даже была рекомендована для колледжа Ост-Индской компании, готовившего управленческий персонал для компании. Здесь уместно напомнить, что и сам колледж был организован в высшей степени необычно для того времени. Он был открыт в 1806 г. и взял за основу систему подготовки императорских чиновников древнего Китая, где для получения должности нужно было сдать соответствующие экзамены.

Деятельность Арнольда и успешное функционирование колледжа послужили источником вдохновения для Стаффорда Нордкаота, будущего второго лорда Казначейства, и Чарльза Тревелияна, секретаря Казначейства, которые в 1853 г. представили парламенту доклад о необходимости изменения приема на госу-

дарственную службу (официальное название доклада – «Доклад об организации постоянной государственной службы, с письмом преподобного Б. Джоэта»). Преподобный Бенджамин Джоэт, профессор Баллиол-колледжа в Оксфорде, по роду деятельности работал с теми самыми выпускниками частных школ, которые продолжали обучение преимущественно в Оксфорде, Кембридже, военной академии Сандхерст и немецких университетах. Нордкот, Тревелиян и Джоэт полагали, что система приема на государственную службу по личным рекомендациям и по протекции безнадежно устарела. Кандидатов на должности следовало отбирать по их личным заслугам и по результатам экзаменов.

Таким образом, система Арнольда и система колледжа Ост-Индской компании встраивались в новую систему подготовки «слуг Короны». Обучение будущего чиновника метрополии и госслужащего колоний было сходным. Но будущие колониальные чиновники должны были обладать более широким набором умений и навыков, нежели их коллеги в метрополии.

Список формальных требований к кандидату начинался с частной школы. Арнольдские принципы (карьерные устремления, командный дух, самостоятельность) гарантировали честность кандидата, выносливость, умение работать как в команде, так и без нее. Это требование оставалось неизменным много лет, и уже в XX в. Джордж Оруэлл писал: «Если вы не посещали частную школу, значит, ваша жизнь была разрушена» [10. Р. 426]. Успешный кандидат в идеале должен был быть выпускником Оксфорда или Кембриджа (Оксбриджа) или военной академии Сандхерст. Выпускники многих других университетов, например Даремского или Эдинбургского, могли рассчитывать на должность только с начала XX в. по причинам, о которых будет сказано ниже. Оксбридж ценился потому, что, как писал доктор Эдвард Пьюси, профессор Оксфорда, целью этих заведений было «делать не книги, а людей» [11]. А.М. Стедман, также профессор Оксфорда, отмечал: «Специальное или профессиональное обучение является вторичной целью... он (университет) должен способствовать формированию благородных тенденций, а не получению коммерческих результатов; гуманизации человека, а не подготовке профессионального эксперта» (цит по: [12]). Томас Грин, также преподававший в Оксфорде, уделял особое внимание развитию у студентов чувства долга. Идеи Грина о долге были так популярны, что с 1854 по 1914 г. 90% выпускников Баллиол-колледжа посвятили себя государственной службе. К. Квартенг отмечает, что именно в Оксбридже появилось прозвище «профессор джемоведения», которым называли преподавателей и студентов тех учебных заведений, где имелись инженерные кафедры и другие прикладные специальности [13]. В Даремском университете одним из первых открылся факультет физики. Эдинбург готовил физиков, химиков и врачей. Классические специальности были и в Дареме, и в Эдинбурге, но они имели более прикладной характер, нежели в Оксбридже. Например, меньше времени уделялось латыни и древнегреческому, что было серьезным препятствием для поступления на государственную службу. Экзамены для будущих чиновников

включали в себя не только историю, философию и право, но и древние языки. Считалось, что слуги Короны будут читать в оригинале труды древнегреческих и римских философов и знакомиться с идеальными моделями государственного устройства. Но экзамен по древним языкам имел и более практическую цель – отсеять выпускников других вузов и отдать предпочтение выпускникам Оксбриджа. Если к тому же у такого выпускника имелся опыт военной службы, то его шансы получить место возрастали.

Таким образом, бюрократическая элита формировалась уже со школы. Однако ошибочным было бы считать, что преимущество отдавалось выпускникам с высокой академической успеваемостью. На первое место при отборе выходило участие в спортивных играх, различных университетских клубах и обществах, а также круг знакомств, который кандидат сумел создать за годы учебы. Разумеется, это не означало, что оценки не играли никакой роли, но кандидат со средними оценками и высокими общественными достижениями имел больше шансов получить место на госслужбе, чем круглый отличник. Позднее этот принцип провозгласил Р. Ферс (в другой транскрипции – Фьюрс): «Человек с мозгами должен быть рабом... рабом человека с силой воли» [14. Р. 69].

Только в начале XX в., по словам Барнетта, пришло понимание важности технических специальностей [15. Р. 89]. Немалую роль в этом понимании сыграла Первая мировая война. Британия оказалась не готова выступить против армии кайзера. Многочисленные победы британской армии в Судане, Египте, Южной Африке в XIX в. были одержаны над заведомо более слабым в техническом плане противником. Это привело к самонадеянной переоценке собственных сил. Отличным примером британской самонадеянности может служить следующий пример: в начале Первой мировой войны сэр Артур Конан Дойл представил Адмиралтейству проект бронезилета. Проект был отвергнут со словами: «Британского солдата защитит британский дух» [16. С. 147]. Однако даже война не сразу привела к пониманию необходимости новых кадров. Чиновники, получившие должность во время войны или сразу после нее, были приверженцами системы Оксбриджской элиты и не понимали важности перемен.

Помимо древних языков будущие чиновники изучали историю, но, как отмечает Барнетт, эта история была англоцентричной. Предмет читался таким образом, чтобы продемонстрировать, какие блага Англия (впоследствии – Британия) несла другим народам. Право Британии на то, чтобы нести миру цивилизацию, не оспаривалось. В свое время такой подход высмеял известный французский писатель Жюль Верн в романе «Дети капитана Гранта». Правда, речь шла не сколько об истории, сколько о географии. Однако Пеганель, взявшийся проэкзаменовать австралийского мальчика по географии, с изумлением узнает, что весь мир принадлежит англичанам [17. С. 349–353].

Кандидат, получивший на экзаменах требуемые баллы, направлялся в одну из колоний. Однако до этого он проводил в Англии около года, изучая язык местного населения. Здесь, как отмечает Ламли, мно-

гие будущие чиновники, сами того не подозревая, сталкивались с серьезной проблемой: язык зачастую преподавался по учебнику грамматики, разговорной речи будущих чиновников не обучали. Это создавало серьезные трудности в работе [18. Р. 31].

Отбор на место колониального чиновника был более строгим, чем на место чиновника в метрополии. Ко вторым предъявлялись не такие строгие требования относительно университета, им не нужно было учить редкие языки. Отбор по лидерским качествам и стрессоустойчивости был менее важным. Тем не менее конкурс на место колониального чиновника, начальника округа, был сравнительно высоким.

Что же привлекало молодых людей в этой работе? На начальника округа возлагались тяжелые обязанности. Вот что иронически писал Киплинг, певец империи, в стихотворении «Бремя белого человека»:

«Неси свое гордое бремя
И будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен».

(пер. А. Сергеева) [19].

Из-за «диких племен» (в оригинале – *half-devil and half-child* – полудьяволов и полудетей) стихотворение признано расистским. Но в нем ясно прослеживается мысль о тяжести труда в колониях: чиновнику придется строить мосты и дороги, останавливать голод, выполнять просветительскую миссию и получать критику начальства (*the blame of those ye better*).

Можно было бы предположить, что молодых людей вдохновляли карьерные перспективы, которые были выше, чем у чиновников метрополии, а также хорошее жалование. Но в 1870-е гг. жалование губернатора составляло в среднем от трех до четырех тысяч фунтов в год [20. Р. 3170]. При этом губернатор должен был отвечать за безопасность, развитие инфраструктуры, обеспечивать должное функционирование системы правосудия, организовывать работу образовательных структур и многое другое. Также у губернаторов часто имелся военный опыт. Например, в тот же период 44% губернаторов были назначены из числа военных [12]. Если жалование губернатора было не столь велико, то молодой начальник округа мог рассчитывать на крайне скромные суммы.

Даффилд приводит многочисленные свидетельства того, что молодых людей, как бы это наивно ни звучало, привлекала экзотика дальних стран. Ричард Оукли писал, что желание увидеть леопарда и жирафа в их среде обитания стало причиной поступить на государственную службу в Северной Нигерии [21]. Формированию такой мотивации немало способствовали приключенческие романы. Существовал даже жанр *DO novel* (роман о начальнике округа) [22], где героем выступал не абстрактный пират или белый человек, всю жизнь проживший среди племен и понимающий все их языки и традиции, а самый простой выпускник Оксфорда или Кембриджа.

Были у молодых чиновников и другие мотивы. Чарльз Уильям Опп во время службы в Нигерии всегда носил с собой газетную вырезку о битве при Трафальгаре, чтобы перечитывать ее в трудные минуты и напо-

минать себе о героическом прошлом своей страны [12]. Многие молодые чиновники стремились к службе «во благо нецивилизованных народов», о которой так много слышали во время учебы в школе и университете. Мы уже упоминали Томаса Грина и его рассуждения о долге, вдохновившие десятки юношей на службу во имя этого долга.

Джон Резерфорд Постлуэйт, добившийся высоких чинов на службе в Уганде и сам принимавший участие в отборе кандидатов на колониальные должности, стремился отсеивать потенциальных карьеристов и отдавал предпочтение тем, кто демонстрировал патерналистское отношение к местному населению. Он писал, что агрессивно настроенным молодым людям, желающим поскакать галопом по саванне и покомандовать туземцами, места на государственной службе также не было. Требовались спокойные, уравновешенные кандидаты с чувством долга и лидерскими качествами. Однако при столкновении колониальной реальностью характер молодого чиновника подвергался суровым испытаниям.

Разумеется, климат и болезни, непривычные для европейца, затрудняли адаптацию. Однако основные трудности крылись не в этом. Самой первой должностью, на которую назначался молодой чиновник, был начальник округа. (В русскоязычной литературе также можно встретить термин «дистрикт-офицер», прямой перевод *district officer* [23], однако мы считаем такой вариант неудачным, так как в русском языке слово «офицер» предполагает наличие военного чина.) Обязанности начальника округа были весьма обширны. Фактически он был главным агрономом, главным инженером, регистратором ЗАГСа, мировым судьей и даже врачом. Начальник округа должен был совершать пешие или верховые обходы (объезды) своего округа, посещать деревни и беседовать с местными жителями. (Даффилд высказывает интересную точку зрения: появление в колониях автомобиля стало началом конца империи, так как на автомобиле чиновник приезжал в деревню на час или два, беседовал с жителями и быстро уезжал в другую деревню. Пешие же чиновники XIX в. оставались в одной деревне несколько дней, чтобы отдохнуть от утомительного перехода, и могли общаться с местными жителями гораздо дольше [12].)

Из дошедших до нас дневников и личных писем начальников округов становится понятно, что им не хватало знаний по агротехнике, антропологии, медицине [12. Р. 176]. Также им не с кем было посоветоваться, так как зачастую рядом не было ни одного англичанина (за исключением членов семьи, если она у начальника округа имелась). Но особое внимание в этих дневниках обращает на себя тот факт, что, несмотря на трудности, их авторы полны оптимизма, с благодарностью вспоминают свои школы и университеты и не сомневаются в себе. Многие записи в дневниках посвящены описанию отношений с местными *child races*, т.е. расами-детьми. Описания такого рода выстроены в парадигме «мудрый родитель – неразумные, наивные дети». Некоторые начальники округов сравнивают жителей своего округа с жителями английской деревни XI–XII вв. [12. Р. 177].

Здесь стоит сказать, что все цитируемые нами дневники были опубликованы и, соответственно, в какой-то степени подвергались редактированию. Можем ли мы сделать вывод о том, что корпус таких книг был частью пропагандистской колониальной литературы? Скорее всего, да, так как даже в этих оптимистичных записях есть косвенные намеки на недоброжелательность местного населения, наивность самих начальников округов, на угрожающие жизни ситуации. В художественных произведениях колониального периода, написанных писателями, родившимися или проводившими значительное время в колониях, имеются описания жестокого отношения к местному населению (Сомерсет Моэм, Дорис Лессинг, Джордж Оруэлл), нервных срывов у белых обитателей колоний, убийств и самоубийств (Конрад, Моэм, Мюриель Спарк) и многих других проблем. И хотя мы не можем принимать такие эпизоды из художественных книг за веские доказательства, сам факт их множественности и схожести говорит о том, что такие события имели место на всей территории Британской империи.

Однако не стоит считать, что авторы колониальных дневников полностью умалчивали о проблемах в расчете на будущую публикацию и славу. Многие страницы дневников с сарказмом и возмущением повествуют о взаимоотношениях между чиновниками колоний и метрополией, а также чиновниками более высокого ранга (секретарь колонии и губернатор). Чиновники метрополии часто прибывали в колонии с проверками по линии своих ведомств (мы уже указывали на то, что многие вопросы не входили в сферу деятельности Министерства по делам колоний). Начальники округов считали своих собратьев из Лондона бюрократами, полностью неосведомленными о жизни в колониях, которые лишь слепо следуют циркулярам, какими бы глупыми те ни были. Ламли, Грир и Олдерман пишут, что зачастую многие самостоятельные решения, принятые начальником округа, должны были пройти ряд согласований в многочисленных инстанциях [18].

Многие разумные решения, направленные на предотвращение потери урожая или преодоление последствий засухи, часто впоследствии критиковались губернатором или прибывшими из метрополии проверяющими.

Помимо таких объективных причин для недовольства существовали причины снобистского толка. Начальники округов считали себя старой университетской командой, собравшейся на вечер встречи выпускников не в стенах *alma mater*, а на просторах Африки или в джунглях Индии. Любой чужак, даже если это был сам генерал-губернатор, заведомо считался ни на что не годным «неджентльменом». Так, Хаскетт Белл стал непопулярным еще до прибытия на место назначения [24]. Возможно, Белл как генерал-губернатор был далеко не самым способным, но не будучи выпускником Оксбриджа, он не имел ни малейшего шанса получить поддержку своих подчиненных и проявить себя [24].

Такое разделение на «мы» и «они» вскоре стало существенным препятствием в работе колоний. В условиях нехватки профильных специалистов арнольдовские и оксбриджские принципы управления стали давать сбой.

Как мы уже упоминали, после Первой мировой войны Британии пришлось пересматривать свою колониальную политику и свое место в мире. Пасхальное восстание в Ирландии, начало движения за независимость в Индии, национально-освободительное движение в колониях других стран (например, на Филиппинах) привели к необходимости создания новой колониальной службы и, соответственно, новой системы подготовки чиновников. В докладе Уоррена-Фишера в 1930 г. рекомендовалось разработать новый, систематический подход к отбору чиновников на колониальные должности. Этими вопросами занимался Руперт Ферс, обладавший крайней проницательностью относительно характера кандидата. Например, он мог отказать кандидату только потому, что у того было некрепкое рукопожатие, что, по мнению Ферса, свидетельствовало о недостаточной твердости духа. Ферс осознавал необходимость в новых, более технически подготовленных специалистах. Однако, будучи человеком консервативных взглядов, он по-прежнему отдавал предпочтение выпускникам Оксбриджа и поначалу с недоверием отнесся к идее выбирать будущих чиновников из выпускников Лондонской школы экономики.

Ферса часто критиковали за то, что его «проницательный» отбор – это ничто иное, как тот же самый отбор по протекции, только узаконенный [25]. Ферс попытался выйти из положения, разработав для Оксфордского университета курс подготовки чиновника [26] со специализацией с учетом региона, куда впоследствии направляли молодого госслужащего. Гастингс и Оукли отмечают, что новая программа становилась более практической, а чиновники стали походить на технократов [27]. Изучался самый разнообразный круг предметов – топография, шариат, медицина, ветеринария. Стали привлекаться специалисты из других университетов. Вместе с тем Ройс полагает, что подготовка велась на теоретическом уровне и давала мало практической пользы, а многие слушатели, как указывает Кирк-Грин, считали курс простым набором советов, которые и так подсказывал здравый смысл (например, регулярно принимать хинин) [26].

Таким же полупровальным оказалось решение назначать на некоторые должности в колониях представителей местного населения, прошедших обучение в английских школах и других учебных заведениях. В Индии чиновники индийского происхождения не только не стали опорой империи, но и встали во главе движения за независимость. (Ради справедливости стоит отметить, что в Индии роль империи в развитии до сих пор оценивается крайне противоречиво.)

Потеряв в 1947 г. Индию, игрок старой оксбриджской команды стал пропускать гол за голом, и даже попытка создать Содружество наций не вернуло империю и ее мощь.

Что касается чиновников метрополии, то отказ от арнольдовских и оксбриджских принципов при отборе на службу произошел в конце XIX в. И хотя после Первой мировой войны университетский дух все еще витал в кабинетах министерств, личные рекомендации и знание латыни все реже и реже становились решающим фактором в назначении на должность.

«Немецкое качество»

Прусский чиновник подобен человеку в оркестре: не слыша всей композиции, он должен играть свой фрагмент так, как ему положено, и совершенно не важно, считает он его хорошим или плохим.

Бисмарк

Более полувека прошло с тех пор, как Союзнический Контрольный совет в соответствии с законом «О ликвидации Прусского государства» (1947) заявил о прекращении существования прусского суверенитета как оплота милитаризма и реакции в Германии. Обыденное, массовое сознание, формируемое под определенным влиянием публицистики, рисует исторический образ Пруссии, которая обретала свою государственность последовательно и планомерно, как наиболее удобный способ существования армии. Граф де Мирабо, которому часто ошибочно приписывают слова о том, что «Пруссия – это армия, покорившая нацию» или «Пруссия – не государство, у которого есть армия, а армия, у которой есть государство», зарекомендовал себя как хороший знаток политических дел Пруссии. Современные исследования заставляют усомниться в авторстве Мирабо [28], наблюдения которого были преимущественно направлены на впечатляющее военное мастерство его современников и успехи прусской монархии, утверждавшей свое превосходство благодаря наличию и использованию армии, но в меньшей степени на особенности внутреннего управления королевством. Этот пример, взятый из области политической журналистики, выдает преднамеренное переписывание истории в духе настоящего времени, но, в сущности, не так далек от истины: история Пруссии является, по сути, историей прусской армии.

Несмотря на язвительные замечания о Пруссии как о «песочнице Священной Римской империи германской нации» [29], ее бюрократические традиции прочно укоренились в системе государственного управления Германии. Равноправная соперница Австрии и самый молодой член круга пяти «великих держав» Европы, так называемой пентархии, Пруссия оставила глубокие исторические следы, которые до сих пор во многом определяют облик современной Германии.

Так или иначе, но за пределами симпатий и антипатий немецкая государственность в конечном счете была закреплена в 1871 г. канцлером Отто фон Бисмарком, политика которого при явной гегемонии Пруссии трансформировала в союзе с либеральным национальным движением свободную конфедерацию в современное, способное действовать новое национальное государство. Гегемония Пруссии в этом государстве проявила себя в укоренении традиции верховенства закона, парадоксально сочетавшейся с принципами командования и повиновения. Опыт изучения этой прусской традиции послужил примером для построения часто цитируемой модели идеальной бюрократии Макса Вебера. К наиболее общим ее характеристикам он отнес следующие: 1) административные дела организованы «как бизнес», они выполняются линейно и в соответствии с установленными правилами; 2) адми-

нистративное управление осуществляется в соответствии с установленными правилами, которые делают административные действия обезличенными, но более поддающимися расчету; 3) административные дела организованы в соответствии с принципом разделения труда; 4) в соответствии с установленными полномочиями, которые интегрированы в административную иерархию; 5) средства управления и эксплуатации не являются личной собственностью бюрократов; 6) обладатель функции не может ее присвоить; 7) найм на работу осуществляется на основе профессиональной квалификации, предполагающей специальную подготовку, которая подтверждается экзаменами (дипломами); 8) специализированный государственный служащий, выполняющий свои функции в качестве основной профессии, назначается и нанимается по контракту; он связан обязательством верности своему положению, значение которого подчеркивается чертами, аналогичными привилегиям: пожизненная работа, компенсация в виде заработной платы, перспектива карьеры, основанная на выслуге лет, а также перспектива страхования по старости (пенсия) [30. S. 125].

При явном эвристическом потенциале теории бюрократии по Веберу, его модель вполне осознанно лишена конкретики, поскольку представляет собой идеально-типическую конструкцию и средство познания. Выявление специфики исключительно немецкой модели и, собственно, образа прусского чиновничества становится возможным при соотнесении с историческими условиями формирования немецкой государственности.

История прусского чиновничества начинается со времени реформ К. Штейна и К. Гарденберга. Мышление обоих формировалось под влиянием идей и теорий европейского Просвещения, идеализма и романтизма, распространившихся преимущественно в среде образованной буржуазии, обладавшей собственными политическими интересами и невероятным желанием реализовать их с помощью государства. О неудовлетворенности прежней ролью чиновника писал Штейн в 1808 г.: «Чиновники должны перестать быть наемными орудиями в руках монархов, машинами, исполняющими чужие приказания против собственной воли; я хочу, чтобы отныне они выполняли государственную работу независимо, самостоятельно и с полной ответственностью» [31. Р. 25]. Реформатор стремился покончить с практикой личной преданности монарху, шаблонностью мышления при исполнении приказов сверху, отсутствием инициативности и какого-либо мнения, что порождало излишний формализм, канцеляризм, педантизм и невежество. Все значимые государственные и военные должности при *Ancien Régime* занимали преимущественно представители только одного сословия – дворянства, что ограничивало доступ к ним других сословий независимо от способностей и амбиций. Прежняя, преимущественно военная опора монархии в лице дворянства со временем трансформировалась в государственное чиновничество, а сохранявшиеся военные порядки, не жаловавшие излишней инициативности и выражения собственного мнения, все больше превращали административный аппарат

в «бездушный механизм исполнения королевских указов» [32. С. 174].

Вопрос об ответственности чиновника становится краеугольным камнем реформ Штейна и Гарденберга. Его инновационная сущность раскрывалась уже не в обычном исполнении приказов монарха, как было при *Ancien Régime*, а в принятии ответственности за качество подобного исполнения в пределах соответствующей компетенции. Поводом для подобных умозаключений становится практика частых судебных расследований во времена Фридриха Великого, связанных с таможенными и акцизными сборами [33]. Со времен Фридриха Вильгельма I было обычной практикой использовать военнотружеников, обладающих некоторыми базовыми знаниями, для выполнения функций гражданской службы. Эти обязанности возлагались преимущественно на ветеранов, инвалидов войны, старших офицеров, неспособных, как правило, к несению военной службы. Так монархи избавлялись от обязанности заботиться о тех солдатах, которые были не в состоянии встать под ружье. О качестве такой службы оставалось только догадываться: низкая квалификация, отсутствие соответствующих знаний налогового права и фиксированных выплат из государственной казны, военные порядки – единственное, что знали бывшие солдаты, – порождали недовольство у населения, способствовали коррупции и безответственности, затрудняли судебные тяжбы вследствие подотчетности солдат военным администрациям.

Впервые вопрос об ответственности чиновника был решен в ходе реформ принятием Всеобщего земельного уложения Пруссии (1794) и баварского Закона о чиновничестве (1805), когда были регламентированы профессиональные обязанности чиновников [34. С. 23].

Довольно близко к идее об ответственности чиновников стоит идея профессионального образования и воспитания. Немецкие мыслители эпохи Просвещения связывали ее со служением общему благу (А.Л. Шлёцер, Ю. Мёзер, Г. Юнг-Штиллинг, К.Г. Грос, И. Кант). Под «общим благом», пользу которому должны снискать технические новшества, в германской традиции понималась польза государству, которое «люди изобрели для своего блага, как они изобрели страхование от огня и так далее» [35. С. 143]. Идеализируя прусское чиновничество и во многом полагая, что восприятие немцев «как народа вообще» немыслимо без «чиновника как сословия», О. Шпенглер подчеркивает исключительно немецкую традицию в деле его становления, связывая ее с воспитанием: «Огромное значение, которое имеет воспитание сословия чиновников, определяется тем, что к нему так или иначе принадлежит почти шестая часть населения; тем, что в целом оно вызывает уважение, зависть и стремление подражать ему, так что продуманное его обучение и воспитание практически равносильно образованию всего народа и, возможно, более эффективно, чем образование школьное, потому что оно формирует не знания и образ мыслей, а образ действий и собственную позицию... Самым большим достоинством этого чиновничества старой закалки была его высокая нравственность. Во всех прочих странах государственная служба – это

просто профессия, такой же источник дохода, как и остальные. В Пруссии чиновник со времен Фридриха Вильгельма I является сословием – таким же, как сословия офицеров и судей. Его честь – не профессиональная или гражданская, но сословная. Его чувство чести связано не с трудом, как это было в средневековых цехах, но с фактом служения – служения, понимаемого в германском смысле, то есть повиновения с достоинством и гордостью» [36. С. 45].

Задачу образования и подготовки чиновника нового типа, «компетентных, просвещенных и образованных слуг» [37. S. 149–150], должны были решать университеты, реорганизованные в духе гумбольдтовских реформ. Идею реорганизации высшей школы на политическом уровне первым высказал Гарденберг в «Докладной записке о реорганизации Прусского государства». Базируясь на идее национального государства, реформатор полагал необходимым вовлечение каждого члена нации в получение среднего образования, вне зависимости от сословной принадлежности, происхождения и иных критериев, кроме способностей. Это пересматривало и отношения государства и общества, и место образования в них. Госслужба должна была стать и средством управления, и катализатором сплочения нации, что ставило вопрос о подготовке кадров и доступе к высшему образованию. Концепцию реформы содержит параграф 11 главы 5: миссия университета – подготовка человека к самостоятельному мышлению и профессиональной деятельности. Вместе с этим на университет возлагалась подготовка новых государственных служащих, связанных с государством профессионализмом и этикой, концепцию которой в 1810 г. представил Иоганн Готфрид Хофман. Своим уровнем подготовки чиновник должен был способствовать исправлению недостатков «старого правления», а также прогрессу [38. S. 28–32].

Началом работы по формированию университета считается 4 сентября 1807 г., когда король подписал указ о его создании «в связи с государственной необходимостью». Подготовка государственного аппарата в университете рассматривалась Хофманом, который представил соображения по программе «Государствоведение» (*Staatswissenschaft*) [39. S. 39–40]. Именно оно и предполагало подготовку новых государственных служащих. В этом проекте отразились философские, идеологические и практические тезисы подхода к кадровой политике в сфере управления. Новый чиновник «должен был быть готовым к защите нации и ее интересов», что соответствовало воззрениям Гарденберга и Штейна. Подготовка государственных служащих предполагала «выработку способностей эффективно управлять государством и взаимодействовать с обществом в правовом поле без злоупотреблений, при условиях оформления национального представительства и свободы прессы» [40. S. 95]. Для этого тот должен был получить подготовку в области знаний об обществе и концепций его развития, национальной экономики, экономики отраслей, статистики, политики и управления государством, права, а также истории и культуры.

Несмотря на эффективную практику регламентации деятельности чиновников, исключавшую личные,

неслужебные отношения, произвол вышестоящих чинов в отношении нижестоящих, а также введение системы государственных экзаменов, призванной устранить систему наследования должностей, – вполне рациональные нововведения, – на протяжении всего XIX в. прусская система сохраняла свою специфику. Так, назначение на высшие должности либо утверждалось указами монарха, либо регламентировалось королевскими рескриптами. Эта традиция основывалась на вековом опыте существования германских монархий, что отличало ее от английского парламентаризма. Прусское чиновничество было обязано своим существованием воле монарха (указы 1810, 1814 и 1817 гг.), в то время как английское, например, формировалось «снизу» на основе исторической конституционной традиции. Такой порядок назначения делал прусских чиновников ответственными не перед ландтагами, а непосредственно перед монархом. Это препятствовало формированию и развитию политической воли, опыта и авторитета, поскольку король в любой момент мог заменить чиновника, хотя уже не исключительно по собственному выбору, а из числа образованных (дипломированных) и наиболее способных соискателей. Об отсутствии политической воли и опыта политической карьеры, порождающего феноменальное безразличие и холодное равнодушие, но прилагающего взамен щепетильность и послушание чиновников «с душой солдат», пишет Роберт Бернзее, исследуя эмоциональный климат в среде прусского чиновничества [41]. Топос «эмоционально холодной бюрократии», по мнению Бернзее, наиболее характерный для Пруссии, был следствием реформ в духе рационализации (создание организационной структуры, введение системы экзаменов, найма на работу и форм вознаграждения, должностных регламентов и др.). Рациональная бюрократизация не шла рука об руку с улучшением эмоционального состояния, поскольку профессиональная государственная служба ставила в прямую зависимость профессиональный успех с монотонным выполнением строго очерченных обязанностей [41. С. 147].

Идея преданного служения трону, возведенная в абсолют, превратила прусское чиновничество в пассивный инструмент государственного механизма, лишив его, в сравнении с английским или французским, амбициозности, оппозиционности монаршей воле и инициативности в деле проведения реформ. «Корпоративный дух» прусского чиновничества выражался преимущественно в повышенной работоспособности, исполнительности и педантичности. «Прусские чиновники, принимаемые не иначе как по сдаче экзамена, туго продвигались по службе, работали очень много и сознавали себя огражденными от произвола, приобретали корпоративный дух, который придавал им настолько независимости, что они могли отстаивать свои права и исполнять свой долг; они славились в Германии своей педантичной добросовестностью и способностью к усидчивому труду» [42. С. 425].

У «корпоративного духа» чиновничества была и обратная сторона, на которую обращает внимание Франц Кафка в романе «Процесс». Так, образ немецкого чиновника, архетипические черты которого находят

выражение в почитании государства, которому чиновники обязаны своим существованием, что, следовательно, приводит их к сопротивлению любым попыткам реформ, дополняется высокомерием и бездушием, скрывающими несовершенство системы управления (чиновники занимаются тем, что велят им закон и должностная инструкция, обычно не интересуясь, а порой даже не зная о результатах собственной работы), обезличенной силой, способной сломать жизнь простого обывателя, доведя его до помешательства бессмысленной казуистикой. Доведенный до отчаяния, герой Кафки в конце концов сравнивает чиновников с «бандой», связанной корпоративными узами, главная задача которой в том, чтобы сбить с толку невинного человека, сделав его покорным государственной системе [43. С. 60].

Основные характеристики прусского чиновничества в конечном итоге отразили специфику исторического развития Германии в XIX в. Намерения реформаторов Штейна и Гарденберга, связанные с необходимостью преобразований без социальных потрясений, в отличие от опыта революционной Франции, воплотились в практику создания эффективной системы исполнителей, лояльных государству, скованных корпоративной этикой и лично преданных монарху. Новая система администрирования, санкционированная монархом, дала возможность дворянству, прежде выполнявшему функцию «защитника трона» и «королевского меча», интегрироваться в систему государственной службы. Рациональная администрация оказалась эффективной в деле объединения Германии, заслужив высокую оценку Бисмарка: «С плохими законами и хорошими чиновниками можно править, но с плохими чиновниками нам не помогут даже лучшие законы» [44. С. 160].

«Армия французских писарей»

Все в правительстве ленивы; представители народа, генералы и администраторы окружены кабинетами, как старики из дворцов; ничего не делается, и тем не менее расходы огромны. Служение – это мир бумаги, а Республика – жертва двадцати тысяч глупцов, которые развращают ее, борются с ней и истекают кровью.

Сен-Жюст

Слова Луи Антуана де Сен-Жюста о чиновничестве, относящиеся к первым годам после Французской революции, отражают глубокое разочарование в ее итогах, породивших великое воинство «пишущих демонов», мешавших строить новое государство [45. Р. 25]. Однако уже спустя три десятилетия история найдет оправдание тому, что вызывало такое неудовольствие Сен-Жюста, связав его с незрелостью административной структуры, интеллектуальной неграмотностью и отсутствием материальных средств, необходимых для решения вопросов в интересах большинства. По этой причине первые годы Республики оказались наиболее уязвимыми для сохранения достигнутых свобод ввиду зависимости пионеров Революции от своих иррациональных страстей и эгоистических интересов. Отсюда

вытекает стремление историка Франсуа Гизо заменить суверенитет народа суверенитетом разума, воплощенным буржуазией, которую он оценивает как единственный социальный класс, способный гарантировать политическую свободу против нападков аристократии и народных масс, преимущественно неграмотных и анархически настроенных. Такой класс не мог возникнуть внезапно; требовались годы и опыт, которые, несомненно, сопровождались многочисленными угрозами новой Республике. Наилучшим шаблоном для его функционирования для Гизо и его сторонников оставалась модель, основанная на старых принципах административной централизации, унаследованных от *Ancien Régime*, но дополненных демократическими достижениями Революции [46. С. 15].

Несомненно, что после Французской революции и наполеоновских реформ французское чиновничество обрело свой современный внешний облик. Для его существования по наполеоновской формуле создавались «гранитные массы» – государственные институты, эталоны административного совершенства, призванные на века служить образцами для всей Европы [47].

Из достижений Революции Наполеоном было унаследовано многое. Важным нововведением становится отмена старого принципа продажи должностей, который был заменен новым – принципом избрания. В соответствии с текстом Конституции 1791 г. «чиновники – это агенты, избранные на время народом для выполнения административных функций под надзором и властью короля» [48]. В выборах могли принимать участие все политически активные граждане, соответствующие условиям избирательного ценза. Если до Революции делалось различие между теми, кто покупал должности и занимал их в силу назначения специальным королевским указом, теперь оно сохранялось только в отношении тех, кто избирался на оплачиваемую или неоплачиваемую должность государственной службы. Недостатки принципа выборов проявились быстро: прежде занимавший должность чиновник был ответствен непосредственно перед королем, выступающим гарантом собственного королевского закона, – практика довольно персонифицированная; после Революции избранный чиновник нес ответственность перед абстрактным контрольным институтом, учрежденным его избирателями, что обеспечивало слишком большую независимость избранного должностного лица как по отношению к государству, так и по отношению к самим его избирателям. Ответственность перед институтом, большинство членов которого можно было склонить на свою сторону, довольно затянутые бюрократические процедуры и возможности институтов инициировать и проводить самостоятельные нормативные проверки порождали коррупцию и профессиональные злоупотребления. Многочисленные злоупотребления при сборе налогов стали одной из причин восстания федералистов в 1793 г.

Столкнувшись с этой независимостью провинциальной администрации, Комитет общественной безопасности был вынужден усилить штат своих офисов для проведения так называемой «якобинской» политики централизации. Революция внезапно обнаружила

недостатки «бюрократии». Сен-Жюст провозгласил: «Чем больше чиновников ставят на место народа, тем меньше демократии» [49. Р. 213]. Политика централизации в конечном счете привела к ослаблению исполнительной власти; власть индивидуально избираемых должностных лиц была заменена групповой (офисной), назначаемой (нанимаемой) центром. В *Nouveau Paris* писатель и драматург Луи-Себастьян Мерсье решительно осудил это нововведение: «Нет никого, кому бы не приходилось жаловаться на наглость и невежество многочисленных служащих, нанятых в офисах, которых нужно вырезать. Никогда еще бюрократия не раздувалась до такой степени, став чересчур затратной и утомительной. Никогда еще бизнес не томился так сильно, как с момента создания этой армии клерков, работающих так же, как и слуги» [45].

Наполеон продолжил централизацию управления, формируя особый тип французского чиновника. Восхищаясь теми профессиями, которые представляли собой нечто более широкое, чем ремесла, требуя настоящего призвания (латинская этимология *professio* возводит термин к значению «исповедания веры»), Наполеон стремился к заимствованию у двух общественных институтов, которые высоко ценил, – армии и церкви. Чиновник в представлении Наполеона должен быть и «солдатом», и «священником» [50. Р. 37].

Эта мысль идеально подходила для профессии государственного служащего. Как и священник, солдат следует особым правилам, которые стирают общепринятую грань между профессиональной и частной сферами, осуждают экстравагантные потребности, как, например, предпочтение изысканной еды, проявление страсти или индивидуальности, и, напротив, диктуют усредненные, не выходящие за рамки нормы, как потребности в трудовой деятельности, безопасности, принадлежности и уважении. Сходства настолько многочисленны, что можно определить общую терминологию для этих профессий с помощью таких терминов, как «приверженность» и «миссия». Принятие в духовные ордена и братства напоминает рекрутирование военных, на тех и других возлагается особая миссия – быть посредником между богом и людьми и защита отечества от внешних врагов. Также преобладают верность, честь и забота о выполнении долга.

Принадлежность к сообществу с сильным чувством идентичности («братья в вере» и «братья по оружию»), называемым «корпоративным духом», также является важным общим знаменателем. Это осознание подкрепляется ношением определенной одежды. Очевидно, что одежда и униформа оправдываются двойной целью: как и любой кодекс, они направлены на обеспечение как единства, так и внутригрупповой сплоченности, а также дифференциации и, следовательно, дистанцирования по отношению к гражданскому обществу. Принцип, известный как «пассивное послушание», долгое время присущий армиям, находит свое отражение в вере, которая приводит верующих к решительному принятию догм, не требуя ни доказательств, ни объяснений фактов, изложенных святыми, священными писаниями. Раньше солдат так же слепо подчинялся приказам своего вождя, как священник

голосу своего Бога. Важность принципа послушания очень ясно проявляется в символической вездесущности отцовской фигуры, носящей покровительственный характер, что актуализирует вертикаль власти, замыкающуюся фигурой правителя, собственно, Наполеона.

Стремясь создать модель чиновничества на принципах иерархичности, дисциплинарности и унифицированности, Наполеон вводит новые должности перфектов, инспекторов, комиссаров, контролеров, жандармов, формирует новые государственные институты, получает контроль над церковью, закрепляя нововведения в гражданском кодексе. Наполеон ликвидирует практику избрания на должность, когда-то заменившую собой практику покупки должностей, введя централизованный механизм назначения государственных служащих правительством.

Среди новых принципов формирования чиновничества назначение на должность становится главным. Важными также были другие – установление иерархии заработной платы и соответствующей иерархии функций, дисциплина, основанная на регламенте, стандартизация различных государственных услуг. Вводится система продвижения по карьерной лестнице посредством распределения степеней.

Принципы управления распределены по каждой из этих степеней, их последовательность формирует общий дух управления. Каждая новая степень сулит повышение заработной платы. Перспектива повышения заработной платы в связи с получением новых степеней дополняется гарантиями будущего, прежде всего гарантиями стабильности и безопасности. С империей появляются пенсионные фонды, которые подпитываются отчислениями из зарплаты (около 3%). Вдовы чиновников также могут рассчитывать на пенсию. Из таких перспектив в конечном счете рождается образ, красноречиво описанный Бальзаком: «Чиновник, занятый только мыслью о том, как бы удержаться на месте, получать жалованье и дотянуть до пенсии, считал, что все дозволено ради столь великой цели. Это приводило приказчика к сервилizmu, порождало постоянные интриги в недрах министерств, где мелкие приказчики боролись против выродившейся аристократии, которая охотно паслась на общественных угодьях буржуазии и требовала мест для своих разоренных сынков» [51. С. 387].

Утилитарный подход к собственной деятельности, включенность в интриги, обещавшие быстрое повышение до нового ранга (степени), само по себе продвижение по службе, представлявшее долговременный процесс, часто зависящий от случая или стечения обстоятельств, делавших человека заметным на фоне корпоративной, офисной работы, мешали выполнению прямых должностных обязанностей. Намерения чиновников, по существу, деформировались в поиск наиболее легких и менее трудоемких способов их исполнения. Так, герой Бальзака чиновник Рабурден, задачей которого является поиск способов налоговой экономии, обретает соответствующую способность: «Долголетний опыт убедил Рабурдена в том, что во всяком деле совершенство достигается путем простых перестановок. Экономить – значит упрощать. А упростить – значит уничтожить лишние части административного

механизма и произвести служебные перемещения. Поэтому система Рабурдена опиралась на упразднение некоторых должностей и требовала новой ведомственной номенклатуры. В этой идее упразднения, может быть, и кроется причина той ненависти, которую обычно вызывают новаторы» [51. С. 383].

Дисциплинарная ответственность ограничивала проявление на службе какой бы то ни было инициативности. Так, без санкции вышестоящих органов чиновники не имели права доводить до гражданского общества какие-либо сведения о состоянии дел. Соответствующий циркуляр министра внутренних дел Жан Батист Шампани предписывал: «Не следует отправлять в газеты уведомления о делах, которые ведутся, без специального разрешения, и в любом случае никогда не следует разговаривать с репортерами. Ни один чиновник не может вставлять в работу, предназначенную для печати, заметок из переписки» [52].

В целом такой подход к профессиональной деятельности, отличавшийся, например, от прусских идеалов преданности монарху и отечеству, формировал сугубо утилитарный уклад, препятствовал развитию патриотизма и ценностей служения государству. Образ чиновника, созданный Бальзаком, демонстрировал «какую-то холодную покорность судьбе, присущую тем, кто похоронил иллюзии своей молодости и отказался от ее честолюбивых мечтаний; вы признали бы в нем [Рабурдене] человека разочарованного и если еще не поддавшегося отвращению и упорствующего в осуществлении своих первоначальных планов, то не столько в надежде на сомнительную победу, сколько ради применения своих способностей» [51. С. 376].

Как пишет Бальзак в романе «Чиновники», империя была золотым веком французской администрации. Золотой век, потому что администрация любит служить сильному государству, престиж которого, разумеется, отражается в том числе и на ней, потому что развитие государственной службы и расширение завоеваний вынудили правительство постоянно призывать новых должностных лиц и, наконец, потому что иерархический характер этой администрации, которую Наполеон сравнил с действующей армией, сделал ее бесспорно эффективной. Однако поведение французского чиновничества, стремящегося за славой империи обрести личные выгоды, становится очевидным в доволно быстрых и решительных военных компаниях Первой мировой войны: предпочтение личной безопасности и сохранения собственности вместо жертвенной защиты отечества.

До XIX в. не существовало социального типа чиновника, поэтому в коллективном представлении он сначала будет занимать промежуточное место между агентом короля, церкви или нанятым служащим какой-либо частной торговой компании. Бюрократизация европейского общества и формирование профессиональной группы чиновников стали результатом крупнейших социальных и политических потрясений, которые пережила Европа в конце XVIII и начале XIX в. Под влиянием Французской революции и наполеоновских войн в европейских странах стал создаваться новый социальный слой, который в силу первоначальной

неопределенности своего статуса сразу стал объектом пристального внимания публицистов и литературных критиков. Общие интересы (социальные льготы и престиж), образ жизни (графики и тип работы), потенциал внутреннего развития (корпоративные связи и отношения, совместное общение), склонность к коллективному поведению, социальной сегрегации и появление чувства коллективной принадлежности делают чиновничество самостоятельным социальным слоем, несмотря на его внутреннее разнообразие (разные административные органы, разные профессии, разное социальное происхождение), а также отсутствие определенных критериев, характерных для марксистского понимания (включенность в отношения производства, коллективные политические действия). Появление этого социального слоя, несомненно, отразило достижения Французской революции; возможность поступления на государственную службу на основе соответствующего обучения, уровня квалификации и внутренних экзаменов стала проявлением общей тенденции демократизации и повышения доступности государственной службы для большей части гражданского общества.

Французская революция и дальнейшее распространение гражданско-правовых порядков под влиянием Наполеоновских войн обусловили разную реакцию европейских дворов на нововведения: от реформ государственной службы без социальных потрясений (Пруссия) и необходимости формирования основ государственности в соответствии с принципами свободы, равенства и братства после разрушения *Ancien Régime* (Франция) до адаптации (встраивания) собственной конституционной традиции к запросам нового времени (Просвещение) и сокращения роли аристократов с их рекомендациями и протекцией (Великобритания).

Заключение

В силу разной временной протяженности и специфики исторических условий формирования государственности – политическая раздробленность Германии, имперские (континентальные и морские) амбиции Франции и Великобритании – становление профессионального чиновничества дополняется национальной спецификой. От верности королю до служения государству, апологетика которого возводится едва ли не в абсолют (Пруссия), до служения нации, которая после Революции объявляется единственным источником и носителем суверенитета (Франция), а также преданности империи и веры в ее исключительную миссию после победы в колониальных войнах XVIII в. (Великобритания).

Проекты по исследованию гражданской службы Тревелльяна и Норткока и введение системы государственных экзаменов (1870) в Великобритании, реформы Штейна, Гарденберга и королевские указы (1810, 1814, 1817) в Пруссии, кодексы и указы Наполеона во Франции закрепили легитимные основания чиновничества в системе европейской государственности. Общим основанием, ставшим несомненным достижением всех этих нововведений, становится специальная академическая подготовка. Обязательным условием для работы на государственной службе или карьеры в административной области являются диплом университета, степень магистра и сданный государственный экзамен. С этой целью университеты разработали специальные образовательные программы, с помощью которых можно было получить соответствующую квалификацию не только представителям высшего сословия, но и наиболее способным гражданам.

Список источников

1. Elias N. Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Mit einer Einleitung: Soziologie und Geschichtswissenschaft. Frankfurt am Main : Luchterhand, 1983. 456 S.
2. Бахлов И.В., Бахлова О.В. Имперские модели национального и государственного строительства // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 183–194.
3. Карлейль Т. Теперь и прежде. М. : Республика, 1994. 415 с.
4. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М. : Новое изд-во, 2010. 364 с.
5. Morley O. UK Government – did we rule the Empire with 4,000 civil servants? // The National Archives. 2012. Aug. 1. URL: <https://blog.nationalarchives.gov.uk/uk-government-did-we-rule-the-empire-with-4000-civil-servants>
6. Kalpakli F. Representation of the other in George Orwell's *Burmese Days*. *Procedia // Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 174. P. 1214–1220.
7. Coroner's Inquest // The Times (London, England). 1825. Mar. 03.
8. Arnold T. On the Discipline of Schools // *Quarterly Journal of Education*. 1835. Vol. 10, № 18. P. 86–87.
9. Corporal punishment in United Kingdom schools // *World Corporal Punishment Research*. URL: <https://www.corpun.com/counuks.htm>
10. Orwell G. *Essays*. London : Mariner Books, 1984. 425 p.
11. Soffer R. Discipline and Power: The University, History, and Making of an English Elite? 1870–1930. Stanford : Stanford University Press, 1995. 324 p.
12. Duffield B.A. *The Grey Men of Empire: Framing Britain's Official Mind 1854–1934*. Jonesboro : The University of Arkansas Press, 2016. 280 p.
13. Kwarteng K. *Ghosts of Empire: Britain's Legacies in the Modern World*. London : Bloomsbury, 2011. 488 p.
14. Furse R.D. *Aucuparius*. Oxford : Oxford University Press, 1962. 330 p.
15. Barnett C. *The Collapse of the British Power*. London : Eyre Methuen, 1972. 643 p.
16. Миллер Р. Приключения Конан Дойла. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2012. 480 с.
17. Верн Ж. Собрание сочинений. М. : Гослитиздат, 1955. Т. 3: Дети капитана Гранта. 644 с.
18. Lumley E.K. *Forgotten Mandate: British District Officer in Tanganyika*. London : C. Hurst and Co. Publishers Ltd, 1976. 178 p.
19. Киплинг Р. Бремя белого человека / пер. А. Сергеева. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/Cipl/br_bel.php
20. Xu G. The Costs of Patronage: Evidence from the British Empire // *American Economic Review*. 2018. Vol 108, № 11. P. 3170–3198.
21. Oakley R. *Treks and Palavers*. London : Seely, Service and Co., 1938. 237 p.
22. Kirk-Greene A. The District Officer in the African Colonial Novel // *The British Empire*. URL: https://www.britishempire.co.uk/article/districtoffice_rinnovel.htm
23. Наталевич С.И. Особенности профессиональной подготовки европейских офицеров Индийской Гражданской Службы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (86), ч. 3. С. 137–141.

24. Alderman C.F.J. Sir Henry Hesketh Joudou Bell // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2004. P. 56.
25. Kirk-Greene A. Sir Ralph Furse // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2004. P. 218.
26. Kirk-Greene A. The Colonial Service Training Courses // The British Empire. URL: <https://www.britishempire.co.uk/article/colonialservicetrainingcourses.htm>
27. Hastings A. Nigerian Days. London : John Lane and the Bodley Head, Ltd., 1925. 255 p.
28. Kroener B.R. La guerre est l'industrie nationale de la Prusse. La Prusse, une monarchie militaire au XVIIIe siècle – un «Sonderweg» en Europe? // Expériences de la guerre, pratiques de la paix: Hommages à Jean-Pierre Bois [en ligne]. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 2013. P. 325–336.
29. Kügler H. Des Heiligen Römischen Reiches Streusandbüchse. Inhalt und Aufkommen einer Redensart // Brandenburgia. 1933. Bd. 42. S. 45–61.
30. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen : Mohr, 1976. 948 S.
31. Gray M.W. Prussia in Transition: Society and Politics under the Stein Reform Ministry of 1808 // Philosophical Society. 1986. Vol. 76, № 1. P. 1–175.
32. Кареев Н.И. История Западной Европы и Новое время. СПб. : Тип. И.А. Ефрона, 1894. Т. 4: Первая треть XIX века: консульство, империя и реставрация. 671 с.
33. Bussenius C. Die preußische Verwaltung in Süd- und Neuostpreußen 1793–1806. Heidelberg : Quelle & Meyer, 1960. 452 S.
34. Thiele W. Die Entwicklung des deutschen Berufsbeamtentums: Preußen als Ausgangspunkt modernen Beamtentums. 1. Aufl. Herford, 1981. 103 S.
35. Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 2. 752 с.
36. Шпенглер О. Воссоздание Германского рейха / пер. с нем. А.В. Перцева, Ю.Ю. Коринца. СПб. : Владимир Даль, 2015. 221 с.
37. Köpke R. Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin. Berlin : G. Schade, 1860. 300 S.
38. Lenzer M. Geschichte der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Halle, 1910. Bd. 4. 239 S.
39. Geschichte der Universität Unter den Linden 1810–2010 / Hrsg. H.-E. Tenorth, V. Hess, D. Hoffmann. Berlin: Akademie Verlag, 2010. 276 S.
40. Bleek W. Geschichte der Politikwissenschaft in Deutschland. München : C.H. Beck, 2001. 550 S.
41. Bernsee R. Gefühlskalte Bürokratie: Emotionen im Verwaltungshandeln des frühen 19. Jahrhunderts // Zeitschrift für Verwaltungsgeschichte. 2018. Bd. 3. S. 147–163.
42. Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм. 1814–1896. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1897. Т. 1, ч. 2: Германия и Австрия. 792 с.
43. Кафка Ф. Процесс : роман / пер. с нем. и примеч. Г. Ноткина. СПб. : Амфора, 2000. 315 с.
44. Bismarck an Hermann Wagener, 30. Juni 1850 // Bismarck O. Die gesammelten Werke (Friedrichsruher Ausgabe) / Hrsg. von Wolfgang Windelband, Werner Frauendienst. Berlin, 1933. Bd. 1: Briefe. 497 S.
45. Thuillier G. Témoins de l'administration de Saint-Just à Marx, préface de Lucien Mehl. Paris, 1967. 281 p.
46. Гизо Ф. История цивилизации во Франции : в 4 т. / пер. с франц. П. Виноградова. М. : Рубежи XXI, 2006. Т. 1. 321 с.
47. Grunberg G. Napoléon: Le noir génie. Paris : CNRS éditions, 2015. 232 p.
48. Документы истории Великой французской революции / отв. ред. А.В. Адо. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. Т. 1. 527 с.
49. Saint-Just A.L., de. Oeuvres de Saint-Just, représentant du peuple à la Convention Nationale. Paris, 1834. 424 p.
50. Maximes et Pensées de Napoléon, choisies et présentées par Honoré de Balzac, éditions de Fallois, 1999. 138 p.
51. Бальзак О. Собрание сочинений : в 24 т. : пер. с фр. М. : Правда, 1960. Т. 12: Чиновники. 616 с.
52. Lassere B., Lenoir N., Stirn B. La transparence administrative. Politique d'aujourd'hui. Paris : Presses Universitaires de France PUF, 1987. 386 p.

References

1. Elias, N. (1983) *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Mit einer Einleitung: Soziologie und Geschichtswissenschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag AG.
2. Bakhlov, I.V. & Bakhlova, O.V. (2018) Imperskie modeli natsional'nogo i gosudarstvennogo stroitel'stva [Imperial models of national and state construction]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki*. 3. pp. 183–194.
3. Carlyle, T. (1994) *Teper' i prezhde* [Now and Before]. Translated from English. Moscow: [s.n.].
4. Lal, D. (2010) *Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [The Praise of Empire: Globalization and Order]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
5. Morley, O. (2012) *UK government – did we rule the Empire with 4,000 civil servants?* 1st August. [Online] Available from: <https://blog.nationalarchives.gov.uk/uk-government-did-we-rule-the-empire-with-4000-civil-servants>
6. Kalpakli, F. (2015) Representation of the other in George Orwell's *Burmese Days*. *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 174. pp. 1214–1220.
7. *The Times*. (1825) Coroner's Inquest. 3rd March.
8. Arnold, T. (1835) On the Discipline of Schools. *Quarterly Journal of Education*. 10(18). pp. 86–87.
9. World Corporal Punishment. (n.d.) *Corporal punishment in United Kingdom schools*. [Online] Available from: <https://www.corpun.com/counuks.htm>
10. Orwell, G. (1984) *Essays*. London: Mariner Books.
11. Soffer, R. (1995) *Discipline and Power: The University, History, and Making of an English Elite? 1870–1930*. Stanford: Stanford University Press.
12. Duffield, B.A. (2016) *The Grey Men of Empire: Framing Britain's Official Mind 1854–1934*. Jonesboro: The University of Arkansas Press.
13. Kwarteng, K. (2011) *Ghosts of Empire: Britain's Legacies in the Modern World*. London: Bloomsbury.
14. Furse, R.D. (1962) *Aucuparius*. Oxford: Oxford University Press.
15. Barnett, C. (1972) *The Collapse of the British Power*. London: Eyre Methuen.
16. Miller, R. (2012) *Priklyucheniya Konan Doyle* [The Adventures of Conan Doyle]. Translated from English. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
17. Verne, J. (1955) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Goslitizdat.
18. Lumley, E.K. (1976) *Forgotten Mandate: British District Officer in Tanganyika*. London: C. Hurst and Co. Publishers Ltd.
19. Kipling, R. (n.d.) *Bremya belogo cheloveka* [The White Man's Burden]. Translated from English by A. Sergeev. [Online] Available from: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/Cipl/br_bel.php
20. Xu, G. (2018) The Costs of Patronage: Evidence from the British Empire. *American Economic Review*. 108(11). p. 3170–3198.
21. Oakley, R. (1938) *Treks and Palavers*. London: Seely, Service and Co.
22. Kirk-Greene, A. (n.d.) *The District Officer in the African Colonial Novel*. [Online] Available from: <https://www.britishempire.co.uk/article/districtofficerinnovel.htm>
23. Natalevich, S.I. (2017) Osobennosti professional'noy podgotovki evropeyskikh ofitserov Indiyaskoy Grazhdanskoy Sluzhby [Professional training of European officers of the Indian Civil Service]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12(86). pp. 137–141.
24. Alderman, C.F.J. (2004) Sir Henry Hesketh Joudou Bell. In: Matthew, H.C.G. & Harrison, B. (eds) *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: OUP.
25. Kirk-Greene, A. (2004) Sir Ralph Furse. In: Matthew, H.C.G. & Harrison, B. (eds) *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: OUP.
26. UK. (n.d.) *Kirk-Greene Anthony. The Colonial Service Training Courses*. [Online] Available from: <https://www.britishempire.co.uk/article/colonialservicetrainingcourses.htm>
27. Hastings, A. (1925) *Nigerian Days*. London: John Lane and the Bodley Head, Ltd.

28. Kroener, B.R. (2013) La guerre est l'industrie nationale de la Prusse. La Prusse, une monarchie militaire au XVIIIe siècle – un Sonderweg en Europe? In: *Expériences de la guerre, pratiques de la paix: Hommages à Jean-Pierre Bois [en ligne]*. Rennes: Presses universitaires de Rennes. pp. 325–336.
29. Kügler, H. (1933) Des Heiligen Römischen Reiches Streusandbüchse. Inhalt und Aufkommen einer Redensart. *Brandenburgia*. 42. pp. 45–61.
30. Weber, M. (1976) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: [s.n.].
31. Gray, M.W. (1986) Prussia in Transition: Society and Politics under the Stein Reform Ministry of 1808. *Philosophical Society*. 76(1). pp. 1–175.
32. Kareev, N.I. (1894) *Istoriya Zapadnoy Evropy i Novoe vremya* [History of Western Europe and Modern Times]. Vol. 4. St. Petersburg: [s.n.].
33. Bussenius, C. (1960) *Die preußische Verwaltung in Süd- und Neustpreußen 1793–1806*. Heidelberg: [s.n.].
34. Thiele, W. (1981) *Die Entwicklung des deutschen Berufsbeamtentums: Preußen als Ausgangspunkt modernen Beamtentums*. 1. Aufl. Herford: [s.n.].
35. Zaretskiy, Yu., Levinson, K. & Shirle, I. (2014) *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stat'i* [Dictionary of Basic Historical Concepts]. Vol. 2. Translated from German by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
36. Spengler, O. (2015) *Vossozhdanie Germanskogo reykh* [Recreated German Reich]. Translated from German by A.V. Pertsev, Yu.Yu. Korinets. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
37. Köpke, R. (1860) *Die Gründung der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin*. Berlin: G. Schade.
38. Lenzer, M. (1910) *Geschichte der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*. Bd.4. Halle: [s.n.].
39. Tenorth, H.-E., Hess, V. & Hoffmann, D. (eds) (2010) *Geschichte der Universität Unter den Linden 1810–2010*. Berlin: Akademie Verlag.
40. Bleek, W. (2001) *Geschichte der Politikwissenschaft in Deutschland*. München: C.H. Beck.
41. Bernsee, R. (2018) Gefühlskalte Bürokratie: Emotionen im Verwaltungshandeln des frühen 19. Jahrhunderts. *Zeitschrift für Verwaltungsgeschichte*. Bd. 3. pp. 147–163.
42. Senyobos, S. (1897) *Politicheskaya istoriya sovremennoy Evropy. Evolyutsiya partiy i politicheskikh form. 1814–1896* [Political history of modern Europe. The evolution of parties and political forms. 1814–1896]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
43. Kafka, F. (2000) *Protsess* [Process]. Translated from German by G. Notkin. St. Petersburg: Amfora.
44. Bismarck, O. (1933) *Die gesammelten Werke (Friedrichsruher Ausgabe)*. Bd. 1. Berlin: [s.n.].
45. Thuillier, G. (1967) *Témoins de l'administration de Saint-Just à Marx*. Paris: [s.n.].
46. Guizot, F. (2006) *Istoriya tsivilizatsii vo Frantsii* [History of Civilization in France]. Vol. 1. Translated from French by P. Vinogradov. Moscow: Rubezhi XXI.
47. Grunberg, G. (2015) *Napoléon: Le noir genie*. Paris: CNRs éditions.
48. Ado, A.V. (ed.) (1990) *Dokumenty istorii Velikoy frantsuzskoy revolyutsii* [Documents of the History of the Great French Revolution]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
49. Saint-Just, A. L., de. (1834) *Oeuvres de Saint-Just, représentant du peuple à la Convention Nationale*. Paris: [s.n.].
50. Balzac, H. (ed.) (1999) *Maximes et Pensées de Napoléon, choisies et présentées par Honoré de Balzac*. Editions de Fallois.
51. Balzac, H. (1960) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 12. Translated from French. Moscow: Pravda.
52. Lassere, B., Lenoir, N. & Stirn, B. (1987) *La transparence administrative. Politique d'aujourd'hui*. Paris: Presses Universitaires de France PUF.

Сведения об авторах:

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: aturigin@mail.ru

Зимина Евгения Витальевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: ezimina@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Turygin Alexander A. – PhD, Associate Professor, Department of History, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: aturigin@mail.ru

Zimina Evgeniia V. – PhD, Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Languages, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: ezimina@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2021; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 27.08.2021; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 94(575.1)

doi: 10.17223/19988613/88/16

Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации высшего образования в Узбекистане

Сергей Миронович Юн¹, Олим Таиркулович Турдикулов²,
Жанара Таалайбек кызы³

^{1,2} Томский государственный университет, Томск, Россия

³ Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызстан

¹ sergey.yun@mail.tsu.ru

² olim.tairkulovich@gmail.com

³ zhanar.taalai@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены совместные образовательные программы вузов Узбекистана с зарубежными университетами как важный инструмент интернационализации высшего образования в Узбекистане. Проведен анализ государственной политики, направленной на развитие таких программ, включая выявление целей, особенностей регулирования и мер поддержки. Исследована динамика ключевых параметров совместных программ: количество программ, участвующих в них вузов и студентов, география партнеров и др. Выделены основные проблемы, с которыми сталкиваются вузы, реализующие совместные образовательные программы.

Ключевые слова: совместные образовательные программы, интернационализация, высшее образование, Узбекистан

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10036, <https://rscf.ru/project/23-78-10036/>

Для цитирования: Юн С.М., Турдикулов О.Т., Таалайбек кызы Ж. Совместные образовательные программы как инструмент интернационализации высшего образования в Узбекистане // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 137–146. doi: 10.17223/19988613/88/16

Original article

Joint educational programs as a tool for internationalization of higher education in Uzbekistan

Sergey M. Yun¹, Olim T. Turdikulov², Zhanara Taalaibek kyzy³

^{1,2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

¹ sergey.yun@mail.tsu.ru

² olim.tairkulovich@gmail.com

³ zhanar.taalai@gmail.com

Abstract. The aim of the research is to identify the features of joint educational programs (JEP) being implemented by Uzbek universities jointly with foreign universities. The study is based on the analysis of strategic documents of the Republic of Uzbekistan in the field of higher education, legislative acts, statistical data from the Uzbek Agency of statistics, information from the Uzbek Ministry of higher education, science and innovations, as well as mutual agreements with foreign countries, agreements, and cooperation contracts.

The research reached the following conclusions. The development of joint educational programs of Uzbek universities with foreign universities has become a priority of the state policy of reform and internationalization of higher education under President Sh.M. Mirziyoyev. This was declared in concept documents and supported by separate government financial mechanisms. As a result, JEPs have become normal practice for many public universities in Uzbekistan, both at undergraduate and graduate levels. The number of JEPs and students from Uzbekistan participating in them has increased manifold.

JEPs of Uzbek universities with foreign universities are gradually changing compared to the initial years. As far as areas of knowledge are concerned, the share of production and technical areas is gradually decreasing in favour of other sciences and industries. The share of Russian universities is decreasing and the geography of countries whose universities are implementing JEPs with Uzbek universities is expanding. Accordingly, the number of JEPs in Russian decreases

and the number of JEPs in English and other languages increases. However, with regard to the internal geography of JEPs, the dominance of Tashkent and Samarkand is declining only gradually.

The implementation of JEPs faces a significant number of difficulties, to which authorities also respond. The key was the adoption in 2021 of a special provision on the procedure for concluding agreements and implementing JEPs. Russian universities are recommended to pay attention to the development of mechanisms for increasing the level of training of JEP students in specialized subjects and the Russian language, adaptation of students from Uzbekistan to life and study in Russia, administration of JEPs, development of scientific relations with Uzbek universities and the manufacturing sector of Uzbekistan as tools for attracting applicants to JEPs with Uzbek universities.

Keywords: joint educational programs, internationalization, higher education, Uzbekistan

Acknowledgements: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project № 23-78-10036, <https://rscf.ru/en/project/23-78-10036/>

For citation: Yun, S.M., Turdikulov, O.T., Taalaibek kyzy, Zh. (2024) Joint educational programs as a tool for internationalization of higher education in Uzbekistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 137–146. doi: 10.17223/19988613/88/16

Введение

Смена политического руководства в Узбекистане в 2016 г. привела к изменению векторов социально-экономического развития внутри страны. Новый Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в 2017 г. представил Стратегию действий на пятилетний период по развитию Республики Узбекистан, в которой определены основные направления политики государства на новом этапе [1]. В соответствии с этим документом во всех сферах жизнедеятельности страны начались системные реформы. Однако проблема острой нехватки современных кадров в различных областях стала одним из главных препятствий на пути их реализации. Подготовка кадров, обладающих современными навыками и передовым зарубежным опытом, стала неотложной потребностью для построения нового, развитого государства.

Прошло уже 20 лет с момента последней реформы высшего образования в Узбекистане (1997). Оно перестало соответствовать современным требованиям. Так, уровень охвата высшим образованием молодежи в стране был крайне низким (9%), научный потенциал вузов (доля сотрудников с учеными степенями) составлял всего 31%, государственный сектор полностью монополизировал систему высшего образования (отсутствовали частные вузы), ни одно учебное заведение Узбекистана не входило в престижные мировые рейтинги [2; 3. С. 185]. В этот период интернационализация в образовательной сфере получила ограниченное развитие, а практики академической мобильности, популярные в мире, почти не применялись в учебных заведениях страны.

В 2017 г. начались системные реформы в системе высшего образования с целью подготовки современных кадров нового поколения. За короткий срок было создано около 100 новых государственных вузов, открыто более 40 частных вузов, количество филиалов иностранных вузов увеличилось в 4 раза, охват молодежи высшим образованием достиг 42% [4. С. 138; 5]. В том же 2017 г. постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2909 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» сделало обязательным для государственных вузов Узбекистана установление тесных партнерских отношений с веду-

щими профильными зарубежными университетами [6]. Это партнерство в том числе подразумевало реализацию совместных образовательных программ (СОП). Первые СОП с зарубежными университетами стали открываться вузами Узбекистана в 2018 г. [2]. В последующие годы наблюдается бурный рост количества университетов, предлагающих СОП, что сделало их одним из ключевых инструментов интернационализации высшего образования Узбекистана.

Цель настоящего исследования – выявление особенностей совместных образовательных программ вузов Узбекистана с зарубежными вузами, рассматриваемых в качестве одного из важных инструментов государственной политики интернационализации высшего образования и через это – повышения качества образования. В рамках исследования поставлены следующие задачи:

- проанализировать цели государственной политики, показатели, регулирование и меры поддержки СОП вузов Узбекистана с зарубежными университетами;
- изучить динамику количества реализуемых СОП;
- рассмотреть следующие параметры СОП: набор, количество обучающихся, уровни образования, области знаний, география партнеров, языковой аспект, формы и стоимость обучения;
- выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются вузы Узбекистана при реализации СОП.

Государственные цели, регулирование и меры поддержки

Цели государства в области организации совместных образовательных программ в системе высшего образования ориентированы на повышение качества высшего образования Узбекистана через развитие партнерства с зарубежными вузами.

В постановлении Президента Республики Узбекистан № ПП-2909 от 20 апреля 2017 г. «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» особое внимание было уделено расширению сотрудничества университетов страны с зарубежными учебными заведениями, поставлены задачи внедрения в образовательный процесс передовых педагогических технологий и образовательных программ, учебно-методических материалов и другого передового опыта

зарубежных стран. Важной считалась также задача привлечения в Узбекистан высококвалифицированных ученых, преподавателей и специалистов из-за рубежа [6]. Все это планировалось обеспечить в том числе через развитие СОП с зарубежными вузами, при этом каких-либо определений или требований к зарубежным вузам постановление не содержало.

«Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года», утвержденная постановлением от 8 октября 2019 г. № УП-5847, подтвердила данный курс, зафиксировав необходимость «расширения деятельности по подготовке кадров на основе совместных образовательных программ в сотрудничестве с зарубежными высшими образовательными учреждениями, увеличения количества совместно проводимых научных конференций и семинаров, реализации международных научных и образовательных проектов» [2]. Позднее в соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан «О Стратегии “Узбекистан–2030”» от 11 сентября 2023 г. № ПП-300 была поставлена цель внедрить «систему двойного диплома на основе не менее 50 совместных образовательных программ совместно с зарубежными университетами, входящими в Топ-500» [7]. Таким образом, в стратегических документах периода 2017–2023 гг. подчеркивалось значение развития СОП с зарубежными вузами, а на последнем этапе было внесено требование сфокусироваться на вузах, которые занимают ведущие позиции в международных рейтингах.

В 2021 г. постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан было утверждено положение «О порядке организации образовательной деятельности на основе совместных образовательных программ высших учебных заведений Республики Узбекистан и зарубежных партнеров» от 6 июля 2021 г. № 421 (далее – Положение-2021) [8]. Оно установило требования к СОП, реализуемым государственными вузами Узбекистана. Во-первых, были сформулированы требования к зарубежным вузам, с которыми могут реализовываться СОП:

- вузы, осуществляющие деятельность на территории Республики Узбекистан (например, в формате филиалов);

- вузы, входящие в топ-1000 зарубежных рейтингов Quacquarelli Symonds World University Rankings, Times Higher Education, Academic Ranking of World Universities (список таких вузов утверждается ежегодно профильным министерством);

- европейские вузы, аккредитованные организациями, входящими в Европейскую ассоциацию по обеспечению качества высшего образования;

- вузы, аккредитованные уполномоченными организациями США, Австралии, Израиля, Канады, России, Сингапура, Южной Кореи, Японии;

- вузы, имеющие право на СОП в соответствии с международными договорами, решениями Президента и Кабинета Министров Республики Узбекистан.

Во-вторых, в положении определены требования к содержанию договоров о СОП. В-третьих, положением введен механизм предварительной экспертизы СОП со стороны профильного министерства как обязатель-

ного условия для открытия СОП. В-четвертых, прописан порядок приема на программы СОП, включающий как вступительные экзамены, проводимые вузами-партнерами (первый этап), так и централизованное тестирование по иностранному языку, на котором будет осуществляться обучение (второй этап). В-пятых, определены финансовые условия: обучение по договору как основная форма (размер стоимости определяют вузы), на грантовой основе – в случаях, предусмотренных законодательством и только на период обучения в Республике Узбекистан (ранее допускалось обучение в рамках СОП только на платной основе). Также в положении определены различные аспекты, касающиеся организации обучения в рамках СОП.

В 2022 г. было принято постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-289 «О мерах по повышению качества педагогического образования и дальнейшему развитию деятельности высших образовательных учреждений по подготовке педагогических кадров», которое фиксирует отраслевой аспект приоритетов государства в отношении СОП. В соответствии с постановлением с начала 2023/2024 учебного года установлен порядок предоставления студентам СОП, обучающимся по программам педагогического профиля, компенсации расходов в период платного обучения в зарубежных высших образовательных учреждениях-партнерах за счет государственного бюджета Узбекистана. Механизм включает конкурс для студентов с высокими академическими показателями и подписание договора об отработке в государственных образовательных организациях [9].

Динамика СОП

Динамику развития СОП в системе высшего образования Узбекистана за последние пять лет можно разделить на два отдельных периода: первый – 2018–2020 гг., второй – с 2021 г. по настоящее время. Если в первый период шел процесс наращивания новых СОП в условиях нечеткого регулирования сферы, то с 2021 г. началось сокращение количества СОП с учетом требований, введенных Положением-2021. Эти требования существенно повлияли на критерии приема, численность студентов, разнообразие образовательных направлений, географию и динамику развития других показателей СОП (рис. 1, табл. 2).

В период с 2018 по 2023 г. число университетов, предлагающих СОП, увеличилось с 39 до 63, подчеркивая интерес образовательных учреждений к этой форме обучения. Анализ данных также показывает уменьшение среднего числа направлений на один университет, что может свидетельствовать о более глубоком и дифференцированном подходе учебных заведений к формированию совместных программ.

Структура и параметры СОП в высшем образовании Республики Узбекистан по состоянию на конец 2023 г. показывают, что абсолютное большинство СОП реализуется государственными вузами (58 из 62). Также есть несколько иностранных и негосударственных вузов, реализующих СОП, что способствует диверсификации образовательного опыта студентов.

В 2023/2024 учебном году были выделены квоты на 289 направлений и специальностей СОП, что свидетельствует о постоянном интересе со стороны студентов к участию в СОП. Финансирование СОП идет

главным образом за счет средств самих студентов (домохозяйств). Анализ данных по курсам образования показывает постепенное наращивание числа набора, за исключением I курса.

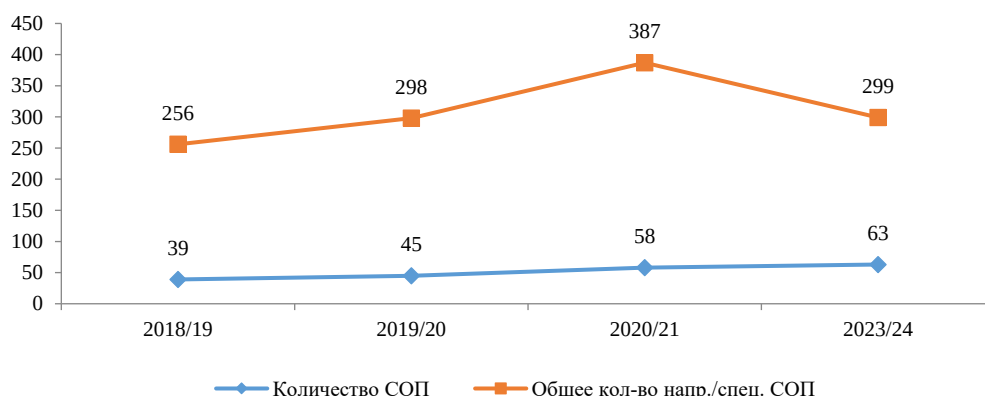

Рис. 1. Динамика количества СОП и направлений / специальностей СОП (2018–2023). Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=3>, <https://stat.edu.uz/tables?id=5> [10, 11]

Таблица 1

Структура и параметры совместных образовательных программ в высшем образовании Республики Узбекистан (по состоянию на 20.12.2023)

Параметры	Форма вуза	Уровень высшей образование		Всего
		Бакалавриат (напр.)	Магистратура (спец.)	
Количество вузов с СОП по уровням образования	иностр.	1	–	1
	негос.	3	–	3
	госуд.	58	26	84
	общее	62	26	88
Количество направлений (бакалавриат) и специальностей (магистратура) СОП в системе высшего образования	все	241	58	299
Прием на 2023/2024 уч.г. направлений / специальностей СОП	все	189	100	289
Количество студентов				
По форме вузов	иност.	1 447	–	1447
	негос.	952	–	952
	госуд.	9 426	716	10 142
	общее	11 825	716	12 541
По гражданству	Лиц БГ	Иностр. гр.	Гр. РУз	
	3	51	12487	
По форму оплаты	Бюджет		Платно	
	154		12387	
По курсам образования	I курс	II курс	III курс	IV–V курс
	3 478	3 633	3 387	2 043

Примечание. Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/>, https://stat.edu.uz/edu_form, <https://stat.edu.uz/tables>, <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=3>, https://edu.uz/uz/pages/qoshma_talim_dasturlari#gsc.tab=0

На основе представленных показателей за 2023 г. рассмотрим характеристику СОП в системе высшего образования Узбекистана. Анализируется динамика развития в различных областях в течение пяти лет.

Параметры приема и количество студентов

Анализ параметров приема по СОП в высшем образовании Республики Узбекистан за 2018–2023 гг. позволяет выявить основные тенденции и изменения в структуре и организации данного образовательного формата (табл. 2).

Первым заметным аспектом является динамика числа вузов, участвующих в реализации СОП. Согласно представленным данным, наблюдается увеличение количества вузов, реализующих прием на СОП, с 39 в 2018/2019 учебном году до 52 в 2020/2021 учебном году, затем снижение до 35 вузов два последующих года и снова увеличение до 44 вузов в 2023/2024 учебном году. В 2018/2019 учебном году количество квот на СОП составляло 1 130. После этого отмечено значительное увеличение данного показателя: в 2020/2021 учебном году – в 6,7 раз (7 562 СОП). На последнем этапе происходит снижение квот на прием студен-

тов на СОП, в 2023/2024 учебном году их было почти в 2 раза меньше, чем в 2020/2021 учебном году.

В то же время все годы сохраняется положительная динамика роста числа студентов СОП. По данным Минвуза Республики Узбекистан, на декабрь 2023/2024 учебного года она достигла до 12 541 человек.

Увеличение числа студентов в СОП свидетельствует о растущем интересе студентов к этой форме обучения. Это также может говорить о расширении и разнообразии предлагаемых программ, а также о повышенной конкурентоспособности таких образовательных инициатив (рис. 2).

Таблица 2

Параметры приема по СОП: количество вузов, квоты для студентов и в разрезе направлений / специальностей

Учебные годы	Число вузов	Квоты студентов			Число направлений / специальностей		
		Всего	Бакалавров	Магистров	Всего	Бакалавров	Магистров
2018/2019	39	1 130	н/д	н/д	256	178	78
2019/2020	45	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
2020/2021	52	7 562	6 650	912	333	232	101
2021/2022	35	7 514	6 797	717	308	226	82
2022/2023	35	н/д	н/д	н/д	183	122	61
2023/2024	44	3 970	3 386	584	289	189	100

Примечание. Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=3>, <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=4>, https://edu.uz/uz/pages/qoshma_talim_dasturlari#gsc.tab=0 [10, 11].

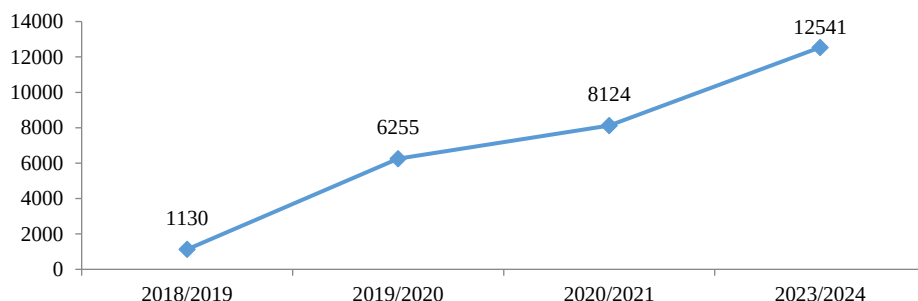

Рис. 2. Динамика роста количества студентов в СОП в 2018–2023 гг. Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/> [10, 11]

Распределение по уровням образования и областям знаний

Динамика количества СОП с 2018 по 2023 г. подчеркивает значительные количественные изменения в уровнях высшего образования. В 2018/2019 учебном году было представлено 178 программ на бакалавриате и 78 программ в магистратуре, в целом 256 СОП (рис. 3). В последующие годы динамика общего количества программ соответствует динамике квот на прием на СОП. При этом количество бакалаврских СОП снизилось заметно меньше количества магистерских СОП.

Анализ по областям знаний показывает, что доля производственно-технических направлений является самой высокой среди всех СОП в 2023/2024 учебном

году, составляя 37,8% от общего количества. За ними следуют социальные науки, экономика и право (24,1%), гуманитарные науки, искусство и образование (18%), здравоохранение и социальное обеспечение (8%), услуги (6,4%) и сельское и водное хозяйство (5,7%) (рис. 4).

Данные за 2018–2023 гг. свидетельствуют о том, что в процессе развития СОП вузов Узбекистана с зарубежными вузами производственно-техническая сфера всегда удерживала лидирующее положение, хотя ее доля постепенно снизилась на 10%. В то же время выросли доли социальной сферы, экономики и права, сельского и водного хозяйства, здравоохранения и социального обеспечения, несколько снизилась доля гуманитарной сферы, искусства и образования, осталась почти на прежнем уровне доля сферы услуг (табл. 3).

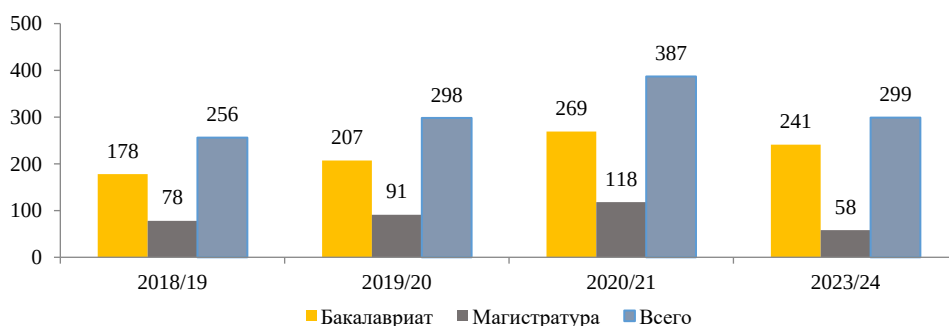

Рис. 3. Динамика количества СОП по уровням высшего образования Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/tables?id=5> [10, 11]

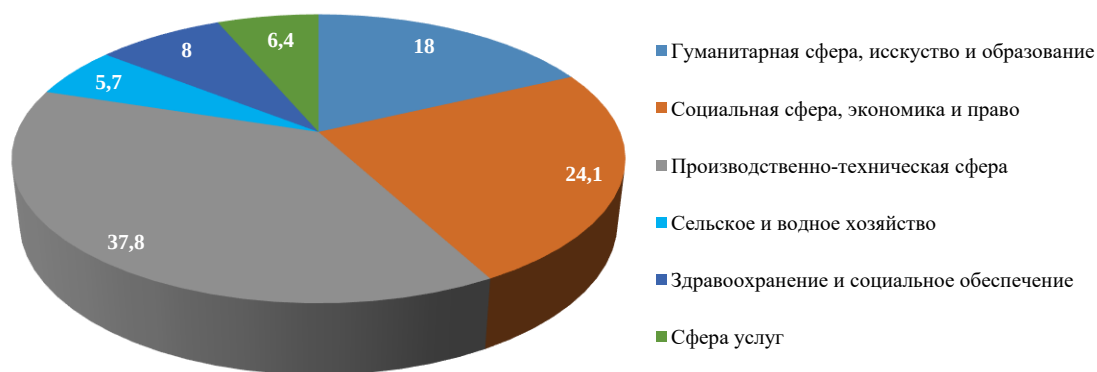

Рис. 4. Распределение совместных образовательных программ по областям знаний на 2023/2024 учебный год (по состоянию на 20.12.2023 год). Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=3>, <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=4>

Таблица 3

Распределение совместных образовательных программ по областям знаний за 2018–2023 гг.

№	Области знания	2018/2019		2019/2020		2020/2021		2023/2024	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Гуманитарная сфера, искусство и образование	51	19,9	68	23	89	23	54	18
2	Социальная сфера, экономика и право	53	20,7	57	19,1	91	23,4	72	24,1
3	Производственно-техническая сфера	122	47,7	132	44,2	154	40	113	37,8
4	Сельское и водное хозяйство	6	2,3	9	3	12	3	17	5,7
5	Здравоохранение и социальное обеспечение	8	3,1	8	2,6	10	2,6	24	8
6	Сфера услуг	16	6,3	24	8,1	31	8	19	6,4
	Всего	256	100	298	100	387	100	299	100

Примечание. Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=3>, <https://stat.edu.uz/tables/directions?id=4> [10, 11].

География партнеров по СОП: внутренняя и внешняя

Внутренний географический анализ высших учебных заведений, участвующих в реализации СОП, показывает особое место Ташкента и в значительно

меньшей степени Самарканда, дающих вместе более половины всех СОП. Эта ситуация остается почти неизменной с 2018 г., когда началось внедрение совместных образовательных программ, лишь с некоторым увеличением доли других регионов Узбекистана (табл. 4).

Таблица 4

Географическое распределение вузов, имеющих совместных образовательных программ внутри Узбекистана за 2018–2023 гг.

№	Регионы	2018/2019		2020/2021		2023/2024	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	Андижанская обл.	2	5,1	3	5,2	4	6,3
2	Бухарская обл.	2	5,1	3	5,2	3	4,8
3	Джизакская обл.	1	2,6	3	5,2	2	3,2
4	Кашкадарьинская обл.	2	5,1	3	5,2	2	3,2
5	Навоийская обл.	2	5,1	2	3,4	2	3,2
6	Наманганская обл.	1	2,6	1	1,7	3	4,8
7	Самаркандская обл.	5	12,9	8	13,8	7	11
8	Сурхандарьинская обл.	1	2,6	2	3,4	3	4,8
9	Сырдарьинская обл.	—	—	—	—	1	1,6
10	Ташкентская обл.	—	—	—	—	1	1,6
11	Ферганская обл.	2	5,1	3	5,2	4	6,3
12	Хорезмская обл.	2	5,1	3	5,2	2	3,2
13	АР Каракалпакстан	2	5,1	3	5,2	2	3,2
14	г. Ташкент	17	43,6	24	41,3	27	42,8
	Всего	39	100	58	100	63	100

Примечание. Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: <https://stat.edu.uz/tables?id=5> [10, 11].

Таблица 5

Географическое распределение СОП вузов Узбекистана с зарубежными партнерами в 2021 и 2023 гг.

№	Страны	Количество СОП			
		2021/2022 уч. год	в % к итогу	2023/2024 уч. год	в % к итогу
1	Россия	169	55	126	43,6
2	Беларусь	91	29,6	87	30,1

Окончание табл. 5

№	Страны	Количество СОП			
		2021/2022 уч. год	в % к итогу	2023/2024 уч. год	в % к итогу
3	Турция	—	—	11	3,8
4	Польша	4	1,3	8	2,8
5	Малайзия	9	3	6	2,1
6	Индонезия	4	1,3	6	2,1
7	Латвия	4	1,3	6	2,1
8	Таджикистан	—	—	6	2,1
9	Южная Корея	2	0,6	5	1,7
10	Франция	—	—	5	1,7
11	Индия	—	—	5	1,7
12	Китай	2	0,6	3	1,1
13	Чехия	—	—	3	1,1
14	Великобритания	—	—	3	1,1
15	Австрия	2	0,6	2	0,7
16	Италия	—	—	2	0,7
17	Израиль	5	1,6	1	0,3
18	США	4	1,3	1	0,3
19	Литва	4	1,3	1	0,3
20	Германия	1	0,3	1	0,3
21	Венгрия	—	—	1	0,3
22	Казахстан	3	1	—	—
23	Кыргызстан	2	0,6	—	—
24	Финляндия	2	0,6	—	—
	Всего	308	100	289	100

Примечание. Составлено на основе данных, полученных из информационной системы HEMIS в режиме реального времени. URL: https://edu.uz/uz/pages/qoshma_talim_dasturlari#gsc.tab=0

Что касается географии зарубежных вузов-партнеров по СОП, то, по данным 2023 г., они относились к 21 стране. Ключевое положение занимали вузы России (43,6%) и Беларуси (30,1%), на которых вместе приходилось 73,7% всех совместных образовательных программ вузов Узбекистана (табл. 5). Эта ситуация сохраняется все время развития СОП. В то же время заметно снижение доли российских вузов на 11,4% в 2023/2024 по сравнению с 2021/2022 учебным годом.

Основным фактором, обуславливающим приоритет СОП на русском языке, является владение этим языком большинством профессорско-преподавательского состава и студентами вузов Узбекистана. Важным дополнением к этому является наличие обширных узбекских диаспор в России и Беларуси, а также общая история стран в недавнем «советском» прошлом. Эти факторы снимают опасения у родителей, отправляющих своих детей на учебу за границу без лишних беспокойств.

Язык и форма обучения

Анализ данных в разрезе языков обучения отражает изменения в языковой динамике и стратегии образовательных программ. В 2021/2022 учебном году преобладал русский язык, составляя 87% всех программ, в то время как английский занимал 11%. Однако в последующем наблюдается снижение доли программ на русском языке до 76%, в то время как английский язык приобретает большую популярность, увеличив свою долю до 19%. Такие изменения могут быть интерпретированы как стремление к большей интернационализации образовательных программ и учету мировых языковых трендов. Следует также отметить увеличение числа программ на других языках, что может свидетельствовать о стремлении разнообразить языковую среду в образовательных учреждениях (табл. 6).

Таблица 6

Язык обучения в СОП в период с 2021 по 2023 гг.

№	Язык обучения	2021/2022 уч. год		2023/2024 уч. год		Разница, % (+, -)
		Количество программ	%	Количество программ	%	
1	Русский	269	87	219	76	-11
2	Английский	33	11	56	19	+8
3	Другие	6	2	14	5	+3
	Всего	308	100	289	100	

Примечание. Составлено на основе на основе параметров приема, объявленных на официальном сайте Минвуза Республики Узбекистан. URL: https://edu.uz/uz/pages/qoshma_talim_dasturlari#gsc.tab=0

Таблица 7

Формы обучения в рамках СОП в период с 2021 по 2023 г.

№	Форма обучения	2021/2022 уч. год		2023/2024 уч. год		Разница, % (+, -)
		Количество программ	в %	Количество программ	в %	
1	Очная	291	94,5	285	98,6	+4,1
2	Заочная	17	5,5	4	1,4	-4,1
3	Другие	—	—	—	—	—
	Всего	308	100	289	100	

Примечание. Составлено на основе на основе параметров приема, объявленных на официальном сайте Минвуза Республики Узбекистан. URL: https://edu.uz/uz/pages/qoshma_talim_dasturlari#gsc.tab=0

Формы обучения в рамках совместных образовательных программ Узбекистана включают два вида: очное и заочное. Доля очного обучения, составлявшая 94,5% в 2021 г., выросла в 2023 г. до 98,6%. Таким образом, очная форма обучения сохраняет первое место с огромным преимуществом. Заочное обучение, напротив, снизило свою долю с 5,5 до 1,4% (табл. 7).

Стоимость обучения

По состоянию на декабрь 2023 г. известно, что из всех студентов, обучающихся в рамках СОП, 98,8% училось на платно-контрактной основе и лишь 1,2% студентов – за счет государственных грантов (см. табл. 1).

В соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан (Положение-2021), государственные гранты предоставляются только в отдельных случаях, поэтому их размер является весьма небольшим. Пример такой СОП – действующая образовательная программа, разработанная в сотрудничестве Университетом геологических наук (Узбекистан) и Национальным исследовательским Томским государственным университетом (Россия) [12]. В ходе исследования также было подтверждено, что стоимость обучения по СОП в период обучения в вузах Узбекистана в большинстве случаев выше, чем в рамках обычной образовательной программы в вузе Узбекистана по тому же направлению подготовки (табл. 8).

Таблица 8

Стоимость обучения по некоторым совместным образовательным программам в Узбекистане
(по данным на 2023/2024 учебный год)

Совместные программы между вузами	Стоимость обучения по СОП		В обычной форме обучения в том же вузе Узбекистана
	В местном вузе	В зарубежном вузе	
Университет геологических наук (УГН) – МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)	16 028 900 сум	455 990 руб.	12 627 170 сум
Каршинский государственный университет – Нижегородский государственный лингвистический университет (Россия)	7 091 940 сум	200 000 руб.	13 306 500 сум или
Каршинский государственный университет – Московский государственный лингвистический университет (Россия)	7 091 940 сум	170 000 руб.	≈ 1 100 долларов США (на 31.12.2023)
Ташкентский государственный юридический университет – Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Казахстан)	3 000 долларов США (в эквиваленте)		18 522 000–
Ташкентский государственный юридический университет – Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Беларусь)	2 800 долларов США (в эквиваленте)		19 698 000 сум или
Ташкентский государственный юридический университет – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия)	3 200 долларов США (в эквиваленте)		≈ 1 500–1 600 долларов США (на 31.12.2023)

Примечание. Составлено по: [12–15].

Основные проблемы

В результате проведенного исследования выявлены следующие проблемы, сопровождающие внедрение и развитие совместных образовательных программ вузов Узбекистана в зарубежными университетами:

1. Недостаточный уровень подготовки абитуриентов и знания иностранных языков. В начальный период внедрения совместных программ отсутствовала единая система отбора абитуриентов, что приводило к набору студентов с несоответствующим уровнем подготовки и их трудностям в период обучения в зарубежном вузе. В 2021 г. была введена двухэтапная система приема, включающая тестирование и собеседование, направленные на оценку языковых навыков.

2. Организационные проблемы. Возникают трудности в организации обучения в зарубежных университетах-партнерах, такие как неудовлетворительные условия проживания и обучения, отсутствие свободных мест в общежитии, а также трудности с выбором учебных предметов и в целом сложности адаптации к другой образовательной и социальной среде.

3. Проблема качества подготовки кадров. Двойная структура управления, реализуемая как внутри страны, так и совместно с зарубежными партнерами, приводит к отсутствию единого контроля, влияя на качество образовательного процесса.

4. Проблема признания дипломов. Ограничения, связанные с автоматическим признанием в Узбеки-

стане дипломов только тех университетов, которые входят в топ-1000 мировых рейтингов, создают неопределенность и сомнения среди абитуриентов относительно будущего признания их дипломов на рынке труда.

5. Сложности миграционно-визовых требований и процедур. Сложности в получении виз, требующие личного посещения посольства и соблюдения многочисленных условий, могут стать значительным барьером для студентов, особенно проживающих в удаленных регионах Узбекистана.

6. Финансовые проблемы. Высокая стоимость обучения на совместных программах, низкая доля государственных грантов, высокие расходы на визы, транспорт, проживание и дополнительные расходы становятся значительной проблемой для студентов с ограниченным бюджетом.

Эти проблемы требуют системного подхода и внимательного решения для дальнейшего успешного развития совместных образовательных программ в Узбекистане.

Заключение

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Развитие совместных образовательных программ вузов Узбекистана с зарубежными вузами стало приоритетом государственной политики реформирования и интернационализации высшего

образования при президенте Ш.М. Мирзиёеве. Это было закреплено в концептуальных документах и поддержано отдельными государственными финансовыми механизмами. В результате СОП стали нормальной практикой для многих государственных вузов Узбекистана на уровне как бакалавриата, так и магистратуры. Кратно выросло количество СОП и участвующих в них студентов из Узбекистана.

Совместные образовательные программы вузов Узбекистана с зарубежными университетами постепенно меняются по сравнению с начальным периодом. В том, что касается областей знаний, постепенно снижается доля производственно-технических направлений в пользу других наук и отраслей. Снижается доля российских вузов и ширится география стран, вузы которых реализуют СОП с университетами Узбекистана. Соответственно, снижается количество СОП на русском

языке и повышается – СОП на английском и других языках. Однако, что касается внутренней географии СОП, то доминирование Ташкента и Самарканда снижается лишь постепенно.

Реализация СОП сталкивается со значительным количеством сложностей, на которые в том числе реагируют органы власти. Ключевым стало принятие в 2021 г. специального положения о порядке заключения соглашений и реализации СОП. Российским же вузам рекомендуется обратить внимание на развитие механизмов повышения уровня подготовки студентов СОП по профильным предметам и русскому языку, адаптацию студентов из Узбекистана к жизни и обучению в России, администрирование СОП, развитие научных связей с вузами и производственным сектором Узбекистана как инструменты привлечения абитуриентов на СОП с вузами Узбекистана.

Список источников

1. О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан : указ Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 07.02.2017 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3107042> (дата обращения: 09.01.2024).
2. Концепция развития системы высшего образования Республики Узбекистан до 2030 года // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4545887> (дата обращения: 17.12.2023).
3. Образование в Узбекистане. Ташкент : Агентство статистики при президенте Республики Узбекистан, 2021. 215 с.
4. Образование в Узбекистане. Ташкент : Агентство статистики при президенте Республики Узбекистан, 2023. 213 с.
5. Инновационные идеи молодежи – сильная опора в достижении устойчивого развития страны : интервью с первым заместителем министра высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан Комилзоном Каримовым // Правда Востока. 2024. 6 янв. URL: <https://yuz.uz/ru/news/innovatsionnye-idei-molodezhi---silnaya-opora-v-dostizhenii-ustoychivogo-razvitiya-stran> (дата обращения: 09.01.2024).
6. О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования : постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-2909 от 20.04.2017 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3171587> (дата обращения: 17.12.2023).
7. О Стратегии «Узбекистан–2030» : постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-300 от 11.09.2023 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (дата обращения: 18.01.2024).
8. О порядке организации образовательной деятельности на основе совместных образовательных программ высших учебных заведений Республики Узбекистан и зарубежных партнеров : постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 421 от 06.07.2021 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/5495526> (дата обращения: 19.12.2023).
9. О мерах по повышению качества педагогического образования и дальнейшему развитию деятельности высших образовательных учреждений по подготовке педагогических кадров : постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-289 от 21.06.2022 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/uz/docs/6079564> (дата обращения: 19.12.2023).
10. Министерство высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан. URL: <https://stat.edu.uz/> (дата обращения: 17.12.2023).
11. Nizamov A., Gaybullaev F., Zahidova U. Development of foreign joint educational programs in the higher education system of the Republic of Uzbekistan. TPACEE-2021, E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 284. Art. 09022. doi: 10.1051/e3sconf/202128409022
12. Совместная программа УГН–МГУ имени М.В. Ломоносова // Университет геологических наук. URL: <https://uzgeouniver.uz/uz/pages/qushma-talim-MDU> (дата обращения: 30.12.2023)
13. Қўшма Таълим (Иккита диплом) Дастури Асосида Ўқиш // Каршинский государственный университет. 2023. 9 сент. URL: <https://qarshidu.uz/uz/page/qoshma-talim-ikkita-diplom-dasturi-asosida-oqishga-> (дата обращения: 30.12.2023).
14. 2023/2024-o'quv yili uchun qo'shma ta'lim dasturlariga o'qishga qabul qilish bo'yicha MA'LUMOT // Ташкентский государственный юридический университет. URL: <https://tsul.uz/uz/general-page/2023-2024-o%CA%BBquv-yili-uchun-qo%CA%BBshma-ta%CA%BCLim-dasturlariga-o%CA%BBqishga-qabul-qilish-bo%CA%BByicha> (дата обращения: 30.12.2023).
15. Men talaba : информационный сайт для абитуриентов. URL: <https://mentalaba.uz/universities/qabul-2023/geologiya-fanlari-universiteti> (дата обращения: 30.12.2023).

References

1. The Republic of Uzbekistan. (2017) *O strategii deystviy po dal'neyshemu razvitiyu Respubliki Uzbekistan : ukaz Prezidenta Respubliki Uzbekistan № UP-4947 ot 07.02.2017* [On the strategy of action for the further development of the Republic of Uzbekistan: Decree No. UP-4947 of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 7, 2017]. The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/3107042> (Accessed: 09.01.2024).
2. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Kontseptsiya razvitiya sistem vysshego obrazovaniya Respubliki Uzbekistan do 2030 goda* [The concept of development of the higher education system of the Republic of Uzbekistan until 2030]. The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/4545887> (Accessed: 17.12.2023).
3. Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. (2021) *Obrazovanie v Uzbekistane* [Education in Uzbekistan]. Tashkent: Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan.
4. Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan. (2023) *Obrazovanie v Uzbekistane* [Education in Uzbekistan]. Tashkent: Agency of Statistics under the President of the Republic of Uzbekistan.
5. *Pravda Vostoka*. (2024) *Innovatsionnye idei molodezhi – sil'naya opora v dostizhenii ustoychivogo razvitiya strany: interv'y u s pervym zamestitelem ministra vysshego obrazovaniya, nauki i innovatsiy Respubliki Uzbekistan Komilzonom Karimovym* [Innovative ideas of youth are a strong support in achieving sustainable development of the country: an interview with the First Deputy Minister of Higher Education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan Komilzhon Karimov]. 6th January. [Online] Available from: <https://yuz.uz/ru/news/innovatsionnye-idei-molodezhi---silnaya-opora-v-dostizhenii-ustoychivogo-razvitiya-stran> (Accessed: 9th January 2024).

6. The Republic of Uzbekistan. (2017) *O merakh po dal'neyshemu razvitiyu sistemy vysshego obrazovaniya: postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan № PP-2909 ot 20.04.2017* [On measures for the further development of the higher education system: Decree No. PP-2909 of the President of the Republic of Uzbekistan dated April 20, 2017]. The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/3171587> (Accessed: 17th December 2023).
7. The Republic of Uzbekistan. (2023) *O Strategii "Uzbekistan-2030": postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan № PP-300 ot 11.09.2023* [About the Strategy "Uzbekistan-2030": Decree No. PP-300 of the President of the Republic of Uzbekistan dated September 11, 2023]. The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://lex.uz/ru/docs/6600404> (Accessed: 18th January 2024).
8. The Republic of Uzbekistan. (2021) *O poryadke organizatsii obrazovatel'noy deyatel'nosti na osnove sovmestnykh obrazovatel'nykh programm vysshikh uchebnykh zavedeniy Respubliki Uzbekistan i zarubezhnykh partnerov: postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Uzbekistan № 421 ot 06.07.2021* [On the procedure for organizing educational activities based on joint educational programs of higher educational institutions of the Republic of Uzbekistan and foreign partners: Resolution No. 421 of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated July 6, 2021]. The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://lex.uz/docs/5495526> (Accessed: 19th December 2023).
9. The Republic of Uzbekistan. (2022) *O merakh po povysheniyu kachestva pedagogicheskogo obrazovaniya i dal'neyshemu razvitiyu deyatel'nosti vysshikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy po podgotovke pedagogicheskikh kadrov: postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan № PP-289 ot 21.06.2022* [On measures to improve the quality of pedagogical education and further development of the activities of higher educational institutions for the training of teaching staff: Decree No. PP-289 of the President of the Republic of Uzbekistan dated June 21, 2022]. The National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://lex.uz/uz/docs/6079564> (Accessed: 19th December 2023).
10. Ministry of Higher Education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan. [Online] Available from: <https://stat.edu.uz/> (Accessed: 17th December 2023).
11. Nizamov, A., Gaybullaev, F. & Zahidova, U. (2021) Development of foreign joint educational programs in the higher education system of the Republic of Uzbekistan. *TPACEE-2021, E3S Web of Conferences*. Vol. 284. Art. 09022. DOI: 10.1051/e3sconf/202128409022
12. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Sovmestnaya programma UGN-MGU imeni M.V. Lomonosova* [Joint program of UGN-MSU named after M.V. Lomonosov]. [Online] Available from: <https://uzgeouniver.uz/uz/pages/qushma-talim-MDU> (Accessed: 30th December 2023).
13. *Karshinskiy gosudarstvennyy universitet*. (2023) *Kyshma Ta'lim (Ikkita diplom) Dasturi Asosida Y'kish*. 9th September. [Online] Available from: <https://qarshidu.uz/uz/page/qushma-talim-ikkita-diplom-dasturi-asosida-oqishga> (Accessed: 30th December 2023).
14. Tashkent State University of Law. (n.d.) *2023/2024-o'quv yili uchun qo'shma ta'lim dasturlariga o'qishga qabul qilish bo'yicha MA'LUMOT*. [Online] Available from: <https://tsul.uz/uz/general-page/2023-2024-o%CA%BBquv-yili-uchun-qo%CA%BBshma-ta%CA%BCLim-dasturlariga-o%CA%BBqishga-qabul-qilish-bo%CA%BByicha> (Accessed: 30th December 2023).
15. The Republic of Uzbekistan. (n.d.) *Men talaba: informatsionnyy sayt dlya abiturientov* [Men talaba: information site for applicants]. [Online] Available from: <https://mentalaba.uz/universities/qabul-2023/geologiya-fanlari-universiteti> (Accessed: 30th December 2023).

Сведения об авторах:

Юн Сергей Миронович – заведующий кафедрой мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Турдикулов Олим Таиркулович – аспирант кафедры мировой политики факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: olim.tairkulovich@gmail.com

Таалайбек кызы Жанара – PhD докторант кафедры международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: zhanar.taalai@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yun Sergey M. – Head of the World Politics Department, School of History and Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sergey.yun@mail.tsu.ru

Turdikulov Olim T. – Postgraduate Student of the Department of World Politics, School of History and Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: olim.tairkulovich@gmail.com

Taalaibek kzy Zhanara – PhD student of the Department of International Relations and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: zhanar.taalai@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 30.01.2024; accepted for publication 01.04.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 929.5

doi: 10.17223/19988613/88/17

Архивные первоисточники о еврейских предках В.И. Ульянова (Ленина)

Алексей Сергеевич Нилогов

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия, nilogov1981@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос документальной реконструкции родословной советского государственного деятеля В.И. Ульянова (Ленина) (1870–1924). Объект исследования – биологическая родословная Ленина, предмет – архивно-документальная реконструкция женской части родословия по линии еврейской семьи Бланк. В результате генеалогических изысканий в научный оборот введены ценные архивные документы о прямых предках В.И. Ульянова. Источниковую базу составили фонды Государственного архива Киевской области и Государственного архива Житомирской области.

Ключевые слова: Ленин, родословная, Бланк, Государственный архив Житомирской области, Цаплин, Штейн, ревизская сказка

Для цитирования: Нилогов А.С. Архивные первоисточники о еврейских предках В.И. Ульянова (Ленина) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 147–155. doi: 10.17223/19988613/88/17

Original article

Archival primary sources about the Jewish ancestors of V.I. Ulyanov (Lenin)

Alexey S. Nilogov

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russian Federation, nilogov1981@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the problem of documentary reconstruction of the Soviet statesman V. I. Ulyanov-Lenin's (1870 – 1924) genealogy. The object of the study is V.I. Ulyanov's genealogy; the subject is the reconstruction of the matrilineal part of the genealogy in the line of the Jewish family Blank on the basis of archival documents. The source base of the study was the funds of two Ukrainian archives: the Sovereign Archive of the Kiev Region and the Sovereign Archive of the Zhytomyr Region.

Despite the fact that Lenin's genealogy has been studied by domestic and foreign archivists, historians and local lore specialists (P.I. Usachyov, M.G. Stein, A.S. Markov, V.A. Mogilnikov, G.M. Deitch, V.V. Tsaplin, T.P. Zhakova-Basova, O.A. Abramova, G.A. Borodulina, T.G. Koloskova, T.I. Bondareva, Yu.B. Zhivtsova, et al.), to this day, many archival documents about direct ancestors of the Ulyanovs and the Blanks have not been identified and certainly published. During the Soviet times, Lenin's Jewish roots were ideologically banned, so in scientific and popular-scientific literature there are still gaps and inaccuracies in dates of his relatives' lives and names. To solve this problem, we organized a search for mass genealogical sources in the archives of Russia and Ukraine.

As a result of these studies, valuable archival documents about the direct ancestors of V.I. Ulyanov were introduced into scientific circulation, namely: the sixth census list of December 22, 1811 (January 03, 1812) of the city of Starokonstantinov, the Volyn Governorate, about merchants, artisans and philistines of the Jewish law (the Sovereign Archive of the Kiev Region. Fund 280. List 201. File 263); the eighth census list of the Jews of Starokonstantinov, the Volyn Governorate, April 29 (May 11), 1834 (the Sovereign Archive of the Zhytomyr Region. Fund 118. List 14. File 268); the ninth census list of the Jews of Starokonstantinov, the Volyn Governorate, October 15 (27), 1850 (the Sovereign Archive of the Zhytomyr Region. Fund 118. List 14. File 276). We also clarified the fate of some documents that were withdrawn from Soviet archives in the 1960s, and now are stored in the Information and Documentation Support Department of the President of the Russian Federation in special folder № 3.

Based on the analysis of the sixth census list about the Jews of the small town of Bazalia, the Starokonstantinov County, the Volyn Governorate, September 09 (21), 1811 (the Sovereign Archive of the Kiev Region. Fund 280. List 201. File 263) we hypothesized that the maiden name of V.I. Ulyanov's great-grandmother was not "Froimovich" at all, but "Krelstein".

The appendix to the article contains scanned copies of the identified archival documents about Lenin's Jewish ancestors.

Keywords: Lenin, genealogy, Blank, The State Archive of the Zhytomyr region, Tsaplin, Stein, audit tale

For citation: Nilogov, A.S. (2024) Archival primary sources about the Jewish ancestors of V.I. Ulyanov (Lenin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 147–155. doi: 10.17223/19988613/88/17

22 апреля 2020 г. исполнилось 150 лет со дня рождения советского государственного деятеля Владимира Ильича Ульянова (Ленина). Его родословная исследовалась многими отечественными и зарубежными архивистами, историками и краеведами (П.И. Усачёв, М.Г. Штейн [1], А.С. Марков [2], В.А. Могильников [3], Г.М. Дейч [4], В.В. Цаплин [5], Т.П. Жакова-Басова [6], О.А. Абрамова, Г.А. Бородулина, Т.Г. Колоскова [7], Т.И. Бондарева, Ю.Б. Живцова [8] и др.). Однако до сегодняшнего дня не опубликованы многие архивные первоисточники, касающиеся прямых предков Ульяновых и Бланков. Даже несмотря на защищенную в СПбГУ в феврале 2008 г. докторскую диссертацию М.Г. Штейна «Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России» [9], по-прежнему существуют лакуны и неточности в датах жизни родственников Ленина. Поэтому было решено восполнить этот пробел путем публикации генеалогических материалов из разных архивов России и Украины. Ранее мы уже опубликовали две статьи о родословной В.И. Ульянова, одна из которых является кратким сообщением о его еврейских корнях [10, 11]. В данной работе целиком сосредоточимся на женской линии предков Ленина – еврейках Бланках.

В качестве основательного исследования еврейского вопроса в родословной Ленина следует назвать статью В.В. Цаплина «О жизни семьи Бланков в городах Старокопстантинове и Житомире», опубликованную в журнале «Отечественные архивы» в 1992 г. [5]. Благодаря поисковой работе автора в Государственном архиве Житомирской области (ГАЖО; по-украински – ДАЖО) в научный оборот были введены многие архивные источники о еврейских предках Ленина.

Начнем с недавно выявленной в Государственном архиве Киевской области (ГАКО; по-украински – ДАКО) шестой ревизской сказки 22 декабря 1811 г. (3 января 1812 г.) города Старокопстантинова Волынской губернии о купцах, ремесленниках и мещанах еврейского закона (фонд № 280 «Киевская казенная палата», опись № 201 «Документы 1782–1919 гг.», дело № 263 «Ревизские сказки мещан христиан и евреев Старокопстантинова и евреев всего уезда 1811 г.»). Этот документ был отсканирован и размещен украинским генеалогом А.В. Краковским на интернет-сайте «Вікіджерела», где собрана большая база архивных документов в Украине [12].

Итак, среди евреев-мещан Старокопстантинова, а конкретно живущих на предместье, называемом Новое Место, под № 270 зафиксирована семья 48-летнего Мошки Ицковича Бланка, у которого имелось двое детей – 13-летний Абель и 8-летний Сруль [13. Л. 82 об.–

83]. Особенностью этой ревизии (переписи) является то, что записывался исключительно мужской пол, поэтому жена Мошки Ицковича Бланка – Марем (Марьям, по-русски – Мария, урожденная Фроимович (?)) – в ней отсутствует. Предыдущий возраст Мошки – 43 года – указан также по ревизской росписи 1806 г., хотя в целом в Российской империи предшествующей массовой была пятая ревизия 1795 г. Сыновья Мошки (также – Мойша, Моше, Мовше, т.е. Моисей, в крещении – Дмитрий Иванович) Ицковича (также – Ицыкович) Бланка были пропущены в 1806 г., о чем сделана соответствующая запись. Исходя из данной ревизии, Мошко Ицкович родился около 1763 г.¹, старший сын Абель (Аба, в крещении – Дмитрий) – около 1798 г., а младший Сруль (Израил / Израиль, Исраэль, в крещении – Александр) – около 1803 г.²

В житомирском архиве В.В. Цаплину удалось найти протокол присутствия (заседания) Новоград-Волынского магистрата от 19 апреля (01 мая) 1809 г. по судебному делу против М.И. Бланка, в котором приводились сведения по пятой ревизии 1795 г. [14. Л. 70]. М.И. Бланк был записан мещанином города Старокопстантинова под № 394, однако обнаружить саму ревизскую сказку Цаплину не удалось [5. С. 38]. Кроме номера Бланка по ревизии 1795 г. в протоколе ничего не приводится, но даже эта скупая информация ошибочно пересказывается в докторской диссертации М.Г. Штейна, который, не будучи лично знаком с данными архивными документами, но ссылающийся на статью Цаплина, пишет, что М. И. Бланк «значился в ревизской сказке от 29 апреля 1834 г. под № 394» [9. С. 150]. На самом деле по восьмой ревизии 29 апреля (11 мая) 1834 г. семья Бланка зафиксирована под № 402, о чем в статье Цаплина есть соответствующая ссылка, правда, скромно вынесенная в сноску № 27 [5. С. 45].

Цаплин приводит сведения по седьмой ревизии 1816 г., которую ему также не удалось найти³, однако сведения из нее частично продублированы в восьмой ревизии 1834 г., а именно записано: Мошке – 52 года, Абелью – 22 года, Срулю – 12 лет, их матери Марем – 52 года (родилась около 1764 г.)⁴. В графе «Из того числа выбыло / Когда именно», где фиксировались изменения состава семьи к 1834 г., против имен сыновей было написано: «...приняли христианскую веру, о чем имеется указ Волынского губернского правления от 29 января 1826 г. за № 2978-м»⁵ [5. С. 41]. Заметим, что возраст Абеля зафиксирован неточно: если в 1811 г. ему было 13 лет, то в 1816 г. должно было исполниться 18 лет. Кстати, в протоколе присутствия (заседания) Новоград-Волынского магистрата от 19 ап-

реля (1 мая) 1809 г. записано, что М.И. Бланк был женат и имел двух сыновей – Абеля «лет от рода 11» и Сруля. Получается, что старший сын Абель действительно мог родиться около 1798 г. Однако Цаплин, не располагая шестой ревизией 1811 г., которая хранится не в ГАЖО, а в ГАКО, приходит к выводу, что Абель родился около 1794 г., ведь в 1816 г. ему показано 22 года, утверждая, будто «данные ревизской сказки являются более достоверными, чем протокольная запись присутствия» [5. С. 38]. Далее приводится его интересное рассуждение на этот счет, но при отсутствии самой метрической записи о рождении Абеля любые датировки относительны. К сожалению, метрические записи для еврейского населения Российской империи были введены лишь в 1835 г., хотя фактически в некоторых приходах велись с 1804 г.

Теперь подробнее остановимся на восьмой ревизии 1834 г. по евреям г. Староконстантинова, с которой Цаплин работал в 1965 г. по заданию Главархива СССР в ГАЖО УССР (фонд № 118 «Волынская казенная палата», опись № 14 «Ревизские сказки 1795–1898 гг.», дело № 268 «Ревизские сказки евреев г. Староконстантинова Волынской губернии 1834 г.»). Как пишет исследователь, тогда «оригиналы выявленных документов, в которых имелись упоминания о Бланках, были изъяты из государственных архивов без оставления копий»⁶ [5. С. 38]. Из книги сотрудников Государственного исторического музея (ГИМ) О.А. Абрамовой, Г.А. Бородулиной и Т.Г. Колосковой «Между правдой и истиной (об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина)», изданной в 1998 г. по решению Ученого совета ГИМ, мы узнали, что многие изъятые из архивов документы по родословной Ленина до 1972 г. «хранились в ГАУ при Совете Министров СССР в опечатанном виде, для использования никому не выдавались, и копии с них не снимались. В 1972 г. документы были переданы в 6-й сектор Общего отдела ЦК КПСС (ныне Архив Президента Российской Федерации)⁷. Последний раз при советской власти особая папка № 3 вскрывалась 22 июня 1986 г. по указанию заведующего Общим отделом ЦК КПСС А.И. Лукьянова. 23 июля 1986 г. документы были возвращены со справкой Лукьянова об ознакомлении с ними М.С. Горбачева и резолюцией: “Без указания заведующего Общим отделом ЦК КПСС не вскрывать”» [7. С. 32].

В статье Т.И. Бондаревой и Ю.Б. Живцовой, которая была опубликована в 4-м номере журнала «Отечественные архивы» того же 1992 г. как реакция на статью В.В. Цаплина, дается обстоятельный разбор этого вопроса: «Документы о предках В.И. Ленина, изъятые из архивов, сосредотачиваются в Главархиве. И только 28 апреля 1972 г. передаются в ЦК КПСС, о чем свидетельствует акт передачи документов “Инстанции” (как называли ЦК) – док. № 6» [8. С. 66]. Особый интерес для нас представляет докладная записка В.В. Цаплина заместителю начальника Главархива СССР К.С. Кузнецовой о документах Госархива Житомирской области, касающихся семьи Бланков, от 23 апреля 1965 г. В ней Цаплин, заместитель начальника отдела комплектования, экспертизы и учета архивных фондов ГАУ при СМ СССР, докладывая о расследовании по

поводу архивных изысканий М.Г. Штейна, посчитал целесообразным следующее:

«1. Сосредоточить в ГАУ при СМ СССР без оставления копий в Государственном архиве Житомирской области все перечисленные в докладной записке дела и документы о Бланках (в том числе восьмую ревизскую сказку 1834 г. – А.Н.).

2. Осуществить выявление документов в Государственном архиве Хмельницкой области, в котором хранятся фонды учреждений Староконстантиновского уезда, в т.ч. Староконстантиновского земского суда (ф. 710, 38 ед. хр. за 1800–1859 гг.) и Староконстантиновского уездного суда (ф. 692, 835 ед. хр. за 1802–1872 гг.), в которых могут быть дополнительные сведения как о пожаре в Староконстантинове, так и о самих Бланках, которые были приписаны к староконстантиновскому мещанскому обществу.

3. Просить ЦК КП Украины разрешения на концентрацию всех материалов о Бланках, хранящихся в госархивах УССР, в ГАУ при СМ СССР для их комплексного изучения и определения дальнейшего места хранения» [8. С. 68–69].

Также среди опубликованных документов имеется «Информация Главархива СССР при ЦК КПСС» от 27 мая 1965 г. за подписью «Белов», где перечисляется искомая нами ревизия 1834 г. из ГАЖО, пронумерованная в прилагаемом перечне под № 11 «Ревизские сказки по Староконстантиновскому уезду 1834 г. со сведениями о составе семьи за 1816, 1834 гг. и о переходе в православную веру Абеля и Сруля (ф. № 118, оп. 14, д. № 268)» [8. С. 73]. Наконец, в опубликованном «Акте о передаче документальных материалов» от 28 апреля 1972 г. ГАУ при СМ СССР передало в Инстанцию всего 284 листа документов из шести архивов, включая 1 лист из ревизской сказки 1834 г., который был изъят в ГАЖО [8. С. 74–75].

На интернет-сайте «Вікіджерела» мы смогли посмотреть эту отсканированную ревизию, подтвердив, что один лист (левая часть формуляра) со сведениями о Бланках был изъят («Документ из Государственного архива Житомирской области. Ф. 118. Оп. 14. Д. 268. Л. 321» ([7. С. 67; 15])⁸. Из архивного дела был извлечен лишь один лист, где приведены сведения о мужском поле, а правая часть разворота с информацией о женском поле осталась в документе. По текущей нумерации это лист 277, на котором под № 402 зафиксирована жена Мошки Ицковича – 70-летняя Марьям [16. Л. 156/322/277]. На листах сохранилась тройная нумерация, связанная с бытованием этого архивного дела в разное время (еще Цаплин обратил внимание, что в ревизии нет листов 234–277 [5. С. 44]), поэтому при последней сплошной перенумерации имеем следующий вид: извлеченный лист имел двойную нумерацию для лицевой и оборотной сторон – 155/321 и 155об./321об. Таким образом, в результате изъятия этих фактически двух листов были удалены сведения о староконстантиновских мещанах-евреях по женскому полу № 394 (частично), 395–398, по мужскому полу № 399–404. В приложении к данной статье представлены все три разворота ревизского формуляра по текущей нумерации.

Наконец, в фонде Волынской казенной палаты ГАЖО в деле № 276 «Ревизская сказка евреев г. Староконстантинова 15(27) октября 1850 г.» под № 786 найдена запись о том, что Мошко (Моисей) Ицкович Бланк принял христианскую веру в 1846 г.⁹ [17. Л. 291об.–292]. 70-летний возраст Мошки указан по предыдущей восьмой ревизии 1834 г., а по текущей его возраст не указан, так как в 1850 г. он уже жил в городе Житомире, где, очевидно, числился среди мещанского православного сословия. Жена Мошки – Марем (Мириам) – также отсутствует, так как умерла она, скорее всего, в 1844 или 1845 г. Этот вывод был сделан М.Г. Штейном на основании анализа двух писем ее мужа Д.И. Бланка на имя императора Николая I [9. С. 182]. В первом письме от 5 (17) июня 1845 г. Бланк пишет: «Жена моя, препятствовавшая мне до сих пор креститься, наконец тоже умерла, и я решился провести остаток жизни в лоне православной веры» [9. С. 172]. Во втором письме от 18 (30) сентября 1846 г. Бланк пишет, что «был евреем и крещен только 1-го января 1835 г.» [9. С. 174] и что он «мог перейти к святой вере христианской не прежде, как по смерти чрезмерно набожной моей жены» [9. С. 175]. Правда, Штейн не исключил, что жена Бланка могла умереть и в 1834 г., так как во втором письме Бланк датой своего крещения назвал 1 (13) января 1835 г. Исходя из имеющихся документальных данных, можно точно сказать, что Марем умерла после 29 апреля (11 мая) 1834 г. (дата проведения восьмой ревизии) и до 5 (17) июня 1845 г. (дата первого письма Бланка). Необходимо выявить метрические книги по евреям Староконстантинова за 1834–1845 гг., чтобы установить точную дату ее смерти.

Дата смерти самого Мойши Бланка, по Штейну, – не ранее 1857 г. [9. С. 855]: «19 (31) января 1857 г. жители Волынской губернии прочтут в “Волынских губернских ведомостях” о том, что 11 (23) февраля 1857 г. состоятся торги “на продажу имущества купца Ицка Финкельштейна, состоящего в городе Житомире из фортепиана и разного рода мебели, оцененного в 65 руб. 30 коп. серебром, на удовлетворение долга, присужденного от него Финкельштейна Житомирским уездным судом мещанину Дмитрию Бланку 100 руб. серебром”» ([9. С. 166, 188; 18]). А еще 5 лет назад в тех же «Волынских губернских ведомостях» сообщалось о другом судебном решении с участием Бланка: «22 марта (3 апреля) 1852 г. Житомирский уездный суд опубликовал сообщение о том, что вызывается еврей Якер Бендит “для выслушивания решения, состоявшегося по делу о должных мещанину Дмитрию Бланку евреем Фроимом Розенблитом по векселю 83 руб. 45 коп. серебром”» [9. С. 166, 188]¹⁰. Для установления точной даты смерти Мойши Бланка необходимо изучить материалы десятой ревизии 1858 г. по православным мещанам Житомира, параллельно изучив девятую ревизию 1850 г., а также метрические книги православных приходов этого уездного города.

В конце нашего исследования хотелось бы обсудить вопрос установления девичьей фамилии Марем Бланк. Цаплин, изучая протоколы присутствия Новоград-Волынского магистрата, установил, что шурином

(братом жены) Мошки Ицковича Бланка был Вигдор Фроимович: «В начале XIX в. в Староконстантинове у Бланка был собственный дом “с обзаведениями” <...>, в котором, находилось, по-видимому, питейное заведение типа корчмы или шинка, где шла торговля привозными или отечественными спиртными напитками. Дело требовало изворотливости, и успех не всегда достигался добросовестными методами. В 1805 г. против М.И. Бланка и шурина его, Вигдора Фроимовича, было возбуждено уголовное дело по обвинению их в незаконной продаже “простой” водки “вместо фруктовой”» [5. С. 39–40]. К этому обвинению было добавлено еще несколько, а главное – Бланк был обвинен местными жителями в поджоге Староконстантинова, пожар которого случился 29 сентября (11 октября) 1808 г., и в течение почти года, пока шли следствие и рассмотрение в Новоград-Волынском магистрате, подозреваемый находился под стражей. По протоколу присутствия Новоград-Волынского магистрата от 19 апреля (1 мая) 1809 г. Бланк «виноватым не оказался» [14. Л. 71], а «дело о поджоге, начатое рассмотрением в Новоград-Волынском магистрате, в конце концов очутилось в Сенате, где и было заслушано 3 июля 1809 г. Коллективный донос не убедил Сенат в виновности Бланка. Он был освобожден из-под стражи» [5. С. 40]. После этого Бланк со своей семьей уехал в губернский город Житомир, но остался в составе староконстантиновского еврейского общества, вот почему в последующих ревизиях 1811, 1834 и 1850 гг. он фиксировался как мещанин Староконстантинова.

Изучив материалы шестой ревизии 1811 г. по евреям Староконстантинова, нам не удалось найти в них семью Вигдора Фроимовича, в результате чего возникло сомнение в достоверности фамилии «Фроимович». Предположим, что «Фроимович» – это не фамилия, а отчество. Марем по восьмой ревизии 1834 г. записана без отчества, по седьмой ревизии 1816 г., скорее всего, также, потому что жены по той ревизии записывались только по имени. Единственный подходящий по имени и отчеству брат Марем – это Вигдор Фроимов сын Крельштейн, зафиксированный в селе Котюржинцы (Котюржинец), которое территориально относилось к местечку Базалию Староконстантиновского уезда и располагалось западнее уездного города. Сведения о нем даны по предыдущей ревизской росписи 1806 г., согласно которой ему было 38 лет, причем записан он как родственник 45-летнего Азика Янкеля сына Килика и его 13-летнего сына Янкеля [19. Л. 23. № 50]. В пострадавшем из-за попадания влаги тексте еле различимо читается то, что Азик выбыл в село Порохня (?) Проскуровского уезда, а потому возрасты для всех троих на текущую ревизию 1811 г. закономерно отсутствуют. Если принять нашу гипотезу, то, вероятно, после обвинения в 1805 г. в незаконной продаже «простой» водки вместо «фруктовой» Вигдор Фроимович мог уехать из Староконстантиновского уезда Волынской губернии южнее – в соседний Проскуровский уезд Подольской губернии. Выдвинутая гипотеза нуждается в соответствующей архивно-документальной верификации.

В заключение приведем по-прежнему актуальные слова историка Г.А. Бородулиной об изучении родословной Ленина: «Однако несмотря на снятие идеологических табу документы об А.Д. Бланке, находящиеся в Архиве Президента РФ, по сути, недоступны и сегодня для исследователей. Отсутствие у специалистов полной документальной базы не только вновь воспроизводит вопрос о происхождении Ленина, но и делает возможным появление новых спекуляций на эту тему.

Из сказанного выше можно заключить: вся история изучения родословной Ленина – яркое доказательство того, что ограничение доступа к документам или их изъятие, принудительное забвение тех или иных фактов способны лишь породить мифы и фальсификации. То, что нам стало известно в ходе изучения историографии семейной генеалогии Ленина, лишний раз подтверждает истину: «Нет лжи безжалостней, чем умолчание...» [7. С. 40].

Примечания

- ¹ Ср.: В.В. Цаплин: «Таким образом, вряд ли можно сомневаться в том, что М.И. Бланк родился в 1763 или 1764 г. Однако, скорее всего, это произошло в первой половине или даже в марте-апреле 1763 г.» [5. С. 38]. Вероятно, отец Мошки Бланка – Ицк (Ицко) – родился во 2-й трети XVIII в.
- ² Подробней о дате рождения А.Д. Бланка см.: [9. С. 151, 184–185].
- ³ Седьмую ревизскую сказку 1816 г. по мещанам-евреям Старокопостантинского Цаплину обнаружить не удалось [5. С. 45], однако в Государственном архиве Житомирской области в фонде № 118 («Волынская казенная палата»), описи № 14 («Ревизские сказки 1795–1898 гг.») сохранилось несколько дел по ревизии Старокопостантинского уезда за 1816 г., а именно д. 263–266 [20].
- ⁴ М.Г. Штейн также упоминает о дочери М.И. Бланка – Любви [9. С. 151] (в замужестве – Тридрих [1. С. 166]), а также о жене сына Абея, которую звали Малка Потца [9. С. 154].
- ⁵ Ср.: Т.Г. Колоскова: «В графе, фиксировавшей изменения состава семьи к 1834 г., против имен сыновей записано: «...приняли христианскую веру, о чем имеется указ 120 Волынского Губернского управления» [7. С. 52].
- ⁶ Ср.: В.В. Цаплин: «В 1972 г. после освобождения от должности начальника Главархива СССР Г.А. Белова они передаются ИМЛ при ЦК КПСС. Я был среди составителей и участников подписания акта передачи. Была ли сводная информация своевременно направлена в ЦК КПСС и почему так долго документы не передавались в ИМЛ – не знаю» [5. С. 38]. Справочно: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) после упразднения в ноябре 1991 г. и ряда последующих преобразований в 2005 г. был присоединен к Институту социологии РАН в качестве Центра комплексных социальных исследований; Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – с 1999 г. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
- ⁷ В 1998 г. архив как отдельное подразделение был упразднен, а вместо него при Администрации Президента образовалось Управление информационного и документационного обеспечения Президента Российской Федерации [21].
- ⁸ В первой серии документального сериала «Ленин – 150 лет» данный лист-документ был впервые (?) продемонстрирован; смотреть с 9.22 [22].
- ⁹ Ср.: Г.М. Дейч: «Точное время перехода в христианство прадеда Ленина – Д. Бланка – установить не удалось, но было это не позднее 1846 г.» [4. С. 24]. Дейч опирается на следующий документ от 26 октября (7 ноября) 1846 г.: «Представление министра внутренних дел Льва Перовского императору Николаю I записки крещеного еврея Бланка о мерах побуждения евреев к переходу евреев из иудейской веры в христианскую» [4. С. 20].
- ¹⁰ М.Г. Штейн допустил ошибку в дате опубликованного судебного решения: на самом деле речь идет о № 13 «Волынских губернских ведомостей» от 29 марта (10 апреля) 1852 г. Полностью данное решение имеет следующее содержание: «(Во 2 раз) 1, Житомирский Уездный суд, на основании 2478 ст. X тома Свода Законов Гражданских изд. 1842 г. вызывает в определенный тою же статьею срок мещанина Еврея Якера Бендита, для выслушивания решения, состоявшегося по делу о должных мещанину Дмитрию Бланку Евреем Фроимом Розенблатом по векселю 83 руб. 45 коп. серебром» [23].

Список источников

1. Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб.: ВИРД, 1997. 278 с.
2. Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983. 112 с.
3. Могильников В.А. Предки В.И. Ульянова-Ленина / под ред. А.Н. Онучина. Пермь: Изд-во Ассоц. генеалогов-любителей, 1995. 24 с.
4. Дейч Г.М. Еврейские предки Ленина: неизвестные архивные документы о Бланках. Нью-Йорк: Телекс, 1991. 34 с.
5. Цаплин В.В. О жизни семьи Бланков в городах Старокопостантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 38–45.
6. Жакова-Басова Т.П. За достоверное освещение истории семьи Ульяновых // Вопросы истории. 1973. № 10. С. 201–207.
7. Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г. Между правдой и истиной (об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина). М.: Гос. ист. музей, 1998. 198 с.
8. Бондарева Т.И., Живцова Ю.Б. «Изъятие... произвести без оставления... копий» (где хранились и куда переданы документы о предках Ленина) // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 65–75.
9. Штейн М.Г. Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. СПб., 2007. 912 с.
10. Нилогов А.С. Судьба метрической записи о бракосочетании / венчании В.И. Ульянова (Ленина) и Н.К. Крупской // Сибирский архив. 2020. № 3 (5). С. 46–55. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_276/02_nilogov_publicaciya_dokumenta_2.pdf (дата обращения: 01.10.2021).
11. Нилогов А.С. О еврейских корнях В.И. Ульянова (Ленина) по ревизии 1811 г. // Ленин... История, память, образ: трансформация исторической памяти в пространстве регионов в XX – начале XXI в.: материалы II Междунар. форума историков, философов и публицистов: к 150-летию со дня рождения В.И. Ленина (22–24 апреля, 6–8 октября 2020 г. в г. Ульяновске) / под ред. А.В. Кобзева, Н.В. Липатовой, С.А. Прокопенко. Ульяновск, 2021. С. 252–254. URL: <http://73history.ru/doc/010221.pdf> (дата обращения: 01.10.2021).
12. Вікіджерела: интернет-сайт генеалогических документов архивов Украины. URL: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архіви> (дата обращения: 01.10.2021).
13. Ревизская сказка о купцах, ремесленниках и мещанах еврейского закона г. Старокопостантинова Волынской губернии 22 декабря 1811 (03 января 1812) г. // Государственный архив Киевской области. Ф. 280 («Киевская казённая палата»). Оп. 201 («Документы 1782–1919 гг.»). Д. 263 («Ревизские сказки мещан христиан и евреев г. Старокопостантинова и евреев всего уезда 1811 г.»). URL: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архіви/ДАКО/280/201/263> (дата обращения: 01.10.2021).
14. Протокол присутствия Новоград-Волынского магистрата от 19 апреля (01 мая) 1809 г. // Государственный архив Житомирской области. Ф. 9 («Новоград-Волынский городской магистрат»). Оп. 1 («Дела за 1810–1861 гг.»). Д. 27 («Протоколы Новоград-Волынского городского магистрата. 1810 г.»). URL: https://drive.google.com/file/d/1MAHcns1ighUOYWM0_8MdP7gLA4s9HDC/view (дата обращения: 01.10.2021).
15. Документ из Государственного архива Житомирской области. Ф. 118. Оп. 14. Д. 268. Л. 321 // Управление информационного и документационного обеспечения Президента Российской Федерации. Особая папка № 3.

16. Ревизская сказка евреев г. Староконстантинова Волынской губернии 29 апреля (11 мая) 1834 г. // Государственный архив Житомирской области. Ф. 118 («Волынская казенная палата»). Оп. 14 («Ревизские сказки 1795–1898 гг.»). Д. 268 («Ревизские сказки евреев г. Староконстантинова Волынской губернии 1834 г.»). URL: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАЖО/118/14/268> (дата обращения: 01.10.2021).
17. Ревизская сказка евреев г. Староконстантинова Волынской губернии 15 (27) октября 1850 г. // Государственный архив Житомирской области. Ф. 118 («Волынская казенная палата»). Оп. 14 («Ревизские сказки 1795–1898 гг.»). Д. 276 («Ревизские сказки евреев г. Староконстантинова 1850 г.»). URL: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАЖО/118/14/276> (дата обращения: 01.10.2021).
18. Волынские губернские ведомости. 1857. 19 янв. № 3. С. 20.
19. Ревизская сказка о евреях местечка Базалия Староконстантиновского уезда Волынской губернии 09(21) сентября 1811 г. // Государственный архив Киевской области. Ф. 280 («Киевская казенная палата»). Оп. 201 («Документы 1782–1919 гг.»). Д. 263 («Ревизские сказки мешчан христиан и евреев г. Староконстантинова и евреев всего уезда 1811 г.»). URL: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАКО/280/201/263> (дата обращения: 01.10.2021).
20. Оцифрованные описи Державного архива Житомирской области. Досоветский период : оп. № 14 фонда № 118. URL: <http://archive.zt.gov.ua/doradyanskyi-period-test/>, https://drive.google.com/file/d/1Bn7F_x8yrlIdmyUvvCJFCY4IBNQ8DHatC/view (дата обращения: 01.10.2021).
21. Подразделения Администрации Президента России // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/administration/departments> (дата обращения: 01.10.2021).
22. Ленин – 150 лет : документальный сериал /. Производство Star Media. 2020. 30 марта. Первая серия. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vXq2k9jWT5M&t=1068s> (дата обращения: 01.10.2021).
23. Волынские губернские ведомости. 1852. 29 марта. № 13. С. 91–92.

References

1. Stein, M.G. (1997) *Ulyanovy i Leniny. Tayny rodoslovnoy i psevdonima* [The Ulyanovs and the Lenins]. St. Petersburg: VIRD.
2. Markov, A.S. (1983) *Ulyanovy v Astrakhani* [The Ulyanovs in Astrakhan]. Volgograd: Nizh-Volzh. kn. izd-vo.
3. Mogilnikov, V.A. (1995) *Predki V.I. Ulyanova-Lenina* [Ancestors of V.I. Ulyanov-Lenin]. Perm: Izd-vo Assots. genealogov-lyubiteley.
4. Deych, G.M. (1991) *Evreyskie predki Lenina: neizvestnye arkhivnye dokumenty o Blankakh* [Jewish ancestors of Lenin: unknown archival documents about the Blanks]. New York: Teleks.
5. Tsaplin, V.V. (1992) O zhizni sem'i Blankov v gorodakh Starokonstantinove i Zhitomire [About the life of the Blanks family in the cities of Starokonstantinov and Zhitomir]. *Otechestvennyye arkhivy*. 2. pp. 38–45.
6. Zhakova-Basova, T.P. (1973) Za dostovernoe osveshchenie istorii sem'i Ulyanovykh [For reliable coverage of the history of the Ulyanovs]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 201–207.
7. Abramova, O.A., Borodulina, G.A. & Koloskova, T.G. (1998) *Mezhu pravdy i istiny (ob istorii spekulatsiy vokrug rodosloviya V.I. Lenina)* [Between the truth and the Truth (about the history of speculation around Vladimir Lenin's genealogy)]. Moscow: Gos. ist. Muzei.
8. Bondareva, T.I. & Zhiytsova, Yu.B. (1992) "Iz'yatie... proizvesti bez ostavleniya... kopiy" (gde khranilis' i kuda peredany dokumenty o predkakh Le-nina) ["Confiscation... to be carried out without leaving... copies" (where documents about Lenin's ancestors were stored and where they were transferred)]. *Otechestvennyye arkhivy*. 4. pp. 65–75.
9. Stein, M.G. (2007) *Dvoryanskie rody Ulyanovykh i Leninykh v istorii Rossii* [Noble families of the Ulyanovs and Lenins in the history of Russia]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
10. Nilogov, A.S. (2020) Sud'ba metrichekskoy zapisi o brakosochetanii / venchanii V.I. Ulyanova (Lenina) i N.K. Krupskoy [The fate of the metric record of the marriage / wedding of Vladimir Ulyanov (Lenin) and Nadezhda Krupskaya]. *Sibirskiy arkhiv*. 3(5). pp. 46–55. [Online] Available from: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_276/02_nilogov_publicaciya_dokumenta_2.pdf (Accessed: 1st October 2021).
11. Nilogov, A.S. (2021) O evreyskikh kornyakh V.I. Ulyanova (Lenina) po revizii 1811 g. [About the Jewish roots of Vladimir Ulyanov (Lenin) according to the revision of 1811]. In: Kobzev, A.V., Lipatova, N.V. & Prokopenko S.A. (eds) *Lenin... Istoriya, pamyat', obraz: transformatsiya istoricheskoy pamyati v prostranstve regionov v XX – nachale XXI v.* [Lenin... History, memory, image: transformation of historical memory in the space of regions in the 20th – early 21st centuries]. Ulyanovsk: Soyuz kraevedov Ulyanovskoy oblasti. pp. 252–254. [Online] Available from: <http://73history.ru/doc/010221.pdf> (Accessed: 1st October 2021).
12. Wikidzhherela: Internet site of genealogical documents from the archives of Ukraine. [Online] Available from: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів> (Accessed: 1st October 2021).
13. The State Archives of Kyiv Region. (n.d.) *Revizskaya skazka o kuptsakh, remeslennikakh i meshchanakh evreyskogo zakona g. Starokonstantinova Volynskoy gubernii 22 dekabrya 1811 (03 yanvarya 1812) g.* [The census list of merchants, artisans and burghers of the Jewish law of the city of Starokonstantinov, Volhyn province, December 22, 1811 (January 03, 1812)]. List 201. File 263. [Online] Available from: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАКО/280/201/263> (Accessed: 1st October 2021).
14. The State Archive of the Zhitomir Region. (1809) *Protokol prisutstviya Novograd-Volynskogo magistrata ot 19 aprelya (01 maya) 1809 g.* [Protocol of the presence of the Novograd-Volpyn magistrate dated April 19 (May 1), 1809]. Fund 9. List 1. File 27. [Online] Available from: https://drive.google.com/file/d/1MAHcns1ighU0YWM0_8MdP7gLA4s9HDC/view (Accessed: 1st October 2021).
15. The Department of Information and Documentation Support of the President of the Russian Federation. (n.d.) *Dokument iz Gosudarstvennogo arkhiva Zhitomirskoy oblasti* [Document from the State Archive of the Zhytomyr Region]. Fund 118. List 14. File 268. Special folder 3.
16. The State Archives of Zhitomir Region. (1834) *Revizskaya skazka evreev g. Starokonstantinova Volynskoy gubernii 29 aprelya (11 maya) 1834 g.* [The census list of the Jews of Starokonstantinov, Volhyn province, April 29 (May 11), 1834]. Fund 118. List 14. File 268. [Online] Available from: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАЖО/118/14/268> (Accessed: 1st October 2021).
17. The State Archives of Zhitomir Region. (1850) *Revizskaya skazka evreev g. Starokonstantinova Volynskoy gubernii 15 (27) oktyabrya 1850 g.* [The census list of the Jews of Starokonstantinov, Volhyn province, October 15 (27), 1850]. Fund 118. List 14. File 276. [Online] Available from: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАЖО/118/14/276> (Accessed: 1st October 2021).
18. *Volynskie gubernskie vedomosti*. (1857) 19th January. p. 20.
19. The State Archives of Kyiv Region. (1811) *Revizskaya skazka o evreyakh mestechka Bazaliya Starokonstantinovskogo uезда Volynskoy gubernii 09(21) sentyabrya 1811 g.* [The census list of the Jews of the town of Basalia, Starokonstantinovskiy district, Volhyn province, September 09 (21), 1811]. Fund 280. List 201. File 263. [Online] Available from: <https://uk.wikisource.org/wiki/Архів/ДАКО/280/201/263> (Accessed: 1st October 2021).
20. The State Archives of the Zhytomyr Region. (n.d.) *Digitized inventories of the State Archives of Zhytomyr Region. Pre-Soviet period: List 14 Fund 118.* [Online] Available from: <http://archive.zt.gov.ua/doradyanskyi-period-test/>, https://drive.google.com/file/d/1Bn7F_x8yrlIdmyUvvCJFCY4IBNQ8DHatC/view (Accessed: 1st October 2021).
21. President of the Russian Federation. (n.d.) *Divisions of the Administration of the President of Russia*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/structure/administration/departments> (Accessed: 1st October 2021).
22. *Proizvodstvo Star Media*. (2020) Lenin – 150 let: dokumental'nyy serial [Lenin – 150 years: A documentary series]. 2020. 30th March. Episode 1. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=vXq2k9jWT5M&t=1068s> (Accessed: 1st October 2021).
23. *Volynskie gubernskie vedomosti*. (1852). 29th March. pp. 91–92.

Приложение

Ревизский формуляр 1811 г.

Ревизский формуляр

1811 года. Демисла 22 дня. События в жизни

Полковник Городе Стрелковской пехоты

Новая оупушка, ремесленничья

Митрофанов Еврейского Завсесона

Ревизские сказки мизан за 1811 г.

Почато 18 сентября 1811 г.

Закінчено

На _____ аркушах

КИЇВСЬКИЙ ОБЛАСНИЙ ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ

фонда 280

описи 101

справи 263.

Тел. дорожнього зв'язку 10-3 ж. з. 3. 138

Видорода Стрелковської пехоти	Полковник	Всього	Всього
1. Ревизские сказки мизан за 1811 г.	44	—	44
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	22	—	22
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	5	—	10
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	1
2. Ревизские сказки мизан за 1811 г.	50	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	12	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	35	—	38
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	8	—	15
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	5	—	8
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	3
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	16

255 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	52	—	57
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	19	—	24
256 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	49	—	54
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
257 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	55	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
258 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	38	—	43
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	13	—	18
259 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	42	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
260 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	38	—	43
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
261 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	52	—	57
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
262 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	46	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
263 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	47	—	52
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	8	—	13
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	22	—	25
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	18
264 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	38	—	43
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
265 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	38	—	43
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	7	—	12
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	35
266 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	47	—	52
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
267 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	42	—	47
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	1	—	6
268 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	42	—	47
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	9	—	14
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	34
269 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	42	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
270 Ревизские сказки мизан за 1811 г.	43	—	48
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	—
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	13
Ревизские сказки мизан за 1811 г.	—	—	6

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА				
1858 года апреля 29 дня, Волжский уезд, Симбирская губерния, Симбирск				
Семья	МУЖСКОЙ ПОЛЪ	По ревизской формуле означен в метрической записи	Изъ чего чрезъ записку	Имя по записи
403	Семья 1858 года	Дата	Имя по записи	Дата
403	Михайла Викентьевича Шараповича Шарапов	17	ирина 1858	
403	2-й Андрей Павлович 1844 года	18		23
403	Михаил 1858 года			1
403	Александр Павлович 1858 года			
403	Михаил Павлович 1858 года	8	ирина 1858	
406	Павел Иванович Дружбинин	46	ирина 1858	
406	2-й Андрей Павлович 1844 года			17
406	Михаил 1858 года	1		18
406	Александр Павлович 1858 года			34
406	Михаил Павлович 1858 года			18
406	Павел Иванович 1858 года	46	ирина 1858	
407	Александр Иванович Дружбинин	37		58
407	Михаил 1858 года	11		58
407	Александр Павлович 1858 года	52	ирина 1858	
407	Михаил Павлович 1858 года	24	ирина 1858	34
407	Павел Иванович 1858 года	16		
Итого мужского пола 23 года				9

РЕВИЗСКАЯ СКАЗКА				
1858 года апреля 29 дня, Волжский уезд, Симбирская губерния, Симбирск				
Семья	ЖЕНСКИЙ ПОЛЪ	По ревизской формуле означен в метрической записи	Изъ чего чрезъ записку	Имя по записи
403	Семья 1858 года	Дата	Имя по записи	Дата
403	Александра Павловна Шарапова			26
406	Евдокия Павловна Дружбинина			60
406	Александра Павловна Шарапова			38
407	Евдокия Павловна Дружбинина			48
407	Александра Павловна Шарапова			30
407	Евдокия Павловна Дружбинина			20
407	Александра Павловна Шарапова			52
407	Евдокия Павловна Дружбинина			30
407	Александра Павловна Шарапова			10
407	Евдокия Павловна Дружбинина			10
Итого женского пола 23 года				10

Сведения об авторе:

Нилогов Алексей Сергеевич – кандидат философских наук, заведующий лабораторией генеалогических исследований, ведущий научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: nilogov1981@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nilogov Alexey S. – Candidate of philosophical sciences, head of the genealogical research laboratory, leading researcher, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: nilogov1981@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 07.10.2021; accepted for publication 01.04.2024

Статья поступила в редакцию 07.10.2021; принята к публикации 01.04.2024

Научная статья
УДК 94(436).02+07
doi: 10.17223/19988613/88/18

«Австрийская свобода» эпохи Бабенбергов в исторической памяти державы Габсбургов (на примере «Австрийского Плутарха» Йозефа фон Хормайра)

Герман Сергеевич Рагозин

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, gragozin92@gmail.com

Аннотация. Статья обращается к рецепции «Австрийской свободы» эпохи Средневековья в исторической памяти монархии Габсбургов начала XIX в. Новые память и идентичность основывались на лояльности правящей династии Габсбургов в новой империи. Обоснование им на историческом нарративе представил Йозеф фон Хормайр, автор «Австрийского Плутарха». Сущность «Австрийской свободы» и ее историческую преемственность он вел от основателей государства из рода Бабенбергов.

Ключевые слова: медиевализм, история Австрии, историческая память Австрии, Йозеф фон Хормайр, консерватизм, Бабенберги, «Австрийская свобода», историография романтизма

Для цитирования: Рагозин Г.С. «Австрийская свобода» эпохи Бабенбергов в исторической памяти державы Габсбургов (на примере «Австрийского Плутарха» Йозефа фон Хормайра) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 156–163. doi: 10.17223/19988613/88/18

Original article

The Babenberg “Austrian Freedom” in Habsburg empire historical memory: the case of “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr

German S. Ragozin

Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, gragozin92@gmail.com

Abstract. The paper deals with the reception of “Austrian Freedom” emergence in the Middle Ages as an element of historical memory in the Habsburg empire in early XIX century. The Romanticist historiography tapped into revisiting the ideological grounds of Habsburg Empire, which took place after collapse of the Holy Roman Empire. Creating the Austrian empire in 1804 has become an impulse for producing the new historical memory to justify its legitimacy. It was Joseph von Hormayr to initiate the process during the Napoleonic warfare as a conservative ideologist and romanticist historian.

The purpose of the paper is to analyze the elements of the “Austrian Freedom” myth presented in essays on Babenberg dynasty in “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr. The twenty-volume work aimed to present the main historical figures of the Habsburg empire, both Austro-German and non-Germanic. Besides the Habsburgs, “Plutarch” also contained essays devoted to Czech and Hungarian regents, ministers, warlords, artists and scientists from all parts of the Empire. The essays published in volumes 19 and 20 of the “Plutarch” dealing with the Babenberg era in Austria were the last part of the work.

The main methodology is the history of concepts, which is aimed to analyze the emergence and evolution of a certain term and its revisiting within a surrounding context. It should trace the elements of the “Austrian Freedom” as a pattern of Austrian historical memory and identity. Moreover, the concepts of imaginary community, historical myth and historical memory should ensure the study of “Austrian freedom” and its justification by Hormayr. The latest essays of the “Austrian Plutarch” were aimed at justifying the “Austrian Freedom” by means of historical memory. Narratives on the Babenberg era in Austria were to show succession to the Habsburg house as a proof for a single historical mission of Ostmark – Austria. The image of Austria was given as a state with “independence, rapid economic development and loyalty to the Christian cause” and as an adequate example of centralization for the rest of Germany. Hormayr made a special emphasis on the ability of Austria to respond towards such challenges as hostile invasions and political instability of the Holy Roman Empire. The image of the “loyal vassal of the Emperor” turned into justification of the Austrian autonomy, which was to enforce the Empire, and the Babenbergs became a personal image for it in the “Austrian Plutarch”.

Keywords: medievalism, history of Austria, historical memory of Austria, Joseph von Hormayr, conservatism, Babenbergs, “Austrian Freedom”, Romanticist historiography

For citation: Ragozin, G.S. (2024) The Babenberg “Austrian Freedom” in Habsburg empire historical memory: the case of “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 156–163. doi: 10.17223/19988613/88/18

Образы Средневековья в исторической памяти привлекают и исследователей, и общественность. Медиевализм стал особой категорией дискуссии в связи с изменениями трактовки периода в более поздние эпохи. Восприятие средневековых монархов и связанных с ними событий в исторической памяти прошло долгую эволюцию начиная с периодов Возрождения и Реформации [1. S. 95–99]. Окончательное укоренение этого периода и персоналий как части исторической памяти произошло в эпоху романтизма начала XIX в. Считается, что оно связано с политической легитимацией государства и национальной идентичности. Помимо этого, важной составляющей был поиск идеальной модели отношений между монархией и обществом: в этом периоде романтики пытались найти образец «органического устройства». Хотя в это же время медиевализм дал почву для критики политических и социальных архаизмов национальными движениями в XIX в.

Особым случаем в Европе начала XIX в. в дискурсе романтизма выступает австрийский медиевализм. «Восточная марка», герцогство, а затем эрцгерцогство Австрия находилось в составе Священной Римской империи до 1806 г. В XV в. оно «выделилось» в территориальное государство, обладающее централизованной властью. Правящая в нем династия Габсбургов закрепила за собой титул императоров Священной Римской империи, и до ее роспуска выходцы из этого рода почти без перерыва занимали этот престол. Они стали номинальными лидерами «германского мира» в Европе, заявляя также претензии на универсалистский характер империи. Романтическая историография полагала, что это стало возможным благодаря «Австрийской свободе» [2. S. 2]. Данный концепт исходил из того, что к XIII в. правители из династии Бабенбергов были почти полностью независимы от императора в силу статуса своего лена, а затем государства. Все это используется и поныне для обоснования суверенитета австрийской политической нации от Германии [3. S. 127–148]. При этом культурная, языковая и историческая общность с ней не отрицается. Все это возможно обозначить как «австрийский исторический миф», по аналогии с «прусским мифом» в Германии [4. S. 273].

«Австрийский исторический миф» – это комплекс тезисов и идеологем, нацеленных на обособление австрийской государственной нации от Германии средствами исторической политики [5. С. 18–24]. Он включает в себя культуру памяти, в которой главные акценты ставятся на самостоятельность и самодостаточность австрийского государства. Таковая, как считается, была уже в Священной Римской империи, когда австрийские политические структуры сами принимали решения, касающиеся их развития. Более того, к этому времени отводят начало австрийской идентичности как самостоятельной от остальной Германии [1. S. 41–71]. «Австрийский исторический миф» представлял образование империи Габсбургов логичным и необходимым не только для Центральной и Восточной Европы, но и для самих австрийцев. Вместе с тем этот миф отдавал приоритет лояльности правящей династии Габсбургов и сюзерену в австрийской идентичности. Этническая принадлежность конкретного подданного не имела

значения. Интеллектуалы – сторонники «национального возрождения» в негерманских землях империи – изображали такой подход как «германизацию», поскольку фактически в новом образовании немецкие язык и культура превалировали.

Первый этап оформления «австрийского исторического мифа» и включения в него средневековой истории Австрии связан с развитием романтизма как явления общественной и политической мысли в конце XVIII – начале XIX в. Оно вобрало в себя критику Французской революции, а затем и наполеоновской империи. Отталкиваясь от нее, она идеализировала Средние века как период «органичных социальных порядков и отношений между сувереном и народом». Все это легло в основу роста интереса мыслителей и публицистов к этому периоду, во многом усугубленного политическим курсом большинства стран Европы после 1815 г.

Специфика австрийского романтизма начала XIX в. связана с поиском исторической легитимности власти и многонациональной империи Габсбургов. Распад Священной Римской империи поставил перед Габсбургами проблему выработки стратегии по отношению и к германским государствам, и к своим владениям, в том числе негерманским. Для этого требовалось идейное обоснование своей политики и его распространение среди как минимум политической и социальной элиты. Это подстегивало поиск аргументов для своих тезисов. Таковым стал материал эпохи Средневековья, когда начался процесс оформления австрийского государства и его превращения в империю. Выбор материала, подходящего для такой концепции, представлял особенно сложную проблему. С учетом обстановки в Европе приоритетными становились сюжеты, связанные с отражением общих угроз, демонстрацией роли Австрии для Германии и Европы как «последнего рубежа» для противника. Поражения от Наполеона и установление его господства в Германии стали поводом к использованию исторического материала в целях мобилизации и немцев, и негерманских народов империи.

Прибытие в Вену Фридриха фон Генца и Йозефа фон Хормайра в 1803 г. становится началом формирования консерватизма, изначально с отпечатком романтической идеологии. Первый в большей степени разрабатывал консервативную доктрину в тесной связи с династическим патриотизмом, а второй приступил к созданию исторической памяти и для австрийских немцев, и для негерманских народов. Начиная на региональном материале в Тироле, Хормайр формировал образ «святой земли», который затем стал переноситься на остальные владения Габсбургов. Самым первым такой статус получил Тироль, который был отторгнут от владений Габсбургов в 1805 г., и связь которого с остальными владениями австрийского дома требовалось обосновать, особенно с учетом размытой самоидентификации местного населения. Поэтому при подборе материала особая роль отводилась участию тирольтцев в борьбе с иноземными вторжениями, их поддержке католической церкви и лояльности Габсбургам.

В связи с этим логичным предстает выбор нарративов о противостоянии общей угрозе, роли церкви в государстве и самосознании австрийцев, консолидации австрийских немцев и негерманских подданных вокруг династии. Вместе с этим Хормайр развивал тезис «австрийской свободы», т.е. представление о самостоятельности Австрии в Империи. Под ней историк понимал роль государства Бабенбергов, а затем Габсбургов в разрешении внутриимперских конфликтов, споров церкви и императорской власти, а также продвижении внутривластных вопросов без оглядки на остальную империю. Особняком здесь рассматривалась активная внешняя политика, которая могла идти вразрез с остальной империей. При этом подчеркивалось, что, несмотря на свою самостоятельность, Австрия стояла «последним рубежом» для иностранных вторжений в Германию [6. Bd. 19. S. 90–97].

Все это стало частью сочинения «Австрийский Плутарх», ставшего выражением концепции австрийской истории в русле «австрийского исторического мифа», романтизма и консерватизма. В последних томах своего труда, сданных в печать незадолго до ареста по «делу Альпенбунда» в 1813 г., историк обратился к складыванию австрийского государства в период царствования династии Бабенбергов. Именно Хормайр предложил это время как становление самостоятельного австрийского государства. Представления романтиков о Средневековье получили здесь полное воплощение. Данные очерки стали заключительными в серии «Австрийские правители» в «Австрийском Плутархе» и частью представления о прошлом страны и империи, а также ее миссии в Европе и Германии.

Наследие Йозефа фон Хормайра изучалось в Германии и Австрии начиная с 1848 г. Оно анализировалось и как веха развития исторической науки, и как проявление ранних романтизма и консерватизма в монархии Габсбургов. В период эмиграции Хормайра (1828–1848) его работы были изъяты из доступа из-за критики канцлера Меттерниха и его режима после 1828 г. [7. S. 385–406]. Незадолго до австро-прусской войны в «Биографическом словаре Австрийской империи» 1863 г. вышла статья с критикой Хормайра за оппозицию по отношению к Францу I и Меттерниху. Заслуги историка признавались в укреплении легитимности Габсбургов «Австрийским Плутархом» и «Малой историей Отечества» [8. S. 275–287].

Вторая волна интереса к Хормайру началась в столетний юбилей Тирольского восстания, когда вышла работа Й. Хирна [9]. В ней освещалась роль автора «тирольского мифа» в становлении австрийского консерватизма. В дополнение к этому были даны оценки Хормайру как политику: организатору, идеологу восстания и советнику Андреаса Хофера. Так началось возвращение историка в статус фигуры австрийской историографии и истории, борца против Наполеона и «посягательств на права сословий и церкви» в Тироле [10]. Продолжилась тенденция в 1918–1938 гг., когда обозначился кризис австрийской идентичности после распада империи Габсбургов. В период, обозначенный Р. Канном как господство «постимперского синдрома» (Imperial Hangover) [11], отношение к Хормайру было

двоим. Критика за нападки на Габсбургов и режим Меттерниха дополнилась осуждением за источниковедческие подлоги и мистификации. На контрасте Хормайр оставался в образе главной фигуры романтической историографии, а также одним из родоначальников австрийской историографической традиции [12, 13].

Втягивание Австрии в орбиту влияния Третьего рейха принесло прочтение Хормайра как «моста между австрийской и германской исторической традициями» в трудах Генриха фон Србика [14, 15]. Он трактовал разрыв Хормайра с Габсбургами исключительно личностным фактором, полагая таким «несправедливое» обвинение в подготовке вооруженного восстания. Тем Србик помогал НСДАП представить Третий рейх наследником австрийской и германской исторических традиций, «закрывая» спор мало- и великогерманской школ и политических традиций XIX в. Баварская академия наук работала на это с немецкой стороны: опубликованный в 1936 г. в сборнике Баварской академии наук «Отечество и народ» о Хормайре раскрывал его «выдающийся вклад оформление истории немецкой нации и национальной идеи». В то же время больший акцент делался на баварском периоде творчества Хормайра (1828–1848) [16].

Восстановление Австрии как государства в 1945 г. привело к очередной переоценке Хормайра и связей Австрии с Германией. Теперь австрийская нация считалась обособленной от Германии политически, но родственной ей в культурном, историческом и языковом плане [17. S. 10–12]. Австрийские историки второй половины XX – начала XXI в. определяют Хормайра историком-романтиком, чье творчество развивалось на рубеже Просвещения и Бидермайера. Дефиниции «консерватора» или «сторонника немецкого национального движения» отошли на второй план [7]. По политическим взглядам Хормайра располагают между консервативно-охранительным и национальным дискурсами [18. S. 293]. Творческое наследие историографа рассматривается как часть исторической памяти австрийцев и немцев. При этом изучается роль историографа в систематизации коллекций искусства чешской и моравской аристократии, когда он отбывал ссылку в г. Брно. Помимо этого, ведется изучение роли Хормайра в становлении австрийского консерватизма начала XIX в., а именно нарратива исторической памяти, который оказал влияние на австрийскую идентичность как немецкоязычного сообщества державы Габсбургов, в том числе на земельном уровне, так и всей империи в целом [19, 20].

Считается, что идеи Хормайра остаются слабо изученными в части методологии мифотворчества и его прочтения в политике. Вне поля зрения осталась та часть «австрийского исторического мифа» Хормайра, которая относится к периоду до прихода Габсбургов к власти в Австрии. Структура мифа на примере материала раннего и высокого Средневековья остается неизученной, в противовес раннему новому времени. Образы австрийских Габсбургов, подготовленные Хормайром, так или иначе переосмыслились в более поздние эпохи, в то время как формирование мифа об

«австрийской свободе» при Бабенбергах, как правило, в историографии не затрагивалось.

Двадцатитомная работа Хормайра «Австрийский Плутарх» вышла в 1807–1812 гг. Ее замысел заключался в том, чтобы представить широкой публике биографии ключевых персоналий империи Габсбургов в прошлом. Очерки о маркграфах и герцогах из династии Бабенбергов вошли в XIX и XX тома «Плутарха». В сочинении фигурируют следующие правители: Леопольд I, Леопольд II, Леопольд III Святой, Генрих II Язомирготт, Леопольд V Добродетельный, Леопольд VI Славный и Фридрих II Воитель. На правах отдельных очерков вошли четыре персоналии: Леопольд III, Леопольд V, Леопольд VI и Фридрих II. Остальные биографии стали частями вводных или заключительных разделов «главных» очерков. В целом они продолжали легитимистскую концепцию истории монархии Габсбургов, дополняя ее обоснованием преемственности от Бабенбергов.

Каждый очерк предварялся краткой справкой о жизни «главного персонажа». В нее входили сведения о родственных связях, браках и детях правителя и наиболее значимых событиях его правления. По объему описание жизни и правления одного деятеля занимает до четверти тома. Историк располагал значительным опытом работы со средневековыми сюжетами, и посему образы Бабенбергов обоснованно полагать образцом медиализма ранних романтиков. Отпечаток идей «органического устройства» отношений между монархом и обществом в текстах Хормайра стал поводом осуждать историка позднее за мистификации по отношению к Средневековью [20].

Очерк, посвященный Леопольду III Святому, стал первым в повествовании о Бабенбергах. Его предваряло значительное по объему эссе о роли Австрии в историческом процессе и месте историка в австрийском обществе. Роль земель, вошедших в ее состав, заключалась «в защите Германии и остальной Европы от внешних вторжений: гуннов, мадьяр, монголов, турок». По мнению историка, это было частью образа «святой земли» [6. Bd. 19. S. 8]. То есть в заключительной части «Плутарха» автор завершил формирование единой концепции истории Австрии и ее миссии в империи и Европе. «Австрийский историк, – писал Хормайр, – тоже становился частью борьбы», что было типичным проявлением романтизма начала XIX в. Хотя главной была следующая особенность: Хормайр делал упор на патриотизм, который мог охватить все народы, оказавшиеся в империи Габсбургов [6. Bd. 19. S. 7]. Поэтому борьба с турецким вторжением получила центральное место как консолидирующая австрийских немцев и негерманские народы империи.

О преемственности Габсбургов от Бабенбергов, а также о ее легитимности Хормайр заявил в начале повествования [6. Bd. 19. S. 7]. Именно с обликом Леопольда III Хормайр связывал такие элементы образа идеального австрийского правителя, как поддержание законности и справедливости, содействие просвещению, а также гармоничные отношения светской власти и церкви не в пример остальной империи. В заслугу Леопольду III Святому поставлено начало

возвышения Вены, которая «из личных владений» станет центром государства. Именно с этим периодом связаны основание аббатств в Мельке, Клостернойбурге, Клейнмарицелле, значимых для исторической памяти австрийских немцев, и начало строительства собора в Пассау. «Монастыри и их руины, – писал Хормайр, – воодушевляли тех, кто в 1683 году шел на защиту Вены от турок» [6. Bd. 19. S. 78]. При этом подчеркивалась лояльность Леопольда императору и делу католического мира в лице Крестовых походов. Акцент делался еще и на том, что австрийские маркграфы и герцоги делали финансовые пожертвования, участвовали в походах в Иерусалим сами. В пример также приводится паломничество Иды Австрийской: жена Леопольда II стала примером австрийской мученицы за веру, последовавшей в Святую землю. Так Хормайр формировал образ «австрийского благочестия», которое было частью официальной парадигмы Габсбургов.

Борьбу за власть в империи после пресечения Франконской династии Хормайр сравнил с войной Йорков и Ланкастеров в Англии. Однако позиция Австрии, по мнению историка, носила посреднический характер. Подчеркивалось, что Леопольд III имел все права на имперский трон в силу брака с Агнессой, дочерью императора Генриха IV. Именно благодаря Леопольду III Генрих V наладил отношения с церковью и смог заключить Вормсский конкордат, за счет чего сложился такой порядок, от которого Австрия выиграла в перспективе. «Имперский мир, – писал Хормайр, – позволил Австрии расти» [6. Bd. 19. S. 73]. Его достижение историк связал с тем, что Леопольд отказался от борьбы за трон с Гогенштауфенами, несмотря на брак с сестрой последнего императора, так как не желал развязывать междоусобную войну. Так Хормайр создавал образ герцога – основателя австрийской государственности и медиатора имперских конфликтов. Для этого времени и контекста проявлениями такого образа стали стремление к имперскому миру при четком осознании своей миссии и консолидация близлежащих земель. Материал о Леопольде III стал обоснованием «особой роли» герцогства в Империи.

Второй по значимости материал о Бабенбергах был посвящен Леопольду V Добродетельному. Главным источником по истории его правления Хормайр заявил документы и материалы из монастыря Клейнмарицелле [6. Bd. 19. S. 107]. Повествование о Леопольде предварено очерком о правлении его отца, Генриха II Язомирготта. В нем подчеркивалась особая роль Генриха в германских делах, когда шло соперничество Гвельфов и Гибеллинов, что работало на тезис об «австрийской свободе». Тогда Генрих выступил на стороне Гогенштауфенов, что сделало возможным повышение статуса Австрии в Империи. Углубляли его сюжеты о посредничестве герцога при разрешении споров императора с Папой Римским и итальянскими государствами. Получение Генрихом права решающего голоса на рейхстагах, так называемых «Малых Привилей», считалось Хормайром высшим его достижением в имперских делах [6. Bd. 19, S. 126].

Перенос столицы из Нойбурга в Вену и ее превращение в религиозный и политический центр герцогства считались Хормайром достижением этого правителя. Бывшее охотничье угодье Леопольда III стало резиденцией правителя. Этот статус подкрепил перенос церковной кафедры после открытия Шотландского монастыря и обители святого Штефана. Этим, как полагал историк, завершились обособление «Восточной марки» от Баварии и переход Австрии на равный статус со «старыми» племенными герцогствами: Саксонией, Баварией, Франконией, Швабией и др. Начало Генрихом экспансии на юг представляло логичным следствием такой политики. Герцог начал походы в Каринтию, что привело к образованию пограничного рубежа, так называемой Крайны, и расширению Австрии на юг. Вторым проблемным пунктом на юге стала интеграция Штирии в состав Австрии, которая завершится лишь при Леопольде VI Славном [6. Bd. 19. S. 158]. Третьей проблемой станут венгерские набеги, отражение которых будет поставлено в заслугу Язомирготту.

Ключевым моментом царствования Леопольда V Хормайр представил III Крестовый поход и связанные с ним события. Историк назвал австрийское войско «авангардом Крестового похода со стороны империи» [6. Bd. 19. S. 162], а герцога Леопольда как военачальника сравнил по уровню мастерства с Александром Македонским. Этот контекст неразрывно связан с легендой о появлении цветов австрийского знамени во время Крестового похода. Впервые она попала в официальную историографию и стала культивироваться благодаря Хормайру. Изрядную дозу критики за конфликт с Леопольдом получил английский король Ричард I Львиное сердце. Его историк обвинил в начале конфликта с войском из империи из-за срыва австрийских знамен в Акре. Король выступался завистливым нарушителем рыцарского кодекса. Пленение Ричарда и его освобождение за выкуп были признаны справедливым возмездием: «Героизм не дает права на варварство», – отметил историк [6. Bd. 19. S. 170].

В представлении Хормайра, Леопольд грамотно использовал заложенное предшественниками. Герцогство получило международное признание, а также влияние на международную обстановку в Европе и за ее пределами. Леопольд V дал Австрии полноценные атрибуты государственности, что выгодно отличало ее от остальной империи. То есть уже к началу XIII в. Австрия, в представлении Хормайра, была государством, заслужившим свой статус и влияние, независимым от воли императора, но помогавшим ему в спорных ситуациях, т.е. не нарушавшим вассальной клятвы.

«Прекраснейшая эпоха Австрии» при Бабенбергах отождествлялась Хормайром с правлением Леопольда VI Славного (1198–1230). Посредничество между папой и Фридрихом II Штауфеном и поддержка императора в борьбе с анти-императором Генрихом Тюрингским, посягнувшим на трон, стали, по мнению историка, проявлением «австрийской свободы». За счет этого герцогство расширяло автономию в империи и помогало внутреннему миру в ней [6. Bd. 20. S. 52]. Наибольшим успехом стал Привилей от 23 августа

1228 г.: Леопольд стал обладать такой властью в Австрии и Штирии, которой не обладал император в остальной Германии. С этим Хормайром и связывалось достоинство страны в империи и за ее пределами. Герцогство представлялось «начальным пунктом централизации в Германии» [6. Bd. 20. S. 65].

Рост австрийского государства увязывался с получением городами самоуправления: к началу XIII в. его обрели Вена, Грац, Нойштадт, Эннс и Кремс. Становление городского права в понимании Хормайра обеспечило свободу торговли и экономический рост. Показателями последнего были богатство монастырей [6. Bd. 20. S. 47] и культурный расцвет герцогства, связанный с ростом поэзии трубадуров. Хормайр его представил вехой в развитии немецкого языка [6. Bd. 20. S. 62]. Часто историк сравнивал Леопольда с царем Соломоном: это сравнение связывалось с расцветом государства при минимуме войн.

Что касается внешней политики Леопольда, то ее образ складывался из содействий католической церкви: герцог участвовал в Альбигойском походе, Реконкисте и экспедиции в Египет. «Герцог-крестоносец» получил сравнение с Людовиком IX Святым [6. Bd. 20. S. 19]. Помимо этого, в заслугу Леопольду Хормайр поставил договоренность с римским папой об отправке в Крестовый поход Фридриха II для «искупления вины». Этим герцог дал императору возможность восстановления нормальных отношений с Римом, что могло стать основой прочного «имперского мира». Из соседних государств проблемой оставалась лишь Венгрия: по мнению Хормайра, Леопольд имел право стать регентом этой страны на основании «Трансляции империи». Так историк попытался обосновать объединение земель Центральной и Восточной Европы под эгидой Вены. При этом притязания на Венгрию Хормайр обозначил как «источник бедствий, подобно владениям во Франции для англичан» [6. Bd. 20. S. 25]. Вторым серьезным противником Леопольда оставалось Чешское королевство: Пржемысл II Оттокар именно при Леопольде VI впервые вторгся в Австрию, но потерпел поражение.

Образ Леопольда VI стал архетипом для «золотого века» Австрии в сочинениях Хормайра: минимальное участие страны в войнах при активном хозяйственном и культурном росте и самостоятельности в Германии. На него также работали посредничество в устроении мира в империи и Европе. Герцог предстал «архитектором самостоятельного государства». Таким образом, на примере этого правителя историк выстроил миф «австрийской свободы» в исторической памяти австрийских немцев. Помимо права на автономию он означал и право голоса в европейских делах.

Контрастом Леопольду VI Хормайр представил царствование Фридриха II Воителя (1230–1246). Последний Бабенберг по мужской линии предстал в образе «персонажа из Шекспировской трагедии» [6. Bd. 20. S. 130]. Центральным сюжетом стали завоевательные походы, которые закончились гибелью герцога, пресечением династии и кризисом, который закончился лишь с приходом Габсбургов на австрийский трон. Способности Фридриха как военачальника срав-

нивались по масштабу с Александром Македонским, Цезарем, Ричардом I, Саладином, Чингисханом, Густавом II Адольфом и Карлом XII. Заключительным стало сравнение с Густавом II: «...пал в бою, унеся с собой победу» [6. Bd. 20. S. 190]. Лейтмотивом герцога, по мнению Хормайра, была «любовь к свободе» [6. Bd. 20. S. 199]. Конец Бабенбергов предстал в контексте большого кризиса в Германии и Европе. Его составными частями стали падение Гогенштауфенов, междоусобица в империи, экспансия короля Чехии Пржемысла II Оттокара и вторжение монголов.

То, что этот кризис коснулся Австрии, ставилось Фридриху в вину: его войны истощили страну и шли во время восстания минералов во главе с родом Куэрингов. Внутренние споры в герцогстве удавалось разрешить лишь при посредничестве церкви. Более того, страна воевала на несколько направлений: и с Чехией, и с Венгрией. Взятие Вены чехами служило доказательством поражения Фридриха. Это контрастировало с образом герцога как личности, которая сочетала в себе представления о рыцарской добродетели, личном героизме, любви к свободе и стремлении к справедливости. Сильное сходство, по мнению Хормайра, было с римским царем Сервием Туллем [6. Bd. 20. S. 208].

К успехам герцога отнесено формальное закрепление «австрийской свободы» в империи. Фридрих не принимал участия в рейхстагах, а признание этого права «Письмом свободы» от императора трактовалось Хормайром как независимость. Подчеркивалось, что этим Австрия и Штирия получили значительные привилегии. Такой прецедент историк назвал «предтечей Золотой буллы» [6. Bd. 20, S. 95]. Присвоение Вене императором статуса вольного имперского города подняло ее авторитет в глазах жителей Австрии и остальной Германии. Это легло в основу представления о том, что после Фридриха II столица Австрии «никогда не сдавалась без боя, поскольку ее жителям было что защищать». Так задавался образ Фридриха как жертвы за «австрийскую свободу»: герцог «погиб, но отстоял страну» [6. Bd. 20. S. 105]. Подкреплялся он и сравнением с участниками Реконксты в Испании, а на Вену проецировалась та же роль, которая традиционно отводилась в этом процессе Толедо: резиденция правителя и центр сопротивления внешнему завоеванию [6. Bd. 20. S. 211].

Последние очерки «Австрийского Плутарха» Йозефа фон Хормайра, посвященные династии Бабенбергов, стали завершающей частью оформления «австрийского мифа». На примере материала о Бабенбергах в своем сочинении Хормайр представил понимание прошлого Австрии и его места в идентичности современных ему австрийских немцев в тесной связке с династическим легитимизмом. Правящий род, по его мнению, должен был объективно стремиться к укреплению своей власти и владений. Отсутствие прямого родства Бабенбергов с их преемниками в лице Габсбургов создавало проблему преемственности в исторической памяти, которую Хормайр решил, сконструировав миф о «миссии австрийского государства». Вместе с этим маркграфство, а затем герцогство пока-

зали себя дееспособными в социальном и экономическом плане, в меньшей степени подвергнутыми нестабильности в противовес «Старой империи».

Австрийское государство представляло «последним щитом Европы и Германии» от внешних завоеваний, что, по мнению Хормайра, давало моральное право Бабенбергам, а затем и Габсбургам, на самостоятельность. Это было связано с тем, что на многие вызовы, по мнению историка, Австрии следовало отвечать с минимальной внешней поддержкой. При этом, в представлении Хормайра, жителям маркграфства, а затем и герцогства мобилизоваться было проще остальной Германии, так как они четко представляли свои свободы и «им было, что защищать», а государство располагало нужными ресурсами.

Не в пример императорам как Франконской династии, так и Гогенштауфенам, по мнению Хормайра, строились отношения католической церкви и светской власти в Австрии. Историк полагал, что это и было проявлением «австрийского благочестия», которое давало государству моральное право на определение ситуации в Центральной Европе и подкрепляло универсализм Габсбургов позднее. Церкви помимо духовной, просветительской, административной и хозяйственной функций отводилась мобилизационная. Храмы, монастыри и «святые места» становились фактором боевого духа и двигателем экспансии и в эпоху Крестовых походов, и позднее. Церковь также играла, в представлении историка, на пользу отражению вражеской экспансии, особенно османской в XVI–XVII вв. Образы участников обороны Австрии от внешних конфликтов, а также основателей государства носили именно религиозный подтекст. Так поддерживалась идеология «австрийского благочестия», и историческая память о такой роли католической церкви содействовала нахождению общего языка между церковью и государством после конфликтов времен Иосифа II. Все работало на представления о стране – оплоте католицизма. В дополнение к этому историк привлекал источники из монастырских архивов, которые были ему доступны в силу руководства Династическим, придворным и государственным архивом Австрии.

«Австрийская свобода» изображалась легитимной, юридически обоснованной и важной для Священной Римской империи. Хормайр подчеркивал, что достижение Австрией независимости не было классическим центробежным процессом по типу остальных германских государств. В доказательство этому приводилось то, что Бабенберги не прибегали к началу войны против императора как средству политики и отстаивания интересов. Главной чертой политического воплощения «Австрийской свободы» было личное согласие императора на расширение самостоятельности Австрии. При этом создавался образ его как «вознаграждения» преданному вассалу за заслуги: посредничество в имперских конфликтах и спорах с церковью, участие в обороне империи от вторжений извне. Оформлению такого представления способствовало то, что Хормайр, будучи юристом по образованию, в своих сочинениях активно анализировал правовую сторону социальных и политических отношений в Австрии и Германии.

Бабенберги сравнивались Хормайром с другими историческими фигурами, как современниками, так и нет. В большей степени это преследовало публицистическую цель – сделать сочинение более воспринимаемым как образованными высшими слоями, так и грамотным простонародьем. Историк также стремился к уточнению характеристик, даваемых персонажам, и включению их в общеевропейский и мировой исторический контекст.

Образ легитимности «австрийской свободы» стал завершающим в формировании концепции истории Австрии Йозефом фон Хормайром в ключе династиче-

ского патриотизма и «австрийского мифа». На первом этапе историк получил за это признание в высшем руководстве империи, которое в 1813 г. сменилось опалой во время перемены политического курса при канцлере Меттернихе. Несмотря на это, в исторической памяти Австрии миф об «австрийской свободе» во многом использовал наработки Хормайра по средневековой истории страны. Продукты деятельности историка пережили даже его взгляды в отношении монархии Габсбургов, которые после эмиграции Хормайра превратились в критику существующего режима и его проводников.

Список источников

1. Vocelka K. Geschichte Österreichs: Kultur–Gesellschaft–Politik. Graz–Wien–Köln : Styria, 2000. 408 S.
2. Hormayr J. von. Österreich und Deutschland. Gotha : Beckersche Buchhandlung, 1814. 250 S.
3. Was heißt „Österreichische Geschichte“? Probleme, Perspektiven und Räume der Neuzeitforschung / Hrsg. M. Scheutz, A. Strohmeier. Innsbruck : Studienverlag, 2008. 200 S.
4. Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin : Rowohlt, 2009. 608 S.
5. Величко О.И. Проблемы формирования австрийской нации // Художественная культура Австро-Венгрии. Искусство многонациональной империи. 1867–1918 / отв. ред. Н.М. Вагапова, Е.К. Виноградова. СПб. : Алетейя, 2005. С. 18–24.
6. Hormayr J. von. Österreichischer Plutarch : 20 Bde. Wien : Doll, 1807–1812.
7. Landi W. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen / G. Pfeiffer (Red.). Innsbruck : Studienverlag, 2008. S. 385–406.
8. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich / C. von Wurzbach (Hg.). Wien: Verlag der typografisch-literarisch-artistischen Anstalt, 1863. Bd. 9. 518 S.
9. Hirn J. Tirols Erhebung im Jahre 1809. Innsbruck : Schwick, 1909. 875 S.
10. Чудинов А.В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тиро́льском восстании 1809 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/>
11. Kann R.A. The Case of Austria // Journal of Contemporary History. 1980. Vol. 15, № 1: Imperial Hangovers. P. 37–52.
12. Bock F. Fälschungen des Freiherrn von Hormayr // Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde. 1927. № 47, Heft 2. S. 225–243.
13. Kustatscher E. “Berufsstand“ oder “Stand“? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien–Köln–Weimar : Böhlau, 2016. 676 S.
14. Srbik H. von. Metternich. Der Staatsmann und der Mensch : 2 Bde. München : Bruckmann, 1925.
15. Srbik H. von. Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz : 4 Bde. München : Bruckmann, 1935–1942.
16. Josef Freiherr von Hormayr. Biographie // Heimat und Volkstum / Rothleitner R. u.a. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1936. S. 145.
17. Mayrhofer-Schmid A. Hormayr und die Romantik : Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien : Universität Wien, 1949. 187 S.
18. Gant B. Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie : Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Innsbruck : Universität Innsbruck, 2003. 313 S.
19. Рагозин Г.С. Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр – идеолог и участник Тиро́льского восстания 1809 г. // Французский ежегодник 2020: войны и революции в Новое время / ред. А.В. Чудинов. М. : Центр франко-российских исследований, 2022. С. 121–136.
20. Almási G. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century // The Hungarian Historical Review. 2016. Vol. 5, № 2. P. 225–249.

References

1. Vocelka, K. (2000) *Geschichte Österreichs: Kultur – Gesellschaft – Politik*. Graz; Wien; Köln: Styria.
2. Hormayr, J. von (1814) *Österreich und Deutschland*. Gotha: Beckersche Buchhandlung.
3. Scheutz, M. & Strohmeier, A. (eds) (2008) *Was heißt „Österreichische Geschichte“? Probleme, Perspektiven und Räume der Neuzeitforschung*. Innsbruck: Studienverlag.
4. Münkler, H. (2009) *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin: Rowohlt.
5. Velichko, O.I. (2005) Problemy formirovaniya avstriyskoy natsii [Problems of the emergence of the Austrian nation]. In: Vagapova, N.M. & Vinogradova, E.K. (eds) *Khudozhestvennaya kul'tura Avstro-Vengrii. Iskusstvo mnogonatsional'noy imperii. 1867–1918* [Artistic culture of Austria-Hungary. The art of a multinational empire. 1867–1918]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 18–24.
6. Hormayr, J. von. (1807–1812) *Österreichischer Plutarch*. Wien: Doll.
7. Landi, W. (2008) Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen. In: Pfeiffer, G. (ed.) *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen*. Innsbruck: Studienverlag. pp. 385–406.
8. Wurzbach, C. von. (ed.) (1863) *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Österreich*. Bd. 9. Wien: Verlag der typografisch-literarisch-artistischen Anstalt.
9. Hirn, J. (1909) *Tirols Erhebung im Jahre 1809*. Innsbruck: Schwick.
10. Chudinov, A.V. (2020) Vtoraya smert' Andreasa Khofera? Osobennosti evolyutsii istoricheskoy pamyati o Tirol'skom vosstanii 1809 g. [The second death of Andreas Hofer? The evolution of historical memory about the Tyrolean uprising of 1809]. *Istoriya*. 11. [Online] Available from: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/>
11. Kann, R.A. (1980) The Case of Austria. *Journal of Contemporary History*. 15(1). pp. 37–52.
12. Bock, F. (1927) *Fälschungen des Freiherrn von Hormayr*. Neues Archiv für ältere deutsche Geschichtskunde. No. 47. Band, 2. Heft, pp. 225–243.
13. Kustatscher, E. (2016) “Berufsstand” oder “Stand”? Ein politischer Schlüsselbegriff im Österreich der Zwischenkriegszeit. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.
14. Srbik, H., von. (1925) *Metternich. Der Staatsmann und der Mensch*. München: Bruckmann.
15. Srbik, H. von. (1935–1942) *Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz*. München: Bruckmann.

16. Anon. (1936) Josef Freiherr von Hormayr. Biographie. In: Rothleitner, R. *Heimat und Volkstum*. München: Bayerische Akademie der Wissenschaften. p. 145.
17. Mayrhofer-Schmid A. (1949) Hormayr und die Romantik. Dissertation zur Doktorwürde (Phil.). Wien: Universität Wien. (In German)
18. Gant, B. (2003) *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hertenburg. Eine (politische) Biographie*. Dissertation zur Doktorwürde. Innsbruck: Universität Innsbruck.
19. Ragozin, G.S. (2020) Mezhdú istoríey i politikoy: Yozef fon Khormayr – ideolog i uchastnik Tirol'skogo vosstaniya 1809 g. [Between history and politics: Joseph von Hormayr as an ideologist and participant of the Tyrolean Uprising in 1809]. In: Chudinov, A.V. (ed.) *Frantsuzskiy ezhegodnik 2020: voyny i revolyutsii v Novoe vremya* [French Yearbook 2020: Wars and Revolutions in Modern Times]. Vol. 2020. pp. 121–136.
20. Almási, G. (2016) Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century. *The Hungarian Historical Review*. 5(2). pp. 225–249.

Сведения об авторе:

Рагозин Герман Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: gragozin92@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ragozin German S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History of the Higher School of Social Sciences and Humanities and International Communication of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: gragozin92@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 12.03.2021; accepted for publication 01.04.2024

Научная статья

УДК 069(1-21) (025.177)

doi: 10.17223/19988613/88/19

Судьба фотографических коллекций императрицы Марии Федоровны в 1920–1930-е гг. По материалам архивов Санкт-Петербурга

Маргарита Игоревна Фомкина

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия, ritakisil@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию судеб фотографических коллекций вдовствующей императрицы Марии Федоровны, хранившихся к моменту Февральской революции в Аничковом дворце в Петрограде и в Большом Гатчинском дворце. Хронологические рамки исследования – период 1920–1930-х гг. В первое послереволюционное двадцатилетие, когда формировалась советская архивная и музейная система, фотографии в коллекциях бывших императорских дворцов оказались между двух полюсов: они как документы на бумажном носителе принадлежали архивному миру, а в качестве «показательного материала» интересовали музейных работников. В основу исследования легли материалы Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, архива Государственного Эрмитажа и архива Государственного музея-заповедника «Гатчина».

Ключевые слова: фотография, музей, императрица Мария Федоровна, Аничков дворец, Гатчинский дворец

Для цитирования: Фомкина М.И. Судьба фотографических коллекций императрицы Марии Федоровны в 1920–1930-е гг. По материалам архивов Санкт-Петербурга // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 164–170. doi: 10.17223/19988613/88/19

Original article

The fate of the Empress Maria Feodorovna photographic collections in the 1920s–1930s. Based on documents from the Saint Petersburg archives

Margarita I. Fomkina

Independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation, ritakisil@mail.ru

Abstract. The family of the Emperor Alexander III was into photographic process and had a huge photographic collection. The collections of the Empress Maria Feodorovna by the time of the February revolution of 1917 numbered several tens of thousands of images. The main part of them was stored in two places: in the Anichkov Palace in St. Petersburg and in the Gatchina Palace in the suburb. The purpose of the research is to trace some ways of moving these photographic collections. The article is based on materials from the archives of St. Petersburg (Literature and Arts Central State Archive of St. Petersburg, the archive of Gatchina State Museum-Reserve and the archive of The State Hermitage).

The first museum curators tried to keep the interiors of the palaces-museums intact. The abundance of photographs in these interiors played a large role in the characterization of the last emperors. The private rooms of the Anichkov Palace, which became part of the City Museum in October 1918, and the Imperial chambers of the Gatchina Palace remained intact.

In 1923, two laws were issued: "On the concentration in the Central archive of the RSFSR archives of the active leaders of the counterrevolution, as well as persons who emigrated abroad since 1917", and "On the concentration in the Central archive of the RSFSR archives of the Romanov family and some other persons". They obliged museums to hand over their existing Imperial documents and photographs to the archives. Although the first seizure of documents from the Gatchina Palace was carried out in the spring of 1917, this process has accelerated since 1923. It was a long process, which was delayed for 10 years. Nevertheless, a significant part of the photographs continued to be displayed in museums throughout the 1920s and 1930s.

In the 1920s, the curators several times sealed the Royal documents and photos from the Anichkov Palace, but we do not know if they planned to transfer them somewhere and if they did it. When the historic premises of the Anichkovo Palace were destroyed in 1927–28, the majority of the photographs were transferred to the Gatchina Palace Museum instead of the archive as required by the 1923 decrees.

The removal of photographs as parts of the Imperial archives was delayed for the first decade of Soviet power, because curators did not know their huge collection well. Photos were discovered gradually, during the inventory of the museum property, and when they were discovered, some of them were handed over to the archive. Archivists were mainly interested in documents, and photos were taken together (and at the same time) with documents. "Imperial" photographs were well represented in exhibitions and were not considered as "harmful" material, so they were not prohibited.

Keywords: photography, Museum, Empress Maria Feodorovna, Anichkov Palace, Gatchina Palace

For citation: Fomkina, M.I. (2024) The fate of the Empress Maria Feodorovna photographic collections in the 1920s–1930s. Based on documents from the Saint Petersburg archives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 164–170. doi: 10.17223/19988613/88/19

Памяти Елены Анатольевны Агафоновой

В последнее десятилетие XIX в. весь мир переживал «фотографическую лихорадку», которая была связана с появлением на рынке дешевых и, главное, простых в управлении фотоаппаратов фирмы Kodak. Фотографический процесс больше не требовал какой-либо технической подготовки и становился доступным всем, даже детям. Семья императора Александра III не осталась в стороне от модного технического веяния и обладала огромными фотографическими коллекциями. Фотографии, студийные, выполненные известными мастерами, часто имевшими звание «поставщиков двора», но по большей части любительские, не предназначенные для широкого круга зрителей, украшали интерьеры личных комнат императоров, рамки стояли на рабочих столах кабинетов, в большом количестве их развешивали на стенах спален, ванных и туалетных комнат. Фотоснимки бережно хранились в папках, альбомах и россыпью в личных архивах членов императорской семьи вместе с дневниками, письмами и другими «интимными» документами.

Фотографические коллекции императрицы Марии Федоровны насчитывали несколько десятков тысяч изображений. Основная их часть относилась ко времени 1890-х – 1914 гг. Нижняя граница определена появлением у императрицы собственного фотоаппарата, верхняя – началом Первой мировой войны, когда досуг в жизни императорского двора ушел на второй план.

Фотоснимки как часть личной, семейной истории хранились в первую очередь там, где их хозяин бывал регулярно, т.е. в обжитых императорских интерьерах [1. С. 72]. В 1866 г. молодая датская принцесса Мария София Фредерика Дагмар (в православии – Мария Федоровна), выйдя замуж за наследника престола великого князя Александра Александровича, поселяется в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. После вступления супружеской четы на престол в 1881 г. Аничков дворец принимает на себя роль императорского дома. С 1915 г. вдовствующая императрица жила в Маринском дворце в Киеве, последний раз она посещала Аничков дворец в мае 1916 г. [2. С. 228]. После Февральской революции 1917 г. Мария Федоровна переехала в Крым, а еще через два года на борту британского линкора «Мальборо» навсегда покинула Россию. Загородной резиденцией семьи Александра III был Большой дворец в Гатчине. С началом Первой мировой войны царская семья стала бывать здесь редко, последний раз Мария Федоровна была во дворце в 1915 г.

Таким образом, основная часть личных фотографических архивов Марии Федоровны к моменту Февральской революции оказалась сосредоточена в Аничковом дворце в Петрограде и в Гатчинском дворце. Вероятно, часть бумаг вдовствующей императрицы после 1916 г. находилась в Маринском дворце в Киеве, а после 1917 г. в Крыму. Часть личных документов вдовствующая императрица вывезла за рубеж. Об этом свидетельствует обнаруженный в конце XX в. в Великобритании, в доме, где Мария Федоровна жила после

эмиграции, саквояж с рукописными документами [3. С. 18–19]. В нем были дневники за 1916 г., апрель – декабрь 1917 г., 1918, 1920 и 1923 гг. Нам неизвестно, были ли среди этих документов фотографии.

После Февральской революции заведование «дворцами, художественными хранилищами и другими имуществами» Министерства императорского двора было поручено земскому деятелю, одному из основателей партии кадетов Ф.А. Головину [4. С. 28]. В конце мая 1917 г. по его приказу при пригородных императорских резиденциях были учреждены художественно-исторические комиссии. В начале июня свою работу начали Петергофская, Гатчинская и Царскосельская комиссии, чуть позже к ним присоединилась еще одна – Петроградская. Несмотря на начавшуюся работу по учету и постановке на государственный баланс документов и имущества бывших императорских резиденций, Временное правительство так и не сумело создать новую систему управления ими. Эту задачу решало уже большевистское правительство.

Аничков дворец, хотя и продолжал находиться после отречения императора в ведении уже «бывшего» Министерства двора, весной 1917 г. частично был занят Министерством продовольствия. В марте 1918 г. дворец был передан в ведение Комиссариата имуществ Республики, через месяц в нем началось создание Музея города. На должность комиссара дворца был назначен В.И. Ерыкалов [5. С. 161]. Позже он возглавит Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, а затем Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда [6. С. 30].

В октябре 1918 г. Музей города в Аничковом дворце был открыт. Его директором стал архитектор и один из активных инициаторов его создания Л.А. Ильин, хранителем исторических комнат дворца (бывших личных покоев Александра III, Марии Федоровны и их детей) был назначен В.К. Клингенберг, заведовал имуществом исторических комнат С.Е. Бабенко. Двое последних в 1921 г. были зачислены в штат Петроградского отделения Государственного музейного фонда [6. С. 42], выросшего из Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины. Под названием «Искусство в жизни города» исторические комнаты вошли в состав одного из семи отделов музея [6. С. 149].

В первые годы советской власти жилые интерьеры музеефицированных императорских резиденций старались сохранить в том виде, в каком «их застигла катастрофа» [7. С. 72]. Такого рода экспозиции были открыты в Гатчинском дворце, в Александровском дворце в Царском селе, на Нижней даче в Петергофе. Этот принцип был применен и по отношению к личным комнатам Марии Федоровны в Аничковом дворце [5. С. 191]. Обилие фотографий в этих комнатах служило важным штрихом к характеристике их хозяев, и поэтому фотографические коллекции являлись неотъемлемой частью интерьеров.

В 1923 г. руководящий орган управления архивной отраслью страны Центрархив РСФСР инициировал принятие двух декретов, регламентировавших порядок обращения с документальным наследием бывшей императорской фамилии. Декрет СНК РСФСР от 2 августа 1923 г. «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 г.» обязывал все учреждения сдать в трехмесячный срок Управлению Центрархива списки находящихся в их ведении архивных материалов, к которым среди прочего относились официальные документы, мемуары, дневники, личная переписка и фотографические снимки. После получения списков Управление по согласованию с учреждениями и должностными лицами устанавливало сроки сдачи этих документов в Единый государственный архивный фонд. Сроки определялись «в зависимости от использования учреждениями этих материалов для непосредственных ведомственных заданий» [8. С. 12]. Другой декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 12 сентября 1923 г. «О сосредоточении в центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых (бывшей царской фамилии) и некоторых других лиц» обязывал сдавать в политическую секцию Госархива РСФСР архивы Романовых, включая мемуары, дневники, личную переписку и фотографические коллекции. Имеющие такие материалы учреждения сначала заявляли о них в Управление Центрархива, а затем согласно порядку, устанавливаемому Управлением, сдавали их в ЕГАФ [8. С. 12–13].

На протяжении 1917 г. Петроградская художественно-историческая комиссия так и не приступила к инвентаризации имущества Аничкова дворца [5. С. 230], потому что была занята учетом и приемкой сокровищ других резиденций, прежде всего императорского Зимнего дворца. Первые описи коллекций Аничкова дворца начали формироваться с 1919 г., над ними работали сотрудники Музея города. Эти описи составлены по топографии экспозиции (по залам) и фиксируют несколько фотографических альбомов в исторических комнатах дворца [9. Л. 59–60]. Они очень короткие и, вероятно, неполные.

Работа по составлению полных описей исторических комнат началась только в 1923 г., после публикации декрета ВЦИК и СНК «Об учете и регистрации предметов искусства и старины» [5. С. 243]. Фотографии в этих описях для ускорения процесса инвентаризации учитывались «пачками, по определенным признакам» [10. Л. 9]. Эту работу Музей города окончательно завершил в 1928 г. На сегодняшний день нам лишь известно о проведении этой работы, но сами описи в городских архивных фондах не выявлены.

Тем не менее в фонде Музея города в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга сохранилось несколько актов, рассказывающих о действиях музейных сотрудников в отношении документальных коллекций исторических комнат дворца в 1920-е гг. Акт, датированный октябрём 1922 г., фиксирует, как В.К. Клингенберг «извлек из ящиков письменного стола и шифоньера личных комнат импе-

ратрицы Марии Федоровны, а также из различных шкапулов все хранившиеся там фотографии, письма и документы и уложил их в два сундука (в один – фотографии, во второй – все остальное), которые запер на ключ и опечатал» [11. Л. 47–48]. Через две недели то же было сделано с письмами, документами и фотографиями, найденными в кабинете Александра III [11. Л. 49]. Еще несколько ящиков с имуществом Александра III (среди которого числятся и фотографии) было обнаружено в июне 1923 г. Эти ящики также были опечатаны [11. Л. 51–52]. В августе 1924 г. такая же участь ожидала фотографии в гардеробной Марии Федоровны [11. Л. 54]. Периодически ящики вскрывали и что-то в них докладывали, эти действия обязательно фиксировались соответствующими актами [11. Л. 55–56]. Очевидно, эти материалы готовились куда-то передать, но было ли это в итоге осуществлено, неизвестно.

Осенью 1927 г. в связи с нуждами Высших курсов коммунального хозяйства, действовавших при музее, начался процесс ликвидации обстановки исторических комнат дворца [5. С. 242–245]. В это время Музей города передавал документальные материалы императорской семьи в Ленинградский Центральный исторический архив (ЛЦИА): 24 ноября уполномоченный Центрархива РСФСР в Ленинграде и сотрудник ЛЦИА К. Лобов принял 108 связок «обнаруженного в Аничковом дворце архивного материала, относящегося к старой армии» [11. Л. 85]. 6 февраля 1928 г. ЛЦИА получил 220 писем и записок Александра II и Александра III [11. Л. 100], 11 февраля 1928 г. – 12 пакетов рукописного и фотографического материала [11. Л. 95]. В этот же день был вскрыт шкаф в гардеробной Марии Федоровны. После проверки специальной комиссией, в составе которой был сотрудник ГПУ С.Я. Рудовский, фамильная переписка Романовых также была передана в ЛЦИА [11. Л. 96–96 об.]. Еще одна передача состоялась 15 февраля, когда ЛЦИА получил 696 коробок пленок, 5 негативов и две пачки фотографий [11. Л. 102].

Когда 5 января 1928 г. свое согласие на ликвидацию исторических помещений дворца дала Главнаука [12. С. 322], распределением имущества исторических комнат, в том числе документальных и фотографических коллекций, занялся Ленинградский Государственный музейный фонд. Обычно этот процесс происходил следующим образом: имущество вывозилось на склады фонда, где составлялась его подробная опись, и уже со складов предметы перераспределялись в различные советские организации. Но в 1928 г. сам Ленинградский ГМФ находился в процессе ликвидации, поэтому предметы из Аничкова дворца не проводились через его учетные документы и не были перевезены на его склады [13. Л. 303 об.], а сразу отправились в конечный пункт назначения; для основной части фотографических архивов им оказался Гатчинский дворец-музей. Сюда в конце июля и в августе 1928 г. по нескольким актам было передано около полутора тысяч фотографий из исторических комнат Аничкова дворца. В актах передачи эти фотографии довольно хорошо аннотированы: указаны изображенные на снимке, формат фотографии, иногда присутствуют датировка

и отметка о степени сохранности. Среди этих снимков значительную долю занимают семейные, неофициальные фотографии. Об этом можно судить по аннотациям к ним, например: «Фотография Александра III в овальной черной кожаной раме с надписью “САША”», «Александр III играет с собакой в присутствии дочери в Фреденсберге в 1887 г. в дубовой раме», «Фотографии великих княжон за уроками живописи под стеклом в желтой дубовой раме», «Александр III с сыновьями, кормящий гусей и уток в Гатчине в 1888 г., в дубовой раме под стеклом» или 49 снимков «пикников, пирушек и других развлечений с участием великих князей и великих княгинь» [14. Л. 4 об.–16].

В Гатчину также отправилось несколько фотографических альбомов и несколько десятков фотографических коллекций, сформированных по запечатленным на фотографиях персонам. Например, «коллекция одиночных портретов Николая Александровича разных размеров, 12 шт.», «коллекция фотографий на картонах бывшего императора Александра III в группах, разные размеры, 68 шт.», «коллекция фотографий на картонах бывшей великой княжны Ксении Александровны, разные размеры, 8 шт.», «коллекция одиночных портретов великого князя Михаила Александровича, разные размеры, 18 шт.» и т.д. Наибольший интерес представляют 22 «стереоскопических снимка поездки в Копенгаген бывшей императрицы Марии Федоровны и бывшего императора Николая II с женой» и огромный (размером 143,5 × 110 см) фотографический портрет Александра III «в черной раме с позолотой». Помимо фотографий в Гатчину было передано небольшое количество других документов, среди которых папка с рисунками детей Александра III и детские письма [14. Л. 7–11]. Все эти вещи формально были зарегистрированы в актах приема-передачи как полученные из Государственного музейного фонда, хотя фактически были перевезены напрямую из Аничкова дворца.

Интересно, что 25 октября 1928 г. Коллегия Центрархива «признала необходимым привлечь к ответственности заведующего Музеем города Л.А. Ильина за сокрытие архивов Романовых. Материал по этому поводу был передан Центрархивом в Прокуратуру» [15. С. 11]. Вероятно, музей не передавал сведений об этих материалах в Центрархив, как того требовали декреты 1923 г., и информацию о их наличии в музее последний получил только в процессе ликвидации исторических комнат. Музей города в Аничковом дворце просуществовал до 1935 г. В 1937 г. в здании открылся Ленинградский дворец пионеров.

Целостность фотографических коллекций Гатчинского дворца в 1920–1930-е гг. также была нарушена. В марте 1917 г. документы в кабинете и приемных императора Александра III, а также в кабинете и спальне вдовствующей императрицы Марии Федоровны, опечатали [16. С. 2]. Чуть позже личные комнаты царской семьи обследовала комиссия во главе с князем Н.В. Голицыным, которая изыала из дворца «документы, относящиеся к царской семье» [17. Л. 10]. В это время Голицын возглавлял Государственный архив Российской империи, поэтому логично предположить,

что материалы были направлены именно туда. Нам неизвестно, что именно было изъято комиссией, описей этих документов в Петербургских архивах не обнаружено. Позже сотрудники Гатчинского дворца-музея сами признавались, что не знают состава изъятого материала, потому что «от этого года сохранилось только 4 акта» [17. Л. 10]. Возможно, решение изъять некоторые документы из императорских дворцов было принято правительством по инициативе самого Ф.А. Головина, который 29 мая 1917 г. писал министру иностранных дел М.И. Терещенко о том, что «бумаги бывшей императорской семьи целесообразно сосредоточить в Государственном архиве, являющемся хранилищем старого романовского архива» (Кононов Ю.Ф. Из истории бывшего Государственного архива (Российской империи) (1801–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. С. 38. Цит. по: [18. С. 56]).

С лета 1917 г. в Гатчине работала Художественно-историческая комиссия, возглавляемая основателем Института истории искусств, графом В.П. Зубовым. В мае 1918 г. Гатчинский дворец открыл свои двери для посетителей [19. С. 105]. В июне того же года на должность заведующего Гатчинским дворцом был назначен В.К. Макаров, бывший ранее членом Петергофской художественно-исторической комиссии. Составление инвентарных описей в Гатчинском дворце-музее началось в 1918 г. и затянулось почти на 10 лет, из-за чего они были составлены «очень неровно» [20. Л. 28].

В ходе инвентаризации музейного имущества в Большом дворце постоянно обнаруживались все новые материалы. Так, в 1921 г. в одной из кладовых дворца был найден сундук с документами, «касающимися бывшей царской семьи» [17. Л. 10]. В этом же году обнаружили «детские документы Михаила Александровича». В 1922 г. «весьма ценные документы» были найдены в сундуках в подвале главного корпуса дворца, «среди одежды оказались дневники Марии Федоровны и бумаги и дневники Георгия Александровича» [17. Л. 10]. Акт от 1 апреля 1922 г., подписанный со стороны Центрархива РСФСР инспектором М.С. Вишневым, дает некоторое представление об этих «весьма ценных документах». Среди них перечислены телеграммы, письма, дневник Марии Федоровны, дневники Михаила Александровича; фотографии в списке не упоминаются [17. Л. 11–12 об.].

В 1920–1930-е гг. единого фотофонда в Гатчинском дворце-музее не существовало. Музейные описи этого времени составлялись по залам экспозиции. Часто одним и тем же инвентарным номером объединялись шкаф и все находящиеся в нем предметы – книги, фотографии, альбомы, акварели, фарфор и т.д. [20. Л. 34]. Судя по всему, номера присваивались мебели (шкафам, столам), но не документам, книгам и фотографиям в них. Тем не менее некоторое общее представление о фотографии в составе фондов музея эти описи дают.

Большое количество фотографического материала присутствовало в комнатах Александра III. В «Описи рабочей комнаты» императора за 1925 г. значатся четыре фотографических портрета в папке, папка с 34 листами с фотографиями, выполненными графом Ностицем, два альбома с фотографиями маневров [21. Л. 2, 4 об.].

Фотографии также присутствуют в описях первой и второй уборных Александра III [22]. 26 июля 1924 г. А.Н. Бенуа пишет в своем дневнике: «За последние дни заходил в комнаты Александра III [в Гатчине] и в полном одиночестве <...> разглядывал до одури, до ощущения физической тошноты альбомы кодаков (фотографий) Марии Федоровны» [23]. Через два года об обстановке этих комнат писал и А.В. Луначарский: «Вся обстановка до невозможности безвкусна, случайна, где попало купленная мебель, множество фотографий, предвещающих уже тот фотографический потоп, который зальет мельцеровские комнаты его (Александра III) сына» [24. С. 188].

В комнатах великой княгини Ксении Александровны описи фиксируют детские вещи, игрушки, безделушки, множество фотографий в рамках [25]. Наибольшее количество снимков фигурирует в описях комнат великого князя Михаила Александровича. В первой комнате апартаментов «на этажерке 118 альбомов с любительскими photographиями и футляр с photographиями» [26. Л. 5 об.], в комодке – «коробка со снимками для стереоскопа, 4 фотоаппарата разных систем» [26. Л. 6], в шкафу – «87 альбомов с фотографическими снимками, 22 пакета с photographиями» и т.д. [26. Л. 1]. Значительное количество фотографий оставалось в комнатах Марии Федоровны.

С 1926 г. Гатчинский дворец-музей начинает систематически выдавать предметы в Госфонд. Иногда среди таких предметов встречаются и фотографии «в драгоценных рамках», множество отдельных рамок для фотографий, фотоаппараты и принадлежности к ним [27. Л. 2, 7 об., 57 об.]. На протяжении 1920-х гг. в Гатчинский дворец-музей поступали фотографии из Государственного музейного фонда. 8 июня 1928 г. из Отдела графики в музей поступило несколько фотографий и альбомов с видами Гатчины, несколько снимков царской семьи 1850-х гг., пересъемка живописных портретов [28. Л. 112]. В этом же году музей получает большое количество императорских снимков из ликвидированных исторических комнат Музея города.

Самые полные описи Большого Гатчинского дворца были составлены во время генеральной инвентаризации 1938–1939 гг. Они снова фиксируют большое количество фотографий в комнатах Александра III и Марии Федоровны (13 810 единиц фотоснимков, в том числе 85 альбомов), в гардеробной и ванной (5 084 фотографии) и в других жилых апартаментах [29. С. 19–21].

Фотографии в описях этих комнат хорошо аннотированы: указаны формат (кабинетный, визитный или в сантиметрах), автор (видимо, если фотография на бланке), напротив некоторых снимков стоит примечание: «Любительская». Источником поступления многих снимков, изображающих Марию Федоровну, указан Аничков дворец [30]. Не считая перечисления снимков в интерьерах, специально фотографическим материалам Гатчинского дворца-музея посвящено 15 инвентаризационных книг [1. С. 73].

Таким образом, личные комнаты Гатчинского дворца начали освобождаться от документальных материалов уже весной 1917 г. Через несколько лет к этому процессу присоединились и бывшие жилые комнаты Аничкова дворца. Процесс изъятия из этих резиденций архивов Романовых затянулся на все первое двадцатилетие советской власти. Декреты 1923 г. не смогли ускорить этот процесс, потому что сотрудники Музея города в Аничковом дворце и Гатчинского дворца-музея сами не знали точного состава хранимых ими документальных и фотографических коллекций. Эти материалы «открывались» музейным сотрудникам постепенно, в процессе инвентаризации музейного имущества, которая в связи с малочисленностью музейных работников и большими задачами, поставленными перед ними, сильно затянулась. Обнаруженные фотоснимки могли передаваться в Центрархив, но значительная доля фотографий продолжала оставаться в музеях. Отклонение от четкого исполнения вышеназванных декретов было связано с двумя моментами. Во-первых, фотографии сами по себе архивистов интересовали мало, их внимание в первую очередь было сосредоточено на документах и рукописных материалах. Фотографии если и изымались из музеефицированных дворцов, то вместе (и заодно) с документами и всегда имели комплементарный характер. Во-вторых, сами музейные хранители не спешили передавать фотографические материалы в архивы, потому что те представляли собой важную часть историко-бытовых экспозиций, развернутых в бывших императорских резиденциях. Этим можно объяснить и тот факт, что после ликвидации обстановки исторических комнат Аничкова дворца фотоснимки из его исторических интерьеров были переданы, вопреки декретам, в Гатчинский дворец-музей. «Императорские» фотографии в большом количестве присутствовали в экспозициях и не считались «вредным» материалом.

Список источников

1. Фарафонова А.Н. Историческая коллекция фотографий Гатчинского дворца. Перспективы восстановления утраченного собрания фотографий, сделанных до 1917 г. // 30-летие с момента открытия для посетителей первых залов Гатчинского дворца, отреставрированных после Второй мировой войны: материалы науч. конф. (Гатчина, 14 мая 2015 г.). Гатчина, 2015. С. 70–77.
2. Дневники императора Николая II (1894–1918) : в 2 т. / отв. ред. С.В. Мironenko. М. : РОССПЭН, 2013. Т. 2: 1905–1918, ч. 1: 1905–1913. 824 с.
3. Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.) / сост., рук. пер. коллектива и науч. ред. Ю.В. Кудрина. М. : Вагриус, 2005. 701 с.
4. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: март–окт. 1917 г. : в 4 т. / Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации. М. : РОССПЭН, 2001. Т. I: март–апрель 1917 г. 448 с.
5. Петрова Л.И. Городской музей и власть: 1880-е – 1930-е гг. (Петербургский городской музей, Музей старого Петербурга, Музей города) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 356 с.
6. Иванов Д. В. Революции и коллекции. Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб: МАЭ РАН, 2018. 208 с.
7. Бенуа А.Н. Дворцы-музеи // Александр Бенуа размышляет... М. : Сов. художник, 1968. С. 71–83.
8. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу. Л. : Гос. изд-во РСФСР, 1925. 44 с.

9. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 72. Оп. 1. Д. 46.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 9.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 72. Оп. 1. Д. 43.
12. Гафифуллин Р.Р. Ленинградский Государственный музейный фонд. 1917–1929 гг. Структура и основные направления деятельности // Павловские чтения. Павловск, 2003. С. 314–326.
13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 397а.
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. 309. Оп. 1. Д. 31.
15. Добровская А.В., Горбунов И.Ю., Мироненко С.В. Государственный архив России. История формирования и комплектования (1920–1995) // Археографический ежегодник за 1995 г. М. : Наука, 1997. С. 3–28.
16. Фарафонова А.Н. Документы личного происхождения в архиве ГМЗ «Гатчина». Особенности комплектования и учета : доклад, прочитанный на семинаре «Формы использования документов личного происхождения в современных условиях (проблемы и перспективы)». Санкт-Петербург, 20 окт. 2017 г. URL: <https://spbarchives.ru/documents/Фарафонова.pdf> (дата обращения: 14.03.2020).
17. ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 133.
18. История Государственного архива Российской Федерации: документы, статьи, воспоминания / отв. ред. С.В. Мироненко; отв. сост. О.Н. Копылова; сост. Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов и др. М. : РОССПЭН, 2010. 694 с.
19. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть : сб. науч. трудов НИИ культуры : в 2 ч. М. : НИИК, 1991. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). С. 96–172.
20. Архив ГМЗ «Гатчина» (НВА ГДМ). Д. 1276.
21. НВА ГДМ. Д. 1282.
22. НВА ГДМ. Д. 1281.
23. Бенуа А.Н. Дневники. 26 июля 1924 г. URL: <http://indbooks.in/mirror3.ru/?p=86146> (дата обращения: 17.03.2020).
24. Луначарский А.В. Почему мы охраняем дворцы Романовых. Путевые заметки // Об искусстве. М. : Искусство, 1982. Т. 2: Русское советское искусство. С. 179–193.
25. НВА ГДМ. Д. 1279.
26. НВА ГДМ. Д. 1280.
27. НВА ГДМ. Д. 1273.
28. Архив Государственного Эрмитажа. Ф. IV. Оп. 1. Д. 268.
29. Рыженко И.Э., Фарафонова А.Н. Гатчинский дворец и парк: фотолетопись до 1917 г. СПб. : Лики России, 2016. 399 с.
30. НВА ГДМ. Д. 1402.

References

1. Farafonova, A.N. (2015) Istoricheskaya kollektsiya fotografii Gatchinskogo dvortsa. Perspektivy vosstanovleniya utrachennogo sobraniya fotografii, sdannykh do 1917 g. [A historical collection of photographs of the Gatchina Palace. Prospects for restoring the lost collection of photographs taken before 1917]. *30-letie s momenta otkrytiya dlya posetiteley pervykh zalov Gatchinskogo dvortsa, otrestavirovannykh posle Vtoroy mirovoy voyny [30th anniversary of the opening of the first halls of the Gatchina Palace, restored after WWII]*. Proc. of the Conference. Gatchina, May 14, 2015. Gatchina. pp. 70–77.
2. Mironenko, S.V. (2013) *Dnevnik imperatora Nikolaya II (1894–1918)* [Diaries of Emperor Nicholas II (1894–1918)]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
3. Kudrina, Yu.V. (ed.) (2005) *Dnevnik imperatritsy Marii Fedorovny (1914–1920, 1923 gg.)* [Diaries of Empress Maria Feodorovna (1914–1920, 1923)]. Moscow: Vagrus.
4. The Archive of Modern Russian History. (2001) *Zhurnaly zasedaniy Vremennogo pravitel'stva: mart–okt. 1917 g.* [Journals of meetings of the Provisional Government: March–October. 1917]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
5. Petrova, L.I. (2014) *Gorodskoy muzey i vlast': 1880-e – 1930-e gg. (Peterburgskiy gorodskoy muzey, Muzey starogo Peterburga, Muzey goroda)* [City Museum and Power: 1880s – 1930s. (St. Petersburg City Museum, Museum of Old Petersburg, City Museum)]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
6. Ivanov, D.V. (2018) *Revolutsii i kollektsii. Petrogradskoe (Leningradskoe) otdelenie Gosudarstvennogo muzeynogo fonda i Muzey antropologii i etnografii* [Revolutions and collections. Petrograd (Leningrad) Branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg: MAE RAS.
7. Benois, A.N. (1968) *Aleksandr Benua razmyshlyaet...* [Alexander Benois reflects...]. Moscow: Sovetskii khudozhnik. pp. 71–83.
8. RSFSR. (1925) *Sbornik uzakoneni i rasporyazheniy po arkhivnomu delu* [Collection of laws and regulations on archival matters]. Leningrad: Gos. izd-vo RSFSR.
9. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TSGALI St. Petersburg). Fund 72. List 1. File 46.
10. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TSGALI St. Petersburg). Fund 72. List 1. File 9.
11. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TSGALI St. Petersburg). Fund 72. List 1. File 43.
12. Gafifullin, R.R. (2003) Leningradskiy Gosudarstvennyy muzeyny fond. 1917–1929 gg. Struktura i osnovnye napravleniya deyatelnosti [Leningrad State Museum Fund. 1917–1929 Structure and main directions of activity]. In: Tretyakov, N.S. (ed.) *Pavlovskie chteniya* [The Pavlovsk Readings]. Pavlovsk: Art-Palas. pp. 314–326.
13. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TSGALI St. Petersburg). Fund 36. List 1. File 397a.
14. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TSGALI St. Petersburg). Fund 309. List 1. File 31.
15. Dobrovskaya, A.V., Gorbunov, I.Yu. & Mironenko, S.V. (1997) Gosudarstvennyy arkhiv Rossii. Istoriya formirovaniya i komplektovaniya (1920–1995) [The State Archives of Russia. History of formation and recruitment (1920–1995)]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1995 g.* [Archaeographic Yearbook for 1995]. Moscow: Nauka. pp. 3–28.
16. Farafonova, A.N. (2017) *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya v arkhive GMZ "Gatchina." Osobennosti komplektovaniya i ucheta* [Documents of personal origin in the archives of the Gatchina State Museum. Acquisition and accounting]. The report at the seminar “Forms of using personal documents in modern conditions (problems and prospects)”. St. Petersburg, October 20, 2017. [Online] Available from: <https://spbarchives.ru/documents/Farafonova.pdf> (Accessed: 14th March 2020).
17. The Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TSGALI St. Petersburg). Fund 36. List 1. File 133.
18. Mironenko, S.V. (ed.) (2010) *Istoriya Gosudarstvennogo arkhiva Rossiyskoy Federatsii: dokumenty, stat'i, vospominaniya* [History of the State Archive of the Russian Federation: Documents, articles, memories]. Moscow: ROSSPEN.
19. Kuzina, G.A. (1991) Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela v 1917–1941 gg. [The state policy in the field of museum affairs in 1917–1941]. In: *Muзей i vlast'* [Museum and Power]. Vol. 1. Moscow: NIIK. pp. 96–172.
20. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1276.
21. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1282.
22. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1281.
23. Benois, A.N. (1924) *Dnevnik. 26 iyulya 1924 g.* [Diaries. July 26, 1924]. [Online] Available from: <http://indbooks.in/mirror3.ru/?p=86146> (Accessed: 17th March 2020).
24. Lunacharskiy, A.V. (1982) *Ob iskusstve* [About art]. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo. pp. 179–193.

25. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1279.
26. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1280.
27. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1273.
28. The Archive of the State Hermitage. Fund IV. List 1. File 268.
29. Ryzhenko, I.E. & Farafonova, A.N. (2016) *Gatchinskiy dvorets i park: fotoletopis' do 1917 g.* [The Gatchina Palace and Park: A photo chronicle before 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.
30. The Archives of the Gatchina State Historical Museum (NVA GDM). File 1402.

Сведения об авторе:

Фомкина Маргарита Игоревна – независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ritakisil@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fomkina Margarita I. – Independent researcher (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ritakisil@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.06.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 26.06.2020; accepted for publication 01.04.2024

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 912.43

doi: 10.17223/19988613/88/20

Карты как антропологический источник (по материалам картографических источников Тюменского округа Тобольской губернии XIX в.)

Наталья Алексеевна Балюк¹, Софья Николаевна Щербич²

^{1,2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ n.a.balyuk@utmn.ru

² s.n.shherbich@utmn.ru

Аннотация. На основе картографических источников XIX в., которые впервые вводятся в научный оборот, рассматриваются особенности формирования и трансформации селитебной структуры сельских поселений в условиях северной лесостепной зоны Зауралья под влиянием природных, демографических, социальных факторов и антропогенных рисков. Высокий информационный ресурс карт позволил выявить принципы организации функционально-планировочной структуры и составляющие компоненты культурного ландшафта поселений, численный и социальный состав сельского населения, людность крестьянских дворов. Планы сельских поселений не засекречены, находятся в открытом доступе.

Ключевые слова: генеральное межевание, планы сельских поселений, Тюменский округ Тобольской губернии, селитебная структура, картографический метод, антропологический подход

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Гранта Правительства РФ № 075-15-2021-611 «Человек и меняющееся пространство Урала и Сибири», реализуемый на базе Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета.

Для цитирования: Балюк Н.А., Щербич С.Н. Карты как антропологический источник (по материалам картографических источников Тюменского округа Тобольской губернии XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 171–177. doi: 10.17223/19988613/88/20

Original article

Maps as anthropological source (based on materials of cartographic sources of the Tyumen district of the Tobolsk province of the 19th century)

Natalya A. Balyuk¹, Sofya N. Shcherbich²

^{1,2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ n.a.balyuk@utmn.ru

² s.n.shherbich@utmn.ru

Abstract. The aim of this research is to study the features of the rural settlement life space organization as well as the system of internal and external interaction of the peasant community with the natural, social and socio-cultural environment. The research relies on an anthropological approach. Also, the analysis of formation of organizational-planning and functional structures of rural settlements is used.

Within the framework of a major scientific problem of territorial organization of population and economy, it is relevant to consider the specifics of this process into the borders of Tyumen district of Tobolsk province. Tyumen district is located at the junction of two natural and climatic zones of the Trans-Urals - the middle forest-steppe and southern sub-taiga, which, in turn, influenced the development of the structure of productive forces as well as land use practices.

The study relies on the massive bulk of unique cartographic archival materials of the General Land Survey in the Tyumen district of the Tobolsk province of the 19th century from the fund of the GBUTO GATO, No. 49. It is planned to present these archival sources for the first time in scientific discourse. The plans of the villages under analysis are not classified and are publicly available.

The documentary basis for drawing up plans for rural settlements was formed by topographic surveys of the Corps of Military Topographers and other departments of the Russian Imperial Army. The archival materials show that in the

process of the land surveying, which was carried out from 1800 to 1880, with the aim of forming a reserve land fund "State quitrent articles", the interests of Russian old-timers, descendants of the first wave of settlers at the beginning of the 17th century, were significantly affected. The practice of the borrowed-tribal form of land ownership was preserved, which is a historical phenomenon, existed exclusively on the territory of the middle Trans-Urals in the 19th century.

Keywords: general surveying, plans for rural settlements, Tyumen district of Tobolsk province, residential structure, cartographic method, anthropological approach

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia" implemented on the basis of the School of Environment and Society Studies (Anthroposchool) of University of Tyumen.

For citation: Balyuk, N.A., Shcherbich, S.N. (2024) Maps as anthropological source (based on materials of cartographic sources of the Tyumen district of the Tobolsk province of the 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 171–177. doi: 10.17223/19988613/88/20

Введение

Учитывая высокую информативность планов сельских поселений как вида картографических источников, отражающих процесс формирования жизненного пространства человека, его размещения и взаимоотношений с окружающей природной средой, актуально рассмотрение этого потенциала в контексте антропологических аспектов пространственного мышления, опыта пространственной организации места развития. Необходимость введения картографических источников в научный оборот обусловлена отсутствием широкой практики их использования для изучения особенностей территориальной организации сельских поселений, их функционально-планировочной структуры, выявления факторов устойчивого развития экономики крестьянского хозяйства и форм землепользования, анализа численного и социального состава сельского населения, территориального планирования при условии роста демографических показателей, практики распланирования после пожаров, локации системы фискального контроля в условиях широкого распространения заимоно-родовой формы землевладения.

Изучение исторических карт является основой и при проведении историко-географического районирования территорий, где карты выступают «важным источником для выявления динамических тенденций, связанных как с природными, так и с социально-экономическими, политическими и культурно-историческими процессами» [1]. Основным методом, который позволяет на протяжении длительных временных исторических периодов проследить трансформации территорий, является картографический анализ, успешно применяемый при фиксации изменений административно-территориальных границ населенных пунктов [2]. Карты как исторический источник и картографический метод в источниковедении получили довольно подробное освещение в трудах Б.Г. Литвака, С.И. Сотниковой, где отмечается, что «на первый взгляд этот метод ничего нового для историка и источниковеда не представляет, так как карта как средство иллюстрации давно вошла в научный и учебный оборот. Здесь можно было бы поставить точку, если бы палитра картографического метода была одноцветной и сводилась бы только к известным историкам картам границ, боевых действий, революционных событий и т.п. На деле оказывается, что современный картографический метод ставит целью не столько выразительно иллюстрировать, сколько спо-

собствовать глубокому исследованию явлений при помощи разработанных им приемов обобщения и преобразования массовых фактов. Именно данная сторона картографического метода и представляет интерес при изучении массовых источников и оперировании их данными» [3]. Исходя из этого, рассмотрение массовых картографических источников сельских поселений Тюменского округа Тобольской губернии с позиции антропологии пространства представляется для нас перспективным и предпринимается на этом материале впервые.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования картографических источников составляют принципы объективности, историзма и системности. Принцип системности ориентирует на анализ фактов как проявления системных явлений. Использование этого принципа в сочетании с антропологическим подходом позволяет выявить определенные закономерности в территориальном развитии, функционировании крестьянского землепользования, установить взаимосвязи между различными факторами воздействия – природными, демографическими, социально-экономическими.

В исследовании проблем исторического развития антропологический подход является одной из важных парадигм изучения прошлого человека, событий и процессов, происходивших в разные эпохи. В соотношении с картографическим методом антропологический подход реализуется при оценке результатов человеческой деятельности, степени антропогенных воздействий на окружающую среду в пределах исследуемой территории за определенный период [4].

Ф.М. Далгат при рассмотрении сущности историко-антропологического подхода в исторических исследованиях отмечает целесообразность его применения в проблемном поле изучения повседневности как культурно-исторического явления и анализе социальных практик субъектов [5. С. 135–137].

Для анализа картографического изображения и информационного потенциала карт сельских поселений Тюменского округа Тобольской губернии используется картографический метод. Суть этого метода заключается в использовании карт для познания изображенных на них явлений. Метод предполагает анализ, интерпретацию и обобщение включенной в карту информации, которая обусловлена целью создания карты. Из четырех

последовательных стадий использования карт в данном исследовании применима третья стадия изучения (чтения) карты для извлечения из нее информации об отображенных на ней сельских поселениях, явлениях с дополнительной обработкой получаемых по карте данных; на четвертой стадии создается представление о размещении, состоянии, взаимосвязях и динамике показанных явлений, их новый образ, анализ и истолкование которого приводит к расширению и обогащению знаний об изучаемой действительности.

Значительный информационный потенциал вводимых в научный оборот картографических источников с развернутым описанием особенностей территориальной организации сельских поселений позволяет рассматривать проблему в комплексном, междисциплинарном формате, включающем картографический метод и историко-антропологический подход к анализу истории сельской территории на уровне функциональных микроструктур селитебных каркасов поселений, включающих жилые зоны – домовладения и приусадебные участки, подсобные помещения, бани, функциональные зоны по переработке сельскохозяйственного сырья, объекты социальной инфраструктуры (храмы, образовательные учреждения, места для торговли, зоны погребений, органы сельского управления, систему транспортных коммуникаций).

Таким образом, необходимость детальной теоретической проработки содержания картографических источников требует применения комплексного междисциплинарного и системного подходов. В контексте картографического анализа это позволяет рассматривать картографический источник как единую информационную систему и выделять в ее внутренней структуре составляющие компоненты и принципы внутреннего взаимодействия.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности организации жизненного пространства сельского поселения и систему внутреннего и внешнего взаимодействия крестьянского сообщества с природной, общественной и социокультурной средой на основе антропологического подхода и анализа практики территориальной организации функционально-планировочной структуры сельских поселений по данным картографических материалов Генерального межевания в Тюменском округе Тобольской губернии XIX в.

Анализ

В фонде ГБУТО «Государственный архив Тюменской области» (ГБУТО ГАТО) И-49 выявлена коллекция уникальных картографических источников – планы деревень, составленные в ходе Генерального межевания сельскохозяйственных земель и сельских поселений в Тюменском уезде – округе Тобольской губернии. Начало формирования этого фонда картографических источников относится ко второй половине XVIII в. в связи с проведением на территории Зауралья первого Генерального межевания земель для формирования государственного земельного фонда и его официального распределения между переселенцами, земледельческими общинами, сельскими обществами. Наиболее

эффективной мерой для решения этой проблемы стало принятие Екатериной II Манифеста 1765 г. о проведении поуездного межевания земель. Этот процесс сопровождался крупными административными преобразованиями, введением системы волостного деления, формированием резервного земельного фонда «Казенные оброчные статьи» для передачи земельных угодий в аренду.

В XIX в. процесс Генерального межевания затронул интересы крестьян-старожилов, среди которых была распространена заимочно-родовая форма землеустройства, в условиях которой крестьяне «по старине» фактически сохраняли за собой право свободного распоряжения «росчистями» – пашенной землей, которую несколько предшествующих поколений своими силами освобождали из-под леса, распахивали вековые целинные земли [4. С. 71–73].

В начале XX в. процесс межевания земель проходил крайне медленно, на территории Тобольской губернии было обмежевано только 11% всех земель сельскохозяйственного назначения [6. С. 71–73].

Ниже представлен общий аннотированный перечень картографических источников, планов сельских поселений, которые впервые вводятся в научный оборот (орфография источников сохранена):

1. «Карта Тюменского уезда (округа) представляющая местное положение сего уезда, состоящего из четырёх Комиссарств, составляющих из двадцати русских <...> и для збору ясака из четырёх татарских волостей со означением губернских и уездных почтовых и просёлочных дорог и живых урочищ учинена в Тобольске 1808 года для квартирново назначения...» «В городе Тюмень пехотный полк...».

2. «План Тобольской губернии, Тюменского уезда (округа), Богандинской волости, распланированной деревни Гилевой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 г. за № 4771 в июле месяце 1866 г. Окружным землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану. На плане деревни Гилевой домовладения: Гилевых, Колмаковых, Захаровых, Тюльковых, Кругловых, Болдыревых. Гилевский сельский староста Никита Алексеевич Гилев».

3. «Геометрический специальный план Тобольской губернии, Тюменского округа дачи отхожей земли, принадлежащей к юртам Салаирским и Ново Шабобинским, владение Бухарцов рода Усмана Шабобина и живущего в городе Тюмени надворного Советника Фёдора Иванова сына Текутьева. Межевание учинено в 1836 году августа 17 дня по указу Тобольской Казённой Палаты, Тюменским Окружным землемером Ивановым...».

4. «План Тобольской губернии, Тюменского округа, Бухарской волости, распланированным юртам Енбаевским, распланирование произведено согласно распоряжения Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года за № 4841, в июле месяце 1880 года и согласно предписания Тобольского Губернского Землемера, от 23 мая 1881 года за № 491, вновь произведено распланирование после пожара в 29 число мая месяца 1881 года Тобольским Младшим Окружным

Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

5. План деревни Решетниковой.

6. План деревни Зырянская.

7. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Каменской волости, распланированного села Каменского, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841, Старшим Окружным Землемером Овешковым, в декабре месяце 1884 года. План составлен по магнитному меридиану».

8. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Каменской волости, распланированной деревни Кулиги, распланирование произведено, согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841, Старшим Окружным Землемером Овешковым, в ноябре месяце 1884 года. План составлен по магнитному меридиану».

9. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Каменской волости, распланированной деревни Салаирки, распланирование произведено, согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в августе месяце 1885 года Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

10. План юрт: Матмасовские, Каскаринские, Есaulьские, Андреевские, Ембаевские, Малые Ембаевские, Тураевские.

11. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Троицкой волости, деревни Кулаковой распланированной согласно строительного устава для правильной постройки на 179 домов, в 1880 году, Тюменским окружным землемером Оболенским».

12. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Троицкой волости, деревни Гусельниковой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в июне месяце 1881 года Тобольским Младшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

13. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Троицкой волости, деревни Утешевой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в июне месяце 1883 года Тобольским Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

14. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Троицкой волости, деревни Решетниковой, лежащей на казённой оброчной статье, арендуемой мещанами города Тюмени Решетниковыми. Распланирование произведено после пожара, в 1885 году, Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

15. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Троицкой волости, деревни Метелевой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в июне месяце 1883 года Тобольским Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

16. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Тугулымской волости, деревни Лучинкиной, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в июне месяце 1887 года Тобольским Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

17. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Тугулымской волости, распланированной деревни Ошкуковой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в июне месяце 1887 года Тобольским Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

18. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Тугулымской волости, распланированного села Тугулымского, распланирование произведено согласно предписания Господина Тобольского Землемера, от 16 января 1879 года за № 635, последовавшего вследствие предписания Тобольской Казённой Палаты, от 13-го сентября 1878 года за № 6040, в сентябре месяце 1880 года, Тобольским Младшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

19. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Успенской волости, распланированной деревни Падериной, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в июле месяце 1885 года Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

20. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Успенской волости, распланированного села Переваловского, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в сентябре месяце 1883 года Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

21. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Успенской волости, распланированных деревень: Скородумской, Гилевой и Кокшаровой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в сентябре месяце 1883 года Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

22. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Успенской волости, распланированной деревни Зубаревой, распланирование произведено согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/35 сентября 1877 года, за № 4841 Старшим Окружным Землемером Овешковым, в 1884 году в августе месяце План составлен по магнитному меридиану».

23. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Успенской волости, деревни Зырянской, распланированной после пожара, согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 Тобольским Младшим Окружным Землемером Овешковым в 2–4 июня 1880 года. План составлен по магнитному меридиану».

24. «План Тобольской губернии Тюменского округа, Успенской волости, распланированного села Успен-

ского, тож Кармаки, распланирование произведено, согласно предписания Тобольской Казённой Палаты, от 3/5 сентября 1877 года, за № 4841 в августе месяце 1883 года, Старшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану».

25. «Общий уменьшенный план Тобольской губернии Тюменского округа Червишевской волости села Зырянского с деревнями Онохиной, Червишевой и Другановой. Составлен с поверки съёмки, произведённой в 1850 г.».

26. План Тобольской губернии, Тюменского округа, Червишевской волости, села Зырянского и деревни Онохиной. Распланирование произведено в 1885 г. [7. Д. 31, 172, 241а, 246, 371, 437, 499, 500, 601, 994, 996, 997, 998, 100, 1084, 1090, 1121, 1239, 1240, 1251, 1275, 1406, 1412].

Материалом для составления планов поселений послужили топографические съёмки Корпуса военных топографов и других ведомств. На картах показаны: гидрографическая сеть, водоемы, плотинки, основные и проселочные дороги, четко прорисованные дороги, сельские, волостные, уездные и губернские границы. Планы составлялись в период 1800–1880-х гг. Точность выполнения картографо-геодезических работ соответствовала инструкции этого периода. Планы составлялись в зонах компактного проживания русских старожилов, старообрядцев.

Например, план с. Тугулымского Тугулымской волости Тюменского округа выполнен в масштабе из английских дюймов 50 саж. в 1880 г. Младшим Окружным Землемером Овешковым. В объяснении плана села указаны новые распланированные кварталы с чертежом новых улиц, проулков, домов, места для постройки домов, размещения гумеников. Указан список домов, подлежащих передвижению на новые места, с указанием имен и фамилий домовладельцев в количестве 90 человек и условий передвижения их домов вперед, на единую красную линию. В Примечании под лит. А дано описание места для образования площади. Под лит. Б. место, назначенное под постройку сельского приходского училища, под постройку приходского училища. В Примечании 2 согласно распоряжению Тобольской казенной Палаты от 24 мая 1886 года за № 8523 отводится участок под новое кладбище. Означенная на плане суриком новая распланировка выгоревшей части села Тугулымского Тугулымской волости Тюменского округа Тобольской губернии произведена в июле месяце 1899 года крестьянским землемером М. Большаковым по предписанию г. Тобольского Губернского землемера от 30 июня 1899 года за № 197, состоявшегося вследствие предписания г. Тобольского Губернатора от 25 июня с.г. за № 3351. Далее на плане размещен список лиц в количестве 81 человека, дома которых сгорели в пожаре 5 июня 1899 года [6]. План утвержден землемером Иваном Овешковым и представителями сельской и волостной общности: кандидат Младшего добросовестного Туголымской волости Иван Кармацкий руку приложил. «К сему плану сельской староста села Туголымского Григорей Комогоров руку приложил. К этому плану руку приложили двенадцать человек

понятых крестьян Туголымской волости поименованы в списке волостного правления неграмотных села Тугулымского крестьян, от коих по личной просьбе Михайло Михайлов руку приложил» [7. Д. 1121. Л. 1]. Информационная насыщенность плана дополняется точной локализацией домовладений с характерным приречным типом планировки улиц, дороги из города Камышлова, видна их приуроченность к речке Туголымке, пруду, ложкам, оврагам, водоразделам, болотцу, контурами распространения растительности, роще. На плане отмечены места расположения сельского кладбища, волостного правления, торговой площади и церкви, площадки остановки этапа, общественного дома для священника.

Отдельно стоит обратить внимание и на фиксацию персональных данных жителей села (фамилий, имен и отчеств), которая позволяет установить состав глав домовладений в разрезе (мужчины и женщины), установить родственные связи, распространение антропимов как элемента идентичности населения данной территории. Не менее информативными являются размещенные на карте данные о причинах перенесения домохозяйств, расстоянии передвижения внутри усадьбы с целью упорядочения мест застройки села. Кроме того, мы узнаем, что одной из причин переноса домохозяйств была теснота, и это послужило их переносу на новые места. 5 июня 1899 г. в с. Тугулымском произошел пожар, который уничтожил 81 домохозяйство. На карте зафиксированы поименные списки погорельцев и сделаны отметки о выделении им новых усадеб [7. Д. 1121. Л. 1].

Далее рассмотрим информационное содержание плана деревни Гусельниковой, приписанной к Троицкой волости Тюменского округа Тобольской губернии, основанной еще в первой четверти XVII в. План составлен с целью перепланировки согласно предписанию Тобольской Казенной палаты от 3/5 сентября 1877 г. за № 4841 в июне месяце 1881 г. Тобольским Младшим Окружным Землемером Овешковым. План деревни составлен по магнитному меридиану. В блоке «Объяснение плана» землемером обозначены «...вновь распланированные жилые кварталы, гуменики, отдельные места для домов, вновь предположенные улицы, вновь предположенные проулки, жилые деревянные дома, нежилые деревянные постройки, каменные постройки; синей краской окрашено существующее положение селитбы усадьбы» [7. Д. 996. Л. 1]. В план включены поименные списки домовладельцев в количестве 55 человек, которым «дома за теснотой подлежат к сносу на новые места». В следующем списке указываются фамилии 44 домовладельцев, дома которых подлежат передвижению в связи с перепланировкой улиц и общей территории поселения, с указанием установленных параметров длины и мест сдвигов. Сравнительный анализ приведенных в плане фамилий жителей деревни с данными дозорных книг 1623 г. по Тюменскому уезду обнажает родовые корни деревни – «отеческие пещища» старожилов Пискулиных, Завьяловых, Суворовых, Пелымских, Торопыгиных, Мелкобродовых, Шульгиных, Зобниных, Даниловых – потомков переселенцев первой волны переселенцев из

Европейского Севера. На плане деревни указано место на границе с селом Кулаково, где строилось Кулаковское каменное народное училище на средства известного в Тобольской губернии купца-мецената Н.М. Чукмалдина.

Вызывает большой интерес план распланированных юртам Ембаевским Бухарской волости Тюменского округа Тобольской губернии, составленный согласно распоряжению Тобольской Казенной палаты от 3/5 сентября 1877 г. за № 4841 в июле месяце 1880 г. и согласно предписания Тобольского Губернского Землемера от 23 мая 1881 г. за № 491. Вновь произведено распланирование после пожара в 29 число мая месяца 1881 г. Тобольским Младшим Окружным Землемером Овешковым. План составлен по магнитному меридиану. План включает поименный список жителей, чьи домовладения из-за ветхости подлежат сносу на новые места и передвижению на своих местах. В поименных списках упоминается известная личность – Нигматулла Карымшаков, служащий банка, меценат, в честь которого жители юрт, потерявших жилье во время пожара, называли центральную улицу его именем за денежные пожертвования на строительство. Также в Примечании к плану имеется следующая запись: «...по желанию бухарцев назначены площади под постройку Карымшаковской мечети, постройку сгоревшей Мавликеевской мечети, отведение места для расширения построек Магометанского духовного училища» [7. Д. 246. Л. 1].

Таким образом, приведенные для примера планы с. Тугулымского, д. Гусельниковой и ю. Ембаевских наглядно демонстрирует потенциальные информационные возможности картографических источников для проведения комплексного многоаспектного анализа состояния пространственной функционально-планировочной структуры сельского поселения, социальной инфраструктуры, прилегающих окраинных зон по переработке зерновых культур, а также сельскохозяйственных, лесных и охотничьих угодий.

Результаты

В целом сведения составленных баз данных позволяют оценить демографические ресурсы (людность поселений) и участки землепользования в конкретных сельских поселениях, расположенных в северной ле-

состепной зоне Зауралья. Определить уровень распахки земельных угодий, лесистость местности, степень преемственности землепользования и освоения новых земель, составить перечни видов флоры и фауны на конкретной территории и оценить состояние окружающей среды, в которой существовало крестьянское хозяйство, дать оценку его потенциальных производственных возможностей, связанных с количеством населения, проживающего на конкретной территории, и составом крестьянского двора.

Полные сведения, включенные в легенду планов о численном и социальном составе поселения и его месторазвитии, позволяют классифицировать их как антропологические источники, что в совокупности будет способствовать расширению исторических знаний о развитии жизненного пространства сельского общества в течение XIX столетия, проведению сравнительных аналогий с начальным этапом становления сельских поселений с I четверти XVII в. по данным дозорных книг [8].

Использование подобных карт, насыщенных богатым информационным материалом, позволяет проследить динамику развития функциональной и социальной структуры сельских поселений, их трансформацию, численный и социальный состав сельского населения и др.

Результаты анализа содержания выявленных картографических источников и включение их потенциала в контекст исследуемой проблемы территориального развития Тюменского уезда в течение XIX в. позволили проследить особенности организации жизненного пространства населения деревень на основе бытующего опыта выбора оптимального места развития, механизм взаимодействия власти и общества в решении социальных проблем образования, перепланировки селитебной зоны деревень и отвода участков погорельцам, сохранения зон традиционного природопользования.

В перспективе для дальнейшего отслеживания динамики развития пространственного потенциала сельских поселений на территории уездов Тобольской губернии актуально структурирование имеющейся базы данных по характерным маркерам-показателям и включение в ГИС [9] для разработки тематических и краеведческих карт, проведения ретроспективного анализа изменений в определенные хронологические периоды.

Список источников

- Исаченко Т.Е. Историко-географическое районирование побережья Онежского озера для рубежа XVIII–XIX вв. и его современная интерпретация // Известия Русского географического общества. 2018. Т. 150, № 2. С. 48–72.
- Ватлина Т.В., Евдокимов С.П. Картографический анализ изменения административно-территориального деления территории Смоленской области до 1939 года // Географическая среда и живые системы. 2021. № 4. С. 6–18.
- Литва Б.Г., Сотникова С.И. Картографический метод в источниковедении // Источниковедение отечественной истории, 1984 : сб. ст.. М. : Наука, 1986. С. 3–16.
- Берлянт А.М. Картографический метод исследований. М. : Изд-во МГУ, 1988. 252 с.
- Далгат Ф.М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании // Вестник Дагестанского университета. 2015. Т. 30, вып. 4. С. 133–140.
- Балюк Н.А. Особенности проведения генерального межевания земель в Зауралье во второй половине XVIII – начале XX в. // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований : материалы V междунар. конф. по исторической географии, С.-Петербург, 18–21 мая 2015 г. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. Ч. 1. С. 71–73.
- ГБУТО «Государственный архив Тюменской области. Ф. И–49. Оп. 1.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Кн. 7.
- Толмачева А.В., Ивлиева Н.Г. Об источниках создания карт отдельных уездов на середину XIX века. URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istochnikah-sozdaniya-kart-otdelnykh-uezdov-na-seredinu-xix-veka> (дата обращения: 01.09.2023).

References

1. Isachenko, T.E. (2018) Istoriko-geograficheskoe rayonirovanie poberezh'ya Onezhskogo ozera dlya rubezha XVIII–XIX vv. i ego sovremennaya inter-pretatsiya [Historical and geographical zoning of the coast of Lake Onega at the turn of 19th century and its modern interpretation]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 150(2). pp. 48–72.
2. Vatlina, T.V. & Evdokimov, S.P. (2021) Kartograficheskiy analiz izmeneniya administrativno-territorial'nogo deleniya territorii Smolenskoj oblasti do 1939 goda [A cartographic analysis of changes in the administrative-territorial division of the territory of Smolensk region until 1939]. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*. 4. pp. 6–18.
3. Litva, B.G. & Sotnikova, S.I. (1986) Kartograficheskiy metod v istochnikovedenii [The cartographic method in source studies]. In: *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii, 1984* [Source Studies of Russian History, 1984]. Moscow: Nauka. pp. 3–16.
4. Berlyant, A.M. (1988) *Kartograficheskiy metod issledovaniy* [The cartographic research method]. Moscow: Moscow State University.
5. Dalgat, F.M. (2015) Istoriko-antropologicheskii podkhod v istoricheskom issledovanii [A historical and anthropological approach to historical research]. *Vestnik Dagestanskogo universiteta*. 30(4). pp. 133–140.
6. Balyuk, N.A. (2015) Osobennosti provedeniya general'nogo mezhevaniya zemel' v Zaural'e vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX v. [The general land surveying in the Trans-Urals in the second half of the 18th – early 20th centuries]. *Istoricheskaya geografiya Rossii: retrospektiva i sovremenost' kompleksnykh regional'nykh issledovaniy* [Historical Geography of Russia: Retrospective and Modernity of Complex Regional Studies]. Proc. of the Fifth International Conference. St. Petersburg, May 18–21, 2015. Vol. 1. St. Petersburg: LSU. pp. 71–73.
7. The State Archive of Tyumen Region. Fund I-49. List 1.
8. The Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 214. Kn. 7.
9. Tolmacheva, A.V. & Ivlieva, N.G. (n.d.) *Ob istochnikakh sozdaniya kart ot del'nykh uezdov na seredinu XIX veka* [On the sources of creating maps of individual counties in the mid-19th century]. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istochnikah-sozdaniya-kart-otdelnykh-uezdov-na-seredinu-xix-veka> (Accessed: 1st August 2023).

Сведения об авторах:

Балюк Наталья Алексеевна – доктор исторических наук, профессор Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.a.balyuk@utmn.ru

Щербич Софья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), заведующая Лабораторией междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: s.n.shherbich@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Balyuk Natalya A. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the School of Environment and Society Studies (Anthroposchool), Leading Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.a.balyuk@utmn.ru

Shcherbich Sofya N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Head of the Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: s.n.shherbich@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.10.2023; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 04.10.2023; accepted for publication 01.04.2024

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY

Научная статья

УДК 902/904

doi: 10.17223/19988613/88/21

Интеграция письменных и археологических источников по истории Умревинского острога (Новосибирская область)

Сергей Валерьевич Горохов

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, gorokhov.sv@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – интеграция археологических и письменных источников для реконструкции истории Умревинского острога. Источниковая база исследования представлена материалами археологических раскопок Умревинского острога, немногочисленными данными архивных источников, рассеянных в научных публикациях, и путевыми дневниками И.Г. Гмелина, Д.Г. Мессершмидта и С.Л. Владиславича-Рагузинского. Представленный в настоящей статье опыт оценки информационного потенциала археологических и письменных источников через призму истории и археологии Умревинского острога позволяет выделить три способа интеграции названных видов источников при проведении комплексного исследования памятника типа «острог».

Ключевые слова: Россия, Сибирь, Новосибирская область, Умревинский острог, история, археология, нумизматика, Д.Г. Мессершмидт, С.Л. Владиславич-Рагузинский, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин

Благодарности: Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020–0021).

Для цитирования: Горохов С.В. Интеграция письменных и археологических источников по истории Умревинского острога (Новосибирская область) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 178–189. doi: 10.17223/19988613/88/21

Original article

Integration of written and archaeological sources on the history of the Umrevinsky ostrog (Novosibirsk region)

Sergey V. Gorokhov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, gorokhov.sv@yandex.ru

Abstract. The archeological research related to the period of the Russian development of Siberia and the Far East (the end of the 16th - 17th centuries) takes a special place in the archeology of the Asian part of Russia due to the fact that this era is quite rich in written sources. During interpretation of the materials of archeological research, it is required to review them jointly with the data obtained from historical sources. The goal of the research, the progress and the results of which are described in this article, is to integrate archeological and written sources for reconstructing the history of the Umrevinsky Ostrog. The source base of the research is represented by the materials of the Umrevinsky Ostrog archeological excavations, scarce archive data disseminated across various scientific publications and itineraries by I.G. Gmelin, D.G. Messerschmidt, and S.L. Vladislavich-Ragusinsky. The article dwells upon the time of the Umrevinsky Ostrog foundation, the construction periods are identified. The original fortifications had disappeared by 1725. In 1732-1734, the ostrog was built again, with two towers added to it. In 1741-1759, the ostrog lost its defensive functions, and there was a necropolis formed in its territory. By the mid 1780s, the large industrial settlement that existed by the ostrog fell apart. The experience in assessing the information potential of archeological and written sources through the lens of historical and archeological characteristics of the Umrevinsky Ostrog that is presented in this article allows outlining three ways of integration of the stated types of sources by conducting a complex study of the "ostrog"-type monument: 1) isolated integration of written and archeological sources when data from heterogeneous sources do not overlap in terms of their content but follow consecutively one another, in the chronological order, by reconstruction of the monument history; 2) correlation of written and archeological sources when data from heterogeneous sources reflect

the same facts and phenomena of the past; whereby every source of any particular type has no characteristics that would be missing in the source of another type; 3) productive integration of archeological and written sources resulting in new knowledge of the past that is not a simple sum of data from archeological and written sources (isolated integration). Most frequently, in practice, the researcher comes across isolated integration but not correlation. The facts of productive integration as part of this study are very few however they are the most valuable as the so-reconstructed facts and phenomena of the past are not directly contained in archeological and written sources. The facts and phenomena of historical reality resulting from productive integration may become a source base for new instances of productive integration, which will considerably contribute to our image of facts and phenomena of the past.

Keywords: Russia, Siberia, Novosibirsk region, Umrevinsky ostrog, history, archeology, numismatics, D.G. Messerschmidt, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, G.F. Miller, I.G. Gmelin

Acknowledgements: The study was conducted as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021).

For citation: Gorokhov, S.V. (2024) Integration of written and archaeological sources on the history of the Umrevinsky ostrog (Novosibirsk region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 178–189. doi: 10.17223/19988613/88/21

Археологические исследования памятников периода русского освоения Сибири и Дальнего Востока (конец XVI – XIX в.) занимают особое место в археологии азиатской части России в силу того, что эта эпоха обильно снабжена письменными источниками. При интерпретации материалов археологических исследований встает задача их совместного рассмотрения с данными исторических источников. Такое взаимодействие может осуществляться по нескольким направлениям. Цель исследования, ход и результаты которого представлены в настоящей статье, состоит в интеграции археологических и письменных источников для реконструкции истории Умревинского острога. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: сформировать источниковую базу исследования; выстроить в хронологической последовательности факты и явления из истории Умревинского острога; выявить археологические материалы, служащие подтверждением данных из письменных источников и наоборот; попытаться синтезировать новое знание об историческом прошлом Умревинского острога, которое в законченном виде не присутствует в источниках одного вида и не является простой суммой данных из источников разного вида.

Источниковая база исследования представлена материалами археологических раскопок Умревинского острога, немногочисленными данными архивных источников, рассеянных в научных публикациях, и путевыми дневниками И.Г. Гмелина, Д.Г. Мессершмидта и С.Л. Владиславича-Рагузинского [1–3].

В XVII в. из-за напряженной военно-политической обстановки на территории Новосибирского Приобья миграция русского населения в этот регион имела ограниченный характер. Лишь в 1695 г. Алексей Кругликов получил право пользования земельным участком на территории современной д. Кругликово Болотнинского района Новосибирской области [4. С. 21].

В 1702 г. А. Кругликов с отрядом служилых людей и крестьян поднялся на судах вверх по р. Оби от Уртамского острога до рек Ояш и Умрева и разыскал место для строительства нового острога. Вернувшись в Томск, служилые люди подали в воеводскую канцелярию описание и чертеж «новописанным землям». На следующий год Умревинский острог был поставлен в 500 м

выше устья р. Умрева на берегу Умревинской протоки р. Оби [5. С. 131; 6. С. 83, 84].

Вопрос о времени основания Умревинского острога до 1980-х гг. оставался дискуссионным. Первое известное описание острога приведено в «Географическом лексиконе» Ф. Полунина (1773). Статья составлена на основе «Описания Томского уезда Тобольской провинции Сибири» Г.Ф. Миллера, который сделал его в 1734 г. В «Географическом лексиконе» и в «Описании Томского уезда» в качестве даты основания Умревинского острога указан 1706 г.: «Умревинский острог, на восточном берегу Оби, получил название от речки Умревы, впадающей немного ниже с востока. Хотя он построен в 1706 году, однако заселение его начато лишь в 1708 году. От Томска до острога по тракту, который, однако, идет кружным путем, 158 верст» [7. С. 418; 8].

На обратном пути из Сибири Г.Ф. Миллер получил ответы Томской воеводской канцелярии на «вопросные пункты», в которых датой основания Умревинского острога указан 1709 г. Этот же год сообщили И.Г. Гмелину жители острога [1. С. 78]. Возможно, у Г.Ф. Миллера были неизвестные нам основания, которые позволили ему принять за дату основания острога именно 1706 г. [8].

Такая же дата основания острога (1706) приведена в словарях Л.М. Максимовича и А. Щекатова [9. С. 17; 10. С. 557, 558]. Иной даты придерживался П.А. Словцов. Он считал, что Умревинский острог основан в 1696 г., однако его точка зрения не подкреплена источниками [11. С. 132].

В 1956 г. В.И. Шунков в качестве даты основания Умревинского острога предложил 1703 г. В этот год последовало распоряжение переселить из Сосновского острога 11 крестьянских дворов на реки Ояш и Умрева. Но в этих документах не упоминается о том, что Умревинский острог уже построен или строится. В них говорилось лишь о желательности в убогом месте в указанных районах построить остроги и под их охраной поселить «новоприбранных» крестьян [12. С. 66, 67]. Этой же точки зрения на дату основания придерживался В.И. Кочедамов [13. С. 32].

Н.Ф. Емельянов, опираясь на мнение В.И. Шункова и новые архивные материалы о походе томских казаков в 1702 г. для поиска места под острог, более убедительно

тельно обосновал, что Умревинский острог был основан именно в 1703 г. С его выводами соглашается Н.А. Миненко [5. С. 131; 6. С. 84; 14. С. 4].

Проблема времени основания Умревинского острога на основе археологических материалов теоретически может быть разрешена двумя способами: дендрохронологическим датированием архитектурных остатков оборонительных сооружений острога и путем анализа нумизматической коллекции, сформированной в ходе археологических исследований памятника. Отбор дендрохронологических образцов был проведен из остатков юго-западной башни, западного тына и избы в центральной части двора острога. Дендрохронологическое датирование собранных образцов не проводилось. Однако дендрохронологический анализ не способен решить задачу определения времени основания острога, так как уже в 1721 г. тыновые стены почти на всем протяжении упали [2. С. 79], а башен у острога не было. В 1725 г. оборонительных сооружений у острога уже не было [3. С. 195]. Следовательно, те остатки оборонительных сооружений, которые были отобраны в качестве образцов для проведения дендрохронологического датирования, относятся к периоду после 1725 г., так как в 1741 г. были зафиксированы новые, но уже снова ветхие, оборонительные сооружения [1. С. 77, 78]. Строительство избы в центральной части двора острога по нумизматическим материалам датируется не ранее 1740-х гг. [15. С. 69].

Ранний нумизматический материал в культурном слое Умревинского острога представлен кладом серебряных проволочных копеек времени правления Петра I (107 монет) [16], находками отдельных монет-«чешуек» того же периода и медной полушкой 1701 г. Серебряные проволочные копейки чеканились до 1717 г. Нумизматические материалы позволяют констатировать, что Умревинский острог не мог быть основан ранее 1696 г., так как не обнаружено монет более раннего времени, которые в большом количестве обращались в Сибири. Это последнее обстоятельство также указывает на то, что дата основания должна на максимально допустимое время отстоять от 1696 г., так как монеты прежних периодов не могли быстро исчезнуть из оборота. Следовательно, по нумизматическим данным основание Умревинского острога целесообразно отнести к концу второго десятилетия XVIII в. Однако из письменных источников нам известно, что денежная реформа Петра I была проведена быстро и успешно: серебряные проволочные копейки прежних выпусков по повышенной стопе были быстро изъяты из оборота и заменены более легковесной монетой. Это обстоятельство подталкивает нас к тому, чтобы вновь отодвинуть возможную нижнюю границу времени основания острога к концу XVII в. На основании того факта, что в 1717 г. чеканка серебряных проволочных копеек была прекращена и была введена денежная система, основанная на медной монете, было бы логичным предположить на основании нумизматического материала, что верхней границей основания Умревинского острога является 1717 г. Однако это не так. До конца 1730-х гг. медной монеты на юге Западной Сибири почти не было [17. Рис. 1]. Вероятно, в это время основой денежной

системы здесь оставались серебряные проволочные копейки. Так было и в других районах Сибири и Дальнего Востока. Например, при исследовании лагеря В. Беринга на Командорских островах (1741) было обнаружено более десятка серебряных проволочных копеек Петра I [18. С. 36, 38, 41]. Следовательно, время основания Умревинского острога по нумизматическим материалам следует отнести к концу XVII – середине 30-х гг. XVIII в.

Из приведенного выше анализа сопоставления нумизматических и археологических данных (нумизматическая коллекция) следует вывод, что археологические материалы Умревинского острога дают в три раза более широкий диапазон возможного времени основания острога (конец XVII – середина 30-х гг. XVIII в.), чем данные письменных источников (1696–1709). Последние в результате работы историков были сведены к одному году – 1703 г. Нумизматическую коллекцию нельзя считать чисто археологическим источником. Она была сформирована в результате раскопок, из чего следует только то, что на памятнике присутствуют конкретные экземпляры монет. Дальнейший анализ нумизматической коллекции велся исключительно в русле исторической науки. Именно она дала нам сведения о времени начала и окончания чеканки монет, скорости появления их в обороте. Нумизматический материал рассматривался через призму исторических сведений, и только в результате этой операции раскрылся его информационный потенциал. Можно было бы возразить, что, прочтя надписи и даты на монетах, археолог получил бы определенную информацию. Это так, но в таком случае монета выступает как письменный источник (как источник исторический). Проведенный анализ нумизматического материала, полученного в результате раскопок, не дал никакой новой информации относительно даты основания острога. Напротив, его информационные возможности в решении этой проблемы оказались гораздо ниже возможностей письменных источников. Его информационный потенциал мог бы оказаться решающим только в условиях отсутствия достаточных исторических данных.

Однако проведенный анализ дал пример продуктивной интеграции данных письменных и археологических источников. Из письменных источников известно, что серебряные проволочные копейки чеканились до 1717 г. На смену им пришла денежная система, основанная на медной монете. Археологические данные по Умревинскому острогу показали, что в культурном слое присутствуют серебряные проволочные копейки, которые находились в обороте до 1717 г., и медные монеты, отчеканенные с конца 1730-х гг. до середины 1780-х гг. Следовательно, необходимо констатировать, что с 1717 по конец 1730-х гг. на Умревинском остроге продолжался безмонетный период. Точно такая же ситуация наблюдается во всем Новосибирском Приобье и Среднем Прииртышье. Но факт обнаружения большого количества серебряных проволочных копеек времени правления Петра I в лагере 1741 г. экспедиции В. Беринга на Командорских островах позволил установить факт хождения монет-«чешуек» в Сибири и на Дальнем Востоке на протяжении по меньшей мере 20 лет после окончания их чеканки. Ни изолированный

анализ исторических источников, ни точно такой же анализ археологических источников не способен был выявить этот факт. В данном случае мы имеем дело с примером, когда совместный анализ археологических и письменных источников позволил прийти к выводу, который не является простой суммой данных письменных и археологических источников.

Долгое время место расположения Умревинского острога было неизвестно. В начале 1990-х гг. С.В. Колонцов благодаря рекомендациям новосибирского краеведа К.П. Зайцева обнаружил остатки острога [19. С. 35; 20. С. 258]. На месте они были представлены системой рвов и валов подквадратной конфигурации размером примерно 70 × 70 м (рис. 1). Однако таких визуально читаемых признаков недостаточно для идентификации этого объекта как острог, так как рвом и валом в это время и позднее обносились кладбища (например, кладбище с. Бергамак в Муромцевском районе Омской области [21. С. 260. Рис. 2] и кладбище с. Шумиха в нескольких километрах севернее Умревинского острога, которое было устроено на территории дорусского городища). В 2000 г. в результате раскопок А.В. Шаповалова на северо-западном и северо-восточном углах острога были обнаружены остатки тына, образующие угол [22]. Сам по себе этот факт также не может служить доказательством обнаружения острога, так как тыновыми стенами могли обноситься частные усадьбы, остатки которых фиксируются за пределами системы рвов и валов к северу и югу от острога, и другие сооружения. Окончательно идентифицировать этот памятник как острог удалось в 2002 г., когда в ходе раскопок юго-западного угла острога под руководством А.П. Бородавского был выявлен ленточный свайно-столбчатый фундамент юго-западной набережной наугольной башни с примыкавшим к ней с севера и востока тыном [23. С. 77–80]. Этот факт в совокупности с ранее полученными данными позволил безошибочно идентифицировать этот объект как острог.

При рассмотрении вопроса о местонахождении Умревинского острога необходимо констатировать, что первоначальные указания на его положение получены из письменных источников. Однако, даже если бы таких сведений не было, он рано или поздно был бы обнаружен. Рекогносцировочные раскопки позволили бы точно установить тип памятника и точно, хотя и в достаточно широком временном диапазоне, – время его основания и прекращения существования на основании находок монет. Не вызывает также сомнения, что этот острог получил бы наименование Умревинского по названию ближайшего малого притока р. Оби – р. Умрева, или населенного пункта – д. Умрева. Таким образом, роль письменных источников в вопросе локализации Умревинского острога на местности сводится к тому, что они своим указанием на его месторасположение позволили связать воедино данные письменных источников об остроге с материалами археологических раскопок.

Со строительством острога окрестные территории начали обживать русскими крестьянами, число которых в первые годы возрастало (рис. 2). В 1703 г. на остроге поселили служилых людей: 9 семей (31 чел.) крестьян-переведенцев из ведомства Сосновского остро-

га и 2 семьи (9 чел.) из оброчных гулящих людей – вольных переселенцев. Все они имели отведенные участки земли, дворы, собинную пашню, косили сено; девять из них (пашенные крестьяне) платили отсыпной хлеб, двое оброчных людей платили оброк по 50 коп. [5. С. 131; 12. С. 67, 74]. Согласно данным по ссыльным и пашенным крестьянам в 1703 г. в Умревинском станце 9 семей (22 ребенка, внука и племянника) пашут на себя 14 десятин. В одном поле государственной пашни не пашут, косят 600 копен сена, платят отсыпной ржи 31,5 четвертей, овса – 31,5 четвертей [24. С. 246]. Около Умревинского острога сложилась крестьянская слобода, которая заселялась выходцами из слобод Тобольского уезда и пришельцами из-за Урала [25. С. 39].

Томская книга пришлых людей отметила 15 семей в составе 37 человек и 16 человек холостых, прошедших в 1705–1707 гг. через Томск в Имревинский острог. Лейтмотивом их показаний было заявление: «слышали де они, что в Томску землями довольно и место хлебородное» и «послышали, что в Томском уезде в слободе Имревинской землями довольно и место хлебородное». Часть пришельцев были выходцами из различных слобод Тобольского уезда (Ялуторовской, Мурзинской, Гилевской, Бачанской, Орлова-городища). Таковых было более 20%. Остальные пришли из Вологды, Кайгородка, Кунгура, Соликамской, Устьянских волостей, Юрьевца Повольского. Социальный состав таков: 1 – гулящий человек, 3 – крестьянские дети, 1 – казачий сын, 5 – бобыли, 1 – посадский человек, 1 – государственный крестьянин, 1 – монастырский крестьянин. 25 семей в составе 61 человека и 13 человек холостых пришли в Имревинскую слободу, минуя Томскую приказную избу. Менее половины этой группы составили выходцы уездов Тобольского разряда (Верхотурского, Тобольского и Тарского). Большая часть пришла из-за Урала: с Ваги, Ветлуги, Галича, Мезени, Осы, Соли-Камской, Тотьмы, Устюга, Уфы. В этой группе большое количество лиц назвали себя сыновьями крестьян, попа, бобыля, т.е. лицами, не несущими непосредственного тягла. Двое человек прямо назвали себя нетягловыми людьми. Основная часть названа оброчными людьми, крестьянами (один крепостной крестьянин, один монастырский), драгунами или монастырским служкою, монастырским вкладчиком. Почти обо всех из них А. Кругликов в составленной им книге указал, что ушли они «без отпуска», «от недорода», в поисках обильной, плодородной земли. Всего книгами 1707 г. отмечено пришельцев в Имревинской слободе 127 человек. Из них 40 семей в составе 98 человек и 29 холостых [12. С. 65–67]. По данным В.Р. Соколовского, в 1707 г. численность населения в ведомстве Умревинского острога составляла 167 душ крестьян [26. С. 8, 9]. Однако рост численности населения вскоре прекратился. В 1720 г. насчитывалось лишь 24 семьи. Часть населения переселилась на земли Чаусского острога (основан в 1713 г.) [5. С. 131; 25. С. 40]. Факт переселения опровергают С.Р. Долгова и Д.Я. Резун [27. С. 226]. Известно, что в 1703–1707 гг. острогом управлял Алексей Кругликов, в 1706–1708 гг. – Иван Старков¹, в 1709 г. – Тихон Иван Великосельский [6. С. 84; 28. С. 93, 351].

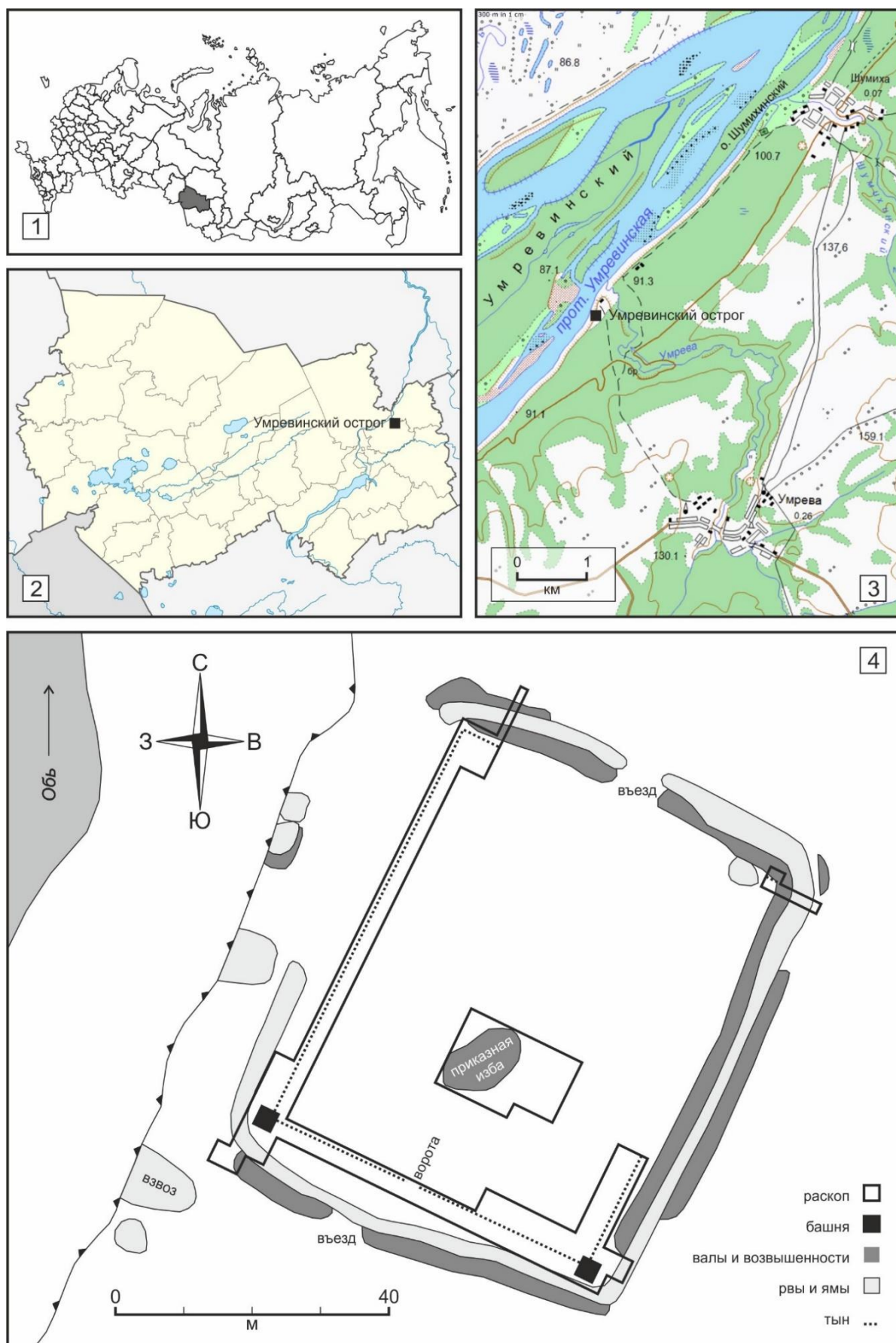

Рис. 1. Расположение и планиграфия Умревинского острога: 1 – Новосибирская область на карте России; 2 – расположение Умревинского острога на территории Новосибирской области; 3 – Умревинский острог и ближайшие окрестности; 4 – топографический план Умревинского острога

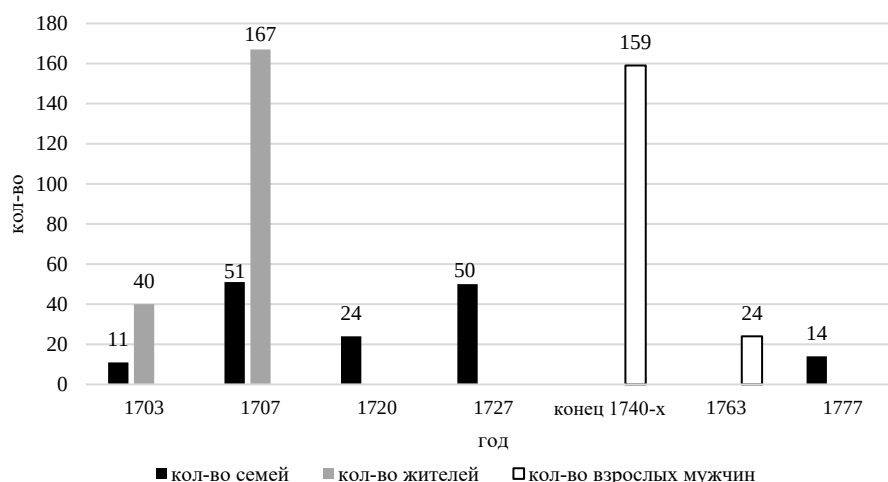

Рис. 2. Динамика численность населения Умревинского острога

Письменные источники сообщают достаточно подробные сведения о численности населения, подчиненного Умревинскому острогу. Однако неясно, все ли эти жители проживали непосредственно у стен острога или в окрестных селениях тоже. Определенные сведения о численности населения непосредственно в слободе при Умревинском остроге могут быть получены в ходе анализа результатов раскопок. Но эти данные не будут в должной мере дифференцированы по времени. Выделить из них информацию о первых годах существования острога представляется невозможным. По археологическим данным можно судить лишь о максимально возможной численности населения. Однако попытки реконструкции численности и состава населения отдельных усадеб предпринимаются археологами. Например, Г.П. Визгалов и С.Г. Пархимович проделали такую работу для нескольких усадеб Мангазеи. Это стало возможным благодаря хорошей сохранности органических материалов в многолетней мерзлоте: как предметов личного обихода обитателей жилищ, так и архитектурных остатков. Последнее позволило достаточно точно определить время функционирования усадебных комплексов [29].

Таким образом, как письменные, так и археологические источники позволяют лишь в самых общих чертах решить вопрос о численности населения на Умревинском остроге. Письменные источники демонстрируют более высокую точность в определении численности жителей в подчиненных острогу селениях в определенное время, а археологические источники способны более точно определить численность населения непосредственно в слободе при остроге, но без детализации во времени.

Ранней весной 1721 г., следуя из Тары в Томск, в Умревинском остроге побывал Д.Г. Мессершмидт, который оставил сообщение об остроге следующего содержания²: «Что касается острога, то он совсем разрушен, в нем палисад и все строения вокруг по большей части упали. Слобода, которая расположена рядом и населена русскими, — очень плохое и убогое место, состоящее примерно из 40–50 домов. Она получила свое название от маленькой речки Умревы, которая с севера от острога впадает в Обь. В этом остроге и слобо-

де мы остались на ночь и получили здесь свежих лошадей, а чаусские сменные лошади ушли обратно; до Чаусской слободы насчитывается 40 верст. В этом остроге господин доктор³ купил за три копейки медвежий желчный пузырь⁴» [2. С. 79].

Согласно Д.Г. Мессершмидту, острог был без башен, стены были тыновые. К стенам, вероятно, был пристроен помост для наблюдения и ведения стрельбы, так как под «все строения вокруг» можно подразумевать только помост. Под 40–50 домами следует подразумевать не жилые избы, а все постройки, включая хозяйственные, так как в 1720 г. здесь проживали только 24 семьи [5. С. 131]. Ветхое состояние острога, по всей видимости, обусловлено тем, что произошло улучшение военно-политической ситуации в регионе. В связи с этим меняются функции острогов. Поэтому в Умревинском остроге нет постоянного гарнизона [30. С. 96]. Факт разрушения первоначальных оборонительных сооружений в ходе археологических раскопок не зафиксирован.

В 1725 г. в Умревинском остроге ночевало посольство Петра I в Пекин во главе с С.Л. Владиславичем-Рагузинским. В путевом дневнике посольства острог охарактеризован так: «...крепости никакой нет» [3. С. 195].

В 1727 г. в пашенной слободе при Умревинском остроге насчитывалось до 50 дворов [31. С. 38], т.е. с начала третьего десятилетия число дворов увеличилось примерно в два раза (см. рис. 2).

Согласно сведениям, относящимся к 1729 г., в остроге находились государевы амбары, в которых хранился казенный хлеб [24. С. 187].

По состоянию на 1734 г. Г.Ф. Миллер сообщает об Умревинском остроге следующее: «От Томска до острога по тракту, который, однако, идет круглым путем, 158 верст. Он состоит из четырехугольного палисада с двумя башнями и церкви Трех Святителей. Без артиллерии и гарнизона. Жители живут вне острога <...> Умревинский острог вначале также имел своего приказчика, но, с тех пор как был построен Чеуский острог, управление отсюда перенесено и первый острог был сделан зависимым от второго» [32].

Из этого описания мы узнаем, что Московско-Сибирский тракт, еще в 1725 г. шедший через Умре-

винский острог [3. С. 195], теперь идет кружным путем. Несмотря на это, в остроге были восстановлены оборонительные сооружения в интервале 1725–1734 гг. Теперь кроме тыновой стены было две башни. Раскопки Умревинского острога показали, что башни размещались на юго-западном и юго-восточном углах острога. При раскопках между столбами ленточного свайно-столбчатого фундамента юго-западной наугольной набережной башни была обнаружена закладная монета номиналом денга 1730 г. Она, как и положено в таких случаях, располагалась аверсом (гербовой стороной) вверх. Чеканка таких монет была начата по указу Анны Иоанновны от 22 декабря 1730 г. [33. С. 524; 34. С. 328]. Следовательно, вероятнее всего, эта башня была построена не ранее поздней осени 1731 г.⁵, так как путь монеты из европейской части России до Умревинского острога должен занимать по меньшей мере несколько месяцев, и не позднее 1734 г., когда соответствующая информация оказалась в распоряжении Г.Ф. Миллера. Восстановление укреплений Умревинского острога в усиленном варианте с башнями свидетельствует об обострении военно-политической ситуации в регионе.

Здесь мы снова имеем пример продуктивной интеграции данных письменных и археологических источников, результатом которой стало новое знание, не являющееся простой суммой данных разнородных источников: интеграция сведений письменных источников о том, что в 1734 г. башни уже были построены, и сведений о времени начала чеканки монет по определенной стопе с фактом обнаружения закладной монеты на ленточном свайно-столбчатом фундаменте башни позволила сузить временной интервал, когда была выстроена башня (с 1725–1734 гг. до конца 1731–1734 г.), и исключить возможность закладки ее фундамента зимой.

Г.Ф. Миллер пишет, что артиллерии в 1734 г. в остроге не было. Однако из окрестностей Умревинского острога происходит достаточно многочисленная коллекция пушечных ядер. Так, например, на территории усадьбы лесника, расположенной в 250 м к северу от острога, был обнаружен клад артиллерийских ядер (15 шт.), на берегу р. Оби к югу от острога рыбаками было найдено одно ядро, в районе с. Сарачевка Мошковского района Новосибирской области жителями с. Ташара при сборе ягод также было найдено одно ядро. Последний факт показывает, что артиллерия в районе Умревинского острога применялась не только непосредственно с башен острога, но и при столкновении с противником в поле. По воспоминаниям местного жителя, около 50–60 лет назад на территории упомянутой выше усадьбы лесника дети находили многочисленные ядра. Здесь же на поверхности находилось четыре ствола от пушек. Все это свидетельствует о том, что артиллерия в Умревинском остроге присутствовала и ее состав был достаточно внушительным. Вероятно, ее появление было приурочено к обновлению оборонительных сооружений острога в начале 1730-х гг. Но сами орудия поступили в острог после 1734 г. Здесь мы имеем пример продуктивной интеграции данных письменных, археологических и этнографических источников. Археологические данные свидетельствуют, что артиллерия в остроге была, письменные данные – что в 1734 г.

артиллерии не было, этнографические данные – что стволы пушек находились здесь еще 50–60 лет назад. Вся совокупность этих данных позволила заключить, что артиллерия на вооружении острога стояла, и было это после 1734 г. Этот вывод в совокупности с данными о восстановлении острога с двумя башнями позволил прийти к выводу об обострении военно-политической ситуации в регионе, что не нашло отражения в письменных источниках и не могло быть выявлено исключительно на основании данных какого-либо одного вида источников.

В июне 1741 г., следуя из Томска в Тару, в Умревинском остроге побывал сотрудник Второй Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин, который составил самое подробное описание острога: «В пять часов вечера я поехал дальше, остановился у деревни на речке Березовка и почти в пятнадцати верстах оттуда на Умреве, которая впадает в Обь. От этой последней речки идет дорога, унизанная столбами, на Умревинский острог, до которого всего половина версты и оттуда вверх по течению вдоль берега Оби до станции. Однако этот путь из-за своей бугристости не слишком удобен и пригоден для повозок и телег. Я отправил оборудование двигаться дальше обычным путем и один отправился в острог, чтобы осмотреть его насколько удастся за столь короткое время, так как он не что иное как вытянутый четырехугольник из выровненных бревен, который со стороны воды и противоположной стороны тридцать, а с двух других около двадцати четырех сажень. Он имеет обыкновенные укрепления вокруг себя – надолбы и рогатки. Внутри расположены церковь Трех Святителей и два зерновых амбара, а также остатки бывшего караульного помещения. Рядом с ним еще расположена деревня, которая к нему относится. Он имеет славу старейшего острога в этой местности и поэтому имеет командующего и больше домов. Насколько я мог понять из вопросов к старым людям, он был построен в 1709 году. По этому расчету он новый, однако в 1738 году он уже так развалился, что по приказу томской канцелярии от 20 июля того же года его следует почти весь заново построить. Церковь построена в 1719 году. Деревня, как и острог, стоит только на протоке Оби. В эту протоку ниже деревни впадает Умрева и примерно в ста сажнях выше острога другой малый ручей, называемый Таловка. После того как я осмотрел достопримечательности, я поехал назад к дороге и продолжил путешествие далее вверх по Оби, которой чаще пользуются, где можно видеть тот же имеющийся большей частью густой березовый, но более тонкий лес»⁶ [1. С. 77–78].

И.Г. Гмелин указал форму и размеры острога, которые полностью подтвердили археологические исследования. Другие названные им объекты пока не выявлены археологически (надолбы и рогатки вокруг острога, амбары, церковь). Примечательно, что в путевом дневнике ничего не сказано о двух башнях. Для цитируемого сочинения И.Г. Гмелина характерна тщательность при описании укрепленных пунктов на пути из Томска в Тару. При движении по другим маршрутам он составлял более поверхностные описания оборонительных сооружений. Вероятно, это связано с тем,

что Г.Ф. Миллер сам не посетил Умревинский острог и другие остроги и пасы, расположенные на сухопутном пути из Томска в Тару, но дал поручение И.Г. Гмелину составить их подробное описание. Последний при посещении Чаусского и Бергамакского острогов, а также барабинских пасов всегда отмечал наличие башен, даже когда они были, по его мнению, едва на них похожи, как в Усть-Тартасском пасе [35. С. 228]. Возможно, что к июню 1741 г. юго-западная башня Умревинского острога сгорела. Это подтверждается обильными следами пожара, которые были зафиксированы в этом месте при раскопках в 2002 г. Но в раскопе юго-восточной башни следов горения нет. Можно предположить, что функциональное назначение этой башни и ее архитектура не вполне соответствовали представлению о классической башне острога. В исторической литературе можно встретить упоминания о башнях-амбарах, -избах, -часовнях, -караулках, -казармах⁷. Встречаются сооружения, представляющие собой избы-раскаты [36. С. 63; 37. С. 131]. И.Г. Гмелин сообщает о наличии на территории острога остатков караулки (Wachstube) – помещения, где в служебное время размещался караул. Возможно, что под караулкой подразумевается юго-восточная башня – единственное сооружение в остроге, из которого в любое время года и в любую погоду можно было вести длительное наблюдение за пространством вокруг острога. Спустя примерно 9 лет юго-восточная башня (караулка) пришла в ветхое состояние. Такая скорость ветшания деревянных конструкций острогов в Сибири и на Дальнем Востоке является обычной. В отписках приказчиков острогов часто можно встретить упоминания о том, что спустя 10–20 лет после строительства деревянные оборонительные сооружения «погнили и развалились». Упоминание И.Г. Гмелина о приказе томской канцелярии от 20 июля 1738 г. о необходимости строительства Умревинского острога заново, вероятно, является ошибочным, так как сложно представить, что оборонительные сооружения, выстроенные примерно в 1732–1734 гг., могли спустя 4–6 лет прийти в такую негодность, что требовали строительства новых сооружений. Возможно, И.Г. Гмелин⁸ или его информатор из числа местных жителей ошиблись, и следовало бы датировать соответствующий указ 1728 г., когда первоначальные оборонительные сооружения действительно были полностью разрушены [3. С. 195]. Косвенно это подтверждается тем, что после 1728 г. острог был выстроен заново, а после 1734 г. его оборонительные сооружения не обновлялись⁹.

Здесь мы снова имеем пример продуктивной интеграции археологических и письменных источников. Г.Ф. Миллер сообщил о двух башнях (со слов информаторов) в 1734 г. В 1741 г. И.Г. Гмелин не упомянул ни об одной башне. При интеграции этих сведений с данными археологических источников о наличии двух башен и гибели в пожаре одной из них, а также с учетом ранее установленного факта строительства башен не ранее поздней осени 1732 г. нам удалось определить, что юго-западная башня Умревинского острога сгорела в интервале между концом 1732 и началом 1741 г., а юго-восточная башня представляла собой

сооружение для несения караульной службы. Результаты продуктивной интеграции данных письменных и археологических источников позволили при их сопоставлении со сведениям И.Г. Гмелина об указе о восстановлении острога выдвинуть предположение об ошибочности его датирования 1738 г. и о вероятной датировке 1728 г.

Ценным является сообщение И.Г. Гмелина о том, что церковь Трех Святителей располагалась на территории острога, а не за его пределами. Это существенно облегчает ее локализацию, сужая границы поиска. Еще большее сужение может быть достигнуто при продуктивной интеграции этих данных с рядом археологических фактов: вблизи западной и северной стен юго-восточной башни обнаружены захоронения служителей церкви; вблизи юго-восточной башни плотность погребений особенно высока; в юго-восточном углу двора острога располагается геофизическая аномалия, выделяющая этот участок среди прочих [38–40]. Совокупность этих фактов позволяет выдвинуть предположение о расположении церкви Трех Святителей в юго-восточной части двора Умревинского острога вблизи башни.

В конце 1740-х гг. в Умревинском остроге числились 159 человек мужского пола (26 разночинцев и 133 крестьянина) [14. С. 21]. В это время (1748) в остроге силами местных крестьян было выстроено два казенных «добротных» амбара [24. С. 215]. В 1754 г. в умревинских амбарах находилось 2 400 четвертей муки и 600 четвертей фуража для заводов и воинских команд [5. С. 136], что составляет около 605 м³ [41. С. 99, 102, 103, 256], а в апреле 1756 г. в остроге скопилось 2 525 четвертей покупной муки [24. С. 195]. Для размещения такого количества запасов необходимо 10 амбаров размерами 6 × 6 м (36 кв. м)¹⁰ при условии, что 20% их площади будет использовано под проходы и с иными целями, а мука и фураж будут размещаться в высоту до одной сажени (2,13 м).

В 1763 г. непосредственно при Умревинском остроге проживали 24 души мужского пола [42. С. 29], а в 1777 г. три семьи священнослужителей и 11 крестьянских семей (см. рис. 2) [43. С. 94].

Согласно нумизматическим данным население Умревинского острога и слободы при нем разъехалося в последние два десятилетия XVIII в. В 1770-х гг. возникла Умревинская дистанция, населенная ссыльными поселщиками, которая, вероятно, располагалась на территории современной д. Умрева. Через нее в это время проходил маршрут Московско-Сибирского тракта [4. С. 51]. В 1774 г. в д. Умревинской поселено 56 ссыльных [5. С. 134]. В метрической книге церкви Трех Святителей д. Умрева начинает фигурировать в 1783 г. [43. С. 95]. Возможно, до этого жители Умревинской дистанции (д. Умрева) регистрировались как жители Умревинского острога. В 1779 г. в церкви Трех Святителей священником был Петр Иволинов, сын Ивана Иволинова, который служил в здесь до него [44. С. 381; 45. С. 323].

Проблемным остается вопрос хронологии формирования некрополя на территории острога. По сведениям И.Г. Гмелина, церковь Трех Святителей, которая в 1741 г. размещалась на территории двора острога,

появилась в 1719 г. Представляется маловероятным, что захоронения мирян производились рядом со зданием церкви, так как еще в период функционирования острога значительная часть его двора была бы занята захоронениями, что исключило бы возможность его использования по назначению. Погребения вдоль западной и южной тыновых стен перерезают тыновые канавки, но сами не повреждены. Выше нами было установлено, что тыновые стены были заново возведены на прежнем месте не ранее конца 1732 г. и не позднее начала 1734 г. Следовательно, большого некрополя и в это время на территории острога не было. Вероятно, не было его и в июне 1741 г., когда острог посетил И.Г. Гмелин, который непременно упомянул бы о захоронениях на территории двора острога, если бы их было много. К 25 мая 1759 г. относится протокол допроса женщины в умревинской судной канцелярии о рождении ею мертвым незаконного ребенка, который был похоронен за пределами острога возле стены со стороны леса [43. С. 96], т.е. у восточной стены, у которой, возможно, с внутренней стороны располагалась церковь, о чем сказано выше. Вероятно, в это время на территории острога уже сформировалось кладбище, рядом с которым, и поближе к церкви, женщина и похоронила ребенка. Восточная тыновая стена простояла дольше южной и западной стен, так как последние перерезаются погребениями, а восточная стена не задета ими, по крайней мере на исследованном участке (см. рис. 1). По всей видимости, захоронения на территории бывшего Умревинского острога продолжались и в XIX в.

Еще одним примером продуктивной интеграции данных письменных и археологических источников является определение времени начала формирования некрополя на территории острога. При сопоставлении фактов перерезания тыновых канавок погребениями с данными письменных источников удалось установить, что некрополь на территории острога начал фор-

мироваться после 1741 г., но к 1759 г. уже существовал. Прийти к такому выводу путем неинтегрированного рассмотрения данных археологических и письменных источников было бы невозможно.

Представленный в настоящей статье опыт оценки информационного потенциала археологических и письменных источников через призму истории и археологии Умревинского острога позволяет выделить три способа интеграции названных видов источников при проведении комплексного исследования памятника типа «острог»: *изолированная интеграция* письменных и археологических источников, когда данные разнородных источников содержательно между собой не пересекаются, размещаясь последовательно друг за другом в хронологическом порядке при реконструкции истории памятника; *корреляция* письменных и археологических источников, когда данные разнородных источников отражают одни и те же факты и явления прошлого; при этом в источниках каждого вида нет ничего, чего бы не было в источнике другого вида; *продуктивная интеграция* археологических и письменных источников, порождающая новое знание о прошлом, которое не является простой суммой данных археологических и письменных источников (изолированная интеграция). Чаще всего исследователь сталкивается в своей практике с изолированной интеграцией, реже – с корреляцией. Факты продуктивной интеграции в рамках настоящего исследования носят единичный характер, однако они наиболее ценны, так как реконструируемые таким образом факты и явления прошлого напрямую в археологических или письменных источниках не содержатся. Факты и явления исторической действительности, ставшие результатом продуктивной интеграции, могут стать источниковой базой для новых актов продуктивной интеграции, что еще более расширит наши представления о фактах и явлениях прошлого.

Примечания

¹ Нам неизвестны причины пересечения сроков управления Умревинским острогом А. Кругликова и И. Старкова.

² Перевод автора.

³ Путевой дневник Д.Г. Мессершмидта в это время вел Ф.И. Табберт (Страленберг).

⁴ Или медвежьей желчь.

⁵ Башни Умревинского острога имели ленточный свайно-столбчатый фундамент. Зимой возведение такого фундамента крайне затруднено, так как требует выборки в мерзлом грунте канавки, аналогичной канавке тына.

⁶ Перевод автора. Текст намеренно не подвергался литературной обработке, чтобы максимально точно передать его содержание.

⁷ Таких примеров достаточно много, поэтому мы не можем привести здесь исчерпывающий список ссылок на соответствующие работы.

⁸ И.Г. Гмелин, по всей видимости, недостаточно хорошо владел русским языком. В Умревинском остроге он был один и самостоятельно опрашивал местных жителей об истории острога.

⁹ Отсутствуют археологические и исторические свидетельства реконструкции острога после 1734 г.

¹⁰ Нами выбрано такое значение длины стороны амбара, так как оно соответствует максимально возможной длине бревна, использовавшейся в строительстве (например, обычная длина стороны башни в Сибири составляет 3 сажени (около 6 метров)).

Список источников

1. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen : verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittve, 1752. 700 S.
2. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin : Akademie-Verlag, 1962. Bd. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722. 380 S.
3. Русско-китайские отношения в XVIII веке : материалы и документы. М. : Гл. ред. вост. лит., 1990. . Т. 2: 1725–1727. 668 с.
4. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1990. 184 с.
5. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. 181 с.
6. Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1989. С. 80–91.
7. Географический лексиконъ Россійскаго государства. М. : Императорский Московский Университетъ, 1773. 494 с.
8. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1988. С. 59–101.

9. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789. Ч. 6: У–? 291 с.
10. Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1808. Ч. 6: Т–Х. 798 с.
11. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
12. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия в Сибири (XVII век). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956.
13. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1978. 190 с.
14. Миненко Н.А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период: Бахрушинские чтения 1984 г. Новосибирск, 1984. С. 3–32.
15. Бородовский А.П., Горохов С.В. Реконструкция печи приказной избы Умревинского острога // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае, 2006 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2007. С. 69–73.
16. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский клад серебряных проволочных копеек времени правления Петра I // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 2. С. 102–108.
17. Горохов С.В., Бородовский А.П. Анализ внутренней структуры археологических нумизматических коллекций XVIII века, происходящих из Новосибирского Приобья и сопредельных территорий // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2016. Т. 15, № 5. С. 194–202.
18. Ленков В.Д., Силантьева Г.Л., Станюкович А.К. Командорский лагерь экспедиции Беринга. М.: Наука, 1988. 128 с.
19. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области. Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению историко-культурного наследия, 2003. 42 с.
20. Бородовский А.П. Археологические исследования Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 258–265.
21. Бережнова М.Л., Минин А.В. Планиграфия погребального комплекса // Кладбище села Бергамак: опыт мониторинга. Омск: Наука, 2009. С. 248–272.
22. Шаповалов А.В. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2000 г. Новосибирск, 2000.
23. Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4. С. 70–82.
24. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 251 с.
25. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. 538 с.
26. Соколовский И.Р. Приказчик Умревинского острога Алексей Круглик и его отец (биографии двух «чиновников» XVII – нач. XVIII вв.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Новосибирск, 1996. С. 8–9.
27. Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чауском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск: Наука, 1984. С. 224–228. (Археология и источниковедение Сибири).
28. Энциклопедия Томской области: в 2 т. / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1: А–М. 480 с.
29. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазья: усадьба заполярного города. Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. 360 с.
30. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 247 с.
31. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1998. Т. 4: С–Я, кн. 2. 160 с.
32. Миллер Г.Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (дата обращения: 27.10.2018).
33. Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. М.: ДатаСтром, 1992. 678 с.
34. Горохов С.В., Бородовский А.П. Юго-западная угловая башня Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 324–329.
35. Горохов С.В. Локализация и планиграфия Усть-Тартасского паса (форпоста) в Барабинской степи // Баландинские чтения. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. Т. XIV. С. 227–231.
36. Галухин Л., Лысенко Д. Городская археология. Итоги масштабного археологического изучения Енисейска // Наследие народов Российской Федерации. 2019. № 2/3. С. 62–73.
37. Горбачев В.Т. и др. Градостроительство Сибири. СПб.: Коло, 2011. 784 с.
38. Горохов С.В. Малоуглубленное индукционно-частотное зондирование в археологии Западной Сибири // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 36–37.
39. Горохов С.В. Корреляция археологических и геофизических данных по материалам Умревинского острога // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. Красноярск, 2006. С. 195–197.
40. Горохов С.В. Археологические и геофизические исследования Умревинского острога // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история. Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2006. С. 38–43.
41. Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX века. М.: Изд-во стандартов, 1975. 273 с.
42. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. 242 с.
43. Романов П.И. Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 93–98.
44. Романов П.И. Документы фонда «Умревинский острог и судная контора» (анализ на основе археологических исследований) // Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 13, т. 2. С. 379–385.
45. Потанин Г.Н. Матеріалы для історії Сибірі. М.: ВЪ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко) на Страстномъ бульваре, 1867. 327 с.

References

1. Gmelin, J.G. (1752) *Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743*. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe.
2. Messerschmidt, D.G. (1962) *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727*. Vol. 1. Berlin: Akademie-Verlag.
3. Demidova, N.F., Myasnikov, V.S. & Tikhvinskiy, S.L. (eds) (1990) *Russko-kitayskie otnosheniya v XVIII veke: materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 18th century: materials and documents]. Vol. 2. Moscow: Gl. red. vost. lit.
4. Minenko, N.A. (1990) *Po staromu Moskovskomu traktu* [Along the old Moscow highway]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
5. Emylanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu* [Russian settlement of the Middle Ob region in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Minenko, N.A. (1989) *Russkie ostrogi i forposty na territorii Novosibirskogo Priob'ya i Baraby* [Russian forts and outposts on the territory of the Novosibirsk Ob region and Baraba]. In: Goryushkin, L.M. & Semko, B.I. (eds) *Pamyatniki Novosibirskoy oblasti. Pamyatniki arkheologii. Pamyatniki istorii. Pamyatniki arkhitektury* [Monuments of Novosibirsk region. Archeological monuments. Historical monuments. Architectural monuments]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo. pp. 80–91.

7. Polunin, F.A., Miller, G.F. & Wever, C.L. (1773) *Geograficheskiy leksikon* "Rossiyskogo gosudarstva" [The geographical lexicon of the Russian state]. Moscow: Imperial Moscow University.
8. Miller, G.F. (1988) Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uyezda G.F. Millera (1734 g.) [Historical and geographical description of the Tomsk district by G.F. Miller (1734)]. In: Pokrovsky, N.N. (ed.) *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Sources on the History of Siberia in the Pre-Soviet Period]. Novosibirsk: Nauka. pp. 59–101.
9. Maksimovich, L.M. (1789) *Novyy i polnyy geograficheskiy slovar' Rossiyskogo gosudarstva, ili Leksikon* [New and Complete Geographical Dictionary of the Russian State, or Lexicon]. Vol. 6. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova.
10. Shchekotov, A. (1808) *Slovar' geograficheskiy Rossiyskogo gosudarstva* [Geographical Dictionary of the Russian State]. Vol. 6. Moscow: [s.n.].
11. Slovtsov, P.A. (1956) *Istoriya Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [History of Siberia. From Ermak to Catherine II]. Moscow: Veche.
12. Shunkov, V.I. (1956) *Ocherki po istorii zemledeliya v Sibiri (XVII vek)* [Essays on the history of agriculture in Siberia (the 18th century)]. Moscow: USSR AS.
13. Kochedamov, V.I. (1978) *Pervye russkie goroda Sibiri* [The first Russian cities of Siberia]. Moscow: Stroyizdat.
14. Minenko, N.A. (1984) *Pervye russkie derevni i goroda na territorii Baraby i Novosibirskogo Priob'ya* [The first Russian villages and cities on the territory of Baraba and the Novosibirsk Ob region]. In: Minenko, N.A. (ed.) *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiy period: Bakhruzhinskiye chteniya 1984 g.* [Cities and villages of Siberia in the pre-Soviet period: The Bakhruzhin Readings 1984]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 3–32.
15. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2007) *Rekonstruktsiya pechi prikaznoy izby Umrevinskogo ostroga* [Reconstruction of the stove of the government office in the Umrevinsky fort]. In: *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altai, 2006 g.: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field research in the Upper Ob region and Altai, 2006: archeology, ethnography, oral history]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 69–73.
16. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2016) *Umrevinskiy klad serebryanykh provolochnykh kopeek vremeni pravleniya Petra I* [The Umrevinsky treasure of silver wire kopecks from the reign of Peter I]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 44(2). pp. 102–108.
17. Gorokhov, S.V. & Borodovskiy, A.P. (2016) *Analiz vnutrenney struktury arkheologicheskikh numizmaticheskikh kollektsey XVIII veka, proiskhodyashchikh iz Novosibirskogo Priob'ya i sopredel'nykh territoriy* [The analysis of the internal structure of archaeological numismatic collections of the 18th century, originating from the Novosibirsk Ob region and adjacent territories]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 15(5). pp. 194–202.
18. Lenkov, V.D., Silantjeva, G.L. & Stanyukovich, A.K. (1988) *Komandorskiy lager' ekspeditsii Beringa* [Commander's camp of the Bering expedition]. Moscow: Nauka.
19. Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, E.L. (2003) *Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoy oblasti* [Russian forts of the 18th century on the territory of the Novosibirsk region]. Novosibirsk: Nauch.-proizv. tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya.
20. Borodovskiy, A.P. (2002) *Arkheologicheskoe issledovaniye Umrevinskogo ostroga* [Archaeological research of the Umrevinsky fort]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 8. Novosibirsk: SB RAS. pp. 258–265.
21. Berezhnova, M.L. & Minin, A.V. (2009) *Planigrafiya pogrebal'nogo kompleksa* [Planigraphy of the burial complex]. In: Berezhnova, M.L. *Klad-bishche sela Bergamak: opyt monitoringa* [The cemetery of the village of Bergamak: A monitoring experience]. Omsk: Nauka. pp. 248–272.
22. Shapovalov, A.V. (2000) *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh Umrevinskogo ostroga v Moshkovskom rayone Novosibirskoy oblasti v 2000 g.* [Report on archaeological research of the Umrevinsky fort in the Moshkovsky district of the Novosibirsk region in 2000]. Novosibirsk: [s.n.].
23. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2008) *Oboronitel'nye sooruzheniya Umrevinskogo ostroga (arkheologicheskie issledovaniya 2002–2004 gg.)* [Defensive structures of the Umrevinsky fort (archaeological research of 2002–2004)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4. pp. 70–82.
24. Emelyanov, N.F. (1980) *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyuyu epokhu* [The population of the Middle Ob region in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
25. Okladnikov, A.P. (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
26. Sokolovskiy, I.R. (1996) *Prikazchik Umrevinskogo ostroga Aleksey Kruglik i ego otets (biografii dvukh chinovnikov XVII – nach. XVIII vv.)* [A clerk of the Umrevinsky prison Alexey Kruglik and his father (biographies of two "officials" of the 17th – early 18th centuries)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XX vekov* [Problems of the history of local government of Siberia of the 17th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Regional Research Library. pp. 8–9.
27. Dolgova, S.R. & Rezun, D.Ya. (1984) *Novoe o Chausskom ostroge XVIII v.* [New information about the Chaussky fort of the 18th century]. In: *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii* [Research on the history of social consciousness in the era of feudalism in Russia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 224–228.
28. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2008) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [The Encyclopedia of Tomsk Region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
29. Vignalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2017) *Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda* [Mangazeya: The Estate of the Polar City]. Nefteyugansk; Ekaterinburg: Karavan.
30. Elert, A.Kh. (1990) *Ekspeditsionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri* [G.F. Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
31. Rezun, D.Ya. & Tereshkov, D.M. (eds) (1998) *Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommersii Sibiri* [A Brief Encyclopedia on the History of Merchants and Commerce of Siberia]. Vol. 4. Novosibirsk: RIPEL plus.
32. Miller, G.F. (1734) *Opisanie Tomskogo uyezda Tobol'skoy provintsii v Sibiri v nyneshnem ego polozhenii, v oktyabre 1734 g.* [Description of the Tomsk district of Tobolsk province in Siberia in its current position, in October 1734]. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (Accessed: 27th October 2018).
33. Uzenikov, V.V. (1992) *Monety Rossii. 1700–1917* [Coins of Russia. 1700–1917]. Moscow: DataStrom.
34. Gorokhov, S.V. & Borodovskiy, A.P. (2017) *Yugo-zapadnaya uglovaya bashnya Umrevinskogo ostroga* [The southwestern corner tower of the Umrevinsky fort]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian culture in archaeological research]. Omsk: Nauka. pp. 324–329.
35. Gorokhov, S.V. (2019) *Lokalizatsiya i planigrafiya Ust'-Tartasskogo pasa (forposta) v Barabinskoy stepi* [Localization and planigraphy of the Ust-Tartas pass (outpost) in the Barabinsk steppe]. In: *Balandinskiye chteniya* [The Balandin Readings]. Vol. 14. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts. pp. 227–231.
36. Galukhin, L. & Lysenko, D. (2019) *Gorodskaya arkheologiya. Itogi masshtabnogo arkheologicheskogo izucheniya Eniseyska* [Urban archeology. Results of a large-scale archaeological study of Yeniseisk]. *Nasledie narodov Rossiyskoy Federatsii*. 2/3. pp. 62–73.
37. Gorbachev, V.T. et al. (2011) *Gradostroitel'stvo Sibiri* [Urban planning of Siberia]. St. Petersburg: Kolo.
38. Gorokhov, S.V. (2003) *Maloglubinnoe induktsionno-chastotnoye zondirovanie v arkheologii Zapadnoy Sibiri* [The shallow induction frequency sounding in the archeology of Western Siberia]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *Kul'tura Sibiri i sopredel'nykh territoriy v proshlom i nastoyashchem* [The Culture of Siberia and Adjacent Territories in the Past and Present]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 36–37.
39. Gorokhov, S.V. (2006) *Korrelatsiya arkheologicheskikh i geofizicheskikh dannykh po materialam Umrevinskogo ostroga* [Correlation of archaeological and geophysical data based on materials from the Umrevinsky fort]. In: Lepin, P.V. (ed.) *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy* [Archeology, Ethnology, Paleoecology of Northern Eurasia and Adjacent Territories]. Krasnoyarsk: KSPU. pp. 195–197.
40. Gorokhov, S.V. (2006) *Arkheologicheskie i geofizicheskie issledovaniya Umrevinskogo ostroga* [Archaeological and geophysical research of the Umrevinsky fort]. In: *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altai: arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field Research in the Upper Ob Region and Altai: Archeology, Ethnography, Oral History]. Barnaul: BSPU. pp. 38–43.

41. Shostin, N.A. (1975) *Ocherki istorii russkoy metrologii XI–XIX veka* [Essays on the history of Russian metrology of the 11th–19th centuries]. Moscow: Izd-vo standartov.
42. Emelyanov, N.F. (1982) *Naselenie Srednego Priob'ya v feodal'nyu epokhu* [The population of the Middle Ob region in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.
43. Romanov, P.I. (2017) Problems and prospects of correlation of archival documents and the archaeological material (in the Umrevinsk stockaded town). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 45. pp. 93–98. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/14
44. Romanov, P.I. (2017) Dokumenty fonda “Umrevinskiy ostrog i sudnaya kontora” (analiz na osnove arkhеologicheskikh issledovaniy) [Documents of the fund “Umrevinsky prison and court office” (an analysis based on archaeological research)]. *Voprosy istorii, arkhеologii, politicheskikh nauk i regionovedeniya*. 13(2). pp. 379–385.
45. Potanin, G.N. (1867) *Materiyaly dlya istorii Sibiri* [Materials for the History of Siberia]. Moscow: V" Universitetskoy Tipografii (Katkov" i Ko) na Strastnom" bul'vare.

Сведения об авторе:

Горохов Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: gorokhov.sv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gorokhov Sergey V. – Candidate of Historical Sciences, Researcher at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gorokhov.sv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.03.2020; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 24.03.2020; accepted for publication 01.04.2024

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Рецензия

УДК 94(470)

doi: 10.17223/19988613/88/22

Причины и факторы цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв.

Игорь Сергеевич Соловенко¹, Анатолий Алексеевич Рожков²,
Кирилл Александрович Пинжин³, Андрей Павлович Жолбин⁴

^{1,3,4} Томский политехнический университет, Томск, Россия

² Российское энергетическое агентство Минэнерго России, Москва, Россия

¹ solovenko71@mail.ru

² aarozhkov@mail.ru

³ pinzhin98@mail.ru

⁴ pszholbin@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются причины и факторы, способствовавшие цифровизации топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв. Выделяются их четыре основные группы: научно-технологические, политические, экономические и социальные. В целом бизнес, общество и государство сумели тогда заложить основы снижения зависимости от внешних факторов воздействия на этот процесс. Рост внутренних возможностей распространения цифровых технологий в отраслях ТЭК сдерживался отсутствием межотраслевого научно-технологического центра, способного генерировать и претворять в жизнь передовые технологии.

Ключевые слова: Россия, топливно-энергетический комплекс, цифровизация, причины, факторы

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

Для цитирования: Соловенко И.С., Рожков А.А., Пинжин К.А., Жолбин А.П. Причины и факторы цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 190–201. doi: 10.17223/19988613/88/22

Book review

Reasons and factors for digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 20th–21st centuries

Igor S. Solovenko¹, Anatoly A. Rozhkov², Kirill A. Pinzhin³, Andrey P. Zholbin⁴

^{1,3,4} Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ solovenko71@mail.ru

² aarozhkov@mail.ru

³ pinzhin98@mail.ru

⁴ pszholbin@gmail.com

Abstract. The relevance of the work is due to the low level of historical analysis of the turn of the 20th – 21st centuries in domestic historiography, which especially applies to scientific and technical topics. In this regard, the digitalization of the fuel and energy complex (FEC) of Russia is of particular interest. Analysis of the causes and factors of this process reflects general trends characteristic of all sectors of the national economy. At the same time, the authors' attention to the digitalization of the fuel and energy complex is due to the high level of its impact on Russia's energy security. The content of the article is based on information from documents in federal and regional archives, as well as a wide list of literature, primarily scientific and technical. Research methods used: comparative method, historical-typological analysis, comparative-historical and problem-chronological.

The authors identify four main groups of causes and factors of this impact: scientific and technological, political, economic and social. In our opinion, the scientific and technological factor was of primary importance in the digitalization of the Russian fuel and energy complex. The article differentiates the external and internal components of this factor. The authors emphasize that, despite the predominance of imports of digital technologies, as well as the strengthening of international cooperation, enterprises of the Russian fuel and energy complex have developed internal capabilities for creating and selling digital products. In this matter, a positive role was played by such trends as the expansion and strengthening of the role of the state and society, as well as new forms and methods of economic strategy and tactics of fuel and energy complex enterprises. Thanks to the success of this activity, enterprises of the fuel and energy complex have become the leaders in the digital transformation of the Russian economy.

The final conclusion is that business, society and the state during the period under review laid the foundations for reducing dependence on external factors for the dynamic implementation of digital products. An obvious problem that hampered the growth of internal opportunities for the dissemination of digital technologies in the Russian fuel and energy complex was the lack of a large intersectoral scientific and technological center capable of generating and implementing advanced technologies.

Keywords: Russia, fuel and energy complex, digitalization, reasons, factors

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

For citation: Solovenko, I.S., Rozhkov, A.A., Pinzhin, K.A., Zholbin, A.P. (2024) Reasons and factors for digitalization of enterprises of the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 20th–21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 190–201. doi: 10.17223/19988613/88/22

Введение

Цифровизация стала объективной реальностью, охватившей планету на рубеже XX–XXI вв. Она соединила мировые хозяйственные процессы и стала платформой экономической безопасности. В рассматриваемый период не было какой-либо страны (вне зависимости от политического режима и экономической модели развития), где данные процессы имели бы нулевой результат. Глобализация, интеграция и либерализация экономических отношений заметно усиливали обмен знаниями и технологиями, что делало процесс цифровизации неотъемлемым элементом межотраслевых связей на международном уровне. Соответственно, ведущую роль в данном процессе играли научные инновационные технологии. Поэтому анализ причин и факторов цифровизации любой отрасли хозяйственной деятельности необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения общемирового научно-технического прогресса (НТП), что в анализе рассматриваемого вопроса объективно ставит на первый план внешний фактор воздействия, так как подавляющая часть цифровых технологий имела интернациональный характер. Вместе с тем это несколько не умаляет внутренние причины и факторы эволюции цифровизации, что нашло отражение не только в разном уровне результатов данного процесса между странами, но и на межотраслевом уровне. Поэтому в анализе рассматриваемого вопроса с научно-технологическим фактором тесно переплелись политические, экономические и социальные компоненты. Их влияние имело волнообразный характер, порой выглядело впечатляюще, но не всегда производило ожидаемый эффект. И это тоже является предметом нашего исследования, так как рассматриваемый процесс только усиливает свое воздействие на всех его участников.

Ярким примером прямого воздействия научно-технического прогресса на степень цифровизации предприятий и компаний России на рубеже XX–XXI вв. являлся топливно-энергетический комплекс, включав-

ший в себя крупные системообразующие отрасли: энергетическую, нефтяную, газовую и угольную. Данное воздействие неоднократно подчеркивали ученые и специалисты, но конкретно это явление не рассматривали [1, 2]. Начало нового тысячелетия только становится объектом анализа в трудах ученых-историков. Вместе с тем многие политические и социально-экономические процессы конца XX в., как правило, оцениваются ими критически, без каких-либо попыток определить положительные факты и тенденции, а также их значение [3]. Очевиден и факт воздействия цифровых технологий на энергетическую безопасность страны, хотя в работах того периода данный вопрос почти не рассматривался [4, 5]. В свою очередь, это не позволяет в полной мере осознать достижения и проблемы тех инновационных процессов, которые наблюдаются в экономике и других сферах жизни современного российского государства. Проведенный анализ будет способствовать выявлению важнейших причин усиления и спада динамики цифровизации, а также определению ее места и роли в энергетической безопасности страны.

Научно-технологические факторы

Несмотря на тесную связь внешних и внутренних причин и факторов цифровизации ТЭК России, важно отдельно рассмотреть каждую группу. Это позволит иметь более объективные и подробные знания о месте и роли отечественной науки, а также подчеркнуть реальные действия государства и бизнеса в данном процессе. С нашей точки зрения, **внешние** причины и факторы воздействия являлись определяющими. Совокупность знаний и технологий всех стран мира объективно имела количественные и качественные преимущества по отношению не только к нашей стране, но и любой другой. Рассматриваемый исторический период характеризовался важными научно-технологическими, геополитическими и макроэкономическими

сдвигами. На рубеже XX–XXI вв. слились воедино пятый технологический уклад и третья промышленная революция [6]. Одним из значимых результатов этого стало масштабное внедрение микроэлектроники, информационных технологий и цифровых сетей во все сферы жизни мирового сообщества.

В начале 1990-х гг. начинается комплексное освоение современных информационных технологий в целях оптимизации внутренних процессов, улучшения производства товаров и услуг, что эксперты, в общем, и считают масштабной цифровизацией. Она пришла на смену отдельным фактам информатизации и компьютеризации, формируя информационные платформы, благодаря которым пользователи стали решать масштабные и комплексные задачи. Все это объективно вовлекало российские компании отраслей ТЭК в формирование новой парадигмы научно-технического и технологического развития [7. С. 47; 8. С. 49].

Распад социалистического лагеря и формирование в мире однородного рыночного пространства усилили процессы глобализации и международной интеграции, все более вовлекая в эти процессы и наше государство. Именно тогда в России становится популярной идея глобальной цифровизации [1], которая уже господствовала в развитых странах мира и имела конкретные достижения: персональные электронно-вычислительные машины, базы данных, автоматизированные информационные технологии (АИТ), Интернет, системы коммуникаций и навигации, новые микропроцессоры, суперкомпьютеры и др. Отечественные наука и производство оказались недостаточно конкурентоспособными в этом сегменте мировой экономики, что породило рост темпов импорта цифровых технологий и готовых продуктов [9. С. 19]. Особенно были заинтересованы в данных товарах и услугах предприятия топливно-энергетического комплекса, которые укрепляли свои позиции как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Начиная с 1992 г. к этому также подталкивали либерализация внешнеэкономических отношений и усиление интеграционных связей с технологически оснащенными иностранными предприятиями и компаниями. Повышался уровень цифровизации и потребителей продукции предприятий российского топливно-энергетического комплекса [8. С. 49]. Вполне очевидно, что и здесь лидерские позиции занимали зарубежные фирмы. Поэтому отечественным предприятиям и компаниям ТЭК необходимо было поддерживать или хотя бы двигаться в направлении усиления комплексной автоматизации, информатизации и компьютеризации бизнес-процессов.

Еще более важной являлась такая задача, как адекватная реакция на новые формы и методы цифровизации, которые также имели глобальный характер и распространялись из мировых экономических центров. С 1995 г., например, в мире стала набирать обороты электронная коммерция, в которую постепенно втягиваются и российские производители энергоресурсов. Появление на глобальном рынке в конце 1990-х гг. первых карманных компьютеров усилило корпоративную мобильность и на предприятиях ТЭК России [10. С. 64, 117]. Российские предприятия, которые опера-

тивно не реагировали на данные вызовы, в дальнейшем оказались банкротами либо слабовидными игроками на энергетическом рынке даже России.

Степень научно-технологического преимущества западных стран в мире только возрастала. Во многом благодаря их достижениям 2002 год стал переломным в изменении соотношения мирового объема аналоговых и цифровых данных в пользу последних, что некоторые исследователи посчитали началом цифровой трансформации. Объем цифровой информации тогда увеличивался в геометрической прогрессии [11. С. 21]. В наиболее развитых странах мира активно формировались основы «интеллектуальных» систем, которые и стали фундаментом цифровой трансформации во всех сегментах мировой экономики [12], в том числе и топливно-энергетическом комплексе [13. С. 14]. Интеллектуализация мировой добычи энергоресурсов была связана с сокращением и качественным ухудшением имевшейся сырьевой базы [14. Л. 90 об.]. Эксперты расценивали это как «серьезнейшую стратегическую угрозу энергетической безопасности» России [15]. Предприятия и компании были вынуждены активнее осваивать труднодоступные территории и нетрадиционные запасы, что в сложившихся условиях было невозможно сделать без использования цифровых технологий.

При этом отрасли российского ТЭК отставали от общемировой тенденции создания «интеллектуальных» инфраструктурных объектов примерно на восемь лет [16]. В этой связи оказался очень востребованным научно-технологический опыт зарубежных компаний. Вполне закономерно, что первый реализованный в России проект по созданию «интеллектуальных» месторождений (вторая половина 2000-х гг.) был напрямую связан с деятельностью известной зарубежной компании Shell [13. С. 14, 16]. Похожая, а чаще даже еще худшая картина внедрения цифровых технологий в производство и управление наблюдалась в других сегментах народного хозяйства России. Данная ситуация критически осмысливалась всеми участниками энергетического рынка России и стимулировала повышение темпов цифровизации [17. Л. 11–12; 18. С. 89].

Таким образом, внешние причины и факторы воздействия научно-технического прогресса имели положительное влияние на интенсификацию процессов цифровизации ТЭК России на уровне как бизнес-сообщества, так и органов государственной власти и управления. Однако эта тенденция имела и негативную сторону – рост импортозависимости от программного обеспечения и цифровых технологий, причем в основном от ведущих стран Запада. Государство осознавало эту проблему, но серьезными рычагами воздействия до 2005–2006 гг. еще не обладало.

Распространение цифровых технологий в топливно-энергетическом комплексе имело неравномерный межгосударственный характер. Во многом это связано с *внутренними возможностями* каждой из стран в области изобретательской деятельности, создания и внедрения готовых технологий. Пожалуй, данный фактор в деле цифровизации топливно-энергетического комплекса России имел самый противоречивый характер на фоне всех остальных, особенно в конце XX в. Серь-

езные достижения в этой области соседствуют с большими трудностями, с которыми столкнулась вся отечественная наука. Российская экономика получила от СССР такие важные преимущества, как, во-первых, конкурентоспособный научно-технологический потенциал, во-вторых, самый крупный в мире топливно-энергетический комплекс [19. Л. 6]. Данные преимущества позволяли решать фактически любую производственно-экономическую задачу, создавать перспективные технологии. К тому же серьезные успехи советских математиков и программистов позволяли иметь в 1990-е гг. достаточно сильные позиции в области информатизации и компьютеризации [20. С. 7]. Однако социально-экономический кризис конца 1980-х – 1990-х гг. и резкое сокращение расходов на науку и образование не позволили в достаточной мере реализовать имевшиеся преимущества. Научно-техническая политика государства тогда ориентировалась не на достижения мирового уровня, а на «сохранение научно-технологического потенциала страны» [21].

В условиях перехода к рынку и сокращения государственной поддержки научно-технических программ в данном сегменте стабильно возрастала роль самих субъектов хозяйственной деятельности, а также частных научно-производственных фирм. Они постепенно усиливали свое воздействие на рынок цифровых продуктов, в том числе и ориентированных на потребности предприятий ТЭК. Экономическая свобода, возможности международной кооперации, а также практико-ориентированный подход положительно воздействовали на укрепление позиций отечественных разработчиков цифровых продуктов. Однако сложно было конкурировать с иностранными фирмами наиболее развитых стран, где такая работа велась давно и системно (в том числе и на уровне крупных научно-технологических центров), а государственная поддержка инновационно ориентированных компаний имела заметное политическое и финансовое преимущество.

Начиная с 2000-х г., когда финансово-экономические возможности государства заметно возросли, «существенно увеличились объемы финансирования науки» [21]. Это расширило возможности увеличения капиталовложений и в сфере создания и использования информационных технологий, направленных на решение управленческих и производственных задач в отраслях ТЭК России. По-прежнему главной опорой компаний и предприятий топливно-энергетического комплекса были научно-исследовательские институты. Они имели федеральный и региональный уровни, а также универсальный и отраслевой характер. НИИ обладали накопленным, но во многом не реализованным в советский период научно-производственным потенциалом, а также высококвалифицированными кадрами, отвечавшими международному уровню. Высокую степень востребованности у предприятий ТЭК имели результаты деятельности отраслевых НИИ. Основная их часть относилась к фундаментальным исследованиям, однако имелось и немало полезных разработок прикладного характера. Их значение в деле модернизации техники и технологий постоянно возрастало, особенно в области прикладных технологий.

В сфере отечественных научно-технологических разработок развивалось и частно-государственное партнерство. В частности, АО «Росинформуголь» стало важным проводником политики цифровизации на предприятиях угольной промышленности, а некоторые результаты его деятельности того времени до сих пор имеют высокую степень актуальности. Например, в АО «Росинформуголь» была разработана и успешно функционирует с 2010 г. информационно-аналитическая система «ИАСуголь», в рамках которой реализованы функции динамического построения в автоматическом режиме таблиц и прогнозов технико-экономических показателей с использованием большого объема ретроспективной и текущей информации, поступающей от предприятий угольной отрасли [22]. АОЗТ «Стройимпэкс» поставляло компьютерное оборудование угольным предприятиям и занималось установкой на него программного обеспечения, в том числе и для информационно-аналитических расчетов по основным производственным и технико-экономическим показателям [23].

Новым явлением в деле цифровизации отраслей ТЭК России стало использование результатов деятельности частных научно-производственных компаний и фирм. В основном они создавались специалистами, обладавшими знаниями в производственной и научной деятельности. Теоретическая и практическая значимость новых субъектов хозяйственной деятельности была порой выше, чем результаты работы НИИ. Их конкурентным преимуществом было то, что они ориентировались на особенности работы отечественных машин и механизмов. Они могли быстро и точно решить возникшую управленческую или производственно-экономическую проблему, которая требовала использования компьютерных знаний и технологий. В основном научно-производственные фирмы и компании ориентировались на потребности крупных заказчиков в наиболее дефицитных приборах и средствах автоматизации. В анализируемый период самыми заметными из них были «Компакс» и «ВИСТ Групп». Начиная с 2000-х гг. частные отечественные научно-производственные фирмы стали играть ключевую роль в деле обеспечения информационной безопасности предприятий и компаний России. В течение рассматриваемого времени на увеличение масштабов цифровизации влияло расширяющееся сотрудничество отечественных научно-производственных фирм и компаний с зарубежными партнерами [24. Л. 47]. Ими создавались совместные предприятия, изготавливалась и реализовывалась конкурентная продукция.

Начиная с советских времен на предприятиях ТЭК разработкой и применением научно-технологических разработок занимались специальные инженерно-технические работники. На основе использования цифровых технологий они создавали собственные решения управленческих и производственно-экономических проблем, а также реализовывали идеи и продукты зарубежного и отечественного производства. На предприятиях ТЭК функциональными задачами стали автоматизация, создание новых форм обеспечения безопасности жизнедеятельности (включая кибербез-

опасность), формирование интеллектуальных управленческих систем [25. С. 5].

Увеличение финансирования науки в начале 2000-х г. положительным образом отразилось на результатах ее развития, особенно в области технических знаний. Весьма популярной в диссертациях и научных статьях становится тема инновационного развития экономики России. В содержании данных работ встречается информация и об эффективных цифровых технологиях, которые предлагалось использовать (а где-то уже использовали) на предприятиях топливно-энергетического комплекса [26–28]. Начиная с 2006 г. в журналах все чаще публикуются статьи, в которых обсуждаются и предлагаются новые (порой не имеющие мировых аналогов) цифровые технологии и продукты. Авторами этих публикаций в основном выступали профессора и доценты технических вузов [29–31]. Фактически все научные разработки ориентировались на такие новые тенденции, как ресурсосбережение и создание экологически чистой продукции [32. Л. 31].

Таким образом, особенности научно-технического и технологического развития России позволяли корректировать и поддерживать на конкурентном уровне цифровизацию управленческих и производственных процессов на предприятиях топливно-энергетического комплекса. Однако данная деятельность в основном имела «компенсационный», а не новаторский характер. Она ориентировалась на потребности прежде всего крупных компаний нефтегазовой отрасли.

В целом научно-технический прогресс динамично воздействовал на процессы цифровизации всех отраслей отечественного ТЭК. Ведущим направлением в этом процессе становилось создание «интеллектуальных» систем. Большинство новых цифровых технологий ориентировалось на поддержку данной тенденции. Широкие возможности цифровизации предприятий и компаний топливно-энергетического комплекса России обеспечивались большим количеством форм и методов создания и использования новых технологий. Однако слабо просматривался комплексный подход в решении масштабных задач, так как имелся низкий уровень политико-экономической поддержки создания и внедрения прорывных технологий.

Политические факторы

Анализ научно-технических причин и факторов развития цифровизации предприятий ТЭК подчеркивает важную роль в данном процессе такого важного политического института, как государство. Поэтому необходимо отдельно остановиться на этом компоненте, выявить наиболее значимые меры. Важно подчеркнуть, что многие из них были аналогичны тем, что предпринимались правительствами других стран. Вместе с тем имелись и свои особенности, которые были связаны с трансформационными процессами российской государственности – это прежде всего переход к демократии и рыночной модели экономики. Данный переход был весьма болезненным, порой драматичным, что, безусловно, отразилось на политико-экономических возможностях Правительства РФ, которые к тому же

были весьма амбициозными. В данных условиях одной из первоочередных и весьма важных мер со стороны государства стало предоставление широких экономических свобод. Российские предприятия и компании, в том числе и в отраслях ТЭК, освобождались от диктата сверху, значительно расширили свои внешнеэкономические возможности, стали использовать дополнительные меры по стимулированию эффективной деятельности своих работников и т.д. Переход от административно-командной модели экономики к рыночной определил поиск федеральными органами исполнительной власти новых механизмов реализации намеченных еще в СССР на 1990-е гг. планов, в том числе и в области «широкомасштабной информатизации» народного хозяйства [33. Л. 74].

Несмотря на все трудности, с которыми столкнулись новые органы власти и управления в последнее десятилетие XX в., их внимание к анализируемой проблеме присутствовало, и оно соответствовало политико-экономическим реалиям того времени. На необходимость активного государственного вмешательства в процессы цифровизации ТЭК указывал и опыт других стран [34. С. 157]. Особенно это вмешательство было актуально на начальном этапе формирования прорывных технологий [35. С. 54], тем более что отечественный бизнес слабо финансировал научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы на протяжении фактически всего рассматриваемого времени [36. С. 17; 37]. Главной причиной этого являлся финансовый дефицит, особенно на предприятиях угольной промышленности [38. Л. 13]. Поэтому государство наращивало объемы инвестиций в эту важную сферу деятельности [24. Л. 36], взяло курс на выстраивание государственно-частного партнерства, а также усиливало межгосударственное взаимодействие в межведомственном формате [39. Л. 5–6].

Набирала популярность такая форма научно-технологической поддержки со стороны государства, как предоставление грантов наиболее перспективным организациям и ученым, которые занимались вопросами цифровизации топливно-энергетического комплекса [40. С. 9]. Подобный подход позволял решать сохранявшуюся с советских времен проблему неэффективности использования бюджетных средств [41. Л. 147]. Особенно инвестиционная и грантовая деятельность усилилась в начале 2000-х гг., когда финансово-экономические возможности федерального бюджета заметно возросли. Государство особо поддерживало угольную промышленность, которая в ходе реструктуризации серьезно ослабила свои инвестиционные возможности.

Действия органов федеральной власти по внедрению востребованных информационных технологий обозначились весьма быстро. В начале 1992 г. Правительство РФ начало разрабатывать «Национальную программу развития электроники России», где главное место занимали действия по использованию отечественных разработок, а том числе в топливно-энергетическом комплексе [42]. Эта политика была продолжена, например, в рамках Федеральной целевой программы «Развитие вычислительной техники и компьютерных технологий» (1999) [43. Л. 29 об.], Федеральной целе-

вой программы «Электронная Россия» (2002–2010) [39. Л. 19] и др. Цели и задачи этих программ напрямую затрагивали ТЭК, так как Правительство РФ прекрасно осознавало, что от темпов добычи энергоносителей серьезным образом зависел ежегодный прирост ВВП, а также энергетическая безопасность страны, которая в то время имела заметные региональные проблемы [44]. Пока сложно точно оценить степень эффективности этих программ, однако уже сейчас ясно, что определенные успехи имелись.

Правительство России было объективно заинтересовано в развитии цифровизации всех отраслей народного хозяйства, так как это позволяло решить такую актуальную проблему, как переход на инновационные рельсы развития. Государство создавало необходимые условия включения российских компаний и предприятий в глобальные экономические процессы, где цифровые технологии становились существенным фактором повышения конкурентоспособности. Данная тема была предметом обсуждения на государственном уровне уже в начале 1990-х гг., а в 1995 г. стали разрабатываться меры по обеспечению государственной поддержки инновационной деятельности в экономике Российской Федерации [45]. В 2000-е гг. политическая стимуляция инновационной активности нарастала, в том числе в отраслях ТЭК. В директивном порядке внедрялись новейшие технологии, возрастал интерес к возобновляемым источникам энергии, энергоэффективности, а также к системе Smart Grid [34. С. 154], которая серьезным образом ориентировалась на использование цифровых технологий.

Успехи цифровой трансформации в промышленности во многом зависели от темпов и масштабов перехода к информационному обществу в России. С 2008 г. такая стратегия стала реализовываться на уровне Правительства РФ [46. Л. 27]. Государство начало активно продвигать широкополосный Интернет во все субъекты РФ. Данный процесс явился одним из основных импульсов инновационного развития компаний и предприятий ТЭК, так как стирал лишние барьеры между производителями и потребителями, а государство получило возможность более эффективного мониторинга инновационных процессов, в том числе и в деле цифровизации всех сфер жизни общества. Дополнительным фактором принуждения к цифровизации бизнес-процессов со стороны государства стал закон об энергоэффективности, принятый в 2009 г.

Новые условия экономических отношений меняли задачи осуществления продуктивной деятельности. Если во времена СССР для руководства предприятий приоритетной задачей являлась системная безопасность, то в постсоветские годы – прибыль. Поэтому органы власти и управления были вынуждены организовывать новые способы контроля в таком важном сегменте, как топливно-энергетический комплекс. Повсеместно создавались новые возможности эффективного применения достижений в сфере цифровых технологий, разумного ограничения влияния частной собственности и коммерческих разработок на безопасность функционирования предприятий ТЭК. В наибольшей степени это относилось к энергетической отрасли, которая яв-

лялась весьма уязвимой. Это обуславливало высокий удельный вес государственных инвестиций в данную отрасль, а также жесткие способы проверки безопасности со стороны надзорных органов.

Таким образом, даже в условиях серьезных экономических трудностей государство предпринимало меры по активизации процессов цифровой трансформации ТЭК. Некоторые из них имели важное значение, например разработка и реализация федеральных программ, грантов, государственно-частное партнерство и др. Это подтверждается дальнейшей практикой использования данных форм поддержки отраслей топливно-энергетического комплекса со стороны государства. Одним из главных результатов данной деятельности стали укрепление энергетической безопасности, устранение причин для беспокойства в этом вопросе на уровне отдельных регионов.

Экономические факторы

Никто не был так заинтересован в цифровизации хозяйственной деятельности, как сами предприятия и компании топливно-энергетического комплекса. Они воплощали идеи и продукты как зарубежного, так и отечественного производства, занимались созданием и внедрением собственных решений. Высокая конкуренция на внутреннем и внешнем рынках была «главным мотивом» их инновационной деятельности [47. Л. 4]. Работа в этом направлении повышала эффективность производственно-управленческой деятельности, позволяла снизить издержки производства и повысить конкурентоспособность, а также решать такие специфические задачи, как, например, повышение контроля над выбросами парниковых газов [48. С. 40]. При этом основным источником финансирования инновационной деятельности предприятий являлись их собственные средства [49. Л. 58]. Свою лепту в цифровизацию вносили все работники предприятий, начиная от руководителя и заканчивая рядовыми рабочими, хотя вклад менеджеров и инженерно-технических работников был, несомненно, ключевым. Экономические возможности каждого субъекта хозяйственной деятельности определялись как накопленным в советское время потенциалом, так и поиском новых форм и методов реализации научно-технологических достижений. В первые годы рассматриваемого периода большое значение имел советский багаж знаний, а также имевшиеся в распоряжении предприятий топливно-энергетического комплекса техника, станки и оборудование. Некоторая их часть была вполне конкурентоспособной. Как отмечалось выше, определенную роль в увеличении масштабов цифровизации субъектов хозяйственной деятельности по инерции советских времен играли научно-исследовательские институты.

Действительно, в конце 1980-х гг. советская экономика накопила немалый опыт в области автоматизации, информатизации и компьютеризации топливно-энергетического комплекса. К тому времени, например, информационные технологии активно применялись в электроэнергетике с целью увеличения эффективности управления сетями. Предприятия нефтегазового сек-

тора применяли их для принятия решений в деле разведки месторождений, а также управления газо- и нефтепроводами [50. С. 129]. В угольной промышленности внедряли отраслевые автоматизированные системы управления (ОАСУуголь) для решения широкого круга управленческих задач, автоматизированные системы проектирования сложных топливно-энергетических систем и объектов угольной промышленности (САПР-уголь), формировались первые системы управления базами данных (СУБД) [22] и т.д.

Однако комплексное использование цифровых решений в советское время было малозаметным и малоэффективным. Во второй половине 1980-х гг. только 1/3 результатов НИР внедрялась в производство. Отмечался низкий удельный вес в общем количестве научных сотрудников тех, кто работал непосредственно на предприятиях и производственных объединениях [51. Л. 73]. Поэтому в 1990-е гг. главной целью предприятий и компаний отечественного ТЭК (как и других отраслей промышленности [52. С. 77]) стала комплексная цифровизация всех бизнес-процессов. Данная задача решалась посредством привлечения новых специалистов, оборудования, техники и технологий, изменения структуры управления и деятельности, заключения хоздоговоров [53. Л. 1–4; 54. Л. 5–6] и др. Это способствовало формированию новой экономической модели, в основе которой были современные техника и технологии – компьютеры, Интернет, мобильная связь и т.д. В XXI в. к этому добавились оцифровка ресурсов, слияние онлайн- и офлайн-сфер. Благодаря данной деятельности многократно расширились возможности снижения издержек и повышения собственной конкурентоспособности, в том числе на мировых рынках.

Изначально важной особенностью цифровизации предприятий ТЭК России стало то, что в большей мере она развивалась в управленческой сфере финансово-промышленных групп. Здесь раньше появлялись компьютеры, выход в Интернет, компьютерные программы и др. Это привело к снижению бюрократических барьеров, повысило оперативность принятия решений (особенно в чрезвычайных ситуациях), а также усилило информационную и корпоративную безопасность [55]. Данная тенденция продолжилась и в последующие годы [56. С. 96]. В силу слабой, только формирующейся институциональной и инфраструктурной среды рыночных отношений данный процесс шел медленнее [57. Л. 5], чем в развитых странах, но он набирал обороты и становился все более значимым в производственно-экономической деятельности. Благоприятным образом на это влияло то, что в конце 1990-х гг. рынок компьютерной техники, программных продуктов и компьютерных услуг в России вполне соотносился с аналогичными рынками высокоразвитых стран мира [43. Л. 21 об.].

В начале XXI в. цифровизация производственно-экономической деятельности на предприятиях топливно-энергетического комплекса заметно усилилась [58. С. 238]. Это было связано с масштабным внедрением компьютеров и информационных технологий, а также Интернета во всех сферах народного хозяйства и жизни российского общества. Рост киберугроз в мире на

энергетические объекты стимулировал конкретные меры по внедрению новых компьютерных программ и технологий, что, в свою очередь, определило увеличение численности специалистов в сфере информационных технологий фактически на каждом предприятии. Новым явлением стало создание элементов собственной цифровой инфраструктуры [59]. Соответственно, в топливно-энергетическом комплексе России динамично возрастал уровень принятия решений на основе использования цифровых технологий. Весьма благоприятно на внедрение инновационных технологий влияла и интенсификация производственной деятельности в топливно-энергетическом комплексе, которая была почти в полтора раза выше в сравнении с другими отраслями промышленности [60. Л. 41].

Результаты инновационного развития предприятий и компаний топливно-энергетического комплекса соответствовали уровню в других отраслях экономики России, а по некоторым показателям были выше [24. Л. 40]. Усиливался экономический потенциал ТЭК, а также его влияние на другие отрасли отечественной экономики. К примеру, на всех месторождениях в ходе расширения процессов автоматизации стали использоваться 3D-сейсмические модели. В результате происходил рост экономических показателей экономики всей страны [18]. Это создавало предприятиям ТЭК дополнительную привлекательность в процессе кооперации как с отечественными, так и с зарубежными партнерами. Динамичное развитие межотраслевого взаимодействия позволяло усиливать позиции в области цифровизации благодаря созданию специализированных IT-компаний и структур, а также формировать систему аутсорсинга IT-услуг для рассматриваемых отраслей [61. С. 134]. В целом это позволяло сделать цифровую трансформацию стратегией развития предприятий и компаний российского ТЭК.

Таким образом, экономические причины и факторы цифровизации топливно-энергетического комплекса России имели весьма разносторонний характер. Однако главным действием в этом процессе мы считаем **комплексную**, быструю и вполне эффективную перестройку стратегии и тактики субъектов хозяйственной деятельности, их скорую адаптацию к рыночным условиям. Причем это происходило не только в ТЭК, но и в других, прежде всего смежных, отраслях. В совокупности это позволяло и дальше стимулировать рост цифровой грамотности, а также оперативно внедрять новейшие технологии.

Социальные факторы

На степень интенсивности цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России объективно влияли социальные причины и факторы. На всех этапах экономической деятельности (производство, распределение, потребление) ключевую роль играли люди, их интересы и возможности. Социальная база формировала специалистов и управленцев, определяла специфику потребления, выдвигала требования к работодателю. Наиболее значимым социальным фактором мы считаем уровень квалификации специалистов

в области информационных технологий. Советская система образования здесь имела явные провалы, которые выражались в недостаточном внимании к преподаванию предметов, связанных со знаниями в области компьютерной грамотности и информационных технологий. В 1990-е гг. данная ситуация стала меняться в лучшую сторону, хоть и с большим трудом. Во многом этому способствовала реформа общего и профессионального образования, которая позволила увеличить аудиторные часы на изучение информационных технологий. В учебные планы и программы внедрялись общеобразовательные и общепрофессиональные предметы, ориентированные на работу с использованием компьютерных программ и информационных технологий. Это поддерживалось и ростом требований к имеющимся компетенциям со стороны работодателей предприятий ТЭК [62. С. 23]. В конце рассматриваемого периода Министерство образования и науки РФ совместно с профильными учреждениями взяло курс на построение системы подготовки квалифицированных кадров в области критических информационных технологий для обеспечения комплексной системы подготовки среднего и высшего образования [63. Л. 17].

Данная политика находила адекватный отклик в молодежной среде, которая лучше других социальных слоев населения понимала перспективность такого курса. Материально-экономическая привлекательность предприятий и компаний ТЭК служила дополнительным мотивом повышения собственной квалификации в области информационных технологий, без которых в начале XXI в. уже была немыслима какая-либо эффективная профессиональная деятельность, тем более карьерный рост. Фактическим доказательством динамичного повышения уровня компьютерной грамотности в производственно-экономической деятельности стал рост конкурентоспособности российских IT-специалистов на мировом рынке труда [21].

Немаловажным фактором повышения уровня цифровизации производственно-экономической деятельности являлась ответственность бизнеса за безопасность условий труда. Особенно это касалось трудовой деятельности в такой опасной отрасли, как угольная промышленность. Несмотря на положительную динамику 1990-х гг., данная проблема сохраняла свою актуальность до конца рассматриваемого периода. После

трагических событий на российских шахтах в 2007 и 2010 гг., сопровождавшихся массовой гибелью людей, здесь стали еще больше использовать различные средства контроля. Их большая часть поддерживалась такими современными технологиями, как цифровые высокоскоростные системы для организации подземной мобильной связи, позиционирования персонала и техники, аварийного оповещения персонала, а также портативные устройства контроля безопасности и т.п. В результате уровень безопасности на отечественных шахтах повысился «от нескольких процентов до сотни раз» [64. С. 190–191]. Государство усиливало контроль в сфере промышленной безопасности, поэтому данной проблемой были не в меньшей мере обеспокоены предприятия и других отраслей топливно-энергетического комплекса. Там также внедрялись ультрасовременное оборудование и системы, позволявшие эффективнее контролировать безопасность труда [65. С. 11].

Таким образом, социальные причины и факторы в реальности были не менее значимыми в деле цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса, чем какие-либо другие, хоть и были менее заметны экспертам в области функционирования данного сегмента народного хозяйства.

Заключение

Широкий спектр причин и факторов цифровизации предприятий топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв. позволил достаточно эффективно решать данную задачу, поддерживая вполне конкурентоспособный уровень на мировых рынках, а также формировать государственную политику с учетом макроэкономических и социальных интересов. В целом бизнес, общество и государство в рассматриваемый период заложили основы снижения зависимости от внешнего фактора динамичного внедрения цифровых продуктов. Явной проблемой, сдерживавшей рост внутренних возможностей распространения цифровых технологий в ТЭК России, было отсутствие крупного межотраслевого научно-технологического центра, способного генерировать и претворять в жизнь передовые технологии. Вопрос о создании инновационного центра «Сколково» еще только обсуждался...

Список источников

1. Житников А.В., Ярош А.С. О развитии цифровизации в современной России // Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. 2021. № 3. С. 65–72.
2. Maksimov I.A., Kostin K.B., Berezovskaya A.A. Modern Trends in Global Energy and Assessment of the Ever-Increasing Role of Digitalization // Energies 2022. Vol. 15. Art. 8767. URL: <https://doi.org/10.3390/en15228767> (accessed: 06.08.2023).
3. Бодрова Е.В. Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 5–15.
4. Козлова А.В. Энергетическая безопасность России в современных условиях: проблемы и перспективы // Современный миропорядок и Россия : сб. ст. / под общ. ред. В.А. Михайлова. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2005. С. 105–118.
5. Сендеров С.М., Рабчук В.И., Пяткова Н.И. Анализ выполнения требований энергетической безопасности при реализации различных направлений развития ТЭК страны до 2020 г. // Энергетика. 2009. № 5. С. 17–23.
6. Плакиткин Ю.А., Плакиткина Л.С. Мировой инновационный проект «Индустрия-4.0» – возможности применения в угольной отрасли России. 1. Программа «Индустрия-4.0» – новые подходы и решения // Уголь. 2017. № 10. С. 44–51.
7. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63.
8. Зозуля А.В., Зозуля П.В., Титов С.А. Эффективность использования цифровых технологий в производственных процессах угольной промышленности // Уголь. 2022. № 9. С. 47–52.

9. Шевелев Ю.А. Оценка научно-технологического комплекса России и тенденции развития ТЭК // Регион: экономика и социология. 2013. № 2. С. 18–21.
10. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация : анализ, тренды, мировой опыт. 2-е изд., испр. и доп. М. : КомНьюс Груп, 2019. 368 с.
11. Наракидзе Н.Д., Ланкин А.М., Ланкин М.В., Гладких С.А., Король В.И. Цифровизация инженерной деятельности в электроэнергетике : учеб. пособие. Новочеркасск : Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ) им. М.И. Платова, 2022. 100 с.
12. Марголин И.Д., Дубовская Н.П. Основные этапы развития искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2018. № 20 (206). С. 23–26. URL: <https://moluch.ru/archive/206/50536/> (дата обращения: 29.08.2023).
13. Дмитриевский А.Н., Мартынов В.Г., Абукова Л.А., Еремин Н.А. Цифровизация и интеллектуализация нефтегазовых месторождений // Автоматизация и ИТ в нефтегазовой области. 2016. № 2 (24). С. 13–19.
14. Об итогах работы топливно-энергетического комплекса России в 1999 г. и основных направлениях деятельности на 2000 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10240. Оп. 1. Д. 2917.
15. Пяткова Н.И. и др. Энергетическая безопасность России: проблемы и пути решения / отв. ред. Н.И. Воропай, М.Б. Чельцов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. 198 с.
16. Герасимова И. Интеллектуальная добыча // Neftgaz.RU. 2019. № 3. URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/pervaya-strochka/346594-intellektualnaya-dobycha/> (дата обращения: 03.08.2023).
17. Энергетический бюллетень (февраль 2014 г.) // ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 205.
18. Хитрых Д. О цифровой трансформации энергетической отрасли // Энергетическая политика. 2021. № 10 (164). С. 76–89.
19. Протокол № 4 заседания Пленума Тюменского обкома КПСС, 26 января 1991 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 160. Д. 987.
20. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в экономической ретроспективе // Цифровая экономика. 2018. № 1. С. 5–19.
21. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 г. // Президент Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3> (дата обращения: 13.08.2023).
22. Текущий архив «Росинформугля» – филиал ФГБУ «РЭА».
23. Воспоминания В.Н. Лифшица : стенограмма беседы от 27 марта 2023 г.
24. О первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке инновационной деятельности в промышленности : постановление Правительства РФ, 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3650.
25. Массель Л.В., Воропай Н.И., Сендеров С.М., Массель А.Г. Кибербезопасность как одна из стратегических угроз энергетической безопасности России // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 2–10.
26. Селецкис Я.Ю. Развитие ТЭК России в условиях глобализации: новые тенденции, проблемы и перспективы : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14. М., 2008. 167 с.
27. Петренко Е.В. Развитие инновационной деятельности в угольной отрасли России // Уголь. 2006. № 1. С. 30–33.
28. Петренко Е.В. Управление прорывными направлениями инновационной деятельности в угольной отрасли // Уголь. 2006. № 7. 36–38.
29. Жуков Ю.Н. Компьютерная модель полевой многофункциональной системы // ТЭК и ресурсы Кузбасса. 2006. № 4. С. 70–74.
30. Жуков Ю.Н. Электронная модель предприятия сотовой угледобычи (в порядке обсуждения) // ТЭК и ресурсы Кузбасса. 2007. № 4. С. 66–69.
31. Михеев Г.М., Шевцов В.М., Федоров Ю.А., Баталыгин С.Н. Цифровое осциллографирование для оперативного контроля состояния высоковольтного выключателя // Промышленная энергетика. 2007. № 2. С. 18–22.
32. Решение № 21 заседания секции «Новые высокие технологии для газовой промышленности» ОАО «Газпром», документы к заседанию 1998 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 977. Оп. 1. Д. 1585.
33. Справки министерств, ведомств, комитетов, научных организаций, отделов ЦК КПСС и др., отложившиеся у Рыжкова Н.И. в связи с подготовкой и проведением совещания в ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу. Август–ноябрь 1983 – ноябрь 1984 г. // РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 57.
34. Кобец Б.Б., Волкова И.О. Инновационное развитие электроэнергетики на базе концепции Smart Grid. М. : Энергия, 2010. 208 с.
35. Дмитриев С.С. Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М. : ИМЭМО РАН, 2014. 162 с.
36. Плакаткин Ю.А. Технологические ступени XXI в. и их влияние на развитие мировой энергетики // Энергетика. 2010. № 4. С. 13–25.
37. Скруг В.С. Трансформация промышленности в цифровой экономике: проблемы и перспективы // Креативная экономика. 2018. Т. 12, № 7. С. 943–952.
38. Техничко-экономические показатели работы акционерного общества за 1997 год // Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 563.
39. Письмо А.В. Хлунова А.А. Фурсенко «Об итогах российско-германских переговоров в межведомственном формате», 2005 г. // ГАРФ. Ф. 10255. Оп. 1. Д. 19.
40. Информационные технологии в горном деле / отв. ред. А.А. Козырев. Апатиты : КНЦ РАН, 1998. Ч. 1. 188 с.
41. Стенограмма семинара «XXVII съезд КПСС и возрастание руководящей роли партии в ускорении научно-технического прогресса», состоявшегося 29–30 октября 1986 г. в ИМЛ при ЦК КПСС // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 39. Д. 102.
42. Документы по развитию электронной, энергетической и электротехнической промышленности (справки, предложения, письма и др.), 2 апреля 1992 – 25 июня 1992 // ГАРФ. Ф. 10062. Оп. 1. Д. 776.
43. РГАЭ. Ф. 10069. Оп. 1. Д. 3812.
44. Рясин В.И. Энергетическая безопасность региона в условиях реформирования электроэнергетики. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 216 с.
45. Дело о первоочередных мерах по развитию и государственной поддержке инновационной деятельности в промышленности. Т. 2: 25 сентября 1995 – 26 декабря 1995 // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3651.
46. Переписка с Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации по вопросам подготовки проекта плана реализации Концепции развития профессиональной подвижной радиосвязи и стратегии развития информационного общества в Российской Федерации за 2008 год, 19 марта 2008 – 24 марта 2008 // ГАРФ. Ф. 10216. Оп. 1. Д. 527.
47. Информационно-аналитический доклад Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации об инновационной деятельности промышленных организаций России в 2008 году // ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 208.
48. Макаров А.А., Кейко А.В., Плакаткин Ю.А. и др. Исследование путей и темпов развития низкоуглеродной энергетики в России / под ред. А.А. Макарова. М. : ИНЭИ РАН, 2022. 137 с.
49. Проект «Программы первоочередных мер по обеспечению государственной поддержки инновационной деятельности в Российской Федерации», 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3651.
50. Баринаева В.А., Девятова А.А., Ломов Д.Ю. Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16, № 4. С. 126–145.
51. Стенограмма семинара «XXVII съезд КПСС и возрастание руководящей роли партии в ускорении научно-технического прогресса», состоявшегося 29–30 октября 1986 г. в ИМЛ при ЦК КПСС // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 39. Д. 324.
52. Кулясова Е.В. Цифровизация химической промышленности: стратегия и механизм. Смоленск : Универсум, 2020. 176 с.
53. Справка о выполнении программы научно-технического перевооружения Восточной нефтяной компании // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318.

54. Информация о научно-техническом обеспечении ОАО «ВНК» // ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 108.
55. Дьяков Ю.И., Кузьмин А.П., Коновалов А.Б., Паршуков А.Д. Угольный Кузбасс : страницы истории. Кемерово : Агентство рекламных форм, 2005. 459 с.
56. Дмитриевский А.Н., Еремин Н.А., Ложников П.С., Клиновенко С.А., Столяров В.Е., Сафарова В.А. Интеллектуальные инновационные технологии при строительстве скважин и эксплуатации нефтегазовых месторождений // Газовая промышленность. 2021. № 3. С. 96–105.
57. О ходе выполнения программы научно-технического перевооружения ВНК, 1998 г, 08 июня // ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318.
58. Седых А.Д. История развития газовой промышленности. 2-е изд., доп. и перераб. М. : ИРЦ Газпром, 2008. 347 с.
59. Концепция цифровой трансформации ТЭК Российской Федерации на период до 2024 года и с перспективой до 2035 года // Текущий архив ФГБУ «Российское энергетическое агентство».
60. Отчет о деятельности центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ в 2007 году // ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 80.
61. Шпраер А.В. Высокотехнологичные услуги: инновационный фактор развития топливно-энергетического комплекса. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2011. 191 с.
62. Рожков А.А., Соловченко И.С., Коркина Т.А., Ложилова М.А. Инженерно-технический состав угольной отрасли России: ретроспектива, современное состояние, прогноз // Уголь. 2020. № 4. С. 16–25.
63. Федеральная целевая программа «Развитие вычислительной техники и компьютерных технологий», 2007 г. // РГАЭ. Ф. 10255. Оп. 1. Д. 154.
64. Панихидников С.А. Инновации в обеспечении безопасности жизнедеятельности на угольных шахтах России. СПб. : СПбГУТ, 2017. 212 с.
65. Селезнев В.Е., Алешин В.В., Прялов С.Н. Современные компьютерные тренажеры в трубопроводном транспорте : математические методы моделирования и практическое применение. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. 199 с.

References

1. Zhitnikov, A.V. & Yarosh, A.S. (2021) O razvitiі tsifrovizatsii v sovremennoy Rossii [On the development of digitalization in modern Russia]. *Vestnik nauchnogo tsentra po bezopasnosti rabot v ugol'noy promyshlennosti*. 3. pp. 65–72.
2. Maksimov, I.A., Kostin, K.B. & Berezovskaya, A.A. (2022) Modern Trends in Global Energy and Assessment of the Ever-Increasing Role of Digitalization. *Energies* 2022. 15. Art. 8767. [Online] Available from: <https://doi.org/10.3390/en15228767> (Accessed: 6th August 2023).
3. Bodrova, E.V. (2022) Development of projects of reforming of the scientific and technical sphere and results of their realization in the context of transition of the Russian Federation to the market. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/80/1
4. Kozlova, A.V. (2005) Energeticheskaya bezopasnost' Rossii v sovremennykh usloviyakh: problemy i perspektivy [Energy security of Russia in modern conditions: problems and prospects]. In: Mikhaylov, V.A. (ed.) *Sovremennyy mirovoyadok i Rossiya* [Modern World Order and Russia]. Moscow: Russian Academy of State Service under the President of the Russian Federation. pp. 105–118.
5. Senderov, S.M., Rabchuk, V.I. & Pyatkova, N.I. (2009) Analiz voplneniya trebovaniy energeticheskoy bezopasnosti pri realizatsii razlichnykh napravleniy razvitiya TEK strany do 2020 g. [An analysis of the implementation of energy security requirements in the implementation of various directions of development of the country's fuel and energy complex until 2020]. *Energetika*. 5. pp. 17–23.
6. Plakitkin, Yu.A. & Plakitkina, L.S. (2017) Mirovoy innovatsionnyy projekt "Industriya-4.0" – vozmozhnosti primeneniya v ugol'noy otrasli Rossii. 1. Programma "Industriya-4.0" – novye podkhody i resheniya [Global innovative project "Industry 4.0" – possibilities of application in the Russian coal industry. 1. The Industry 4.0 program – new approaches and solutions]. *Ugol'*. 10. pp. 44–51.
7. Khalin, V.G. & Chernova, G.V. (2018) Tsifrovizatsiya i ee vliyaniye na rossiyskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks]. *Upravlencheskoe konsul'tirovaniye*. 10. pp. 46–63.
8. Zozulya, A.V., Zozulya, P.V. & Titov, S.A. (2022) Effektivnost' ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v proizvodstvennykh protsessakh ugol'noy promyshlennosti [Efficiency of using digital technologies in production processes of the coal industry]. *Ugol'*. 9. pp. 47–52.
9. Shevelev, Yu.A. (2013) Otsenka nauchno-tekhnologicheskogo kompleksa Rossii i tendentsii razvitiya TEK [Assessment of the scientific and technological complex of Russia and trends in the development of the fuel and energy complex]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*. 2. pp. 18–21.
10. Prokhorov, A. & Konik, L. (2019) *Tsifrovaya transformatsiya: analiz, trendy, mirovoy opyt* [Digital transformation: Analysis, trends, world experience]. 2nd ed. Moscow: KomN'yus Grup.
11. Narakidze, N.D., Lankin, A.M., Lankin, M.V., Gladikh, S.A. & Korol, V.I. (2022) *Tsifrovizatsiya inzhenernoy deyatel'nosti v elektroenergetike* [Digitalization of engineering activities in the electric power industry]. Novocherkassk: South-Russian State Technical University.
12. Margolin, I.D. & Dubovskaya, N.P. (2018) Osnovnyye etapy razvitiya iskusstvennogo intellekta [Main stages of AI development]. *Molodoy uchenyy*. 20(206). pp. 23–26. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/206/50536/> (Accessed: 29th August 2023).
13. Dmitrievskiy, A.N., Martynov, V.G., Abukova, L.A. & Eremine, N.A. (2016) Tsifrovizatsiya i intellektualizatsiya neftegazovykh mestorozhdeniy [Digitalization and intellectualization of oil and gas fields]. *Avtomatizatsiya i IT v neftegazovoy oblasti*. 2(24). pp. 13–19.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Ob itogakh raboty toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii v 1999 g. i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti na 2000 g.* [On the results of the work of the fuel and energy complex of Russia in 1999 and the main directions of activity for 2000]. Fund 10240. List 1. File 2917.
15. Pyatkova, N.I. et al. (2011) *Energeticheskaya bezopasnost' Rossii: problemy i puti resheniya* [Energy security of Russia: Problems and solutions]. Novosibirsk: SB RAS.
16. Gerasimova, I. (2019) Intellektual'naya dobycha [Intelligent production]. *Neftegaz.RU*. 3. [Online] Available from: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/pervaya-strochka/346594-intellektualnaya-dobycha/> (Accessed: 3rd August 2023).
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (2014) *Energeticheskyy byulleten' (fevral' 2014 g.)* [Energy Bulletin (February 2014)]. Fund 10342. List 3. File 205.
18. Khitrykh, D. (2021) O tsifrovoy transformatsii energeticheskoy otrasli [On the digital transformation of the energy industry]. *Energeticheskaya politika*. 10(164). pp. 76–89.
19. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). (1991) *Protokol № 4 zasedaniya Plenuma Tyumenskogo obkoma KPSS, 26 yanvarya 1991 g.* [Minutes No. 4 of the meeting of the Plenum of the Tyumen Regional Committee of the CPSU, January 26, 1991]. Fund 17. List 160. File 987.
20. Kozyrev, A.N. (2018) Tsifrovaya ekonomika i tsifrovizatsiya v ekonomicheskoy retrospektive [Digital economy and digitalization in economic retrospect]. *Tsifrovaya ekonomika*. 1. pp. 5–19.
21. Russian Federation. (2016) *O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.12.2016 № 642 g.* [On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree No. 642 of the President of the Russian Federation dated December 1, 2016]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/3> (Accessed: 13th August 2023).
22. The current archive of Rosinformugol, a branch of the Federal State Budgetary Institution REA.
23. Lifshits, V.N. (2023) *Vospominaniya V.N. Lifshitsa* [Memoirs of V.N. Lifshitz]. Transcript of conversation dated March 27, 2023.

24. Russian Federation. (1995) *O pervoocherednykh merakh po razvitiyu i gosudarstvennoy podderzhke innovatsionnoy deyatel'nosti v promyshlennosti: postanovlenie Pravitel'stva RF, 1995 g.* [On priority measures for the development and state support of innovative activities in industry: Decree of the Government of the Russian Federation, 1995]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10200. List 5. File 3650.
25. Massel, L.V., Voropay, N.I., Senderov, S.M. & Massel, A.G. (2016) Kiberopasnost' kak odna iz strategicheskikh ugroz energeticheskoy bezopasnosti Rossii [Cyber danger as one of the strategic threats to Russia's energy security]. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 4(17). pp. 2–10.
26. Seletskis, Ya.Yu. (2008) *Razvitie TEK Rossii v usloviyakh globalizatsii: novye tendentsii, problemy i perspektivy* [Development of the Russian fuel and energy complex in the context of globalization: New trends, problems and prospects]. Economy Cand. Diss. Moscow.
27. Petrenko, E.V. (2006) *Razvitie innovatsionnoy deyatel'nosti v ugol'noy otrasli Rossii* [Development of innovative activity in the Russian coal industry]. *Ugol'*. 1. pp. 30–33.
28. Petrenko, E.V. (2006) *Upravlenie proryvnymi napravleniyami innovatsionnoy deyatel'nosti v ugol'noy otrasli* [Management of breakthrough areas of innovation activity in the coal industry]. *Ugol'*. 7. 36–38.
29. Zhukov, Yu.N. (2006) *Komp'yuternaya model' polevoy mnogofunktsional'noy sistemy* [Computer model of a field multifunctional system]. *TEK i resursy Kuzbassa*. 4. pp. 70–74.
30. Zhukov, Yu.N. (2007) *Elektronnaya model' predpriyatiya sotovoy ugledobychi (v poryadke obsuzhdeniya)* [The electronic model of a cellular coal mining enterprise (in order of discussion)]. *TEK i resursy Kuzbassa*. 4. pp. 66–69.
31. Mikheev, G.M., Shevtsov, V.M., Fedorov, Yu.A. & Batalygin, S.N. (2007) *Tsifrovoye ostsiollografirovaniye dlya operativnogo kontrolya sostoyaniya vysokovol'tnogo vyklyuchatelya* [Digital oscillography for operational monitoring of the state of a high-voltage switch]. *Promyshlennaya energetika*. 2. pp. 18–22.
32. The Russian State Archive of Economics (RGAE). (1998) *Reshenie № 21 zasedaniya sekti "Novye vysokie tekhnologii dlya gazovoy promyshlennosti" OAO "Gazprom", dokumenty k zasedaniyu 1998 g.* [Decision No. 21 of the meeting of the section "New high technologies for the gas industry" of OJSC Gazprom, documents for the 1998 meeting]. Fund 977. List 1. File 1585.
33. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). *Spravki ministerstv, vedomstv, komitetov, nauchnykh organizatsiy, otdelov TsK KPSS i dr., otlozhivshiesya u Ryzhkova N.I. v svyazi s podgotovkoy i provedeniem soveshchaniya v TsK KPSS po nauchno-tekhnicheskomu progressu* [Certificates from ministries, departments, committees, scientific organizations, departments of the CPSU Central Committee, etc., deposited with Ryzhkov N.I. in connection with the preparation and holding of a meeting in the CPSU Central Committee on scientific and technological progress]. August–November 1983 – November 1984. Fund 653. List 1. File 57.
34. Kobets, B.B. & Volkova, I.O. (2010) *Innovatsionnoye razvitie elektroenergetiki na baze kontseptsii Smart Grid* [Innovative development of the electric power industry based on the Smart Grid concept]. Moscow: Energiya.
35. Dmitriev, S.S. (2014) *Energeticheskaya strategiya B. Obamy: opora na innovatsii i tekhnologicheskoe liderstvo* [Barack Obama's energy strategy: reliance on innovation and technological leadership]. Moscow: IMEMO RAS.
36. Plakitkin, Yu.A. (2010) *Tekhnologicheskie stupeni XXI v. i ikh vliyaniye na razvitie mirovoy energetiki* [Technological stages of the 21st century. and their influence on the development of world energy]. *Energetika*. 4. pp. 13–25.
37. Skrug, V.S. (2018) *Transformatsiya promyshlennosti v tsifrovoy ekonomike: problemy i perspektivy* [Transformation of industry in the digital economy: Problems and prospects]. *Kreativnaya ekonomika*. 12(7). pp. 943–952.
38. The State Archive of Kuzbass (GAK). (1997) *Tekhniko-ekonomicheskie pokazateli raboty aktsionernogo obshchestva za 1997 god* [Technical and economic performance indicators of the joint-stock company for 1997]. Fund R-183. List 1. File 563.
39. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (2005) *Pis'mo A.V. Khlunova A.A. Fursenko "Ob itogakh rossiysko-germanskikh peregovorov v mezhvedomstvennom formate", 2005* [Letter from A.V. Khlunova to A.A. Fursenko "On the results of Russian-German negotiations in an interdepartmental format," 2005]. Fund 10255. List 1. File 19.
40. Kozyrev, A.A. (1998) *Informatsionnye tekhnologii v gornom dele* [Information technologies in mining]. Vol. 1. Apatity: RAS.
41. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). (1986) *Stenogramma seminar "XXVII s"ezd KPSS i vozzrastaniye rukovodyashchey roli partii v uskorenii nauchno-tekhnicheskogo progressa", sostoyavshegosya 29–30 oktyabrya 1986 g. v IML pri TsK KPSS* [Transcript of the seminar "XXVII Congress of the CPSU and the increasing leadership role of the party in accelerating scientific and technological progress," held on October 29–30, 1986 at the IML under the CPSU Central Committee]. Fund 71. List 39. File 102.
42. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1992) *Dokumenty po razvitiyu elektronnoy, energeticheskoy i elektrotekhnicheskoy promyshlennosti (spravki, predlozheniya, pis'ma i dr.), 2 aprelya 1992 – 25 iyunya 1992* [Documents on the development of the electronic, energy and electrical industries (certificates, proposals, letters, etc.), April 2, 1992 – June 25, 1992]. Fund 10062. List 1. File 776.
43. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 10069. List 1. File 3812.
44. Ryasin, V.I. (2005) *Energeticheskaya bezopasnost' regiona v usloviyakh reformirovaniya elektroenergetiki* [Energy security of the region in the context of reforming the electric power industry]. Ivanovo: Ivanovo State University.
45. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1995) *Delo o pervoocherednykh merakh po razvitiyu i gosudarstvennoy podderzhke innovatsionnoy deyatel'nosti v promyshlennosti* [The case of priority measures for the development and state support of innovative activities in industry]. Vol. 2. Fund 10200. List 5. File 3651.
46. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (2008) *Perepiska s Ministerstvom informatsionnykh tekhnologii i svyazi Rossiyskoy Federatsii po voprosam podgotovki projekta plana realizatsii Kontseptsii razvitiya professional'noy podvizhnoy radiosvyazi i strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii za 2008 god, 19 marta 2008 – 24 marta 2008* [Correspondence with the Ministry of Information Technologies and Communications of the Russian Federation on the preparation of a draft implementation plan for the Concept for the development of professional mobile radio communications and the strategy for the development of the information society in the Russian Federation for 2008, March 19, 2008 – March 24, 2008]. Fund 10216. List 1. File 527.
47. The State Archive of the Russian Federation (GARF). *Informatsionno-analiticheskiy doklad Analiticheskogo tsentra pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii ob innovatsionnoy deyatel'nosti promyshlennykh organizatsiy Rossii v 2008 godu* [Information and analytical report of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation on the innovative activities of industrial organizations in Russia in 2008]. Fund 10342. List 3. File 208.
48. Makarov, A.A., Keyko, A.V., Plakitkin, Yu.A. et al. (2022) *Issledovanie putey i tempov razvitiya nizkouglerodnoy energetiki v Rossii* [The study of the ways and rates of development of low-carbon energy in Russia]. Moscow: INEI RAS.
49. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1995) *Proekt "Programmy pervoocherednykh mer po obespecheniyu gosudarstvennoy podderzhki innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii", 1995 g.* [Project "Programs of priority measures to ensure state support for innovation activities in the Russian Federation", 1995]. Fund 10200. List 5. File 3651.
50. Barinova, V.A., Devyatova, A.A. & Lomov, D.Yu. (2021) *Ro'l' tsifrovizatsii v global'nom energeticheskom perekhode i v rossiyskoy energetike* [The role of digitalization in the global energy transition and in the Russian energy sector]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 16(4). pp. 126–145.
51. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). (1986) *Stenogramma seminar "XXVII s"ezd KPSS i vozzrastaniye rukovodyashchey roli partii v uskorenii nauchno-tekhnicheskogo progressa", sostoyavshegosya 29–30 oktyabrya 1986 g. v IML pri TsK KPSS* [Transcript of the seminar "XXVII Congress of the CPSU and the increasing leadership role of the party in accelerating scientific and technological progress," held on October 29–30, 1986 at the IML under the CPSU Central Committee]. Fund 71. List 39. File 324.

52. Kulyasova, E.V. (2020) *Tsifrovizatsiya khimicheskoy promyshlennosti: strategiya i mekhanizm* [Digitalization of the chemical industry: The strategy and mechanism]. Smolensk: Universum.
53. The State Archive of Tomsk Region (GATO). (n.d.) *Spravka o vypolnenii programmy nauchno-tehnicheskogo perevooruzheniya Vostochnoy nefyanoy kompanii* [Certificate on the implementation of the scientific and technical re-equipment program of the Eastern Oil Company]. Fund R-2023. List 1. File 318.
54. The State Archive of Tomsk Region (GATO). (n.d.) *Informatsiya o nauchno-tehnicheskoy obespechenii OAO "VNK"* [Information on scientific and technical support of OJSC "VNC"]. Fund R-2023. List 1. File 108.
55. Dyakov, Yu.I., Kuzmin, A.P., Kononov, A.B. & Parshukov, A.D. (2005) *Ugol'nyy Kuzbass: stranitsy istorii* [The coal of Kuzbass: Pages of history]. Kemerovo: Agentstvo reklamnykh form.
56. Dmitrievskiy, A.N., Eremin, N.A., Lozhnikov, P.S., Klinovenko, S.A., Stolyarov, V.E. & Safarova, V.A. (2021) *Intellectualnye innovatsionnye tekhnologii pri stroitel'stve skvazhin i ekspluatatsii neftegazovykh mestorozhdeniy* [Intelligent innovative technologies in the construction of wells and operation of oil and gas fields]. *Gazovaya promyshlennost'*. 3. pp. 96–105.
57. The State Archive of Tomsk Region (GATO). (1998) *O khode vypolneniya programmy nauchno-tehnicheskogo perevooruzheniya VNK, 1998 g, 08 iyunya* [On the progress of the scientific and technical re-equipment program of the VNC, 1998, June 8]. Fund R-2023. List 1. File 318.
58. Sedykh, A.D. (2008) *Istoriya razvitiya gazovoy promyshlennosti* [History of the development of the gas industry]. 2nd ed. Moscow: IRTs Gazprom.
59. The Current Archive of the Federal State Budgetary Institution "Russian Energy Agency." (n.d.) *Kontseptsiya tsifrovoy transformatsii TEK Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda i s perspektivoy do 2035 goda* [The concept of digital transformation of the fuel and energy complex of the Russian Federation for the period until 2024 and with a view to 2035].
60. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Otchet o deyatelnosti tsentra ekonomicheskoy kon'yunktury pri Pravitel'stve RF v 2007 godu* [Report on the activities of the Center for Economic Conjunction under the Government of the Russian Federation in 2007]. Fund 10342. List 3. File 80.
61. Shraer, A.V. (2011) *Vysokotekhnologichnye uslugi: innovatsionnyy faktor razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa* [High-tech services: an innovative factor in the development of the fuel and energy complex]. St. Petersburg: St. Petersburg SU-EF.
62. Rozhkov, A.A., Solovenko, I.S., Korkina, T.A. & Loshchilova, M.A. (2020) *Inzhenerno-tehnicheskyy sostav ugol'noy otrasli Rossii: retrospektiva, sovremennoe sostoyaniye, prognoz* [Engineering and technical composition of the Russian coal industry: Retrospective, current state, forecast]. *Ugol'*. 4. pp. 16–25.
63. The Russian State Archive of Economics (RGAE). (2007) *Federal'naya tselevaya programma "Razvitie vychislitel'noy tekhniki i komp'yuternykh tekhnologiy", 2007 g.* [Federal target program "Development of computer technology and computer technologies", 2007]. Fund 10255. List 1. File 154.
64. Panikhidnikov, S.A. (2017) *Innovatsii v obespechenii bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti na ugol'nykh shakhtakh Rossii* [Innovations in ensuring life safety in Russian coal mines]. St. Petersburg: St. Petersburg SUT.
65. Seleznev, V.E., Aleshin, V.V. & Pryalov, S.N. (2014) *Sovremennyye komp'yuternyye trenazhery v truboprovodnom transporte: matematicheskiye metody modelirovaniya i prakticheskoye primeneniye* [Modern computer simulators in pipeline transport: Mathematical modeling methods and practical application]. Moscow; Berlin: Direkt-Media.

Сведения об авторах:

Соловенко Игорь Сергеевич – доцент, доктор исторических наук, доцент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: solovenko71@mail.ru

Рожков Анатолий Алексеевич – профессор, доктор экономических наук, начальник отдела аналитических исследований и краткосрочного прогнозирования развития угольной промышленности Российского энергетического агентства (ФГБУ «РЭА») Минэнерго России (Москва, Россия). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Пинжин Кирилл Александрович – студент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: pinzhin98@mail.ru

Жолбин Андрей Павлович – студент Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: pszholbin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Solovenko Igor S. – Associate Professor, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Rozhkov Anatoly A. – Professor, Doctor of Economics, Head of the Department of Analytical Research and Short-Term Forecasting of the Development of the Coal Industry of the Russian Energy Agency (FGBU «REA») of the Ministry of Energy of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Pinzhin Kirill A. – student, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pinzhin98@mail.ru.

Zholbin Andrey P. – student, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pszholbin@gmail.com.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 20.10.2023; accepted for publication 01.04.2024

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEW

Рецензия

УДК 94(571.51)“1918/20”

doi: 10.17223/19988613/88/23

Гражданское общество в жерновах Гражданской войны. Рецензия: Дементьев А.П., Дробченко В.А. Сессии органов местного самоуправления, съезды, конференции, совещания общественных организаций и социальных групп Енисейской губернии в период Гражданской войны (май 1918 г. – февраль 1920 г.) / науч. ред. Э.И. Черняк. Красноярск: Союз краеведов Енисейской Сибири, 2023. 400 с.

Николай Семёнович Ларьков

Томский государственный университет, Томск, Россия, larkov@mail.tsu.ru

Аннотация. Анализируется книга А.П. Дементьева и В.А. Дробченко, содержащая систематизированные сведения о наиболее значимых формах проявления общественной активности населения Енисейской губернии в период Гражданской войны. Охарактеризованы структура и содержание сборника. Дана оценка использованной авторами-составителями источниковой базы и методики представления документированной информации. Отмечены отдельные неточности и упущения. Обоснован вывод о том, что книга значительно пополняет массив опубликованных источников по истории Гражданской войны на востоке России.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Енисейская губерния, общественная активность

Для цитирования: Ларьков Н.С. Гражданское общество в жерновах Гражданской войны. Рецензия: Дементьев А.П., Дробченко В.А. Сессии органов местного самоуправления, съезды, конференции, совещания общественных организаций и социальных групп Енисейской губернии в период Гражданской войны (май 1918 г. – февраль 1920 г.) / науч. ред. Э.И. Черняк. Красноярск: Союз краеведов Енисейской Сибири, 2023. 400 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 88. С. 202–207. doi: 10.17223/19988613/88/23

Book review

Civil society in the millstones of the Civil War. Review: Dementiev A.P., Drobchenko V.A. Sessions of local governments, congresses, conferences, meetings of public organizations and social groups of the Yenisei province during the Civil War (May 1918 – February 1920) / Scientific ed. E.I. Chernyak. Krasnoyarsk: Union of Local Historians of Yenisei Siberia, 2023. 400 p.

Nikolay S. Larkov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, larkov@mail.tsu.ru

Abstract. The review analyzes the book of Doctor of Historical Sciences V. A. Drobchenko and Candidate of Historical Sciences A. P. Dementiev, which contains systematized information about 255 of the most significant forms of manifestation (events) of social activity of the population of the Yenisei province during the Civil War in Russia. The first of its two sections contains information about sessions of local governments, congresses, conferences, meetings, plenums of public organizations and social groups held from the end of May to the end of November 1918, the second section contains events from December 1918 to March 1920. A harmonious addition to the main content of the collection is a well-executed historical essay "Yenisei province on the eve and during the Civil War" with a volume of 52 pages. The review evaluates the extensive array of historical sources used by the authors, based on archival documents and periodicals. The structure of the event description is characterized, including 12 parameters (date, venue, number of delegates, their composition, the content of the decisions taken, including full-text resolutions and resolutions, etc.). Attention is drawn to the continuity of the reviewed book with a 9-volume edition devoted to similar events in the Siberian provinces in 1917-1918, which was prepared by historians of Tomsk State University in the early 1990s. It is noted that the greatest share in the book is information about forums held during the existence of anti-Soviet regimes of power by such public structures and social groups as zemstvo bodies, cooperatives, teachers, entrepreneurs, Cossacks, etc. The authors devoted a lot of attention to the forms of manifestation of social activity by participants in the mass anti-Kolchak insurgent-

partisan movement. The documents published in the collection show that along with the civil war escalation, the dialogue of society with the authorities in the territory of the Yenisei province was rapidly decreasing, and in the Kolchak region it actually stopped. Under the conditions of the military dictatorship, there was no place for an autonomous social life. As a result, the process of forming civil society in Russia, which had not been completed by that time, led to its grinding in the millstones of the Civil War. Despite the inaccuracies and omissions found in the book, in general, the documented information presented in it on the nature and forms of public activity of the population of the Yenisei province significantly replenishes the array of published sources on the history of the Civil War in eastern Russia, thereby contributing to their wider use by historians, local historians and all those interested in Siberian history.

Keywords: Civil War in Russia, Yenisei province, social activity

For citation: Larkov, N.S. (2024) Civil society in the millstones of the Civil War. Review: Dementiev A.P., Drobchenko V.A. Sessions of local governments, congresses, conferences, meetings of public organizations and social groups of the Yenisei province during the Civil War (May 1918 – February 1920) / Scientific ed. E.I. Chernyak. Krasnoyarsk: Union of Local Historians of Yenisei Siberia, 2023. 400 p. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 88. pp. 202–207. doi: 10.17223/19988613/88/23

«Во время войны законы молчат», – произнес когда-то Цицерон в одной из своих речей. Гражданская война в России с ее непримиримым противостоянием двух военно-террористических диктатур – красной и белой – подтвердила слова знаменитого древнеримского оратора. На протяжении нескольких лет на территории страны вели между собой вооруженную борьбу за власть нелегитимные военно-политические структуры, государственные образования. Победа в этой войне являлась для них главным условием легитимации власти. Оставалось ли в тех условиях место для общественной активности народных масс, чья энергия получила мощный выплеск накануне, во время революционных событий 1917 года? Сохранялась ли почва для гражданского общества, элементы которого стали укореняться в России накануне обрушившихся на страну социально-политических катаклизмов? Частичным ответом на эти вопросы может послужить недавно увидевшая свет книга сибирских историков – доктора исторических наук Владимира Александровича Дробченко и кандидата исторических наук Александра Петровича Дементьева, содержащая документальные свидетельства о наиболее заметных формах проявления общественной активности населения в годы Гражданской войны в одном из крупнейших российских регионов – Енисейской губернии.

В центре внимания авторов-составителей – сессии органов местного самоуправления, съезды, конференции, совещания, пленумы общественных организаций и социальных групп. Следует заметить, что историки давно уже обратили внимание на значимость систематизации документальной информации о такого рода событиях, без которых история российских революций 1917 г. и Гражданской войны была бы неполной. Еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг. сотрудники Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета сумели собрать и обработать значительный объем информации, издав 9 томов документированных материалов о подобных событиях в сибирских губерниях. Хронологически они охватывали период с марта 1917 г. до ноября 1918 г. Один из томов был посвящен Енисейской губернии. Его составителем выступил старший научный сотрудник Проблемной лаборатории кандидат (позднее – доктор) исторических наук Е.Н. Косых [1]. Однако в рамках этого масштабного для своего времени проекта, ориентированного, прежде всего, на революционные события 1917 г. и «триумфальное шествие» советской

власти, был затронут только начальный период Гражданской войны. В дальнейшем работа коллектива лаборатории в силу разных причин была существенно свернута.

Спустя три десятка лет А.П. Дементьев и В.А. Дробченко подхватили эстафету томских историков. При этом они заново отследили события периода с конца мая до октября 1918 г. на территории Енисейской губернии, существенно пополнив их список. Так, если в предшествующем издании нашли отражение сведения лишь о 14 событиях того времени, то в рецензируемой книге фигурирует уже 71 событие. Вдобавок за счет привлечения новых источников авторам удалось расширить информацию о некоторых упоминавшихся ранее форумах, в частности о VII Чрезвычайном съезде Минусинского уезда 21–29 июня 1918 г., Енисейском губернском съезде профессиональных союзов 1–8 сентября 1918 г., II Енисейском губернском кооперативном съезде 27 сентября – 2 октября 1918 г. и др. Всего же в рецензируемой книге содержатся сведения о 255 значимых событиях, произошедших с конца мая 1918 г. до февраля 1920 г., т.е. с момента антибольшевистского вооруженного выступления в Сибири, завершившегося ликвидацией советской власти, до ее восстановления в результате разгрома колчаковщины. Размещенные материалы логично разделены на два периода, границей между которыми явилось установление в ноябре 1918 г. военной диктатуры Верховного правителя адмирала А.В. Колчака.

При характеристике рассматриваемых событий авторы-составители, соблюдая преемственность с прежним изданием, использовали для их описания набор тех же 12 наиболее значимых характеристик. Он включает: дату события; место проведения; количество делегатов и от какого количества граждан, жителей они были избраны; их социальный, партийный, национальный состав; названия представленных учреждений, общественно-политических организаций, партийные фракции, их численность; инициаторы, организаторы съезда; руководители съезда, президиум; повестка дня; докладчики по основным вопросам; содержание принятых и предлагавшихся решений, результаты голосования; источники; примечания. Правда, полное описание по всем перечисленным пунктам получили далеко не все события, поскольку о многих из них в источниках сохранились порой лишь отрывочные сведения.

Обращает на себя внимание широкая источниковая база издания. Авторы использовали прежде всего архивные документы, хранящиеся в государственных

архивах и музейных фондах Красноярска, Москвы, Новосибирска, Минусинска, Енисейска. Важным источником послужила периодическая печать тех лет. Достаточно отметить, что около двух третей (174 из 255) событий включено в книгу на основании информации, почерпнутой исключительно из периодической печати. Сведения о нескольких событиях получены из мемуарных источников, в частности о подпольных союзах нелегальных большевистских организаций.

Отдельной высокой оценки заслуживает подготовленный авторами солидный очерк «Енисейская губерния накануне и в период Гражданской войны» (с. 19–70). В отличие от упомянутого издания томских историков, где в каждом томе присутствуют лишь небольшие, объемом в несколько страниц, предисловия, в очерке А.П. Деметьева и В.А. Дробченко дана обстоятельная характеристика количественного и качественного состава населения губернии, ее административного деления, влияния модернизационных процессов на рубеже XIX–XX вв. на экономическое развитие и трансформацию состава населения, на различные сферы общественной жизни. Охарактеризовано развитие общественного движения в губернии, влияние на него Первой русской революции, мировой войны, революции 1917 г. Освещены революционные процессы в Енисейской губернии в 1917 г. и в первые месяцы 1918 г.

Характеризуя события Гражданской войны на территории губернии, авторы обратили внимание на ряд характерных тенденций и особенностей в процессе ее развертывания. Их суждения и выводы, получившие отражение на страницах очерка, в большинстве своем подтверждаются размещенными в книге документами. На территории Енисейской губернии, по наблюдению авторов, «самой распространенной формой диалога между властью и обществом стали совещания. Они в большинстве случаев созывались представителями власти для решения каких-то конкретных задач». Вместе с тем «тематика совещаний отражала нарастание как внутригубернских, так и общесибирских проблем» (с. 60). Подобное имело место и в других сибирских губерниях. В.М. Рышков в капитальной монографии, посвященной социальной политике антибольшевистских правительств на востоке России, констатирует, что здесь «недемократическая по своему происхождению власть принимала решения после многочисленных согласований – между ведомствами, представителями различных групп общественности» [2. С. 873].

На всем протяжении Гражданской войны регулярно проводили свои собрания и совещания земские и муниципальные органы, реанимированные после свержения советской власти. В книге содержится информация о трех с лишним десятках такого рода событий губернского и уездного уровня. Обращает на себя внимание продолжительность земских собраний. К примеру, Енисейские губернские земские собрания работали по 11 дней (с 3 по 13 сентября 1918 г. и с 21 по 31 марта 1919 г.), Ачинское уездное – 12 дней (9–20 марта 1919 г.), Чрезвычайное Канское уездное – 10 дней (6–15 марта 1919 г.). Насыщенной была также их повестка дня, включавшая десятки вопросов. Пожалуй, рекордсменом стало заседавшее в течение 9 дней Красноярское уездное земское собрание (20–28 февраля 1919 г.), в повестке дня которого значилось 40 вопросов, подготовлено 38 докладов (с. 214–215).

Нужно заметить, что органы самоуправления лишь формально осуществляли власть на местах, занимаясь главным образом решением хозяйственных и культурно-просветительских вопросов. Реально же вся полнота власти принадлежала управляющим губернией и уездами. С лета 1919 г. земства, в руководстве которыми значительную роль играли социалисты-революционеры, стали центром легальной антиколчаковской оппозиции, а в конце декабря 1919 – начале января 1920 г. приняли непосредственное участие в ликвидации колчаковских властных структур в Красноярске. В результате здесь в течение двух недель существовали структуры земско-социалистической власти. Таким образом, земства на короткий период времени выступили активным субъектом общественно-политической жизни. Однако авторы-составители почему-то не включили в книгу события этих недель, связанные с переходом власти от колчаковских структур к большевистским революционным комитетам. Между тем сохранились архивные документы, на которые, в частности, ссылается А.Л. Посадсков, характеризуя состоявшееся 20 декабря 1919 г. в Красноярске экстренное объединенное заседание представителей городской думы, земства, кооперативов, комиссии общественной безопасности, общественных организаций и военных властей, возглавлявшихся генерал-майором Б.М. Зиневичем – сторонником созыва Земского собора [3. С. 79].

Во время Гражданской войны «дополнительный импульс для своего развития, – по наблюдению А.П. Деметьева и В.А. Дробченко, – получила кооперация. Она стала одной из ниш, способствующих выживанию людей» в тех условиях. Сибирской кооперации удалось сохранить накопленный ранее потенциал самостоятельной общественной и хозяйственной силы. Антибольшевистские режимы были заинтересованы в ее развитии, поэтому не чинили кооператорам серьезных препятствий в проведении общих собраний и съездов. Подтверждение тому – три с половиной десятка событий такого рода, зафиксированных на страницах рецензируемого издания, причем в годы Гражданской войны количество кооперативных собраний и совещаний даже «заметно увеличилось по сравнению с предыдущими периодами» (с. 62).

Из числа профессиональных сообществ достаточно высокую активность на территории «белой» Сибири проявляли учителя, в большинстве своем лояльные действующей власти. Они регулярно проводили свои уездные, районные съезды. По утверждению авторов, «учителя оказались одним из немногих профессиональных отрядов, которым в определенной степени даже удалось увеличить членство в своих организациях» (с. 61). Обращают на себя внимание также проявления активности объединений предпринимателей, торговцев, промышленников, членов кредитных обществ. В книге содержатся сведения более чем о десятке проведенных ими съездов и совещаний.

Беспрепятственно проводили свои съезды и совещания казаки и священнослужители, служившие опорой антибольшевистских режимов. В книге приводятся пять событий, связанных с казачеством, в том числе IV съезд енисейских казаков, состоявшийся в начале августа 1918 г. и заявивший о признании и поддержке «всеми имеющимися средствами и силами» Временного Сибирского правительства (с. 117–120), а также

два Больших круга Енисейского казачьего войска в феврале и августе 1919 г., направившие приветственные телеграммы Верховному правителю А.В. Колчаку (с. 210–214, 283–285). Приветствовал Временное Сибирское правительство как «восстановившее поправные большевистской властью права» Енисейский общепархиальный съезд клира и мирян в августе 1918 г. (с. 120–121). Об однозначном отношении к противникам «белой» власти свидетельствуют также использовавшиеся в документах III епархиального собрания духовенства и мирян Енисейской губернии (июнь 1919 г.) фразы о «насилии большевистских банд», «священно-церковнослужителях, убитых бандами красных» (с. 261–263).

Профессиональные союзы рабочих, напротив, по мере развертывания Гражданской войны все в большей степени подвергались репрессиям со стороны властей. Если за пятимесячный период так называемой «демократической контрреволюции» на территории губернии было проведено 10 различных профсоюзных съездов, пленарных заседаний, совещаний, то за более чем годичное время существования колчаковщины в книге зафиксировано лишь 4 события такого рода.

В период колчаковщины усилились репрессии против местных организаций социалистических партий. В книге содержатся сведения лишь о пяти собраниях и совещаниях социалистов-революционеров, меньшевиков и большевиков, причем все они состоялись в июне–декабре 1918 г., при этом оба совещания большевиков – в условиях глубокого подполья.

Определенные признаки жизни подавали культурно-просветительные общества. По крайней мере в книге содержится информация о двух совещаниях их представителей, состоявшихся 19 января и 9 февраля 1919 г. в Красноярске (с. 201–202, 207–208). В первом из них принимали участие Енисейский союз художников, географическое общество, общество по народному образованию, латышское, еврейское общества и некоторые другие. К этим событиям можно было бы добавить отсутствующую в книге информацию о многолюдном торжественном заседании подотдела Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества под председательством В.М. Крутовского, состоявшемся 30 марта 1919 г. по случаю 30-летия Красноярского музея. В одной из публикаций историка Я.В. Капустиной со ссылкой на газету «Енисейский вестник» от 5 апреля 1919 г. отмечается, что «кроме членов общества, на этом мероприятии присутствовали управляющий губернией П.С. Троицкий, его помощник Г.Г. Бондарь, заместитель городского головы Я. Органов, члены управы и других общественных организаций и около 200 человек гостей» [4. С. 96].

Ряд инициированных властями совещаний с участием представителей общественных организаций был обусловлен военной обстановкой, ухудшением экономического положения. На них рассматривались вопросы об организации помощи армии, ее снабжении, о борьбе со спекуляцией, о размещении беженцев и др. Два таких совещания, в том числе об увековечении памяти погибших в мировой войне и в борьбе «за освобождение России от большевистского ига», были проведены по инициативе Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (27 марта и 11 августа 1919 г.). Вместе с тем попытки представителей отдельных общественных организаций по соб-

ственной инициативе достучаться до властей и повлиять на решение некоторых злободневных вопросов терпели неудачу даже в период «демократической контрреволюции». Так, на состоявшейся 27 сентября 1918 г. конференции с участием представителей красноярской губернской и уездной земских управ, красноярской городской управы, губернского комитета партии социалистов-революционеров, городского комитета РСДРП и президиума красноярского совета профессиональных союзов было принято обращение к населению по поводу «покушения на права Сибирской областной думы и попытки переворота, сделанной в Омске реакционными кругами». Однако подготовленное к распространению это обращение было конфисковано по распоряжению прокурора краевого окружного суда (с. 152). Гласом вопиющего в пустыне обернулась попытка представителей городского самоуправления, земства, совета профессиональных союзов, партий эсеров и меньшевиков в октябре 1918 г. протестовать против применения военно-полевого суда к арестованным советским деятелям (с. 172–174). По приговору Чрезвычайного военно-полевого суда при эшелоне № 49 чехословацких войск пятеро бывших советских руководителей г. Красноярска в ночь на 25 октября были расстреляны [5. С. 56].

Значительное место в книге по праву отведено съездам, конференциям, совещаниям, состоявшимся в районах, охваченных массовым повстанческо-партизанским движением (39 из 255 событий, причем около половины из них составляли съезды). Дело в том, что Енисейская губерния в годы Гражданской войны была одним из основных очагов этого движения на востоке России. На обширных территориях, освобожденных повстанцами и партизанами, ликвидировались колчаковские структуры и создавались советы как общедемократические, общекрестьянские органы власти и управления. По справедливому утверждению авторов, «съезды стали важным элементом социально-политической самоорганизации населения», «сыграли огромную роль в развитии движения, в его организационном оформлении и структурировании, формировании органов военного и гражданского управления» (с. 66–67). По форме созыва, способам проведения партизанские съезды и конференции во многом были похожи на такого же рода форумы периода революции 1917 г. и «первой советской власти», что не в последнюю очередь было связано с участием в них бывших советских работников, а также членов левых социалистических партий. Одновременно в них проступали также черты сельских сходов. Вместе с тем реалии повстанческо-партизанского движения, переплетение в нем элементов сознательности и стихийности, широкое распространение настроений стихийного анархизма, доминирование на освобожденных партизанами территориях «человека с ружьем», многочисленные эксцессы уголовного характера стали основанием для бытующих в исторической литературе далеко не однозначных оценок этого военно-политического феномена. В частности, вряд ли можно согласиться с авторами рецензируемой книги, утверждающими, что повстанческо-партизанское «движение в своей сущности так и осталось бунтарско-погромным, анархо-бандитским» (с. 67), что противоречит, помимо прочего, содержанию представленных в ней партизанских документов.

Авторам-составителям удалось собрать и включить в сборник информацию о большинстве повстанческо-партизанских съездов, конференций, совещаний. Тем не менее ряд архивных документов выпал из поля их зрения, что сказалось в том числе на полноте и точности некоторых описываемых событий. В частности, отсутствует информация об «объединенном заседании представителей от всех отрядов» Шиткинского фронта, состоявшемся 30 марта 1919 г., на котором был избран новый состав главного штаба во главе с Ф.М. Чайковским, сформированы следственная комиссия и революционный суд, ревизионная комиссия, а также «политический орган» из 8 человек [6. Д. 3. Л. 92; 7. Д. 847. Л. 3]. В фонде П-64 Государственного архива Красноярского края [7. Д. 867. Л. 1–4] хранится рукописный подлинник протокола «Заседания делегатов отрядов Шиткинского фронта», состоявшегося в д. Шиткино Канского уезда 2 мая 1919 г., в котором приняли участие 22 делегата с решающим и 3 – с совещательным голосом. В повестке дня значилось 5 вопросов. Между тем в сборнике (с. 237–240) со ссылкой на другой архивный документ (без указания его подлинности) количество делегатов этой военной конференции почему-то уменьшилось до 16, а повестка дня – до 4 вопросов. По неполному протоколу приведены сведения о конференции гражданского населения Шиткинского района, состоявшейся с 13 по 16 мая 1919 г. В результате в книге на с. 242–246 датой ее проведения обозначен лишь один день – 13 мая, а из 31 вопроса повестки дня охарактеризовано только 16. При этом в более полном рукописном подлиннике протокола, который составлял второй секретарь этой конференции А.К. Кепул, указано точное число ее участников – 36 человек, и зафиксирован ход обсуждения всех вопросов с принятыми по ним решениями [7. Д. 864. Л. 8–16]. Здесь же приводится полный список из 15 членов совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, избранных на этой конференции [7. Д. 864. Л. 17 об.]. Неточной является указанная в сборнике дата проведения съезда представителей отрядов Шиткинского фронта в с. Петропавловском Канского уезда – 12 июля 1919 г. (с. 266). В действительности съезд продолжался с 12 по 15 июля [8. Д. 1. Л. 20]. О большей его продолжительности можно также узнать из опубликованной еще в 1920-е гг. протокольной записи съезда [9. С. 224–232]. Еще об одном событии – конференции гражданского населения Шиткинского района – на с. 382 сообщается, что она состоялась 1 февраля 1920 г., тогда как конференция продолжалась с 1 по 4 февраля. В рукописном подлиннике протокола [7. Д. 864. Л. 65–70] содержится отсутствующая в книге важная информация о том, что в повестке дня конференции были доклад по текущему моменту, доклады с мест, доклад от тыла. Приведена резолюция по текущему моменту, а также список членов, избранных в новый состав районного совета. Отсутствует в книге информация о «съезде представителей трудящегося крестьянства» Канского уезда с участием 84 делегатов, состоявшемся 20 января 1920 г., на котором выступил с докладом представитель Красной армии Ямов. В принятой резолюции, в частности, отмечалось: «Велико и радостно теперь наше соединение с Советской Россией и вступление нас в одну семью трудящихся. Мы верим, что победа на стороне трудящихся, что через власть советов мы

неизбежно придем к коммунизму и обещаемся напрячь все свои силы для укрепления Советской власти и защиты прав трудящихся всего мира. Да здравствует Советская власть! Да здравствует мировая социалистическая федеративная Советская республика!» [10. Д. 28. Л. 53].

Вызывает вопросы размещение в рецензируемой книге без соответствующих примечаний информации о почти десятке собраний и совещаний на основании лишь газетных сообщений, предварявших эти события (с. 221, 228, 276, 277, 387 и др.). Не факт, что все они состоялись в указанные сроки и что их повестка дня в полной мере соответствовала объявленной, если учесть, что сами авторы в примечаниях к некоторым другим совещаниям указывают, что даты их проведения по несколько раз переносились.

Неполнотой в ряде случаев страдают легенды, сопровождающие тексты архивных документов: отсутствует указание о способе воспроизводства документа – рукопись, машинопись; о подлинности – подлинник, копия (с. 86, 102, 107, 120 и др.).

Несмотря на встречающиеся в сборнике неточности и упущения, выполненная авторами-составителями объемная работа по выявлению и систематизации сведений о сессиях органов местного самоуправления, съездах, конференциях, совещаниях общественных организаций и социальных групп позволяет получить достаточно полное представление об уровне общественной активности и ее динамике в Енисейской губернии в годы Гражданской войны. Эта активность количественно и качественно выглядела несравнимо слабее по сравнению с предыдущим революционным периодом, когда, по утверждению Э.И. Черняка, «форумы как независимые объединения олицетворяли собой процесс формирования и жизнедеятельности гражданского общества, которое в период 1917–1918 гг. достигло максимально возможного развития» [11. С. 229]. По мере эскалации гражданской войны диалог с властью стремительно сокращался, а в условиях колчаковщины фактически прекратился. «Съезды как выразители интересов масс в диктаторские режимы не вписывались, они нужны были лишь как декоративные украшения этих режимов, символизирующих единство народа и власти», – констатируют авторы рецензируемой книги (с. 70). Вместе с тем, по их мнению, «все же режим Колчака был диктатурой, при которой сохранялись, хотя и в крайне урезанном виде, институты демократии» (с. 59). Правда, наличие отдельных деформированных элементов институционального каркаса гражданского общества не дает, конечно, оснований говорить о какой-либо автономной общественной жизни под диктаторской властью. Крайне ограниченной она была и на освобожденных партизанами территориях. Не завершившийся к тому времени в России процесс формирования гражданского общества привел к его перемалыванию в жерновах Гражданской войны.

В целом представленная в рецензируемой книге систематизированная документированная информация о характере и формах проявления общественной активности населения Енисейской губернии значительно пополняет имеющуюся базу опубликованных источников по истории Гражданской войны на востоке России, способствуя тем самым более широкому их использо-

ванию историками, краеведами и всеми интересующимися сибирской историей. Проведенная А.П. Дементьевым и В.А. Дробченко поисковая и исследовательская работа позволяет надеяться на ее продолжение и появление публикаций аналогичных источников периода Гражданской войны в других сибирских регионах.

В заключение нельзя не упомянуть о поддержке рецензируемого издания со стороны региональной обще-

ственной организации Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири» и фонда «История Отечества». Нелишне также отметить качественную верстку, корректуру, полиграфическое оформление книги, включая обложку с фотографией делегатов состоявшего в сентябре 1918 г. Енисейского губернского кооперативного съезда, изначально настраивающую читателя на встречу с эпохой, отстоящей от нас на сто с лишним лет.

Список источников

1. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск : Том. гос. ун-т. 1991. 219 с.
2. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России : идеология, законодательство, практика (июнь 1918 – октябрь 1922). М. : Кучково поле, 2022. 1039 с.
3. Посадсков А.Л. Две недели без государственной власти: Красноярск под земским управлением (23 декабря 1919 – 5 января 1920 г.) // История белой Сибири : материалы VII Междунар. конф. Кемерово, 2009. С. 78–84.
4. Капустина Я.В. Культурная жизнь города Красноярска в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 321. С. 95–97.
5. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск : Версо, 2008. 416 с.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39175. Оп. 1.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-64. Оп. 1.
8. РГВА. Ф. 39176. Оп. 1.
9. Партизанское движение в Сибири. М.–Л. : Госиздат, 1925. Т. 1: Приенисейский край. 295 + XV с.
10. ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1.
11. Черняк Э.И. Революция в Сибири : съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 238 с.

References

1. Kosykh, E.N. (ed.) (1991) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Eniseyskoy gubernii (mart 1917 – noyabr' 1918 gg.)* [Congresses, conferences and meetings of social-class, political, religious, national organizations in the Yenisei province (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Rynkov, V.M. (2022) *Sotsial'naya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv na vostoке Rossii: ideologiya, zakonodatel'stvo, praktika (iyun' 1918 – oktyabr' 1922)* [Social policy of anti-Bolshevik governments in eastern Russia: ideology, legislation, practice (June 1918 – October 1922)]. Moscow: Kuchkovo pole.
3. Posadskov, A.L. (2009) *Dve nedeli bez gosudarstvennoy vlasti: Krasnoyarsk pod zemskim upravleniem (23 dekabrya 1919 – 5 yanvarya 1920 g.)* [Two weeks without state power: Krasnoyarsk under zemstvo control (December 23, 1919 – January 5, 1920)]. *Istoriya beloy Sibiri* [History of White Siberia]. Proc. of the Seventh International Conference. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 78–84.
4. Kapustina, Ya.V. (2009) *Kul'turnaya zhizn' goroda Krasnoyarska v gody Grazhdanskoy voyny* [The cultural life of the city of Krasnoyarsk during the Civil War]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 321. pp. 95–97.
5. Marmyshev, A.V. & Eliseenko, A.G. (2008) *Grazhdanskaya voyna v Eniseyskoy gubernii* [The civil war in the Yenisei province]. Krasnoyarsk: Verso.
6. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39175. List 1.
7. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-64. List 1.
8. The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 39176. List 1.
9. Maksakov, V.V. (1925) *Partizanskoe dvizhenie v Sibiri* [The guerrilla movement in Siberia]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
10. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund R-53. List 1.
11. Chernyak, E.I. (2001) *Revolutsiya v Sibiri: s"ezdy, konferentsii i soveshchaniya obshchestvennykh ob"edineniy i organizatsiy (mart 1917 – noyabr' 1918 goda)* [The revolution in Siberia: congresses, conferences and meetings of public associations and organizations (March 1917 – November 1918)]. Tomsk: Tomsk State University.

Сведения об авторе:

Ларьков Николай Семёнович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Larkov Nikolay S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larkov@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024; принята к публикации 01.04.2024

The article was submitted 06.02.2024; accepted for publication 01.04.2024

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2024 № 88

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 27.04.2024 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 26,0. Усл. печ. л. 24,2. Тираж 50 экз. Заказ № 5897. Цена свободная.

Дата выхода в свет 13.05.2024 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru